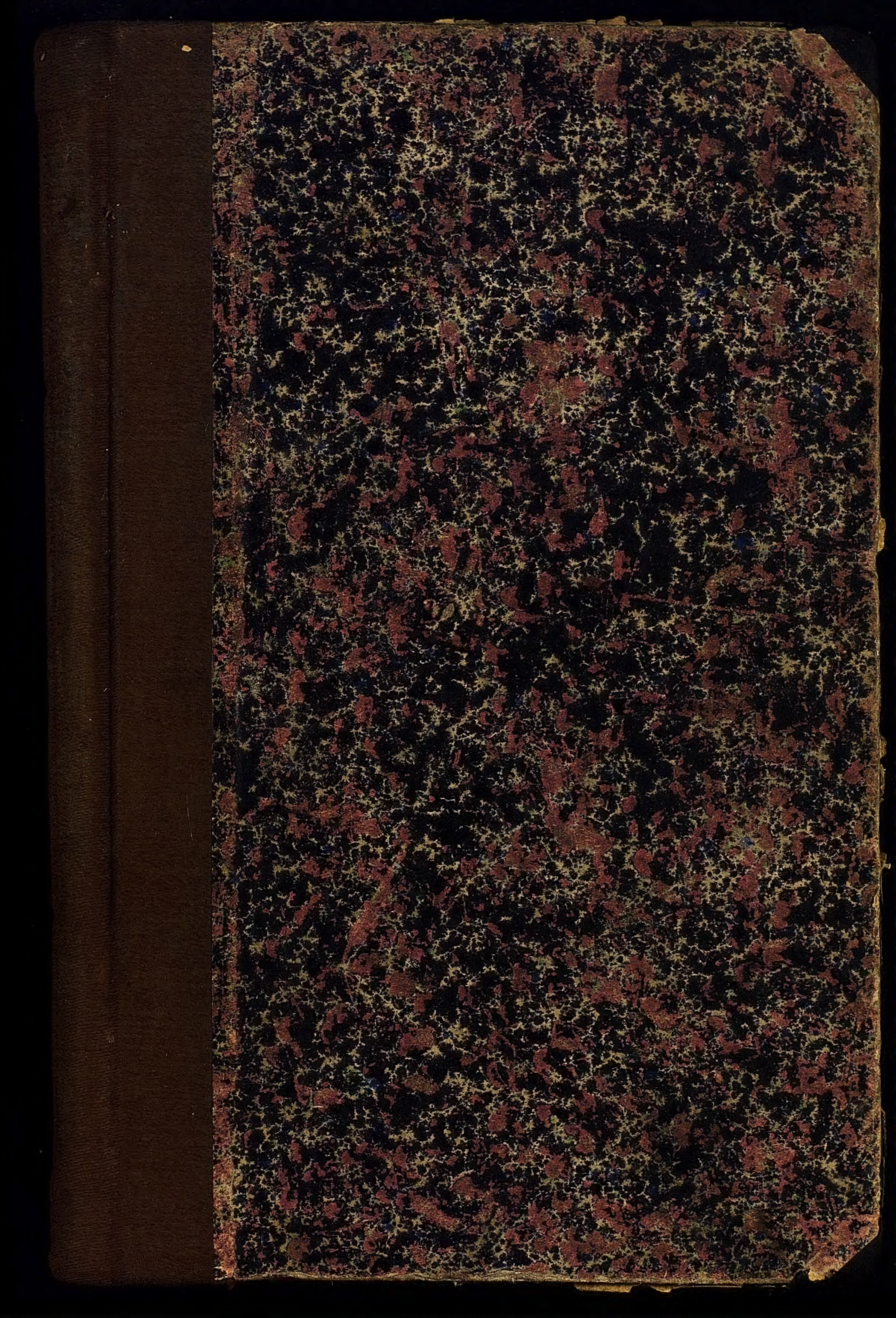




Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1903.

Стр.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LXVII. — ТОМЪ CCCXCIII — 1/14 ЯНВАРЯ 1903.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

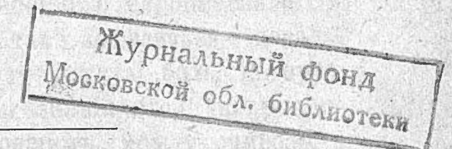
ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ I



РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1903



3209

РИМЪ

и

РИМСКАЯ „РЕЛИГІЯ“

ОЧЕРКЪ.

I.

Современный Римъ представляетъ взору наблюдателя любопытное и въ извѣстныхъ отношеніяхъ трагическое зрѣлище: зрѣлище борьбы живого и жаждущаго жизни существа со своимъ чрезмѣрно великимъ прошлымъ. Достаточно вдуматься въ значеніе происшедшей съ нимъ метаморфозы, когда бывшая столица міра превратилась въ столицу второстепеннаго европейскаго государства, значеніе этой—если можно такъ выразиться—девальваціи Вѣчнаго-Города, чтобы понять ту жгучую боль, которую исконные обитатели испытываютъ отъ сознанія этой диспропорціональности между прошлымъ и настоящимъ, между символомъ и дѣйствительностью. Противъ этой боли есть только одно средство—мечта, утопія: „Римъ дважды продиктовалъ міру свои законы—онъ продиктуетъ ихъ ему и въ третій разъ“... Отсюда тѣ порывы, тѣ болѣзненныя и изнуряющія потуги, о плачевныхъ послѣдствіяхъ которыхъ мы слышимъ иногда; это—не что̀ иное, какъ почти патологическія явленія въ сознаніи города, чувствующаго себя наслѣдникомъ великаго имени и тяготящагося своимъ положеніемъ, какъ столицы средней руки и „космополиса“ сомнительнаго достоинства.

И нѣтъ сомнѣнія, что эти потуги еще не разъ заставятъ говорить о себѣ; все-же, пока онѣ не увѣнчаются успѣхомъ—а успѣхъ въ предѣлахъ ближайшаго будущаго неправдоподобенъ—Римъ останется для цивилизованнаго міра тѣмъ, чѣмъ былъ до сихъ поръ: громаднымъ городомъ-памятникомъ, свидѣтелемъ и символомъ культурныхъ стремленій европейскаго человѣчества. И можно сказать по истинѣ: такимъ городомъ-памятникомъ онъ былъ во всѣ времена, о которыхъ помнитъ исторія. Цѣпь памяти растягивается, чѣмъ болѣе звеньевъ прибавляется къ прошлому; но мы не можемъ указать времени, когда бы взоры людей не были обращены къ прошлому, когда бы принадлежащія прошлому звенья не казались больше и лучше тѣхъ, которыя наростали въ настоящемъ. Не только современные римляне любуются твореніями эпохъ Сикста Пятаго или Юлія Второго, не только Гибеллины папской эпохи мечтали о міровой власти цезарей, не только оппозиція императорскаго времени воздыхала, при видѣ форума, о свободномъ словѣ республиканскихъ ораторовъ — и они, эти республиканскіе ораторы, видѣли въ прошломъ величіе своего Рима: какъ горы надъ холмами, такъ надъ Цицеронами и Помпеями возвышались Сципіоны и Павлы эпохи великихъ войнъ. А тамъ поднимались Регулы и Фабриціи, а за ними—Деціи и Папиріи, далѣе—Коріоланы и Камиллы, вплоть до исполиновъ сказочной старины, сыновей и собесѣдниковъ безсмертныхъ боговъ, Ромуловъ и Нумъ. Всегда римлянинъ видѣлъ свое прошлое окруженнымъ ослѣпительной зарей, при свѣтѣ которой всѣ лица и предметы выростали до предѣловъ неземного и чудеснаго; причину этой иллюзіи объясняетъ намъ историкъ Рима, Ливій, который самъ ей подчинялся сознательно и охотно—сознательно какъ историкъ, охотно какъ римлянинъ—„miscendo humana divinis"... Всѣ или почти всѣ памятники древняго и новаго Рима прямо или косвенно—памятники религіозные. Римъ и религія издревле состоятъ въ таинственномъ родствѣ; недаромъ самое слово „религія", принятое всѣми культурными народами и ни въ одномъ не замѣненное словомъ самобытнаго происхожденія—создано Римомъ. „Религія"—это не то, что вѣра, или исповѣданіе, или благочестіе; это—таинственная цѣпь, „связывающая" (religans) насъ съ чѣмъ-то выше насъ, въ чемъ бы оно ни заключалось. Мы можемъ прекратить всѣ практики благочестія, можемъ отказаться отъ всѣхъ догматовъ, составляющихъ какое-нибудь исповѣданіе, можемъ даже потерять всякую вѣру—но мы остаемся религіозны до тѣхъ поръ, пока отводимъ въ

своемъ міросозерцаніи извѣстную область великому Непознаваемому и сознаемъ всю нашу относимость къ нему.

Такъ понималъ самъ Римъ свою религію; такъ отъ него научились понимать ее всѣ религіозные люди всего культурнаго міра. Религія Рима, такимъ образомъ, не то же, что христіанство или католицизмъ, хотя она и можетъ, конечно, заключаться и въ томъ, и въ другомъ. И въ этомъ состоитъ всемірное значеніе Рима также и въ нынѣшнія времена, далеко выходящее за предѣлы той области земного шара, которая объединена съ нимъ единствомъ исповѣданія. Можно даже сказать: чѣмъ менѣе міросозерцаніе человѣка укладывается въ рамки опредѣленнаго исповѣданія, тѣмъ болѣе будетъ онъ чувствовать притягательную силу Рима, какъ мірового религіознаго центра. Примѣръ этому мы видѣли и у насъ въ очень недавнемъ прошломъ: величіе Рима не умаляется тѣмъ превратнымъ и низменнымъ толкованіемъ, которому онъ подвергся и подвергается, благодаря убожеству и узости взглядовъ толкователей.

Въ виду этого, и исторія развитія *римской религіи* представляетъ особый интересъ: изслѣдуя ее, мы изслѣдуемъ исторію развитія религіи на ея родной почвѣ. Это положеніе можетъ показаться парадоксальнымъ: мы такъ свыклись, со словъ нѣкоторыхъ филологовъ и историковъ послѣдняго столѣтія, съ представленіемъ о Римѣ какъ о какой-то культурной Харибдѣ, которая поглотила Грецію и Востокъ и, украсивъ себя ихъ доспѣхами, ничего своего цивилизованному міру не дала! И въ матеріальномъ отношеніи это представленіе—съ нѣкоторыми оговорками—остается справедливымъ, какъ это мы увидимъ и въ настоящемъ очеркѣ. Но въ томъ-то и заключается ошибка упомянутыхъ ученыхъ, что они слишкомъ подчеркиваютъ матеріальную сторону и забываютъ о томъ, что при всѣхъ неоспоримыхъ заимствованіяхъ составляетъ исконное достояніе Рима. И нигдѣ важность этой ошибки не сказывается такъ сильно, какъ въ затронутомъ нами здѣсь вопросѣ. Фактъ греческихъ и восточныхъ заимствованій несомнѣненъ; ихъ объемъ таковъ, что никакое представленіе о нихъ нельзя будетъ назвать преувеличеннымъ; и все-таки, если насъ спросятъ: „да что же останется отъ римской религіи, если устранить изъ нея всѣ греческіе и восточные элементы?“—мы вправѣ будемъ отвѣтить: „останется—religio“.

И всѣ эти заимствованія, не лишая римскую религію ея характера, какъ самобытнаго достоянія римской почвы, придаютъ въ то же время изученію ея развитія особую прелесть: значеніе Рима, какъ города-памятника, выступаетъ здѣсь съ особенной

силой. Произведите, освоившись съ Римомъ и его музеями, хронологическій смотръ его археологическимъ сокровищамъ: грубые и безвкусные, но таинственные въ своей добровольной простотѣ остатки первобытной эпохи смѣняются грубыми же, но заносчивыми произведеніями этрусскаго искусства, наводнившими Римъ во времена Тарквиніевъ; за ними идутъ, уже съ первыхъ годовъ республики, творенія греческихъ художниковъ въ послѣдовательномъ чередованіи стилей—отъ первоначальной строгости современниковъ Коріолана до пышности александрійской эпохи, за которой послѣдовала реакція. Въ одно время съ ней состоялось вторженіе восточныхъ мотивовъ, преимущественно египетскихъ; вскорѣ за нимъ послѣдовалъ упадокъ, а затѣмъ и перерожденіе подъ вліяніемъ христіанства. Всѣ эти метаморфозы римскаго искусства сопровождались соотвѣтственными метаморфозами римской религіи; мало того, они были ими вызываемы. И современный изслѣдователь римской археологіи очень поверхностно отнесется къ своей задачѣ, если онъ, изучая преемство и чередованіе художественныхъ стилей, обойдетъ своимъ вниманіемъ внутреннюю сторону изучаемыхъ явленій—развитіе римской религіи.

Такимъ образомъ, эта религія представляетъ намъ совершенно своеобразное, нигдѣ, кромѣ Рима, не наблюдаемое зрѣлище. Въ Индіи старинная религія Ведъ порождаетъ брахманизмъ, который въ дальнѣйшемъ органическомъ развитіи выдѣляетъ изъ себя буддизмъ—именно выдѣляетъ, такъ какъ новая религія, будучи прямымъ отрицаніемъ старой, не могла ужиться съ ней и, вытѣсненная силой, должна была искать себѣ послѣдователей внѣ предѣловъ своей первоначальной родины. Въ Иранѣ равнымъ образомъ новая религія—религія Заратустры—органически выростаетъ изъ стариннаго многобожія, но, продолжая жить и дѣйствовать на первоначальной почвѣ, мало-по-малу опять подчиняется ея вліянію и принимаетъ въ себя нѣкоторые ея элементы. На берегахъ Іордана чудесно зародившаяся религія любви, послѣ кратковременнаго бурнаго сожительства съ іудаизмомъ, окончательно выдѣляется изъ него, оставляя іудаизмъ въ его прежней самобытной чистотѣ. Въ Греціи религія Аполлона, будучи—быть можетъ и даже вѣроятно—не-греческаго происхожденія, тысячью нитей сростается съ первобытной религіей Зевса и становится, благодаря этому, самымъ яркимъ показателемъ греческаго генія. Вездѣ мы имѣемъ органическое развитіе, процессъ естественной эволюціи и ассимиляціи; въ Римѣ—не то. Эволюція римской религіи состояла въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ наслоеній, которыя не ассимилировались съ первоначальной почвой рели-

гіозныхъ представленій: чужое такъ и оставалось чужимъ и познавалось какъ таковое. Его вліяніе на сердца римлянъ объясняется только тѣмъ, что они въ этомъ чужомъ узнавали элементъ родственный тому, что̀ было для нихъ роднымъ, и въ то же время сознавали, что тамъ онъ воплощенъ ярче, сильнѣе, дѣйствительнѣе; имя этому элементу—religio. И вотъ причина, почему христіанство нашло именно въ Римѣ такую благодарную почву: будучи отрицаніемъ всѣхъ прочихъ религій тогдашняго цивилизованнаго міра, съ іудаизмомъ включительно, оно было только послѣднимъ фазисомъ развитія римской религіи. Уже давно было замѣчено, что война, объявленная христіанствомъ Риму, касалась не того, что̀ въ немъ было исконно римскаго, а позднѣйшихъ греческихъ и восточныхъ наслоеній; достаточно было этимъ наслоеніямъ отпасть—и Римъ, и „христіанство" познали другъ друга и другъ съ другомъ слились. Греческій великій Панъ умеръ, когда надъ его міромъ возсіялъ Крестъ; но римская religio не только продолжала жить,—она еще сильнѣе воспылала подъ новымъ знаменемъ.

II.

Все-же должно признать, что не развитыя только-что соображенія были причиной изученія того, что̀ мы нынѣ называемъ римской религіей: когда оно началось,—ни своеобразный характеръ ея эволюціи, ни ея гармонія съ христіанствомъ не сознавались. Объ эволюціи и рѣчи не было; всѣ явленія изучаемаго предмета понимались какъ сосуществующія, внѣ категорій времени—въ чемъ, впрочемъ, заключалась доля истины. Равнымъ образомъ, и гармоніи съ христіанствомъ не находили и не искали; совершенно напротивъ: именно, антагонизмъ воскрешаемаго великаго языческаго Рима съ папскимъ и послужилъ стимуломъ къ изученію „древностей" перваго, съ его религіей включительно. Торжество Возрожденія при папскомъ дворѣ не измѣнило этого положенія дѣлъ: гуманисты, дававшіе папамъ Николаю V и Юлію II языческій титулъ „Pontifex maximus", даже не подозрѣвали, до какой степени они были правы—они просто угождали своему гуманистическому стремленію перенести, вмѣстѣ съ чистой и звучной латынью Цицерона, также и всю обстановку древняго Рима въ новый.

Когда, затѣмъ, центромъ изученія и воспроизведенія античности стала Франція, римская религія пріобрѣла въ глазахъ ученыхъ и общества новый интересъ, но все-же не тотъ, о кото-

ромъ выше говорили мы. Древній Олимпъ окружалъ образованнаго человѣка повсюду: онъ глядѣлъ на него съ перекрестковъ чинныхъ аллей королевскихъ парковъ; онъ улыбался ему съ разукрашенныхъ потолковъ золоченыхъ залъ; онъ разговаривалъ съ нимъ съ подмостковъ театровъ; онъ то-и-дѣло мелькалъ передъ нимъ на страницахъ его любимыхъ книгъ. Олимпъ же этотъ безразлично обнималъ и греческихъ, и римскихъ боговъ; всѣ они одинаково подходили подъ общее понятіе: „древняя миѳологія". И въ этомъ была доля правды: въ сущности, Горацій и Овидій понимали своихъ боговъ немного иначе.

Затѣмъ, англо-германскій неогуманизмъ объявилъ войну французскому классицизму; но его побѣда была въ значительной степени побѣдой эллинизма надъ романизмомъ, интересъ къ которому значительно понизился, пока его не воскресилъ Нибуръ; воскресилъ же онъ его подъ знаменемъ критики. Критика была третьей пѣстуньей римской религіи; въ ея вѣдѣніи она пребываетъ и понынѣ. Нельзя сказать, чтобы она баловала свою питомицу; вѣрная своему имени, означающему по-гречески „выдѣленіе", она главнымъ образомъ старалась „выдѣлить" изъ римской религіи все то, что̀ принадлежало другимъ народамъ и спеціально Греціи. „Древняя миѳологія" была забракована; на ея мѣстѣ появилась „греческая миѳологія" и, рядомъ съ нею, гораздо болѣе блѣдная и убогая „римская миѳологія". Всѣ миѳы, до троянской войны включительно, поступали въ первую; скитанія Энея на пути изъ Трои въ Италію образовали пограничную область; ну, а Латинъ съ Аматой, албанскіе цари, сказаніе о Ромулѣ и Ремѣ — это уже „римская миѳологія". Но, какъ ни была бѣдна область этой послѣдней—и ея не оставляли неприкосновенною; во имя той же критики, ее то-и-дѣло урѣзывали, доказывая, что тотъ или другой римскій миѳъ—не что иное, какъ перелицовка такого-то греческаго, произведенная не то услужливымъ грекомъ, не то римскимъ поэтомъ, ради вящшей славы его родины. Подъ-конецъ, „римская миѳологія" улетучилась.

Къ счастью, этотъ отрицательный результатъ былъ не единственнымъ плодомъ научной дѣятельности въ „критическую" эпоху: параллельно съ выдѣленіемъ чужеземнаго шло пріобщеніе родного, оставившаго слѣды какъ въ литературѣ, такъ и въ непосредственныхъ памятникахъ жизни древняго Рима, произведеніяхъ искусства—преимущественно строительнаго—и особенно надписяхъ. Расширеніе и изученіе этого матеріала составляло вторую зиждительную сторону дѣятельности новой науки: что̀ теряла римская миѳологія, то выигрывала римская религія. Всѣмъ

извѣстно имя геніальнаго ученаго, навсегда связанное съ исторіей этой дѣятельности—имя Теодора Моммзена; его работы уже съ давнихъ поръ лежали въ основѣ всѣхъ изложеній римской религіи, поскольку эти послѣднія претендовали на научность, но своего изложенія онъ, занятый другими капитальными трудами, не далъ и, конечно, уже не дастъ.

Зато мы знали, что одинъ изъ его талантливѣйшихъ учениковъ, Георгій Виссова, уже цѣлый рядъ лѣтъ работаетъ надъ тѣмъ, чтобы самостоятельно, хотя и въ духѣ своего учителя, восполнить этотъ пробѣлъ и дать намъ стоящее на высотѣ науки изложеніе римской религіи. Доказательство своей компетентности онъ представилъ въ довольно почтенномъ числѣ изслѣдованій, изъ которыхъ нѣкоторыя были настоящими шедёврами и озаряли совершенно новымъ свѣтомъ темную область первоначальной римской религіи; къ нимъ принадлежитъ и рядъ статей, которыя этотъ неутомимый ученый обнародовалъ въ издаваемой имъ же огромной „Реальной энциклопедіи классической древности". Теперь его труды, поскольку они касаются римской религіи, закончены: весной настоящаго года появилась его книга о ней, озаглавленная: „Religion und Kultus der Römer" (Мюнхенъ, 1902). Это сочиненіе знаменуетъ собой новый этапъ въ развитіи нашей науки: данъ сводъ всему, что̀ было сдѣлано до сихъ поръ—притомъ сводъ до того солидный и полный, что даже въ терпѣливой и усидчивой нѣмецкой филологіи найдется немного равныхъ ему—и вмѣстѣ съ тѣмъ положено основаніе дальнѣйшимъ изысканіямъ. Автору настоящаго очерка, вложившему, въ свое время, и свою лепту въ науку о римской религіи, пріятно было убѣдиться, что и его работы приняты во вниманіе и вошли въ составъ научной системы нѣмецкаго филолога; но, разумѣется, не это чисто личное побужденіе, не то маловажное для науки обстоятельство, что нѣсколько кирпичей въ обширномъ зданіи Виссовы обозначены его именемъ, заставило его взяться за перо. Нѣтъ; какъ человѣкъ, съ давнихъ поръ занимающійся римской религіей, но не ею исключительно, я съ особымъ интересомъ и, можно сказать, волненіемъ, прочелъ ученое и талантливое изложеніе автора и, при чтеніи, невольно пріобщалъ къ нему элементы, сознательно устраненные авторомъ, какъ несоотвѣтствующіе строго-филологической физіономіи его книги—элементы общерелигіознаго, историко-философскаго характера... Спѣшу тутъ оговориться: словами „сознательно устраненные", я не хочу сказать, что авторъ не придавалъ имъ значенія—въ этой узости взглядовъ, свойственной нѣкоторымъ

филологамъ-ремесленникамъ, Виссову никакъ упрекнуть нельзя. Совершенно наоборотъ: именно потому, что онъ сознавалъ ихъ важность, онъ не желалъ допускать ихъ съ дилеттантскимъ произволомъ, полагая въ то же время, что для строго научнаго ихъ сліянія съ его матеріаломъ время еще не созрѣло. Но то, что еще неосуществимо для крупнаго руководства, скорѣе можетъ удаться въ предѣлахъ небольшого очерка, въ которомъ мы вправѣ ограничиться изображеніемъ руководящихъ идей и иллюстрацій къ нимъ и не обязаны освѣщать каждую частность въ духѣ теоріи и указывать мельчайшимъ фактамъ ихъ мѣсто въ общей системѣ. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ шансы получить картину интересную и если не во всемъ тождественную съ истиной, то гораздо болѣе къ ней приближающуюся, чѣмъ ходячія представленія.

Эта картина и будетъ содержаніемъ слѣдующихъ главъ.

III.

На своей начальной ступени римская религія представляетъ намъ довольно туманный „полидемонизмъ", съ нѣкоторыми примѣсями „анимизма" и „тотемизма"... Это положеніе вполнѣ справедливо—все-же оно, даже со всѣми иллюстраціями, которыя могутъ быть приведены, даетъ намъ не болѣе чѣмъ внѣшнюю рамку, въ которую была заключена римская религія на искомой ступени ея развитія. Если мы желаемъ проникнуть въ ея душу, мы должны выразиться такъ: въ началѣ была religio. И прежде, чѣмъ идти дальше, мы должны спросить себя, въ чемъ же состояла она, эта religio.

Для этого лучше всего будетъ сравнить между собою два божества, позднѣе отождествленныя одно съ другимъ—греческую Дэметру и римскую Цереру; здѣсь, къ счастью, процессъ чувствованія и мышленія у обоихъ народовъ вполнѣ ясенъ. Что такое Дэметра? Это прежде всего, употребляя выраженіе д'Аннунціо, символъ „возрожденія хлѣба"; въ этомъ отношеніи она отчасти совпадаетъ съ римской Церерой, почему и была отождествлена съ нею. Но это далеко не все. Присущая греческому духу трансцендентность заставляетъ его выдѣлить силу, производящую это возрожденіе, въ особое божество, живущее особой, личной жизнью. Дэметра „изобрѣла" хлѣбопашество и земледѣліе вообще; она въ древнія времена отправила къ людямъ своего посла и предтечу Триптолема— его прозрачное имя представляетъ

его символомъ трижды вспаханной нивы—для того, чтобы онъ научилъ ихъ воздѣлывать землю; художники любили изображать этотъ великій моментъ, когда благодатная богиня съ лицомъ, дышащимъ добротой и любовью, вручила послушному юношѣ-ученику драгоцѣнные колосья и передала ему, для болѣе быстраго передвиженія, свою колесницу, запряженную крылатыми драконами. Но это только одна сторона дѣятельности и значенія Дэметры: ея дары положили конецъ кочевой жизни человѣчества; она сдѣлала его осѣдлымъ, заставила его основать общину и повиноваться ея законамъ: эллинъ любилъ Дэметру и поклонялся ей какъ „Дэметрѣ-законодательницѣ"—Dêmêter thesmophoros. И это еще не все: погружаясь въ великое таинство возрожденія хлѣба, эллинъ поражался чудесной идеей чередованія смерти и рожденія, бытія и небытія. Зерно, извлеченное изъ колоса и преданное землѣ, благодаря ея силѣ, вновь всходитъ на поверхность, вновь превращается въ колосъ. Значитъ, нѣтъ гибели, нѣтъ исчезновенія, есть только временное пріостановленіе жизни; такъ, вѣрно, и насъ послѣ смерти ждетъ новая жизнь, и послѣ недолговременнаго пребыванія въ подземномъ мракѣ, мы снова увидимъ солнечный свѣтъ. Въ религію Дэметры вошелъ догматъ о продолженіи жизни за предѣлами смерти, выраженный въ миѳѣ о Дэметрѣ и ея „дочери" (Korê), похищенной у нея богомъ смерти, и затѣмъ возвращенной матери, которая здѣсь только, на этой ступени своего развитія, явилась дѣйствительно „матерью" (Dê-mêtêr). Затѣмъ, самый миѳъ о потерявшей свое дѣтище матери занялъ фантазію эллиновъ: вся прелесть человѣческой материнской любви была перелита въ образъ этой богини, ставшей настоящею Mater dolorosa древности. Все это сдѣлалось содержаніемъ элевсинскаго культа Дэметры—знаменитыхъ на всѣ времена „элевсинскихъ мистерій". Какъ видно изъ этой краткой характеристики, греческая религія Дэметры имѣла въ своемъ ядрѣ чувство — религіозное чувство, вызываемое таинственнымъ событіемъ „возрожденія хлѣба"—но это ядро отовсюду обросло другими чувствами и представленіями, продуктами размышленія и фантазіи.

Если мы теперь желаемъ понять римскую Цереру, то мы должны откинуть все то, что въ греческой Дэметрѣ было продуктомъ размышленія и фантазіи. Мало того: мы должны отрѣшиться отъ того трансцендентальнаго метода чувствованія, который повелъ въ Греціи къ представленію о Церерѣ какъ о свѣтлоликой, ласковой богинѣ: никакого антропоморфизма римская религія первоначально не знала. Мы должны воскресить

передъ собой по возможности конкретно и полно картину волнующейся нивы, какою ее видѣлъ римскій земледѣлецъ—человѣкъ, живущій настоящимъ и совершенно забывшій о томъ, что его предки были кочующими скотоводами или охотниками. Пшеница уже выколосилась, но еще не зацвѣла; любо смотрѣть, какъ при каждомъ дуновеніи вѣтра наклоняются ея сочные, упругіе стебли, любо слушать таинственный рокотъ этихъ зеленыхъ волнъ. И вотъ, то, что̀ онъ видитъ, что̀ онъ слышитъ—это и есть Церера, или, вѣрнѣе, то, что̀ ему любо въ томъ, что̀ онъ видитъ и слышитъ; не представленіе, а чувство лежитъ въ основаніи религіи. Церера—это та сокровенная сила, которая объявляется въ ростѣ хлѣба; она сулитъ крестьянину богатый урожай и наполняетъ его сердце сладкимъ чувствомъ обезпеченности, но она же можетъ и обмануть навѣянныя ею надежды: ростъ можетъ остановиться, колосья, не успѣвъ налиться, станутъ блѣднѣть и сохнуть, зеленая нива преждевременно зажелтѣетъ болѣзненной желтизной—къ сладкому чувству надежды примѣшивается страхъ... Это еще не все, religio складывается не только изъ этихъ двухъ чувствъ; впрочемъ, прежде чѣмъ продолжать, остановимся на нихъ.

Тутъ прежде всего бросается въ глаза контрастъ между греческой и римской религіей: насколько та трансцендентна, настолько эта *имманентна*. Вѣрующій грекъ нисколько бы не удивился, если бы ему гдѣ-нибудь на дорогѣ встрѣтилась его Дэметра въ видѣ высокой и полной женщины, съ ласковой улыбкой на лицѣ; римлянинъ никогда въ такой женщинѣ не призналъ бы своей Цереры,—она объявляется ему исключительно въ ростущемъ хлѣбѣ. Затѣмъ, я нарочно сказалъ: въ *ростущемъ* хлѣбѣ: пока хлѣбъ еще не взошелъ, а посѣянный покоится въ землѣ, его вѣдаетъ не Церера, а Сатурнъ; когда онъ уже выросъ и цвѣтетъ—Флора; когда онъ готовъ къ жатвѣ—Консъ (Consus). Какъ видно отсюда, божество обитаетъ не въ предметѣ, а въ актѣ; чувство надежды и страха вездѣ одинаково, но оно различно окрашивается, смотря по тому, въ какомъ фазисѣ находится выражающій его предметъ, и съ измѣненіемъ этой окраски измѣняется и соотвѣтствующее ей божество. Мы только-что назвали римскую религію имманентною; теперь мы можемъ прибавить еще одно опредѣленіе: будучи имманентна, она не субстанціальна, а *актуальна*. Прошу читателя запомнить это опредѣленіе и не смущаться мнимыми исключеніями, которыя ему подскажетъ его эрудиція; дѣйствительно, встрѣчаются примѣры, въ которыхъ однообразіе и постоянство акта вызываетъ иллюзію суб-

станціальности. Мы ими еще займемся, и тогда призрачность этой субстанціальности станетъ очевидною.

Нетрудно понять, что актуальность религіи имѣетъ предположеніемъ ея имманентность; дѣйствительно, если представить себѣ соединеніе принципа актуальности съ принципомъ трансцендентности, то получатся явныя нелѣпости, постоянно нарождающіяся и исчезающія божества. Полезно будетъ прибавить теперь же, что эти нелѣпости не замедлили явиться; мы увидимъ, какъ римской религіи пришлось, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, принять въ себя принципъ трансцендентности; это повело къ двойственности и противорѣчивости, которая дала обильную пищу критикамъ. Первоначальной римской религіи эти критики не касались; она была вполнѣ цѣльна и послѣдовательна, опираясь на единство чувства, этого источника всякой религіи. Но необходимымъ послѣдствіемъ актуальности римской религіи была, въ-третьихъ, *расплывчатость* ея религіозныхъ представленій; не было и не могло быть строгой разницы между Сатурномъ и Церерой, Церерой и Флорой, Флорой и Консомъ, какъ не было опредѣленной грани между зародившимся и ростущимъ, ростущимъ и цвѣтущимъ, цвѣтущимъ и наливающимся хлѣбомъ. Какъ сами акты переходили одинъ въ другой, такъ и сопровождающія ихъ чувства безсознательно претерпѣвали соотвѣтствующія метаморфозы, а съ чувствами чередуются и божества. Римскія божества, такимъ образомъ, по самой своей природѣ способны къ постоянной *дифференціаціи и интеграціи*: чѣмъ ближе человѣкъ стоитъ къ дѣлу, тѣмъ болѣе будетъ онъ склоненъ къ первой, чѣмъ далѣе—ко второй. Земледѣлецъ съ замираніемъ сердца глядитъ на ростущій хлѣбъ: ахъ, кабы Церера была къ нему милостива!—Внезапно на колосьяхъ появляется ржа. Логика велитъ думать, что Церера разгнѣвалась; но чувство вражды и отвращенія, вызываемое видомъ гибнущаго отъ ржи хлѣба, до того различно отъ того, которое ассоціировалось съ именемъ Цереры, что для него потребовался новый религіозный эквиваленть. Возникъ особый демонъ ржи, Robigus: для его умилостивленія праздновался особый праздникъ, Robigalia (25 апрѣля), причемъ народъ толпами отправлялся къ рощѣ Робига и закапывалъ въ его честь рыжую собаку... Впрочемъ, мы касаемся тутъ новой, составной части римской religio, о которой рѣчь будетъ потомъ... Мы дали только примѣръ дифференціаціи религіозныхъ представленій; она естественно вызывалась близостью человѣка къ дѣлу. Наоборотъ, его удаленіе отъ дѣла поведетъ къ интеграціи. Для живущаго въ пыльномъ и душномъ Римѣ ремеслен-

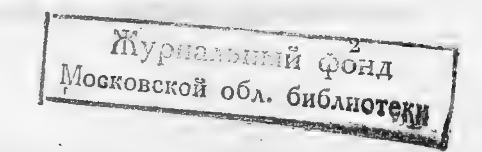
ника акты посѣяннаго, цвѣтущаго, ростущаго и пожинаемаго хлѣба не сопровождаются никакими чувствами; для него существуетъ только актъ покупаемаго хлѣба, т.-е. хлѣба вообще, который онъ будетъ ассоціировать либо съ однимъ изъ названныхъ земледѣльческихъ божествъ—а именно, въ силу историческихъ условій, съ Церерой—либо съ божествомъ новымъ, ad hoc созданнымъ, Анноной („дешевизной урожая"). При вольности какъ дифференціаціи, такъ и интеграціи, можно будетъ сказать, что римская религія пребываетъ въ неустойчивомъ равновѣсіи между двумя полюсами, имѣя къ обоимъ одинаковое стремленіе: дифференціація вела ее къ полюсу пандемонизма, интеграція—къ полюсу пантеизма. Оставимъ пока первый, займемся вторымъ. Согласно сказанному, мы должны будемъ признать, что пантеизмъ, заключавшійся потенціально въ римской религіи, былъ пантеизмомъ актуальнымъ. Это сразу отличаетъ его отъ пантеизма Спинозы, который былъ именно пантеизмомъ субстанціальнымъ, и сближаетъ съ тѣмъ міросозерцаніемъ, которое имѣетъ свое начало въ Гераклитѣ, а свой вѣнецъ въ Шопенгауерѣ. Дѣйствительно, мы какъ нельзя лучше поймемъ и оцѣнимъ римскую религію, говоря — языкомъ нѣмецкаго философа,—что она была *поклоненіемъ міровой Волѣ* въ ея различныхъ проявленіяхъ. Это не значитъ, разумѣется, что римляне были шопенгауеріанцами; это значитъ только, что въ основѣ ихъ религіознаго міросозерцанія лежало то чувство, которое названный геніальный философъ научилъ насъ понимать. Мы можемъ даже идти дальше, пользуясь тѣмъ же языкомъ, и сказать: *римскія божества были объективаціями міровой Воли*; этимъ мы сразу выражаемъ то, что ихъ отличаетъ отъ всякихъ другихъ божествъ.

Міровая Воля, по ученію все того же философа, намъ непосредственно понятна, благодаря тому, что она живетъ въ насъ самихъ въ видѣ нашей личной воли; эта глубокая мысль объясняетъ намъ двѣ другія стороны римской религіи. Одна изъ нихъ—это та, которую мы затронули выше; аналогичность міровой Воли съ нашей личной должна была навести римлянина на ту же мысль, которая для другихъ народовъ была послѣдствіемъ антропоморфическихъ или тэріоморфическихъ представленій объ ихъ божествахъ—на мысль о возможности вліять на эту волю путемъ даровъ и убѣжденій. Конечно, одной этой возможности было мало: надобно было знать, какъ ее приводить въ дѣйствительность, какъ молиться, какія и какъ приносить жертвы. Къ счастью, люди обладали этимъ знаніемъ, пріобрѣвъ его двоякимъ путемъ. Первымъ было откровеніе; предполагалось, что бо-

жество во времена оны добровольно вступило въ общеніе съ людьми и указало имъ обряды его умилостивленія. Такими людьми были исполины сказочной старины, Ромулъ и Нума, собесѣдники боговъ. Ихъ завѣты должны были быть соблюдаемы свято, ни одно слово не должно было быть пропущено въ молитвѣ, ни одно движеніе въ обрядѣ — иначе весь актъ былъ недѣйствителенъ или даже гибеленъ для справляющаго. Но это еще не все: если божество открылось тѣмъ исполинамъ, то благодаря тому, что они были болѣе прочихъ ему родственны—о возможности такого родства скажу ниже. А отсюда слѣдуетъ, что продолженіе этого общенія возможно только подъ условіемъ продолженія самаго родства, т.-е., только для тѣхъ, кто происходилъ отъ избранниковъ божества. Другими словами: обряды должны были передаваться по наслѣдству; съ устраненіемъ преемственности устраняется и возможность общенія съ божествомъ. Вотъ причина упорства, обнаруженнаго патриціатомъ въ борьбѣ съ плебеями.

Вторымъ путемъ былъ случай или опытъ: о томъ, что однажды усмирило гнѣвъ божества, предполагали, что оно и впредь можетъ его усмирить. Конечно, и тутъ требовалось строгое соблюденіе разъ установленнаго ритуала, но наслѣдственности не требовалось, такъ какъ не было откровенія, а было только простое и общедоступное наблюденіе связи между причиной и слѣдствіемъ.

Какъ бы то ни было, но при природной богобоязненности римлянъ ритуалъ, добытый двумя только-что указанными путями, былъ очень обширенъ и сложенъ, а при ихъ строгихъ требованіяхъ къ точности и полнотѣ исполненія—и довольно труденъ; чистота его передачи изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ которой зависѣло благосостояніе государства, была возможна только при существованіи жречества и особыхъ жреческихъ коллегій. Въ этомъ ничего особеннаго нѣтъ: жречества мы имѣемъ и у другихъ народовъ; Римъ въ отношеніи ихъ только количественно отличается. Но это количественное различіе довольно разительно: какъ бы то ни было, а понтифики, авгуры, весталки, значительно превосходятъ достоинствомъ и важностью греческихъ жрецовъ и жрицъ; мы можемъ это объяснить тѣмъ, что греческіе боги, именно въ силу своего человѣкоподобія, были много „гуманнѣе“ тѣхъ отвлеченныхъ и страшныхъ въ своей отвлеченности объективацій всемірной Воли, которымъ поклонялись римляне.



IV.

Въ предъидущей главѣ мы попытались охарактеризовать сущность первоначальной римской религіи, ея внутреннюю, душевную сторону; ея внѣшняя сторона, непосредственно представляющаяся взору наблюдателя, состоитъ, какъ было сказано выше, въ туманномъ „полидемонизмѣ", съ нѣкоторыми элементами „анимизма" и „тотэмизма". Къ ней, къ этой внѣшней сторонѣ, мы переходимъ теперь.

Римскій полидемонизмъ, будучи основанъ на обоготвореніи знаменательныхъ для человѣческой жизни моментовъ, былъ умножаемъ до беконечности. Умножается онъ, во-первыхъ, путемъ дифференціаціи: такъ, въ молитвахъ Церерѣ упоминаются двѣнадцать различныхъ божествъ, имена которыхъ обозначаютъ различныя полевыя работы—отъ вспахиванья нивы до уборки хлѣба; столько же приблизительно божествъ предполагалось дѣйствующими при зачатіи и рожденіи человѣка; нѣсколько меньшее число—при совершеніи жертвоприношенія, которое, какъ важный и рѣшающій моментъ, само обоготворялось и давало поводъ къ возникновенію новаго божества, отдѣльнаго отъ того, кому жертва приносилась. Все это были странные и непонятные для позднѣйшаго времени факты. Но дифференціація шла только однимъ путемъ: были возможны и другіе. Когда галлы приближались къ Риму, послышался таинственный голосъ, возвѣстившій о ихъ прибытіи; почти два столѣтія спустя, Аннибалъ, придвинувъ свои рати къ Риму, внезапно отступилъ и освободилъ городъ отъ страха. Несомнѣнно, тутъ сказалась божья сила; но какая? къ кому обратиться съ благодарными молитвами? Грекъ, при своемъ трансцендентномъ образѣ мышленія, призналъ бы въ обоихъ благотворныхъ событіяхъ дѣйствіе либо своего родного божества—Аѳины, если онъ былъ аѳиняниномъ, Діоскуровъ, если спартанцемъ,—либо того, которое было „ближайшимъ" къ совершившемуся событію, Зевса Всемолвнаго (Zeus Panomphaios) и Аполлона Отвратителя; римлянинъ, согласно имманентному характеру своей религіи, преклоняется передъ самыми моментами, ставитъ алтари „богу Молвящему-Говорящему" (Ajus Locutius) и „богу Возвращающемуся" (deus Rediculus). Не мало насмѣшекъ посыпалось со временемъ на эти эфемерныя божества:—что же это, говорили, богъ Молвящій-Говорящій всего только разъ заговорилъ, и потомъ обрекъ себя на вѣчное молчаніе? Богъ Возвращающійся ни разу, ни до, ни послѣ Аннибала, не проявилъ

своей дѣятельности?—Эти насмѣшки, однако, основаны были на коренномъ непониманіи того, что̀ составляло самую сущность первоначальной римской религіи—ея актуальной имманентности.

Въ приведенныхъ примѣрахъ она очевидна; а такъ какъ на нихъ мы непосредственно наблюдаемъ возникновеніе римскихъ божествъ, то для насъ они особенно драгоцѣнны, и мы должны, согласно методу новѣйшей психологіи, взять ихъ за исходную точку въ нашемъ разсужденіи. Но было бы ошибкой думать, что весь римскій полидемонизмъ укладывается въ формулу, которую мы изъ нихъ извлекаемъ.

„Всемірная Воля“—сказалъ я выше—намъ непосредственно понятна, благодаря тому, что она живетъ въ насъ самихъ въ видѣ нашей личной воли; эта мысль объясняетъ намъ двѣ стороны римской религіи... Объ одной уже была рѣчь; она состояла въ предположеніи возможности воздѣйствія на отдѣльныя объективаціи этой Воли путемъ даровъ и молитвъ. О другой сторонѣ мы должны поговорить здѣсь, такъ какъ она представила собой новый путь къ безконечному умноженію римскаго полидемонизма. Дѣло вотъ въ чемъ.

Если живущая во мнѣ воля родственна всемірной Волѣ, то, допуская божественность этой послѣдней, я долженъ признать такую же божественность, хотя и количественно мéньшую, и за первой; и такъ, во мнѣ живетъ божество, божество личное, индивидуальное. Римляне такъ и вѣровали; индивидуальное божество, пребывающее въ каждомъ человѣкѣ, они называли его „*геніемъ*“. Слово это намъ знакомо и привычно: но именно поэтому оно можетъ легко дать поводъ къ недоразумѣніямъ. Слѣдуетъ твердо помнить, что римскій геній—нѣчто совершенно своеобразное, не встрѣчающееся въ другихъ религіяхъ и поэтому не поддающееся объясненію посредствомъ аналогичныхъ явленій у другихъ народовъ. Это, прежде всего, не то, что̀ мы нынѣ называемъ геніемъ—своего рода духъ-хранитель, сопровождающій насъ на нашемъ жизненномъ пути; послѣдній—трансцендентное греческое представленіе, встрѣчающееся уже у Гезіода и попавшее, чрезъ народную вѣру, въ неоплатонизмъ, а отсюда въ христіанство, причемъ латинскій терминъ genius былъ только переводомъ греческаго daimôn. Это, затѣмъ, и не душа—все равно, понимать ли это слово въ платонически-христіанскомъ, или въ матеріалистическомъ смыслѣ: идея безсмертія, связанная съ первымъ, вовсе не была первоначально присуща римскому генію, который былъ, по словамъ Горація, „смертнымъ богомъ человѣческой природы“—naturae deus humanae mortalis; отъ второго же

его отдѣляла узость и опредѣленность его значенія исключительно какъ *волевого* принципа нашей жизни. Геній—это то, что̀ въ насъ хочетъ; кто живетъ, какъ ему хочется, тотъ „угождаетъ своему генію (indulget genio)“; кто силой размышленія заглушаетъ въ себѣ естественные позывы воли, тотъ „обижаетъ генія (defrudat genium)“. Передъ нами человѣкъ капризный, сегодня хотящій одного, завтра другого; что̀ значитъ эта измѣнчивость? „Это знаетъ его геній“, говоритъ Горацій.

Итакъ, римская религія признавала геніевъ, какъ представителей или показателей волевого начала въ отдѣльныхъ индивидуумахъ; были ли и эти божества подвержены дальнѣйшей дифференціаціи и интеграціи? Дифференціаціи—нѣтъ; дробленіе Воли не идетъ дальше индивидуумовъ, этихъ крайнихъ вѣтокъ великаго мірового дерева. Но интеграція была возможна; она естественно совершалась по ступенямъ соціальной организаціи человѣчества. Первой высшей единицей, связывающей людей, была семья, домъ; римляне поклонялись генію дома—Лару. Семьи связывались воедино сельской общиной (pagus); и онѣ, эти сельскія общины, имѣли своихъ Ларовъ. Другими единицами были родъ, курія, коллегія—всѣмъ имъ покровительствовали ихъ геніи. Высшей единицей, наконецъ, было племя; племеннымъ геніемъ римлянъ былъ Марсъ. И тутъ мы находимъ слѣдъ того тотэмизма, о которомъ рѣчь была выше: Марсъ, геній римскаго племени, представлялся римлянамъ подъ видомъ волка. Представленіе это идетъ въ разрѣзъ съ той имманентностью, которая во всемъ прочемъ является характернымъ признакомъ римской религіи; мы не ошибемся, признавъ въ немъ пережитокъ гораздо болѣе древней и грубой эпохи, чѣмъ та, которую мы, въ силу обстоятельствъ, назвали и называемъ первоначальною. Впрочемъ, психологическаго противорѣчія могло и не быть: болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ эпоху имманентнаго мышленія Марсъ подчинился общему теченію, и волкъ превратился въ простой, чисто-внѣшній символъ бога; знатоки ветхозавѣтной критики припомнятъ аналогичный примѣръ изъ исторіи развитія іеговизма.

Шире по своему объему и важнѣе другой вопросъ: согласуемо ли представленіе о геніяхъ съ тѣмъ принципомъ актуальности, въ которомъ мы признали характерную особенность римской религіи? Несомнѣнно согласуемо; это доказывается уже этимологіей слова „genius“, коренное значеніе котораго—„рождающій, производящій“. Геній относится къ живому человѣку совершенно такъ же, какъ Церера къ ростущему хлѣбу; и именно современная психологія—прошу вспомнить Вундта и его „принципъ

актуальности" въ примѣненіи къ человѣческой душѣ, какъ „связи явленій сознанія"—помогаетъ намъ разобраться въ этихъ, быть можетъ, не сразу понятныхъ явленіяхъ. Со всѣмъ тѣмъ, придется признать, что уже просто въ силу большей живучести человѣка въ сравненіи съ быстро ростущимъ и зрѣющимъ хлѣбомъ, съ представленіемъ объ индивидуальномъ геніѣ гораздо легче могла сочетаться иллюзія субстанціальности, а съ геніемъ высшихъ соціальныхъ группъ и подавно. Говорю: „могла"; дѣйствительно утверждать мы тутъ ничего не можемъ. Идея субстанціи вообще является абстракціей въ сравненіи съ непосредственно ощущаемымъ и воспринимаемымъ актомъ; никто не поручится намъ за то, что римляне до самаго конца нашей эпохи не представляли себѣ даже Ларовъ и прочихъ высшихъ геніевъ sub specie actus. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія то, что римская религія той эпохи не знала чисто субстанціальныхъ боговъ, играющихъ такую важную роль въ религіяхъ другихъ народовъ; не было у нихъ божества солнца, луны, моря; не было бы и божества земли, если бы не одно обстоятельство, о которомъ слѣдуетъ поговорить особо, такъ какъ оно заводитъ насъ въ совершенно иную область религіозныхъ представленій и этимъ довершаетъ картину римскаго полидемонизма.

Всѣмъ извѣстно, что „земля" по-гречески называется gê или gaia, по-латыни terra; Gê была у грековъ древней почтенной богиней; Terra, напротивъ, въ циклѣ древне-римскихъ божествъ не встрѣчается вовсе; ея культъ засвидѣтельствованъ лишь для позднихъ временъ и объясняется вліяніемъ греческихъ представленій. Итакъ, богиня Terra не существуетъ; зато есть богиня Tellus, а у насъ это слово тоже переводится черезъ „земля". Совершенно вѣрно; но чтобы вникнуть въ его первоначальное значеніе, мы должны взять его въ древнѣйшей молитвенной формулѣ, въ которой оно намъ сохранилось: понтифики, говоритъ намъ Варронъ, молятся Tellluri, Tellumoni, Altori, Rusori. Итакъ, Tellus встрѣчается въ числѣ божествъ, блюдущихъ зарожденіе хлѣба; ихъ четыре, въ соотвѣтствіи съ четырьмя актами, на которые, согласно произволу жреческой дифференціаци, распадается это зарожденіе. Если мы теперь вспомнимъ, что въ честь Tellus справлялся 15-го апрѣля праздникъ Фордицидій, причемъ ей приносилась въ жертву стельная корова (forda bos), то правильность этого пониманія станетъ очевидною; ясно, что Tellus—не вообще земля, а спеціально „собирающаяся родить нива". Итакъ, можно будетъ сказать, что tellus относится къ terra, какъ актуальное понятіе къ субстанціальному, и что поклоненіе пер-

вой и непоклоненіе второй еще разъ доказываетъ актуальный характеръ римской религіи. И еслибы все дѣло заключалось только въ этомъ—не стоило бы и затрогивать вопроса о поклоненіи Землѣ.

Но нѣтъ; оно имѣетъ и другую сторону. Когда оба Деція, герои латинскихъ и самнитскихъ войнъ, рѣшили своей смертью добыть побѣду для Рима—они торжественнымъ заклинаніемъ посвятили себя, какъ повѣствуетъ лѣтопись, Telluri et Manibus. Тутъ мы встрѣчаемъ божество Земли въ обществѣ страшныхъ душъ преисподней, а онѣ заводятъ насъ въ область, совершенно отличную отъ той, въ которой мы вращались до сихъ поръ. Анимизмъ—въ томъ тѣсномъ смыслѣ слова, въ которомъ его употребляетъ Тэйлоръ,—присущъ всѣмъ религіямъ древняго и новаго міра и во всѣхъ вызываетъ аналогичныя чувствованія и представленія; насколько было неправильно выводить всю религію грековъ, римлянъ и др. изъ анимизма, т.-е. культа душъ—какъ это пытались сдѣлать Фюстель де-Куланжъ и Липпертъ,—настолько же было бы превратно подводить римскій анимизмъ подъ общія понятія римской религіи, извлеченныя и развитыя нами въ предъидущей главѣ. Религія имѣетъ не одинъ только корень, а нѣсколько; пора примириться съ этой мыслью и отказаться отъ религіознаго монизма, ведущаго только къ произвольнымъ и насильственнымъ конструкціямъ. Культъ міровой Воли—это одинъ корень, создавшій спеціально римскую религію и для нея одной характерный; его обѣ отличительныя примѣты—имманентность и актуальность. Анимизмъ—другой корень, общій для всѣхъ религій; онъ не имманентенъ и не актуаленъ. Правда, нельзя также сказать, чтобы онъ былъ трансцендентенъ, такъ какъ трансцендентность предполагаетъ какое-нибудь отношеніе между понятіями, между тѣмъ какъ духи умершихъ живутъ самобытной жизнью, внѣ всякаго отношенія къ тѣмъ, которые были нѣкогда ихъ носителями; но зато субстанціальность имъ присуща въ полномъ смыслѣ слова. Совершенная разнородность представленій о душахъ умершихъ—„добрыхъ богахъ“ (di Manes), какъ ихъ изъ страха называли—сказывается и въ томъ, что нѣтъ никакой возможности поставить ихъ въ разумную связь съ геніями живыхъ; было бы неправильно полагать, слѣдуя позднимъ источникамъ, что геніи, послѣ смерти, превращаются въ „Мановъ“—геній не существуетъ послѣ разрушенія того, что было его носителемъ. Нѣтъ; оба эти понятія возникли на почвѣ различныхъ міросозерцаній. Между ними такъ же мало общаго, какъ и между чувствами, лежащими въ ихъ основѣ—разумнымъ

страхомъ передъ волей живого существа и безотчетнымъ ужасомъ, который внушалъ загробный міръ.

О римскомъ анимизмѣ подробно распространяться нечего; онъ намъ непосредственно понятенъ; въ самыхъ просвѣщенныхъ среди насъ живетъ, по вѣковому наслѣдству, чувствительная струнка, вздрагивающая при мысли о томъ, что за предѣлами смерти. Въ этомъ насъ можетъ убѣдить описаніе римскихъ Фералій, заупокойнаго праздника, справляемаго ежегодно въ февралѣ мѣсяцѣ въ честь умершихъ душъ—описаніе, принадлежащее перу Овидія и стоящее въ его поэтическомъ „Календарѣ“ (Fasti, кн. II, стр. 533 и сл.).

Есть и могиламъ почетъ; ублажайте родителей души,
Скромною данью любви чтите холодный ихъ прахъ!
Скромны желанія Мановъ: милѣй имъ роскошныхъ даяній—
Ласка; нежадныхъ боговъ мракъ преисподней таитъ.
Имъ въ приношенье годна—съ отслужившимъ вѣнкомъ черепица
(Много такого добра въ римскихъ канавахъ лежитъ),
Хлѣбъ, размягченный въ винѣ, да фіалокъ пахучихъ немного,
Нѣсколько зеренъ пшена, соли щепотки двѣ-три.
Хочешь пышнѣй—твоя воля; душа же и этому рада;
Только, воздвигши очагъ, вспомни молитву прочесть.

Этотъ обычай Эней, благочестья достойный учитель,
Нѣкогда въ земли твои—ввелъ справедливый Латинъ:
Душу отца своего погребальными чтилъ онъ дарами—
Такъ онъ народы твои—долгу любви научилъ.
Все-же однажды средь долгой сумятицы войнъ непрерывныхъ
Память „родительскихъ дней“ буйная брань унесла.
Быстро настигла насъ кара, и вызванный знаменьемъ лютымъ
Дымъ погребальныхъ костровъ долго глаза намъ слѣпилъ.
Есть и ужаснѣе слухъ: что могилы покинули „дѣды“
И средь ночной тишины жалобный подняли плачъ...
Да! по латинскимъ полямъ, и по улицамъ Рима носилась
Съ воемъ туманной толпой душъ безтѣлесная рать.
Тутъ позабытую честь оскорбленнымъ вернули курганамъ—
Мору конецъ, и конецъ грознымъ явленьямъ настал.

Чтите отцовъ! А пока—потерпи, молодая вдовица:
Лучше пусть „чистаго“ дня свадебный факелъ твой ждетъ.
Да и тебѣ (хоть невѣстой зоветъ тебя мать въ нетерпѣньи),
Дѣва, кривое копье пусть не расчешетъ волосъ.
Свѣточъ, Гименъ, убери и отъ мрачнаго пламени дальше
Скрой! Не такіе огни скорбнымъ могиламъ горятъ.
Пусть и боговъ въ ихъ святыняхъ закрытая дверь охраняетъ,
Пусть ихъ холодный алтарь безъ ѳиміама стоитъ;
Нынѣ прозрачныя души, тѣла погребенныя бродятъ—
Нынѣ надъ гробомъ своимъ яства вкушаетъ упырь...

V.

Такова сущность первоначальной римской религіи какъ въ ея внутреннемъ естествѣ, такъ и во внѣшнихъ формахъ ея проявленія; дальнѣйшее изложеніе будетъ посвящено историческому развитію этого первоначальнаго ядра вплоть до того момента, когда оно слилось съ христіанствомъ. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ нему, мы должны отвѣтить на одинъ вопросъ, который, вѣроятно, уже съ первыхъ строкъ теоретическаго изложенія былъ поставленъ читателемъ—вопросъ о *цѣнности* очерченной нами религіи. Правда, вопросъ этотъ самъ по себѣ не достаточно ясенъ; мы должны, для его выясненія, поставить дальнѣйшій вопросъ: въ чемъ заключается мѣрило цѣнности религіи вообще?—и вполнѣ увѣрены, что большинство читателей отвѣтитъ на него такъ: „въ ея нравственномъ вліяніи на человѣка“. Это, дѣйствительно, самый естественный и, казалось бы, самый разумный отвѣтъ.

Интересно, однако, что самые передовые богословы протестантскаго лагеря его правильности не признаютъ. Мораль и религія,—говорятъ они,—два различныя, обособленныя другъ отъ друга проявленія духовной жизни человѣка: тотъ роняетъ достоинство религіи, кто дѣлаетъ ее орудіемъ нравственности—ея чистота возможна только подъ условіемъ выдѣленія изъ нея „морализма“. Интересно это потому, что этотъ несостоятельный по ихъ мнѣнію морализмъ они считаютъ характерной особенностью католической, т.-е. римской религіи, чуждой первоначальному христіанству; а если онъ произошелъ не изъ христіанскаго корня, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что мы должны искать его зародышей именно въ исконно-римскомъ элементѣ. И дѣйствительно, мы ихъ тамъ найдемъ; надо только умѣть искать. Постараемся пояснить это на примѣрѣ.

Церера хранитъ ростущій хлѣбъ; ея благосклонность обезпечена тому, кто свято соблюдаетъ свои обязательства по отношенію къ ней, молится и приноситъ положенныя жертвы согласно ея волѣ, объявленной праотцамъ во времена оны. Хлѣбъ, не успѣвъ налиться, погибъ; это значитъ, что въ священнодѣйствіяхъ въ честь Цереры была допущена ошибка, которую и надлежитъ выяснить. Мысль, что гнѣвъ Цереры вызванъ, напр., нанесенной кліенту обидой, не могла и въ голову придти римлянину той эпохи: объ этой обидѣ Церера ничего не знаетъ, да она ея и не касается. Какъ видно, изъ такого рода отношеній

нравственность развиться не могла; но въ томъ-то и дѣло, что эти отношенія не были единственными.

Изъ эпохи индо-европейскаго единства римляне унаслѣдовали представленіе о древнѣйшемъ богѣ неба—Юпитерѣ. Въ силу актуальнаго характера своей религіи они ограничили его дѣятельность свѣтовыми явленіями дневного неба (во мракѣ ночного неба, напротивъ, объявляется другое божество, Сумманъ, первоначально тожественное съ Юпитеромъ), особенно самымъ страшнымъ изъ нихъ—молніей; эта послѣдняя такъ и называется Юпитеромъ (Jupiter fulgur). Здѣсь сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо сказывался волевой характеръ движущей силы: на глазахъ у всѣхъ разгнѣванный богъ поражалъ свою жертву, непосредственно и неизбѣжно, и притомъ со всеобозрѣвающей высоты; само собою должно было зародиться мнѣніе, что онъ сознательно караетъ своего оскорбителя, будучи свидѣтелемъ всего, что происходитъ на землѣ. Изъ этого мнѣнія развился обычай—тамъ, гдѣ никакая людская сила не можетъ быть блюстительницей обязательства,—призывать въ свидѣтели и блюстители Юпитера; такъ-то Юпитеръ сталъ богомъ клятвы, Jupiter Fidius. Обязательства между гражданами охраняются царемъ, который въ случаѣ нарушенія караетъ нарушителя; но кто будетъ охранять обязательства царей и общинъ? Одинъ Юпитеръ. Когда, поэтому, состоялось первое событіе въ римской исторіи, о которомъ мы узнаемъ—сліяніе племени Марса съ племенемъ Квирина,—блюстителемъ договора и взаимныхъ обязательствъ былъ сдѣланъ Юпитеръ; какъ покровитель новой общины, онъ занялъ мѣсто выше племенныхъ боговъ ея составныхъ частей. Воззрѣніе это нашло себѣ конкретное выраженіе въ сакральной жизни новаго Рима: отнынѣ въ немъ было три старшихъ жреца (фламина), причемъ фламинъ Юпитера былъ старше и почтеннѣе и фламина Марса, и фламина Квирина.

Возвышеніе Юпитера—первый результатъ эволюціи римской религіи, который мы можемъ признать такимъ. Его значеніе очень велико; оно сказывается, насколько намъ дозволено судить, въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ.

Во-первыхъ, былъ сдѣланъ важный шагъ впередъ на пути къ субстанціализаціи римской религіи: Юпитеръ, какъ хранитель создавшаго государство договора, не могъ не представляться постоянно обитающимъ тамъ, гдѣ рѣютъ тучи и грохочутъ громы, тамъ, откуда нечестивцы должны были ждать быстрой кары за свои злодѣянія. Характеръ имманентности римской религіи этимъ утраченъ не былъ: не было нужды представлять себѣ—а тѣмъ

болѣе изображать—Юпитера въ видѣ человѣка или вообще живого существа. Онъ могъ оставаться таинственной силой, живущей въ поднебесьѣ и объявляющейся въ его свѣтовыхъ феноменахъ. Важно было то, что богъ уже не отожествлялся со своимъ объявленіемъ; кто говорилъ: „такъ да погубитъ меня Юпитеръ“..., поднимая правую руку къ безоблачной лазури, тотъ несомнѣнно чаялъ въ ней постоянно присутствующаго бога, блюстителя его клятвы и карателя клятвопреступленія.

Карателя клятвопреступленія... Этимъ мы приблизились ко второму пункту. Нравственность не составляетъ элемента религій на ихъ первоначальной ступени; ея пріобщеніе бываетъ результатомъ эволюціи, часто даже иноземныхъ вліяній. Такъ и римскія божества первоначально были безразличны къ нравственности—всѣ, не исключая и Юпитера, такъ какъ наказаніе оскорбителя само по себѣ есть только проявленіе силы въ дѣлѣ личной мести, а не торжества нравственнаго принципа. Такимъ оно стало лишь тогда, когда грозный властитель перуновъ былъ признанъ блюстителемъ *договора*; отнынѣ онъ, наказывая, мстилъ уже не за себя, а за попранную правду. Конечно, вѣрность договору еще не составляетъ всей нравственности; можно даже сказать, что она даже не входитъ въ составъ нравственности, относясь всецѣло къ области права. Первое возраженіе справедливо, но не затрогиваетъ сущности дѣла; пусть нравственность одною только своей частью врѣзалась въ религію—этимъ все-таки былъ сдѣланъ важный починъ, плодотворный для будущихъ временъ. Что касается второго возраженія, то мы должны придать ему болѣе общее значеніе: не одна только религіозная нравственность римлянъ, а вся ихъ религія и вся ихъ нравственность носитъ юридическій, договорный характеръ. Риму выпало на долю,—сильнѣе, чѣмъ какому бы то ни было народу въ мірѣ, развить правовой элементъ человѣческой души; въ этомъ заключается едва ли не наибольшая часть его мірового значенія. Необходимымъ условіемъ для этого было проникновеніе правовыхъ понятій и правовой окраски во всѣ проявленія его индивидуальной и общественной жизни. Спеціально за религіей Рима правовой характеръ остался надолго—вплоть до нашихъ дней. Но объ этомъ здѣсь говорить не приходится.

Третій пунктъ стоитъ въ связи со вторымъ и ему обязанъ своимъ значеніемъ; онъ состоитъ въ прикрѣпленіи, если можно такъ выразиться, Юпитера къ римской общинѣ. Конечно, національные или общинные боги существовали и раньше, но это ихъ существованіе, будучи вполнѣ естественнымъ, не выдѣляло

еще Рима изъ числа прочихъ общинъ и племенъ Италіи и земного шара. Пусть Марсъ особенно печется о благополучіи подданныхъ Ромула, Квиринъ—о преуспѣяніи сосѣдней сабинской общины; въ этомъ ни для кого обиды не было, пока Церера всѣхъ одинаково надѣляла хлѣбомъ, Палесъ всѣмъ одинаково ростила скотъ, Юпитеръ надо всѣми одинаково простиралъ свои грозовыя тучи. Теперь не то: покровитель и блюститель договора, создавшаго римскую общину, сталъ естественно покровителемъ и самого Рима; отдавая себя подъ личную опеку высшаго бога, Римъ присвоивалъ себѣ значеніе его избраннаго народа. Ничего подобнаго не видимъ мы въ Греціи: какъ у Гомера вседержитель Зевсъ тѣмъ же отеческимъ взоромъ смотритъ и на ахейцевъ, и на троянцевъ, взвѣшивая залоги побѣды обоихъ народовъ на тѣхъ же неподкупныхъ вѣсахъ, такъ и до позднѣйшихъ временъ Греція сохранила представленіе о справедливомъ для всѣхъ народовъ высшемъ божествѣ, предоставляя ретивой дѣвѣ Палладѣ осѣнять своей десницей свой излюбленный городъ Аѳины и молиться за него своему державному отцу. Зато эволюція, подобная той, которую видѣли берега Тибра, свершилась еще раньше на берегахъ Іордана; и здѣсь, и тамъ, ея значеніе усугублялось тѣмъ, что племенное божество, будучи признаваемо высшимъ божествомъ, было въ то же время представителемъ нравственности. Стоитъ вдуматься въ смыслъ этихъ синтезовъ; говоря: „нашъ племенной богъ есть высшій богъ", народъ-избранникъ говорилъ: „наше торжество несомнѣнно"; говоря: „нашъ богъ есть справедливый богъ", онъ говорилъ: „наше торжество будетъ торжествомъ правды". Въ этихъ двухъ вѣрованіяхъ—залогъ безсмертія; и въ самомъ дѣлѣ, идею вѣчности воплотили два образа въ исторіи человѣчества: на западѣ—Вѣчный Римъ, на востокѣ—Вѣчный жидъ.

Да, вдуматься во все это стоитъ,—въ сходства и еще болѣе въ различія. Іудея свое племенное божество объявила высшимъ; Римъ, напротивъ, свою судьбу поручилъ высшему изъ италійскихъ боговъ. Отсюда тамъ—запретъ народу-избраннику почитать какого бы то ни было бога: богъ Израиля—ревнивый богъ. Здѣсь ничего подобнаго: ворота Рима гостепріимно открыты для боговъ-покровителей общинъ, граждане которыхъ нашли себѣ пріютъ въ его стѣнахъ. Мыслимъ ли тамъ обычай, подобный римской „эвокаціи": „*Богъ ли, богиня ли, въ чьей опекѣ состоитъ народъ и городъ карѳагенскій, васъ я прошу, вамъ поклоняюсь, у васъ молю милости, чтобы вы оставили народъ и городъ карѳагенскій, покинули ихъ урочища, ограды, святыни и*

стѣны, отдѣлились отъ нихъ и навели на этотъ городъ страхъ, ужасъ, забвеніе и, свободные, пришли въ Римъ ко мнѣ и къ моимъ; чтобы наши урочища, ограды, святыни и стѣны были вамъ пріятнѣе и предпочтительнѣе, чтобы вы стали покровителями мнѣ, народу римскому и воинамъ моимъ такъ, чтобъ мы это знали и чувствовали; если вы это сдѣлаете, я даю обѣтъ построить вамъ храмъ и учредить игры въ честь васъ".

Израиль воевалъ прежде всего съ богами своихъ враговъ; горе какому-нибудь Дагону, если его храмомъ овладѣетъ рать Іеговы! Римъ почтительно обращался съ богами побѣжденныхъ общинъ, т.-е., говоря другими словами, съ самыми нѣжными и священными чувствами самихъ побѣжденныхъ. Отсюда—дальнѣйшее различіе. Послѣдствіемъ побѣдъ Рима были союзы съ покоренными общинами и ихъ принятіе въ составъ римскаго государства; послѣдствіемъ побѣдъ Израиля было бы уничтоженіе или порабощеніе побѣжденныхъ, еслибы эти побѣды состоялись. Но, къ счастью для человѣчества, залоги безсмертія, дарованные его геніемъ обоимъ безсмертнымъ народамъ, были различны: Риму—безпредѣльность власти, Израилю—несокрушимость страданія.

VI.

Тотъ фазисъ римской религіи, показателемъ котораго была троица: Юпитеръ—Марсъ—Квиринъ,—оставилъ на все время существованія язычества память о себѣ въ верховномъ жречествѣ: до признанія христіанства государственною религіею, старшими жрецами Рима были фламины Юпитера, Марса и Квирина. Но живымъ былъ онъ лишь въ самый ранній періодъ римской исторіи, въ тотъ, который въ исторической легендѣ соотвѣтствуетъ правленію четырехъ первыхъ царей. При Тарквиніяхъ та старинная троица была смѣнена другой—капитолійскою троицею, состоящею изъ Юпитера „всеблагого и всевышняго" (Jupiter Optimus Maximus), Юноны и Минервы. Постараюсь выяснить причину и смыслъ этой перемѣны.

Римская община, созданная договоромъ между городами Марса и Квирина и опекаемая хранителемъ этого договора, Юпитеромъ, естественно льнула къ тому племени, къ которому принадлежали ея коренные граждане, къ племени латинскому; ея мѣсто было въ союзѣ городовъ этого племени, во главѣ котораго стоялъ самый крупный изъ нихъ—полумиѳическая Альба (ея имя живетъ и понынѣ въ имени живописныхъ альбанскихъ

горъ и мѣстечка Альбано на чудномъ Альбанскомъ озерѣ). Богомъ-покровителемъ этого союза былъ, разумѣется, опять Юпитеръ — Юпитеръ Всѐлатинскій; на самой высокой изъ окружающихъ Альбу горъ, гдѣ близость грознаго метателя перуновъ ощущалась самымъ непосредственнымъ образомъ, происходило ежегодно „вселатинское празднество" въ честь его. Римъ былъ вначалѣ лишь скромнымъ членомъ союза и участникомъ празднества, но уже при третьемъ царѣ—такъ повѣствуетъ традиція—произошла рѣшительная война между нимъ и Альбой, послѣдствіемъ которой были сліяніе альбанской общины съ Римомъ и переходъ гегемоніи къ этому послѣднему. Теперь надо помнить, что въ сакральномъ дѣлѣ латинскихъ городовъ главную роль играла богиня, почитаемая подъ именемъ то Юноны, то Діаны (этимологически эти имена тожественны и означаютъ „небесная"); въ смутахъ, послѣдовавшихъ за римской побѣдой, о ней естественно было вспомнить. Преданные Юпитеромъ, латины стали искать убѣжища у своей родной богини, роща которой—nemus Dianae—дала имя второму, еще болѣе живописному озеру Альбанскихъ горъ (lacus Nemorensis, lago di Nemi). Римъ сознаЛъ необходимость дать въ своихъ стѣнахъ пріютъ этой богинѣ, ставшей религіознымъ символомъ латинскаго единства. Мы не знаемъ, сколько съ этою цѣлью было сдѣлано „эвокацій", но, повидимому, онѣ оказались безуспѣшными; богинѣ было хорошо на берегахъ ея прелестнаго озера, она не обнаруживала никакого желанія переселиться въ Римъ. Тогда было приступлено къ обману... Разсказъ о немъ столь наивенъ и характеренъ для грубой старины, что было бы жаль не передать его словами вѣрнаго пересказчика римской легенды—Тита Ливія.

„Путемъ частыхъ убѣжденій, царь Сервій Туллій склонилъ представителей латинскихъ городовъ за-одно съ римскимъ народомъ выстроить Діанѣ въ Римѣ храмъ—это было равносильно признанію, что главенство, изъ-за котораго было ведено столько войнъ, принадлежитъ отнынѣ Риму. Правда, латины, послѣ стольких неудачъ, перестали даже мечтать о немъ; но тогда одному изъ сабинскихъ гражданъ представился случай частнымъ почином вернуть власть своей общинѣ. Въ сабинской странѣ, говорятъ, родилась у одного хозяина удивительная по росту и величинѣ корова. Ея появленіе было признано знаменіемъ, каковымъ оно и было, и вѣщатели предсказывали, что какой общины гражданинъ принесетъ ее въ жертву Діанѣ, той общинѣ будетъ принадлежать власть. Въ первый же удобный

для жертвоприношенія день сабинянинъ приводитъ корову въ Римъ къ храму Діаны и ставитъ ее у алтаря. Тогда римскій настоятель храма, помня о предсказаніи, говоритъ ему: „Что̀ ты дѣлаешь, гость? Хочешь нечестиво принести жертву Діанѣ? Омой сначала руки въ живой водѣ: ниже, въ долинѣ, течетъ Тибръ". Встревоженный гость, желавшій, ради исполненія знаменія, чтобы все было совершено по уставу, тотчасъ спустился къ Тибру: тѣмъ временемъ римлянинъ заклалъ корову Діанѣ". Теперь матка была поймана; рой послѣдовалъ за ней. Роща Діаны попрежнему продолжала зеленѣть на берегу lacus Nemorensis, но ея политическое значеніе пропало, священнодѣйствія мало-по-малу пришли въ упадокъ, настоятелями стали дѣлаться бѣглые рабы... Однимъ словомъ, завелись тѣ порядки, которые Э. Ренанъ такъ эффектно описалъ въ своей философской драмѣ: „Le prêtre de Némi".

Но династія Тарквиніевъ, обезпечившая Риму главенство среди латинскихъ городовъ, была сама этрусскаго происхожденія; благодаря ей, Римъ сталъ средоточіемъ и латинскаго, и этрусскаго міра. Если религіозной представительницей латинства была латинская богиня Діана, или Юнона, то Этрурія видѣла свою покровительницу въ своей родной или, по крайней мѣрѣ, уродненной богинѣ Минервѣ. И вотъ, могущественная династія рѣшается наконецъ создать религіозный символъ, знаменующій новую политическую эру этрусско-латинскаго единства подъ эгидой Тарквиніевъ: въ противовѣсъ культу вселатинскаго Юпитера на Альбанской горѣ, Юпитеру сооружается храмъ на Капитоліи, и этотъ Юпитеръ нарекается „всеблагимъ и всевышнимъ", дабы всѣ знали, что покровительствуемый имъ союзъ превосходитъ своимъ величіемъ всѣ другіе; а въ сопрестольницы ему даются Юнона и Минерва, богини обоихъ соединенныхъ на берегахъ нейтральнаго Тибра племенъ. Новая троица была, такимъ образомъ, повтореніемъ старой, но на болѣе высокой, всеиталійской ступени; владыка молній и клятвъ опять былъ признанъ покровителемъ и блюстителемъ договора, но уже не между крошечными общинами Марса и Квирина, расположившимися на двухъ прибрежныхъ холмахъ, а между двумя племенами, самыми способными и могущественными въ Италіи.

Этотъ разъ онъ обманулъ гордыя надежды своего гордаго почитателя: послѣдній изъ Тарквиніевъ долженъ былъ покинуть городъ, который его роду былъ обязанъ своимъ кратковременнымъ величіемъ, а съ его изгнаніемъ распалось и то искусственное единство, символомъ котораго былъ капитолійскій храмъ.

Не мало времени прошло, не мало крови было пролито, пока оно не было возстановлено на болѣе прочной подкладкѣ, пока республиканскій Римъ не вернулъ себѣ въ его полномъ объемѣ наслѣдія своихъ царей; кто освоился надлежащимъ образомъ съ римской душой, тотъ не будетъ сомнѣваться въ томъ, что именно существованіе Капитолія, этого нагляднаго изображенія отвлеченной формулы власти, поддерживало въ римлянахъ вѣру въ неизбѣжность его возстановленія. И это значеніе символа власти осталось за Капитоліемъ даже и тогда, когда всеиталійская роль Рима стушевалась передъ его всемірной ролью, когда союзъ Юноны и Минервы показался его хранителямъ такимъ же незначительнымъ, какимъ въ эпоху его заключенія казался союзъ Марса и Квирина. Съ ростомъ Рима росло и величіе Капитолія; вскорѣ его невредимость стала залогомъ существованія Рима и его власти:

Пусть Капитолій стоитъ, и блистательный
Римъ побѣжденными въ битвѣ мидійцами
Правитъ со властію законодательной,

—гласитъ у Горація (Оды, III, 3, пер. Фета) рѣшеніе боговъ, обезпечивающее вѣчность городу Ромула;

...и славный мой вѣнецъ
Все будетъ зеленѣть, доколѣ въ Капитолій
Съ безмолвной дѣвою верховный ходитъ жрецъ—

—такъ утѣшаетъ себя самъ поэтъ въ своемъ знаменитомъ „Памятникѣ", соединяя мечту о собственной славѣ съ неоспоримой и несомнѣнной вѣчностью символа существованія и власти Рима.

Но, увеличивая до безконечности римскія надежды и римскія силы, твореніе чужеземныхъ этрусскихъ царей въ то же время внесло въ римскую религію такіе элементы, которые ее сначала въ значительной степени извратили, а затѣмъ — развратили и погубили. Къ изслѣдованію этихъ элементовъ мы обращаемся теперь; прошу читателя имѣть въ виду, что ему придется ознакомиться съ самымъ важнымъ кризисомъ, который—вплоть до введенія христіанства—когда-либо переживала римская религія.

Мы видѣли, что характернымъ признакомъ исконно-римской религіи была имманентность, и притомъ имманентность актуальная. Сознаніе аналогичности живущей въ природѣ божественной воли съ той, которую мы непосредственно ощущаемъ въ насъ самихъ, вело къ признанію возможности воздѣйствія на эту волю—воздѣйствія такого же, какому доступна и воля человѣка;

отсюда—молитвы, обѣты, жертвоприношенія. Мѣсто, гдѣ происходили священнодѣйствія въ честь бога, естественно считалось посвященнымъ ему; это была ограда, роща или горная вершина. Сооружать храмы не было никакой надобности—и дѣйствительно древнѣйшій Римъ не зналъ храмовъ; если Веста почиталась въ крытой часовнѣ, то потому только, что нужно было защитить священный огонь, въ которомъ она жила, отъ дѣйствій непогоды, вообще же святилища до-Тарквиніевской эпохи были открытыя. Еще менѣе могла придти въ голову римлянину мысль изобразить Цереру или Юпитера въ человѣческомъ образѣ; изваять женщину или мужчину, и затѣмъ сказать: „это—та таинственная сила, которая живетъ въ волнующейся нивѣ или въ сверкающей молніи“ —показалось бы ему чудовищной нелѣпостью.

Въ совершенно иномъ положеніи находилась сѣверная сосѣдка Рима, Этрурія. Мы не можемъ разобрать тѣ запутанныя нити, которыя соединяютъ ея обитателей, тусковъ или (по-гречески) тирренцевъ, съ до-историческими пелазгами на берегахъ Эгейскаго моря; знаемъ только, что въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, Этрурія въ отношеніи религіи и искусства была кореннымъ образомъ эллинизована. Конечно, ея даровитый и вдумчивый народъ очень несовершенно воспринялъ зародыши греческихъ художествъ —тогда тоже еще грубыхъ—и, сочетавъ ихъ со своей природной угловатостью, произвелъ нѣчто довольно дикое и уродливое; возсоздать на италійской почвѣ свободу и естественность греческаго искусства смогла лишь новѣйшая Этрурія, наслѣдница крови и имени той античной, Тоскана. Но при всемъ томъ, къ сѣверу отъ Тибра существовало все то, что было прямымъ отрицаніемъ римской религіи—существовали, кромѣ религіозной архитектуры, еще и религіозныя ваяніе и живопись. Тарквиніи были этрусками по происхожденію; основывая культъ Юпитеру и его сопрестольницамъ на Капитоліи, они выстроили ему настоящій храмъ по этрускому образцу и, что было важнѣе всего, поставили въ немъ по глиняному изображенію всѣхъ трехъ божествъ. Это значитъ: Юпитеръ, Юнона, Минерва, живутъ въ видѣ исполинскихъ человѣкоподобныхъ существъ, независимо отъ тѣхъ явленій, въ которыхъ сказывается ихъ сила; это значило еще—въ силу нелогичнаго, но неизбѣжнаго отожествленія изображаемаго съ изображеніемъ—они живутъ въ своемъ излюбленномъ храмѣ на священной римской горѣ и оттуда охраняютъ цѣлость Рима и его державы. Представленіе объ имманентности божества было оставлено; греческая трансцендентность была навязана римской религіи, вопреки ея исконному духу и характеру.

Разумѣется, мы должны признать вполнѣ возможнымъ и даже вѣроятнымъ, что то, что̀ намъ нынѣ кажется переломомъ, было въ дѣйствительности постепеннымъ переходомъ, и что Тарквиніи, сооружая и украшая капитолійскій храмъ, не шли въ разрѣзъ съ общественнымъ сознаніемъ. Тибръ не очень строго отдѣлялъ латинскую Италію отъ этруской; этрускіе ремесленники и художники цѣлыми артелями жили и работали въ Римѣ, распространяя тамъ культъ своей Минервы, которая, кажется, именно потому была признана богиней всякихъ ремеслъ и искусствъ и эквивалентомъ греческой Аѳины. Это, однако, не умаляетъ значенія самаго кризиса; въ душѣ каждаго вѣрующаго переходъ отъ имманентности къ трансцендентности былъ скачкомъ; между обоими представленіями—„Юпитеръ-Молнія“ и „Юпитеръ-Громовержецъ“—никакая постепенность невозможна. Постепенность невозможна; но возможно, по крайней мѣрѣ на долгій періодъ времени, совмѣстное существованіе. „Законъ совмѣстимости“, установленный Липпертомъ для общерелигіозной эволюціи человѣчества, долженъ быть примѣненъ и здѣсь; Юпитеръ-Громовержецъ и подобныя ему человѣкообразныя божества были трансцендентными наслоеніями на имманентной подпочвѣ, которая, однако, продолжала влiять на религіозныя представленія вѣрующихъ и направлять ихъ чаянія и мысли. Результатомъ была флуктуація религіознаго мышленія, сдѣлавшая римскую религію безоружной въ столкновеніи съ другими націями. Постараемся теперь же опредѣлить въ главныхъ чертахъ характеръ этой флуктуаціи.

Прежде всего, религіозная реформа Тарквиніевъ коснулась лишь незначительной части римскаго политеизма. Юпитеръ, Юнона, Минерва—это были отнынѣ, если можно такъ выразиться, кристаллизованныя божественныя естества съ ярко очерченнымъ обликомъ и характеромъ; ихъ кругъ увеличился съ теченіемъ времени, но все-же онъ остался безконечно малымъ въ сравненіи съ той огромной массой актуально-имманентныхъ божествъ, среди которой безпрепятственно дѣйствовали обѣ зиждительныя силы римской религіи — дифференціація и интеграція,—направляя ее поперемѣнно къ обоимъ ея полюсамъ: пандемонизму и пантеизму. По прежнему римскіе жрецы въ своихъ „индигитаментахъ“ дѣлили божество возрожденія хлѣба на дюжину частичныхъ божествъ, представителей божественныхъ актовъ; болѣе чѣмъ черезъ столѣтіе послѣ реформы былъ учрежденъ культъ богу „Молвящему-Говорящему“, болѣе чѣмъ черезъ три столѣтія—„богу Возвращающемуся“, не говоря о массѣ такихъ же учрежденій, о ко-

торыхъ, вслѣдствіе ихъ преходящаго значенія, не сохранилось памяти въ традиціи. Правда, съ другой стороны мы не должны преувеличивать значенія этого численнаго превосходства: Юпитеръ „всеблагій и всевышній“ былъ все-таки Юпитеръ и, какъ такой, несравненно болѣе дѣйствовалъ на фантазію, чѣмъ сотни боговъ „Молвящихъ-Говорящихъ“. Послѣдніе быстро нарождались и быстро исчезали въ сознаніи вѣрующихъ, точно листья въ лѣсу; даже изъ тѣхъ, которымъ были присвоены постоянные праздники, нѣкоторые потускнѣли до того, что ученые классической эпохи затруднялись сказать о нихъ что-либо опредѣленное.

Затѣмъ, и представленія о кристаллизовавшихся божествахъ были подвержены, благодаря подпочвѣ имманентности, постояннымъ колебаніямъ. Юпитеръ-Громовержецъ обиталъ съ одной стороны на небесахъ, съ другой — въ своемъ капитолійскомъ храмѣ (не говоря уже о другихъ); но, при всемъ томъ, каждая отдѣльная молнія была тоже Юпитеромъ, Jupiter Fulgur. Церера кристаллизовалась, какъ мы это увидимъ, въ первые же годы республики и, будучи отожествлена съ греческой Дэметрой, стала носительницей всего богатаго цикла миѳовъ о ней; это не помѣшало, однако, поэту Овидію, при всемъ греческомъ характерѣ его образованія, слѣдующимъ образомъ описать актъ милости со стороны благодатной богини („Метаморфозы“, VIII, 780):

...кивнула Церера
Ласково—и отъ движенья прекраснаго лика богини
Заколыхались густымъ урожаемъ покрытыя нивы.

Подражаніе Гомеру тутъ ясно (Иліада, I, 528, пер. Гнѣдича):

Рекъ, и во знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями;
Быстро власы благовонные вверхъ поднялись у Кронида
Окрестъ безсмертной главы, и потрясся Олимпъ многохолмный.

Но, помимо своей воли, подражатель внесъ въ свое описаніе исконно-римскую черту, которой нѣтъ въ греческомъ подлинникѣ: волненіе зрѣющей нивы—это и есть улыбка Цереры.

Наконецъ,—и это прямой выводъ изъ второго пункта,—дѣйствіе обѣихъ враждующихъ силъ, дифференціаціи и интеграціи, не остановилось даже и передъ кругомъ кристаллизовавшихся трансцендентныхъ божествъ. Казалось, изображая Юпитера подъ видомъ исполина-громовержца, давая ему индивидуальныя черты, Римъ навсегда обезпечивалъ его отъ дальнѣйшаго дробленія или сліянія; на дѣлѣ вышло не такъ. Съ одной стороны, признаніе трансцендентности и человѣкоподобія Юпитера повело къ тому, что ему былъ присвоенъ геній, аналогичный съ геніемъ людей

—genius Jovis; этимъ изъ представленія о богѣ была вновь устранена та опредѣленность, которая такъ претила римскому сознанію, и подготовлена почва для послѣдовательной интеграціи съ геніями другихъ божествъ. Съ другой стороны, актуальность, не уживающаяся съ представленіемъ о трансцендентныхъ богахъ, могла быть спасена путемъ обоготворенія отдѣльныхъ ихъ качествъ или дѣйствій. Это дѣлалось и раньше—знаменательнымъ примѣромъ былъ культъ Юпитера-Остановителя (Stator), учрежденный, по преданію, Ромуломъ, въ благодарность за то, что Юпитеръ, по его обѣту, „остановилъ“ бѣгство его разбитой рати. Это было настоящимъ обоготвореніемъ акта—почитаніемъ божественной силы, сказавшейся въ мгновенномъ прекращеніи страха бѣгущихъ воиновъ, и по существу своему нѣчто совершенно иное, чѣмъ схожія явленія греческой религіи, въ родѣ культа Аполлона Boêdromios (т.-е. „приходящаго на помощь въ бою“), или Геракла-Отвратителя. Тамъ актъ ясно сознавался какъ актъ опредѣленно представляемаго бога; здѣсь обоготворялся самый актъ.—Повторяю: примѣры такого обоготворенія встрѣчались и раньше, въ эпоху полной (или почти полной) имманентности римской религіи; теперь, когда рядъ боговъ сталъ трансцендентнымъ, оно сдѣлалось естественной отдушиной для стремленія къ имманентности, этой неизгладимой особенности римской религіи. А съ ней была дана возможность безконечной дифференціаціи: обоготворяя различныя качества и акты божества, римлянинъ послѣдовательно дробилъ его естество, создавая изъ одного бога цѣлую группу новыхъ. Интересный образчикъ такого дробленія разсказываетъ намъ Светоній изъ жизни императора Августа. Этотъ послѣдній посвятилъ Юпитеру на Капитоліи, гдѣ уже находился историческій храмъ бога, новое капище, назвавъ его именемъ „Юпитера-Громовержца“ (Jupiter Tonans). Понятно, что онъ сталъ усерднымъ посѣтителемъ своего храма, и не менѣе понятно, что примѣръ государя заразительно подѣйствовалъ на подданныхъ. И вотъ однажды Юпитеръ Капитолійскій явился Августу во снѣ съ жалобой на Юпитера Громовержца, обвиняя его въ томъ, что онъ отвлекаетъ у него почитателей; Августъ, однако, не растерялся и отвѣтилъ оскорбленному богу, что онъ приставилъ къ нему Громовержца лишь въ качествѣ привратника. Чтобы подчеркнуть это его качество, онъ, проснувшись, приказалъ украсить крышу новаго храма колокольчиками—на подобіе тѣхъ колокольчиковъ, которые имѣлись у дверей римскихъ домовъ. Такъ точно и Людовикъ XI, если вѣрить Вальтеръ-Скотту, извинялся передъ Клерійской Богоро-

дицей въ предпочтеніи, которое онъ оказывалъ ея „преблаженной сестрѣ“, Богородицѣ Эмбрёнской.

Существенная разница между греческимъ и римскимъ воззрѣніемъ на чествуемаго подъ своимъ эпитетомъ бога — между Jupiter Stator и Apollôn Boêdromios, чтобы взять тѣ же примѣры—сказалась въ томъ дальнѣйшемъ развитіи, которое этотъ обычай получилъ у римлянъ и не получилъ у грековъ; это развитіе заключалось въ томъ, что качество, за которое богу воздавалось почитаніе, мало-по-малу было отдѣляемо отъ бога и обоготворяемо какъ такое. Стоитъ вдуматься въ психологію этого акта. Юпитеру, какъ покровителю вѣрности договорамъ, былъ воздвигнутъ храмъ на Квириналѣ, какъ Dio-Fidio; греки переводили имя бога по-своему черезъ Zeus Pistios—и были, вѣроятно, убѣждены въ томъ, что понимаютъ его точно также, какъ и его непосредственные почитатели. И все-таки они ошибались. Грекъ, при мысли о Zeus-Pistios, думалъ прежде всего о своемъ Зевсѣ, образъ котораго онъ представлялъ себѣ вполнѣ точно, приписывая ему среди другихъ качествъ и то, о которомъ идетъ рѣчь. Римлянинъ, напротивъ, говоря о Dius-Fidius, думалъ не столько о Юпитерѣ, сколько о самомъ актѣ соблюденія вѣрности, въ которомъ онъ чувствовалъ божественную силу; въ его умѣ не Юпитеръ, а сама вѣрность была господствующимъ представленіемъ, и ему было безразлично, воздавалъ ли онъ ей почитаніе какъ Dio-Fidio или просто какъ Fidei. И дѣйствительно, мы видимъ, какъ Fides отдѣляется отъ бога, который былъ ея носителемъ, и обособляется въ отдѣльное божество, связь котораго съ Юпитеромъ сказывается лишь въ томъ, что ему строится храмъ по сосѣдству съ Капитолійскимъ. Такъ „счастливая“ и „всепобѣждающая“ Венера сначала получила храмы подъ названіемъ Venus Felix и Venus Victrix, а затѣмъ эти качества были обоготворены, какъ Felicitas и Victoria, и имъ были выстроены капища рядомъ съ храмомъ ихъ бывшей носительницы. Конечно, со временемъ и эта послѣдняя связь должна была исчезнуть—чему содѣйствовало также и то, что одно и то же качество могло принадлежать различнымъ богамъ. Была Venus Victrix, но былъ и Jupiter Victor; положимъ, побѣда Венеры — не то же, что̀ побѣда Юпитера, но интеграція была возможна, и она дала —Викторію просто, независимо отъ того или другого божества. Благодаря этой легкости отдѣленія эпитетовъ, получился новый источникъ увеличенія римскаго пантеона; онъ былъ использованъ очень дѣятельно, и въ Римѣ появились храмы Надежды (Spes), Согласія (Concordia), Цѣломудрія (Pudicitia), Благочестія (Pietas),

Благополучія (Salus) и многихъ другихъ родственныхъ божествъ. „Богами да почитаютъ также и тѣ качества, благодаря которымъ человѣку достается доступъ въ небеса, какъ Благоразуміе, Доблесть, Благочестіе, Вѣрность; и этимъ добродѣтелямъ да воздвигаются храмы, но отнюдь не порокамъ",—говорилъ позднѣе Цицеронъ („О законахъ", II, § 19), и его слова вполнѣ совпадаютъ съ практикой его предковъ. Такимъ образомъ, стремленію римлянъ къ интеграціи была дана новая пища, и можно теперь уже предвидѣть, какъ они ею воспользуюся. Прежде всего ясно, что кристаллизовавшимся божествамъ придется, какъ несоотвѣтствующимъ народному сознанію, мало-по-малу стушеваться передъ этими олицетворенными добродѣтелями, которыя были по самому существу своему гораздо божественнѣе. А затѣмъ, посредствомъ простой логической работы мысли, эти добродѣтели должны были интегрироваться, причемъ было безразлично, сольются ли онѣ въ одну высшую единицу—идею добра—или же сгруппируются вокругъ всеобъемлющаго божества, которое будетъ сдѣлано носителемъ ихъ всѣхъ. Который изъ этихъ двухъ путей былъ избранъ —это покажетъ наша слѣдующая глава.

Еще разъ: трансцендентность капитолійской троицы была новымъ, очень важнымъ наслоеніемъ римской религіи, но она не уничтожила того характера имманентности и актуальности, который ей былъ присущъ съ самаго начала; обѣ теоріи—если это слово здѣсь допустимо — существовали рядомъ и отлично уживались другъ съ другомъ, согласно закону совмѣстимости. Не будь этой совмѣстимости, капитолійскій храмъ не могъ бы стать тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ,—національной святыней Рима, символомъ его власти и залогомъ его существованія.

Ѳ. Зѣлинскій.



ЗАКОНЪ ЖИЗНИ

ПОВѢСТЬ.

I.

Швейцаръ остановилъ на лѣстницѣ жильца одной изъ квартиръ третьяго этажа.

— Барыня уѣхавши, Владиміръ Сергѣичъ, и приказали доложить, что къ обѣду могутъ и не попасть-съ...

— Почему?

— У госпожи Штаркъ заболѣла дочка. Сюда остальныхъ дѣтей перевезутъ, чтобы, значитъ, не заразились...

— Что же такое?

— Слышно—дифтеритъ.

Ясоновъ слегка поморщился.

— Хорошо!

Онъ сталъ подниматься выше, подбирая полы своей шинели съ бобровымъ воротникомъ. Въ шляпѣ-цилиндрѣ, онъ смотрѣлъ мужчиной очень большого роста. Худощавое, интересное лицо, съ красивой русой бородой и тонкимъ продолговатымъ носомъ, выступало изъ-подъ стоячаго воротника.

Онъ и въ тѣлѣ былъ худощавъ и поднимался по ступенькамъ живо, походкой еще совсѣмъ молодого человѣка; а ему давно уже за тридцать.

У своей квартиры онъ еще разъ позвонилъ: на нижній звонокъ швейцара что-то не отпирали.

Отворила кухарка, а не горничная.

Онъ этого не любилъ.

— А гдѣ Паша?—спросилъ онъ.

— Въ комнатахъ убираетъ, — отвѣтила кухарка, солидная пожилая женщина, немного хмураго лица.

— А-а!

Ясоновъ отдалъ ей шинель и, по боковому корридорчику, прошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Ему сейчасъ же сдѣлалось не по себѣ.

„Вѣдь это — цѣлая пертурбація!“ — подумалъ онъ именно этимъ словомъ.

„Пертурбація“!

Это выбьетъ его изъ колеи—неизвѣстно, на сколько времени...

Полчаса назадъ онъ распрощался съ своей аудиторіей подъ дружный взрывъ рукоплесканій.

Рѣдко былъ онъ въ такомъ ударѣ. Все выливалось въ яркую, изящную форму. Никакой неловкости, никакого исканія словъ, что еще недавно съ нимъ бывало отъ неизбѣжнаго волненія, какъ только поднимается на каѳедру.

Читаетъ онъ уже третій годъ, любимъ слушателями, а все еще не можетъ освободиться отъ нервности.

Но сегодня онъ, уже черезъ какихъ-нибудь десять минутъ, вполнѣ владѣлъ собою.

Особенно удалось ему изложеніе одной системы. Это была импровизація. По конспекту лекціи, онъ долженъ былъ изложить эту систему гораздо кратче; но ему, во время самой лекціи, пришли новыя подробности, и онъ подцвѣтилъ ими характеристику не только мыслителя, но и человѣка.

Никогда онъ не возвращался домой, послѣ лекціи, въ такомъ молодомъ, бодрящемъ настроеніи, какъ сегодня.

И заранѣе смаковалъ то, какъ онъ, передъ обѣдомъ, немножко отдохнетъ въ кабинетѣ, такъ, минутъ двадцать—не больше; потомъ просмотритъ газеты — онъ утромъ ихъ не читалъ — и въ пять часовъ сядетъ за столъ съ своей Лепой.

И вдругъ все это пойдетъ вверхъ дномъ!..

Ясоновъ, войдя въ кабинетъ, весь обставленный красивыми книжными шкафами, — окнами на дворъ,—аккуратно раздѣлся тутъ же; повѣсилъ фрачную пару въ платяной шкафъ, въ маленькой угловой уборной, надѣлъ домашній костюмъ.

Прилечь на диванъ—какъ онъ всегда дѣлалъ—ему что-то не хотѣлось. Онъ нѣсколько разъ прошелся по довольно просторному кабинету, потирая руки — жестъ, являвшійся у него непроизвольно, всякій разъ, если что-нибудь выйдетъ неожиданное, нарушающее его привычки или плавное теченіе мыслей.

Сумерки уже сгущались. Онъ прикоснулся къ кнопкѣ. Надъ письменнымъ столомъ зажглись мгновенно три лампочки.

Къ столу онъ не присѣлъ, а продолжалъ ходить маленькими шагами, поглядывая на столъ, на шкафы, на всю обстановку.

Съ какой любовью, съ какими заботами все это было выбрано, куплено, разставлено и разложено, за послѣдніе три года, въ этой квартирѣ, куда они—молодые—въѣхали послѣ обязательной заграничной поѣздки.

Онъ не коллекціонеръ, не библіофилъ, у него нѣтъ никакой маніи по этой части; но всегда, со студенческихъ годовъ, у него была заботливость о своихъ книгахъ, о письменномъ столѣ, всякихъ „принадлежностяхъ“, объ уютномъ кабинетѣ и разныхъ видахъ холостого комфорта во всемъ, что его умственный режимъ и тѣ наслажденія, какія даетъ тихая, но спорая работа въ красиво и удобно обставленномъ кабинетѣ.

Послѣ обѣда онъ не отдыхаетъ. Почти каждый день жена садится за піанино, и подъ ея милую—хотя и не виртуозную—игру онъ ходитъ по гостиной и думаетъ.

Думаетъ—не зря, не отрывками, а по извѣстной программѣ. У него всегда есть готовый сюжетъ: или завтрашняя лекція, или глава книги—его докторская диссертація,—а то такъ вопросъ, всплывающій по поводу чего-нибудь, прочитаннаго наканунѣ, или утромъ, въ тѣ самые часы, которыми онъ всего сильнѣе дорожитъ.

Но какъ же *теперь* быть?

Вѣдь если швейцаръ не напуталъ, то сюда, въ ихъ квартиру, ввалятся цѣлыхъ двое дѣтей и, конечно, съ ихъ бонной, нѣмкой.

Если заболѣла дѣвочка, то это будутъ двое мальчиковъ—шести и четырехъ лѣтъ. Они очень балованные, шумные; кажется, меньшой—плакса?

И гдѣ же ихъ помѣститъ Лена?

Конечно, въ спальнѣ! Больше некуда.

А сама должна будетъ перейти спать въ свой тѣсный, крохотный будуарчикъ. Ему придется ночевать здѣсь, на турецкомъ диванѣ.

Спальня—просторная, съ двумя кроватями. На одной будетъ спать бонна, на другой—оба крикуна.

И утромъ, когда онъ—въ полнѣйшей тишинѣ, работалъ здѣсь, съ восьми часовъ утра—мальчишки будутъ болтать, куксить или ревѣть, или бѣгать и стучать чѣмъ попало.

Дѣти встаютъ рано, часовъ въ семь; поднимется и бонна.

А кабинетъ его—черезъ узкій корридорчикъ—дверь въ дверь, противъ спальной.

Владиміръ Сергѣевичъ сталъ нервно щелкать пальцами, что̀ съ нимъ бываетъ очень рѣдко. Онъ привыкъ, съ отроческихъ лѣтъ, сдерживать себя, „презирать“ всякую распущенность и, не считая себя нисколько „себялюбцемъ“, также искренно презирать всякую излишнюю нервность, а еще болѣе напускную чувствительность.

Какъ же это Лена такъ распорядилась, даже не дождавшись его возвращенія?

Это ему рѣшительно не понравилось.

Она—вполнѣ самостоятельная личность—во всемъ—это такъ; но тутъ дѣло идетъ не объ одной *ея* личности.

Ихъ двое—мужъ и жена—два равноправныхъ существа!

У каждаго—своя свобода и свои права на извѣстныя условія разумнаго и „цѣлесообразнаго“ существованія.

Развѣ онъ — хоть и считается по закону *главой* семьи и хозяиномъ квартиры, собственникомъ двухъ третей всей обстановки—способенъ былъ бы въ чемъ-нибудь распорядиться и *за нее*, не получивъ ея согласія?

Тысячу разъ—нѣтъ!

У нея—свои знакомые; у него — свои, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ.

Никогда и ни подъ какимъ видомъ не навяжетъ онъ ей новаго знакомаго, не то что уже противъ ея желанія; но и тогда, если это лицо не произвело на нее непріятнаго впечатлѣнія.

Вотъ идетъ третій годъ, какъ они женаты; но онъ не помнитъ, чтобы когда-либо привелъ, не предупредивъ ее, обѣдать даже кого-нибудь изъ своихъ теперешнихъ коллегъ или школьныхъ товарищей.

Правда и то, что и Лена вела себя по той же программѣ.

Она даже педантична по этой части. Если ей случается, невзначай, или по разсѣянности, вскрыть письмо, адресованное ему,—она приноситъ его съ извиненіемъ.

Не даромъ же она слыветъ „заядлой“ поборницей полной взаимной свободы и независимости.

Владиміръ Сергѣевичъ началъ чувствовать, что онъ полегонечку раздражается.

Ему захотѣлось узнать — въ чемъ тутъ дѣло. Горничная Паша, бойкая и смышлёная „интеллигентка“—такъ они ее звали съ Леной—все ему толково разъяснитъ.

Онъ заглянулъ сначала въ столовую—квадратную комнату,

небольшую, нарядную, увѣшанную блюдами, съ поставцомъ въ русскомъ стилѣ.

Столовая оказалась еще темной, а сейчасъ пробило половину пятаго.

Онъ освѣтилъ ее. Столъ не накрытъ.

Это его ущемило.

— Паша!—крикнулъ онъ, пріотворяя дверь въ спальню.— Вы здѣсь?

— Здѣсь, баринъ.

— Почему не накрыто къ обѣду?

Паша—вся красная, съ влажнымъ лбомъ—рослая, франтоватая дѣвушка, въ чепчикѣ и шолковомъ фартукѣ—показалась на порогѣ.

— Простите Христа-ради, Владиміръ Сергѣичъ!—заговорила она, часто сыпля слова и нѣсколько отдуваясь.—Барыня кушать не будутъ. Ждутъ гостей... Вотъ, надо было все приготовить въ спальнѣ. Дѣти Аделаиды Ѳедоровны и съ мамзелью... пріѣдутъ сейчасъ. И для барыни надо было все уставить въ угловой. Простите! Я духомъ накрою вамъ. Елена Дмитріевна говорили— ихъ вамъ къ обѣду не ждать. Опоздаютъ.

Значитъ, все это—правда, и швейцаръ ничего не переврал̀ъ.

Надо было смириться передъ совершившимся фактомъ. Сейчасъ привезутъ тѣхъ крикуновъ—и неизвѣстно, на сколько недѣль будетъ здѣсь—„дымъ коромысломъ".

Онъ прошелъ въ гостиную, но свѣта не пускалъ, и въ полутемнотѣ сталъ ходить по этой очень красивой и модной комнатѣ, отдѣланной бѣлымъ, съ нѣжно-палевой матеріей, по англійскимъ рисункамъ.

Лена не увлекается повѣтріемъ того, что зовутъ „modern style"; но она находитъ, что въ архитектурѣ и отдѣлкѣ комнатъ стиль этотъ очень изященъ и легокъ.

Стало быть, Лена не могла иначе поступить, какъ согласиться на перевозъ тѣхъ мальчишекъ-крикуновъ въ ихъ квартиру.

Можетъ быть, она сама предложила это своей кузинѣ Штаркъ.

Эта Аделаида Ѳедоровна—двоюродная сестра Лены по матери—всегда производила на нее „давленіе".

Такъ повелось еще съ дѣтства Лены. Онѣ росли вмѣстѣ. Адель на пять лѣтъ старше ея.

И еще гимназисткой Лена во всемъ подражала Адели. Та ей „импонировала" и своей рослой, теперь уже отяжелѣвшей фигурой, и тономъ, и тѣмъ, какъ она умѣла себя поставить въ

семьѣ, въ классѣ, потомъ барышней-невѣстой, потомъ женой и хозяйкой своего салона и дамой-патронессой.

Мужъ ея — полунѣмецъ по отцу — хотя и „воитель“ изъ „моментовъ“, то-есть изъ ученыхъ офицеровъ, и въ подполковничьемъ чинѣ, но Аделаида Ѳедоровна вертитъ имъ и такъ, и этакъ. Въ домѣ она, безусловно, первый нумеръ.

Лена могла бы, по всему складу своихъ идей, принциповъ и привычекъ — держать себя посамостоятельнѣе. Но въ томъ-то и дѣло, что въ ней развито *фамильное чувство.*

Она дорожитъ своей умственной и соціальной эмансипаціей; а сама очень часто является „жертвой родового быта“, какъ онъ давно уже прозвалъ ее.

Лена нашла это прозвище остроумнымъ и вѣрнымъ: она сама способна подтрунивать надъ собою; но оно такъ! „Родовой бытъ“ и то, что онъ же—по Спенсеру—назвалъ ея „обрядовымъ правительствомъ“, владѣютъ ею, если не во всѣхъ мелочахъ жизни, то во всякій крупный моментъ—вотъ въ родѣ такого переселенія мальчишекъ Адели къ нимъ на неопредѣленное время.

Со стороны Адели довольно-таки безцеремонно было: соглашаться на предложеніе Лены, даже если та первая стала просить объ этомъ.

Просить—врядъ-ли; но сказать сейчасъ же: „перевези ихъ къ намъ“—*на это* она весьма и весьма способна.

Штарки—далеко не бѣдные люди, куда состоятельнѣе ихъ обоихъ! Адель выходила замужъ съ порядочнымъ капиталомъ. Мужъ—землевладѣлецъ, гдѣ-то въ западномъ краѣ, и по должности у него хорошій окладъ.

А въ довершеніе всего, они живутъ въ казенной квартирѣ!

Развѣ нельзя было отдѣлить совсѣмъ дѣвочку?.. У нихъ тамъ чуть не двѣнадцать комнатъ. Можно было бы изолировать больную.

Наконецъ—поселить мальчиковъ съ бонной въ отелѣ! Они могли бы позволить себѣ такой расходъ. Какихъ-нибудь полтораста—двѣсти рублей!..

Но онъ понимаетъ—почему такъ вышло.

Адель начала, конечно, причитать: „въ гостинницѣ комнатъ никогда не провѣтриваютъ; можетъ быть, жилъ какой-нибудь грудной, если не тифозный“!

Сколько разъ они съ Леной возмущались этимъ жестокимъ эгоизмомъ нынѣшнихъ матерей и отцовъ, этими барскими страхами жизни и смерти, по поводу всякаго заболѣванія.

Къ счастью, ни его, ни ее такъ не держали. Матери и отцы любили ихъ,—оба они съ Леной разомъ осиротѣли—но тогда

еще не было такого повальнаго малодушія и жаднаго эгоизма охранительныхъ мѣръ.

А ихъ отцы и матери, когда были дѣтьми, знали еще менѣе такіе порядки. Никогда ихъ не выселяли изъ дому, при первомъ подозрѣніи, что у Манечки или Петруши показалась въ горлѣ подозрительная краснота.

Съ какимъ сочувствіемъ читали они суровыя обличенія такого „баловства“ у автора „Плодовъ просвѣщенія“, и какъ они заливались смѣхомъ, когда смотрѣли ту сцену, гдѣ барыня впадаетъ чуть не въ истерику, при видѣ троихъ мужиковъ, изъ курской губерніи, гдѣ появилась какая-то повальная болѣзнь.

И долго они говорили „макрòбы“ вмѣсто—„микрòбы“, какъ называетъ, въ этой комедіи, буфетчикъ, объясняющій мужикамъ, что это—„такія козявки“.

Вотъ теперь и Лена, и онъ—жертвы барско-фамильнаго малодушія.

И это дѣлается у завзятыхъ „интеллигентовъ“. Адель и ея мужъ—ученый „мòментъ“—довольно-таки кичатся своимъ „умственнымъ цензомъ“, какъ выражается подполковникъ Штаркъ, говорящій не иначе, какъ книжнымъ языкомъ.

— Пожалуйте кушать! — окликнула Паша, показываясь въ дверяхъ гостиной.—Простите... темень здѣсь какая.

— Не надо освѣщать,—довольно сухо отозвался Владиміръ Сергѣевичъ, переходя, съ горничной, въ столовую, гдѣ, едва-ли не въ первый разъ, долженъ былъ обѣдать въ одиночествѣ.

Борщòкъ отзывался дымомъ, а ватрушка была сыровата.

Но онъ ничего не сказалъ—у него было правило: не дѣлать никакихъ замѣчаній прислугѣ по всему, чтò не касалось прямо его.

Онъ еще не кончилъ обѣда, когда раздался сильный звонокъ.

— Барыня!—крикнула Паша, пробѣгая въ переднюю.

„Вавилонское плѣненіе начинается“,—подумалъ онъ, всталъ, кинулъ салфетку на столъ и пошелъ въ переднюю, ожидая, что „вся орàва“ ввалится сейчасъ же.

— Лодя! Милый!.. Прости!

Съ этими словами бросилась къ нему жена, не снимая шубы.

Лицо у нея было на небывалый ладъ возбуждено.

— Ты уже знаешь?—спросила она, положивъ руки на его плечи.

— Да... Ты всѣхъ ихъ привезла?

— Нѣтъ, они сейчасъ будутъ... Надо ихъ покормить. Паша! Скажите сейчасъ же Натальѣ. И три прибора... мальчикамъ и Fräulein, — назвала она по-нѣмецки бонну.

И, отведя мужа въ уголъ, она въ полголоса поспѣшно заговорила:

— Ты понимаешь... я не могла отказать. Адель адски перепугана! Докторъ сейчасъ же предписалъ вспрыски сывороткой.

— Ты сама ей предложила? — спросилъ Владиміръ Сергѣевичъ, напирая на слово „ты“.

— Такъ вышло, Лодя... Но больше двухъ недѣль это не продлится! Захватили сейчасъ же. Дѣвочка крѣпкая... ты знаешь...

— Знаю,—выговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Дѣлать ей упреки онъ счелъ бы совершенно непозволительнымъ.

Она и сама понимаетъ: каково ему придется... особенно по утрамъ.

„*Ананкэ*“!—выговорилъ онъ мысленно по-гречески фатальное слово: рокъ!!

II.

И только черезъ три недѣли въ квартирѣ Ясоновыхъ водворилась тишина.

Кончилось „вавилонское плѣненіе“.

Елена Дмитріевна выдержала этотъ искусъ, снаружи, кротко и ласково, но съ глазу на глазъ съ мужемъ,—особенно когда стало уже заходить за полмѣсяца—то полушутливо, то серьезно выражала и свое недовольство.

Сегодня они, въ первый разъ, обѣдали одни, въ квартирѣ, гдѣ все налажено по прежнему.

Но нашествіе „юной орды“—такъ называлъ Владиміръ Сергѣевичъ—оставило-таки по себѣ и матеріальные слѣды.

Въ будуарѣ Елены Дмитріевны меньшой мальчикъ „раскòкалъ“ цѣнную фарфоровую статуэтку, въ спальнѣ была порвана кружевная гардина и оказалось пятно на коврѣ. А одинъ позолоченный стульчикъ и совсѣмъ развалился: они играли въ поѣздъ желѣзной дороги и садились на тонкія ножки, поставивъ стулъ спинкой книзу.

Сердиться на шалуновъ—безполезно. Елена Дмитріевна только разъ, когда старшій ударилъ чѣмъ-то о колпакъ лампы, сдѣлала легкое замѣчаніе боннѣ.

Та—сейчасъ же—въ слезы, и послѣ того хозяйка уже ни во что не входила.

— Уфъ!—передохнулъ Ясоновъ, когда они, сидя одинъ противъ другого, начинали обѣдъ.

— Уфъ!—повторила Елена Дмитріевна и прищурила свои большіе каріе глаза.

Глаза эти—главная краса ея маленькаго, худого личика.

Ей пошелъ двадцать-седьмой годъ, а она все еще смотритъ дѣвочкой-подросткомъ.

Такою полюбилъ ее мужъ, давно, когда она еще ходила въ темно-коричневомъ платьѣ выпускной гимназистки; а онъ уже пріѣхалъ изъ Германіи, куда былъ посланъ на казенный счетъ—по своему предмету.

Она перестала рости по пятнадцатому году; такъ и осталась она маленькой,—съ чѣмъ помирилась, когда начали ей шить длинныя платья.

Головка ея—въ темнорусыхъ волнистыхъ волосахъ—сохранила все тотъ же дѣвическій складъ и привычные повороты вправо и влѣво, которые такъ нравились Ясонову, да и теперь нравятся.

Лицо—худое, но съ здоровымъ, ровнымъ, слегка розовымъ оттѣнкомъ кожи; родимое пятно надъ правой губой, густыя брови, придающія лицу что-то смѣлое и сильное; чудесные зубы, маленькій ротъ и круглый подбородокъ — и добрый, и настойчивый.

Для Ясонова Лена—рѣдкій „экземпляръ“, въ которомъ „женственное—„das Weibliche“—сложилось такъ характерно, а взяло такъ мало матеріи.

Вся она—миніатюра; но всѣмъ своимъ „я“ изображаетъ собою „микрокосмъ“.

Уже въ первый годъ ихъ супружества, Лена любила шутить на ту тему, что вотъ онъ, такой длинный-длинный, съ „коломенскую версту“, и полюбилъ такую „фитюлю“, какъ она.

И сегодня, послѣ „нашествія иноплеменныхъ“, они сидятъ и радостно смотрятъ другъ на друга.

Она не любитъ, когда кто-нибудь—въ томъ числѣ и ея кузина Адель—намекнетъ на то, что она влюблена, до сихъ поръ, въ своего „благовѣрнаго“.

Самое это прибауточное слово: „благовѣрный“—ненавистно ей.

Но она—несмотря на все „credo“ самостоятельной женщины—чувствуетъ силу своей привязанности и считаетъ это не рабствомъ, не оковами, а большимъ счастьемъ; только не находитъ нужнымъ объ этомъ распространяться.

Владиміръ Сергѣевичъ это знаетъ и щадитъ ея щепетильность.

„Маленькія всегда съ душкомъ“,—повторяетъ онъ про себя;

но этотъ „душокъ“ и всѣ ея „интересы“ не мѣшаютъ ей быть прекрасной женой, покладливой, дѣятельной, отличной хозяйкой, заботиться не только о томъ, что *ему* нужно, но и о своихъ туалетахъ.

Будь у нея больше времени—она бы сама съумѣла отдѣлать шляпку и скроить себѣ кофточку, и даже цѣлое платье.

Опять она въ своей „похожалкѣ“, которая къ ней такъ идетъ. „Похожалка“ эта—капотъ-платье—въ видѣ мѣшка, съ кружевнымъ боркомъ, изъ мягкой шолковой матеріи, съ красивымъ рисункомъ по сѣровато-голубоватому фону.

И раньше они оба не долюбливали возни съ дѣтьми, того особеннаго захватывающаго „обсахариванья“ своихъ Манечекъ и Петрушъ потому только, что они—*ихъ* дѣти, того новѣйшаго баловства, которое дѣлаетъ всякаго „мальчишку“ и „дѣвчонку“ домашними идолами, и готовитъ въ будущемъ „уродовъ“.

Какъ общественный дѣятель, Елена Дмитріевна, конечно, стояла за все, что нужно дѣлать для дѣтей, но не въ этой домашней, буржуазно-барской формѣ.

Въ мужѣ своемъ она нашла, по этой части, полнѣйшаго сочувственника. Онъ къ дѣтямъ равнодушенъ, а съ ихъ инцидента еще строже относится къ нимъ.

— Знаешь, Лена,—заговорилъ Владиміръ Сергѣевичъ, принимаясь за второе блюдо: — я какъ-то слышалъ, за границей, возгласъ одного брюзги-француза, насчетъ этихъ „ангеловъ“. Ѣхалъ я изъ Парижа на море. И въ нашемъ отдѣленіи ребенокъ, не русскій, у кормилицы, при очень франтоватой матери, все время задавалъ концертъ. Когда его унесли на какой-то станціи, старикъ-брюзга, съ красной ленточкой въ петлицѣ, передернулъ плечами и сказалъ вслухъ въ видѣ афоризма: „il faut parquer les malades, les aliénés, les chiens et les enfants“!

Оба разсмѣялись.

— Да, это великая обуза и помѣха всему! — убѣжденно и немного сдвинувъ брови, выговорила Лена.

И, сдержавъ себя, спокойнѣе и мягче продолжала:

— Адель... была замѣчательная дѣвушка...

— Ты ею увлекалась,—подсказалъ онъ.

— Можетъ быть, Лодя. Мы не станемъ этого касаться! Но согласись... она прямо выдѣлялась изъ всѣхъ своихъ товарокъ. И вотъ, въ какихъ-нибудь десять лѣтъ—она только насѣдка. Ничто для нея не существуетъ, кромѣ ея цыплятъ!

— Однако она могла же ихъ оставлять у насъ цѣлыхъ три недѣли? Заѣзжала разъ въ три-четыре дня.

— Потому что Мися—ея главный идолъ... Красавица!

— Точно они ее, съ этихъ лѣтъ, готовятъ въ морганатическія супруги какому-нибудь владѣтельному герцогу!

Лена взглянула на мужа.

Если онъ такъ язвительно шутитъ, значитъ ему пришлось, въ эти три недѣли, слишкомъ солоно.

Конечно! Другой бы, на его мѣстѣ, поднялъ страшную бурю. Тѣмъ болѣе, что онъ не долюбливаетъ ни Адели, ни, въ особенности, ея „момента", который, каждый день, жаловалъ къ нимъ, и утромъ, и вечеромъ, и ни разу не извинился, какъ слѣдуетъ, ни передъ нимъ, ни передъ Леной за такой несносный „постой"—точно будто такъ тому и быть слѣдуетъ.

И виновата—*она!*

— Ну, Лодя, милый!—она протянула ему свою хорошенькую, совсѣмъ бѣлую руку, безъ колецъ.—Прости меня еще разъ. Ничего такого больше не случится.

Помолчавъ, она добавила:

— Какъ мать, Адель могла переполошиться. Но у Миси былъ вовсе не дифтеритъ... какъ слѣдуетъ; просто ангина съ бѣлыми пятнышками, а не съ плёнками. Отъ впрыскиванія сыворотки ее только ударило въ жаръ и усилило ея нервность... Со второй недѣли ни малѣйшей опасности не было!

— А послѣ того Аделаида Θедоровна изволила продержать у насъ своихъ баши-бузуковъ еще ровно двѣнадцать дней.

— Ты тайно считалъ, Лодя?

— Еще бы!

Они опять засмѣялись, и Владиміру Сергѣевичу сдѣлалось немного совѣстно за свое недоброе чувство... Лена не меньше была выбита изъ колеи, чѣмъ онъ, а готова все забыть.

Правда, ему мѣшалъ шумъ, какой поднимали тѣ „баши-бузуки", раннимъ утромъ; но на ней лежали всѣ заботы по столу; она должна была присматривать и за бонной, и за дѣтьми. Однѣ ванны для меньшого—Ясоновъ прозвалъ его „Мамай"—какая возня! А своей прислуги Аделаида Θедоровна не соизволила отрядить—все изъ-за преувеличенныхъ страховъ.

— Это поучительно! — сказала Лена, сдѣлавъ свой милый поворотъ головы—точно она смотритъ вверхъ изъ окна.

Мужъ ея и ей самой, и своимъ близкимъ знакомымъ, говаривалъ не разъ, что поворотъ головы и взглядъ Лены дѣлаютъ ее похожей на того изъ херувимовъ, который у Рафаэля, въ Сикстинской Мадоннѣ, смотритъ вверхъ, подперевъ голову рукой.

— Поучительно?—повторилъ Ясоновъ.

— Весьма! Во-первыхъ, Лодя, я должна, наконецъ, признать, что ты глубоко правъ... Во мнѣ сидитъ пережитокъ родового быта. Никакого престижа Адель для меня не имѣетъ, какова она теперь... не прежняя Адель Поморцева, а подполковница Штаркъ, супруга тошнѣйшаго момента и мать трехъ идоловъ.

— Распознала?

— Распознала... Что дѣлать?! Это—какъ у мужиковъ... Бытъ —сильнѣе всего. Бывало, папа—когда былъ мировымъ судьей—читаетъ имъ цѣлое поученіе о безуміи: ухлопать на свадьбу сто рублей и больше, прямо разсердится. А они въ отвѣтъ: „Какъ же не сыграть свадьбы, батюшка Митрій Лексѣичъ... Помилосердствуй"!

Лена забавно подражала сѣверному мужицкому говору на „онъ".

— Такъ и ты?

— Такъ и я!.. А во-вторыхъ,—продолжала она такъ же весело:—я еще больше благословляю небо за то, что мы съ тобой, Лодя,—закоренѣлые холостяки.

Это была ихъ всегдашняя шутка.

Оба чувствовали себя „холостяками", хотя и жили душа въ душу.

Но Владиміръ Сергѣевичъ женился уже тридцатилѣтнимъ мужчиной, со всѣми привычками молодого ученаго. И жизнь съ женой—въ сущности—мало измѣнила его. Про него уже никто бы не сказалъ: „Ясоновъ обабился".

Первая Елена Дмитріевна огорчилась бы этимъ страшно. Для нея мужчина долженъ оставаться личностью и въ бракѣ, хотя бы и въ такомъ, гдѣ все основано на взаимной любви.

— „Лодя любитъ меня,—говоритъ она обыкновенно; но я для него—совсѣмъ не божокъ, не кумиръ!.. Изъ-за любви ко мнѣ онъ не поступится тѣмъ, что для него дороже всего: его убѣжденіями, тѣмъ, что онъ считаетъ правдой и нравственнымъ закономъ".

Почти то же если не говорилъ, то думалъ и Владиміръ Сергѣевичъ.

Не любилъ онъ избитыхъ цитатъ, но дѣлалъ исключеніе для одной, хотя она—изъ самыхъ избитыхъ:

„Amicus Plato, sed magis amica—veritas".

И обоимъ стало по-дѣтски весело, что заживутъ они по прежнему, въ этой квартирѣ, гдѣ все такъ отвѣчаетъ ихъ внутренней жизни, идеямъ и вкусамъ, привычкамъ и настроеніямъ.

— Ахъ, жаль, что у насъ нѣтъ шампанскаго! — подумалъ вслухъ Ясоновъ.

— Можно послать... Лода?!

И, одумавшись, она прибавила:

— Не будемъ очень радоваться. Натерпѣлись... это правда; но вѣдь никакой особенной бѣды не вышло. Адель все-таки хорошая женщина... по своему. И страстная мать. То же самое со всякой можетъ случиться.

Про себя, она подумала:

„И со мною, будь у насъ дѣти“.

Мужъ точно догадался, и съ выразительнымъ жестомъ правой руки воскликнулъ:

— Да идетъ мимо насъ съ тобой чаша сія!

Лена весело кивнула головой.

Въ этомъ они давно однѣхъ мыслей и однихъ желаній.

И безъ шампанскаго они протянули другъ къ другу рюмки съ виномъ и чокнулись.

Вспоминая годы житья въ Берлинѣ и Гейдельбергѣ, Владиміръ Сергѣевичъ возгласилъ студенческое:

— „Prosit“!

— „Prosit“!—повторила Лена.

Имъ не хотѣлось что-то говорить о разныхъ очередныхъ „сурьезностяхъ“ — и стороннихъ, и своихъ.

Послѣ обѣда Лена раскрыла піанино—въ первый разъ послѣ нашествія малолѣтнихъ и заиграла любимую мужемъ Рубинштейновскую: „Mélodie en fa“.

Подъ красивое, мечтательно-бодрящее наростаніе звуковъ Ясонову особенно хорошо думалось.

Онъ походилъ сначала подъ музыку по гостиной, а потомъ перешелъ къ себѣ и тамъ прилегъ немного на кушетку, въ темнотѣ.

Ему надо было готовиться къ лекціи, и онъ съ наслажденіемъ подумалъ о томъ, что ни малѣйшаго шуму въ квартирѣ не будетъ.

Тѣ „ангелы“ засыпàли не раньше десятаго часа, и въ самые, для него, драгоцѣнные часы—отъ семи до девяти—когда онъ приступалъ къ вечерней работѣ, поднимали несносную бѣготню по всѣмъ комнатамъ, кромѣ его кабинета, куда онъ ихъ не пускалъ.

Но не сразу сталъ онъ обдумывать лекцію.

Его теплая, помолодѣвшая мысль витала вокругъ той маленькой женщины, что̀ играла въ гостиной уже другую мелодію

Рубинштейна—ту самую, которую онъ, еще гимназистомъ, слыхалъ—на большихъ концертахъ—въ исполненіи Антона Григорьевича...

Когда яростныя „bis“ не смолкали, а безумно-пылкія поклонницы взбирались на эстраду и, неистово хлопая, влекли геніальнаго мастера на эстраду—онъ двигался нетвердой походкой, весь въ испаринѣ, съ непокорными, кудластыми прядями волосъ по всему Бетговенскому лбу, садился и начиналъ—почти всегда —эту мелодію.

Въ ея музыкальныхъ фразахъ есть что-то еще болѣе бодрящее, сильное и убѣжденное, то̀ именно, что̀ ему всегда нужно, передъ тѣмъ, какъ онъ сядетъ вплотную за работу.

Тогда мысли летятъ стройно, не перегоняя другъ дружку, и ложатся раздѣльными рядами, ведя къ обобщеніямъ, по строго логической нити, чтобы привести къ заключительному синтезу.

Вѣдь и это своего рода музыка, и она даетъ высшую духовную радость.

Давно Ленѣ такъ не удавалась экспрессія нѣкоторыхъ оборотовъ этой Рубинштейновской мелодіи.

И какъ *мужественно* она играетъ!

Потому что у нея душа не маленькой женщины, а сильнаго и большого мужчины.

Нужды нѣтъ, что ее называютъ „феминисткой“. Онъ не любитъ этого слова и никогда его не употребляетъ. Но ея феминизмъ—прямое доказательство того, что она чужда всего мелко-женскаго, всякаго вздора, всѣхъ о̀ховъ и а̀ховъ огромнаго большинства женщинъ, даже самыхъ развитыхъ и природно выдающихся.

У нея общественные интересы связаны со служеніемъ высшимъ задачамъ современной женщины; но насѣдкой, такой вотъ, какъ чадолюбивая подполковница, Аделаида Ѳедоровна Штаркъ, она не будетъ—а главное, *не желаетъ* быть.

Она не любитъ, когда кто-нибудь скажетъ:

„Домъ безъ дѣтей—какъ это печально“!

Они этого не находятъ. Вѣдь тѣ два „Мамая“, которые бушевали здѣсь—могли бы быть ихъ мальчиками. А можетъ, и еще шумнѣе, и еще несноснѣе?! И неужели потому только надо было бы считать ихъ „ангелами“, дѣлать изъ нихъ своихъ болванчиковъ, что они—*ихъ* дѣти, а не чужія?

Владиміру Сергѣевичу сдавалось, что въ эти минуты у его умненькой и чрезвычайно чуткой подруги въ головѣ такія же мысли.

Елена Дмитріевна, играя, наслаждалась тѣмъ, что она вотъ свободна, глубоко и всесторонне свободна, а выше свободы—ничего нѣтъ въ жизни, ничего!

Какъ бы мужъ и жена ни спѣлись, какія бы чувства ни связывали ихъ—родись ребенокъ, и начнется *рабство*.

Оно неизбытно—это рабство! Тогда мать, изъ-за судьбы своихъ чадъ, способна все переносить.

Или наоборотъ... Мужъ впадетъ въ постыдное рабство передъ матерью своихъ дѣтей и упадетъ въ глазахъ жены—такой, какъ она.

И радость ея все возростала и сказывалась въ тѣхъ „ritardando“ и „accelerando“, которыя выдѣлывали ея худенькіе пальцы, не настолько короткіе, чтобы не сладить съ хватками Рубинштейновской мелодіи.

„Не хочу!“—повторяла она про себя; и это „не хочу“ относилось все къ тому же, о чемъ думалъ и мужъ ея.

Они женаты третій годъ. Это уже не малое ручательство за то, что и дальше домъ ихъ будутъ сентиментально называть любительницы готовыхъ французскихъ фразъ: „une maison sans enfants“.

Полный мракъ обволакивалъ ее передъ пюпитромъ піанино. Но она знала наизусть то, что̀ играла, и руки ея увѣренно бѣгали по клавишамъ.

Еще побродила Лена, наигрывая что-то тихое, баюкающее.

И когда захлопнулась доска инструмента, Владиміръ Сергѣевичъ привсталъ, потомъ совсѣмъ поднялся и сѣлъ къ своему рабочему столу.

То же сдѣлала и Елена Дмитріевна.

У обоихъ есть всегда что-нибудь на очереди.

Онъ началъ готовить лекцію; она—писать рефератъ для очередного засѣданія того общества, гдѣ она секретаремъ.

III.

По дорогѣ на свою лекцію, Ясоновъ, дня два-три спустя, вышелъ изъ вагона конки—онъ любилъ этотъ способъ передвиженія—на перекресткѣ, и черезъ минуту входилъ въ подъѣздъ отеля.

Онъ зналъ, что застанетъ того, кто предупредилъ его наканунѣ депешей о своемъ пріѣздѣ изъ Москвы, съ сегодняшнимъ скорымъ поѣздомъ.

Пріѣхалъ его дядя, меньшой братъ матери, Павелъ Ильичъ Вороновъ—извѣстный писатель.

Ясонову досадно было, что нѣтъ у нихъ лишней комнаты поселить его у себя. А пріѣхалъ тотъ пожить съ недѣлю, „взять порцію Петербурга", какъ онъ обыкновенно говорилъ.

Уступить ему совсѣмъ свой кабинетъ—на это Ясоновъ не рѣшился.

Его утѣшало то, что и дядя не пошелъ бы на это, ни за что, не желая кого-нибудь и въ чемъ-нибудь стѣснять.

Даже будь у нихъ лишняя комната въ квартирѣ—для друзей—онъ и тогда не согласился бы.

Какъ подлинный закоренѣлый холостякъ (а не такіе фиктивные, какъ они съ Леной), онъ проповѣдывалъ неизмѣнно: безусловную необходимость жить всегда такъ, чтобы тратить ничтожный minimum времени и душевной энергіи на матеріальныя заботы, почему и прожилъ весь вѣкъ въ отеляхъ и garnis, и заграницей, и въ Россіи.

Обзаводиться квартирой, по его теоріи, это—поступать въ „крѣпостное услуженіе" къ вещамъ и къ тысячѣ заботъ обо всякомъ „вздорѣ". А что изъ этого вздора неизбѣжно—то всякій порядочный отель или сносное garni могутъ доставить за пять рублей въ Россіи, за десять франковъ въ Швейцаріи и Франціи и за восемь марокъ у нѣмцевъ.

Швейцаръ показалъ ему, въ сѣняхъ—по какому корридору подняться.

У него найдется еще полтора часа до лекціи. Если дядя предложитъ ему закусить—здѣсь же, въ ресторанѣ отеля—онъ согласится. А тотъ завтракалъ неизмѣнно въ двѣнадцать.

Постучавшись, онъ вошелъ въ тѣсноватый нумеръ, гдѣ кровать была отгорожена ширмами; а слѣва, у окна, стояло маленькое бюро.

Павелъ Ильичъ дописывалъ письмо.

— А!.. Володя! Милый! Сію минуту...

Вороновъ сдѣлалъ росчеркъ, приложилъ листокъ къ пропускной бумагѣ и задѣлалъ конвертъ—все это безъ торопливости, методически.

— Ну, здравствуй!

Они поцѣловались.

Дядя былъ порядочнаго роста, но на полголовы ниже племянника, съ сѣдой, коротко остриженной головой и бородкой, еще очень свѣжій, плотный въ тѣлѣ, одѣтый въ синій сьютъ.

— Какимъ вы смотрите молодцомъ! — не желая льстить, вскричалъ Ясоновъ.

— Не сглазь! Садись... Хочешь чего-нибудь? Стаканъ чаю? Или не останешься ли позавтракать? А?

Павелъ Ильичъ говорилъ высокимъ, молодымъ голосомъ, немного отрывисто и очень скоро, точно диктуя вслухъ.

Но произношеніе было не петербургское. Несмотря на свои частыя поѣздки за границу, гдѣ онъ живалъ подолгу—въ немъ бывалый человѣкъ распозналъ бы легко коренного москвича; скорый темпъ рѣчи не отзывался, правда, московскимъ разговорнымъ масломъ; но интонаціи отдѣльныхъ словъ были настоящія московскія.

Онъ и родился въ Старой-Конюшенной, и учился въ старой столицѣ.

Никогда и нигдѣ Павелъ Ильичъ не служилъ и въ паспортной книжкѣ значился „кандидатомъ правъ".

— Такъ позавтракаешь со мной?

— Охотно, дядюшка.

— А обѣдать я бы успѣлъ и съ вами, да твоя Лена переполошится.

— Я ее предупредилъ, на всякій случай.

— Спасибо... Вы въ которомъ?

Ясоновъ зналъ, что дядя раньше шести не обѣдаетъ; но они и объ этомъ переговорили съ Леной.

— Въ шесть.

— Кажется... вы раньше обѣдаете? Пожалуйста, изъ-за меня не стѣсняйтесь.

— Да нѣтъ же, дядюшка!

— А теперь идемъ.

Они спустились въ ресторанъ и сѣли въ буфетной комнатѣ, у окна, выходящаго на улицу. Никого еще не было.

Павелъ Ильичъ—человѣкъ строгихъ привычекъ во всемъ. Онъ не признавалъ русскихъ закусокъ, исключеніе дѣлалъ только для зернистой икры, которую ѣлъ даже съ рябчиками—„поостзейски", какъ всегда пояснялъ онъ, — ненавидѣлъ куреніе, вообще—любилъ распространяться о томъ „варварствѣ" и „возмутительномъ эгоизмѣ", съ которыми курильщики, въ Россіи, злоупотребляютъ своей „антисоціальной слабостью": не только вездѣ отравляютъ воздухъ, но за обѣдомъ часто и самъ хозяинъ, въ присутствіи дамъ, начинаетъ курить со второго блюда.

„Со второго!" — съ ужасомъ повторяетъ онъ каждый разъ, поднимая вверхъ указательный палецъ.

И на этотъ разъ Павелъ Ильичъ съѣлъ одинъ маленькій сандвичъ съ икрой. Водки онъ не пьетъ, и у него есть цѣлая теорія, по которой въ Россіи три четверти мужчинъ образованнаго класса—„тайные и явные алькоголики".

— Гораздо больше простого народа!—всегда прибавитъ онъ.

Ясоновъ тоже не пилъ водки, что дядя особенно одобрялъ въ немъ.

Мягкій свѣтъ изъ окна, отраженный на свѣжемъ снѣгѣ, падалъ на лицо Павла Ильича.

„Молодцомъ смотритъ дядя!—подумалъ Ясоновъ. – Интересный мужчина!"

Между ними, по годамъ, было не больше пятнадцати лѣтъ разстоянія. Дядѣ врядъ ли перевалило за пятьдесятъ. Посѣдѣлъ онъ рано; но на щекахъ и на лбу ни одной замѣтной морщины.

— Какой вы свѣжій, дядюшка! Завидный женихъ!—прибавилъ Ясоновъ вслухъ.

— Не сглазь!.. А отчего?

— Отъ холостого званія—скажете?

— Полагаю! Статистика противъ меня—я знаю. Но въ ней все не тотъ подборъ фактовъ.

— Въ какомъ же смыслѣ?—весело и заинтересованно спросилъ Ясоновъ.

Онъ любилъ „разносы" стараго холостяка, всегда обоснованные смѣлыми парадоксами, и въ пріятной формѣ.

Вообще, у Павла Ильича все, что онъ говорилъ и дѣлалъ, выходило отчетливо и мягко. Выше культурности онъ ничего не признавалъ въ жизни, находя, въ то же время, что „хорошій москвичъ" культурнѣе петербуржца.

— Хотя у васъ и есть *панель* и *прешпектъ*,—прибавлялъ онъ обыкновенно.

— Въ статистикѣ,—продолжалъ Вороновъ, принимаясь за первое блюдо завтрака, — обыкновенно все валятъ въ кучу, и критерій одинъ—продолжительность жизни. Холостяковъ умираетъ больше, чѣмъ женатыхъ. Ergo,—холостая жизнь вредна. Но какихъ холостяковъ?—спрошу я. Всякихъ неудачниковъ, которые женатыми еще менѣе выдержали бы натискъ жизни. А возьми двоихъ мужчинъ одинаковой стойкости въ борьбѣ за жизнь, одинаковаго здоровья и той же умственной силы — сомнѣваюсь, чтобы женатый прожилъ дольше холостого. Ужъ, конечно, не могъ бы онъ столько же надѣлать дѣла, сколько свободный индивидъ. Одна треть энергіи ушла бы на жену и дѣтей!

Ясоновъ тихо улыбался. Доводы дяди были все тѣ же, что и прежде; но форма ихъ варьировалась.

— Когда я начиналъ свое университетское ученіе и ходилъ въ лабораторію, мой наставникъ,—онъ назвалъ громкое имя ученаго, уже давно умершаго,—говаривалъ мнѣ, бывало: „Вороновъ, пожалуйста не женитесь, не сдавши на доктора“. Онъ думалъ, что изъ меня выйдетъ ученый естествоиспытатель; а я очутился въ кандидатахъ правъ. „Не обвѣнчайся я мальчишкой,—продолжалъ мой наставникъ,—я бы давно уже взялъ докторскую степень; а теперь, вотъ, долженъ подзубривать, какъ студентъ—отцомъ семейства!“

Ясоновъ давно зналъ, что Павелъ Ильичъ считается „мизогиномъ“, и не особенно преклоняется передъ феминизмомъ. По второму пункту онъ всегда себя сдерживалъ въ присутствіи Лены, съ которой, до сихъ поръ, видался мало и рѣдко, раза два въ годъ, проѣзжая Петербургомъ за границу и обратно.

Ему хотѣлось, чтобы между дядей и племянницей, хотя только по мужу, установились болѣе родственныя отношенія. Лена находила, что у него съ ней не тотъ „genre“, что онъ говоритъ съ ней всегда въ снисходительно-шутливомъ тонѣ.

Но сегодня, за обѣдомъ, они могутъ „пѣть въ униссонъ“, если рѣчь зайдетъ о недавнемъ ихъ „вавилонскомъ плѣненіи“.

И онъ сейчасъ же разсказалъ ему про ихъ „трагикомическій инцидентъ“.

Вороновъ все время улыбался и поддакивалъ головой.

— А что если такая же кутерьма водворится у васъ самихъ?—спросилъ онъ, подмигнувъ.

— Боже избави!—искренней нотой вырвалось у Ясонова.

— Зарока нельзя давать! Славянское племя плодущее. Это не французы! И наконецъ, тутъ желаніе или нежеланіе супруга въ разсчетъ не принимается...

— И Лена не стремится...

— Да-а?—протянулъ Вороновъ.

— По крайней мѣрѣ до сихъ поръ оно такъ.

— Твоя Лена—по прежнему—въ движеніи? Общества, рефераты, популярныя книжки?

— Отъ этого наша интимная жизнь не теряетъ... Увѣряю васъ, дядя, дома у насъ все держится ею...

— Не сомнѣваюсь!

— И ни съ какой другой женщиной я не могъ бы имѣть столько духовнаго комфорта. Мнѣ работается нисколько не хуже,

чѣмъ бывало... даже и за границей, а гораздо лучше. Тогда слишкомъ многое развлекало и усерднаго магистранта.

И тутъ онъ заговорилъ о своей докторской диссертаціи. Павелъ Ильичъ очень заинтересовался и, положивъ локти на столъ и подавшись немного впередъ своей благообразной сѣдой головой, слушалъ съ одобряющей усмѣшкой.

— Въ добрый часъ, Володя!.. А все-таки ты раньше бы выдержалъ на доктора, еслибъ...

— Поспѣшность для спеціалиста по исторіи мышленія— никуда не годится, дядя!

— Ну, будь по твоему.

Они встали изъ-за стола, очень довольные другъ другомъ. Вороновъ обѣщалъ быть ровно въ шесть.

— И скажи твоей женѣ, что прошлогодній завтракъ оставилъ во мнѣ пріятнѣйшее воспоминаніе. Раковины съ рыбой подъ бешемелью были... удивительно приготовлены!..

Все тотъ же разговоръ и на ту же главную тему продолжался и въ столовой Ясоновыхъ.

Лена „притуалетилась“ — надѣла розоватое fichu Marie-Antoinette, откуда ея шея выплыла—такая бѣлая и тонкая.

Ясоновъ все еще немного побаивался, какъ бы жена его не нашла, что у дяди-резонера все еще не тотъ „genre“ съ племянницей.

Но все, что онъ говорилъ сейчасъ—было ей по нутру. Она искренно смѣялась, когда Павелъ Ильичъ съ юморомъ выражалъ изумленіе предъ ея „добродѣтелью“—все по поводу „нашествія молодой орды“.

Къ концу обѣда, послѣ очень тонкихъ похвалъ хозяйкѣ— особенно за два блюда,—Вороновъ, обратившись къ Ленѣ,—она сидѣла противъ него,—началъ:

— Вотъ вы скажете, что я—неисправимый брюзга... старая дѣва мужского пола... а какъ же мнѣ не находить, что для нѣкоторыхъ мужчинъ бракъ—нѣчто фатальное... и не тогда, когда они несчастны въ супружествѣ; а тогда, если ихъ Клитемнестры —онъ произносилъ: *Клютаймнэстры* — прилипнутъ къ нимъ, какъ плющъ къ дубу?! Pardon за это сравненіе-rococo!..

— Я не стану съ вами спорить, mon oncle...—весело отозвалась Лена.—И я знаю такіе примѣры...

— Позвольте... вотъ сейчасъ я былъ у одного такого добровольнаго мученика. Я ѣду за границу, а онъ возвращается оттуда ко второму семестру.

Онъ назвалъ имя профессора одного изъ провинціальныхъ университетовъ.

— Большая умница!

— Не правда ли?—откликнулся Вороновъ на возгласъ племянника.

— Отличная голова!.. Тонкій, изящный писатель. Хоть онъ и не по моей спеціальности, но въ его этюдахъ — такая глубина мысли и такіе пріемы психическаго анализа...

— Вотъ видишь!.. И что же? Онъ—жалкій рабъ нѣкоторой „Клютаймнэстры“, которая мнитъ себя махровымъ цвѣткомъ интеллигенціи. У этого человѣка нѣтъ воли, онъ не можетъ вамъ сказать сразу: будетъ онъ съ вами завтракать или нѣтъ. Два года назадъ у нихъ было чадо. Тогда это составляло еще нѣкоторую диверсію, а теперь въ грудные младенцы окончательно произведенъ мужъ. Развѣ такія матроны и множество другихъ не представляютъ собою антисоціальный элементъ?

— Еще бы!—вырвалось восклицаніе у Лены.

Она не хотѣла задобривать „дяденьку“; но ей—въ эту минуту—представилась одна изъ ненавистныхъ ей свѣтскихъ dames-patronesses. Онѣ вѣдь, въ сущности, ничего не знаютъ выше своего тщеславнаго „я“, безумно рядятся, декольтируются, тратятъ на себя Богъ знаетъ какія деньги!

— Сюжетъ—интересный, — выговорилъ Ясоновъ въ тонъ женѣ.—Что бы вамъ, дядя, предложить его, въ видѣ лекціи, комитету женскаго собранія?

— Еслибы у меня было больше задора, я бы выступилъ публично съ такой conférence. У насъ еще не такъ, какъ за границей, мечется въ глаза царство хищницъ... и не тѣхъ только, которыя,—выражаясь патетически—„заклеймены позоромъ“, а самыхъ законныхъ супругъ, всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ пшюттокъ, на которыхъ мужчины, въ своемъ безуміи, работаютъ или, лучше, хапаютъ куши, на всякаго рода эксплуатаціи чужого труда.

— Какъ это вѣрно!—вскрикнула Лена.

— Встаньте, въ Парижѣ, на перекресткѣ въ Елисейскихъ-Поляхъ, когда изъ Булонскаго Лѣса течетъ волна экипажей. Сосчитайте, сколько тутъ всажено милліоновъ въ кровныхъ лошадей, экипажи, ливрейную прислугу, туалеты, брилліанты! И—во всемъ этомъ—женщина цинически попираетъ основу всякой нравственности: *коли не поработаешь, то и не поѣшь*!

— Именно цинически попираетъ!—подхватила Лена.

— А скачки? Вѣдь вся эта вакханалія, снобизмъ и азартъ дѣлаются для *нея же*? Проигрываютъ и выигрываютъ куши,

чтобы содержать *ее... ее*, и никого больше; чтобы разоряться на *нее*, дѣлать себѣ рекламу въ лицѣ *ея*!

— Вѣрно, вѣрно!—все возбужденнѣе поддакивала Лена.

И, обернувшись къ мужу, быстро спросила:

— Развѣ это не такъ, Лодя?

— Конечно такъ,—согласился онъ.

— И всѣ ее *содержатъ*!—брезгливо выговорила Лена.—Она давно потеряла всякій стыдъ!—добавила она еще сильнѣе.

— Стало... я вовсе не заявляю парадокса, что этакая женщина—а она царитъ вездѣ!—самый ядовитый, разъѣдающій ингредіентъ общественнаго организма? Она только безстыдно тратитъ и сорйтъ и ничего не вызываетъ, кромѣ соблазна, безпробуднаго тщеславія, чванства и всякихъ чувственныхъ поползновеній...

— Но не всѣ же такія?—тихо спросилъ Ясоновъ.

— Кто же тебѣ говоритъ это? — остановила его Лена и даже взяла его за руку.—Но для каждой личности, трудовой и мыслящей—захватъ, какой производятъ такія женщины—вездѣ, и за границей, и у насъ—прямое оскорбленіе! Прежде... я бывала на субботахъ Михайловскаго театра... а теперь мнѣ прямо противно...

— Не слишкомъ ли это большой ригоризмъ? — вставилъ Ясоновъ.

— Вовсе нѣтъ, Лодя!

И сдѣлавъ жестъ своей маленькой рукой черезъ столъ,— она разсмѣялась.

— Вотъ видите... mon oncle... вы выдаете себя за... какъ, бишь, это?..

— За *мизогина*,—подсказалъ ей мужъ.

— Да, т.-е. за ненавистника женщинъ; и возмущаетесь такимъ царствомъ хищниковъ и трутней женскаго пола. Стало, вы должны сочувствовать тѣмъ изъ насъ, кто хочетъ быть равноправной... съ мужчиной; а для этого главное средство—трудъ, заработокъ, матеріальная независимость.

— Amen,—шутливо проговорилъ Вороновъ.

— Мы къ этому и стремимся...

— И я вамъ препятствовать не буду. Я не охотникъ только до сектантскаго феминизма, по которому женщина желаетъ сама впасть во многіе виды мужскихъ дефектовъ. Это ей же невыгодно. А больше я ни въ какихъ ехидствахъ противъ вашей сестры не повиненъ!

Всѣ трое засмѣялись.

— И замѣтьте,—закончилъ „закоренѣлый“ холостякъ свою проповѣдь: — эти прожигательницы, всаживающія милліоны на украшеніе своего грѣшнаго тѣла—на половину матери, хоть частенько и противъ своей воли. Онѣ производятъ на свѣтъ достойныхъ преемницъ. И такъ пойдетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; все съ большими безсовѣстностью и цинизмомъ...

— Зачѣмъ? — остановила Лена. — Надо вѣрить въ другое будущее.

— Будь по вашему!—согласился дядя.

IV.

Выдался такой денёкъ!..

Съ девяти часовъ утра Елена Дмитріевна—по собственному выраженію—„рыщетъ“ по городу. Врядъ ли удастся ей вернуться во-время къ обѣду. Это случается съ ней уже въ третій разъ, даже и послѣ „вавилонскаго плѣненія“.

А ея Лодя держится за пятичасовой обѣдъ. Онъ, бѣдный, приходитъ голодный, а закусить—до ея возвращенія—значитъ, портить обѣдъ.

— Но какъ же быть?

„Дѣло“ не ждетъ. И въ извѣстные дни наберется его столько, что и въ сутки не передѣлаешь.

До двѣнадцати она была на Острову, занималась текущимъ письмоводствомъ и разными хозяйственными распоряженіями по „общежитію“. Потомъ надо было заѣхать въ редакцію, гдѣ дожидались ее корректуры. За ними пришлось посидѣть больше часа. Ошибокъ оказалось бездна. И какъ она себя ни сдерживала—все-таки очень волновалась, хотя и совершенно безполезно.

Только, въ началѣ четвертаго, по счету третій извозчикъ везъ ее обратно, за Екатерининскій каналъ, въ мѣстность около Садовой, гдѣ—дома, набитые мастеровыми.

Сани подвезли ее, по набережной, къ воротамъ одного изъ такихъ домовъ.

Здѣсь она не была уже нѣсколько дней, и это ее мозжило. Чтобы все хорошо шло, надо навѣдываться непремѣнно черезъ день.

Но концы длинны; необходимо побывать, въ одинъ день, въ разныхъ мѣстахъ.

„Лодя правъ,—думала Лена, еще по дорогѣ: —я занимаюсь

„совмѣстительствомъ". У меня, по крайней мѣрѣ, пять или шесть учрежденій или обществъ, гдѣ я—самымъ усерднымъ членомъ".

А какъ быть? Вѣдь это сдѣлалось не разомъ; накоплялось понемножку...

Но изъ всѣхъ отдѣловъ „совмѣстительства"—какъ въ шутку называетъ ея мужъ—вотъ этотъ, куда она теперь пріѣхала—едва ли не самый для нея дорогой.

Это—ея пріютъ для заброшенныхъ дѣтей. Явились они на свѣтъ всѣ—и мальчики, и дѣвочки—среди того люда, что̀ кишитъ въ самыхъ ужасныхъ ночлежныхъ домахъ и углахъ этой мѣстности. Многіе были брошены матерьми. Объ отцахъ и говорить нечего! Не мало и дѣтей профессіональныхъ воровъ и мазуриковъ; почти у всѣхъ если не матери, то отцы—пьяницы.

Лена, своей легкой и скорой походкой, проникла на длинный дворъ, обставленный со всѣхъ сторонъ старыми, облѣзлыми каменными строеніями.

Посрединѣ шли не то сараи, не то жилыя помѣщенія, и вдоль нихъ навалены горы корзинокъ—самыхъ дешевыхъ, для всякаго съѣстного товара.

Тутъ ютятся одни только корзинщики—низменный видъ заработка, гдѣ всего больше самаго одичалаго и непутёваго народа, живущаго чуть не въ повалку.

Справа, въ двухъ-этажномъ корпусѣ, съ закоптѣлой штукатуркой, вдоль второго этажа, идетъ побурѣвшая деревянная „галдарейка", до-нельзя грязная, съ обмерзлыми ступенями. Съ нея на дворъ выливаютъ помои и бросаютъ всякую не́чисть.

Отъ всего этого идетъ отвратительный запахъ, даже и въ сильно морозные дни.

Но она привыкла ко всѣмъ этимъ благоуханіямъ.

Они ударили ей въ носъ и на лѣстницѣ, по которой она стала подниматься, войдя въ дверь, безъ навѣса, слѣва отъ воротъ, на задахъ пяти-этажнаго дома, выходящаго на набережную.

Что̀ же дѣлать! Нѣтъ средствъ взять другую квартиру. Но когда онѣ двѣ, съ пріятельницей ея, Любой Петрининой, взялись за это дѣло, по идеѣ одного милѣйшаго старичка-благотворителя,—онѣ не мечтали о томъ, чтобы „спасать" больше дюжины дѣтей. А теперь у нихъ уже цѣлыхъ три дюжины, и надо мириться съ большой тѣснотой.

Но какъ же быть? Лучше тѣснота, чѣмъ тотъ „адъ", откуда они добывали этихъ дѣтей.

Лѣстница—чугунная, довольно-таки скользкая; но Лена не боится упасть. Она такъ же легко и быстро поднялась въ третій этажъ.

Дверь до сихъ поръ еще не обита клеенкой. Онѣ съ Любой разсчитываютъ на то, что одинъ лавочникъ, съ Садовой, подаритъ имъ, къ праздникамъ, клеенки и на эту дверь, и на половики.

Она съ усиліемъ отворила дверь, откуда сейчасъ же повалилъ паръ.

Кухня помѣщается при входѣ, за перегородкой, и отъ нея также идутъ неизбѣжные запахи.

Къ ней сейчасъ же высыпала дѣтвора. Ученье кончилось, и дѣти играли въ самой большой комнатѣ, гдѣ приспособлено было кое-что и для гимнастики.

— Елена Дмитріевна! Здравствуйте! Барыня! Милая!

Ее облѣпили, какъ всегда.

— Тише, тише!—останавливала надзирательница, пожилая особа, въ темномъ,—строгая въ лицѣ, но добрѣйшая и очень разсѣянная.

Лена знала, что дѣти ее ни чуточки не боятся, зато любятъ.

Они только-что пообѣдали. Обыкновенно она попадала передъ обѣдомъ и пробовала кушанье. Съ кухаркой у нея скрытая борьба.

Готовить она умѣетъ; но умудряется—и при постоянномъ контролѣ—по малости воровать.

Лена хотѣла-было ее протурить, но удержала практическая Люба, доказывая ей, что „всѣ кухарки воруютъ"! По крайней мѣрѣ, эта не пьяница и не грубіянка.

Но за ней водился и еще одинъ очень непріятный недочетъ: она грязна—и сама, и по кухнѣ. Взяли ей поденщицу-судомойку, но чистоты все-таки не больше, чѣмъ прежде.

Сейчасъ же Лена завернула за перегородку въ кухню, а надзирательница увела дѣтей въ большую комнату.

— Прасковья, здравствуйте!—окликнула Лена кухарку, которую онѣ обѣ съ Любой долго упрашивали носить чепчикъ.

Фартукъ на ней—какъ всегда—грязный-прегрязный.

Лена не выдержала.

— Развѣ у васъ нѣтъ ничего почище, Прасковья?

Она брезгливо дотронулась до края фартука.

— Убираемся, барыня.

Судомойка, у окна, съ чѣмъ-то возилась.

— Все равно!.. Я много разъ просила васъ, Прасковья... А теперь... какъ вамъ угодно—буду требовать.

— Воля ваша!

— Покажите мнѣ, что̀ вы сегодня забирали.

Кухарка была грамотная, но она лѣнилась приготовлять—вб-время—репортички, т.-е. утромъ, послѣ того, какъ придетъ съ базара.

Она должна была доставлять ихъ надзирательницѣ.

Та стояла тутъ же въ дверяхъ.

— Елена Дмитріевна!—начала она нервно:—я каждый день говорю ей, чтобы она записывала сейчасъ же въ книжку или диктовала мнѣ.

— Не справилась, барыня! Нынче постирушка была и много всякой всячины...

— Я прошу васъ!—остановила ее Лена, сдерживая себя.—Нельзя же быть такой упорной!

Съ этими словами Лена прошла въ послѣднюю комнату, минуя тѣсноватый дортуаръ для дѣвочекъ и мальчиковъ,—въ ихъ „канцелярію“, какъ онѣ, въ шутку, звали съ Любой.

Вся хозяйственная часть лежала на ея плечахъ. Надзирательница вела отчетность, но въ бухгалтеріи была не особенно искусна. Приходилось провѣрять ее, что̀ стѣсняло Лену. Та, какъ разъ, обидится. А другую—за тѣ „гроши“, какіе она получаетъ—не скоро найдешь.

А потомъ надо перетолковать и насчетъ дѣтей.

Не мало набиралось, за два, за три дня, всякихъ шалушекъ и разбирательствъ.

Наказанія были самыя легкія, и надзирательница находила, что они недостаточны, при всей ея мягкости.

„Экзекуціи“—безусловно не допускались.

Сотрудница Лены—Любовь Яковлевна Петринина—тоже разрывалась на части по нѣсколькимъ обществамъ,—брала на себя внѣшнія хлопоты: привлекать членовъ, отыскивать жертвователей, устроивать вечера̀, „клянчить“—какъ онѣ сами называли—у кого только можно, а главное—„оббивать пороги“ у разныхъ артистовъ и артистокъ, писателей и лекторовъ,—не говоря уже о тѣхъ безконечныхъ мытарствахъ, чрезъ которыя надо проходить, чтобы добиться разрѣшенія.

Въ женскомъ дортуарѣ няня, чисто одѣтая, въ чепчикѣ, остановила Лену.

— Матушка барыня... Кругликова Лиза вчерась заболѣла.

— Какъ же мнѣ Эмилія Степановна ничего не сказала?

Надзирательница подошла какъ разъ въ эту минуту.

— Простите, Елена Дмитріевна, я не успѣла вамъ доложить.

— Что̀ съ ней?

Нянька сказала въ полголоса:

— Горло захватило. Жаръ есть.

— Какъ же вы мнѣ не дали знать вчера?

Дѣвочка лѣтъ семи—черноглазенькая, полная—лежала въ кровати, вся въ бѣломъ. Щеки разгорѣлись, горло обвязано.

— Здравствуй, Лиза... Что ты чувствуешь?

— Не знаю... уже съ трудомъ пролепетала дѣвочка, и на глазахъ сейчасъ же показались слезы.

— Дайте мнѣ ложку!

Лена въ пріютѣ пріучилась къ роли лекарки. Къ доктору обращались рѣдко. До сихъ поръ не было еще никакой дѣтской эпидеміи.

Но они такъ бѣдны, что нѣтъ особой лазаретной комнаты, да и помѣщеніе такое тѣсное, что съ прилипчивыми болѣзнями это было бы еще хуже.

Принесли ложку. Лена посадила дѣвочку противъ свѣта, придержала ея уже побѣлѣвшій языкъ своимъ платкомъ,—не подумавъ о возможности заразиться,—заставила раскрыть широко ротъ и протянуть звукъ: „а-а“.

Это не удалось съ перваго пріема—непроизвольныя движенія дѣвочки мѣшали до трехъ разъ.

Одного быстраго и остраго взгляда внутрь зѣва достаточно было Ленѣ, чтобы увидать уже замѣтныя пленки.

— Ахъ, Боже мой!—вырвался у нея возгласъ.

— Неужели дифтеритъ?—шопотомъ спросила надзирательница.—Температуру я ставила—всего только тридцать-восемь градусовъ.

— Нужды нѣтъ! Есть пленки! Надо послать къ Валерію Петровичу. Я напишу записку. Пошлите сейчасъ же! А я заѣду къ Любови Яковлевнѣ,—Лизу надо сегодня же перевезти въ больницу.

Лиза не была ея любимицей. Вообще, она воздерживалась отъ какихъ бы то ни было пристрастій, и ее даже удивило то, что она, въ первую минуту, такъ испугалась.

Можетъ, это не настоящій смертельный дифтеритъ, а то, что называется у французовъ: „angine couenneuse“. Но пленки несомнѣнно есть.

Она распорядилась тотчасъ: купить лимонъ и сокомъ его, черезъ каждую четверть часа, смазывать гортань и зѣвъ дѣвочки.

Это средство рекомендуетъ всегда и ихъ докторъ Перцовъ—ихъ пріятель съ мужемъ, безвозмездный врачъ пріюта, по спеціальности „гинекологъ“, но искусный и по дѣтскимъ болѣзнямъ.

Дорогой Лена, чувствуя, что у нея разгоралось лицо, торо-

пила все извозчика, боясь не захватить дома свою пріятельницу Петринину. Обыкновенно, она къ пяти часамъ—дома; но какое-нибудь „экстренное дѣло“ могло погнать ее изъ дому; а у нея всегда „экстренныя дѣла“. Она еще болѣе ея—„совмѣстительница“.

Этотъ пріютъ произвелъ поворотъ въ общественныхъ симпатіяхъ и взглядахъ Лены.

Она долго не выносила слова: „благотворительность“, и всего сильнѣе боялась, чтобы ее не считали одною изъ тѣхъ безчисленныхъ „дамочекъ“, которыя отъ скуки, изъ рисовки, ханжества, или глупой моды, занимаются „добрыми дѣлами“.

Только то, что̀ могло служить дѣлу „освобожденія“ женщины, привлекало ее. Она желала поддерживать тѣхъ, кто стремится къ высшему образованію или отвоевываетъ себѣ права—и только!

Остальное пусть будетъ достояніемъ тѣхъ, кто „играетъ въ благотворительность“.

Мужъ не противорѣчилъ ей; находилъ, однако, что это „немножко односторонне“.

Такихъ же взглядовъ держалась и ея alter ego, старшая по лѣтамъ подруга и сотрудница, Люба Петринина, еще болѣе ея энергичная и преданная „женской идеѣ“.

Но эта же Люба втянула ее въ пріютъ.

Заброшенность дѣтей—слишкомъ ужасная вещь! Тутъ ея феминистская доктрина не устояла. Она вошла въ это дѣло всей душой; но все-таки не соглашалась считать его избитой формой благотворительности, надъ чѣмъ ея Лодя слегка подтрунивалъ, повторяя:

„—У женщинъ логика—о двухъ концахъ, на каждую категорію разума“.

Пріютъ же сблизилъ ее съ дѣтскимъ царствомъ. Всѣ эти мальчишки и дѣвчонки, грязные, въ болячкахъ, озорные и часто порочные, дѣлались для нея все дороже, хотя она и въ этомъ не желала сознаваться, увѣряя себя, что она: „только исполняетъ свой гражданскій долгъ“.

Вотъ сейчасъ ее просто въ сердце кольнуло и подъ колѣнями захолодѣло, когда она на ярко-красной, напряженной слизистой оболочкѣ схватила своими острыми глазами зловѣщія бѣлесоватыя пятна.

А все-таки у нея, до сихъ поръ, нѣтъ никакого даже тайнаго желанія—„произвести на свѣтъ“ такую вотъ дѣвочку—даже такую хорошенькую, какъ эта „Лизунька“.

И зачѣмъ такое количество дѣтей, особенно у того люда, что̀ кишитъ въ окрестностяхъ Садовой, во всѣхъ этихъ пристанищахъ бѣдноты, всяческой грязи, одичанія, звѣроподобной чувственности, всѣхъ видовъ матеріальнаго и нравственнаго паденія?

И тотъ же вопросъ она всегда поворачивала и въ сторону тѣхъ сферъ, гдѣ *сытые* преобладаютъ, гдѣ родители живутъ въ безпробудномъ „жуирствѣ".

Ихъ „проженитýра"—Лена произносила съ ироніей это передѣланное слово—будетъ только наполнять ряды или трутней, вивёровъ и вивёрокъ, или безпардонныхъ хищниковъ. И половина изъ нихъ кишитъ немощами истыхъ дѣтей вѣка—неврастеніей, безуміемъ, постыдными болѣзнями, ракомъ и всѣмъ сонмомъ наслѣдственныхъ недуговъ, ведущихъ яко бы высококультурное человѣчество къ жалкому вырожденію.

Черезъ часъ—было уже около шести—Лена спѣшила домой. Бѣдный Лодя, навѣрное, заждался ея. И она бранила себя за то, что впопыхахъ забыла о телефонѣ, въ квартирѣ Петрининой: она могла бы предупредить мужа, чтобы онъ садился за столъ и не ждалъ ее.

У Любы она попала на цѣлое совѣщаніе. Но та обѣщала ей—тотчасъ послѣ обѣда—поѣхать хлопотать о принятіи дѣвочки въ больницу, а пока она протелефонируетъ въ три мѣста.

Петринина—необыкновенно дѣятельна, и ей до нея далеко. До сегодня Лена точно забывала, что та—мать семейства, что у нея цѣлыхъ три дѣвочки—почти уже дѣвицы, очень крупные подростки. Она ихъ почти-что никогда не видала. Ихъ свиданія съ Любой всегда въ засѣданіяхъ, или—въ такіе часы—у нея, когда дѣвочки въ гимназіи.

И вотъ сегодня онѣ—въ полномъ сборѣ; выбѣжали къ ней въ переднюю, и потомъ—когда совѣщаніе кончилось—съ чѣмъ-то приставали къ матери.

Въ первый разъ нашла Лена, что онѣ слишкомъ были предоставлены самимъ себѣ. У нихъ—странный видъ, рѣзковатые голоса, манеры, походка.

„Если уже имѣть дѣтей,—думала Лена, гораздо строже, чѣмъ когда-либо,—то нельзя же такъ забывать свои материнскія чувства и обязанности"?..

Но тутъ же она сдержала эти мысленные попреки.

„Не все ли равно, въ сущности, съ какими манерами выровняются эти будущія *дѣвули*"?

Она такъ и употребила про себя это петербургское жаргонное слово: „дѣвýли".

Лена говоритъ до сихъ поръ какъ гимназистка, презирающая институтскіе порядки: „классу́ха“, вмѣсто *классная дама*, и „нача̀лка“, вмѣсто *начальница*.

V.

Въ кабинетѣ Владиміра Сергѣевича стоялъ полусвѣтъ надвигающихся раннихъ сумерекъ.

На диванѣ, противъ его кресла, сидитъ гость.

Они разговариваютъ уже больше получаса.

Гость наклонилъ голову, и весь горбится, положа руки на колѣни.

— Да, другъ... когда я попадаю къ господамъ, предающимся разнымъ утѣхамъ жизни, я говорю про себя: — „Дайте срокъ!“...

Голосъ его звучалъ глухо. Онъ смотрѣлъ еще совсѣмъ не старымъ человѣкомъ, такихъ же почти лѣтъ, какъ Ясоновъ, но въ лицѣ—и утомленіе, и растерянность: впалые глаза, то тревожный, то подавленный взглядъ, блѣдность. Волосы серебрились на вискахъ и въ бородѣ.

Одѣтъ онъ—во все черное.

— Бѣдный ты мой Желтухинъ!—тронутымъ голосомъ сказалъ Ясоновъ, и подавшись въ креслѣ, прикоснулся рукой къ его колѣну.

— Противно, братъ, изображать изъ себя казанскую сироту. Надо нести ношу жизни и не плакать... А тяжко!..

Этотъ Желтухинъ былъ его университетскій товарищъ, всего годомъ старше и на другомъ факультетѣ—не на словесномъ, а на юридическомъ.

Его хотѣли оставить при университетѣ; но онъ слишкомъ рано женился, и на ученую дорогу не попалъ; очутился въ провинціи на службѣ, бойко пошелъ по ней, былъ всегда доволенъ своимъ положеніемъ, женой и двумя дѣвочками, считался „душою“ общества, веселый и подвижный, гостепріимный и съ необыкновенной молодостью души.

Его всегда называли, когда хотѣли привести примѣръ—на рѣдкость—жизнерадостнаго человѣка.

Вотъ уже съ годъ, какъ онъ лишился жены. Этотъ ударъ онъ вынесъ вѣроятно потому только, что въ немъ давно сказался страстный отецъ—какихъ Ясоновъ еще не видалъ никогда.

И вотъ теперь его дѣвочки захватили его еще сильнѣе. Онѣ его заботятъ чрезвычайно. Изъ-за ихъ здоровья и ученья онъ

перемѣнилъ мѣсто службы, взялъ должность—съ мéньшимъ жалованьемъ—на югѣ. Но и тамъ его начала преслѣдовать неудача.

Старшая дѣвочка стала хворать, и тамъ, въ губернскомъ городѣ, никто не можетъ опредѣлить хорошенько ея болѣзнь.

Меньшая — здоровенькая; но ее нельзя оставить безъ призора. Бонны тамъ порядочной не найти.

За этими двумя дѣлами и пріѣхалъ онъ сюда.

Лена взялась отыскать бонну, и сейчасъ она разъѣзжаетъ къ своимъ пріятельницамъ по этому дѣлу.

Старшую дѣвочку придется оставить здѣсь, въ какой-нибудь лечебницѣ—и это сокрушаетъ отца.

Вчера, за обѣдомъ, когда Желтухинъ, со слезами на глазахъ, говорилъ про нее—Еленѣ Дмитріевнѣ стало его ужасно жалко, и она чуть-было не сказала:

— Да оставьте ее у насъ!

Но она взглянула на мужа и воздержалась.

Еслибъ и нашлось мѣсто для больной дѣвочки — а особой комнаты тоже вѣдь нѣтъ,—то какъ же обрекать Лодю риску— имѣть такую постоялицу?

Но она не могла подавить въ себѣ возгласъ:

— Ахъ, дѣти, дѣти!

— Сокрушили они тебя, Николай!—сказалъ Ясоновъ, заглянувъ въ глаза товарищу.

Про себя, онъ прибавилъ:

„Ужъ очень ты самъ сокрушаешься! Нельзя такъ уничтожаться передъ дѣтьми—хотя бы и собственными“.

Рѣшили обратиться сначала къ ихъ пріятелю, доктору Перцову. Онъ по спеціальности — гинекологъ; но лечитъ и дѣтей. Обѣ эти области связаны одна съ другою.

Если онъ самъ не возьметъ на себя постановку рѣшительной діагнозы, то доставитъ консультацію у извѣстнаго спеціалиста и дастъ хорошій совѣтъ—въ какой лечебницѣ оставить дѣвочку.

Ясоновъ посмотрѣлъ на часы и всталъ.

— Теперь время отправляться. Мы доберемся къ Перцову минутъ въ тридцать и попадемъ какъ разъ къ его возвращенію домой.

— Ты его предупредилъ?—все тѣмъ же тревожно перехваченнымъ голосомъ спросилъ Желтухинъ и также поднялся.

— Разумѣется... По телефону говорили.

— Вотъ и теперь сердце у меня не на мѣстѣ... Сидитъ она одна въ нумерѣ...

— Что же съ ней сдѣлается?

— Ахъ, другъ, какъ ты такъ можешь говорить?.. Сейчасъ тяжелыя мысли... Будь ты самъ свидѣтель того, что потеря матери можетъ вызывать въ душевной жизни такой дѣвочки...

Онъ положилъ руку на плечо Ясонова.

— Ты счастливецъ!.. И такъ проживешь всю жизнь.

— Кто же за это можетъ ручаться?

— И не желайте дѣтей!

Ясоновъ хотѣлъ сказать:

„Глядя на тебя—кто же пожелаетъ“?

Онъ взялъ его за обѣ руки.

— Все уладится, Николай. Ты хоть немножко бы подумалъ о себѣ самомъ.

Тотъ только махнулъ рукой.

— Ну, ѣдемъ!

Изъ-за этого визита къ доктору обѣдъ у нихъ будетъ позднѣе; хорошо, если они угодятъ къ шести. Да врядъ ли и Лена вернется къ этому часу.

— Такъ ты не отобѣдаешь съ нами?—спросилъ онъ, выходя съ нимъ въ прихожую.

— Нѣтъ... Прости, голубчикъ. Вѣдь и безъ того Маруся безъ меня съ двухъ часовъ... Когда же я къ ней попаду?..

У него сдѣлалось такое страдальческое лицо, что Ясоновъ больше не настаивалъ.

И дорогой Желтухинъ все время сокрушался о своихъ дѣвочкахъ.

Ни единаго слова не сказалъ онъ дорогой про себя, про то—какъ онъ устроился на новомъ мѣстѣ, какое общество нашелъ въ губернскомъ городѣ, есть ли шансы быть переведеннымъ на другое, болѣе видное, или въ Москву, въ Петербургъ.

Все сводилось только къ тому: что будетъ съ его дочерьми, какъ пойдетъ здоровье старшей и воспитаніе младшей?

Это было трогательно, и, въ то же время, дѣлалось какъ-то обидно за него.

Какъ будто онъ, своей особой, не существуетъ, потерялъ всякое собственное „обличье“.

Самой страстной и тревожной матери впору быть такой!

На то и созданы женщины. Это ихъ призваніе...

Ясоновъ перебилъ себя вопросомъ:

„А еслибъ Лена вдругъ стала такой же, какъ его товарищъ,—былъ ли бы я доволенъ“?

Развѣ они вдвоемъ—въ послѣднее время—не вели разговоровъ о томъ: какъ такое обожаніе дѣтей имъ не по душѣ?

Ну, а онъ самъ? Вдругъ у него родится сынъ или дочь. И онъ—изъ мужчины съ „холостымъ" складомъ идей, привычекъ и вкусовъ—превратится въ точно такого же отца, какъ вотъ этотъ Желтухинъ.

Можетъ, еще сильнѣе!

Эта мысль прямо испугала его, и онъ, обернувшись лицомъ къ своему товарищу, выговорилъ съ особой интонаціей:

— Такъ нельзя, Желтухинъ! Чортъ возьми! У каждаго изъ насъ есть своя физіономія, свой долгъ передъ собственной личностью и передъ обществомъ.

Желтухинъ ничего не отвѣтилъ.

Онъ, кажется, и не разслышалъ этихъ словъ. Взглядъ его красивыхъ голубыхъ глазъ уныло-тревожно былъ устремленъ куда-то. Его наполняли только вопросы: что̀ выйдетъ изъ визита къ доктору Перцову, какую діагнозу поставитъ онъ Марусѣ и удастся ли хорошо помѣстить ее въ лечебницѣ?

Но чѣмъ же онъ—Ясоновъ—болѣе застрахованъ отъ такой же участи, какъ и этотъ бѣдный Желтухинъ?

Что̀ же изъ того, что у нихъ съ Леной, вотъ уже третій годъ, какъ нѣтъ дѣтей и ничего не похоже на то, что они будутъ?..

А вдругъ?

Ему стало немного стыдно, что этотъ вопросъ такъ смущаетъ его.

Неужели они оба—и его милая, чуткая Лена, и онъ самъ, считающій себя „альтруистомъ"—такъ малодушно и себялюбиво боятся—*чего*? Жизни, ея неизбытныхъ и вѣчныхъ устоевъ.

Отвѣтить на этотъ вопросъ, поставленный ребромъ самому себѣ—онъ затруднился и сдѣлалъ надъ собой внутреннее усиліе, чтобы мысль сейчасъ же пошла въ другую сторону.

Сани только-что переѣхали рѣку и стали подниматься на берегъ.

Докторъ Перцовъ жилъ все тамъ же, въ пяти минутахъ ѣзды отъ набережной, въ большомъ красивомъ домѣ, съ монументальнымъ подъѣздомъ.

Сегодня нѣтъ у него пріема. Онъ принимаетъ четыре раза въ недѣлю: два—за плату; а два—всѣхъ желающихъ—безплатно.

— Нашъ пріятель—докторъ Перцовъ,—заговорилъ Ясоновъ, когда они взяли по улицѣ, идущей параллельно съ набережной,—человѣкъ съ рѣдкой душой! Ты не смущайся тѣмъ, что у него

такой воинственный видъ; у него только усы страшны, а самъ онъ незлобивъ, какъ младенецъ. Довольно забавно то, что онъ съ виду майоръ, въ своемъ сюртукѣ съ погонами, а по спеціальности—гинекологъ.

— Значитъ, постоянно возится съ родильницами?

— Разумѣется. И съ женскимъ поломъ вообще, и съ дѣтьми. Во Франціи онъ былъ бы: „le major“—какъ тамъ зовутъ военныхъ врачей.

Въ такомъ, болѣе веселомъ тонѣ они поднимались къ доктору, по широкой круглой лѣстницѣ, во второй этажъ.

Швейцаръ доложилъ имъ, что Перцовъ только-что вернулся домой.

Горничная сейчасъ же провела ихъ по узковатой пріемной, въ кабинетъ—обширный, съ окнами на два фронта, гдѣ обстановка сейчасъ же указывала на его спеціальность.

Желтухинъ приготовился, входя въ этотъ кабинетъ, къ воинственному виду доктора.

Перцовъ оказался плотнымъ, средняго роста блондиномъ, дѣйствительно съ такими усами, которые расходились въ разныя стороны, въ видѣ ятагáновъ. Но лицо полное, румяныя щеки, ласковые, игривые глаза.

Онъ смотрѣлъ военнымъ, и по усамъ, и по формѣ, съ погонами и значкомъ, но никакъ не выраженіемъ лица и манерами.

Въ общемъ—что-то мягкое и бодрящее.

— Вотъ, Валерій Петровичъ, товарищъ мой, Желтухинъ.

Рукопожатіе доктора было такое же мягкое—чувствовалась кожа и гибкость суставовъ гинеколога.

— Душевно радъ! Присядьте!

Онъ усадилъ Желтухина противъ себя, у письменнаго стола. Ясоновъ присѣлъ на уголъ кушетки, которая—какъ онъ сообразилъ—служила и паціенткамъ Перцова.

Онъ долженъ былъ подавить въ себѣ нѣкоторое брезгливое чувство.

Все тутъ говорило о женщинѣ, какъ матери, о ея чисто женскихъ недугахъ и „физіологическихъ“ болѣзняхъ. И все это выставлялось, какъ рѣзкій контрастъ съ видомъ майора, съ его погонами, пуговицами, знакомъ и янычарскими усами.

Перцовъ уже зналъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ же вызвался уладить все: пріѣхать завтра осмотрѣть дѣвочку, которая была бы напугана всей обстановкой его кабинета, пригласить спеціалиста по нервнымъ болѣзнямъ, если онъ найдетъ, что нужна еще до-

полнительная консультація, а потомъ разсудить—въ какой лечебницѣ оставить ее здѣсь и на какой срокъ.

И все это было сказано кругло, опредѣленно, голосомъ пріятнаго тэмбра, и почти все время Перцовъ держалъ его за руку и слегка нажималъ—привычка акушера-хирурга.

Желтухинъ, тронутый всѣмъ этимъ, вдругъ расплакался—сначала беззвучно, а потомъ громко, почти какъ женщина.

Докторъ быстро всталъ и похлопалъ его по плечу.

— Полноте, голубчикъ! Вонъ у васъ какъ надерганы нервы! Все приведемъ въ порядокъ. Завтра же вы будете вполнѣ фиксированы.

— Спасибо! спасибо!—еле выговорилъ Желтухинъ и порывисто обнялъ Перцова.

— Подвинтите себя... Это необходимо вамъ, какъ чадолюбивому отцу. А то вы и на вашу дѣвочку будете дѣйствовать совсѣмъ не въ желательномъ направленіи. Такъ ли?

— Такъ, такъ!—растерянно выговорилъ Желтухинъ, отирая щеки, влажныя отъ слезъ.

За позднимъ обѣдомъ—Лена не ожидала его раньше половины седьмого—Ясоновъ разсказывалъ женѣ сцену въ кабинетѣ Перцова.

— Бѣдный! Но какъ же такъ волноваться?—сказала она, немного выпятивъ нижнюю губу своего пышнаго и маленькаго рта.

— Ты видишь... до чего доводитъ чадолюбіе.

— Есть на все мѣра. Право, нынѣшніе отцы во сто разъ хуже матерей!

— Валерій Петровичъ пристыдилъ его немножко.

Помолчавъ, Владиміръ Сергѣевичъ что-то вспомнилъ.

— Перцовъ спрашивалъ о тебѣ, Лена. Хотѣлъ къ тебѣ завернуть.

— Лично ко мнѣ? У него есть какое-нибудь дѣло? По пріюту? Или что-нибудь другое?

— Нѣтъ. Говоритъ: давно не производилъ нѣкоторой „анкэты“.

— Это зачѣмъ? — Лена даже наморщила лобъ. — Мнѣ не нужно его совѣтовъ.

Она до сихъ поръ—большая неохотница до медицинскихъ консультацій. Здоровьемъ своимъ она постоянно довольна. Лечиться—терпѣть не можетъ, и въ прошломъ году—только по настоянію мужа—послала за докторомъ, когда ея инфлюэнца

осложнилась воспаленіемъ уха, и нужно было сдѣлать тотчасъ же проколъ.

За ней водилось даже своего рода кокетство: никогда ни на что не жаловаться—до крайняго предѣла, чѣмъ и доказывать, что женщина гораздо выносливѣе мужчины.

— Развѣ женщина можетъ быть когда-либо увѣрена, что она безусловно здорова? — съ усмѣшкой въ глазахъ спросилъ Ясоновъ.

— Полно, Лодя! Съ какой стати ты это говоришь? Тебѣ бы надо радоваться, что твоя жена презираетъ всякую ипохондрію.

— Кто же виноватъ въ томъ, что у васъ такая сложная физіологія?

— Ну, по части нервности, неизвѣстно—кто кого перещеголяетъ!.. Помилуй, твой Желтухинъ—солидный мужчина, pater familias... И вдругъ разрыдался! Дѣвочку полечатъ. Ничего у нея не окажется опаснаго. И знаешь, Лодя,—оживленно продолжала Лена, — это поучительный примѣръ... твой товарищъ! Если онъ пойдетъ по этому пути, то сведетъ себя совсѣмъ на нѣтъ. Это хуже аскетизма, хуже всякой захватывающей страсти.

— Пожалуй!

И оба они, взглянувъ другъ на друга, почувствовали въ эту минуту особое довольство.

Они оба—за тысячу верстъ отъ всякаго такого фатальнаго чадолюбія. Если сегодня—дорòгой—ему представился ехидный вопросъ: застрахованъ ли онъ самъ отъ того, что̀ теперь гнететъ его товарища Желтухина, то въ настоящую минуту имъ владѣла полнѣйшая увѣренность въ томъ, что ничего подобнаго ни съ нимъ, ни съ его Леной не будетъ.

Въ ней должно быть то же чувство, быть можетъ—еще въ усиленной степени.

И онъ не ошибался. Лена жалѣла Желтухина, но къ этой жалости примѣшивался и внутренній протестъ.

Такая слабость и въ женщинѣ недопустима, даже если она и молодая мать! А главное — „чаша сія“ отъ нея отошла, и Боже избави мечтать о ней, особенно въ ближайшемъ будущемъ!

VI.

Въ спальнѣ ранній утренній свѣтъ пробивается сквозь опущенныя сторы.

Владиміръ Сергѣевичъ крѣпко спитъ. Его ровное дыханіе чуть слышится, съ ритмическими поднятіями и опущеніями.

Но Елена Дмитріевна давно проснулась, часами двумя раньше своего привычнаго вставанія.

Еще вчера, съ вечера—мужъ былъ на какомъ-то засѣданіи и вернулся поздно—она почувствовала себя нехорошо.

Какая-то небывалая тяжесть въ головѣ и во всемъ тѣлѣ заставила ее лечь раньше обыкновеннаго.

Когда мужъ вошелъ вчера въ спальню, она не спала, но ничего ему не сказала про то, какъ себя чувствуетъ.

— Ты спишь, Лена?—окликнулъ онъ ее.

— Засыпаю,—отвѣтила она.

Но заснула она далеко не сразу.

И сны были тревожные, съ очень тяжкими ощущеніями. Сначала ее какъ будто все подвѣшивали и растягивали ей тѣло снизу, за ноги. А потомъ она видѣла золото... много червонцевъ.

Ей вспомнилось, когда она проснулась, что няня ей говаривала:

„Золото видѣть—къ слезамъ".

О чемъ же ей плакать? Не о себѣ же?

Но она тотчасъ же пристыдила себя.

Въ первыя секунды она не распознавала хорошенько—какъ себя чувствуетъ.

Но какъ только подняла она голову—тотчасъ же ощутила родъ дурноты.

Это ее удивило, но не испугало. Пугаться „за себя" она считала слишкомъ малодушнымъ.

Она оставляла это другимъ: „представительницамъ прекраснаго пола".

Но съ какой же стати такое катаральное состояніе головы?

Она не ѣла ничего на ночь. Обѣдъ былъ самый скромный. Желудокъ у нея образцовый, лучше, чѣмъ у мужа. Никакихъ „болѣстей" въ такомъ вкусѣ за ней не водится.

Простуда?

Она вспомнила, что въ ночномъ столикѣ долженъ оказаться термометръ, еще съ того времени, когда она болѣла инфлюэнцой. Тогда температура поднималась до сорока градусовъ.

Тихонько, чтобы не разбудить мужа, она выдвинула ящикъ столика—онъ стоялъ между кроватями—и нащупала термометръ.

Трудно будетъ разглядѣть градусъ; но она все-таки попробуетъ.

Такъ же беззвучно отвинтила она металлическую трубочку, вынула градусникъ, два-три раза сильно встряхнула его и поставила себѣ.

Недомоганіе не проходило. Она начала бояться—какъ бы оно не усилилось.

„Вотъ удовольствіе!"—мысленно выговорила она, возмущаясь такой глупой неожиданностью.

Какъ разъ сегодня ей надо быть все время въ разъѣздахъ, а дома, съ утра, приготовить цѣлый отчетъ, который она не смогла кончить вчера вечеромъ—такъ ей было не по себѣ.

Не дѣлая ни малѣйшаго движенія, пролежала она навзничь добрую четверть часа—сколько полагается для опредѣленія температуры.

Свѣту немного прибавилось. Она могла бы и поднять сторы на обоихъ окнахъ; но это разбудитъ мужа.

Зрѣніе у нея хорошее, какъ и всѣ остальные органы чувствъ. Она чуточку близорука; зато—на маленькомъ разстояніи—можетъ найти бисеринку на темномъ коврѣ и читать „нонпарейль"—все равно, что крупный „цицеро".

Поставила она градусникъ на тридцать—не больше. Безъ особеннаго усилія разглядитъ она—сколько теперь градусовъ.

Тридцать-пять съ десятыми—ниже красной черты: значитъ—меньше нормы, для многихъ. Ей помнится, что у нея обычная температура—около тридцати-шести.

Стало... отъ желудочнаго разстройства?

Ни о чемъ другомъ она не подумала.

„Пустякъ! — радостно выговорила она про себя. — Приму соды... или магнезіи—и все наладится"!..

Но самочувствіе не дѣлалось лучше.

Вотъ-вотъ, надо будетъ поднимать тревогу.

Еще съ полчаса она перемогалась; но выдержитъ ли до той минуты, когда проснется мужъ?

Владиміръ Сергѣевичъ повернулся на другую сторону и раскрылъ глаза.

— Лена!—окликнулъ онъ.—Ты не спишь?

Обыкновенно онъ раньше вставалъ на цѣлый часъ.

— Нѣтъ, милый.

Голосъ у нея былъ слабый.

— Что съ тобой?

— Ничего!

Но она тотчасъ же откинула одѣяло и спустила ноги.

Ей сдѣлалось совсѣмъ плохо.

Опять сумерки, и уже вечерніе.

Лена, въ пеньюарѣ, ходитъ по комнатамъ, одна, въ небываломъ томительномъ настроеніи.

То, что случилось утромъ, само по себѣ—вздоръ.

Ну, просто, разстройство отъ какой-нибудь неосторожности въ ѣдѣ или легкой простуды ногъ.

Но мужъ ужасно переполошился — мужчины вѣдь гораздо больше трусы! — сталъ ее опять укладывать въ постель и настаивалъ на приглашеніи доктора. Но она не согласилась; въ угоду ему полежала еще съ часъ, потомъ рѣшительно объявила, что встанетъ. Ничего нѣтъ: головѣ полегчало, головокруженія и ничего остальнаго не является.

Настояла и на томъ, чтобы онъ отправился читать лекцію.

Мужъ не сразу согласился и, уходя, взялъ съ нея слово, что она посидитъ дома. Она имѣла слабость обѣщать, и вотъ теперь мается дома.

Принималась она работать; но какъ только присядетъ къ столу и начнетъ—сейчасъ же голова глупая и снова тѣ же утреннія противныя ощущенія.

Хотѣла телефонировать Любѣ—раздумала: все равно, той нѣтъ дома, съ утра; а заставлять ее заѣзжать попозднѣе—совѣстно: конецъ большой. Лучше подождать обѣденнаго часа, и тогда поговорить съ ней, по телефону, насчетъ всѣхъ текущихъ дѣлъ и попросить съѣздить, на другой день, въ пріютъ.

Какое-то неиспытанное чувство не хочетъ отстать отъ нея: неопредѣленная тревога, ожиданіе чего-то, а нѣтъ никакихъ признаковъ лихорадочнаго состоянія.

Еслибъ она не дала слово мужу посидѣть дома—она непремѣнно бы поѣхала въ пріютъ. У той дѣвочки, у которой захватило горло, правда, не оказалось дифтерита; но все-таки она еще лежитъ. Кто знаетъ,—можетъ, ей хуже? Ее ждали туда, какъ всегда, послѣ двухъ. Они—такіе бѣдненькіе, что не могли еще завести телефона.

Все это начало ее мозжить гораздо сильнѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Она не любитъ нервно волноваться; а теперь она поддается своей тревогѣ. Недовольство и тоска оттого, что не можетъ заниматься, все ростутъ.

Тутъ что-то подозрительное и за себя обидное.

Пробовала она присаживаться къ піанино, сыграть что-нибудь наизусть. Но, съ первыхъ звуковъ, ей стало прѣсно, почти несносно. Ноты звенятъ въ ушахъ, поднимаютъ внутри жуткое чувство.

Она захлопнула крышку и стала ходить по всѣмъ тремъ комнатамъ въ надвигающихся сумеркахъ.

Звонокъ!

Лена сильно обрадовалась, сама выбѣжала въ переднюю, раньше горничной, и сама отомкнула задвижку входной двери.

— Лодя!—окликнула она, растворяя дверь на площадку; швейцаръ еще не освѣщалъ лѣстницы.

— Нѣтъ, не Лодя, а Валя!—отвѣтилъ ей гость пріятнымъ баритономъ.

— Валерій Петровичъ!

— Собственной особой.

И съ этими словами докторъ Перцовъ вошелъ въ прихожую.

— Васъ послалъ Лодя?

— Не скрою!

— Зачѣмъ это? Изъ-за такихъ пустяковъ!

— А вы зачѣмъ изволите сами выходить въ переднюю?

Докторъ взялъ ее за руку и подвинулъ назадъ изъ прихожей.

— Какой этотъ Лодя трусъ! Ничего у меня нѣтъ.

— Позвольте... дайте снять пальто.

Съ нею Перцовъ держался всегда шутливаго тона. Она къ этому привыкла; но ей иногда казалось, что онъ „не беретъ ее въ серьёзъ“, и на ея важнѣйшіе интересы смотритъ по пословицѣ: „чѣмъ бы дитя ни тѣшилось“.

— Ручки что-то холодны. Пожалуйте-ка, пожалуйте сюда!

Перцовъ прошелъ впередъ, въ спальню.

— Да право же, Валерій Петровичъ, у меня ничего нѣтъ!..

Ей сдѣлалось вдругъ чрезвычайно непріятно. Зачѣмъ онъ такъ безцеремонно идетъ прямо въ спальню? Съ какой стати будетъ она слушаться его, если вдругъ онъ скажетъ:

„Милая моя барынька, извольте лечь. Я долженъ васъ осмотрѣть“.

А онъ, кажется, собирается давать ей консультацію.

Перцовъ подвелъ ее къ креслу, сѣлъ напротивъ, на пуфикѣ, взялъ за обѣ руки и такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми, сказалъ:

— Вы, голубчикъ, не извольте брыкаться. То, что̀ мнѣ передалъ Владиміръ Сергѣевичъ, нуждается... въ нѣкоторомъ обслѣдованіи.

И онъ не выпускалъ ея рукъ изъ своихъ. Въ спальнѣ уже свѣтило электричество. Кто его пустилъ—Лена не знала. Должно быть, горничная.

Глаза доктора—правда, добрые—пристально смотрѣли на нее, и ей дѣлалось жутко отъ такого взгляда, точно онъ хотѣлъ проникнуть ей внутрь.

— Право же, это вздоръ! — повторяла она, чувствуя, что сильно конфузится.

Въ голосѣ ея задрожали слезы.

— Насильно я васъ не стану обслѣдовать, милая барынька; но вѣдь вы — Елена Дмитріевна Ясонова, то-есть особа безъ дамскихъ „цирлихъ-манирлихъ“.

Никогда еще тонъ Перцова не казался ей такимъ неподходящимъ.

Еслибъ она себя не сдерживала, она бы способна была крикнуть ему:

„Оставьте всю эту ненужную болтовню“!

Мягкія его руки держали ее. И, какъ всегда, онъ слегка нажималъ ими.

И это раздражало ее.

Она чуть-было не расплакалась.

Докторъ, не выпуская ея рукъ изъ своихъ, поднялъ ее съ кресла и самъ всталъ.

— Я пойду въ кабинетъ покурить. Позовите меня... когда приготовитесь.

Это было выговорено такимъ же мягкимъ тономъ, но не допускавшимъ возраженій.

Слезы навернулись на ея глазахъ.

Она стояла по срединѣ комнаты, съ опущенной головой, не зная, что̀ ей дѣлать: „приготовиться“ къ консультаціи доктора или выбѣжать къ нему, въ кабинетъ, и объявить, что она ничего такого не желаетъ, что она здорова, что все это—вздоръ!

Но на это у нея не достало духу. Какое-то непонятное безволіе проникало въ нее.

Докторъ уѣхалъ. Прошло больше четверти часа; а она— уже одѣтая—сидѣла, забившись въ уголъ дивана, въ той же комнатѣ, въ полутемнотѣ, точно пригвожденная къ одному мѣсту.

Неужели *это*—фактъ?

Перцовъ объявилъ ей, что она—„въ такомъ положеніи“. И даже сталъ ей выговаривать—почему она такъ долго это скрывала, а потомъ подшучивать надъ ея наивностью, приличной какой-нибудь „Backfisch“—подростку, а не женщинѣ на третьемъ году супружества.

— Этого быть не можетъ!—крикнула она, вскочивъ.

Онъ расхохотался.

— Чудесъ не бываетъ, Елена Дмитріевна. А не вѣрите мнѣ —обратитесь къ кому угодно!

Обидчиваго оттѣнка въ этомъ возгласѣ не было; онъ держался все такого же тона—точно съ маленькой дѣвочкой.

— Это ужасно! — почти простонала она и тихо заплакала.

Перцовъ подошелъ къ изголовью, взялъ ее за руку и, наклонивъ надъ ней свое круглое лицо, съ торчащими усами, сказалъ еще болѣе дурачливымъ тономъ:

— *Шэменъ-зи зйхъ!*

Онъ любилъ такія нѣмецкія словечки, которыя произносилъ нарочно съ усиленнымъ русскимъ выговоромъ.

Ей неудержимо захотѣлось крикнуть ему:

„Ступайте вонъ! Я не могу васъ видѣть“!

А онъ все придерживалъ ея руку и тихо говорилъ, глядя на нее своими веселыми, круглыми глазами:

— Вы храбры. Чего же трусить? Отдайтесь тому, что̀ мать-природа устроила, въ своей великой мудрости. Все равно, она заставитъ радоваться... хотя бы и круто пришлось. Но вы у насъ образцовый экземпляръ женской организаціи, въ сокращенныхъ размѣрахъ...

Что-то еще онъ говорилъ въ томъ же родѣ; но она не слыхала.

Слезы больше не текли. Внутри точно все сжалось въ комокъ. Еслибъ ей не было стыдно, она бы стала бить кулаками или бросила бы чѣмъ попало, попадись ей въ руки какая-нибудь вещь.

Никогда, съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ дѣтскихъ лѣтъ —ее не схватывало такое ѣдкое чувство возмущенія и гнѣва съ сознаніемъ безсилія передъ чѣмъ-то роковымъ и безпощаднымъ.

А теперь, въ своемъ углу, какъ дѣвчонка, оставленная безъ обѣда, въ темной комнатѣ, она, вся сжавшись въ комокъ,— точно парализованная въ движеніяхъ,—сидитъ и „пережевываетъ“ ударъ судьбы.

Чувство презрительной жалости къ самой себѣ примѣшивается ко всему этому.

Она—какъ тысячи и милліоны другихъ „бабенокъ“—обречена все на ту же долю. И она также...

Рѣзкое слово чуть не слетѣло съ ея губъ—то самое, какимъ она такъ любитъ клеймить женщинъ, которыя только и дѣлаютъ, что производятъ на свѣтъ, кормятъ, пеленаютъ и моютъ своихъ ребятъ.

И она—такая же!

Новый припадокъ душевной боли сталъ душить ее.

— Лена! Гдѣ ты? Что̀ съ тобой?

Отъ голоса мужа она вздрогнула, вскочила, подбѣжала къ нему. Руки ея судорожно схватили его за плечи.

— Что̀ такое? Валерій Петровичъ былъ? Что̀ онъ сказалъ?

— Что̀ сказалъ?—повторяла она сдавленнымъ голосомъ.—Что̀ сказалъ? Объявилъ, что я...

Она не могла докончить, и тутъ только разрыдалась.

Владиміръ Сергѣевичъ посадилъ ее на диванъ и обнялъ.

Онъ сталъ тихо цѣловать Лену въ голову. Свои собственныя душевныя перипетіи онъ перенесъ на бѣдное существо, которое должно будетъ подчиниться своей участи.

Дай онъ ходъ тому, что̀ его пугало,—онъ долженъ былъ бы разрыдаться вмѣстѣ съ Леной...

VII.

Туманъ застилаетъ все. Мокрый снѣгъ слѣпитъ глаза, врываясь подъ верхъ тряской и звенящей пролетки.

Извозчикъ попался Ясонову плохой, дрожки вонючія, съ мокрымъ сидѣньемъ, безъ шинъ. Онъ взялъ его на набережной, не желая дожидаться прохода конки.

Ѣдетъ онъ домой обѣдать—какъ всегда, въ тѣ дни, когда у него лекціи.

Но онъ—точно другой совсѣмъ человѣкъ...

Ѣдетъ домой съ такимъ настроеніемъ—какъ будто тамъ ждетъ его неминучая бѣда.

Гдѣ то время, когда онъ возвращался къ себѣ всегда пріятно возбужденный, съ чувствомъ легкой усталости послѣ хорошо прочитанной лекціи?

И какъ онъ сталъ читать?

Изъ рукъ вонъ плохо! Онъ это самъ сознаётъ. Пропали его мягкая, отчетливая дикція, способность къ импровизаціи, цѣпкая память, позволявшая ему проговорить лекцію съ небольшимъ конспектомъ.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ не чувствуетъ себя на каѳедрѣ тѣмъ же человѣкомъ, какъ въ началѣ зимы.

И съ каждымъ разомъ все хуже. Пришлось приносить съ собою тетрадь и безпрестанно заглядывать въ нее.

А чуть онъ начнетъ говорить „отъ себя"—чувствуетъ без-

престанно какія-то внутреннія задержки, ищетъ словъ. Или теряетъ нить изложенія, перескакиваетъ черезъ цѣлые параграфы. Еслибъ онъ училъ наизусть то, что прибавить къ лекціи—навѣрное, это было бы еще хуже. Онъ способенъ былъ бы останавливаться, забывать отдѣльныя слова или начала періодовъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что ряды слушателей рѣдѣютъ. Сегодня это особенно было замѣтно.

Лена начинаетъ сильно маяться. Перцовъ что-то отъ него скрываетъ; но сквозь его шутливо-бодрящій тонъ пробивается что-то недоброе—и въ ближайшемъ будущемъ.

Никогда онъ не имѣлъ привычки считать дни и мѣсяцы. Это было бы прилично институткѣ, которая отрываетъ числа на календарѣ и записываетъ, сколько еще остается дней до выхода.

И онъ это теперь дѣлаетъ! Каждый день, утромъ, подходя къ письменному столу, онъ срываетъ листокъ съ жирной черной или красной цифрой и мысленно считаетъ—сколько, приблизительно, осталось до... до „событія“.

Событіе это надвигается.

Утромъ онъ, срывая листокъ, увидалъ, что сегодня—первое апрѣля. Вотъ уже около шести мѣсяцевъ, какъ *оно* началось... и остается еще сто дней съ чѣмъ-то.

„Сто дней!“—повторилъ онъ роковую цифру, получившую всемірную извѣстность. Роковые сто дней—отъ высадки на южный берегъ Франціи до отреченія въ Фонтэнблò.

Сталъ онъ ловить себя и на такомъ малодушіи. Сорветъ листокъ календаря, стоящаго на письменномъ столѣ, противъ портрета Лены, прочтетъ, на оборотѣ, пословицу или изреченіе и какъ бы ищетъ въ нихъ хорошей или дурной примѣты.

Развѣ онъ когда-либо считалъ себя способнымъ на такой атавизмъ суевѣрія?

Но жизнь всему научитъ и все передѣлаетъ по своему.

Вотъ онъ, черезъ четверть часа, будетъ дома. Квартира та же, та же мебель, та же прислуга; но прежняя жизнь—отлетѣла. Въ нее клиномъ вбивается *нѣчто,* и это *нѣчто* будетъ, съ каждымъ днемъ, все грознѣе и безпощаднѣе выступать передъ ними обоими, рости и рости. Прежде было чуть замѣтнымъ пятномъ, а теперь уже съ большое грозовое облако.

И весь порядокъ жизни—не тотъ. Лена долго крѣпилась, выѣзжала, носила корсетъ, скрывала отъ всѣхъ свое состояніе; но вдругъ слегла, и еслибъ не энергическая помощь Перцова—вышло бы что-нибудь неладное.

Было ли это хоть немного *умышленно*—онъ боялся до-

пытываться. Но послѣ того она какъ-то сразу ослабла, она—такая крѣпкая и выносливая — сдѣлалась до-нельзя впечатлительной, потеряла аппетитъ, не можетъ ничѣмъ вплотную заняться.

Ихъ обѣды—почти-что въ тягость для нихъ обоихъ. Ей надо много лежать. Этого требуетъ докторъ и грозитъ рецидивомъ. Онъ и безъ того началъ съ нѣкоторыхъ поръ говорить какими-то экивоками.

Обѣдать одному, хоть и въ той же уютной и хорошо обставленной столовой—сиротливо. Чувствуешь себя скучающимъ холостякомъ, точно нанимаешь комнату „отъ жильцовъ", съ правомъ обѣдать одному въ хозяйской столовой.

Его кабинетъ теперь—и спальня. Спитъ онъ на турецкомъ диванѣ. Проснувшись рано, боится произвести малѣйшій шумъ. Лена засыпаетъ поздно, потому что цѣлыми днями лежитъ и встаетъ также поздно; и сонъ у нея сталъ болѣзненно чуткій.

Піанино давно замолкло. Нѣтъ и помину о тѣхъ милыхъ, творческихъ минутахъ, когда онъ ходилъ въ гостиной или у себя въ кабинетѣ, слушая ея игру, и обдумывалъ свои лекціи и главы диссертаціи.

Диссертація идетъ черепашьимъ ходомъ. Нѣтъ никакого подъема. Можно бы, по вечерамъ, работать въ библіотекахъ, гдѣ ничто не потревожитъ: но ему „неловко" — оставаться подолгу внѣ дома.

Вотъ это чувство *неловкости,* котораго онъ не зналъ въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ супружества, подкралось и подавляетъ, поддерживаетъ какое-то кисло-угнетенное душевное состояніе. Мозгъ дѣйствуетъ туго. Охота къ перу, къ стройному и колоритному изложенію—совсѣмъ почти пропала.

И это еще—*продромы*... А что предстоитъ дальше?

Такія вотъ мысли овладѣваютъ имъ, буквально, каждый разъ, когда онъ возвращается домой—все равно, передъ обѣдомъ или вечеромъ, изъ какого-нибудь засѣданія, на которомъ онъ обязанъ быть.

Ему дѣлается почти стыдно, когда онъ попадетъ на зарубку „событія". Если вести себя вполнѣ честно и послѣдовательно, то ему слѣдовало всѣмъ и каждому жаловаться на то *нѣчто,* которое, вопреки желанію его и жены, уже стало фактомъ и идетъ своимъ законнымъ и неотвратимымъ путемъ,—неотвратимымъ...

Но онъ ничего никому не говоритъ. Даже съ Леной у нихъ уже нѣтъ дуэтовъ съ жалобами и протестующими возгласами.

Имъ обоимъ дѣлается неловко, прямо совѣстно; но онъ знаетъ —знаетъ навѣрное, что она не смирилась, что въ ней нѣтъ никакого радостнаго предвкусія.

Стало быть, они скрываютъ, хитрятъ другъ съ другомъ, боятся своихъ изліяній.

Да и какъ же иначе?! Вѣдь тотъ „родовой бытъ", которымъ онъ когда-то поддразнивалъ ее—насчетъ родственниковъ и родственницъ—въ чемъ же онъ торжествуетъ, какъ не въ *этомъ?* Вѣдь *это*—начало всякаго рода.

А принято радоваться, когда это случится. Избѣгаютъ говорить объ этомъ, потому что такъ „принято"; но предполагается, что сами родители—въ особенности будущая мать—въ восторгѣ и давно уже поглощены заботами о томъ существѣ, которое должно явиться черезъ столько-то мѣсяцевъ.

У нихъ еще нѣтъ никакихъ приготовленій. Будуаръ Лены превратится въ ея спальню; а спальня будетъ дѣтской. Нанимать другую квартиру—въ концѣ сезона—немыслимо. Надо ее искать лѣтомъ, которое они, во всякомъ случаѣ, проведутъ на дачѣ или въ деревенской усадьбѣ.

Никакихъ нѣтъ еще заказовъ и покупокъ—кроватки, бѣлья; не заходитъ и разговора о томъ, кто будетъ кормить... мать или мамка.

Угнетающія мысли смѣняются въ немъ полосами апатіи. Онъ стыдитъ себя тогда за малодушіе, начинаетъ усиленно работать. Мужчина, съ своимъ особеннымъ складомъ души, съ сознаніемъ своего мужского „я"—просыпается въ немъ.

Что-то въ родѣ не радости—нѣтъ!—но самодовольства ощущаетъ онъ иногда при мысли, что будетъ отцомъ.

„Я—отецъ! Я даю жизнь новому существу—развѣ это пустякъ"?

И въ такія минуты ему дѣлается смѣшна его подавленность. Чего же тутъ хандрить? Все это такъ просто и обыденно!

Бояться за Лену—тоже преждевременно. Если будетъ слушать доктора, то все обойдется прекрасно.

Мужчина вступаетъ въ свои права—въ такія минуты большаго самообладанія. Нельзя же мужу отождествлять себя съ матерью и, по меньшей мѣрѣ, духовно проходить черезъ всѣ страхи, недуги и ужасы ея положенія? Или продѣлывать то, что у первобытныхъ народовъ было обязательнымъ: символически представлять собою женщину въ теченіе цѣлыхъ недѣль, установленныхъ обычаемъ?

Этотъ вопросъ не такъ давно пришелъ ему, разсмѣшилъ его, и ему стало гораздо легче.

А вѣдь опять-таки, если быть послѣдовательнымъ, то надо вернуться къ эпохѣ „матріархата“.

Сегодня ему не пришло ни одной такой веселящей мысли, и онъ возвращался послѣ лекціи, которую самъ нашелъ неудачной, въ особенно хандрящемъ и тревожномъ настроеніи.

Какъ всегда, первый его вопросъ горничной:

— Какъ барыня? Отдыхаетъ?

И сегодня горничная отвѣтила ему:

— Изволятъ лежать.

Она и кухарка врядъ ли особенно радуются приближенію „событія“.

Пообѣдалъ Владиміръ Сергѣевичъ спѣшно и очень неаппетитно.

Съ тѣхъ поръ какъ барыня ослабла, столомъ никто не занимается. Кухарка должна готовить Ленѣ особо. И горничную она часто требуетъ; поэтому и служба гораздо небрежнѣе во всемъ.

Но онъ молчитъ. И сегодня ничего не сказалъ; а супъ пахнулъ дымомъ и рябчикъ совсѣмъ сухой, да и не очень свѣжій.

Изъ кабинета, куда онъ зашелъ, чтобы взять книжку журнала — предложить ее Ленѣ, — онъ приблизился къ дверямъ спальни, на цыпочкахъ.

Лена задремала, когда онъ пришелъ, и звонокъ, къ счастью, не разбудилъ ее.

— Это ты?—окликнула она изъ-за двери.

Она лежала не на постели, а на кушеткѣ, въ полусидячей позѣ.

Дня настолько прибавилось, что пускать свѣта не надо. Когда онъ вошелъ, Лена нервнымъ движеніемъ отбросила какую-то брошюрку на низенькій столъ.

И онъ тотчасъ же узналъ, какая это брошюрка — по розовой обложкѣ.

Онъ ее купилъ, на дняхъ, на Невскомъ, принесъ, прочелъ и оставилъ у себя, не желая ее давать женѣ; а она, бродя по комнатамъ, увидала ее на его письменномъ столѣ.

— Какъ ты?—спросилъ онъ теперешнимъ тускловатымъ тономъ, цѣлуя ее въ лобъ.

Лена—въ пеньюарѣ изъ синяго фуляра съ бѣлымъ кружевнымъ воротникомъ. Лицомъ она скорѣе похорошѣла; но блѣдна,

съ унылыми глазами. Фигура ея обезображена раньше, чѣмъ бы можно было ожидать; но это—удѣлъ слишкомъ мелкихъ женщинъ. Даже и полулежачая поза не помогаетъ ей.

Она взяла розовую брошюру со стола и, не отвѣчая на его вопросъ, возбужденно воскликнула:

— Вотъ они, мужчины! Мудрецы! Геніальные проповѣдники!..

— Что такое?

Но онъ тотчасъ же понялъ въ чемъ дѣло. И зачѣмъ только онъ покупалъ эту книжку? Носящій, на углу Невскаго и Владимірской, сталъ усиленно приставать къ нему, и онъ далъ ему цѣлый гривенникъ вмѣсто пятачка.

— Ты прочелъ?—спросила Лена еще нервнѣе.

— Прочелъ.

— Какъ же это... послѣ разноса самой идеи брака... и вдругъ женщина оказывается рабой, обреченной на рожденіе дѣтей... безпрерывное, фатальное?

Она бросила брошюру на столъ.

Ясоновъ присѣлъ на край кушетки.

— Зачѣмъ ты только портишь глаза? Здѣсь темно.

— Нѣтъ! Скажите пожалуйста!—продолжала она, волнуясь. —Развѣ въ этомъ не сказывается жестокій эгоизмъ мужчины?

— Въ чемъ же?—тихо обронилъ Ясоновъ.

— Мудрятъ! Сегодня такъ, завтра иначе! Сегодня я проповѣдую противъ всякаго общенія мужа съ женой. А прошло нѣсколько лѣтъ... полная перемѣна: по книгѣ Бытія—производи на свѣтъ въ страданіяхъ и будь счастлива, исполняя велѣніе свыше... Ха, ха!

Никогда еще не слыхалъ онъ такихъ звуковъ въ голосѣ Лены. И глаза ея блеснули недобрымъ блескомъ.

Ему захотѣлось что-то возразить; но онъ побоялся раздражать ее.

— Какъ ты кушала?

— Кушала я,—съ ироніей повторила Лена,—очень неважно. Аппетитъ былъ... Кажется, онъ будетъ все усиливаться, — продолжала она съ той же интонаціей,—но наша кухарка неузнаваема! Все у нея—или сырое, или сгорѣло. И безъ соли! Хоть бы она влюбилась!

Раздался звонокъ.

— Кто бы это?—спросилъ Ясоновъ, поднимаясь.—Въ этотъ часъ!

— Иди! Прими! Тебѣ будетъ менѣе тоскливо.

И это было сказано не просто.

Въ столовой онъ столкнулся съ Любой Петрининой.

Она двигалась — плечистая, виднаго роста, громко дыша отъ подъема по лѣстницѣ, пышащая здоровьемъ.

„Эта могла бы произвести на свѣтъ еще дюжину!“—вскричалъ онъ про себя.

Но его недобрый всзгласъ смѣнился другимъ чувствомъ—почти благодарности за этотъ визитъ: Ленѣ Петринина принесетъ съ собою другое настроеніе.

— Ну, какъ Лена?

— Ничего... Хандритъ.

— Трусить еще рано!—замѣтила Петринина своимъ зычнымъ голосомъ, проникая въ спальню.

Онъ не пошелъ за нею.

Петринина посидѣла не больше получаса. По уходѣ ея, Лена опять забилась въ уголъ, вся сжавшись въ комокъ.

Разговоръ съ Любой разстроилъ ее; нервы натянулись какъ струны; она не заплакала, но ея кулачки сжимались, и она судорожно вздыхала.

Сильнѣйшія неудачи по пріюту и по другому обществу!

Ни вечеръ, ни чтеніе не состоятся. Для вечера нѣтъ никакого „гвоздя“, и зала несвободна до Святой; чтеніе не разрѣшили по простой программѣ, а требуютъ текста. Авторъ упрямится.

Пріюту грозитъ... прямо банкротство.

„И пускай! И пускай!“—беззвучно повторяла она.

Теперь-то и надо было бы усиленно дѣйствовать; а она—какъ какой-то мѣшокъ—должна валяться, предаваться уходу за своей особой, не существовать, какъ самостоятельное существо, уничтожаться передъ тѣмъ, что будетъ!..

Такъ просидѣла она еще съ четверть часа. Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло.

— Елена Дмитріевна! Голубчикъ! Гдѣ вы?

Жирный голосъ такъ и пролился по комнатѣ.

— А! Это вы, Вѣра Ивановна!

Какъ ей была невыносима эта пособница и блюстительница, которая всю свою жизнь будетъ практиковать все по той же спеціальности.

Ее прислалъ Перцовъ. Она—ученая... совсѣмъ круглая, какъ шаръ, съ такими же румяными щеками, какъ и у доктора.

— Голубчикъ... Что же это вы забились?.. И какъ неудобно сидите! Ай-ай! Извольте-ка прилечь, какъ слѣдуетъ. А лучше бы на постельку.

И ея пухлыя руки берутъ ее за плечи. Отъ нея пахнетъ противными духами, гдѣ есть мускусъ. А отъ волосъ—такихъ же жирныхъ, какъ и она вся, и ея голосъ, и блескъ ея огромныхъ на выкатѣ глазъ—отдаетъ слащавой помадой.

Ей нестерпимо захотѣлось крикнуть ей:

„И вы не могли догадаться, что я не хочу *этого*, не хочу?! И вотъ до чего довели меня“!

А пухлыя губы Вѣры Ивановны приговаривали, точно она малолѣтняя:

— Недолго подождать... Ягоды поспѣютъ. И мы поспѣемъ!

VIII.

Въ квартирѣ стоитъ особеннаго рода тишина.

Ни одного возгласа, ни малѣйшаго шума ни въ господскихъ комнатахъ, ни у прислуги; но постоянное движеніе изъ кухни въ спальню. Промелькнетъ бѣлый платокъ „сестры“. Покачиваясь на короткихъ ногахъ, проплыветъ Вѣра Ивановна.

Она сегодня — главная распорядительница. Докторъ былъ вчера, а сегодня, къ разсвѣту—Вѣра Ивановна ночевала здѣсь—началось...

Безъ хирургической помощи дѣло не обойдется. Вѣра Ивановна это знаетъ не со вчерашняго дня. Знаетъ—еще лучше ея—и Валерій Петровичъ. Но онъ не хочетъ пугать.

Вѣру Ивановну смущаетъ вопросъ: говорить ли Владиміру Сергѣевичу, что *все* не можетъ обойтись безъ механической помощи?

Изъ ея практики она давно вывела то заключеніе, что мужья въ *этотъ* день—совершенно ненужная подробность. Только наводятъ уныніе, малодушничаютъ, болтаются зря, а въ самую рѣшительную минуту отъ нихъ меньше пользы, чѣмъ отъ какой-нибудь кухонной судомойки. Даже послать за чѣмъ нибудь—и то напутаютъ.

Она много разъ и выпроваживала мужей изъ квартиры. Нѣкоторые сейчасъ слушались, точно ждали сами, что ихъ вытурятъ; а другіе—упирались.

Ясоновъ для нея—„ни то, ни сё“. Ничего не говоритъ особенно нервнаго, но смотритъ узникомъ, котораго заперли—неизвѣстно на сколько времени.

Но есть и такіе мужья, которыхъ она зоветъ „бодрилы“. Тѣ рады, точно это ихъ именины или они выиграли двѣсти тысячъ.

Тѣ часто мѣшаются не въ свое дѣло; но, по крайней мѣрѣ, хорошо дѣйствуютъ на больную, а иногда и на нее самое.

Владиміръ Сергѣевичъ—вовсе не „бодрило“. Онъ, должно быть, и трусить, а главное, совсѣмъ не радуется.

И то сказать: чего же особенно радоваться, если уже есть „осложненія“—положимъ, не Богъ знаетъ какія? Ей самой приходилось дѣйствовать за врача, хотя, по закону, она и не имѣетъ на это права, кромѣ самыхъ крайнихъ случаевъ.

На это она всегда говоритъ словами изъ писанія, которыя она разъ подслушала у богатыхъ старообрядцевъ, гдѣ принимала.

Тѣ любятъ повторять: „По нуждѣ, и закону премѣненіе бываетъ“!

Но тутъ все происходитъ по правиламъ науки. Валерій Петровичъ—великій мастеръ своего дѣла, и быть подъ его началомъ—большое удовольствіе и не малая честь.

Все приготовлено. И мамку она сама привезетъ.

Ее берутъ, на всякій случай, и какъ кормилицу. Больная еще ничего не говорила, что хочетъ сама кормить и вообще никакихъ мечтаній насчетъ будущаго новорожденнаго себѣ не позволяетъ.

Это скорѣе нравится Вѣрѣ Ивановнѣ. Ей уже пріѣлись обыкновенныя сладости молодыхъ супруговъ, ихъ неумѣренные восторги и безконечная болтовня.

А иные—еще до самаго „событія“—перессорятся нѣсколько разъ изъ-за того: кто будетъ—мальчикъ или дѣвочка, и какое дать имя ребенку...

Вѣра Ивановна, подойдя къ двери, прислушалась. Стоновъ нѣтъ. Значитъ—пауза. Но такъ долго длиться не можетъ. Вотъ теперь и улучить минуту—заглянуть къ Владиміру Сергѣевичу.

Онъ ходилъ съ поникшей головой, по ту сторону письменнаго стола, и читалъ газету.

При самомъ легкомъ скрипѣ двери, онъ поднялъ голову.

— Можно къ вамъ, Владиміръ Сергѣевичъ?

— Пожалуйте! Ну что?

— Ничего еще. Лежитъ тихо.

— Доктору телефонировали?

— Нѣтъ еще. Ждемъ его.

— Вы бы напомнили... по телефону.

— Онъ не забудетъ. Да его, навѣрное, и нѣтъ дома.

Ясоновъ отложилъ газету и подошелъ къ ней.

— Извините... мы еще не поздоровались.

— Ничего!.. Развѣ я гостья. Ха, ха!

— Присядьте пожалуйста.

Они сѣли рядомъ на турецкій диванъ.

— Все ли тамъ идетъ, какъ надо? — тихо выговорилъ онъ.

— А то что̀ же?

Она прищурилась на него.

— Вы, пожалуйста, Вѣра Ивановна, не скрывайте отъ меня ничего...

— Чего скрывать?

„Лучше теперь сказать“, — подумала она.

— Я не знаю... Но я вижу, по вашимъ глазамъ, что будетъ что-то особенное.

— Пожалуй и будетъ! — проговорила она и усиленно улыбнулась.

Онъ вскочилъ.

— Что̀ же именно?

— Я еще не знаю.

— Операція?

— Ну, ужъ и операція! Вы сейчасъ и жупела пускать. Этакую операцію я и сама дѣлаю... когда и закону премѣненіе бываетъ, — выговорила она съ подмигиваньемъ праваго глаза.

— Однако... чего же ждать?

— Мальчика или дѣвочку, Владиміръ Сергѣевичъ, а предсказывать не берусь... до этого не дошла. Чу!.. Тамъ что-то не ладно, пробѣжала сидѣлка. До пріятнаго свиданія... И знаете что̀?

— Что̀ такое?

— Уѣхали бы вы по добру, по здорову!

— Куда?

— Ха, ха! Мало ли мѣстъ? Мужья въ такой день — только лишняя обуза.

И она выбѣжала изъ кабинета.

Ясоновъ сталъ усиленно прислушиваться. Какъ будто стоны за глухими стѣнами.

А докторъ не ѣдетъ.

Взяться за телефонъ? Онъ въ передней. Ему стало страшно выйти въ корридоръ. Еслибъ можно было, онъ забился бы... куда-нибудь въ темный чуланчикъ.

Одно его утѣшало, что не увидитъ онъ сегодня подполковницы Штаркъ. Она бы здѣсь командовала, какъ опытная мать семейства, прошедшая много разъ черезъ тѣ „мытарства“, которыя грозятъ бѣдной Ленѣ.

Ея нѣтъ въ городѣ. Она изволила отправиться въ Ригу, на

Штрандъ, нанимать дачу въ Маіоренгофѣ, и просила его телеграфировать о приближеніи „событія"; но онъ этого не сдѣлалъ.

И Лена ему не напомнила. Она знаетъ, что Адель стала бы ее муштровать, какъ дѣвчонку.

„Уѣхать?"—вдругъ раздался въ головѣ его соблазнительный вопросъ.

„Это подло!"—отвѣтилъ онъ; но ему вспомнились всѣ интонаціи Вѣры Ивановны. Онъ слыхалъ отъ кого-то изъ знакомыхъ, что тотъ всегда скрывался.

А если выйдетъ что-нибудь роковое? Гдѣ же его будутъ искать?

Оставить адресъ? Сидѣть у кого-нибудь въ чужой квартирѣ? У него, по близости, нѣтъ ни одного пріятельскаго дома. Въ ресторанѣ? Въ читальнѣ?

И вдругъ ему пришелъ на память разсказъ одного товарища, старше его года на три, учившагося въ Дерптѣ, когда еще тамъ былъ обязателенъ нѣмецкій языкъ.

„— Спишь мертвымъ сномъ... Часъ второй ночи. На дворѣ метель. Вдругъ сильный стукъ въ дверь. Чухонецъ-сторожъ, коверкая по-нѣмецки, кричитъ благимъ матомъ: „Буртъ, буртъ!" Это онъ хочетъ сказать: „Geburt". Вскакиваешь, мечешься, какъ угорѣлый, бѣжишь, по вьюгѣ, на верхъ, на гору, гдѣ клиника, запыхаешься, входишь въ переднюю—на-встрѣчу сидѣлка и съ масляной улыбкой объявляетъ: „ist schon aus".

Вотъ такъ бы и онъ скрылся на полдня, позвонилъ бы вечеромъ, и Вѣра Ивановна крикнула бы ему:

— Все благополучно кончено!

Стонъ прервалъ его мысли.

Онъ весь захолодѣлъ, пересталъ ходить и легъ на диванъ.

Лена лежитъ съ закрытыми глазами. Въ спальнѣ—на минуту—она одна.

Но сейчасъ вернется сестра; сейчасъ влетитъ жизне-радостная и сладко-настойчивая Вѣра Ивановна.

Не то страшитъ Лену: что̀ будетъ дальше. Она не хочетъ распускать себя. До послѣдней крайности она станетъ себя сдерживать.

Но она, вотъ сейчасъ, въ эту самую минуту, больше уже не принадлежитъ себѣ.

Это возмущаетъ ее.

Она—какъ *вещь*! Что̀ природа хочетъ, то̀ съ ней и сдѣлаетъ.

Но и это—не самое обидное. Величайшая обида въ томъ, что она вещь и въ рукахъ всѣхъ этихъ пособницъ, сестры, молчаливой и чопорной, и Вѣры Ивановны—болтливой и всевѣдущей.

Она должна имъ рабски повиноваться. Будь она просто больна, даже и очень серьезно—у нея все-таки было бы больше воли. А тутъ... Точно какое священнодѣйствіе...

Природа не сломила ея протестующаго духа. Въ ея маленькомъ тѣлѣ сидитъ большая душа. Никто и ничто, до сихъ поръ, не властвовало надъ нею... И меньше всего мужъ!

Она его любитъ; но она не раба его, даже не подчиненная, ни въ чемъ.

А теперь, она—*раба*, она—*вещь*!

И сколько разъ, съ раннихъ часовъ сегодняшняго утра—ей хотѣлось крикнуть:

„Оставьте меня! Уйдите! Вы мнѣ противны! Я хочу быть одна... что бы со мной ни случилось"!

Была такая минута, не сегодня, а много дней назадъ, когда она впервые почувствовала, что живое существо шевельнулось...

Ее мгновенно ударило въ краску, и тотчасъ затѣмъ не то страхъ, не то изумленіе вызвали въ ней никогда не испытанный трепетъ.

Была ли это радость? Она не знаетъ. Но что-то трудно выразимое и... роковое.

А теперь... она чувствуетъ только обиду... почти нестерпимую.

Кто-то вошелъ. Должно быть сестра, потому что Вѣра Ивановна навѣрное бы заговорила своимъ маслянымъ, подбадривающимъ тономъ.

Лена сжала вѣки, чтобы никого и ничего не видѣть.

И такъ пролежала съ минуту, довольная хоть тѣмъ, что не раздается голоса Вѣры Ивановны.

Она хотѣла-было повернуться на бокъ и вскрикнула.

И почувствовала, что никакое усиліе воли не поможетъ. Надо отдаться высшей волѣ—чего-то всесокрушающаго.

Все свое исчезало передъ чѣмъ-то, въ чемъ уже началась жизнь, и эта жизнь идетъ отъ нея.

Она смирилась.

Въ кабинетѣ Перцовъ, въ длинномъ балахонѣ, держалъ за обѣ руки Владиміра Сергѣевича и въ полголоса, ласково взглядывая на него, говорилъ:

— Ручаюсь вамъ за исходъ. Во всемъ, душа моя, лотерея, лото! Одной выпадетъ отличный нумеръ, другой—похуже, а третьей

—и совсѣмъ неважный. Но брендить не слѣдуетъ; а то я обижусь. Сколько же приходится продѣлать то же?.. По нѣскольку разъ въ день.

— Хорошо, хорошо,—растерянно повторялъ Ясоновъ.

— А лучше бы вамъ удалиться совсѣмъ.

— Я не могу.

— Позвольте ключъ... Я бы васъ заперъ.

— Зачѣмъ же это?

— Да вы ничего и не услышите.

— Съ хлороформомъ?

— Конечно.

— Боже мой!

— Ха, ха! Что же вы думаете, что мы вашу Лену уморимъ раньше срока? Ну, довольно. Коли вы, милый человѣкъ, не ручаетесь за себя—позвольте запереть васъ. А лучше—пожалуйте-ка отсюда вонъ!

Перцовъ взялъ его за плечи и, тихонько выпроводивъ изъ корридора въ столовую, захлопнулъ за нимъ дверь.

Ясоновъ, въ первыя минуты, прислушивался съ замиранiемъ сердца.

Ничего не слышно.

„Она впала въ безпамятство",—подумалъ онъ, и ему сдѣлалось, въ первый разъ, страшно, по-дѣтски страшно.

Вотъ его Лена лежитъ, какъ живой покойникъ, мертвенно-блѣдная, послѣ приступа возбужденности отъ хлороформа, когда она бредила, металась въ мучительной борьбѣ съ потерей сознанiя.

Самъ онъ никогда не проходилъ черезъ такое состоянiе. Ему никогда не дѣлали операцiи. Онъ не соглашался и на гипнозъ. Его пугало такое таинственное состоянiе души, когда вы—рабъ въ рукахъ того, кто вамъ что-нибудь внушилъ.

А ему-то бы и слѣдовало все это испытать! Какой же онъ психологъ? Какъ можетъ онъ распространяться, съ каѳедры, о разныхъ психологическихъ тонкостяхъ, если онъ самъ не испыталъ ничего внѣ самыхъ обычныхъ, банальныхъ ощущенiй и „воспрiятiй"?

То—книжка; а тутъ—жизнь, съ своей вѣчной тайной и съ безсилiемъ человѣка—освѣтить эту предвѣчную тайну такъ, чтобы все въ ней было такъ же ясно, какъ въ математическихъ выкладкахъ.

Тишина все та же. Ему кажется, что она тянется, по крайней мѣрѣ, четверть часа; а прошло всего четыре минуты.

Онъ перешелъ, на цыпочкахъ, въ гостиную и сѣлъ въ уголъ, у окна. Глаза его остановились на рисункѣ спинки высокаго стула. Завитушки эти повторяются вездѣ и на шитьѣ портьеръ.

Въ нихъ и сидитъ „modern style“. Эти завитушки и Ленѣ, и ему нравились, какъ что-то очень изящное. Но теперь вся отдѣлка гостиной, всѣ эти „затѣи“ вдругъ выставились передъ нимъ во всей своей убогой суетѣ.

Что̀ за дѣтство, что̀ за жалкая потребность тѣшить себя модными игрушками?.. Вонъ тамъ, за двумя дверьми, происходитъ послѣдній актъ драмы...

Промахнись увѣренный въ себѣ врачъ—и актъ нарожденія новаго существа омрачится смертью.

И мать, и ребенокъ, могутъ оба погибнуть. А стильныя завитушки останутся на тѣхъ же мѣстахъ, и онъ будетъ смотрѣть на нихъ, каждый разъ, переживая за̀ново то, что̀ теперь щемитъ его душу.

И то, что̀ возмущало его Лену, полчаса назадъ, всколыхнуло и его. Онъ почувствовалъ это, впервые, съ такой обидной ясностью: и онъ — рабъ; никуда онъ не уйдетъ отъ того, что̀ теперь всѣ они, тамъ, дѣлаютъ съ бѣдной маленькой женщиной... съ его женой, съ его Леной.

— Владиміръ Сергѣевичъ! Куда вы забились? — раскатисто зазвучалъ окликъ Вѣры Ивановны.

Ясоновъ вскочилъ.

— Что̀? что̀?

— Сына Богъ далъ! Пожалуйте!

IX.

Солнце заглянуло во дворъ, гдѣ—противъ оконъ спальни—продолговатый садикъ.

Лена проснулась и сейчасъ же поглядѣла влѣво; въ простѣнкѣ розовѣетъ кроватка съ кружевнымъ пологомъ.

Тамъ спитъ *онъ*... Сережа! Ему всего три недѣли. Мать его уже выходитъ въ остальныя комнаты; а вчера, въ первый разъ, ѣздила кататься.

Послѣ завтра она непремѣнно поѣдетъ, съ мужемъ, за городъ, брать дачу. Изъ-за нея они во̀-время не перебрались изъ города, и вотъ теперь сидятъ здѣсь въ духотѣ и шумѣ. Съ улицы доносится стукъ, пахнетъ известкой и горячимъ асфальтомъ. На дворѣ начнутся тоже какія-то работы.

Надо бѣжать! Надо брать дачу—чего бы она ни стоила.

Идутъ первые дни іюля. Жара становится, съ каждымъ днемъ, все несноснѣе.

Сережа спитъ. Онъ былъ тревоженъ вчера, съ вечера, и долго не засыпалъ. Сильно кричалъ.

Родился онъ худенькимъ и нервнымъ, съ прекраснымъ лбомъ и огромными глазами, какъ у нея.

Ему была приготовлена кормилица—здоровенная *дѣвица* и уже не „перворождающая".

Ее оставили въ нянькахъ, а не въ кормилицахъ.

Съ перваго же дня—Леной овладѣло неудержимое стремленіе кормить самой.

Перцовъ согласился на это.

Протестовалъ мужъ; но она такъ огорчилась, что онъ притихъ.

Никогда она такъ не плакала... Прямо заревѣла, какъ крестьянская баба.

И когда ей уступили—она какъ бы съ удивленіемъ оглядѣла самое себя.

Неужели это она—прежняя Елена Дмитріевна Ясонова?

Да, это *она*! Но съ первой же минуты, въ ней уже нѣтъ той убѣжденной единомышленницы своего мужа, когда они оба чувствовали себя закоренѣлыми холостяками.

Въ первые дни она немного стыдилась... и притаила въ себѣ радость, охватившую ея душу.

Не скрылось отъ нея то, что ея Лодя—когда Вѣра Ивановна показала ему сына—ничего не сказалъ, даже не измѣнился въ лицѣ, а сейчасъ же бросился къ ней.

Она не огорчилась, а только пожалѣла его. Тутъ только поняла она, какое мужчина—*половинчатое* существо.

Они лишены того, что̀ дано въ удѣлъ только женщинѣ.

Они и тутъ могутъ дѣйствовать только умомъ или *черезъ* привязанность къ женщинѣ, къ матери своего ребенка.

Они достойны глубокой жалости!..

Упрековъ она ему не дѣлала.

И точно рукой сняли съ нея—съ того дня, когда она начала сама кормить—всякую нервность. Ни слезъ, ни капризовъ, ни хандры, ни раздраженія.

Что-то близкое къ психическому чуду.

Съ глазу-на-глазъ съ своей совѣстью она не скрываетъ того, что ей такъ—„изумительно хорошо"! Зачѣмъ ей требовать, чтобы кто-нибудь другой имѣлъ такое же чувство?

Не надо! Да и ни одинъ отецъ не въ силахъ его испытать. И никакихъ изліяній вслухъ не нужно—они только ослабятъ чувство. Или могутъ показаться слащавыми, смѣшными.

Это—ея храмъ! Она одна въ немъ молится... Ея святая святыхъ...

Лена тихо поднялась и подошла къ кроваткѣ. Свѣтъ смягчали сторы. Въ спальнѣ, за ночь, сдѣлалось душно. Но она боялась поднять и раскрыть немного окно.

Беззвучно опустилась она передъ кроваткой, и пальцы ея маленькой бѣлой руки откинули пологъ.

На подушкѣ, въ кружевцахъ, розовѣла круглая головка съ темноватымъ пушкомъ, немного склоненная на бокъ.

— Сережа!.. Милый!..

Шопотъ ея страстно ласкалъ это маленькое созданіе.

Она не могла устоять. Ея губы тянулись къ щекѣ сына.

И она застыла въ созерцаніи младенца.

Чуть-чуть скрипнула дверь; но Лена, вся поглощенная любованіемъ, не разслышала.

Ясоновъ тихо вошелъ и остановился въ портьерѣ. Не сразу понялъ онъ—что̀ такое дѣлаетъ его жена.

Ребенокъ спитъ, а Лена, на колѣняхъ, нагнувшись къ головкѣ, смотритъ, смотритъ и не можетъ оторваться.

Онъ хотѣлъ-было уйти.

Но его кольнуло.

Неужели *онъ* не тронутъ этимъ зрѣлищемъ? Кто же мѣшаетъ ему подойти, стать рядомъ съ женой и предаться тому же созерцанію?

Стало быть, въ немъ чего-то нѣтъ.

Но группа, сама по себѣ, такъ красива...

Ему вспомнилась знаменитая картина Корреджіо.

„Вѣдь это также обожаніе младенца?"—подумалъ онъ.

Онъ сдѣлалъ шагъ отъ двери.

Лена быстро повернула голову и тотчасъ же поднялась.

— Это ты?

Лена сразу покраснѣла.

Мужъ точно поймалъ ее.

— Ты такъ рано проснулся?—выговорила она шопотомъ, подставляя ему лобъ.

Ясоновъ поцѣловалъ и взялъ ее за руку.

— Хорошо спитъ?—такъ же шопотомъ спросилъ онъ ее и немного отвелъ въ сторону.

— Да! — радостно откликнулась она. — А къ ночи долго маялся... Хочешь взглянуть?

Она подвела его къ кроваткѣ.

Будь въ немъ такое же чувство, какъ и въ ней, онъ — еслибъ не опустился на колѣни, то хоть наклонилъ бы голову, чтобы полюбоваться *ихъ* первенцемъ. Даже и для отца такіе трехнедѣльные младенцы... это нѣчто неосмысленное и довольно безобразное... голая голова, комокъ краснаго тѣла, искаженнаго гримасой, когда не спитъ и не питается.

Ясоновъ обнялъ жену и поцѣловалъ ее въ голову.

Она вздрогнула. Этотъ тихій поцѣлуй тронулъ ее и пресѣкъ ходъ ея обличительныхъ мыслей, направленныхъ на мужчину.

Она отвела его къ двери въ ея будуарчикъ, гдѣ было свѣтлѣе, чѣмъ въ спальнѣ.

Тамъ они присѣли на короткій диванчикъ—для двоихъ.

— Ты совсѣмъ изведешь себя...—началъ онъ такъ же тихо и привлекая ее къ себѣ.—Въ которомъ часу могла ты заснуть?

— Не смотрѣла на часы.

— Будто?

— Часа въ два.

— А сегодня проснулась чѣмъ свѣтъ?

— Полчаса передъ тѣмъ, какъ ты вошелъ.

— И засталъ тебя... въ созерцаніи?...

Онъ не докончилъ и сдержалъ свою усмѣшку.

— Ты находишь это смѣшнымъ? — спросила Лена неопредѣленнымъ тономъ, въ которомъ не было, однако, прямого недовольства или стѣсненія.

— Почему же смѣшнымъ?

— Скажи прямо... я не обижусь, Лодя.

— Разъ въ тебѣ такое чувство...

— Это уклончиво... Такъ не надо!

Она прильнула къ нему головой. Ото всей ея пополнѣвшей фигурки вѣяло теплотой. Маленькая рука—лѣвая—покоилась на его колѣняхъ.

— Такъ не надо!—вовторила Лена тронутымъ голосомъ.— Что жъ! Я не стану запираться.

— Въ чемъ же, милая?

— Ты, какъ мой товарищъ, изъ того времени, когда мы были оба такіе холостяки — имѣешь право, Лодя, подтрунивать надо мною...

— Съ какой стати?

— Можетъ, ты, когда одинъ-на-одинъ съ собою, и думаешь

такъ: „И моя Лена не выдержала, и въ одно мгновеніе ока превратилась... въ насѣдку, не лучше своей кузины, Адели Штаркъ“! А можетъ, и хуже...

— Ну, ужъ и хуже!—остановилъ онъ тономъ снисходительнаго друга.

— Я не знаю... поймалъ ли ее мужъ въ такомъ созерцаніи... надъ кроваткой ея Миси... десять лѣтъ назадъ...

Лена мило покачала головой и, поднявъ ее, поглядѣла на него глазами, полными тихой усмѣшки... почти дѣтской.

— Я и не оправдываюсь, Лодя. Жизнь пересилила. Она... выше нашихъ взглядовъ и теорій.

— Да, пересилила,—повторилъ Ясоновъ.

— Вотъ видишь, Лодя... Мы — женщины — не можемъ застраховать себя отъ того, что̀ будетъ. Мы сами себя не знаемъ... до того момента... пока... оно заговоритъ... Ты назовешь это инстинктомъ. Я не обижусь. Какіе мы съ тобой были холостяки!.. И я все время возмущалась. Ты самъ знаешь. А вотъ теперь у меня такая радость, такая радость! Несказанная!

Она опять припала головой къ его плечу и тихо заплакала.

А въ немъ мужское чувство не сдавалось.

Что̀ же послѣ того *онъ,* какъ ея мужъ, какъ любимый человѣкъ, съ которымъ она—когда-то — такъ свободно и радостно соединила свою судьбу?

Значитъ, теперь все это отошло назадъ? Предметъ обожанія—вонъ то неосмысленное маленькое созданіе, которое сейчасъ начнетъ хныкать или пищать.

— Прости!.. — шептала Лена, не поднимая головы.—Тебѣ обидно то, что̀ я сейчасъ сказала?.. Но эта самая радость... отъ кого же она идетъ?..

„Не отъ меня“,—подумалъ онъ, но ничего не сказалъ.

— Видишь, Лодя...—заговорила она, крѣпче прижимаясь къ нему:—только *это* даетъ чувство великой тайны. И сама ты — уже не существуешь... Никакихъ счетовъ, никакихъ требованій! Ни ревности, ни самолюбія... ничего. Это знали только... подвижники, христіане первыхъ вѣковъ. Можетъ, и теперь *это* доступно особымъ вѣрующимъ натурамъ?

Онъ не хотѣлъ возражать; но въ немъ не смирялись мужскіе протесты.

При такомъ идолопоклонствѣ—до чего же можно дойти? До крайнихъ предѣловъ того жестокаго родительскаго себялюбія, надъ которымъ они такъ долго смѣялись съ нею.

— И еслибъ во мнѣ,—продолжала Лена,—заговорило то...

прежнее... я была бы безсильна передъ моимъ теперешнимъ счастьемъ.

„Вотъ оно что̀!“—воскликнулъ Ясоновъ про себя.

Прежде Лена не любила это слово „счастье“, смѣялась надъ непомѣрной погоней за этимъ миражемъ; никогда онъ не слыхалъ отъ нея—даже въ минуты самыхъ пылкихъ ласкъ—страстныхъ возгласовъ: „Какъ я счастлива“!

Она не носила личины. Она жила съ нимъ полной жизнью прочной взаимной привязанности. А теперь выходитъ, что настоящаго счастья она все-таки не испытывала. Значитъ, чувство къ нему никогда не захватывало ее такъ, какъ теперь? А источникъ этихъ блаженныхъ состояній лежитъ вонъ тамъ, въ кроваткѣ, и, когда проснется, будетъ требовать, чтобы его сейчасъ же накормили.

Эти быстрые и ядовитые вопросы не стыдили его, и ни разу они не смягчались тѣмъ, что вѣдь источникъ высшаго счастья Лены—*ихъ* сынъ, что *онъ*—отецъ его.

Что̀ изъ этого? Да, отецъ; да, Сережа — сынъ любимаго мужа.

Но эта любовь теперь только подробность, а не первенствующій моментъ жизни.

„Вотъ оно—пресловутое „Ewig Weibliche“, которое начало гулять по свѣту, послѣ Гётевскаго Фауста!“—подумалъ онъ этими именно словами.

Десятки, сотни мужей впали бы въ глупо-умиленное настроеніе. Ихъ отцовское тщеславіе подсказало бы имъ, прежде всего, то, что въ сынѣ мать вдвойнѣ обожаетъ отца, т.-е. ихъ самихъ.

Но онъ не можетъ впасть въ такой самообманъ.

— Лодя!—громче окликнула Лена, поднявъ голову:—ты можешь это понять? И зачѣмъ я стала бы скрывать дольше?.. И во мнѣ была борьба, всѣ эти дни... послѣ рожденія Сережи.

Звукъ ея голоса, съ внутренней вибраціей — касался его уха, но не проникалъ ему въ душу, не вызывалъ въ немъ умиленія.

Изъ спальни донесся дѣтскій плачъ.

Лена мгновенно вскочила и бросилась къ двери.

Раздался сильный звонокъ. Это она зоветъ няньку. Такъ продолжалось еще нѣсколько секундъ; потомъ все смолкло. Сережу кормятъ.

Ясоновъ все еще сидѣлъ на диванчикѣ, въ неопредѣленной позѣ.

Онъ думалъ:

„Она не хочетъ скрывать своего блаженства. Зачѣмъ же и мнѣ обманывать себя? Этого блаженства я не испытываю. Можетъ быть, я — дурной отецъ, безсердечный эгоистъ, неспособный на то, чтобы, забывая о себѣ, радоваться“.

„Но чему радоваться? — продолжалъ онъ, и голова его — привычная къ діалектикѣ—заиграла свободно.—Чему радоваться? Тому, что этотъ ребенокъ—*мое* чадо? Но вѣдь это тоже эгоизмъ, и одинъ изъ самыхъ упорныхъ и жестокихъ видовъ себялюбія. Радоваться за нее, за любимую женщину? Въ этомъ есть смыслъ. Но это все-таки не самое чувство къ ребенку, къ новому живому существу“.

Одно онъ знаетъ: впервые, между нимъ и Леной, между душевнымъ міромъ каждаго—такой громадный пробѣлъ.

Чѣмъ его наполнить?

Ихъ прежняго, идеальнаго лада не будетъ, даже если она заразила бы его, со временемъ, тѣмъ же обожаніемъ, той же неизреченной „радостью“ о которой сейчасъ говорила такъ проникновенно.

Пріотворивъ дверь въ спальню, онъ остановился.

Лена сидѣла въ большомъ креслѣ и кормила Сережу.

Нянька прибирала что-то, беззвучно переходя отъ кроватки къ большому зеркальному шкафу съ бѣльемъ.

Лицо Лены говорило ему, въ эту минуту, какъ она поглощена своимъ дѣломъ—такимъ обыденнымъ и „животненнымъ“,— прибавилъ онъ мысленно.

А въ глазахъ у нея — небывалое выраженіе высшаго довольства.

„Священнодѣйствуетъ“,—выговорилъ онъ мысленно и двинулся тихонько къ выходной двери.

Она подняла голову.

Нѣжная краска проступила на ея щекахъ. Все еще стыдливое чувство сказалось въ ея взглядѣ, которымъ она проводила его изъ комнаты.

Только у себя въ кабинетѣ Ясоновъ вспомнилъ, что онъ еще не пилъ кофе и хорошенько не привелъ себя въ порядокъ.

Но о прежней пунктуальности въ обиходѣ ихъ жизни теперь надо „отложить попеченіе“.

Барыня вся поглощена тѣмъ, что идетъ въ спальнѣ. Съ „великихъ“ дней пошло все по другому.

Онъ подошелъ къ окну, раскрылъ его, и его потянуло изъ города, изъ этихъ каменныхъ ящиковъ. Лена хочетъ непремѣнно ѣхать сама смотрѣть дачу.

Но и туда перевезутъ тотъ же кумиръ, и жизнь будетъ сведена къ нему...

X.

Давно Ясоновъ не попадалъ въ эту часть великолѣпнаго парка. Онъ шелъ съ той дачи, которую сейчасъ смотрѣлъ—по пути къ вокзалу.

Въ сухую, ясную погоду—какъ здѣсь хорошо! Не вѣрится, что это въ трехъ четвертяхъ часа ѣзды отъ Петербурга. Но перемѣнится погода—и будетъ сырость на дачахъ.

Изъ двухъ дачъ, подходящихъ по цѣнѣ и расположенію, Лена, навѣрное, выберетъ не эту, а другую, въ Царскомъ, которая ему совсѣмъ не нравится. Правда, не очень далеко отъ Садовъ, но на дворѣ.

Зато тамъ сухо. Въ прошломъ году она не испугалась бы сырости... а теперь?..

Есть третье существо. Оно—регуляторъ всего.

Спускаясь по дорожкѣ къ водѣ, онъ вспомнилъ вдругъ одну картинку изъ заграничныхъ экскурсій, тамъ, въ его любимомъ Шварцвальдѣ. Еще прошлой осенью онъ мечталъ взять долгій отпускъ и очутиться тамъ съ Леной, къ половинѣ русскаго мая.

Какъ тамъ дышется, что за прогулки, какое чудесное настроеніе, сколько идей и цѣлыхъ „концепцій“ приходитъ во время прогулокъ, особенно подъ вечеръ!

Вотъ одинъ изъ такихъ любимыхъ концовъ всплылъ передъ нимъ, въ цѣломъ рядѣ картинъ.

Онъ спускается къ лѣсному озеру. Съ пригорка, гдѣ онъ остановился,—во ста шагахъ отъ маленькаго Gasthof'а, гдѣ только-что выпилъ кружку темнаго пива, — открывается задумчивая, нѣжно зеленѣющая лощина и тамъ вдали—такія же вѣчно зеленыя горы, покрытыя хвойнымъ лѣсомъ.

Онъ возьметъ сейчасъ, спустившись по боковой дорожкѣ, въ густой боръ—туда, гдѣ „Волчье ущелье“—Wolfschlucht—напоминавшее ему всегда первыя дѣтскія впечатлѣнія отъ второго акта Веберовскаго „Волшебнаго стрѣлка“.

Вернешься въ отель къ девяти вечера, съ пріятной усталостью во всемъ тѣлѣ, и сядешь на террасѣ ужинать...

Какая молодость духа! Точно тебѣ восемнадцать лѣтъ, и ты—студентъ, носящій трехцвѣтную шапочку и ленту черезъ плечо.

Но и тебя, профессора, потянетъ въ оба университета,—

каждый изъ нихъ подъ бокомъ: до одного—два часа ѣзды, до другого—всего часъ со скорымъ поѣздомъ.

Опять очутишься въ той аудиторіи, гдѣ старецъ—Несторъ философскихъ каѳедръ—такъ блистательно излагаетъ тѣ самыя системы, о которыхъ читалъ и десять лѣтъ назадъ, когда Ясоновъ попалъ впервые въ эту древнюю аудиторію, живя въ городкѣ съ самой симпатичной „alma mater“.

„И все это—*тютю*!“—подумалъ онъ съ довольно-таки горькимъ юморомъ.

Вторая половина лѣта пройдетъ на петербургской дачѣ. Съ двадцатыхъ чиселъ августа зачастятъ дожди; а можетъ быть и раньше подползутъ холодные дни. Надо будетъ топить. Молодая трепетная мать начнетъ волноваться изъ-за своего чада. Какъ легки простуды! Съ какой быстротой бываютъ поражены грудные младенцы острыми желудочными разстройствами или воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ,—не говоря уже объ остальныхъ смертныхъ опасностяхъ.

Ему тутъ сейчасъ же пришла на память тревога съ *яко бы* дифтеритомъ Ми́си, Аделиной дочери. Съ того „вавилонскаго плѣненія“ все вѣдь и началось...

Но къ чему все это перебирать?...

Опять воспоминаніе. И такое же отчетливое, какъ и та шварцвальдская картина.

Это было нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, когда Лена—и тайно, и явно—возмущалась, не хотѣла помириться съ своимъ новымъ состояніемъ.

Какъ рельефно всплыло передъ нимъ все: комната, какой стоялъ въ ней сумрачный свѣтъ, какъ жена его сидѣла вся въ комкѣ, какъ она бросила на столикъ жиденькую брошюрку въ розовой обложкѣ, какъ горько и язвительно заговорила о мудрствованіяхъ автора, который сначала проповѣдывалъ мораль анахоретовъ, а потомъ приказываетъ женщинамъ нести свое бремя, повторяя то, что̀ въ началѣ „Книги Бытія“ начертано такими грозными словами.

А теперь—куда дѣвались протесты маленькой феминистки?

Безплодно—и столько же безсмысленно—было бы и его фрондёрство! На оцѣнку громаднаго большинства—и безнравственно, сухо, бездушно, почти отвратительно...

Но развѣ не тотъ же мудрецъ, который такъ возмутилъ Лену—сравнилъ жену съ ношей за плечами? Идти можно, можно и работать; но ежесекундно чувствуешь ее. И такъ будетъ до гробовой доски котораго-нибудь изъ двухъ членовъ союза.

„И твой Сережа—первый вкладъ въ это бремя. Вкладъ еще маленькій—фунтовъ въ десять-двѣнадцать; а за нимъ пойдутъ и другіе вклады, даже если и не будетъ больше дѣтей“.

На площадкѣ, передъ кіоскомъ, куда собиралась военная музыка, гуляло и бѣгало много дѣтей. Кормилицы, бонны, гувернантки, матери—цѣлое царство феминизма, но не такого, которому Лена мечтала остаться вѣрной всю жизнь.

Кто ее знаетъ?! Можетъ быть, она умудрится сочетать одно съ другимъ.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что оно такъ и будетъ. И у нея явятся двѣ цѣли въ жизни. Изъ нихъ одна—великая и несмолкаемая „радость“—ея теперешнее слово... А другая—какъ пріятный придатокъ, въ передышку между восторгами материнства.

Ясоновъ—почти со злобой—оглядѣлъ всю эту дѣтвору, съ ихъ неизбѣжнымъ конвоемъ. Все вѣдь, въ сущности, дѣлается для нихъ, для этихъ „ангеловъ“, и до рожденія, и послѣ, когда они превратятся въ самыхъ противныхъ подростковъ, въ родѣ вонъ тѣхъ дѣвочекъ, что расхаживаютъ пáвами, въ громадныхъ шляпахъ и бантахъ изъ лентъ, подъ кружевными зонтиками, и „флёртируютъ“ съ питомцами разныхъ заведеній, изъ которыхъ выйдутъ тоже...

Онъ поискалъ мысленно слова и выговорилъ вслухъ:

— De jolis Cocò!..

Ясоновъ только-что переодѣлся по домашнему и не успѣлъ еще зайти къ женѣ—доложить ей о дачахъ въ Царскомъ и Павловскѣ—какъ, послѣ сильнаго звонка въ передней, къ нему ввалилась чета Штарковъ.

Первой показалась ожирѣлая фигура Адели, съ ужасающимъ бюстомъ, въ батистовомъ платьѣ и въ шляпѣ, поднимавшейся въ видѣ щита, покрытаго цвѣтами.

Толстыя руки были съ локтя полуоткрыты.

За ней выступалъ своимъ кадетскимъ шагомъ супругъ—въ бѣломъ кителѣ новаго образца.

— Не ждали?—крикнула Адель.—Мы сюрпризомъ!

Надо было сказать имъ какую-нибудь банальность.

— Поздравляю!

Подполковникъ стиснулъ ему руку и прибавилъ:

— Нашего полку прибыло!

Онъ на цѣлую голову ниже жены, сухъ въ груди и очень бѣлокуръ.

— Поймали голубчика? А?—заговорила Адель своимъ при-

бауточнымъ тономъ и потрепала его по плечу.—Өедя! Онъ что-то не очень радуется! А Лена молодцомъ? Я ее еще не видала...

— Пожалуйте!—полусконфуженно промолвилъ Ясоновъ.

— Мы, вотъ, должны были бросить Штрандъ. Өедя получилъ экстренную командировку въ Финляндіи. И вотъ, со всей нашей командой перебираемся туда... искать дачу. Вы счастливецъ!.. У васъ больше вакаціонныхъ мѣсяцевъ, чѣмъ занятій. Ну, я пойду къ Ленѣ. Өедя! покури, а потомъ придешь поздравить Лену.

Все это подполковница высыпала, точно она у себя дома и распоряжается своей Мисей и обоими буянами.

Ясоновъ остался съ глазу-на-глазъ съ подполковникомъ.

Тотъ тотчасъ же закурилъ, точно обрадовавшись, что ему дозволили затянуться.

Эта чета прилила еще яду ко всему, что̀ онъ, съ утра, перечувствовалъ. Передъ нимъ сидѣлъ не простой „мо̀ментъ“, а возсѣдало символическое лицо.

Штаркъ шелъ хорошо по службѣ, быстро дѣлалъ свою карьеру; но при своей супругѣ онъ только *мотивъ* супружеской жизни—„какимъ буду и я“,—добавилъ про себя Ясоновъ.

И при этомъ онъ самодоволенъ, влюбленъ въ свою интеллигенцію, воображаетъ себя образцовымъ военнымъ писателемъ.

— Еще разъ поздравляю! — заговорилъ Штаркъ, затянувшись.—Вижу, вы еще не освоились съ своимъ новымъ положеніемъ. Теперь ужъ—ау! Ничего не подѣлаешь!

Какъ всѣ полу-нѣмцы, подполковникъ любилъ словечки вульгарнаго жаргона.

— Но не правда ли, милѣйшій Владиміръ Сергѣевичъ, никто изъ насъ не можетъ считать свое существованіе полнымъ и закономѣрнымъ, прежде чѣмъ не дастъ жизнь себѣ подобнымъ и не испытаетъ того, что̀ доставляетъ вамъ высокое чувство родительства?

„Сколько онъ выпалитъ еще такихъ истинъ?“—спросилъ, про себя, Ясоновъ и слегка кивнулъ головой.

— Конечно, во всемъ этомъ нѣкоторое бремя. Но тутъ только познаете вы глубину евангельскаго реченія: „Бремя мое легко...*есть*“,—прибавилъ онъ отъ себя.

Ясоновъ опять кивнулъ головой.

— Елена Дмитріевна сама кормитъ?

— Да.

— Признаюсь... мы этого съ Адель не ожидали. Это дѣлаетъ ей честь!.. Даже въ Парижѣ происходитъ сильнѣйшая пропаганда... по этому вопросу. Мы съ Адель, прошлой весной, по-

пали на представленіе пьесы: „Les remplaçantes". Она и у насъ шла. Но по-русски не понравилась. А вѣдь и у насъ многія дамы воздерживаются отъ исполненія этой священнѣйшей обязанности...

Ясоновъ чуть не выговорилъ:

— Аминь.

Раскатистый голосъ Адели вторгся въ кабинетъ.

— Ѳедя!—крикнула она мужу на ходу:—Лена желаетъ тебя видѣть. Иди! Поцѣлуй и новорожденнаго... Владиміръ!—окликнула она Ясонова.—Онъ на васъ еще мало похожъ; но будетъ длинный—это сейчасъ видно. Только Лена его слишкомъ кутаетъ. Это опасно! Какъ разъ простудится. И сейчасъ... congestion à la tête. И того и гляди—воспаленіе мозговой оболочки!..

— Полно, Адель... зачѣмъ же пугать!—остановилъ ее мужъ.

— Моей опытности она можетъ вѣрить. Ну, иди! Я подожду тебя... И долго намъ нельзя засиживаться, ты знаешь.

Помѣстившись на креслѣ, гдѣ только-что сидѣлъ ея мужъ, Адель пододвинулась къ Ясонову и положила обѣ мясистыя руки на его колѣни.

— Ваша Лена теперь въ остромъ періодѣ обожанія... своего чада. Это пройдетъ. А что̀ нужно—останется.

Засмѣявшись своимъ рѣзкимъ, самоувѣреннымъ смѣхомъ, она поглядѣла на него вбокъ.

— Вы, кажется, не находитесь въ эмпиреяхъ? Это можетъ придти послѣ. И даже очень! Тогда мужъ дѣлается слюняемъ. Вотъ у Ѳеди большое дѣтолюбіе. И еслибъ я его сразу не дрессировала, по этой части, онъ бы портилъ мнѣ всю механику *дѣтовѣдѣнія*. Ха, ха! Это я его дразню, увѣряю, что онъ изобрѣлъ новый терминъ въ родѣ *отечествовѣдѣнія* и *мясовѣдѣнія*, на кулинарныхъ курсахъ! Есть и такія слова!..

А ея узкіе, заплывшіе глазки добавляли:

„Нечего, нечего, милѣйшій фило̀зо̀фъ! Теперь ты не станешь кичиться своей умственной и всякой другой свободой. Ты теперь у насъ въ когтяхъ, какъ и тысячи другихъ умниковъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю".

Но, по крайней мѣрѣ, она не выпаливала истинъ подполковника Штарка.

— Я дала Ленѣ нѣсколько совѣтовъ... насчетъ устройства спальни... на дачѣ... Она сбирается сама. Вамъ нравится въ Павловскѣ? Это немыслимо! И она стоитъ за Царское. Я ее одобрила. Въ Павловскѣ—ни подъ какимъ видомъ!

Она это замѣтила ему, точно онъ артельщикъ, котораго посылали искать дачу.

И его кольнуло предчувствіе.

Теперь у Лены такая вооруженная съ головы до пятъ союзница, не допускающая никакихъ „но“. Ея „моментъ“—тоже ученый, а какъ онъ образцово дрессированъ!..

— Я готовъ!—раздался изъ-за портьеры окликъ мужа. Владиміръ Сергѣевичъ! Всего хорошаго!

Не сразу стряхнулъ съ себя Ясоновъ то, что принесли съ собою супруги Штаркъ—какую-то особенную обиду. Вотъ и онъ зачисленъ въ тотъ же цехъ, какъ и этотъ тошный „моментъ“, начиненный благомысленными общими мѣстами.

Онъ вспомнилъ, что еще не видалъ Лены. Она ждетъ. Надо ей доложить о дачахъ.

Можетъ быть, она въ эту минуту кормитъ? Зачѣмъ ей мѣшать? Да она и все еще немножко стѣсняется, когда войдешь въ это время въ спальню.

Нѣсколько разъ прошелся онъ позади своего письменнаго стола.

Мысль перелетѣла къ тому, что на этомъ письменномъ столѣ должно бы быть доведено до конца.

Его диссертація!

А гдѣ ея конецъ? На что ушли послѣдніе два мѣсяца?

Даже больше.

И сейчасъ же выскочилъ въ головѣ ихъ разговоръ съ дядей, зимой, когда тотъ приводилъ слова своего наставника: „Вороновъ, не женитесь, прежде чѣмъ не выдержите на доктора“!

Пророческія слова!

Машинально присѣлъ онъ въ кресло и глубоко задумался.

Кто же авторъ этого запоздавшаго теперь сочиненія?

Если не философъ, въ подлинномъ смыслѣ, если не создатель *своей* системы, то мыслитель, оцѣнщикъ чужихъ системъ, считающій себя и психологомъ?

Почему же этотъ психологъ, этотъ мыслитель, не взялъ человѣка въ руки—мужчину, мужа, не заставилъ его разобраться построже въ томъ, что въ немъ, до этой минуты, копошится?

Щеки его стали блѣднѣть.

Онъ считаетъ себя мыслителемъ, а его ничтожное „я“ такъ карабкается и ершится... передъ чѣмъ? Передъ великой тайной бытія! Это ничтожное „я“ поднимаетъ бунтъ противъ предвѣч-

ныхъ устоевъ вселенной, которыя нашли въ живыхъ существахъ высшую форму развитія и сознанія...

И онъ мнитъ себя психологомъ!

Точно онъ самъ — со всѣми рессурсами и тонкостями своей интеллигенціи — свалился готовымъ съ неба или вышелъ изъ головы Зевса, какъ эллинская богиня Мудрости?!

Ему стало стыдно. И только другой стыдъ удерживалъ его отъ того, чтобы тотчасъ же побѣжать къ Ленѣ и повиниться.

Минута колебанія пролетѣла. Онъ всталъ и перешагнулъ черезъ узкій корридорчикъ.

Лены не было въ спальнѣ.

Кроватка стоитъ на обычномъ мѣстѣ, въ простѣнкѣ. Должно быть, Сережа спитъ.

Онъ прошелъ на цыпочкахъ мимо нея и заглянулъ въ будуаръ.

— А! Лодя! Ты вернулся! Ну, что̀ скажешь?

Она сидѣла у бюро. Онъ поднялъ ее и посадилъ на диванчикъ.

— Что̀ съ тобою? — спросила она. — Ты чѣмъ-то разстроенъ?..

— Нѣтъ! Я пришелъ... чтобы...

Онъ не договорилъ, обнялъ ее за талію и припалъ головой къ ея плечу.

„Такъ будетъ лучше!“ — приказалъ онъ самому себѣ.

П. Боборыкинъ.

ПО
ВЕЛИКОЙ СИБИРСКОЙ
ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ

Путевыя замѣтки.

I.—Отъ Москвы до Кургана.

Тихоокеанскія желѣзныя дороги въ Америкѣ и Сибири. — Административная граница Сибири.—Челябинскъ и врачебно-питательный пунктъ.—Виды по дорогѣ.

Находясь въ Санъ-Франциско, лѣтъ тридцать тому назадъ, я провожалъ знакомаго мнѣ купца, г. Пахолкова, собиравшагося тогда переѣхать моремъ въ Сибирь: заказавъ въ Америкѣ рѣчной пароходъ, онъ имѣлъ въ виду перевезти его на фрахтовомъ суднѣ, съ тѣмъ, чтобы открыть на своемъ пароходѣ рейсы по Амуру и Шилкѣ. Закупивъ въ Санъ-Франциско разные товары, нашъ предпріимчивый землякъ задумалъ снабжать ими береговыхъ поселенцевъ незадолго передъ тѣмъ присоединеннаго къ Сибири Амурскаго края. Замѣтимъ кстати, что это былъ первый частный пароходъ, открывшій непосредственныя торговыя сношенія Соединенныхъ-Штатовъ съ сибирскими странами. Уѣзжая, г. Пахолковъ приглашалъ меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ на Амуръ; но, проѣхавъ по только-что проложенной тогда изъ Нью-Іорка къ Тихому океану дорогѣ, я намѣревался затѣмъ посѣтить южные штаты Союза, а возвращаться въ Америку съ Амура было бы довольно затруднительно; потому я и отказался отъ ра-

душнаго приглашенія нашего земляка. Иное дѣло, если бы въ то время открыто было движеніе по сибирской желѣзной дорогѣ: тогда я могъ бы, добравшись на пароходѣ по Амуру и Шилкѣ до города Срѣтенска, проѣхать по рельсамъ до самой Москвы и совершить такимъ образомъ кругосвѣтное путешествіе. Когда рельсы по Манчжуріи будутъ окончательно проложены до Владивостока, то такое путешествіе вокругъ свѣта на самомъ дѣлѣ можно будетъ легко совершить дней въ сорокъ, и даже въ болѣе короткій срокъ.

Вообще, проложеніе рельсовыхъ путей въ Америкѣ и Сибири къ берегамъ Тихаго океана само собой наводитъ на сравненіе обѣихъ тихоокеанскихъ дорогъ, тѣмъ болѣе, что лѣтъ тридцать тому назадъ Соединенные-Штаты были почти такъ же рѣдко населены, какъ наши азіатскія владѣнія въ настоящее время. И вообще, Штаты во многихъ отношеніяхъ напоминали собою Россію.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что самыя условія, какими сопровождались постройки желѣзныхъ дорогъ, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Сибири, отчасти, можно сказать, представляютъ близкое сходство между собою. И дѣйствительно, въ Европѣ, какъ извѣстно, рельсовые пути проходятъ обыкновенно по мѣстамъ болѣе или менѣе густо заселеннымъ и составляютъ какъ бы продуктъ высшаго развитія культуры; тогда какъ въ Америкѣ и въ Сибири желѣзныя дороги проводились по пустынямъ или мало населеннымъ мѣстностямъ и служатъ какъ бы проводниками высшей культуры въ дѣвственные края. Благодаря отчасти этимъ условіямъ, ни въ Америкѣ, ни въ Сибири почти не приходилось прибѣгать къ экспропріаціи земель подъ дорогу, такъ какъ послѣднія составляютъ государственную собственность; а потому самыя издержки производства значительно сокращались. Мало того, какъ тамъ, такъ и тутъ, открывалась возможность съ постройкой дороги связать колонизаціонную дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и продажу свободныхъ земель переселенцамъ. Россія, однако, въ этомъ случаѣ пользуется нѣкоторымъ преимуществомъ передъ Соединенными-Штатами въ томъ отношеніи, что ея желѣзная дорога, проходя отчасти по пустыннымъ мѣстамъ, обоими концами своихъ рельсовъ примыкаетъ къ густо населеннымъ культурнымъ странамъ: на западѣ—къ Европѣ съ ея 390-милліоннымъ, а на востокѣ—къ Китаю, Кореѣ и Японіи съ ихъ 400-милліоннымъ населеніемъ. Для того, чтобы вполнѣ воспользоваться этимъ преимуществомъ, оказывается необходимымъ населить все пространство между обоими концами

рельсовъ, а это и составляетъ одну изъ главныхъ задачъ Великой сибирской желѣзной дороги...

Замѣтимъ еще, что въ свое время не мало удивлялись огромному протяженію американской тихоокеанской дороги. И дѣйствительно, тогда это было самое длинное разстояніе, какое приходилось пробѣгать локомотиву. Точно также и въ настоящее время русскій рельсовый путь по своей длинѣ превосходитъ не только всѣ существующія европейскія, но даже и американскія желѣзныя дороги. И въ самомъ дѣлѣ, отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско въ 1870 году мнѣ пришлось проѣхать около 5.000 верстъ; тогда какъ отъ исходнаго пункта сибирской дороги, отъ Челябинска до Владивостока насчитывается болѣе 6.000, а до Портъ-Артура наберется всего около 7.000 верстъ. Если же считать отъ береговъ Балтики, т.-е. отъ Петербурга до Тихаго океана, то все разстояніе, пробѣгаемое паровикомъ, будетъ доходить почти до 9.000 верстъ.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности по поводу сходства обѣихъ тихоокеанскихъ дорогъ, перехожу къ описанію моей поѣздки.

Выѣхавъ изъ Москвы 16-го мая 1901 года, я въ тотъ же день вечеромъ долженъ былъ въ Тулѣ пересѣсть въ другой вагонъ, а между тѣмъ тутъ же на вагонахъ третьяго класса стояла надпись: „Безъ пересадки до Челябинска". Мало того, пассажирамъ перваго и второго классовъ пришлось еще разъ пересаживаться въ Батракахъ. Довольно обширное селеніе Батраки составляетъ узелъ желѣзныхъ дорогъ, выходящихъ изъ Тулы и Рязани; а потому здѣсь въ 1885 году была открыта первая переселенческая контора: она обязана была снабжать переселенцевъ свѣдѣніями по отысканію свободныхъ земель въ Сибири. Здѣсь же стала производиться первая правильная регистрація переселенцевъ. Въ настоящее время такая регистрація совершается въ Челябинскѣ и въ другихъ городахъ по сибирской желѣзной дорогѣ.

Прибывъ черезъ два дня въ Самару и переночевавъ въ ней, я утромъ, гуляя по городу, завернулъ въ открытую здѣсь столовую для переселенцевъ: подъ обширнымъ навѣсомъ на столбахъ тянутся длинные столы со скамьями по обѣ стороны; на нихъ могутъ размѣститься человѣкъ триста. Возлѣ навѣса помѣщена кухня съ обширною печью; въ нее вставлены котлы, въ которыхъ варились щи съ говядиной. Довольно значительная порція этихъ щей съ кускомъ говядины и краюхой хлѣба стоитъ пять копѣекъ. Эта столовая служитъ какъ бы первымъ этапомъ

для переселенцевъ, если нѣкоторымъ изъ нихъ случается пробыть иной день въ городѣ.

Отъ Самары поѣздъ сначала шелъ, то по равнинамъ, то, по холмистой мѣстности съ значительно развитымъ хлѣбопашествомъ. Затѣмъ потянулись лѣса, а вслѣдъ за ними показались обнаженныя скалы, представлявшія хотя невысокіе, но весьма живописные горные виды. Около двухъ часовъ пополудни поѣздъ достигъ высшей точки Уральскаго хребта по рельсовому пути и перевалилъ на восточный скатъ горы. Тутъ на стоящей близъ станціи пирамидѣ съ одной стороны значится надпись: „Европа“, а съ другой—„Азія“.

— Вотъ мы и въ Азіи!—воскликнулъ сидѣвшій рядомъ со мной молодой человѣкъ, повидимому купеческаго званія.

— Пока еще нѣтъ! — возразилъ помѣстившійся противъ насъ господинъ въ форменной фуражкѣ.

— Какъ же? А на столбѣ-то съ этой стороны показана Азія.

— Мало ли что! Это по ученымъ географіямъ Уралъ признается границей Европы; но мы пока находимся еще въ оренбургской губерніи, а она, какъ извѣстно, причисляется къ Европейской Россіи.

И въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что Азія въ административномъ отношеніи начинается собственно съ тобольской губерніи, такъ что даже Челябинскъ, этотъ, такъ сказать, исходный пунктъ сибирской желѣзной дороги, находясь въ оренбургской губерніи, не признается азіатскимъ городомъ, по крайней мѣрѣ въ административномъ смыслѣ.

Проѣхавъ по горной странѣ восточнаго Урала, поѣздъ вскорѣ проникъ въ область, изобилующую золотыми пріисками, а затѣмъ вновь пошелъ по равнинной мѣстности земледѣльческаго характера и вечеромъ засвѣтло подкатился къ станціи Челябинскъ.

Самый городъ находится въ четырехъ верстахъ отъ станціи; но онъ меня не интересовалъ. Я имѣлъ въ виду познакомиться съ здѣшнимъ врачебно-питательнымъ переселенческимъ пунктомъ, для чего и остановился въ одной изъ мелкихъ гостинницъ раскинутаго при станціи поселка, этого, такъ сказать, перваго созданія новой желѣзной дороги. Дѣло въ томъ, что на челябинскую станцію изъ внутреннихъ сибирскихъ областей за послѣдніе года доставлялись значительныя партіи хлѣба въ зернѣ для отправки въ Европейскую Россію. Благодаря этому, поселокъ, по имени Никольскій, и разросся въ теченіе послѣдняго пятилѣтія

до степени мѣстечка, въ которомъ насчитывается около четырехъ тысячъ жителей.

Здѣшній переселенческій пунктъ считается наиболѣе важнымъ, такъ какъ состоящій при немъ особо назначенный для того чиновникъ направляетъ прибывающихъ сюда переселенцевъ въ надлежащія мѣста внутрь Сибири. Отправившись наступившимъ утромъ—по указанію хозяина гостинницы—по широкой улицѣ поселка, я почти на концѣ его вышелъ на площадку, окруженную со всѣхъ сторонъ раскинутыми врозь срубными домиками, всего около двадцати-пяти числомъ. Въ нихъ могутъ удобно помѣститься до полуторы тысячи человѣкъ. Пройдя немного далѣе по той же улицѣ, я въ переулкѣ увидѣлъ въ отдѣльномъ домѣ больницу съ семьюдесятью кроватями. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, въ обширномъ каменномъ строеніи помѣщается кухня. Въ большихъ котлахъ, вставленныхъ въ вытянутую вдоль громадную печь готовился харчъ. Изъ этой кухни отпускается до двухъ тысячъ дешевыхъ, но сытныхъ порцій: а именно, за пятнадцать копѣекъ съ человѣка, каждый изъ переселенцевъ получаетъ полфунта мяса, два фунта чернаго хлѣба, щи, кашу и чай съ двумя кусками сахара. Сюда слѣдуетъ еще прибавить бани въ особомъ помѣщеніи и прачешную. Переселенцы пользуются всѣмъ этимъ за весьма умѣренную плату.

Между прочимъ, я разговорился здѣсь съ молодымъ парнемъ, покинувшимъ свое село въ тверской губерніи. По его словамъ, онъ былъ изъ села, принадлежавшаго во время оно графу Шереметеву; что̀ меня отчасти удивило,—такъ какъ бывшіе крѣпостные графа искони слыли если не богачами, то, бо̀льшею частью, зажиточными крестьянами. Этотъ молодой переселенецъ отправлялся теперь въ томскую губернію не по нуждѣ, а скорѣе по соблазнительнымъ слухамъ, на поиски отводимаго казною пятнадцати-десятиннаго надѣла. Надо прибавить, что онъ принадлежалъ къ числу такъ-называемыхъ самовольныхъ переселенцевъ, т. е. такихъ, которые покидаютъ свое село, не заручившись разрѣшеніемъ отъ мѣстнаго начальства. Когда я замѣтилъ, что по правиламъ самовольнымъ переселенцамъ не даютъ казенной земли, то, махнувъ рукой, онъ воскликнулъ: „Эхма! авось пристроюсь какъ-нибудь! Вѣдь міръ не безъ добрыхъ людей! А дома-то отъ батьки житья не стало“.

И вотъ онъ, убѣгая отъ старика-отца, взялъ въ волости паспортъ и отправился какъ бы на заработки. Теперь же этотъ парень надѣется примкнуть къ какой-нибудь партіи переселен-

цевъ, а не то пристать къ старожиламъ, которые, какъ увѣряли его, охотно примутъ въ свою общину холостого здороваго малаго.

Тутъ же, на переселенческомъ пунктѣ мнѣ пришлось встрѣтить нѣсколько человѣкъ, возвращавшихся назадъ въ Россію даже цѣлыми партіями. Многіе изъ нихъ уходили оттого, что не оказалось въ наличности подходящихъ свободныхъ участковъ. По регистраціи, какъ мнѣ сообщили, оказывается, что вообще обратныхъ переселенцевъ насчитывается около двадцати процентовъ въ годъ. Однако, въ 1901 году такое обратное движеніе чрезвычайно усилилось, что несомнѣнно состоитъ въ связи съ неурожаемъ, постигшимъ за прошлое лѣто западныя области Сибири.

Сколько ни приходилось слѣдить за колонизаціей въ разныхъ частяхъ свѣта, нигдѣ не случалось встрѣчаться съ такимъ значительнымъ количествомъ возвращающихся домой переселенцевъ. А при всемъ томъ нельзя не обратить вниманіе на то, что ни одно правительство, ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, не оказывало столько пособій, не предоставляло столько льготъ своимъ колонистамъ, какъ администрація переселенческаго дѣла въ Россіи. Выселяясь изъ Европы за море въ иныя части свѣта, колонистъ составляетъ какъ бы отрѣзанный ломоть для своей родины. Хотя Англія, Германія и Франція высылаютъ своихъ подданныхъ отчасти въ собственныя владѣнія, однако эти ихъ колоніи все-таки раскинуты за морями, въ другихъ частяхъ свѣта. Напротивъ того, переселеніе крестьянъ въ Россіи совершается въ одномъ и томъ же совмѣстномъ государствѣ, составляющемъ неразрывное цѣлое владѣніе. Эту, такъ сказать, внутреннюю колонизацію русскихъ земледѣльцевъ на Востокѣ можно развѣ сравнить съ подобнымъ, совершавшимся за послѣднія десятилѣтія переселеніемъ американскихъ фермеровъ съ восточныхъ штатовъ на дѣвственныя земли дальняго Запада. Но американское правительство, предоставляя фермерамъ отыскивать себѣ болѣе для нихъ прибыльные участки въ новыхъ обмежеванныхъ территоріяхъ, вовсе притомъ не заботится объ ихъ водвореніи на избранныхъ ими земляхъ, лишь бы послѣднія были въ свое время надлежащимъ порядкомъ заявлены у мѣстнаго правительственнаго агента. Сами фермеры, какъ люди болѣе или менѣе достаточные, не пользуются притомъ даже удешевленными эмигрантскими поѣздами; а, переѣхавъ къ избранному мѣсту въ обычномъ пассажирскомъ поѣздѣ, устроиваютъ тамъ новое хозяйство своими средствами, не прибѣгая ни къ какимъ пособіямъ отъ правительства.

Иное дѣло въ Россіи: нашимъ крестьянамъ зачастую не-

мыслимо было бы обойтись безъ административной помощи, и правительство въ широкихъ размѣрахъ надѣляетъ ихъ разнаго рода пособіями. Однихъ врачебно-питательныхъ пунктовъ, на которыхъ переселенцы пользуются пріютомъ и дешевой горячей пищей, по всему протяженію желѣзной дороги отъ Челябинска до Срѣтенска насчитывается всего девятнадцать, вмѣстѣ съ больницами при нихъ. Въ случаѣ крайней нужды, переселенцу даже безплатно отпускается харчъ. Помимо значительнаго пониженія желѣзно-дорожнаго тарифа, переселенческимъ управленіемъ производится даже, въ случаѣ нужды, выдача путевыхъ ссудъ, въ размѣрѣ пятидесяти рублей на семью для колонистовъ въ Западную Сибирь. Если же они ѣдутъ далѣе, то могутъ получить до ста рублей. Сверхъ того, выдается также ссуда на хозяйственное устройство не свыше ста рублей. Потомъ разрѣшается ссуда, необходимая для посѣва на двѣ десятины и еще на продовольствіе. Для своихъ построекъ переселенцы могутъ заимствовать лѣсъ изъ казенныхъ дачъ. По истеченіи трехъ лѣтъ, колонисты обязуются уплачивать свой долгъ по ссудамъ ежегодными взносами въ теченіе десятилѣтняго срока. За послѣдніе года на такія ссуды израсходовано свыше милліона рублей. Такого же рода денежныя пособія выдаются еще на созиданіе общественныхъ мельницъ, для рытья колодцевъ и тому подобныхъ устройствъ. Мѣстами администрація устроила лѣсные склады, въ которыхъ лѣсъ продается гораздо дешевле рыночныхъ цѣнъ. Точно такъ же организованы казенные склады земледѣльческихъ орудій и машинъ, отпускаемыхъ новоселамъ по крайне удешевленнымъ цѣнамъ.

Помимо всѣхъ этихъ административныхъ пособій, оказываемыхъ колонистамъ, даже мѣстныя частныя общества принимаютъ участіе въ оказаніи помощи нуждающимся новоселамъ. Этими обществами на разныхъ пристаняхъ, тамъ, гдѣ случается значительное скопленіе переселенцевъ, устроены особые бараки, съ больницами при нихъ. Сверхъ того здѣсь и тамъ открыты на частныя средства безплатныя столовыя, а въ иныхъ мѣстахъ организованы также врачебные пункты. Общество, сверхъ того, открыло свои склады лѣсныхъ матеріаловъ и земледѣльческихъ орудій, выдаваемыхъ переселенцамъ въ ссуду. Администрація, кромѣ того, предоставляетъ льготы колонистамъ. Благодаря этому, послѣдніе избавляются въ теченіе трехъ лѣтъ отъ взноса платежей въ казну и отъ военной повинности.

Для того, чтобы сельское населеніе могло надлежащимъ порядкомъ воспользоваться всѣми этими пособіями, переселенческимъ управленіемъ издаются ежегодно дешевыя брошюрки для

народа, подъ заглавіемъ: „Сибирское переселеніе“. Эти книжечки, въ количествѣ 400.000 экземпляровъ, разсылаются земскимъ управамъ и учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ. Въ появившихся доселѣ шести выпускахъ простымъ, но толковымъ языкомъ излагаются: краткое описаніе Сибири, правила для переселенія на казенныя земли, также все, что̀ нужно знать каждому ходоку. Дѣло въ томъ, что крестьяне, получившіе разрѣшеніе переселиться, обязаны выслать впередъ ходока для пріисканія подходящаго участка. Въ своихъ справочныхъ изданіяхъ управленіе относится съ крайнею осторожностью къ сообщаемымъ народу полезнымъ свѣдѣніямъ и, давая благіе совѣты эмигрантамъ, строго предостерегаетъ ихъ отъ разныхъ встрѣчающихся препятствій и затрудненій. Такъ, между прочимъ, въ послѣднемъ, шестомъ выпускѣ дается крестьянамъ совѣтъ „отложить переселеніе до той поры, когда Сибирь поправится послѣ неурожая“, постигшаго ее прошлымъ лѣтомъ. Въ томъ же выпускѣ, сверхъ того, упоминается, что изъ 51.999 ходоковъ, прошедшихъ въ 1900 году изъ Сибири домой, какъ значится по регистраціи въ Челябинскѣ, только 8.656 человѣкъ заявили, что они, намѣтивъ подходящіе участки, намѣрены вернуться въ Сибирь съ обществомъ, снарядившимъ ихъ въ путь; а 43.343 человѣка, осмотрѣвшись, пришли къ убѣжденію, что на родинѣ лучше—и вовсе не намѣрены переселяться. Итакъ, изъ ходоковъ 71% не могли пріискать надлежащихъ участковъ для своихъ обществъ, а потому администрація совѣтуетъ крестьянамъ быть, во всякомъ случаѣ, крайне осторожными.

Ознакомившись, насколько успѣлъ, съ главнымъ переселенческимъ пунктомъ, я, затѣмъ, направился по желѣзной дорогѣ далѣе, на востокъ. Отъ Челябинска поѣздъ все еще катилъ по равнинамъ оренбургской губерніи, и лишь на двухсотой верстѣ оттуда подошелъ къ административной границѣ Сибири, въѣхавъ въ территорію тобольской губерніи.

Сибирскіе вагоны первыхъ двухъ классовъ устроены подобно тѣмъ, что ходятъ по рязанской дорогѣ: они состоятъ обыкновенно изъ весьма удобныхъ купэ, въ которыхъ, на ночь, располагаются четыре постели. Благодаря удобному устройству вагоновъ, переѣзды, въ теченіе двухъ-трехъ сутокъ, по обширнымъ протяженіямъ Сибири меня нисколько не утомили. По пути, скоро заводились знакомства съ пассажирами—и время проходило безъ томительной скуки. Такъ какъ дорога проложена въ одну колею, то на станціяхъ устроены разъѣзды. Тутъ иногда приходилось по нѣскольку минутъ поджидать встрѣчный поѣздъ.

Если онъ былъ еще далеко отъ станціи, то пассажиры зачастую выскакивали изъ вагоновъ и пускались по лугамъ, собирая разсыпанные по нимъ красивые цвѣты.

По пути, я нѣсколько разъ заходилъ въ вагоны третьяго класса, съ тѣмъ, чтобы побесѣдовать съ ѣхавшими въ нихъ переселенцами. Они сидѣли на деревянныхъ скамьяхъ, по двое съ каждой стороны протянутаго посреди вагона прохода; а ночью укладывались спать на такихъ же нарахъ, расположенныхъ съ каждой стороны прохода попарно, одинъ—внизу, другой—вверху. По самой сибирской дорогѣ, начиная отъ Челябинска, ходятъ еще вагоны удешевленнаго четвертаго класса съ такими же двухъ-ярусными нарами для спанья.

Вотъ, мы подъѣзжаемъ къ станціи, гдѣ назначена остановка минутъ на десять или болѣе. Тутъ обращаютъ на себя вниманіе кирпичные домики, въ сторонѣ отъ главнаго станціоннаго строенія, съ надписью надъ входомъ: „кипятокъ—безплатно". Пассажиры, съ котелками и чайниками, устремляются къ этимъ домикамъ и, нацѣдивъ кипятку изъ вставленнаго въ печь котла, завариваютъ въ своихъ вагонахъ чай; потомъ приглашаютъ къ себѣ въ гости знакомыхъ, и когда поѣздъ вновь двинулся въ путь, то, за чайными приготовленіями, составляются компаніи съ веселыми бесѣдами.

На большихъ станціяхъ, съ буфетами, стоятъ довольно долго, такъ что можно, не торопясь, напиться чаю, позавтракать или пообѣдать. Судя по выставленной на столѣ таксѣ, порціи не дороже тѣхъ, что значатся вообще въ Россіи. Но для третьеклассныхъ пассажировъ имѣются тутъ же еще особаго рода буфеты, которые одинъ изъ пассажировъ прозвалъ „бабьими". Эти буфеты помѣщаются обыкновенно возлѣ станціи, но въ открытомъ полѣ: передъ длиннымъ столомъ располагается цѣлый рядъ крестьянокъ изъ сосѣднихъ поселковъ съ разными продуктами. Тутъ, на столѣ, предлагаются пассажирамъ бутылки съ молокомъ, крестьянскія печенья, даже горячіе блины, вареная баранина, рыба, печеныя яйца, картофель и тому подобныя снѣди, продаваемыя за весьма дешевыя цѣны. Торговля эта наноситъ, конечно, не малый ущербъ буфету третьяго класса, но разрѣшается начальствомъ, такъ какъ служитъ значительнымъ подспорьемъ для малодостаточныхъ переселенцевъ. Эти столы съ ихъ продажными продуктами окружены обыкновенно густыми толпами третьеклассныхъ пассажировъ. Запасаясь здѣсь въ дорогу разнаго рода провизіей, они затѣмъ, не торопясь, съѣдаютъ, по пути, свои покупки.

Замѣчу здѣсь кстати: на отдѣльныхъ станціяхъ я видѣлъ выставленныя наружу объявленія, касательно пріема и выдачи почтовой корреспонденціи. На такое устройство правленіемъ отпущены особыя средства, съ цѣлью облегчить поселенцамъ сношенія съ ихъ бывшими сообщинниками въ покинутой ими Россіи. Сверхъ того, на тѣхъ же станціяхъ значатся „ссудо-сберегательныя кассы". Благодаря этому учрежденію, рабочій людъ можетъ тутъ же внести въ кассу свой заработокъ и сохранить, такимъ образомъ, лишнюю копѣйку на черный день.

II.—Отъ Кургана до Омска.

Гостинница „Яръ". — Маслодѣльное производство. — Ишимская степь. — Скотоводство.—Петропавловскъ.—Киргизы.—Старожилы.—Желѣзнодорожные мосты.

Отъѣхавъ верстъ на сорокъ къ востоку отъ границы тобольской губерніи, поѣздъ, въ часъ по-полуночи, остановился у станціи Курганъ. Покинувъ вагонъ, я сдалъ багажъ носильщику, который и вынесъ его къ извозчику. Экипажъ, въ родѣ короткой долгуши на дрожинахъ, показался мнѣ, правда, сомнительнаго свойства; зато лошаденка, небольшого роста, оказалась весьма шустрая и безъ кнута быстро примчала къ расположенному вблизи, на правомъ берегу рѣки Тобола, городу Кургану. Это — первый сибирскій городъ, какой приходится посѣтить проѣзжающимъ по здѣшней желѣзной дорогѣ. Мой возница подвезъ меня къ гостинницѣ, не очень-то приглядной съ виду, но носящей зато громкое прозвище „Яръ", въ память—какъ мнѣ объяснилъ хозяинъ—извѣстной въ Москвѣ ресторацiи, гдѣ онъ нѣкогда состоялъ, будто бы, метрдотэлемъ. Номеръ, въ который меня отвела служанка, оказался крайне непривлекательнымъ; но въ дорогѣ не слѣдуетъ быть слишкомъ взыскательнымъ, особенно въ пустынномъ краѣ. Путешествуя по Америкѣ, я зачастую довольствовался по неволѣ и не такими покоями. Взглянувъ, однако, на кровать въ отведенномъ мнѣ номерѣ, я замѣтилъ, что тутъ не было ни простыни на тюфякѣ, ни одѣяла, ни подушки, и обратилъ на это вниманіе служанки.

— Дадимъ все, — сказала горничная, — но за это у насъ полагается особая плата.

Зная уже изъ Челябинска объ этой приплатѣ, заведенной, какъ оказалось, во всѣхъ гостинницахъ Сибири, я, разумѣется, не возражалъ, памятуя, что въ чужой монастырь со своимъ уста-

вомъ не ходятъ. Въ такой приплатѣ полагается по 10 копѣекъ за простыню, по 15—за подушку, 15—за одѣяло и еще за двѣ свѣчи—20 коп. въ каждую ночь.

Выглянувъ, утромъ, со второго этажа въ окно, я увидѣлъ разсѣянные въ разныя стороны домишки. Хотя Курганъ существуетъ, въ качествѣ уѣзднаго города, около ста-двадцати лѣтъ, но съ виду онъ до сихъ поръ скорѣе похожъ на большую деревню. Выходя изъ гостинницы и пробираясь по немощеной, грязной послѣ дождя улицѣ, я не безъ труда добрелъ до расположеннаго близъ станціи переселенческаго пункта. Отсюда переселенцы направляются по участкамъ, раскинутымъ большею частью къ юго-востоку отъ города, преимущественно по плодороднымъ степнымъ мѣстамъ на сѣверѣ киргизской окраины. Такимъ образомъ, каждому изъ переселенческихъ пунктовъ назначенъ извѣстный районъ, куда переселенческіе чиновники и обязаны направлять прибывающихъ на мѣсто колонистовъ.

Довольно густо населенная область, примыкающая къ Кургану, славится въ Сибири своимъ земледѣліемъ и въ особенности скотоводствомъ. Этой мѣстности приписывается главнѣйше починъ широко развившемуся въ южныхъ областяхъ тобольской губерніи производству сливочнаго масла. Здѣсь, впрочемъ, издавна уже приготовлялось въ значительномъ количествѣ топленое коровье, такъ называемое русское масло. Но въ прежнее время не было ни мастеровъ, ни надлежащихъ средствъ для производства, а также для дальней перевозки чухонскаго масла. Лишь съ той поры, какъ проведена въ Сибирь желѣзная дорога, открылась возможность развить такое маслодѣліе въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Обращаемъ вниманіе на это обстоятельство въ особенности потому, что даже компетентные знатоки Сибири нерѣдко пессимистически отзывались по поводу проводимой въ пустынный край желѣзной дороги, утверждая, что слѣдовало бы помедлить проложеніемъ рельсовъ до тѣхъ поръ, пока въ краѣ не возникнетъ промышленное развитіе. При этомъ какъ бы упускается изъ виду, что для всякаго промышленнаго производства необходимы мастера и орудія, а въ пустынномъ краѣ не обрѣтается ни тѣхъ, ни другихъ. Благодаря лишь паровому транспорту и оказывается возможнымъ ввести въ дѣвственный край, вмѣстѣ съ развивающейся колонизаціей, также и промышленное производство. Подтвержденіемъ могутъ служить даже такія простыя, несложныя, но широко развившіяся вдоль по желѣзной дорогѣ сливочно-маслодѣльныя производства. И въ самомъ дѣлѣ, лишь съ открытіемъ парового движенія оказалось возможнымъ снабдить

маслодѣльные заводы сепараторами и умѣлыми мастерами. На закрытой недавно выставкѣ маслодѣлія въ Курганѣ экспонировали слишкомъ триста фирмъ. На состоявшемся послѣ того съѣздѣ маслодѣловъ постановлено въ настоящее время устроивать такіе съѣзды ежегодно, расширить сѣть народныхъ школъ въ Западной Сибири, основать спеціальныя училища маслодѣлія, издавать „молочную“ газету. Для перевозки сливочнаго масла при желѣзной дорогѣ устроены особые вагоны-ледники бѣлаго, молочнаго цвѣта. Въ нихъ льдомъ поддерживается низкая температува. Съѣздъ постановилъ увеличить число этихъ вагоновъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ускорить въ нихъ перевозку. Сверхъ того, имѣется въ виду учредить прямой скорый поѣздъ, который предполагается отправлять изъ Сибири въ Ригу разъ въ недѣлю. Въ лѣтнее же время, во избѣжаніе порчи масла въ дорогѣ, поѣздъ этотъ будетъ составляться исключительно изъ вагоновъ-ледниковъ.

Даже въ настоящее время сливочное масло въ значительномъ количествѣ препровождается черезъ Ревель въ Гамбургъ и Лондонъ. По этому поводу съѣздъ рѣшилъ также назначить отъ себя представителя для защиты интересовъ маслодѣловъ въ Англіи. Въ истекшемъ году, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, провезено черезъ сибирскую границу свыше пятисотъ пудовъ масла, и наибольшее количество его было доставлено изъ курганской области. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помышляютъ даже объ открытіи сыроваренъ; но до сихъ поръ все еще великъ спросъ на знающихъ дѣло мастеровъ. Послѣдніе, конечно, не замедлятъ наѣхать по желѣзной дорогѣ, точно такъ же, какъ съ переселенцами понаѣхало уже не мало всякихъ другихъ опытныхъ мастеровъ въ родѣ плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ; между ними появились тоже искусные строители водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ, также вѣялокъ и молотилокъ.

Однако, здѣшнее маслодѣліе не обошлось безъ нѣкоторой борьбы съ препятствіями. Посѣтивъ одного изъ здѣшнихъ маслодѣловъ, я узналъ отъ него, между прочимъ, что въ какомъ-то обширномъ поселкѣ въ прошломъ году община пріобрѣла сепараторъ и завела у себя общественное производство сливочнаго масла. Но, вотъ, въ село явился одинъ изъ мѣстныхъ комерсантовъ и предложилъ крестьянскому міру продать ему сепараторъ и поставлять ему же молоко по сорока копѣекъ за пудъ. Для достиженія своей цѣли, сказанный комерсантъ подкупилъ главныхъ воротилъ сельскаго общества и старосту. Послѣдніе уговорили крестьянъ согласиться на предложеніе купца, а онъ, сверхъ того, выставилъ нѣсколько ведеръ вина, и въ концѣ кон-

цовъ завладѣлъ „молоканкой“, какъ крестьяне называютъ сепараторъ. Потомъ купецъ завелъ весьма доходную маслодѣльную фирму, лишивъ, такимъ образомъ, крестьянъ поселка значительной прибыли. Это дѣло, безъ сомнѣнія, мало говоритъ въ пользу господствующей въ Сибири сельской общины въ борьбѣ ея съ капиталистическими покушеніями.

Мой знакомый маслодѣлъ сообщилъ мнѣ еще другое извѣстіе, изобличающее, между прочимъ, крайнее невѣжество здѣшнихъ поселянъ. Въ южныхъ областяхъ тобольской губерніи за послѣднее время установилось полнѣйшее бездождіе, такъ что краю грозилъ неурожай. А между тѣмъ, въ этой мѣстности за послѣдніе четыре года широко развилось маслодѣльное производство. Благодаря выгодному сбыту этого продукта, всѣхъ обуяла лихорадка маслодѣлія, и въ краѣ обнаружилась небывалая долотѣ въ Сибири кипучая дѣятельность. Однако, мѣстные крестьяне стали крайне подозрительно относиться къ этому непривычному для нихъ дѣлу. Когда въ краѣ на телятъ напала большая смертность, то поселяне приписали это маслодѣлію и особенно заведенію сепараторовъ. „Дѣло въ томъ,—объяснилъ мой знакомый,—что крестьяне, сбывая выгодно молоко, лишали телятъ нормальнаго питанія, и послѣдніе, конечно, хилѣли“. Сепараторъ тутъ, какъ видно, ни при чемъ. Но вотъ, среди лѣта, когда краю опять стала угрожать засуха, крестьяне мірскимъ приговоромъ постановили, чтобы запрещено было продавать молоко маслодѣламъ, и, сверхъ того, потребовали уничтоженія „молоканокъ“, такъ какъ онѣ, будто бы, и причиняютъ бездождіе. Крестьяне грозили даже лишить жизни самихъ маслодѣловъ, такъ что послѣдніе спасались бѣгствомъ, и для возстановленія спокойствія въ краѣ потребовалось даже вмѣшательство мѣстной администраціи.

Выѣхавъ изъ Кургана въ часъ по полуночи, я удобно проспалъ въ купэ до самаго разсвѣта. Когда же проснулся и оглядѣлся въ окно, то мнѣ показалось, что передо мной разстилается новый край; для меня тутъ все было ново: по обѣ стороны рельсовъ словно волнами раскинулась Ишимская степь, съ разсыпанными по ней въ большомъ числѣ свѣтлыми озерами. Вода въ нихъ большею частью горько-соленая и мало пригодная для питья. Здѣшняя мѣстность и носитъ даже названіе „горькой линіи“. Мнѣ страннымъ казалось, что на озерахъ почти вовсе не было видно птицъ, тогда какъ ѣхавшій съ нами охотникъ увѣрялъ, что въ тростникахъ водится много всякой дичи. Кое-гдѣ по степи попадаются перелѣски. Мелкая трава успѣла уже—

въ концѣ мая—пожелтѣть отъ солнечныхъ лучей. А между тѣмъ, воздухъ былъ довольно свѣжій: на развѣшанныхъ въ вагонахъ термометрахъ Реомюра оказалось даже среди дня не болѣе шести градусовъ тепла. Когда я заявилъ моему сосѣду по купэ, что, по моемъ выѣздѣ изъ Москвы, почти двѣ недѣли тому назадъ, тамъ было уже гораздо теплѣе, то онъ возразилъ: „У насъ, въ Сибири, развѣ въ іюлѣ бываетъ такъ тепло, какъ въ Москвѣ". И дѣйствительно, въ іюлѣ, какъ оказывается, въ Ишимской степи термометръ также поднимается иногда до тридцати градусовъ; зато, въ январѣ, бываетъ болѣе сорока градусовъ мороза; такъ что разность между наивысшей и наименьшей температурами превышаетъ даже семьдесятъ градусовъ. Несмотря на то, Ишимская степь, по своему плодородію, считается одною изъ житницъ Сибири. А все-таки, попадавшіеся по пашнямъ всходы овса показались мнѣ весьма скудными. Мой сосѣдъ удостовѣрялъ меня, что съ самой весны въ степи не было дождей, и оттого трава и всходы такъ оскудѣли.

Для меня, впрочемъ, было ново также то, что эти пашни не тянулись узкими полосами, какъ при русскихъ деревняхъ, а напротивъ, разстилались правильными широкими четыреугольниками, иногда въ цѣлую десятину и болѣе величиною. Пашни здѣшнихъ поселянъ могли на самомъ дѣлѣ раскинуться такими широкими площадями, благодаря именно тому, что здѣшнимъ крестьянамъ отводится на душу по пятнадцати десятинъ земли.

Попадавшіеся по пути поселки представились мнѣ тоже какъ бы въ новомъ видѣ. Это были уже не тѣ встрѣчающіяся повсюду по Великоруссіи избы, съ растрепанными соломенными крышами, похожими издали на скирды прогнившей соломы. Здѣсь, напротивъ, начиная съ самаго Челябинска, мнѣ представлялись просторныя, тесомъ крытыя избы, зачастую въ шесть оконъ съ лицевой стороны.

Новую особенность являли для меня также виднѣвшіяся по обѣ стороны рельсовъ изгороди, прясла которыхъ состоятъ изъ горизонтальныхъ жердей въ три ряда. Ими окружаются значительныя поляны, называемыя паскотинами; тутъ пасутся лошади и рогатый скотъ, не вѣдая пастуха. Мнѣ показалось это новшествомъ, такъ какъ у насъ въ селахъ тверской и другихъ губерній такими же тынами огораживаютъ обыкновенно хлѣбныя поля, а скотина подъ присмотромъ пастуха ходитъ по пустошамъ и открытымъ выгонамъ.

Въ одномъ мѣстѣ такая изгородь напомнила мнѣ всюду встрѣчающіеся въ Америкѣ такъ называемые фэнсы. Такая ограда

состоитъ изъ расколотыхъ вдоль бревенъ, сложенныхъ концами другъ на дружкѣ зигзагомъ, такъ что каждое звено съ другимъ составляетъ то входящій, то выходящій тупой уголъ. Вышиною въ ростъ человѣка—такая ограда служитъ надежною охраною для паскотины.

Мѣста, гдѣ рельсы пересѣкаются проселочными дорогами, также напоминали мнѣ американскіе порядки. По такимъ перекресткамъ американцы выставляютъ обыкновенно на двухъ высокихъ столбахъ продолговатую доску, предписывая на ней проѣзжающимъ, чтобы они осматривались по обѣ стороны рельсовъ. Въ Сибири же у такого проѣзда на столбикѣ прибита квадратная доска съ лаконическою надписью: „Берегись поѣзда". Такимъ образомъ, и здѣсь тоже сберегается лишній расходъ на сторожей; въ Сибири, впрочемъ, изрѣдка все-таки встрѣчаются при перекресткахъ и сторожа, проживающіе въ домикахъ возлѣ полотна желѣзной дороги.

Миновавъ нѣсколько разъѣздовъ и станцій, съ ихъ безплатными кипятками и торгующими разною снѣдью крестьянками, поѣздъ подошелъ къ впадающей въ Иртышъ рѣчкѣ Ишимъ, давшей названіе обширной степи. Переѣхавъ эту рѣку по желѣзному мосту, локомотивъ поднялся съ вагонами на другой берегъ и подкатилъ къ большой станціи Петропавловскъ. Здѣсь, на платформѣ показалось нѣсколько человѣкъ узкоглазыхъ киргизовъ, составляющихъ въ качествѣ кочевниковъ главное населеніе киргизской степной окраины.

Мѣстность, по которой мы проѣзжали, служитъ поприщемъ обширнаго скотоводства. Эта отрасль сельскаго хозяйства для Сибири вообще имѣетъ весьма важное значеніе, и если вѣрить показаніямъ сибирскихъ статистиковъ, то количество крупнаго и мелкаго скота доходитъ до 25 милліоновъ головъ. При всемъ томъ скотоводческое хозяйство, по небрежности кочевниковъ, нерѣдко подвергается разнымъ невзгодамъ и въ особенности неизбѣжнымъ повальнымъ болѣзнямъ, сильно разоряющимъ здѣшнихъ поселянъ. Простой народъ, по невѣжеству, не довѣряетъ ветеринарамъ, и потому зачастую скрываетъ извѣстіе о появившейся эпизоотіи. Опоздалыя мѣры, принимаемыя врачами, оказываются большею частью тщетными. Обязательное страхованіе скота могло бы еще послужить болѣе надежною мѣрой, но такое средство было бы возможно только при существованіи земства, а оно, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не введено въ Сибири.

Несмотря на эти невзгоды, въ Петропавловскѣ и его окрестностяхъ открыто много салгановъ, и вообще по всей мѣстности,

расположенной близъ сѣверной окраины далеко раскинувшейся къ югу Киргизской степи, переработываются въ значительныхъ размѣрахъ разные продукты скотоводства. Благодаря здѣшнимъ заводамъ, изъ Петропавловска въ разные концы Россіи и Европы, помимо коровьяго масла, вывозится значительное количество мороженаго мяса, разныхъ невыдѣланныхъ кожъ, овечьей и козьей шерсти, конскаго волоса, роговъ и копытъ. Сверхъ того, отправляются черезъ Ревель за границу овчины и козлины; а въ Берлинъ и Гамбургъ идетъ большое количество упакованныхъ въ бочонки кишекъ на колбасное производство. Напомнимъ также, что мороженое мясо поставляется даже въ Кронштадтъ, гдѣ оно служитъ пищею морскимъ командамъ.

Замѣтимъ кстати, что до проложенія желѣзной дороги значительная часть этихъ продуктовъ забрасывалась и пропадала даромъ, за недостаткомъ средствъ сообщенія. Въ настоящее время, напротивъ того, промышленность степного скотоводства, благодаря паровому транспорту, станетъ, конечно, еще болѣе расширяться съ годами. Однако, для болѣе успѣшнаго развитія скотоводства, необходимо прежде всего заселить киргизскія окраины русскими колонистами. А между тѣмъ, по этому поводу русской администраціи предстоитъ преодолѣть немалыя затрудненія. И въ самомъ дѣлѣ, правители киргизскихъ степей давно убѣдились въ необходимости ввести туда русскій элементъ: они поощряли переселеніе въ степи; но киргизы съ своей стороны, какъ исконные владѣтели этихъ обширныхъ пространствъ, недружелюбно принимали русскихъ переселенцевъ. Вторгаясь мѣстами самовольно, послѣдніе нерѣдко силой захватывали киргизскія земли. Вслѣдствіе этого происходили бурныя столкновенія, доходившія даже до убійства. Киргизы мстили за захваты своихъ пастбищъ покражами лошадей—барантой, какъ это называется у нихъ; а русскіе поселяне въ такихъ случаяхъ нерѣдко прибѣгали къ самосуду, къ такъ называемому у американцевъ линчу, и отплачивали за баранту лишеніемъ жизни.

Для устраненія подобныхъ неурядицъ, областная администрація постановила правиломъ, чтобы поселенцы арендовали земли у киргизовъ, обращаясь притомъ непосредственно къ тѣмъ обществамъ или лицамъ, которымъ принадлежитъ арендуемая земля. Поощряя аренду киргизскихъ земель, уѣздные начальники всячески пытались уговорить туземцевъ, чтобы они допускали крестьянъ къ водворенію. Послѣдніе иногда на арендуемыхъ участкахъ спѣшили выстроить церкви, въ увѣренности, что киргизская земля, на которой вооруженъ крестъ, окончательно останется

за ними. А между тѣмъ, не мѣшаетъ замѣтить, что сами переселенцы оказываются крайне неусидчивыми; порвавъ связь съ родными мѣстами, они не скоро пріурочиваются къ новому поселенію и все думаютъ, какъ бы найти получше мѣста. Выпахавъ до истощенія степную цѣлину и привыкнувъ къ такому хищническому хозяйству, они не желаютъ перейти къ другой, болѣе раціональной системѣ земледѣлія, а потому только и помышляютъ о томъ, какъ бы пріискать новый плодородный участокъ.

Желая, съ одной стороны, удовлетворить переселенцевъ, а съ другой—не обездолить кочующихъ киргизовъ, администрація за послѣднее время приступила наконецъ къ обстоятельному изученію землевладѣнія и хозяйства туземнаго населенія, имѣя въ виду выяснить, какое пространство земли необходимо предоставить кочевникамъ для прокормленія ихъ семействъ. Сверхъ того, начальство пытается всячески побудить самихъ киргизовъ перейти къ осѣдлому образу жизни. На такой конецъ недавно былъ даже предложенъ проектъ ссудныхъ кассъ для туземцевъ. Эти кассы имѣютъ цѣлью выдавать киргизамъ ссуды на удовлетвореніе хозяйственныхъ и семейныхъ нуждъ, главнѣйше съ тѣмъ, чтобы пріурочить кочевниковъ къ осѣдлости. Однако, привыкнувъ искони къ кочевому скотоводству по обширнымъ луговымъ пространствамъ своихъ родныхъ областей, киргизы туго поддаются такимъ приманкамъ и крайне негодуютъ на новые порядки, возникшіе съ проведеніемъ желѣзной дороги.

Надо сознаться на самомъ дѣлѣ, что этотъ паровой двигатель, овладѣвая дѣвственнымъ краемъ и внося въ него несомнѣнныя блага цивилизаціи, составляетъ для этихъ кочевниковъ грозную роковую силу, расшатывая до основанія сложившіеся испоконъ вѣка устои ихъ быта.

Не одни кочевники терпятъ тяжкія невзгоды отъ проведенія рельсовыхъ путей: сибирскимъ старожиламъ они также пришлись не по нраву. Иначе оно и быть не могло: въ минувшее блаженное время они ни о какихъ надѣлахъ не вѣдали; всякій пахалъ на полномъ раздольѣ, гдѣ ему приглянется, и, выпахавъ въ одномъ мѣстѣ до того, что земля истощалась и начинала давать скудные урожаи, старожилъ переходилъ на другую новину. Прежде сибиряки, бывало, даже охотно принимали въ свою общину приходившихъ изрѣдка изъ Россіи новыхъ поселенцевъ, такъ какъ, явившись безъ средствъ въ Сибирь, эти пришельцы на первыхъ порахъ зачастую поступали къ нимъ въ батраки и представляли такимъ образомъ для нихъ подспорье дешеваго

труда. Но, вотъ, по рельсамъ внутрь страны нахлынули стаи голодныхъ переселенцевъ, и старожилы стали опасаться, какъ бы, съ водвореніемъ этихъ новыхъ пришельцевъ въ ихъ селеніяхъ, не стали вводиться новые, непригодные для нихъ россійскіе порядки; а потому старые сибиряки всячески стараются избавиться отъ этихъ новыхъ поселенцевъ. Тѣмъ еще болѣе, что вмѣстѣ съ этимъ завелись новые порядки землеустройства, въ силу которыхъ старожиламъ начали отводить по 15 десятинъ удобной земли на душу, а затѣмъ у нихъ отбирались лишнія земли для ожидаемыхъ изъ Россіи пришельцевъ. Если же старымъ поселеніямъ отводилось свыше 15 десятинъ на душу, то старожилы обязывались принимать до полнаго комплекта новыхъ членовъ въ свое общество.

Покинувъ Петропавловскъ, поѣздъ пошелъ вдоль южной границы тобольской губерніи, потомъ врѣзался въ сѣверную окраину Киргизской степи. По сторонамъ синѣли здѣсь и тамъ горько-соленыя озера все той же Ишимской степи. Подойдя къ Иртышу, поѣздъ перекатилъ черезъ рѣку по превосходному длинному желѣзному мосту. Замѣтимъ здѣсь кстати,—сколько бы желѣзная дорога ни страдала, до поры, до времени, отчасти отъ недостатковъ постройки, отъ проложенія легковѣсныхъ рельсовъ, однако, что касается желѣзныхъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ широкія рѣки, то они вообще по ихъ сооруженію являютъ, можно сказать, послѣднее слово техническаго искусства. Такъ что со временемъ, когда легковѣсные рельсы замѣнятся болѣе солидными и устранятся другіе недостатки дороги, эти мосты останутся нетронутыми въ своемъ настоящемъ видѣ. Переѣхавъ на другой, правый берегъ Иртыша, поѣздъ въ девятомъ часу вечера подошелъ къ станціи Омскъ.

III.—Омскъ и Бараба.

Крѣпость.—Мертвый Домъ.—Знамя Ермака.—Кадетскій корпусъ.—Базаръ.—Переселенческій пунктъ.—Колонисты-нѣмцы.—Отдѣлъ Географическаго общества.—Барабинская степь.—Обь.—Ново-Николаевское.—Тайга.—Заимки.—Грабежи.—Почтовый трактъ.

Самый городъ расположенъ въ трехъ верстахъ отъ станціи, какъ разъ въ углу, при впаденіи р. Оми въ Иртышъ. Новая гостинница въ Омскѣ оказалась весьма солидною: въ ней были опрятные и удобные номера, отопленіе водяное; но такъ какъ въ городѣ не устроенъ еще водопроводъ, то приходится подвозить

въ домъ ежедневно по двадцати и болѣе бочекъ воды. Можно было воспользоваться и ванной, что̀ вмѣстѣ съ бѣльемъ стоило рубль.

Когда я вышелъ на немощеную улицу, то меня крайне поразила непролазная грязь: нельзя было спуститься съ дощатаго тротуара, не рискуя увязнуть въ крайне липкой почвѣ. Несмотря на то, что въ Омскъ переведена была резиденція генералъ-губернатора, что городъ служитъ средоточіемъ управленія степного края, что это—самый населенный городъ тобольской губерніи, весь онъ состоитъ большею частью изъ деревянныхъ домовъ, и кое-гдѣ лишь попадаются каменныя зданія общественныхъ учрежденій, въ родѣ мужской и женской гимназій, техническаго училища, фельдшерской школы, да сверхъ того еще нѣсколько частныхъ каменныхъ домовъ. А впрочемъ, за послѣдніе года, этотъ служившій въ прежнее время пустымъ угломъ, съ преобладаніемъ чиновничьяго люда, городъ, подъ вліяніемъ парового транспорта сталъ видимо измѣнять свой обликъ. Въ немъ появились банки, конторы разныхъ торговыхъ фирмъ, заводы; сюда наѣзжаютъ комми-вояжёры, купцы не только русскіе, но также иностранные. Образовавшійся въ трехъ верстахъ отъ Омска поселокъ Царскій-Хуторокъ разростается изо дня въ день.

Добравшись по грязи кое-какъ до деревяннаго моста, перекинутаго черезъ рѣчку Омь и перейдя на другой берегъ рѣки, я по раскинутому вблизи саду пробрался на прямую улицу и увидѣлъ передъ собою не очень высокія, каменныя, желтоватаго цвѣта ворота, похожія на тріумфальную арку. На нихъ подъ карнизомъ значится надпись: „Омская 1791 года". Я вошелъ въ бывшую омскую крѣпость, выстроенную на защиту русскихъ поселенцевъ отъ нападавшихъ на нихъ въ былое время туземцевъ. Пройдя съ сотню шаговъ по прямой улицѣ, я направо увидѣлъ обширныя каменныя казармы. Далѣе, наискось противъ нихъ, стоитъ небольшой домъ дисциплинарной роты, передъ которымъ прохаживался солдатъ съ ружьемъ. Здѣсь, какъ увѣрялъ хозяинъ гостинницы и какъ предполагаютъ мѣстные жители вообще, и находилась, будто бы, тюрьма, въ которой протомились четыре года на каторгѣ нашъ славный романистъ Достоевскій и поэтъ Дуровъ. Однако, такое предположеніе оказывается невѣрнымъ, въ чемъ легко убѣдиться по описанію въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома" Достоевскаго. Тамъ именно сказано: „Острогъ нашъ стоялъ на краю (а не внутри) крѣпости, у самаго крѣпостного вала". Въ настоящее время на этомъ краю

крѣпости, на мѣстѣ бывшаго Мертваго Дома, стоятъ новыя зданія.

Проходя далѣе, я внутри упраздненной крѣпости, помимо казармъ, замѣтилъ еще нѣсколько каменныхъ домовъ военнаго вѣдомства, а именно—военнаго суда, больницы, интендантства и пр. Такимъ образомъ, внутренній районъ лишенной прежнихъ стѣнъ крѣпости до сихъ поръ сохранилъ свой воинственный обликъ. А далѣе, на другомъ концѣ оказались еще другія, такія же, какъ видѣнныя мною прежде, каменныя ворота, съ надписью: „Тарскія 1791 г.“. Эта арка фронтомъ обращена къ небольшому, лежащему по направленію къ сѣверу, на лѣвомъ берегу Иртыша, городу Тара.

Въ началѣ своего существованія Омскъ служилъ казацкою станицею, и казаки выстроили здѣсь свою церковь, а именно Никольскую. Посѣтивъ эту казачью церковь во время совершавшагося въ ней молебна, я обратился къ пожилому дьячку съ вопросомъ, гдѣ находится помѣщенное здѣсь казаками знамя Ермака. Привѣтливо улыбнувшись, дьячокъ подвелъ меня къ лѣвому краю алтаря и указалъ на стоявшую здѣсь высокую хоругвь. На блестящемъ бронзовомъ древкѣ насажена такая же бронзовая красивая рама, въ которую и вставлено не очень большое старое знамя, перевезенное усердными казаками изъ Березова. На одной сторонѣ красками изображено, какъ Архангелъ Михаилъ поражаетъ копьемъ дьявола, а на другой—какъ святой Дмитрій низвергаетъ въ пропасть Кучума.

На другой сторонѣ улицы, противъ храма вытянулось довольно длинное каменное, выбѣленное зданіе съ широкой лѣстницей, на платформѣ которой высилось шесть бѣлыхъ колоннъ, а надъ ними значилась надпись: „Сибирскій кадетскій корпусъ“.

Проходя берегомъ Иртыша внизъ по теченію, я набрелъ на базарные ряды, раскинувшіеся на нѣсколько возвышенной площади. Эти ряды своими лавчонками и шалашами напомнили мнѣ расположенные, по воскреснымъ днямъ, рынки въ Москвѣ на Сухаревской площади. За чертой города, куда я вскорѣ вышелъ, находился поселокъ, при которомъ въ разныхъ концахъ возвышалось около двадцати вѣтряныхъ мельницъ съ вертящимися крыльями. Эти мельницы, какъ мнѣ говорили, воздвигнуты прибывшими изъ Россіи переселенцами.

Въ полуверстѣ отъ желѣзнодорожной станціи посѣтилъ я переселенческій пунктъ, подобный челябинскому, но не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Тутъ, на отгороженномъ довольно просторномъ дворѣ стояло всего двѣ большія срубныя избы, на-

значенныя для переселенцевъ; а сверхъ того, въ особенномъ домѣ помѣщалась скромная библіотека. Снаружи, за оградой, на площадкѣ было раскинуто съ дюжину киргизскихъ юртъ, крытыхъ темно-сѣрыми кошмами. Лѣтомъ онѣ также служатъ пріютомъ въ случаѣ чрезмѣрнаго накопленія переселенцевъ. Рядомъ съ этимъ пунктомъ расположенъ казенный складъ земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Хозяинъ гостинницы сообщилъ мнѣ, что верстахъ въ сорока отъ Омска, къ югу, недавно возникло селеніе, въ которомъ водворились преимущественно нѣмцы, какъ надо полагать, выходцы изъ нѣмецкихъ колоній по Волгѣ. У нихъ чистенькіе, выбѣленные дома и всѣ хозяйственныя постройки въ отличномъ видѣ. Они занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, и производятъ значительное количество льна и сливочнаго масла.

Не доѣзжая до Омска, на станціи у Петропавловска я уже узналъ, что недалеко оттуда также появились нѣмецкіе колонисты лютеранскаго вѣроисповѣданія. Затѣмъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что на сѣверо-востокѣ отъ Омска значится около полутораста тысячъ десятинъ частновладѣльческой земли, изъ которой половину уже пріобрѣли себѣ нѣмцы. Они, сверхъ того, дѣятельно разъискиваютъ новыя продажныя земли. Хотя, по общимъ правиламъ, вся земля въ Сибири, за исключеніемъ Алтайской области, составляетъ собственность государства и признается казенною, однако, въ былые года правительство продавало въ тобольской губерніи земли частнымъ лицамъ. И вотъ въ Омскѣ, какъ говорятъ, появились уже агенты, съ тѣмъ чтобы скупать такіе участки. Во всякомъ случаѣ, однако, если судить по всѣмъ сообщаемымъ свѣдѣніямъ, трудолюбивые нѣмецкіе колонисты пріобрѣтаютъ земли не въ видахъ спекуляціи, а напротивъ, съ цѣлью продуктивной земледѣльческой дѣятельности, и въ этомъ отношеніи они, конечно, составляютъ весьма производительный для Сибири элементъ колонизаціи.

Въ особомъ зданіи города помѣщается Западно-сибирскій Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества. Въ издаваемыхъ имъ запискахъ сообщаются интересныя свѣдѣнія по изслѣдованіямъ Западной Сибири. Въ томъ же зданіи этого Отдѣла помѣщаются музей, библіотека и метеорологическая станція. По поводу послѣдней замѣтимъ кстати, что комитетъ сибирской желѣзной дороги за послѣднее время снабдилъ значительными средствами метеорологическія станціи вдоль рельсоваго пути и вокругъ Байкала, положивъ такимъ образомъ прочное начало организаціи правильной метеорологической службы въ Сибири. Такое цѣле-

сообразное распоряженіе комитета имѣетъ главною цѣлью снабжать желѣзнодорожное начальство заблаговременно предостереженіями касательно угрожающихъ метелей вдоль рельсовъ и бурь на Байкалѣ.

Въ томъ же Отдѣлѣ Географическаго Общества истекшею зимою производились научно-популярныя чтенія, сборъ съ которыхъ назначался въ пользу потерпѣвшихъ отъ прошлогодняго неурожая. Всего было прочитано около двадцати лекцій. Въ нихъ принимали участіе мѣстный врачъ, учитель гимназіи, метеорологъ, служащій при здѣшней станціи, и преподаватель кадетскаго корпуса. Предметами для чтенія служили: „Пищевые продукты“, „Атмосфера земли“, „Жизнь Радищева“, „Политическое дѣленіе Африки“, „Дыхательные органы человѣка“. Однако, наиболѣе умѣстною и полезною для Омска оказалась лекція подъ заглавіемъ: „Принципы оздоровленія городовъ вообще и въ частности по примѣненію къ городу Омску“. Лекторъ весьма основательно выяснилъ при этомъ невозможныя санитарныя условія Омска съ его непролазною грязью и крайне испорченною водой. Выводы почтеннаго лектора могли бы, пожалуй, послужить полезнымъ указаніемъ не только для Омска, но вообще для всѣхъ немощеныхъ городовъ въ Сибири.

Пробывъ въ Омскѣ два дня, я въ одиннадцатомъ часу вечера поѣхалъ далѣе по желѣзной дорогѣ. Утромъ на разсвѣтѣ передъ нами во всѣ стороны разстилалась Барабинская степь съ разсыпанными по ней во множествѣ солеными озерами и молодыми березками. Барабу и называютъ здѣсь поэтому „березовою степью“. Изъ озеръ самое большое, Чаны, раскинулось въ 45 верстахъ къ югу отъ рельсовъ. Березовыя рощицы или, какъ ихъ зовутъ мѣстные жители, *колки*, картинно разрослись мѣстами по растянутымъ вдоль степи подъемамъ, словно по грядамъ, по такъ называемымъ здѣсь *гривамъ*. На широкихъ верхнихъ площадяхъ послѣднихъ залегаетъ черноземная почва, покрытая мѣстами зеленѣющими нивами. Благодаря этимъ гривамъ, съ подъемами по отлогому склону съ одной стороны и спускомъ по такому же скату съ другой, степь напоминаетъ собою взволнованную поверхность американскихъ степей. Трава по Барабѣ ростетъ отчасти жестковатая; здѣсь нигдѣ не видать мягкой муравы, какою покрываются обыкновенно русскіе луга. Зато по сибирскимъ степямъ попадаются цвѣты, какихъ не приходится видѣть у насъ въ Россіи. Изъ густой зелени мѣстами ярко выглядываютъ цѣлыми купами оранжевыя головки тюльпановъ. Народъ мѣтко прозвалъ ихъ „огоньками“. Въ иныхъ мѣстахъ показывались нарциссы; здѣсь и

тамъ на кустикахъ росли одинокіе, крупные, но только не махровые піоны. По той же степи осенью, на возвратномъ пути, я видѣлъ также много прекрасныхъ лилій яркаго желтаго цвѣта. На станціяхъ мальчики и дѣвочки изъ сосѣднихъ поселковъ, бѣгая по платформѣ, предлагаютъ пассажирамъ за гроши большіе букеты красивыхъ пестрыхъ цвѣтовъ.

Подъѣхавъ рано утромъ къ станціи Карачи, я въ недавно раскинувшемся по сосѣдству поселкѣ, Новопокровскомъ, съ удивленіемъ замѣтилъ, что крыши новыхъ избъ покрыты не тесомъ, какъ вездѣ въ сибирскихъ деревняхъ, а дерновой землей. Дѣло въ томъ, что въ степи крупныя деревья давно порублены, а ростетъ только мелкая береза; потому въ такихъ мѣстахъ лѣсъ вообще дорогъ, и тесъ на крышѣ замѣняется дерномъ.

Въ иныхъ селахъ случалось видѣть торчащія кверху надъ глубокими колодцами длинныя слеги очеповъ, извѣстныхъ у народа подъ названіемъ журавъ. Дѣло въ томъ, что вода въ сосѣднихъ озерахъ зачастую бываетъ крайне дурного качества, а потому поселянамъ приходится рыть колодцы на значительную глубину. Однако, въ той же степи попадаются озера, прославившіяся своими цѣлебными свойствами. Ѣхавшіе въ одномъ купэ со мною двое пассажировъ, страдавшіе ревматизмомъ, на одной изъ станцій покинули вагонъ съ тѣмъ, чтобы на лошадяхъ направиться къ такому цѣлебному озеру на югѣ, по имени Инголъ.

На разсвѣтѣ другого дня, поѣздъ подошелъ къ Оби, и передъ нами, вдоль праваго холмистаго берега рѣки, на нѣсколько верстъ въ длину вытянулось громадное село Ново-Николаевское. Издали, какъ казалось, оно было скорѣе похоже на городъ. Это за послѣднія пять-шесть лѣтъ развившееся селеніе составляетъ также продуктъ животворной силы парового двигателя. Переѣхавъ прекраснымъ желѣзнымъ мостомъ черезъ широкую Обь, мы на другой сторонѣ поднялись къ станціи того же имени. Тутъ у подъѣзда пассажировъ поджидали извозчики, экипажи которыхъ состояли большею частью изъ простыхъ плетенокъ. Немалое число экипажей служило уже свидѣтельствомъ значительнаго населенія въ мѣстечкѣ. По всему видно, что этотъ поселокъ въ не очень далекомъ будущемъ преобразуется въ настоящій городъ.

Покинувъ эту станцію, поѣздъ перенесъ насъ въ холмистую мѣстность, покрытую отчасти перелѣсками. Пересѣкши нѣсколько рѣчекъ по деревяннымъ мостамъ и переѣхавъ потомъ черезъ впадающую въ Обь рѣку Томь по желѣзному мосту, поѣздъ врѣ-

зался въ мѣстность, покрытую дѣвственнымъ лѣсомъ, такъ называемою здѣсь тайгою. Чернѣющіе обгорѣлые пни по обѣ стороны рельсовъ, мрачный, непривѣтливый боръ, состоящій большею частью изъ хвойныхъ деревъ, плотно разросшихся по топкому грунту, представляли крайне неприглядную картину. А когда, впослѣдствіи, я задумалъ-было проникнуть внутрь тайги, то убѣдился на дѣлѣ, что это было труднѣе исполнить, чѣмъ пройти по первобытному тропическому лѣсу, съ его ліанами и цѣпкими растеніями, въ Америкѣ. Вообще, мнѣ нигдѣ на свѣтѣ не случалось попадать въ такую суровую, непривѣтливую лѣсную глушь. Тутъ я понялъ, отчего наши крестьяне, которымъ въ настоящее время, за недостаткомъ иныхъ угодьевъ, предлагаютъ селиться въ тайгѣ, безъ оглядки возвращаются назадъ, въ покинутые ими родные края. Тѣмъ еще болѣе, что въ этомъ бору на людей и на скотину нападаетъ цѣлая туча комаровъ, оводовъ и тому подобныхъ жестокихъ насѣкомыхъ, извѣстныхъ въ Сибири подъ общимъ названіемъ „гнусъ". Встрѣчавшіеся по пути рабочіе спасались отъ этого неумолимаго гнуса, покрывая голову черною волосяною сѣткой, а не то просто чернымъ тюлемъ.

Проѣзжая тайгою, я въ одномъ мѣстѣ замѣтилъ, что на деревьяхъ въ лѣсу содрана кора у самаго комля. Это мѣсто, какъ оказалось, было заселено, и поселенецъ, какъ было видно, очертилъ здѣсь лѣсъ, по выраженію сибиряковъ, т.-е. для того, чтобы заявить свое право на владѣніе занятымъ имъ участкомъ, онъ снялъ кору у комля деревьевъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ высыхаютъ и падаютъ, а не то ихъ срубаютъ и жгутъ на мѣстѣ. Затѣмъ, поселенецъ расчищаетъ землю, распахиваетъ, засѣваетъ ее и такимъ образомъ заводитъ вдали отъ какого-нибудь поселка свой отдѣльный хуторъ, или „заимку", какъ говорятъ сибиряки. Все это живо напоминаетъ мнѣ подобные же пріемы такъ-называемыхъ въ Америкѣ скваттэровъ. Они, подобно заимщикамъ, очерчиваютъ лѣсъ, воздѣлываютъ въ немъ почву и становятся неотъемлемыми владѣтелями захваченнаго ими участка. Къ сожалѣнію, однако, наши заимщики нерѣдко лишались права на владѣніе своей заимкой: когда, по мѣрѣ сгущенія населенія, количество свободныхъ участковъ сильно сокращалось и заимочная форма становилась стѣснительною для сосѣднихъ поселенцевъ, то заимка, со всѣми прилежащими къ ней землями, зачастую насильственными мѣрами вводилась въ составъ сосѣдняго селенія съ его общиннымъ строемъ. Такимъ образомъ, несмотря на мнимое изобиліе земель въ Сибири, наши сибирскіе скваттэры, эти настоящіе піонеры земледѣльческой культуры въ

краѣ, нерѣдко лишались своего права на владѣніе участкомъ, тогда какъ они сами своими трудами успѣли обратить безпріютную тайгу въ плодородныя пашни.

Однако, съ 1898 года, отъ министерства земледѣлія послѣдовало распоряженіе такого рода: заимки, хозяева которыхъ прочно водворились на нихъ, выдѣлялись при разверсткѣ участковъ въ отдѣльные отрубы такъ, чтобы оставались въ пользованіи за заимщиками. Благодаря такому постановленію, послѣдніе усвоиваютъ себѣ отвоеванныя ими у лѣса земли, если и не въ полную собственность, то все-таки въ безсрочное владѣніе, какъ оно вообще установлено въ Сибири по части казенныхъ земель...

Около часу по полудни поѣздъ сталъ подходить къ станціи, прозванной Тайгою, такъ какъ она окружена таежною мѣстностью. Пообѣдавъ на этой станціи, мы двинулись далѣе. Тутъ я случайно узналъ о совершившейся здѣсь не такъ давно странной пропажѣ. Въ вокзалѣ перваго класса между пассажирами сидѣла дама, какъ бы въ ожиданіи отходящаго поѣзда, и повидимому безпечно оглядывала пассажировъ. Потомъ, поднявшись со стула, она подозвала носильщика и, указавъ на чемоданъ, велѣла вынести послѣдній на платформу. Чемоданъ, какъ оказалось, принадлежалъ купцу, который тѣмъ временемъ, попивая пиво, былъ занятъ интереснымъ разговоромъ съ пріятелемъ. Когда послышался звонокъ, купецъ хватился своей клади, но ея уже не было на мѣстѣ. Поиски купца и прислуги оказались тщетными: дама исчезла вмѣстѣ съ чемоданомъ. Его, правда, впослѣдствіи нашли недалеко отъ церкви, но онъ былъ уже пустъ. Купецъ подалъ жалобу въ правленіе желѣзной дороги, какъ будто кто-нибудь, помимо него самого, былъ виноватъ въ этомъ. Для разбора этого дѣла былъ вызванъ чиновникъ, но, разумѣется, и онъ ничего не могъ тутъ подѣлать.

Эта станція, съ раскинувшимся при ней поселкомъ, съ самаго возникновенія ея вообще прослыла наиболѣе опаснымъ мѣстомъ по желѣзной дорогѣ. При всемъ томъ рельсовый путь, несмотря даже на окружающую непривѣтливую, опасную мѣстность, и здѣсь послужилъ поводомъ къ развитію поселка. Надо замѣтить, что отъ этой станціи проложена особая вѣтвь къ городу Томску. И вотъ, до настоящаго времени то-и-дѣло слышатся жалобы обитателей поселка на кражи и грабежи. По улицамъ ночью ходить опасно: нападенія и драки доходятъ зачастую до убійства. И неудивительно: вѣдь окружающія станцію, едва доступныя таежныя дебри испоконъ вѣка служили излюбленнымъ при-

тономъ бѣглыхъ каторжанъ и всякаго рода бродягъ. Выходя изъ своихъ берлогъ, эти варнаки и наводятъ ужасъ на жителей поселка. Грабежи, впрочемъ, нерѣдко случаются также въ иныхъ мѣстахъ; въ виду непрекращающихся нападеній на поѣзда по линіи Средней сибирской дороги, управленіемъ выписано было для вооруженія станціонныхъ и линейныхъ агентовъ нѣсколько сотенъ винтовокъ и значительное количество боевыхъ патроновъ.

Мнѣ пришлось, по выѣздѣ изъ Омска, третью ночь провести въ вагонѣ. Утромъ на зарѣ мы переѣхали по желѣзному мосту черезъ довольно широкую рѣку Чулымъ, впадающую въ Обь. Вслѣдъ затѣмъ поѣздъ подкатилъ къ станціи Ачинска. Этотъ уѣздный городъ енисейской губерніи расположенъ верстахъ въ двухъ отъ станціи, на пресловутомъ Сибирскомъ трактѣ. Начиная почти съ самой Тайги, рельсы все время пролегаютъ по близости этого тракта, а мѣстами даже пересѣкаютъ его. Поѣздъ несся по холмистой мѣстности, гдѣ все еще показывались таежные лѣса. Вечеромъ, но еще засвѣтло, мы подъѣхали къ станціи Красноярска, въ которомъ рельсы опять сошлись съ завернувшимъ также въ этотъ городъ старымъ Сибирскимъ трактомъ. Отсюда послѣдній тянется до Иркутска, и затѣмъ, послѣ переправы черезъ Байкалъ, онъ заворачиваетъ на югъ и доходитъ до Кяхты.

Въ былое время по этому тракту изъ Иркутска тянулись обозы съ цибиками чая, вывезеннаго изъ Кяхты, и съ другими товарами; также нагруженные золотомъ ящики, подъ конвоемъ вооруженнаго отряда. По немъ же проходили этапами отправленные изъ Москвы „по Владиміркѣ“ ссыльные въ Сибирь. Пассажиры, пользуясь подорожной, проѣзжали по тракту на лихихъ тройкахъ. Вспоминая то блаженное время, ямщики до сихъ поръ сильно негодуютъ на огненнаго коня за то, что онъ лишилъ ихъ прежней утѣхи—проскакать на своихъ тройкахъ.

Оказывается, впрочемъ, что желѣзная дорога не совсѣмъ еще убила извозный промыселъ, а только сократила его размѣры и уменьшила стоимость провоза. Дѣло въ томъ, что зимой, съ установленіемъ саннаго пути изъ Томска въ Иркутскъ, до сихъ поръ чуть ли не ежедневно отправляются на лошадяхъ цѣлые обозы. Благодаря чрезвычайно дешевой перевозкѣ, несрочные товары въ особенности охотно препровождаются на коняхъ. Дешевизна фрахта объясняется тѣмъ, что въ Иркутскѣ постоянный спросъ на лошадей, отправка которыхъ по желѣзной дорогѣ обходится довольно дорого; благодаря же перевозкѣ кладей на лошадяхъ, предназначаемыхъ для продажи, оплачиваются такимъ образомъ расходы по доставкѣ ихъ въ вагонахъ. На лѣто, однако,

прекращается извозный промыселъ, и въ замѣнъ его бывшіе ямщики въ настоящее время принялись за хлѣбопашество.

IV.—Красноярскъ.

Продѣлки извозчиковъ.—Улицы города.—Набережная и музей.—Развалины часовни.—Видъ съ горы.—Антикварно-книжная торговля.—Городской садъ.—Лѣсные пожары.—Сибирскій трактъ.

Покинувъ вагонъ на станціи, я взялъ извозчика и сказалъ ему, чтобы онъ везъ меня въ гостинницу „Россія". Однако, онъ сталъ увѣрять, что тамъ нѣтъ свободныхъ номеровъ, и отвезъ меня въ какое-то старое подворье. На другой же день я случайно узналъ, что извозчикъ предпочелъ подворье оттого, что получаетъ тамъ извѣстную мзду за каждаго доставляемаго имъ пассажира. Хозяева отелей на своихъ карточкахъ предупреждаютъ, правда, пассажировъ, чтобы они не вѣрили извозчикамъ, разглашающимъ, будто въ отелѣ нѣтъ свободныхъ номеровъ; но такъ какъ изъ отелей не высылаютъ агентовъ на станцію, то такое предупрежденіе оказывается обыкновенно запоздалымъ.

Улицы Красноярска оказались, правда, немощеными; однако, прямыя и широкія, онѣ подъ прямымъ угломъ пересѣкаются правильными переулками, и обстроены довольно значительными по величинѣ домами, отчасти каменными. Вообще, Красноярскъ уже больше походитъ на настоящій городъ, чѣмъ Курганъ. Близъ вокзала стоитъ обширное каменное зданіе техническаго училища. Двѣ гимназіи, мужская и женская, также помѣщаются въ прекрасныхъ каменныхъ зданіяхъ. Широкая главная улица въ сухую погоду поливается: при мнѣ по ней проѣзжалъ водовозъ съ кадкой и, черпая оттуда ведромъ воду, разливалъ ее по сторонамъ. Эта процедура оказалась нелишнею, такъ какъ иначе по здѣшнимъ немощенымъ улицамъ пыль поднимается густыми тучами. Остальныя улицы, однако, все-таки не поливаются. Тротуары состоятъ изъ досокъ. Пріятно было прогуляться по такому дощатому тротуару вдоль набережной Енисея. Тутъ же рядомъ тянется, сверхъ того, бульваръ, а на водѣ близъ берега стоятъ купальни и нѣсколько конторъ пароходныхъ пристаней.

Проходя по набережной, я увидѣлъ надъ каменнымъ домомъ вывѣску съ надписью: „Музей". Однако, онъ, какъ оказалось, въ теченіе лѣта закрытъ. Объяснивъ сторожу, что я въ городѣ проѣздомъ и посуливъ ему на чай, я все-таки успѣлъ проникнуть въ музей и осмотрѣть его. Въ немъ, впрочемъ, выставлена

не очень значительная коллекція предметовъ, касающихся большею частью изученія инородческаго племени. Выходя изъ одной залы, я надъ противоположною дверью увидѣлъ надпись: „Третье народное училище". За этой дверью, внутри обширнаго помѣщенія, разставлены столы со скамейками для учащихся. Было какъ разъ вакаціонное время, и ученики были распущены.

Проходя по улицамъ, я по временамъ заглядывался на бѣлую часовню, которая высилась на вершинѣ такъ-называемой Караульной горы. Эта гора крутыми скатами, покрытыми красноватымъ мергелемъ, спускается къ рѣчкѣ Качѣ, протекающей по городу и впадающей въ Енисей. Отъ этого красноватаго крутояра городъ и заимствовалъ свое названіе. Бѣлая часовня наверху манила меня на гору, которая съ виду, какъ показалось мнѣ, поднималась немногимъ выше нашихъ Воробьевыхъ горъ со стороны Москвы-рѣки. Я переѣхалъ по мостику черезъ рѣчку Качу и, поднявшись немного по скату, миновалъ раскинутый по немъ поселокъ. Отсюда торная тропа легкимъ подъемомъ привела меня прямо къ часовнѣ. Взглянувъ на нее вблизи, я былъ крайне разочарованъ, такъ какъ увидѣлъ передъ собою нѣчто въ родѣ развалинъ недостроеннаго храмика. Вышиной около пяти саженей, эта восьмиугольная, кирпичная и выштукатуренная постройка, съ заостренной черной крышей, была увѣнчана шарообразной верхушкой съ вызолоченнымъ на ней крестомъ. Въ постройкѣ продѣланы были три обширныхъ прохода для предполагаемыхъ дверей и четыре большихъ окна, но безъ рамъ. Кругомъ и внутри ничего не было, за исключеніемъ крупныхъ камней и обвалившейся штукатурки. Началъ строитъ эту часовню какой-то мѣстный золотопромышленникъ и по неизвѣстной причинѣ, не достроивъ, покинулъ ее въ настоящемъ видѣ.

Присѣвъ на одинъ изъ валявшихся возлѣ часовни дикихъ камней и оглядѣвшись кругомъ, я былъ вполнѣ вознагражденъ при видѣ раскинувшейся передо мною широкой живописной картины: внизу, у подножія горы пробиралась рѣчка; по другую сторону ея расположился правильными улицами городъ, вытянувшись вдоль берега по сю сторону Енисея, а вправо, не въ дальнемъ разстояніи, виднѣлся великолѣпный желѣзнодорожный мостъ, перекинутый черезъ широкую рѣку. На другой сторонѣ Енисея вытянулся хребетъ Кунсумскихъ горъ, покрытыхъ отчасти остроконечными, отчасти куполовидными сопками. У подножія хребта здѣсь и тамъ раскинуты довольно крупныя селенія. Вдосталь налюбовавшись этой картиной, недосягаемой ни для фотографіи, ни даже для кисти художника, я прежнимъ путемъ спустился съ горы.

Проходя по улицамъ, я случайно набрелъ на здѣшній базаръ, расположившійся своими лавчонками противъ стоящаго среди площади Рождественскаго собора. Надъ входомъ въ одну изъ лавокъ значилась надпись: „Антикварно-книжная торговля". Меня, разумѣется, крайне заинтересовала эта антикварія, и, вступивъ въ лавку, я попросилъ хозяина показать мнѣ, какими древними изданіями онъ торгуетъ. Къ моему крайнему изумленію, онъ указалъ на сочиненія Боборыкина, не такъ давно изданныя редакціей „Нивы". Они были отнесены къ антикварнымъ, вѣроятно, потому что были крайне истрепаны и испачканы. Впрочемъ, хозяинъ предложилъ мнѣ еще томъ стихотвореній Пушкина, затѣмъ также сочиненія Лермонтова. Иныхъ антикварныхъ произведеній я такъ и не могъ добиться, съ чѣмъ и покинулъ лавку.

Проходя, на другой день, по Воскресенской улицѣ, которая признается главною, и осматривая магазины, я по вывѣскамъ замѣтилъ, между прочимъ, что въ городѣ совмѣстно съ кондитерскими помѣщаются обыкновенно колбасные продукты. Какое отношеніе состоитъ между колбасой и конфектами,—это осталось для меня загадкой. Тутъ же, по приклеенному къ стѣнѣ объявленію, мнѣ пришлось узнать, что въ городскомъ саду въ этотъ день назначена музыка. Я и отправился въ садъ. Около него, на улицѣ торговцы бакалеями на лоткахъ предлагали лакомства проходящей публикѣ. Тутъ же продавалось мороженое и стоялъ также низенькій шкапчикъ съ разными холодными квасами, сельтерской и лимонной водой. Такіе шкапчики съ прохладительными напитками попадаются обыкновенно въ сибирскихъ городахъ по улицамъ и перекресткамъ.

При входѣ въ садъ, у стола сидѣлъ господинъ и собиралъ съ каждаго посѣтителя по десяти копѣекъ за входъ. Тутъ же вблизи разведена клумба, поросшая красивыми цвѣтами. Далѣе, усыпанная пескомъ дорожка вела къ открытому въ саду ресторану, а возлѣ него на эстрадѣ помѣщалось съ дюжину музыкантовъ, игравшихъ на скрипкахъ, флейтахъ, фаготахъ и тому подобныхъ инструментахъ. Среди довольно многочисленной публики, гулявшей по саду и сидѣвшей на скамьяхъ вокругъ эстрады, насколько я могъ замѣтить, не попадалось ни фэшіонебльныхъ щеголей, ни даже сановитыхъ купцовъ; по наружному виду мнѣ казалось, что она состояла бо̀льшею частью изъ класса людей, относящихся къ такъ-называемымъ разночинцамъ, отчасти также изъ мелкихъ чиновниковъ. Да и по улицамъ города вообще не приходилось встрѣчать иной публики. Иначе оно и быть не

могло: аристократія въ Сибири не водворилась, оттого уже, что здѣсь никогда не существовало крѣпостного права, а потому и не было помѣщиковъ-дворянъ. А богатые золотопромышленники и именитые купцы большею частью разъѣзжаются въ разныя стороны по своимъ дѣламъ, въ особенности лѣтомъ. При томъ, въ настоящее время, пользуясь желѣзными дорогами, многіе изъ нихъ подолгу проживаютъ въ Москвѣ или Петербургѣ.

Проходя далѣе по дорожкамъ, я замѣтилъ, что въ глубинѣ садъ болѣе походитъ на паркъ: тамъ раскинулись густыя рощи, поросшія соснякомъ, пихтой и березой, между которыми пролегали, впрочемъ, чистыя, пескомъ посыпанныя дорожки.

Послѣ трехъ-дневнаго пребыванія въ Красноярскѣ, я вечеромъ вновь занялъ мѣсто въ вагонѣ, и поѣздъ двинулся далѣе по холмистой мѣстности, покрытой то березами, то соснами, а мѣстами и тайгою. Вдали виднѣлись горныя возвышенности. Утромъ, на зарѣ, показался въ сторонѣ густой, поднимавшійся клубомъ дымъ. Тамъ гдѣ-то горѣлъ лѣсъ. Проѣзжая по дорогѣ, я давно уже обратилъ вниманіе на встрѣчавшіяся по обѣ стороны рельсовъ гари въ тайгѣ съ почернѣвшими обгорѣлыми пнями на елани, какъ называютъ сибиряки вообще обнаженныя площади въ лѣсу. Сперва мнѣ казалось, что пожары причиняются вылетающими изъ трубы локомотива искрами. Но меня по этому поводу увѣряли, что такіе пожары повторяются каждой весною совсѣмъ отъ другихъ причинъ: большею частью отъ небрежности самихъ поселянъ, а также промышляющихъ въ тайгѣ охотниковъ и инородцевъ. Лѣсничіе рѣдко могутъ добиться толку, отчего загорѣлось въ лѣсу. Иной разъ покажется дымокъ, и его легко было бы захватить съ самаго начала. Но извѣстное дѣло,— упустишь огонь, не потушишь. А загораются лѣса большею частью раннею весной, какъ разъ въ такую пору, когда крестьяне выѣзжаютъ въ поле на посѣвъ; такъ что лѣсничіе не въ состояніи собрать изъ отдаленныхъ деревень народъ для тушенія огня. Такимъ образомъ зачастую погораетъ по нѣскольку десятковъ тысячъ десятинъ цѣннаго лѣса. Вообще, число лѣсничествъ въ Сибири крайне ограниченное, а при всемъ томъ лѣса служатъ важнымъ подспорьемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ: во многихъ мѣстахъ заготовляются для локомотивовъ и пароходовъ дрова,—ихъ сплавляютъ также въ города. Сверхъ того, существуютъ еще другіе промыслы: крестьяне изготовляютъ полозья для саней, приготовляютъ также лопаты, ведра, совки и проч. Но для всякаго такого промысла необходимо брать билетъ у лѣсничаго, который иногда живетъ верстъ за сто отъ поселка.

А потому крестьяне нерѣдко жалуются, что имъ приходится тратить много времени, лишь бы получить разрѣшеніе на рубку лѣса. Въ настоящее время, сверхъ того, администрація, въ видахъ охраненія лѣсовъ, сочла необходимымъ оградить отъ включенія въ участки наиболѣе цѣнныя лѣсныя площади, которыя такимъ образомъ и причисляются къ казеннымъ лѣснымъ дачамъ.

Нашъ поѣздъ все время продолжалъ двигаться въ сосѣдствѣ упомянутаго Сибирскаго тракта. Близъ станцій, гдѣ приходилось намъ останавливаться, то-и-дѣло показывались старыя селенія на самомъ трактѣ, постройки которыхъ своимъ прекраснымъ внѣшнимъ видомъ свидѣтельствовали о зажиточности проживавшихъ въ нихъ крестьянъ. Мѣстами попадались также вызванныя желѣзною дорогой новыя селенія, занятыя бóльшею частью выходцами изъ среднихъ черноземныхъ губерній. Эти новоселы повидимому также пользовались уже значительнымъ довольствомъ.

Въ одномъ изъ селеній близъ станціи Тельмы на Сибирскомъ трактѣ находится извѣстная въ Сибири тельминская суконная фабрика, принадлежащая Бѣлоголовому. На фабрикѣ, какъ оказывается, изготовляется лишь русское простое сукно грубаго качества. Не стоило бы, пожалуй, упоминать объ этомъ, но въ Сибири вообще промышленное производство до сихъ поръ такъ мало развито, что всякая попытка въ этомъ родѣ возбуждаетъ въ сибирякахъ сильныя надежды на будущіе успѣхи мѣстныхъ промышленныхъ производствъ. Этому, конечно, должны способствовать улучшенія путей сообщенія. До настоящаго времени, однако, Сибирь, какъ всякая молодая колонія, по неволѣ покупаетъ втри-дорога привозныя мануфактурныя издѣлія, а свои вывозные продукты земледѣлія и скотоводства продаетъ по крайне низкой цѣнѣ. Нельзя, однако, сомнѣваться въ томъ, что желѣзная дорога послужитъ не только для вывоза сибирскихъ продуктовъ, но привлечетъ также производительныя силы въ страну и такимъ путемъ вызоветъ развитіе промышленной дѣятельности въ болѣе широкихъ размѣрахъ, какъ уже и въ настоящее время она успѣла даже на нашихъ глазахъ вызвать нѣкоторые промыслы...

Пройдя еще нѣсколько десятковъ верстъ лѣвымъ берегомъ Ангары и пересѣкши деревяннымъ мостомъ впадающую въ нее рѣку Иркутскъ, поѣздъ раннимъ утромъ подкатилъ къ станціи Иркутска.

Эд. Циммерманъ.



МОЯ ЖИЗНЬ

и

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

1832—1884 гг.

Воспоминанія и замѣтки.

Настоящее уныло...
Что прошло, то будетъ мило.
Пушкинъ.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси.
Хомяковъ.

Когда впереди зіяетъ могила, а назади бьетъ ключомъ прошлая жизнь, полная испытаній, приключеній и впечатлѣній,—тянешься къ этому прошлому, былому. Вспоминается оно, разсказывалъ бы о немъ. Вотъ почему старость любитъ писать мемуары, которыми такъ изобилуютъ всѣ европейскія литературы, не исключая и нашей, русской. Въ этихъ мемуарахъ заключается иногда драгоцѣнный матеріалъ для психологическаго изученія людей, для пониманія общественныхъ эволюцій. Но для этого необходимо, чтобы мемуары были правдивы и объективны, и чтобы личность ихъ автора не становилась на ходули, охорашиваясь, но скрывалась бы за повѣствуемыми событіями, простая и чистосердечная.

Я переживаю теперь моментъ, когда меня тянетъ къ себѣ прошлое, былое; когда душа полна воспоминанiй о немъ и хочется разсказать и другимъ о томъ, что̀ было, да былью поросло. Я переживаю моментъ, когда хочется писать мемуары. Съ Божьей помощью, я принимаюсь за нихъ, помышляя только о томъ, чтобы они были правдивы и объективны; чтобы они не увеличивали литературнаго балласта, но были бы назидательны для читателя, заключая въ себѣ поучительный матерiалъ для изученiя русскихъ людей и русской общественной жизни.

I.

Мое рожденiе. — Природа и люди: родное село, родители, родные и памятные знакомые.

Я родился 3-го iюля 1832 года въ селѣ Войтовѣ, полтавской губернiи, переяславскаго уѣзда. Это было чудное время малороссiйской косовицы, на которую такъ любила смотрѣть моя мать. Да и какъ было не любоваться этимъ чуднымъ зрѣлищемъ: подъ дружными взмахами косъ пятидесяти-шестидесяти крѣпостныхъ косарей, съ высокимъ, широкоплечимъ атаманомъ во главѣ—Кондратiемъ Шевчекомъ, за которымъ шелъ есауломъ Алексѣй, садовникъ,—вылегала въ покосы душистая трава степи, изукрашенной цвѣтами, ягодами, букеты которыхъ собирались въ покосахъ, въ которыхъ нерѣдко попадались и перепелиныя гнѣзда. Въ дѣтствѣ я самъ любилъ созерцать эту косовицу, лежа на копнѣ душистаго сѣна и глядя на безоблачное голубое небо.

Возвратясь съ косовицы домой, мать моя разрѣшилась отъ бремени сыномъ-первенцомъ, котораго нарекли именемъ Александръ. Это имя было выбрано, вѣроятно, по желанiю отца, въ память Благословеннаго императора, котораго такъ чтилъ мой отецъ и при которомъ проходила его гусарская молодость. Мальчикъ родился съ опухшимъ правымъ глазомъ. Тогдашнiй кiевскiй операторъ Кауфманъ разрѣзалъ опухшiя вѣки, но глаза подъ ними не оказалось. Мальчикъ остался съ однимъ лѣвымъ глазомъ. Говорили, что неумѣлая повитуха причинила такое горе семьѣ. Какъ бы тамъ ни было, этотъ физическiй недостатокъ имѣлъ огромное психическое влiянiе на ребенка, предопредѣливъ, можно сказать, его судьбу. Отличавшiйся отъ другихъ людей физиче-

скимъ недостаткомъ, думалъ ребенокъ, онъ долженъ отличаться отъ нихъ заслугами и талантами: онъ долженъ быть поэтомъ, литераторомъ, ученымъ, профессоромъ. Меня въ дѣтствѣ называли то поэтомъ, то профессоромъ и, можетъ быть, не даромъ: чуть ли не съ десяти лѣтъ я началъ вести дневникъ и писать стихи— сначала малорусскіе, поддавшись вліянію Шевченка, котораго такъ превосходно декламировала моя мать, полу-француженка,— а потомъ русскіе, очарованный Кольцовымъ. Мое родное село Войтово—чудесное село: большое, со многими прудами, окаймленное рощами. Какое-то свѣтлое, какое-то веселое. Въ районѣ глубокаго чернозема оно стояло на песчаной почвѣ, и поэтому я не помню, чтобы въ немъ когда-нибудь бывала грязь. Густо населенное, оно имѣло два прихода; посреди его красовалась каменная церковь прекрасной архитектуры, сооруженная графомъ Безбородко. Два приходскихъ священника, вѣчно враждовавшіе между собою, поочередно отправляли въ ней богослуженіе. На паперти ея—могилы именитыхъ обывателей, и между прочими могила моего дѣда по матери, генералъ-лейтенанта французской службы, съ которымъ мы встрѣтимся ниже.

Это село Войтово было основано въ половинѣ семнадцатаго вѣка выходцемъ изъ Сербіи Думитрашко, по смерти котораго досталось его племяннику Марку. Прикосновенный къ заговору Мазепы, онъ былъ сосланъ Петромъ въ Сибирь, а Войтово было конфисковано и передано переводчику кіевской губернской канцеляріи Корбу. У меня и теперь сохраняется воспоминаніе о Корбиной греблѣ на рѣкѣ Нѣдрѣ, подъ самымъ Войтовымъ. Генеральный судья Андрей Яковлевичъ Безбородко, отецъ знаменитаго канцлера, выпуталъ изъ Сибири Марка Думитрашко, которому были возвращены его конфискованныя имѣнія. Въ благодарность за такую услугу, Безбородко получилъ въ подарокъ село Войтово, часть котораго и понынѣ принадлежитъ его потомкамъ. Другую часть онъ отдѣлилъ своему родственнику Судовщикову, отъ котораго черезъ жену его, Анну Григорьевну Шостакъ, имѣніе перешло къ дочерямъ послѣдней—моей теткѣ и матери.

Другими частями села и примыкавшими къ нему землями владѣли другіе помѣщики, вѣроятно изъ простыхъ казаковъ. Болѣе крупными были по окраинамъ Подгаецкіе и Нестеровскіе, а въ центрѣ—множество мелкоты: Василенки, Филомы, Садковскіе, Пикуловскіе и др. владѣтели нѣсколькихъ душъ крѣпостныхъ, къ которымъ мы, „стодушевые“, относились высокомѣрно и пренебрежительно, а отецъ не считалъ ихъ достойными даже зна-

комства, которое секретно поддерживала мать, женщина привѣтливая и общительная. Усадьба наша была на самой окраинѣ села. Живо припоминается мнѣ огромный дворъ, обнесенный кленами, покрытый зеленой травой; бѣлый, соломой крытый домикъ, окруженный чуднымъ садомъ, разведеннымъ искусной рукой просвѣщеннаго французскаго генерала. Съ лѣвой стороны былъ садъ фруктовый, ягодный, а съ правой—англійскій садъ съ длинной аллеей, на половину рябиновой, на половину осокоревой, которая мнѣ, дитяти, представлялась безконечно длинною; на концѣ которой, казалось, живутъ какіе-то темные духи, куда мы такъ боялись забѣгать. И теперь, въ старости, я живо помню эту чудную аллею и каждое ея деревцо. Но особенно я помню густую, какъ темная ночь, липовую аллею, подходящую къ мостику, перекинутому черезъ сажалку, за которой шла густымъ лѣсомъ дорожка, приводящая къ огромному пруду, изъ котораго однажды выловили чуть не сто пудовъ карасей. Мнѣ кажется, что и теперь я вдыхаю ароматъ воды и очерета, которымъ заросли берега. Я помню также превосходный кустъ можжевельника, подъ которымъ я зубрилъ заданные гувернанткой уроки, а кругомъ дома—куртины, засаженныя превосходными кустарниками, и цѣлыя плантаціи цвѣтовъ—левкоевъ, анютиныхъ глазокъ, изъ которыхъ моя мать умѣла составлять такіе чудные букеты. Какъ будто я вижу эти букеты, украшавшіе нашу гостиную, въ которой припоминается огромное старинное трюмо, пріобрѣтенное изъ мебели гетмана Разумовскаго, остатками которой украшались дома многихъ малороссійскихъ помѣщиковъ. Чудесно умѣла составлять букеты моя мать! Особенной красотой отличались георгины, которыя тогда начали появляться въ цвѣтникахъ Малороссіи. Каждая изъ нихъ имѣла свое названіе. Общей любимицей была „Александрина"—темно-гранатная, почти черная цвѣтомъ. Георгины эти доставлялъ Христіани, единственный кіевскій садовникъ въ то время—садовникъ-эстетикъ, не мало содѣйствовавшій развитію садоводства въ Кіевѣ и окрестныхъ губерніяхъ.

На лонѣ чудной природы, такимъ образомъ, развивалось мое дѣтство, и я съ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ сдѣлался обожателемъ этой чудной природы. Высокая, зеленая трава, бѣлокорая береза, роскошный кустъ красной бузины надъ сажалкой казались мнѣ живыми существами, а бабочки, мотыльки и божьи коровки—завѣтными Божьими созданіями, къ которымъ человѣкъ обязанъ бережно относиться. Щебетанье птичекъ, которыми такъ изобиловалъ нашъ дремучій садъ, казалось мнѣ лучше всякой музыки,

а соловьиная пѣсня доставляла моей дѣтской душѣ такое же наслажденіе, какъ пѣніе Патти дилеттанту.

Впечатлѣнія этой чудной природы неизгладимо запечатлѣлись на всю мою жизнь, сообщивъ мнѣ ту наклонность къ пантеизму и романтизму, которые съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ составляли основную черту моей нравственной физіономіи. И теперь, въ старые годы, я отношусь къ природѣ съ дѣтскою любовью: выращенныя мною ели и другія деревья—мои истинные друзья, представляющіеся мнѣ существами, чувствующими всякую боль, если только сломать хоть одну вѣточку.

Близкое сродство съ великой природой—научилъ меня мой опытъ—должно быть основою всякой дѣтской школы.

Моя мать, Клеопатра Генриховна, была младшей дочерью Анны Григорьевны Шостакъ, рожденной отъ ея второго брака съ генераломъ французской службы, Генрихомъ Осиповичемъ Тирингомъ. Когда и почему онъ эмигрировалъ въ Россію, я съ точностью не знаю. Имя его я встрѣтилъ въ „Полномъ собраніи законовъ“, когда, по случаю войны съ Франціей въ 1805 году, предписывалось пребывавшихъ въ Малороссіи французовъ интернировать въ Черниговѣ. Знаю также, что императоръ Александръ I назначилъ моему дѣду пенсію. Человѣкъ высокаго европейскаго образованія, онъ превосходно зналъ медицину, и въ Малороссіи пріобрѣлъ репутацію искуснаго врача, лечившаго многихъ богатыхъ помѣщиковъ, которые уплачивали иногда гонораръ натурою—крѣпостными душами обоего пола, преимущественно ремесленниками. Я не знаю, когда онъ встрѣтилъ вдову Судовщикову, урожденную Шостакъ, и вступилъ съ нею въ бракъ. Моя мать отъ этого брака, можно думать, родилась въ 1814 году, такъ какъ въ годъ ея смерти, въ 1844 году, ей насчитывали 30 лѣтъ. Къ сожалѣнію, все это—даты приблизительныя: фамильныхъ бумагъ въ нашемъ семейномъ архивѣ не сохраняли, и отъ моего дѣда досталось мнѣ только нѣсколько разрозненныхъ рукописей, да подорожная отъ Страсбурга до Парижа, но и этихъ я не умѣлъ сберечь. Слышалъ я, что послѣ смерти дѣда всѣ его бумаги были сожжены опекунами сиротъ-дѣвочекъ, такъ какъ опекуны эти, люди необразованные, изъ мѣстнаго мелкопомѣстнаго дворянства, считали генерала Тиринга франкмасономъ, отъ котораго не должно было оставаться и духу въ ихъ родномъ православномъ селѣ.

Женившись на вдовѣ Судовщиковой и осѣвшись въ имѣніи жены, мой дѣдъ занялся устройствомъ имѣнія: онъ переселилъ въ село Войтово доставшихся ему, въ видѣ гонорара, крѣ-

постныхъ—столяровъ, кондитеровъ, колбасниковъ, садовниковъ. Эти Тиринговскіе крестьяне отличались другимъ типомъ отъ крестьянъ туземныхъ: большею частью это былъ народъ рослый, красивый, умѣлый. Видно, что дарили не жалѣя, а можетъ быть, и по выбору самого генерала-врача.

Живо припоминается мнѣ статный, хотя уже и пожилой столяръ Иванъ, въ огородѣ котораго росъ занимавшій насъ очень виноградъ; припоминается также чудесная фигура садовника и банщика Семена Андреевича съ его дѣтьми: садовникомъ Алексѣемъ да булочницей Марусей, которую очень любила моя мать. Вообще, крестьяне, принадлежавшіе моей матери, замѣтно отличались видомъ отъ крестьянъ, выпадавшихъ на долю ея старшей сестры, Варвары, рожденной отъ перваго брака моей бабки. Я помню, какъ мы, дѣтьми, рыдали, что нѣсколько отборныхъ материнскихъ крестьянъ, и въ числѣ ихъ нашъ любимецъ сапожникъ Северинъ, заложенныхъ *закладною на упадъ,* могли перейти къ помѣщику Задорожному, у котораго была занята сумма подъ этотъ живой закладъ. Замѣчательно, съ какою быстротою акклиматизировалось въ Малороссіи крѣпостное право, введенное Екатериною II въ концѣ XVIII вѣка: въ началѣ прошлаго столѣтія оно составляло уже укоренившійся институтъ со всѣми его прелестями.

Отдавшись устройству женина имѣнія, генералъ Тирингъ развелъ чудесный садъ, во фруктовой части котораго произрастали такіе фрукты, какіе тогда рѣдко можно было найти въ садахъ сосѣднихъ помѣщиковъ: что за бонкретьены, что за венгерки и шпанки, къ которымъ мы подкрадывались, несмотря на крики Ивана Пупа, неизмѣннаго сторожа въ нашемъ фруктовомъ саду! До того въ моей памяти врѣзался вкусъ этихъ чудныхъ плодовъ, что, кажется, я и теперь ихъ вкушаю. И по смерти дѣда этотъ фруктовый садъ поддерживался стараніями отца, а особенно тетки, Варвары Александровны, подъ наблюденіемъ которыхъ вѣчно щепилъ и окулировалъ садовникъ Алексѣй, наученный этому хитрому дѣлу престарѣлымъ отцомъ своимъ, Семеномъ Андреевичемъ, великороссомъ. Въ селѣ примитивной культуры Думитрашки и Корба повѣяло западно-европейской цивилизаціей: появилась суконная фабрика, больница, аптека; появились всяческіе ремесленники. Въ дѣтствѣ я слышалъ много разсказовъ о причудахъ генерала Тиринга, ужасно коверкавшаго русскій языкъ. Фигура его, дѣйствительно, не подъ стать была переяславльскому дворянству, изъ среды котораго она выдѣлялась своимъ образованіемъ. Онъ, конечно, былъ чужимъ. Онъ умеръ

задолго до моего рожденія—примѣрно, въ 1818 году. Я его поэтому помнить не могъ, но я полюбилъ его невѣдомую личность, а чрезъ него и его отчизну—прекрасную Францію, которую всегда считалъ какъ бы вторымъ отечествомъ. Эту франкоманію я сохранилъ до старыхъ дней. Меня въ дѣтствѣ даже называли французомъ и находили, что я во многомъ похожъ на своего дѣда генерала и наружностью, и темпераментомъ. Мать моя осталась малюткой послѣ смерти своихъ родителей. Мало заботились о ней и ея воспитаніи опекуны, сами люди грубые, необразованные. Вдоволь натерпѣлась она въ дѣтствѣ. Ея единоутробная сестра, Варвара Александровна, была гораздо старше ея годами. Она рано вышла замужъ за мѣстнаго помѣщика Гулака, но скоро разошлась съ нимъ. Между сестрами не было ничего общаго. Это были двѣ натуры діаметрально противоположныя, между которыми не могло быть искренней симпатіи. Тетка была сдержанная и сосредоточенная, умная и начитанная; мать была экспансивна и сердечна, милаго французскаго нрава. Онѣ прожили всю свою жизнь вмѣстѣ, но никогда другъ друга не любили, да и во всей семьѣ къ теткѣ не питали особой симпатіи, но, признавая ея достоинства, относились къ ней почтительно. Она очень любила музыку, чтеніе, цвѣты и кофе.

Матери едва исполнилось четырнадцать лѣтъ, и она не разставалась еще съ куклами, какъ къ ней присватался сосѣдній небогатый помѣщикъ, отставной лубенскій гусаръ, Василій Семеновичъ Романовичъ-Славатинскій — мой отецъ. Бывалый и довольно образованный, пылкаго темперамента и съ чудесными гусарскими усами, онъ, кажется, влюбилъ въ себя обѣихъ сестеръ, но могъ жениться только на младшей, хотя она и была ребенкомъ. Отецъ мой родился въ 1800 году, на хуторѣ Супоевкѣ, переяславльскаго уѣзда, неподалеку отъ Репнинскаго имѣнія Яготинъ. Предокъ его, Романовичъ, воспитывался въ какой-то польской школѣ, гдѣ получилъ фамилію: Славатинскій. Дѣдъ отца, Ѳеодоръ, служилъ при гетманѣ Разумовскомъ въ войсковой старшинѣ. Отецъ его, Семенъ Ѳедоровичъ, уже былъ россійскимъ дворяниномъ, родъ котораго внесли въ дворянскую родословную книгу полтавской губерніи—чуть ли не въ VI-ую часть. О немъ мнѣ мало разсказывали, и характерныя черты его личности мнѣ неизвѣстны. Знаю только, что онъ былъ человѣкъ небогатый, владѣвшій въ переяславльскомъ уѣздѣ имѣніемъ Супоевкой, едва ли болѣе 50—60 душъ крѣпостныхъ. Знаю также, что онъ былъ женатъ дважды, и что отъ перваго брака у него были сынъ Кириллъ и дочь Алёна. Вторично онъ женился на моей

бабкѣ, Агаѳьѣ Ивановнѣ—нѣжинской гречанкѣ. Отъ этого брака оставались въ живыхъ мой дядя—Яковъ и мой отецъ—Василій.

Дядя Кириллъ Семеновичъ былъ человѣкъ лихого, отчаяннаго нрава, которому море было по колѣно. Я помню, что онъ служилъ первымъ по времени окружнымъ начальникомъ государственныхъ имуществъ въ переяславльскомъ уѣздѣ, когда была учреждена эта должность въ 1837 году. Какъ во снѣ припоминается мнѣ теперь, какіе балы задавалъ онъ въ Переяславлѣ, гдѣ стоялъ тогда пѣхотный полкъ съ командиромъ, полковникомъ Носакинымъ, во главѣ, котораго зналъ и полюбилъ государь Николай I за 14-е декабря. Вспоминаю, какъ, подъ звуки полкового хора, моя мать, искусная танцорка, носилась въ мазуркѣ и вальсѣ, а отецъ игралъ въ вистъ. Мы же, малютки, совсѣмъ сонныя, ждали поздняго ужина, чтобы отвѣдать крема и той пирамиды, которую такъ искусно приготовлялъ дядюшкинъ поваръ. Всѣ эти картины давняго прошлаго рисуются въ моемъ воображеніи и теперь, несмотря на многіе протекшіе годы. Свою бѣдовую жизненную авантюру, преисполненную отважныхъ эпизодовъ, дядя Кириллъ покончилъ въ Казани, гдѣ онъ служилъ частнымъ приставомъ, и откуда, по смерти его, его супруга пріѣхала къ намъ въ то время, когда мы жили уже въ другомъ имѣніи, въ селѣ Гольцахъ, лохвицкаго уѣзда, которое досталось теткѣ и матери отъ ихъ двоюроднаго брата, Ивана Илларіоновича Шостака, умершаго въ юношескомъ возрастѣ. Тетка моя Алёна Семеновна вышла замужъ за генерала Лобко. Это была суровая женщина, гордая своимъ генеральствомъ. Я помню ея деревянный домъ на Подолѣ, преисполненный генеральскаго этикета. Какъ сквозь густую сѣтку припоминаю ея сыновей, гвардейцевъ, Павла и Льва, Алексѣя и Семена, изъ которыхъ послѣдній былъ, помнится, студентомъ московскаго университета. Если не ошибаюсь, сынъ Льва Львовича, Павелъ Львовичъ Лобко,—теперешній государственный контролеръ. Лучше я помню кузину Марью Львовну, вышедшую замужъ за нашего родственника Кобелякскаго, но скоро овдовѣвшую. Бабка моя, Агаѳья Ивановна, вышла замужъ въ такіе годы, что играла въ куклы со своей падчерицей Алёной. Она была женщина малообразованная, съ трудомъ писавшая нужныя письма, и вмѣстѣ женщина довольно добрая, но нрава тяжелаго и неуживчиваго, а понятіями своими едва ли превосходила Гоголевскую Коробочку. Мы, внучата, любили бывать у нея, въ ея старосвѣтскомъ супоевскомъ домѣ, въ каморкахъ котораго всегда находилось не мало лакомствъ для внучатъ. Я живо помню эту милую, но не-

уживчивую старушку; помню и ея стараго кучера Павлушку, дремлющаго на козлахъ оригинальной брички, какъ будто вырѣзанной изъ тыквы. Подъ-конецъ своей жизни она переселилась къ намъ, въ Гольцы, отдавъ свое имѣньице умному и дѣловитому Якову Семеновичу. Она умерла, когда я уже былъ въ высшихъ классахъ гимназіи. Дядюшка Яковъ Семеновичъ—высокаго роста, стройный и красивый—былъ человѣкъ тонкаго практическаго ума и вкрадчивыхъ, обольстительныхъ манеръ. Мало учившійся, но свѣдущій, онъ былъ большой поклонникъ науки и просвѣщенія. Служилъ онъ въ конной артиллеріи и, выйдя въ отставку, женился на Софьѣ Даниловнѣ Сулимѣ—изъ довольно извѣстной малороссійской фамиліи. Поселившись въ Супоевкѣ, онъ владѣлъ доставшейся ему частью отцовскаго имѣнія. Состояніе небольшое; пошли дѣти, а средства—скудныя. Захотѣлось разбогатѣть. Его постоянно поддерживали сосѣдніе помѣщики Бутовичи, люди довольно состоятельные, сыновья бывшаго витебскаго губернатора. Къ нимъ дядюшка Яковъ Семеновичъ до конца дней своихъ сохранялъ дружескія и почтительныя отношенія. Переяславльское дворянство выбрало его капитанъ-исправникомъ, а долго спустя потомъ онъ былъ главноуправляющимъ сенатора Васильчикова. Я хорошо вспоминаю его, жившаго въ одномъ изъ этихъ имѣній—Петровкѣ. Какое роскошное, высоко-культурное имѣніе и какой стройный хозяйственный режимъ! Прекрасная суконная фабрика, образцовая овчарня съ овцеводами-нѣмцами, громадный превосходный садъ, завѣдываемый превосходнымъ садовникомъ-полякомъ; сельская школа, прекрасная больница... Куда все это дѣлось? Что со всѣмъ этимъ сталось? Остались ли какіе слѣды этого барскаго высоко-культурнаго помѣстья, которымъ такъ образцово управлялъ Яковъ Семеновичъ? И сколько было въ Малороссіи такихъ культурныхъ пунктовъ, которые мало-по-малу исчезали подъ напоромъ иной струи текущаго времени, переходя изъ рукъ бояръ въ руки цѣловальниковъ, фальсифицировавшихъ вино, которымъ они опаивали русскій народъ!

Большая часть дѣтей Якова Семеновича умирала въ молодые годы. Изъ сыновей оставался въ живыхъ мой двоюродный братъ Измаилъ, учившійся въ нѣжинскомъ лицеѣ князя Безбородко въ то время, когда я былъ въ тамошней гимназіи. Тупой и лѣнивый, онъ учился очень плохо, дѣлая школьную карьеру только благодаря протекціи помощника попечителя, Юзефовича, имѣвшаго дѣловыя отношенія съ его отцомъ. Эпикуреецъ и сластёна, мой бѣдный кузенъ надѣлалъ много долговъ въ нѣжинскихъ кондитерскихъ Неминай и Стефанѣева: его постигла гроз-

ная расправа суроваго отца, отправившаго студента-сына на конюшню! По окончаніи лицея, кузенъ Измаилъ служилъ въ драгунскомъ тверскомъ полку, и по выходѣ въ отставку, покорный и почтительный, онъ исполнилъ волю отца—женился на дочери одного изъ Бутовичей, осуществивъ такимъ образомъ мечту старика породниться съ этой чтимой имъ дворянской фамиліей. Младшій братъ Якова Семеновича, мой отецъ Василій Семеновичъ, былъ человѣкъ совсѣмъ иного типа. Если Яковъ Семеновичъ былъ человѣкомъ дѣла и практической смекалки, то его братъ былъ человѣкъ словъ и фразы, а пожалуй и теоретическихъ обобщеній. Учился онъ сначала въ какомъ-то нѣжинскомъ пансіонѣ, гдѣ учились дѣти мѣстныхъ дворянъ, какъ, напримѣръ, Катериничъ. Здѣсь онъ выучился говорить изрядно по-нѣмецки, затѣмъ былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ прошелъ суровую школу дворянскаго полка. Много разсказовъ слышалъ я потомъ отъ него о режимѣ этой военной школы: о засѣканіяхъ до смерти, о крысахъ, попадавшихся въ гречневой кашѣ, которою кормили кадетъ, о томъ, какъ однажды экономъ корпуса, раскланиваясь съ начальствомъ, попалъ въ котелъ, въ которомъ варились кадетскія щи... Много слышалъ я разсказовъ отъ отца, да всего не припомню. Разсказывалъ онъ мастерски. Онъ былъ, вообще, человѣкъ даровитый и отмѣннаго дара слова. Либералъ и романтикъ, вольтерьянецъ до атеизма, поклонникъ декабристовъ и немножко сепаратистъ-украинофилъ, онъ былъ истинное дитя своего вѣка—сентиментально-романтическаго въ теоріи и на словахъ,—грубаго и крѣпостническаго на дѣлѣ и въ практикѣ. По истинѣ это былъ Sturm-und-Drangperiode въ эволюціи русскаго общества, наложившій характерную печать на всю эпоху Александра I, съумѣвшаго сочетать Сперанскаго съ Аракчеевымъ, основаніе русскихъ университетовъ—съ образованіемъ военныхъ поселеній. Такъ и отецъ мой умѣлъ сочетать либерализмъ декабристовъ съ безжалостными истязаніями крѣпостныхъ. На его нравственной физіономіи, какъ въ зеркалѣ, отразилась Александровская эпоха. Не даромъ онъ такъ чтилъ память Благословеннаго императора и такъ не уважалъ его преемника, болѣе прямого и послѣдовательнаго. Къ памяти декабристовъ онъ относился съ піэтетомъ, и въ его секретномъ бюро бережно хранились ихъ реликвіи—„Войнаровскій", Рылѣева, и послѣдняя книжка „Полярной Звѣзды". Мудрѣйшимъ изъ смертныхъ онъ считалъ бориспольскаго помѣщика Василія Лукича Лукашевича, прогулявшагося въ Петербургъ, чтобы погостить въ казематѣ Петропавловской крѣпости, по подозрѣнію въ сепара-

тизмѣ. Вообще, о декабристахъ и 14-мъ декабря, о всѣхъ герояхъ этой драмы, мнѣ въ дѣтствѣ приходилось слушать нерѣдко. Въ нашей небольшой библіотекѣ, отъ которой мнѣ достались только разрозненные томы Карамзина на ряду съ „Иванами Выжигиными“, „Панами Подстоличами“, „Черными женщинами“ Греча и „Амалатъ-Беками“ Марлинскаго и др. подобнаго рода книгами, хранился докладъ Блудова, который я съ жадностью прочитывалъ еще гимназистомъ. Я живо помню, какъ перепугалъ насъ однажды пріѣздъ голубого мундира изъ арміи Бенкендорфа, чины которой рыскали тогда по городамъ и весямъ, прислушиваясь и присматриваясь. Не знаю, почему онъ заѣхалъ въ наше Войтово, но помню, что онъ у насъ обѣдалъ. Остановлюсь еще на нравственной физіономіи моего отца: она очень сложна и разнообразна. При томъ онъ имѣлъ огромное вліяніе на мое умственное развитіе. Отъ этого вліянія я сталъ освобождаться только къ концу своего университетскаго курса, когда я позволилъ себѣ и къ его личности отнестись критически. А до того времени я подражалъ ему во всемъ: и его вольтерьянскому атеизму, и его декабристскому либерализму, и его романтизму à la Марлинскій. Поддавшись его діалектикѣ и остроумію, я повторялъ себѣ не только его мысли, но даже изреченія. А между тѣмъ примѣръ едва ли стоилъ подражанія: такъ мало было въ его міровоззрѣніи цѣлостнаго и послѣдовательнаго, такъ много эклектическаго и сброднаго. Но закравшееся въ молодую душу вліяніе не могло не оставить въ ней слѣда на всю жизнь. Это обнаруживалось особенно относительно житейскаго режима и аккуратности въ работѣ: режимъ этотъ былъ своеволенъ и распущенъ; готовность къ работѣ—неровная и лѣнивая.

Женившись еще въ молодые годы на женщинѣ съ достаткомъ, отецъ тотчасъ же надѣлъ халатъ, закурилъ трубку своего Жукова, набитую крѣпостнымъ Ефимомъ, и этого параднаго костюма онъ не оставлялъ въ теченіе всей своей жизни. Въ веденіи своего хозяйства онъ былъ фантазеръ и небреженъ. Хозяйничанью онъ предпочиталъ чтеніе романовъ. Гоголя онъ не признавалъ и, конечно, считалъ его ниже Марлинскаго; критику Булгарина и барона Брамбеуса онъ считалъ выше критики Бѣлинскаго. Любя очень чтеніе, онъ почти никогда не выписывалъ ни газетъ, ни журналовъ, а популярною тогда „Библіотекою для чтенія“ бо̀льшею частью снабжалъ его просвѣщенный сосѣдъ, Захарій Алексѣевичъ Бутовичъ,—одинъ изъ немногихъ помѣщиковъ, регулярно выписывавшій періодическія изданія. Книги брались на прокатъ у Мусатова, развозившаго литературу вмѣстѣ съ балыкомъ и

конфектами по помѣщичьимъ захолустьямъ. Пріѣздъ этого Мусатова былъ нашимъ праздникомъ. Въѣзжало во дворъ нѣсколько русскихъ кибитокъ, биткомъ набитыхъ разнымъ товаромъ. Подавался ихъ реестръ, въ которомъ значилось: икра астраханская, халва греческая, пастила коломенская, сельди копченыя, книги московскія. Вносились лубочные ящики этихъ московскихъ книгъ, изъ которыхъ выбирались для чтенія тетушкой Варварой Александровной, какъ болѣе понимающей литературу. Такъ, я помню, однажды былъ выбранъ „Вѣчный Жидъ“, авторъ котораго, „Эженъ Сю, въ полтавской губерніи имѣлъ, конечно, бо́льшую славу, чѣмъ на своей родинѣ. Книги покупались очень рѣдко, и маленькая разнокалиберная библіотека почти не пополнялась. Помню, что однажды были привезены изъ Кіева стихотворенія Подолинскаго; помню, какъ были пріобрѣтены изданные Смирдинымъ альманахи „Новоселье“, въ которомъ была помѣщена повѣсть Гоголя „Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“, и „Сто русскихъ литераторовъ“, портретами которыхъ мы любовались, споря, кто изъ нихъ будетъ покрасивѣе: сестрѣ Сашенькѣ нравился Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, закутанный въ свой романтическій испанскій плащъ, а я отдавалъ предпочтеніе Николаю Алексѣевичу Полевому, и тѣмъ болѣе, что его очень уважалъ мой отецъ, всегда утверждавшій, что „Московскій Телеграфъ“—лучшій изъ русскихъ журналовъ. А что̀ любилъ отецъ, то любилъ я. Его герои были моими героями: я чтилъ Александра I и не любилъ императора Николая; я не могъ простить Паскевичу-Эриванскому, что онъ обошелъ Ермолова; я чтилъ князя Николая Григорьевича Репнина и Граббе, а современные министры и generalъ-губернаторы казались мнѣ мелкотой; фигуры Рылѣева и Пестеля, несмотря на то, что послѣдній по-аракчеевски обращался со своими солдатами вятскаго пѣхотнаго полка, казались мнѣ недосягаемо высоки. Отецъ такъ умѣлъ вышутить и осмѣять, что не поздоровилось бы сановникамъ, которые не соотвѣтствовали ни его политической программѣ, ни элементамъ, входившимъ въ сложный умственный составъ моего отца; можно еще прибавить, что онъ былъ склоненъ къ масонству и мистицизму, и въ его библіотекѣ почетное мѣсто занимали Юнгъ, Эккартсгаузенъ и Штиллингъ, съ которыми и я познакомился въ дѣтствѣ. Въ этой наклонности къ мистицизму отецъ мой, можетъ быть, хотѣлъ слѣдовать примѣру Наполеона I, наилюбимѣйшаго имъ героя, который вѣрилъ также въ гадальщицъ и амулеты. Еще одно слово: насколько отецъ мой былъ неровенъ въ работѣ, можетъ быть усмотрѣно изъ того,

что онъ имѣлъ терпѣніе своимъ чуднымъ почеркомъ переписать всю „Исторію руссовъ“ Конисскаго, но лѣнился, когда дѣло касалось хозяйства. Таковъ былъ оригинальный и сложный типъ моего покойнаго отца, котораго я чтилъ въ молодые годы, но который не выдержалъ критики въ мои годы, болѣе зрѣлые. Это былъ человѣкъ несомнѣнно даровитый, умный, необычайно краснорѣчивый и довольно образованный, но, дитя своего вѣка, онъ захирѣлъ въ своемъ халатѣ, въ своемъ деревенскомъ захолустьѣ, оставилъ массу долговъ, два разоренныхъ хорошихъ имѣнія и большую семью, почти не получившую никакого образованія. Умеръ онъ въ годъ смерти моей первой жены, въ 1864 году, и похороненъ на общемъ войтовскомъ кладбищѣ, въ крѣпкомъ дубовомъ гробу, заблаговременно приготовленномъ. Миръ праху твоему, и хорошій, и странный человѣкъ!

Въ моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ отчетливо обрисовываются фигуры ближайшихъ друзей нашей семьи, Судовщиковыхъ и Танскихъ. Судовщиковы считались въ дальнемъ родствѣ съ Безбородками: имѣнія ихъ были какъ бы частями Безбородкинскихъ, какъ, напримѣръ, въ Войтовѣ и Оржицкомъ хуторѣ, пирятинскаго уѣзда. Ихъ было нѣсколько братьевъ и двѣ сестры: Татьяна Васильевна Приходько—забавная и суетливая женщина, надъ которой позволяли себѣ потѣшаться ея племянники, и Любовь Васильевна Кобылякская, многочисленные сыновья которой были близкими друзьями нашей семьи. Особенно памятенъ мнѣ Степанъ Николаевичъ, вѣчно гостившій у насъ, и котораго мы, дѣти, очень любили. Мнѣ также памятны двѣ его сестры, Варвара и Марья Николаевны, изъ которыхъ первая воспитывалась въ домѣ какой-то графини Толстой, гдѣ она получила отмѣнное образованіе. Это была женщина умная и дѣловитая, державшая въ рукахъ своего лѣниваго мужа, Илью Ивановича Маркевича, заправлявшая всѣми хозяйственными дѣлами и много заботившаяся о томъ, чтобы дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ. Она очень любила мою мать и ѣзжала нерѣдко къ намъ въ Войтово. Я живо помню ея старомодную зеленую карету и маленькаго форейтора; живо помню, какъ ея сынъ Николай, о воспитаніи котораго такъ много радѣла мать, еще будучи ученикомъ 1-й кіевской гимназіи, пугалъ насъ ружьемъ, гоняясь за нами по нашему войтовскому саду. Отъ природы онъ надѣленъ былъ талантами, успѣшно окончилъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ, но изъ него вышелъ эксцентричный неудачникъ. Мать моя также очень уважала Варвару Николаевну и ѣзжала къ ней на балы въ село Туровку, прилуцкаго уѣзда. Съ Судовщиковыми и Кобылякскими насъ пород-

нилъ Александръ Васильевичъ, первый мужъ моей бабки Анны Григорьевны и отецъ Варвары Александровны, единоутробной сестры моей матери. Изъ этихъ Судовщиковыхъ я помню только Василья Васильевича и его чудную семью, но помню хорошо: это одно изъ дорогихъ моихъ воспоминаній. Василій Васильевичъ Судовщиковъ былъ человѣкъ довольно образованный: онъ служилъ въ артиллеріи и порядочно владѣлъ французскимъ языкомъ. Участвуя въ какой-то войнѣ, онъ былъ контуженъ въ голову. Это, можетъ быть, послужило причиной его душевной болѣзни, которая сначала носила буйный характеръ. Разсказывали, что когда приносили вѣрноподданническую присягу императору Николаю I-му въ сельскихъ церквахъ, больной, выдавая себя за фельдъегеря изъ Петербурга, останавливалъ присягавшихъ словами: „Остановитесь, клятвопреступники! Вы присягаете незаконному императору“! Много повозилась молодая жена со своимъ буйно-помѣшаннымъ мужемъ. Не помогали никакія врачеванія, но мало-по-малу буйное помѣшательство улеглось, и Василій Васильевичъ сдѣлался тихимъ и спокойнымъ, въ родѣ тѣхъ симпатичныхъ душевно-больныхъ, которыхъ мы встрѣчаемъ въ романахъ Диккенса. И замѣчательно: моральное вліяніе на него его умной супруги было такъ велико, что въ обществѣ, среди людей, онъ казался совсѣмъ нормальнымъ человѣкомъ. И только тогда, когда оставался наединѣ или съ нами, дѣтьми, онъ давалъ волю своей больной душѣ, то хохоча, то разговаривая самъ съ собою, то командуя деревьями въ саду, то разсказывая намъ, дѣтямъ, что онъ не поручикъ артиллеріи, а архіерей, и на свѣтлый праздникъ мы увидимъ его въ митрѣ. Живо припоминаю я глубоко симпатичную, высокую и тучную фигуру Василія Васильевича, въ застегнутомъ до верху сюртукѣ, обсыпанномъ душистымъ нюхательнымъ табакомъ, бренчащимъ на своей гитарѣ. Онъ страстно любилъ дѣтей и по цѣлымъ днямъ готовъ былъ играть съ нами. Мы сами очень его любили, тѣмъ болѣе, что онъ былъ большой забавникъ: онъ обладалъ необыкновеннымъ мастерствомъ копировать всѣхъ, воспроизводя физіономію, ужимку и рѣчь оригинала.

Вспоминается мнѣ, какъ онъ однажды, проживая у насъ въ Гольцахъ, осмѣивалъ нашего репетитора, Александра Осиповича Мачтета, отца недавно умершаго литератора. Но одно слово и даже взглядъ супруги—и Василій Васильевичъ преображался, перемѣняя разговоръ и придавая другое выраженіе своему лицу. Эта супруга—Александра Григорьевна, урожденная Волховская, моя крестная мать. Это была женщина недюжинная по своему

уму, граціи и такту. Помѣщица средней руки, дочь незнатныхъ дворянъ нѣжинскаго уѣзда, она смотрѣла истинной, прирожденной аристократкой. Ея небогатый домъ въ Оржицкомъ хуторѣ и вся его обстановка съ неизмѣннымъ этикетомъ были поставлены вполнѣ на барскую ногу. Для насъ, вольныхъ дѣтей вольнаго Войтова, бывать въ этомъ строго этикетномъ домѣ было сущимъ наказаніемъ, а бывать въ немъ приходилось очень часто: между моими родителями и Александрой Григорьевной была тѣсная дружба. Александра Григорьевна очень любила мою мать, обращаясь съ нею нерѣдко какъ съ ребенкомъ: ея ласковыя слова: „ахъ, Клеопатра!"—и теперь раздаются въ ушахъ моихъ. Мать моя, выросшая безъ призора, среди крѣпостныхъ сверстницъ и подругъ, не могла не уважать такую представительницу вкуса, приличій и comme il faut. Но для насъ, дѣтей, ея пріѣзды не могли быть пріятны: она насъ муштровала, дисциплинировала, всегда находя, что у насъ дѣтское дѣло ведется не такъ, какъ бы слѣдовало. Меня, своего крестника, она особенно любила. Вспоминаю, что первая монета, которую я имѣлъ въ рукахъ, серебряный рубль—былъ подаренъ мнѣ ею. Меня озадачило такое богатство, и я ломалъ свою дѣтскую голову, что̀ бы пріобрѣсть за него, и рѣшилъ купить себѣ новые панталоны.

У Александры Григорьевны было нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ оставались только двое: сынъ Евгеній да дочь Софья. Евгеній былъ человѣкъ блестящихъ способностей, замѣчательнаго литературнаго таланта, рѣдкой діалектики, и онъ нѣсколько приближался къ типу Рудина. Онъ былъ значительно старше меня, но былъ мнѣ очень близокъ и имѣлъ на мое умственное развитіе рѣшительное вліяніе: онъ вывелъ меня изъ міра „Амалатъ-Бековъ" и „Черныхъ женщинъ" и ввелъ въ свѣтлую сферу Гоголя и Бѣлинскаго. Подъ ударами его сарказмовъ палъ мой сентиментальный романтизмъ, замѣнившійся скептическимъ реализмомъ. Онъ, конечно, былъ человѣкомъ недюжинныхъ талантовъ. Съ нимъ мы встрѣтимся еще ниже, съ бо̀льшими подробностями. Съ его сестрой Софьей Васильевной я сблизился уже впослѣдствіи, когда она вышла замужъ за моего брата Владиміра, который такъ безжалостно и такъ безтолково разбилъ ея жизнь. Я увидѣлъ въ ней гордую и благородную женщину, мужественно переносившую несчастія, и не могъ не проникнуться къ ней уваженіемъ и симпатіей. Я радуюсь, что она здравствуетъ и теперь и, избалованная достаткомъ въ прежнее время, весело примиряется со скромной долей кастелянши кіевскаго института

благородныхъ дѣвицъ. Встрѣчи съ ней мнѣ всегда напоминаютъ лучшія времена милаго прошлаго.

Близко къ нашей семьѣ стояли также Танскіе: Николай Ивановичъ и его кузина Анна Васильевна. Во времена моего дѣтства они жили въ селѣ Пилипчичахъ, въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Войтова, что мы ходили туда пѣшкомъ, а оттуда къ намъ, въ цилиндрѣ и испанскомъ плащѣ, приходилъ Николай Ивановичъ. Онъ очень любилъ нашу семью и особенно чтилъ отца за его умъ и эрудицію. Какъ будто вчера я его видѣлъ, когда въ страшный для нашей семьи моментъ смертельной болѣзни матери, послѣ родовъ сына Ипполита, онъ составлялъ ея духовное завѣщаніе, которое въ присутствіи всей семьи она подписывала дрожащей рукою. На этотъ разъ Господь Богъ спасъ ее, но она не выдержала послѣднихъ родовъ сына Платона и пала жертвой многоплодія и ранняго выхода замужъ. Николай Ивановичъ Танскій былъ оригинальный типъ, достойный кисти Диккенса: по истинѣ это былъ малороссійскій Самуилъ Пикквикъ, со всѣми его комичными и симпатичными чертами. Наивный и легковѣрный, ребенокъ на практикѣ и энтузіастъ возвышенныхъ идей, онъ страстно любилъ старину и въ особенности ту, которая касалась его знаменитаго рода Танскихъ. Я рѣдко встрѣчалъ человѣка, способнаго къ такимъ генеалогическимъ увлеченіямъ. По матери онъ считалъ себя въ родствѣ съ Паліемъ, а по отцу онъ велъ свой родъ отъ графа Танскаго. Доказать право своей фамиліи на этотъ титулъ было его завѣтной мечтой, для осуществленія которой онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни хлопотъ. Генеалогія его, богатаго помѣщика, въ конецъ разорила. Въ молодые годы, по окончаніи, помнится мнѣ, педагогическаго института, Николай Ивановичъ предпринялъ путешествіе по Галиціи и Буковинѣ, чтобы собрать возможно болѣе документовъ, касавшихся его знаменитаго рода. Изъ-за границы онъ вывезъ и странный акцентъ своей оригинальной рѣчи: его „або-то“ слышится мнѣ и теперь—такъ часто слышалъ я его въ дѣтствѣ. Фамильными документами были набиты сундуки небольшого, крытаго соломой, дома Пилипчичей, и для перевода ихъ съ латинскаго на русскій постоянно занимался студентъ кіевской духовной академіи. Домъ въ Пилипчичахъ, какъ сказалъ я, былъ небольшой и крытый соломой. Но гдѣ же родичу Палія и потомку графовъ Танскихъ удовлетворяться такимъ жильемъ? И вотъ, переяславльскій Пикквикъ затѣялъ постройку огромнаго деревяннаго дома, чуть ли не феодальнаго зáмка, въ своемъ прекрасномъ саду. Деревянный остовъ этого оригинальнаго деревян-

наго палаццо и теперь мерещится въ моей памяти; но этотъ палаццо такъ же не былъ достроенъ, какъ не было доказано право Танскихъ на графскій титулъ. А между прочимъ высокоблагородный человѣкъ, кроткій настолько, что боялся оскорбить грубымъ словомъ своего крѣпостного, въ это время огульнаго сѣченія, онъ разорился въ конецъ. Ничего не вѣдая въ хозяйствѣ и довѣряясь совѣтникамъ и дальнимъ родственникамъ, постоянно вертѣвшимся около него, Николай Ивановичъ потерялъ все свое состояніе, и оба его имѣнія, Пилипчичи и Мокіевка, нѣжинскаго уѣзда, были проданы чуть ли не съ молотка. А куда дѣвались тѣ документы и другіе остатки старины, которые онъ такъ бережно собиралъ? Картину, изображающую молящуюся семью Палія, и на которую я глядѣлъ въ дѣтствѣ въ Пилипчичахъ, я потомъ видѣлъ въ коллекціи памятниковъ малороссійской старины В. В. Тарновскаго. Потерявши состояніе, Николай Ивановичъ пріютился въ маленькомъ хуторкѣ Анновкѣ, принадлежавшемъ его кузинѣ. Здѣсь я видѣлъ его послѣдній разъ, когда, въ іюлѣ 1850 года, ѣхалъ поступать въ студенты университета св. Владиміра. Онъ благословилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ тогдашнему декану юридическаго факультета Иванишеву, котораго по наивности своей считалъ своимъ другомъ, а тотъ, вѣроятно, осыпалъ сарказмами простодушнаго и легковѣрнаго малороссійскаго Пикквика. Мнѣ очень дорога память этого рѣдкаго и превосходнаго человѣка, который всегда съ особеннымъ расположеніемъ относился ко мнѣ, провидя въ моихъ дѣтскихъ наклонностяхъ будущаго ученаго и профессора—званіе, которое онъ считалъ превыше всѣхъ другихъ. Душа освѣжается, когда припоминаешь, что на Руси, на берегахъ Нѣдры и Супоя, гдѣ кишмя-кишѣла ругань, сплетня и интрига, водились такія свѣтлыя, кристальныя души.

Полновѣсная кузина Николая Ивановича, Анна Васильевна, не представляла своей особой ничего замѣчательнаго. Малообразованная, она чтила высшій тонъ и высшее образованіе нашей семьи. Она была присяжной кумой моей матери, разноцвѣтный шолковый гардеробъ которой составлялся изъ цѣлаго ряда ризокъ, преподнесенныхъ на крестинахъ Анной Васильевной. Въ картинахъ дѣтства, рисующихся въ моихъ воспоминаніяхъ, должна была занять мѣсто и фигура Анны Васильевны, медоваго варенья которой я не могу забыть и теперь. Мѣсто въ этихъ картинахъ должны занять также нашъ домашній врачъ, Гавріилъ Ивановичъ Баталинъ, служившій въ жандармскомъ дивизіонѣ въ Бориспол ѣ. Онъ перелечилъ насъ всѣхъ: отца, мать и

дѣтей. Мы его ужасно любили и всегда радовались его пріѣзду въ Войтово. Живо припоминаю его добрую трехгубую физіономію, когда онъ въ ступкѣ растиралъ порошокъ и развѣшивалъ его дозы. Аптека была такъ далеко, что врачъ, пріѣзжавшій въ деревню, всегда долженъ былъ захватывать съ собой запасы лекарствъ. Сынъ его, Анатолій Гавриловичъ, служившій при градоначальникѣ Треповѣ, сдѣлалъ въ Петербургѣ блестящую врачебную карьеру. Вспоминаю также и другого врача, Шульца, который былъ моимъ крестнымъ отцомъ; онъ служилъ домашнимъ врачомъ у какого-то сосѣдняго магната. Красный какъ ракъ и сѣдой какъ лунь, онъ женился на нашей первой гувернанткѣ, Юстинѣ Готфридовнѣ Герисвальдъ, которую мы очень любили, и поэтому не могли простить старику Шульцу, что онъ лишилъ насъ ея. Весь этотъ рядъ фигуръ, связанныхъ съ воспоминаніями о моемъ дѣтствѣ, завершу фигурой акушерки Антонины Карловны, привозимой изъ Переяславля. Пока мы жили въ Войтовѣ, она принимала почти всѣхъ насъ. Какъ живая стоитъ она предъ моими глазами, съ длиннымъ дымящимся чубукомъ въ зубахъ. Въ ея сундучкѣ, обыкновенно, какъ говорила она, скрывается нашъ будущій братъ или сестра, и мы ужасно хотѣли заглянуть въ этотъ сундучокъ, чтобы узнать этотъ секретъ... Среди такой природы и такихъ людей проходило мое дѣтство. Впечатлительный и воспріимчивый, съ пламеннымъ воображеніемъ и горячимъ сердцемъ, подчасъ преобладавшимъ надъ холоднымъ разсудкомъ, я развивался подъ прямыми и косвенными вліяніями изображенной мною среды: систематическаго и дисциплинированнаго воспитанія у насъ не водилось.

II.

Наше семейство.—Сестра Сашенька и дружба съ нею.—Привольное и безграмотное дѣтство.—Первыя дѣтскія воспоминанія: землетрясеніе, пожаръ, первая смерть, голодъ, убійство фаворитки, первая заутреня.—Раздѣлъ наслѣдства.—Начало ученія.—Гувернантки.—Учителя.—Приготовленіе въ гимназію въ Кіевѣ.

Наша семья постепенно разросталась, и въ годъ смерти матери, въ 1844 году, состояла изъ четырехъ сестеръ и семи братьевъ. Все это были дѣти разнаго возраста, разныхъ типовъ и характеровъ; старшія выдѣлялись въ отдѣльную группу, которая состояла изъ двухъ сестеръ и меня. Мы учились вмѣстѣ, между нами была общая связь. Въ эту группу входила и Сашенька, дочь Варвары Александровны, свыкшаяся съ нашей семьей.

Это было милое и свѣтлое созданіе: рѣзвая и хорошенькая, она пѣла какъ пѣвчая птичка, надѣлена была музыкальнымъ талантомъ; всѣ ее любили и всѣхъ любила она. Въ дѣтствѣ она была истиннымъ моимъ другомъ: всегда мы играли вмѣстѣ; вмѣстѣ мы сооружали винокурни, строили домики, разводили сады и цвѣтники. Чудесное время! Завѣтное воспоминаніе! Подруга моего дѣтства, Сашенька была моимъ истиннымъ другомъ и утѣшеніемъ всей моей жизни: къ ея любви и поддержкѣ я обращался въ мои трудныя минуты, и всегда встрѣчалъ въ ней любовь и участіе. Я и теперь проникнутъ къ ней искренней братской любовью, и радостна была бы для меня встрѣча съ нею. Съ другой ея сестрой, Варенькой, которая была самой старшей въ семьѣ, я сошелся уже впослѣдствіи, въ студенческіе годы, но эта связь была иного рода—разсудочная, книжная. Изъ братьевъ я болѣе другихъ любилъ Евгенія—даровитаго и болѣе образованнаго, но жизнь не удалась ему. Ближе всѣхъ лѣтами подходилъ ко мнѣ Владиміръ, съ которымъ мы шли параллельно. Вмѣстѣ мы готовились въ гимназію, вмѣстѣ поступили въ нее, но ни дружбы, ни согласія между нами быть не могло. Красавецъ и любимецъ матери, Владиміръ былъ человѣкомъ дикаго, буйнаго нрава; онъ не могъ справиться со своими страстями, которыя управляли имъ. При нашей совмѣстной жизни онъ не давалъ мнѣ покоя: я учился и размышлялъ; онъ игралъ въ карты и всячески промышлялъ, чтобы добыть деньгу. Черкесская папаха и борьба съ горцами какъ разъ были по немъ. Такъ онъ и сдѣлалъ, отправившись служить на Кавказъ.

Привольно было наше дѣтское житье-бытье: играмъ и пѣснямъ съ крѣпостными дѣвками не было и конца. Этихъ дѣвокъ полонъ былъ домъ. Дѣла никакого онѣ не дѣлали; у насъ не было того, что водилось въ другихъ помѣщичьихъ мэнажахъ: вязанья чулокъ и кружевъ, вышиванья въ пяльцахъ и т. п. Праздныя тунеядки, онѣ отдавались играмъ и развлеченьямъ съ панычами и барышнями, пѣли намъ пѣсни, разсказывали сказки и сельскія сплетни. На барскихъ хлѣбахъ откормленныя и красивыя, онѣ постоянно состояли въ амурахъ. Какое событіе я помню прежде всѣхъ изъ моего отдаленнаго дѣтства? Прежде всего припоминается мнѣ, какъ мы, дѣти и горничныя, сидя на полу вокругъ ночника, вдругъ почувствовали колебаніе почвы. Полусонный, я жмусь къ обожаемой нянѣ; но вотъ почва заколебалась, и я живо помню, какъ нашъ войтовскій домъ зашатался, и полъ, на которомъ мы сидѣли, то подымался, то понижался. Поздно, пора въ дѣтскую постель, но любопыт-

ство: „что̀ это такое?“—превозмогаетъ. „Это китъ,—объясняютъ мнѣ,—повернулся, и покачнулась земля“. А вотъ и другое воспоминаніе. Въ гостиной, передъ сальной свѣчой, съ ея неизмѣннымъ спутникомъ, щипцами на лоткѣ, сидятъ родители, то бесѣдуя, то читая. Мать благословила уже всѣхъ дѣтей, что̀ дѣлала она постоянно, и дѣти улеглись въ постельки. Лакей Ефимъ, встревоженный, вбѣгаетъ съ крикомъ: „пожаръ“! Общая суета и паника. Дѣло, помнится, было поздней осенью или зимой. Насъ, дѣтей, наскоро повытаскивали изъ постелей, позакутывали и перенесли на кухню. Тамъ мы и ночь провели, и ночь превеселую. Утромъ разглядѣли, что тревога была преувеличена, и насъ перенесли домой.

Глубоко врѣзалось въ моей памяти впечатлѣніе первой смерти. Это впечатлѣніе было такъ глубоко и интенсивно, что я какъ будто чувствую его и теперь. Была страшно снѣжная зима. Дворъ былъ заваленъ высокими сугробами снѣга, въ которыхъ между кухней и домомъ былъ прорытъ узкій корридоръ. На кухнѣ мучится въ горячкѣ любимый нами парень Иванъ, братъ тетушкиной Алёнки, нашей любимой горничной. Ежедневно мы справляемся о ходѣ его болѣзни, молясь Богу о его выздоровленіи. Но, вотъ, во дворъ въѣзжаютъ сани съ какимъ-то деревяннымъ ящикомъ. Сани подъѣзжаютъ къ кухнѣ, и оттуда выносятъ и кладутъ въ этотъ ящикъ нашего милаго Ивана, чтобы отвезти его на кладбище, гдѣ уже приготовлена для него могила. Какая-то странная смѣсь горя, тоски и укора наполняетъ дѣтскую душу, а тѣло дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ. Вторую смерть мнѣ довелось видѣть ближе. Это была смерть нашей гувернантки Марьи Петровны. Я въ щелочку двери наблюдалъ надъ ея фигурой, и мнѣ казалось, что она мало-по-малу претворяется въ землю... Помню ея похороны и ужасъ этой сцены, объявшій дѣтскую душу. Смерть производитъ болѣзненныя и тяжкія впечатлѣнія на дѣтей. Жизнь молодой душѣ представляется безконечною, и она не можетъ примириться съ ея исчезновеніемъ. Всѣми своими силами молодая душа протестуетъ противъ того, съ чѣмъ миритъ насъ возрастъ, и чего мы даже желаемъ въ старости. А вотъ еще воспоминаніе изъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ. Неурожай, а за нимъ голодъ; хлѣба у крестьянъ совсѣмъ нѣтъ. Ѣдятъ съ лебедой, ѣдятъ съ жолудями. Отъ такой пищи пухнутъ и умираютъ. Но хлѣба нѣтъ и по сосѣдству. У одной Минички въ Круповѣ непочатый уголъ, но она продаетъ слишкомъ дорого: четыре рубля ассигнаціями пудъ. Покупаютъ, кто можетъ; и въ закрома Минички вмѣсто продан-

наго хлѣба сыпались мѣдяки, которымъ счета не было. Но кто можетъ платить такія деньги? Отецъ открылъ амбары для своихъ крестьянъ, позволивъ имъ выбрать весь запасъ зерна и муки. Но его семья осталась сама безъ хлѣба, и мы, воспитанные на булкахъ и папошникахъ, давились почти такимъ хлѣбомъ, какимъ питались парижане во время нѣмецкой осады и образцы котораго я видѣлъ въ Musée Cluny. Прибавлю еще одно кровавое воспоминаніе. У сосѣдняго помѣщика, Ѳ. П., была фаворитка-ключница, игравшая роль Аракчеевской Настасьи Минькиной. Ее постигла судьба этой фаворитки всесильнаго временщика. Она грубо обращалась съ крестьянами, у которыхъ накопилась злоба противъ нея. Однажды, во время молотьбы хлѣба, она вошла въ клуню и, приставая къ работникамъ, стала имъ выговаривать, что они-де работаютъ лѣниво, что ихъ-де нужно наказать. Тогда ее повалили на полъ и цѣпами размолотили, будто снопъ хлѣба. Въ это время наказаніе обыкновенно совершалось на мѣстѣ преступленія. Я гулялъ съ отцомъ по двору. Мимо проѣзжалъ исправникъ, сопутствовавшій палачу. Отецъ подошелъ къ нему, вступилъ въ разговоръ и попросилъ его показать орудіе наказанія, знаменитый кнутъ, отмѣненный „Уложеніемъ о наказаніяхъ“. Мнѣ и теперь видится этотъ кнутъ, котораго я долго не могъ забыть. Такъ ужасно было впечатлѣніе, имъ произведенное. Помню, что у покойнаго профессора Кистяковскаго, собиравшаго криминальный музей, я увидѣлъ тотъ же кнутъ, напоминавшій мнѣ страшное впечатлѣніе дѣтства. Печальны мои первыя воспоминанія: землетрясеніе, пожаръ, смерть, голодъ, убійство фаворитки. Но на томъ вся жизнь наша стоитъ, что горькое перевѣшиваетъ сладкое.

Вотъ, впрочемъ, и свѣтлое воспоминаніе: первая заутреня, видѣть которую мы съ Сашенькой давно мечтали. Заутреню будетъ служить нашъ любимецъ отецъ Иванъ, а не отецъ Василій, котораго мы почему-то не любили. Можетъ быть, потому, что въ его приходѣ были Подгаецкіе, которыхъ мы, не знаю почему, не жаловали. Въ столовой пахнетъ пасхальнымъ столомъ, заставленнымъ тюлевыми и сливочными бабами, печь которыя мать была большая мастерица; возлѣ нихъ—поросенокъ съ хрѣномъ въ зубахъ; ягненокъ колючкомъ, украшенный барвинкомъ; сало, толщиной котораго гордилась мать; крашенки и писанки. Ухъ, какъ это вкусно! А мы, вѣдь, почти весь постъ постились. Ахъ! какъ бы поскорѣе разговляться! Но пора къ заутренѣ. Раннее и свѣжее весеннее утро, пріятный холодъ пронимаетъ молодое дѣтское тѣло. Но вотъ мы въ церкви. Сквозь стекло купола я вижу го-

лубое безоблачное небо; слышится утренній крикъ пѣтуха. Маленькій и миленькій отецъ Иванъ служитъ, возглашая: „Христосъ воскресе!“—„Воистину воскресе!“—вторимъ мы ему, и дѣтскую душу наполняетъ какая-то радость, счастье, блаженство. Такъ въ нашей жизни свѣтлое переплетается съ темнымъ, воспоминаніе о голодѣ—съ воспоминаніями первой заутрени, которую я до гробовой доски не забуду.

Еще эпизодъ изъ блаженнаго безграмотнаго дѣтства: раздѣлъ наслѣдства послѣ смерти юноши Шостака. Какъ живо я помню его желтое, какъ воскъ, лицо съ горячечными, черными глазами, когда онъ угасалъ отъ костоѣды въ Кіевѣ, гдѣ часто навѣщали его мои родители, которыхъ онъ любилъ болѣе другихъ родныхъ. Юный, онъ угасъ, оставивъ дальнимъ роднымъ нѣсколько имѣній въ полтавской губерніи. Съѣхались для раздѣла кузены моей матери: Милорадовичи, изъ которыхъ я лучше запомнилъ Николая Ивановича, Корсунъ Яковъ Николаевичъ, панфиловскій Ильяшенко, Булюбашъ. Дѣлить нужно было крестьянъ пятьсотъ. Сколько споровъ и разногласій запечатлѣла моя дѣтская память! Какой сюжетъ для комедіи Гоголя! Мой отецъ, какъ человѣкъ болѣе развитой и образованный, взялъ перевѣсъ надъ сонаслѣдниками, подчинившимися его рѣшенію раздѣлиться по жребію. Кинули жребій: дрожащими руками вынимались бюллетени съ надписями имѣній. Мать вынула село Гольцы, къ которымъ отецъ прикупилъ въ мѣстечкѣ Чернухахъ винокуренный заводъ, сдѣлавшійся главнымъ источникомъ дохода и побудившій переселиться изъ чудеснаго Войтова въ неприглядные Гольцы, скоро сдѣлавшіеся второй нашей резиденціей. Раздѣлъ окончили распредѣленіемъ движимости: запасовъ меда, вина, построекъ. Два амбара съ оригинальной земляной кровлей, поросшей травой, перевезены были Корсуномъ изъ Голецъ въ доставшійся ему Старый хуторъ.

Этимъ эпизодомъ завершился періодъ моего безграмотнаго дѣтства, за которымъ послѣдовало ученіе и періодъ дѣтства грамотнаго. Для помѣщиковъ, живущихъ по деревенскимъ захолустьямъ, вопросъ воспитанія дѣтей былъ вопросомъ трудно разрѣшимымъ: педагоговъ тогда было мало въ городахъ, а въ деревняхъ можно было пріобрѣтать самыхъ сомнительныхъ. Родители поѣхали въ Кіевъ и привезли оттуда нашу первую гувернантку, Юстину Готфридовну Герисвальдъ, дочь фортепіаннаго мастера. Вмѣстѣ съ тѣмъ было пріобрѣтено тогдашняго фасона фортепіано, чтобы обучать старшихъ сестеръ музыкѣ. Я помню впечатлѣніе, когда раздались первые звуки этого фортепіано,

подъ искусными пальцами гувернантки. Правда, у насъ и прежде былъ флигель, принадлежавшій музыкальной теткѣ, но онъ былъ въ залогѣ у Подгаецкой, которая иногда ссужала деньги подъ залогъ болѣе или менѣе цѣнныхъ вещей. Правда, это было не по-сосѣдски, но Ольга Павловна Подгаецкая, набившая карманы культурой лука, въ денежныхъ дѣлахъ была безпощадна. Вспоминаю, кстати, ея свадебный обѣдъ, на который взяли и насъ, дѣтей. Кушанье разносилось по чинамъ и значенью гостей. Но, вотъ, слуга подалъ прежде гостю низшаго ранга, и хозяйка, выругавъ во всеуслышаніе лакея, приказала прежде подать какому-то присутствовавшему маіору. Сколько помню, m-lle Герисвальдъ выучила меня грамотѣ;—это было осенью. Я бѣгалъ по саду, какъ бы прощаясь съ своей безграмотной волюшкой. Меня зовутъ—не дозовутся: страшно не хочется садиться за азбуку. Помнится, въ это время у насъ въ домѣ присутствовалъ Николай Ивановичъ Танскій: онъ удивлялся, какъ это внукъ генерала Тиринга, съ которымъ онъ былъ въ дружбѣ, и будущій ученый профессоръ—не хочетъ учиться; но я сѣлъ за азбуку, и дѣло пошло на ладъ: я скоро сталъ читать. Писать же я учился подъ наблюденіемъ отца, замѣчательнаго каллиграфа. Чтобы не расходовать даромъ довольно цѣнной тогда писчей бумаги, приготовлялась дома какая-то прозрачная бумага, на которой писались разведеннымъ мѣломъ палки, которыя потомъ стирались, и можно было писать вновь.

Наша первая гувернантка была честная нѣмка, добросовѣстно учившая, чему могла и какъ могда. Не запомнилъ я ни ея педагогическихъ пріемовъ, ни ихъ результатовъ. Сестры начали изрядно бренчать на фортепіано, и я помню, съ какимъ удовольствіемъ я слушалъ музыку, стоя въ саду у открытаго окна. Юстину Готфридовну мы очень любили и познакомились съ ея семьей: къ намъ въ Войтово пріѣзжали ея отецъ, сестра и братъ, который насъ, дѣтей, ужасно пугалъ, внезапно вскрикивая: „я тебя съѣмъ“! И мы, вздрагивая, убѣгали отъ него, а онъ за нами гонялся. Намъ было жалко разстаться съ милой и доброй Юстиной, и мы не могли простить Шульцу, что онъ лишилъ ея насъ.

Нужна была новая гувернантка: вмѣсто прежней некрасивой, но честной нѣмки, появилась изящная и кокетливая полька—Паулина Осиповна Костецкая, бывшая прежде гувернанткой у кіевскаго богача Шіянова. Не помню, кто привезъ ее изъ Кіева, и чему и какъ она учила насъ. Помню только, что она превосходно пѣла и превосходно кокетничала. Романтикъ и поклон-

никъ прекраснаго пола, отецъ не устоялъ, а мать приревновала: отправила Костецкую—въ Кіевъ, замѣнивъ новой гувернанткой. Эта третья наша гувернантка была Марья Петровна. Высокая, пожилая и, кажется, очень кроткая; но едва только начала она ученіе, какъ слегла въ постель и умерла, оставивъ намъ въ наслѣдство свое выморочное имущество—огромный красный сундукъ, наполненный мелочами, который, какъ можно было думать, покойница очень берегла и цѣнила. Не знаю, почему появилась опять въ нашемъ домѣ Костецкая, но скоро замѣнили ее четвертой гувернанткой, Настасьей Герасимовной, если не ошибаюсь, изъ полтавскаго института. Мы вообще были склонны любить нашихъ гувернантокъ—полюбили и ее, рыжую и въ веснушкахъ. Чему она учила сестеръ, не знаю, но помню, что я главнымъ образомъ изучалъ по книгѣ Арсеньева географію Испаніи. Одинъ Богъ вѣдаетъ, почему именно Испаніи, а не другой какой страны.

Періодъ гувернантокъ кончился, и въ результатѣ было то, что я выучился читать, кое-какъ писать, да зналъ, что Испанія къ сѣверу граничитъ Пиринеями, а къ западу Португаліей. Эта обширная эрудиція стоила родителямъ большихъ хлопотъ и затратъ. Но что̀ они сами, недоучившіеся, могли больше сдѣлать при педагогической безпомощности не только деревенскаго, но и городского обитателя того времени? Къ этому времени относится смертельная болѣзнь моей матери послѣ рожденія брата Ипполита. Отъ жестокой родильной горячки ее спасло только усердіе и искусство незабвеннаго Гавріила Ивановича Баталина. Я обожалъ свою мать, хотя она любила меня меньше, чѣмъ Владиміра. Моя дѣтская душа изнывала отъ горя. Въ моей памяти неизгладимо запечатлѣлась торжественная сцена, когда мы всѣ собрались вокругъ постели умирающей, когда она подписывала дрожащей рукой духовное завѣщаніе въ пользу отца, написанное Николаемъ Ивановичемъ Танскимъ. Радость моя была безконечна, когда мать начала поправляться и, изнеможенная, исхудалая, съ бритой головой, начала оставлять свое ложе и выходить къ намъ. Какъ красива казалась она мнѣ тогда, и какъ я жадно цѣловалъ ея руки—ея славныя, хорошо знакомыя мнѣ руки, которыя столько разъ дѣлили лакомства между нами!

Опытъ гувернантокъ не удался. Начался опытъ гувернеровъ. Первымъ является баронъ Иванъ Петровичъ Дескотье́, полковникъ швейцарской службы. Не знаю, имѣлъ ли онъ право называть себя барономъ и полковникомъ, но я хорошо помню его оригинальную воинственную фигуру: лысую голову съ огромнымъ шрамомъ на лбу и неизмѣнный военный сюртукъ синяго

цвѣта съ красными лацканами. Онъ пробылъ у насъ года два и выучилъ изрядно говорить по-французски, безжалостно надѣвая марку, какъ называлъ онъ деревянную дощечку на шнуркѣ, за всякое употребленіе русскаго языка. Наше ученіе состояло главнымъ образомъ въ переводѣ Телемака и въ зубреніи французской грамматики Шапсаля. Мнѣ и теперь представляется фигура неутѣшной Калипсо, а изъ грамматики Шапсаля я и теперь могъ бы цитировать нѣкоторые вытверженные параграфы. Баронъ совершилъ съ нами одинъ переѣздъ въ Гольцы, гдѣ перезимовавъ, мы опять возвратились въ Войтово; но бѣдный баронъ очень любилъ водочку, которая разгорячала его симпатичный нравъ. Его ссоры съ дворовыми, а особенно съ лакеемъ Ефимомъ и ключницей Дунькой надоѣли родителямъ, и они замѣнили его другимъ изъ дома помѣщика Чучмарева, сослуживца моего отца по лубенскому гусарскому полку. Совершенно другого типа былъ этотъ Иванъ Васильевичъ Гросманъ. Онъ называлъ себя питомцемъ вѣнскаго университета, но скорѣе былъ бердичевскимъ евреемъ. Но прежде чѣмъ онъ появился въ нашемъ домѣ, замѣнивъ барона Дескотье, былъ у насъ недолго еще одинъ педагогъ: это былъ Познякъ—типъ, характеризующій педагогію добраго стараго помѣщичьяго времени. Случилось такъ, что когда былъ разсчитанъ Дескотье—услышавъ, можетъ быть, объ этомъ, къ намъ во дворъ появился человѣкъ, съ виду совершенный босякъ, но съ дипломомъ дерптскаго университета. Онъ предложилъ отцу занять вакансію нашего учителя. Поклонникъ дерптскаго университета, съ которымъ онъ, можетъ быть, былъ знакомъ по стихамъ Дельвига и Языкова, отецъ обрадовался такой дорогой находкѣ. Обшитый и обмытый, босякъ сѣлъ на предсѣдательское мѣсто за нашимъ учебнымъ столомъ. Но недолго просидѣлъ онъ на немъ. Величественная ключница Дунька давно къ нему присматривалась съ ироніей, особенно когда онъ, какъ будто изнѣженный и избалованный, закрывши платочкомъ голову, шествовалъ изъ своего помѣщенія въ нашу учебную комнату: страсть педагога къ алкоголю была открыта, и, пробывши у насъ безъ году недѣлю, онъ былъ разсчитанъ. Дерптскаго студента и смѣнилъ студентъ вѣнскій—Иванъ Васильевичъ Гросманъ. Это былъ маленькій, юркій человѣкъ, съумѣвшій поддѣлаться къ отцовскимъ вкусамъ. Онъ былъ поэтому въ силѣ и холѣ. Съ нимъ вмѣстѣ явился и учитель музыки для дочерей, бѣлокурый юноша Нарцисъ, служившій постоянно мишенью для насмѣшекъ отца и Гросмана. Скоро музыку сестрамъ сталъ преподавать полякъ Захаркевичъ—оригинальный амбулаторный маэстро. Онъ почти жилъ въ своей

громадной кибиткѣ, въ которой разъѣзжалъ по полтавскимъ помѣщикамъ, обучая ихъ дочерей музыкѣ. Его считали учителемъ музыки несравненнымъ и дорого платили ему за уроки. Сестрой Сашенькой онъ гордился, какъ лучшей своей ученицей. Съ переѣздомъ нашимъ въ Гольцы, онъ сталъ наѣзжать и туда, просиживая за уроками нѣсколько дней. Его смѣнилъ Мартынъ Осиповичъ Черноцкій, тоже полякъ, игравшій замѣчательно на скрипкѣ. Я помню звуки его хорошей скрипки, когда, забравшись въ обрывъ, примыкавшій къ сосѣднему лѣсу, онъ съ артистическимъ увлеченіемъ отдавался ей. Неразлучнымъ его спутникомъ былъ вышколенный имъ пѣтухъ, котораго онъ, кажется, выучилъ подпѣвать его скрипкѣ. Человѣкъ талантливый, маэстро этотъ такъ же любилъ алкоголь и такъ же скоро разстался съ нами. Гросманъ началъ свои занятія еще въ Войтовѣ, но продолжалъ ихъ и въ Гольцахъ, въ которые мы переселились, если не ошибаюсь, въ 1842 году. Намъ жалко было Войтова, гдѣ каждый кустикъ, каждое деревцо были намъ знакомы съ самаго начала нашей жизни; жалко было нашего бѣлаго, привѣтливо выглядывавшаго дома, жалко было и чудеснаго фруктоваго сада. А ужъ какъ жалко было разстаться съ нашей прекрасной церковью, въ которой мы были у первой заутрени, и съ о. Иваномъ, нашимъ любимцемъ! А ужъ о моей старушкѣ нянѣ, о нашихъ любимыхъ крестьянахъ и особенно Алексѣѣ садовникѣ—и говорить нечего. Мы обливались горькими слезами, когда въ громадную зеленую карету—издѣліе экипажныхъ мастеровъ Николая Ивановича Танскаго—посадили насъ съ матерью и беременной тогда сестрой Вѣрой. Нашъ громоздкій поѣздъ двинулся въ путь, и разстались мы съ Войтовымъ, которое теперь, въ старые годы, представляется мнѣ однимъ изъ лучшихъ пунктовъ земного шара. Въ самомъ дѣлѣ я и теперь не могу понять, что побудило отца перемѣнить мѣстопребываніе семьи, промѣнявъ родной уѣздъ и родное наше село на чужой уѣздъ и неприглядные Гольцы.

Гольцы въ самомъ дѣлѣ были непригляднѣе въ сравненіи съ нашимъ славнымъ Войтовымъ. Правда, гористый лохвицкій уѣздъ далеко живописнѣе ровнаго и степного переяславльскаго. Не даромъ первый иногда называли малороссійской Швейцаріей: лохвицкій уѣздъ могъ соперничать пейзажами съ лубенскимъ. Не забылъ я до сихъ поръ такихъ чудныхъ видовъ, какъ Чернухи, Остаповка, Бѣлоусовка и др.: горы да овраги, группы пирамидальныхъ дубовъ, изрѣдка протекающіе источники чистой воды. Много было подобныхъ пунктовъ и въ нашемъ имѣніи: ненаглядный окопъ со всѣми своими урочищами,

въ которыхъ культивировались плантаціи табака и чудесные баштаны. Но наша усадьба въ Гольцахъ не представляла ничего привлекательнаго: она лежала въ центрѣ села; какъ разъ противъ нашего дома стоялъ въ развалинахъ домъ мелкопомѣстнаго помѣщика Долинскаго, имѣніе котораго, за лютое обхожденіе его жены съ крѣпостными, давно взято было въ опеку. Страхъ пронималъ насъ, когда въ этомъ опустѣломъ домѣ намъ показывались комнаты, гдѣ истязались крѣпостныя дѣвки, которыхъ злая помѣщица ревновала къ мужу. Кругомъ былъ хорошій фруктовый садъ, плоды котораго дѣлались жертвами ловкаго ползуна, брата Мити. За этимъ садомъ—длинный, предлинный сельскій выгонъ; справа—сельское кладбище, гдѣ теперь покоится моя мать; слѣва—усадьба, другого мелкопомѣстнаго, Долинскаго, гдѣ проживала пара, напоминавшая старосвѣтскихъ помѣщиковъ Гоголя. Дальше за усадьбой—чудный березовый лѣсъ, въ которомъ мы нерѣдко устроивали пикники, а за нимъ извивается дорога въ Безсалы, куда я впослѣдствіи ѣздилъ верхомъ къ своей невѣстѣ. Старая деревянная церковь, которая потомъ была замѣнена новой, была возлѣ самаго дома, изъ котораго иногда можно было выслушать богослуженіе. Но богослуженіе совершалъ чудной отецъ Романъ, а не нашъ милый войтовскій о. Иванъ. Фруктовый садъ, примыкавшій къ усадьбѣ, былъ очень печаленъ: сорта фруктовъ самые первобытные, да и фруктовыя деревья не держались на дурной почвѣ и скоро высыхали. Не было ни куртинъ съ чудными кустарниками, ни такихъ цвѣтовъ, какъ въ Войтовѣ. Словомъ, обмѣнъ Войтова на Гольцы легъ тяжелымъ камнемъ на дѣтскую душу, которая по временамъ изнывала отъ тоски по родному селу. Начатое въ Войтовѣ ученіе Гросманъ продолжалъ и въ Гольцахъ. Педагогическій методъ не измѣнился: та же неутѣшная Калипсо, то же зубреніе грамматики Шапсаля и географіи Арсеньева. Право, не помню, учился ли я ариѳметикѣ? Единственною прибылью было, что я выучился читать по-нѣмецки и Гросманъ привезъ мнѣ въ подарокъ изъ Кіева нѣмецкую книгу. Недолго, впрочемъ, онъ продолжалъ насъ учить: онъ почему-то не поладилъ съ отцомъ и былъ разсчитанъ. Мы остались безъ учителя. Но каковы были результаты нашего ученія у четырехъ гувернантокъ и трехъ учителей? Я кое-какъ читалъ и плохо писалъ, зналъ границы Испаніи и гроты Калипсо, но болѣе не вѣдалъ ничего, даже четырехъ правилъ ариѳметики! Время шло, и мнѣ было уже одиннадцать лѣтъ. Тогда заговорило сердце моей дорогой матери, и она сдѣлала сцену отцу за то, что тотъ не радѣлъ о нашемъ воспитаніи, и что насъ пора уже отдать въ гимназію.

Въ селѣ Луговикахъ, лохвицкаго уѣзда, владѣлъ небольшимъ имѣніемъ Владиміръ Юрьевичъ Савицкій, съ которымъ отецъ завязалъ дружескія отношенія еще въ то время, когда мы жили въ Войтовѣ, и онъ по винокуреннымъ дѣламъ ѣздилъ въ село Гольцы. Отецъ воспринималъ одного изъ сыновей Савицкаго, и когда послѣдній продавалъ свое имѣніе и имущество, то купилъ у него на сломъ домъ, коляску и семью крестьянина Табачника. Я помню, какъ этотъ сломанный домъ сначала перевозили въ Войтово, а потомъ — въ Гольцы, гдѣ любимый нами Михайло плотникъ сложилъ его въ новый домъ, который такъ и остался не вполнѣ оконченнымъ, такъ какъ тому же Михайлѣ скоро пришлось сдѣлать для усопшей матери дубовый гробъ, а по смерти матери всѣ дѣла остались неоконченными. Этотъ Савицкій, продавъ свое лохвицкое имѣньице, переселился въ Кіевъ, гдѣ, по протекціи всесильнаго тогда Писарева, получилъ мѣсто помощника инспектора студентовъ. Отецъ затѣялъ отвезти меня и брата Владиміра въ Кіевъ, помѣстить насъ на квартирѣ у Савицкаго и найти студента-репетитора, который бы приготовлялъ насъ въ гимназію: меня—во второй, а брата—въ первый классъ. Задумано—сдѣлано. И вотъ, въ сентябрѣ, въ нашей новой коляскѣ, съ неизмѣннымъ кучеромъ Ѳедькой, у котораго еще долго послѣ освобожденія крестьянъ болѣла спина отъ щедрыхъ палокъ, миніатюрнымъ форейторомъ Петрушкой и камердинеромъ отца, Иваномъ Ѳедоровичемъ, умѣвшимъ сладко дремать на запяткахъ, пустились въ путь. Заѣхали къ моей крестной, въ Оржицу, гдѣ присоединился къ намъ ея сынъ, Евгеній, окончившій тогда курсъ черниговской гимназіи и колебавшійся въ выборѣ университета—съ серебряными или золотыми пуговицами—въ Харьковѣ или въ Кіевѣ.

Не забыть мнѣ до смерти то впечатлѣніе, какое на меня произвели чудные пейзажи Кіева, и особенно видъ величественнаго зданія университета св. Владиміра, когда мы стали спускаться по Университетскому спуску. Это было въ 1843 году, а университетъ былъ оконченъ въ предъидущемъ, и поэтому сіялъ своей новизной. Это было, дѣйствительно, прекрасное, грандіозное зданіе, достойное строительнаго генія императора Николая. Мы прямо подъѣхали къ университету, и насъ высадили у квартиры Савицкаго. Она помѣщалась тогда тамъ, гдѣ теперь квартира экзекутора.

Жутко показалось намъ въ этомъ казенномъ помѣщеніи, когда родители насъ оставили. Репетиторъ былъ уже припасенъ. Это былъ казеннокоштный студентъ перваго семестра

юридическаго факультета, сынъ небогатаго помѣщика въ селѣ Харьковцахъ, пирятинскаго уѣзда, Александръ Осиповичъ Мачтетъ. Дальній родственникъ нашихъ сосѣдей по Гольцамъ, онъ навѣстилъ ихъ лѣтомъ, по окончаніи курса 2-ой кіевской гимназіи, и познакомился съ моими родителями. Я помню, какъ онъ, подъѣхавъ къ крыльцу, выпрыгнулъ изъ экипажа. Очень помню его длиннополый сѣрый сюртукъ и студенческую фуражку. Помню, какъ онъ басомъ декламировалъ Кольцова: „Моя юность цвѣла подъ туманомъ густымъ,—и что ждало меня, я не видѣлъ за нимъ“—слышится мнѣ и теперь. Коренастый и сутуловатый, съ ярко-краснымъ румянцемъ на лицѣ, онъ имѣлъ чисто калмыцкій типъ. Отецъ такого развитого и талантливаго писателя, какимъ былъ его сынъ, покойный Мачтетъ, на студенческой скамьѣ мечталъ только о томъ, какъ бы сдѣлаться когда-нибудь уѣзднымъ стряпчимъ или судьей.

Въ первый разъ я разстался съ родительскимъ домомъ и своей семьей; тосковалъ я по нимъ ужасно; испытывалъ почти mal du pays. Въ Войтовѣ я захватилъ въ саду комокъ родной земли и хранилъ его, какъ завѣтную святыню. Въ Кіевѣ я часто бывалъ въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ какъ мать почти всегда брала съ собой меня и Владиміра. Гостинницъ тогда почти-что не было, а были постоялые дворы. Въ одномъ изъ нихъ, на Печерскѣ, мы всегда и останавливались. Печерскъ тогда былъ центромъ Кіева, а двѣ его улицы—Никольская и Московская—были лучшими улицами въ Кіевѣ. Здѣсь были знаменитыя кондитерскія Финке, Бекерса. Въ Никольскихъ рядахъ были самые шикарные магазины,—напримѣръ, лучшій мануфактурный магазинъ Быльцева, перешедшій потомъ на Крещатикъ, въ домъ Эйсмана. Днѣпръ былъ тогда полноводнѣе, и этихъ ужасныхъ мелей, предсказывающихъ его исчезновеніе, еще не было. Цѣпного моста не существовало, а большею частью была переправа на паромѣ, на лѣвомъ берегу пристававшая къ знаменитому трактиру Рязанова, славившагося своимъ чаемъ и маринадами. Сооруженіе крѣпости на Печерскѣ, столь озабочивавшее императора Николая, сдвинуло Кіевъ со стараго мѣста и потянуло его внизъ. Университетъ сталъ его притягивать къ себѣ: появилось Новое-Строеніе, которое начало постепенно застроиваться. Въ 1843 году на немъ были разбросаны деревянные домики. Крещатикъ только-что началъ подниматься, но и на немъ стояли деревяшки. Единственное выдававшееся зданіе было зданіе, въ которомъ помѣщалась 2-ая гимназія, на углу Лютеранской улицы. Крещатикъ оканчивался деревяннымъ балаганомъ, гдѣ

помѣщался театръ, и гдѣ теперь Европейская гостинница. Въ этомъ театрѣ я въ первый разъ видѣлъ сцену, и не могу забыть того впечатлѣнія, которое произвелъ на меня „Шельменко-деньщикъ“ и балерина Адель, танцовавшая въ антрактахъ. На моихъ глазахъ засаживался Бибиковскій бульваръ тополями и осокорями, которые уже исчезаютъ. Онъ оканчивался у теперешней Владимірской улицы, за которою между университетомъ и Миниховымъ валомъ, тянувшимся вдоль Подвальной и Прорѣзной улицъ, шелъ длинный пустырь, на которомъ возвышались деревянные амбары, гдѣ хранились интендантскіе склады. Ботаническій садъ оканчивался тогда Траутфетеровской горкой, за которою, вплоть до Митрополичьей рощи, было пустое пространство, на которомъ стояли палатки какого-то лагеря.

Таковъ былъ нашъ Кіевъ-красавецъ въ 1843 году, когда мы съ братомъ Владиміромъ стали приготовляться въ гимназію подъ кровомъ университета св. Владиміра. Этотъ университетъ сталъ близокъ и родственъ моей отроческой душѣ съ первыхъ дней пребыванія въ немъ. Какъ будто я предчувствовалъ, что придется служить ему почти всю мою жизнь. Мечтой моей сдѣлалось быть студентомъ словеснаго факультета или, какъ тогда называли, перваго отдѣленія философскаго факультета. Мечту эту я лелѣялъ въ теченіе всего моего гимназическаго курса, и только случайныя обстоятельства сдѣлали изъ меня не словесника, а юриста. Въ моей отроческой памяти живо запечатлѣлась жизнь университета въ 1843 году.

Попробую свести въ порядокъ мои разсѣянныя воспоминанія.

Еще не была разорвана связь университета съ Кременцомъ и Вильной; но послѣ закрытія университета и дѣла Канарскаго полонизмъ въ немъ пріутихъ, такъ что онъ былъ замѣтнѣе въ пятидесятыхъ годахъ, когда я былъ студентомъ. Попечителемъ округа былъ тогда князь Давидовъ, котораго я много разъ видѣлъ въ университетской церкви, гдѣ я бывалъ каждое воскресенье. Мнѣ и теперь мерещится его камергерскій ключъ. Помощникомъ его былъ Юзефовичъ, но онъ не имѣлъ еще того значенія и той власти, какими пользовался впослѣдствіи. Вліяніе правителя канцеляріи, Лазова, преобладало.

Ректоромъ университета былъ чудесный человѣкъ, Василій Ѳедоровичъ Ѳедоровъ. Студентами правилъ отставной гвардейскій полковникъ Сычуговъ, которому помогали пять субъ-инспекторовъ: трое изъ нихъ—Троцкій, Гудимъ-Левковичъ и Савицкій—жили въ зданіи университета, а двое—Леванда и Стешинскій—жили внѣ университета. Троцкій и Гудимъ-Левковичъ вѣдали

студентовъ казеннокоштныхъ, а своекоштными, раздѣленными на три участка, завѣдывали остальные. Ежедневно педель являлся къ Савицкому съ рапортичкой о студентахъ его участка: кто изъ нихъ боленъ, кто—нашалилъ, кто—куда-то дѣвался. На основаніи такихъ рапортичекъ, представлялся докладъ инспектору. Всѣхъ студентовъ было тогда отъ четырехсотъ до пятисотъ. Я постоянно изучалъ ихъ списокъ, изъ котораго я и понынѣ помню фамиліи: Батезатъ, Думкель, Дьяченко, Чалый и др. Студенты дѣлились на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Первые жили въ камерахъ четвертаго этажа, а для слабогрудыхъ отведено было помѣщеніе во второмъ этажѣ, гдѣ теперь профессорская лекторія. Меня и брата очень баловали казеннокоштные студенты; мы часто хаживали въ ихъ камеры за бумагой и карандашами. Всегда я видѣлъ ихъ въ халатахъ и фуражкахъ, съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ. Они должны были держать семестровки, и поэтому—заниматься болѣе своекоштныхъ. Большинство своекоштныхъ были сыновья помѣщиковъ западныхъ и малороссійскихъ губерній, и бо́льшею частью—люди достатка. Между ними встрѣчалось не мало титулованныхъ: графы Тышкевичъ и Нелинъ, князья Дабижа, Яблоновскій и др. Помню я слухъ о дуэли графа Тышкевича съ графомъ Нелинымъ. Болѣе достаточные студенты квартировали у профессоровъ, чтобы пройти университетскій курсъ безъ работы. За это они платили большія деньги. Сколько помню, квартирантовъ держали профессора: Новицкій, Дьяченко, Ѳедотовъ-Чеховскій и, помнится, Ставровскій. Вообще, студенчество въ то время было запечатлѣно дворянскимъ аристократическимъ характеромъ: демократическіе элементы едва проступали. Меня особенно интересовали профессора словеснаго факультета, и въ моей памяти хорошо запечатлѣлись фигуры нѣкоторыхъ изъ нихъ. Помню я, напримѣръ, прекрасную фигуру Максимовича, который читалъ тогда лекціи по найму,—когда въ университетской церкви онъ внимательно вслушивался въ блѣдную проповѣдь о. Скворцова. Помню франтоватую фигуру Ореста Марковича Новицкаго, о которомъ, когда онъ еще былъ преподавателемъ переяславльской семинаріи, сложили пѣсню:

„Неподражаемая штанность,
И баки черныя до плечъ".

Помню, какъ онъ катилъ со своей красивой женой въ коляскѣ à la Юзефовичъ. Помню я элегантную фигуру Костыря, когда онъ, на своей парѣ въ оглобли, пріѣзжалъ на лекціи. Вспо-

минаю я и серьезную фигуру Авсенева, который читалъ „Исторію души“ [1]). Изъ профессоровъ другихъ факультетовъ я помню Вальтера, Дьяченко и Ѳедотова: мальчикомъ я бѣгалъ въ университетскую церковь, чтобы видѣть, какъ всѣ они трое вѣнчались. Какъ живая, предо мною стоитъ и фигура молодого Караваева, когда онъ заходилъ въ анатомическій театръ, который тогда помѣщался въ сѣверной части университетскаго зданія. Трупарня была на сѣверномъ дворѣ. Я однажды забѣжалъ въ нее, но и до сихъ поръ не могу забыть того ужаса, который произведенъ былъ смрадомъ и видомъ синихъ труповъ. Таковы мои воспоминанія объ университетѣ въ 1843 году, въ которомъ, черезъ тринадцать лѣтъ, мнѣ пришлось сѣсть на каѳедру, которую имѣю честь занимать сорокъ-шестой годъ и съ которой до гробовой доски не хотѣлось бы разстаться.

Занятія съ Мачтетомъ шли довольно успѣшно. Въ промежутки между уроками я зачитывался „Паномъ Подстоличемъ“, котораго захватилъ изъ нашей домашней библіотеки. Ужасно я полюбилъ этого литовскаго пана, любуясь его образцовымъ хозяйствомъ...

Подходило Рождество 1843 года. За нами пріѣхала тетушка, чтобы увезти насъ на святки домой. Нашей радости и конца не было. На прощанье съ Кіевомъ я, одиннадцатилѣтній стихоплетъ, написалъ стихи:

„Прощай, Кіевъ,
Съ крутыми горами,
Съ злыми врагами...
Швідко я побачу рідну Украіну:
Тамъ и люди пріятнійши,
Земля зеленійша“...

Подъ вліяніемъ Шевченка многіе тогда стали писать малорусскіе стихи, и я, ребенокъ, потянулся за взрослыми поэтами. Была безснѣжная зима, безъ саннаго пути. Мы всѣ вмѣстѣ съ нашимъ репетиторомъ Мачтетомъ усѣлись въ бричкѣ и покатили по броваровскому шоссе. Здѣсь случилось съ нами маленькое происшествіе. Посреди шоссейной дороги виденъ былъ какой-то черный предметъ, надъ которымъ крестилась какая-то баба, прося насъ избавить ее отъ него. Кучеръ Ѳедька подхватилъ его на

[1]) Авсеневъ взялъ, какъ-то, изъ университетской библіотеки книгу Strauss'a: „Das Leben Jesu“, но читать ее не могъ равнодушно, и кончилъ тѣмъ, что бросилъ ее въ топившуюся печь и сжегъ, чтобы она не подала кому-либо другому повода къ соблазну („Біографич. Словарь профессоровъ и препод. универс. св. Владиміра“).

козлы. Оказалось, что это изящная шкатулка изъ краснаго дерева. Остановились мы въ Броварахъ, чтобы кормить лошадей: запыхавшійся верховой объѣзжалъ постоялые дворы, допытываясь, не поднялъ ли кто изъ проѣзжихъ оброненную шкатулку. Кучеръ объяснилъ, что она была поднята нами. Когда тотъ получилъ ее, то сказалъ, что она принадлежитъ князю Голицыну и что въ ней хранится пятьсотъ тысячъ денегъ. Вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ отецъ никогда не могъ простить теткѣ и ея спутнику, студенту-юристу, что они не съумѣли воспользоваться законнымъ правомъ находки. Пріѣхали, наконецъ, домой. Что̀ за счастье и блаженство обнять мать, перецѣловать сестеръ и братьевъ! Вотъ и святки со всѣми своими развлеченіями. Особенно часто мы ѣздили въ ближайшую Бѣлоусовку, гдѣ проживали лучшіе наши знакомые помѣщики, Петровскіе, и жена одного изъ нихъ—интересная Катерина Ивановна—моя первая любовь, мои первыя любовныя записочки. Мнѣ и теперь слышатся пѣтые ею слабымъ голосомъ романсы, и особенно:

„Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи! —
Твоя наука не поможетъ“...

Но веселое время скоро проходитъ. Прошли праздники, и къ половинѣ января, когда въ тогдашнее время начинались контракты, мы возвращены были опять въ Кіевъ, къ тому же Савицкому, чтобы продолжать ученіе подъ руководствомъ того же Мачтета. Установился санный путь, и мы славно катили въ герметически закрытомъ возкѣ, обитомъ внутри зеленымъ войлокомъ. Пріѣхали въ Кіевъ въ разгаръ контрактовъ, и отецъ нашелъ какого-то не то управляющаго, не то арендатора, Ивана Григорьевича Вавиловскаго, который съ тѣхъ поръ какъ бы приросъ къ нашей семьѣ, хотя совсѣмъ намъ былъ ненуженъ; но у отца была слабость довѣряться первому встрѣчному, за что нерѣдко онъ и бывалъ наказанъ. Да и вообще въ дворянскихъ нравахъ того времени не было охраны неприступности домашняго очага отъ всякаго лишняго посторонняго человѣка. Тогда почти во всякой дворянской семьѣ можно было найти лишняго человѣка, сдѣлавшагося не то другомъ, не то совѣтникомъ. А въ нашей семьѣ не мало было такихъ друзей и совѣтниковъ, о которыхъ и вспоминать тошно. Возобновленныя занятія пошли изрядно: студентъ Мачтетъ, конечно, лучше понималъ педагогію, чѣмъ доморощенные педагоги Войтова. Вспоминаю свѣтлый праздникъ—обѣдню и заутреню въ университетской церкви въ 1844

году. Торжественнѣе богослуженія я никогда не видѣлъ: въ церкви чуть не всѣ профессора университета—въ полной парадной формѣ; представители кіевскаго beau monde'а; попечитель князь Давидовъ съ Юзефовичемъ; многолюдная группа студентовъ въ мундирахъ съ треуголками. Ни души изъ простонародья: ревностный къ своему дѣлу церковный староста, профессоръ Ѳедотовъ-Чеховскій, не допустилъ бы этого. Пошла чудесная весна, а съ нею прогулки въ Ботаническомъ саду, который тогда разбивался и засаживался, или какая-то сложная игра въ мячъ съ Шустерусами, дѣтьми университетскаго чучельника. Въ маѣ мѣсяцѣ наша мать, побывавъ на свадьбѣ у Николая Ивановича Танскаго, выдававшаго свою племянницу Марью Кирилловну замужъ за лохвицкаго помѣщика Сукова, пріѣхала въ Кіевъ, чтобы забрать насъ домой, гдѣ бы мы продолжали наше приготовленіе въ гимназію съ тѣмъ же Мачтетомъ, который провелъ цѣлое лѣто въ Гольцахъ. Выборъ гимназіи сдѣланъ былъ отцомъ—это была нѣжинская гимназія. Нѣжинъ считался малороссійскими Аѳинами. Университета въ Кіевѣ еще не было, а гимназія высшихъ наукъ замѣнила для мѣстнаго дворянства Кіево-Братскую академію, въ которой когда-то воспитывались Безбородки, Завадовскіе и др. По всей Малороссіи гремѣла слава заведенія, въ стѣнахъ котораго учились Гоголь, Кукольникъ, Гребенка и др.

Понятно, что выборъ отца остановился на Нѣжинѣ, и онъ началъ собираться туда. Захарій Алексѣевичъ Бутовичъ посовѣтовалъ ему устроить насъ у старшаго учителя гимназіи, Якова Калиниковича Дубницкаго. Цѣна за содержаніе назначалась весьма приличная, а денегъ въ запасѣ не было. Прежде всего нужно было достать ихъ. Отецъ поѣхалъ со мной въ Лохвицу и въ моемъ присутствіи молилъ еврея—откупщика Дунаецкаго, который не мало поживился отъ нашей винокурни, молилъ ссудить ему нужную сумму. Послѣдовалъ категорическій отказъ. Послѣдовали новыя мольбы, адресованныя къ мѣстному авантюристу Сурину, который внялъ этимъ мольбамъ и далъ нужную сумму. Но дорого обошелся семьѣ этотъ заемъ: образовался долгъ, отъ котораго нельзя было никакъ освободиться, несмотря на всяческія погашенія. Деньги положили въ карманъ, сѣли въ коляску шестерней и покатили въ Нѣжинъ, въ сентябрѣ 1844 года.

III.

Пріемные экзамены и поступленіе въ гимназію.—Житье-бытье у учителя гимназіи, Дубницкаго.—Смерть матери.—Нѣжинъ.—Лицей и его директоръ.—Гимназія, ея ученики и преподаватели.—Прохожденіе гимназіи.—Общая квартира Шапошникова.—Окончаніе курса гимназіи.

Сомнѣваюсь, чтобы мы были хорошо приготовлены къ пріемному экзамену, и если выдержали его удовлетворительно—я во второй, а братъ въ первый классъ,—то благодаря протекціи старшаго учителя, Дубницкаго, у котораго на квартирѣ мы были устроены. Хорошо помню, какъ насъ, щегольски одѣтыхъ матерью, привезли въ гимназію и ввели въ конференцъ-залу, въ которой производились экзамены. Забилось сердце и стало жутко и страшно. Законоучитель Мерцаловъ спросилъ меня о рожденіи Моисея: я бойко началъ: „Во время *вышеупомянутаго* притѣсненія израильтянъ въ Египтѣ родился Моисей".—„Но вы же объ этомъ не упоминали",—сказалъ Мерцаловъ. Я сбился и не могъ продолжать. Отъ меня онъ перешелъ къ Владиміру, предложивши ему вопросы, и спросилъ его: „Какая будетъ тринадцатая заповѣдь"? Братъ смѣшался и не могъ отвѣтить. Когда мы объ этомъ передавали матери, то она сказала: „Было бъ тебѣ, Володя, отвѣтить, что тринадцатая заповѣдь запрещаетъ спрашивать о томъ, чего нѣтъ въ книгѣ". Не помню, какъ я отвѣчалъ изъ другихъ предметовъ. Я въ особенности боялся ариѳметики, въ которой былъ совсѣмъ слабъ. Но экзаменъ признали удовлетворительнымъ: меня приняли во второй классъ, а брата—въ первый. Возвращаясь изъ гимназіи, какъ радостно и торжественно подкатили мы къ знаменитому въ Нѣжинѣ магазину Куликовыхъ, въ которомъ родители покупали нужное и лишнее. Дорогая мать не нарадовалась нашему успѣху. Портному Ицкѣ были заказаны гимназическіе сюртуки, которыми мы не могли вдоволь налюбоваться. Насъ сдали Дубницкому, и на прощанье мать крѣпко обняла насъ и перекрестила, какъ бы предчувствуя, что видитъ насъ въ послѣдній разъ и что уже близокъ ея послѣдній часъ.

Семья Дубницкаго состояла изъ него и его молодой, прехорошенькой жены, Лизаветы Людвиговны, на которой онъ недавно женился. Это была дочь Піотровскаго, содержателя пансіона и учителя танцевъ. Молодая и хорошенькая, она едва ли была довольна своимъ мужемъ, некрасивымъ и чахоточнымъ. Поклонница Жоржъ-Зандъ, всѣ романы которой она перечитала, она жаждала любви и приключеній. Къ семьѣ принадлежали и два

брата: Николай, ученикъ седьмого класса, и Иванъ—пятаго. Оба они не были надѣлены особыми талантами, но учились прилежно, весьма аккуратно исполняя всѣ обязанности гимназиста. Николай все говорилъ о своемъ поступленіи въ московскій университетъ, гдѣ онъ хотѣлъ слушать въ особенности Морошкина: имена другихъ тогдашнихъ профессоровъ едва ли ему были извѣстны. Квартира наша была въ домѣ Науменка съ высокимъ крыльцомъ, съ котораго открывались виды на печальные пейзажи вѣчно-грязнаго Нѣжина. Жилось намъ кое-какъ. Лизавета Людвиговна была скуповата, и мы часто бывали впроголодь: мягкая булка, которая стоила тогда 5 копѣекъ ассигнаціями, съѣдалась съ жадностью. Мы скоро начали ходить въ гимназію, иногда по-колѣно въ грязи. Меня томила какая-то тоска, какое-то тяжелое предчувствіе. Мысль о томъ, что моя дорогая мать умретъ, не давала мнѣ покоя. Эта мысль лишала меня сна. Я думалъ, не переживу я ее и совершу самоубійство, проглочу кусокъ зеленаго стекла разбитой бутылки и подавлюсь имъ. Во снѣ и на яву представлялся мнѣ ея возлюбленный обликъ. Надъ моей постелью висѣли крахмальныя юбки г-жи Дубницкой, и я однажды увидѣлъ лицо матери, глядѣвшее на меня изъ-за этихъ юбокъ. Такъ чутка юная душа къ ожидаемому горю. Все это испытывалось мною въ октябрѣ, а 20-го числа этого мѣсяца моя мать истекла кровью, и ея не стало. Смерть ея долго скрывали отъ насъ, и она стала извѣстна намъ только въ декабрѣ, когда привезли насъ на святки домой. Братъ Владиміръ, хотя и былъ любимцемъ матери, меньше чуялъ и чувствовалъ ея болѣзнь и смерть. Хорошо я помню первое впечатлѣніе гимназіи. Когда я увидѣлъ роскошныя ветлы въ гимназическомъ саду, я подумалъ: не изъ нихъ ли вырѣжутъ розги, которыми меня такъ больно высѣкутъ? Первыя впечатлѣнія вообще были горькія и тяжелыя. Первый день въ классѣ не порадовалъ меня: учитель ариѳметики, съ урока котораго я началъ ученіе, Францъ Антоновичъ Куликовскій, съ которымъ я не ладилъ и впослѣдствіи, показался мнѣ весьма непріятнымъ; шумѣвшіе въ перемѣну товарищи показались мнѣ грубыми, неблаговоспитанными шалунами. Съ тяжелой тоской въ сердцѣ я окончилъ свой первый день въ гимназіи, о которой, однакожъ, осталось у меня самое свѣтлое и симпатичное воспоминаніе.

Городъ Нѣжинъ еще сохранялъ въ это время слѣды своей греческой національности: встрѣчались дома необычной въ русскомъ городѣ архитектуры, принадлежавшіе владѣльцамъ съ греческими фамиліями. Встрѣчались физіономіи греческаго типа, а

иногда и греческіе костюмы. Настоятелемъ греческой церкви былъ архимандритъ, истый грекъ, совершавшій богослуженіе на греческомъ языкѣ; а въ греческомъ александровскомъ училищѣ, въ которомъ учились греки-мальчики, директоромъ былъ Манцевъ, съ самой греческой физіономіей и съ самымъ не-русскимъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе, малороссійскіе элементы преобладали, и малорусскій Нѣжинъ былъ однимъ изъ самыхъ малороссійскихъ городовъ: едва ли гдѣ можно было встрѣтить столько Наливаекъ, Дорошенокъ, Полуботокъ, Самусей и Паливодъ, какъ въ спискахъ учениковъ нѣжинскихъ учебныхъ заведеній. Едва ли гдѣ были болѣе малороссійскіе нравы и обычаи, какъ въ окрестностяхъ этого эксъ-греческаго города. Гимназія высшихъ наукъ, а потомъ лицей, несомнѣнно имѣли животворное, культурное вліяніе на край и его интеллигенцію: дворянское общество нѣжинскаго уѣзда было гораздо просвѣщеннѣе, чѣмъ въ лохвицкомъ или переяславльскомъ уѣздахъ. Троцины, Раковичи, Макаровы, Почеки и др. были бы подъ стать хоть столичному дворянству. Лицей имѣлъ еще одно важное значеніе—онъ былъ школой, въ которой подготовлялись профессора для университета св. Владиміра: изъ него къ намъ перешли Бунге, Незабитовскій, Лашнюковъ, Яснопольскій. Замѣна лицея историко-филологическимъ институтомъ была медвѣжьей услугой просвѣщенію края. Посвященный спеціальности, въ которой край нуждался такъ мало, институтъ не могъ имѣть съ нимъ органической связи и сдѣлался мѣстомъ воспитанія не сыновей мѣстнаго дворянства, а семинаристовъ, интересовавшихся интернатомъ и казеннымъ иждивеніемъ. Даже такіе талантливые профессора института, какъ Аристовъ по русской исторіи, Гротъ по философіи и Зенгеръ, плѣнявшій аудиторію своими лекціями по римской исторіи, не могли возбудить въ мѣстномъ обществѣ такихъ симпатій къ институту, какія оно имѣло къ лицею. Преобразованіе института въ такое учебное заведеніе, въ какомъ болѣе нуждается край, было бы хоть нѣкоторымъ искупленіемъ вины насадителей классической филологіи въ отечествѣ, которому она такъ мало нужна.

Во главѣ нѣжинскихъ учебныхъ заведеній стоялъ директоръ лицея, Христіанъ Адольфовичъ Экебладъ. Личность его заслуживаетъ, чтобы мы на немъ остановились. Онъ былъ профессоромъ харьковскаго ветеринарнаго института, когда на немъ остановился выборъ перваго попечителя вновь образованнаго кіевскаго учебнаго округа, фонъ-Брадке, умѣвшаго цѣнить и выбирать людей. Шведъ по происхожденію, онъ былъ преисполненъ русскаго патріотизма и цивизма. Провозглашенная графомъ Ува-

ровымъ формула—православіе, самодержавіе и народность,—исповѣдывалась имъ, какъ святая, непререкаемая истина. Мягкій и гуманный, онъ глубоко чтилъ величественную фигуру императора Николая и его внутреннюю политику считалъ вѣнцомъ политической мудрости. Въ его лойяльной душѣ не было мѣста сомнѣнію, что государь, лучше котораго Россія никогда не имѣла, ведетъ ее по правильному пути. Вкусы и симпатіи чтимаго императора были его вкусами и симпатіями: онъ очень не любилъ поляковъ, и къ учившимся въ его заведеніяхъ лицамъ польскаго происхожденія онъ относился съ недовѣріемъ и подозрѣніемъ. Живо припоминаю его ультра-форменную фигуру въ однобортномъ форменномъ сюртукѣ и фуражкѣ съ огромнымъ козырькомъ, когда онъ размѣреннымъ шагомъ прогуливался по живымъ мостовымъ богоспасаемаго града Нѣжина, какъ выражался поэтъ Гербель. Мѣстное общество чтило его, можетъ быть, болѣе, чѣмъ мѣстныя власти—полиціймейстера и приставовъ: онъ не бралъ ничего, но поддерживалъ дисциплину и порядокъ болѣе тѣхъ, которые не клали охулки на свою руку. Христіанъ Адольфовичъ, несомнѣнно, былъ первымъ человѣкомъ въ Нѣжинѣ; можно сказать, онъ былъ его властелиномъ—такъ внушительно онъ умѣлъ изображать своей особой принципъ власти. Торжественнѣйшими минутами въ его жизни были тѣ, когда, по случаю предстоящаго проѣзда государя черезъ Нѣжинъ, онъ надѣялся, что обожаемый императоръ удостоитъ посѣтить лицей. Насъ, гимназистовъ, на нѣсколько дней собиралъ онъ тогда въ зданіи гимназіи, чтобы научить, какъ стоять передъ монархомъ, выкрикивая: „ура!“ и „здравія желаемъ!“. Насъ кормили въ это время казенной пищей, и еслибы кто-нибудь изъ учениковъ гимназіи гулялъ по городу въ ожиданіи дня пріѣзда государя, онъ подвергался строгому наказанію—иногда даже исключенію. Особенно курьезны были наши военныя построенія и церемоніальные марши по гимназическому двору подъ предводительствомъ надзирателя, Силы Ивановича Шишкина, отставного драгунскаго маіора, въ отставномъ мундирѣ и треуголкѣ съ развѣвающимся султаномъ. Я помню, какъ хохоталъ Герценъ, когда я ему разсказывалъ объ этихъ сценахъ изъ дальнихъ лѣтъ—изъ жизни прежней. Конечно, все это были странности нашего директора, но онѣ искупались его благородной душой, его добрымъ сердцемъ и педагогическимъ тактомъ. Онъ искренно любилъ насъ, своихъ вышколенныхъ и дисциплинированныхъ питомцевъ. Я вспоминаю нѣжный, любящій взглядъ его косыхъ глазъ, когда мы попарно проходили мимо него въ сборную залу ежедневно утромъ передъ

урокомъ слушать евангеліе. Во главѣ каждаго класса шелъ его старшій. Эти старшіе были особенно любимы Экебладомъ: они умѣли воплощать въ своихъ особахъ его воззрѣнія на соблюденіе формы и уваженіе къ предержащей власти. Христіанъ Адольфовичъ былъ, несомнѣнно, лучшимъ директоромъ въ кіевскомъ учебномъ округѣ, а руководимыя имъ учебныя заведенія не уступали учебнымъ заведеніямъ самаго Кіева, строемъ и порядкомъ которыхъ такъ гордился г. Юзефовичъ.

По выходѣ въ отставку, Экебладъ переселился въ Петербургъ и скоро потерялъ зрѣніе; но и потерявъ его, онъ продолжалъ интересоваться науками, и даже издалъ изслѣдованіе, помнится, по психологіи, которое мнѣ показывалъ его любимый ученикъ, библіотекарь университета св. Владиміра, покойный Кириллъ Алексѣевичъ Царевскій. Въ Петербургѣ Христіанъ Адольфовичъ и умеръ.

Къ сожалѣнію, объ инспекторѣ лицея и гимназіи, Павлѣ Николаевичѣ Іеропесѣ, у меня не сохранилось такихъ свѣтлыхъ воспоминаній. Грекъ изъ Смирны—я не знаю, какимъ образомъ онъ попалъ въ Россію и дослужился до чина коллежскаго совѣтника. Онъ былъ человѣкъ совершенно необразованный и круглый невѣжда... Разсказывали, что однажды, предсѣдательствуя на экзаменѣ изъ географіи, вызванному къ отвѣту ученику онъ сказалъ: „Начерти Африку и поставь всѣ города Испаніи". И это весьма могло быть. Онъ вѣчно молчалъ, только сопѣлъ, да жевалъ жвачку: человѣческаго слова, бывало, отъ него не услышишь. Сѣканцію онъ очень чтилъ и по обычнымъ субботамъ, и въ другіе дни. Я только удивлялся, какъ такой гуманный директоръ, какъ Экебладъ, могъ терпѣть такое зло. Палачи Іеропеса—Кузьма и Гаврило—работали чуть не каждый день. Особенно часто подвергался этой карѣ мой братъ Владиміръ, плохой ученикъ и большой шалунъ. Припоминаю такой случай: мы жили у монастырской ограды, въ домѣ Бѣлянкина. Мимо насъ ежедневно проходили на службу такъ называемые паничи, канцелярскіе служители нѣжинскихъ присутственныхъ мѣстъ. Владиміръ постоянно дразнилъ ихъ словомъ: „крючокъ"! „Паничи" терпѣли, терпѣли, да и подали жалобу инспектору. Позвали виноватаго Владиміра, но не знаю, почему позвали и невиннаго меня. Я долженъ былъ быть свидѣтелемъ страшной сцены, когда Кузьма и Гаврило жестоко истязали брата. Ну, былъ ли толкъ у инспектора подвергнуть такой нравственной пыткѣ юношу ни въ чемъ неповиннаго! Таковъ ужъ былъ нашъ Іеропесъ. Помощникомъ его былъ Сила Ивановичъ Шишкинъ, отставной дра-

гунскій маіоръ. Его военный сюртукъ съ бѣлымъ воротникомъ мерещится мнѣ и теперь. Онъ былъ старикъ простоватый и почти-что глуповатый. Мы его не любили, хотя онъ этого и не заслуживалъ. Ему особенно досаждали пансіонеры, не подлежавшіе его компетенціи. Почти-что ему въ лицо они напѣвали пѣсенку:

„Силой онъ,
„Говоритъ,
„Нареченъ,
„Говоритъ.
„А жена
„Говоритъ:
„Сатана,
„Говоритъ,
„Силу жметъ,
„Говоритъ,
„Силу бьетъ,
„Говоритъ,
„По усамъ,
„Говоритъ,
„По щекамъ,
„Говоритъ".

Іеропеса смѣнилъ Марачевскій, а Шишкина—Лихошерстовъ, но едва ли отъ этой перемѣны мы что-нибудь выиграли. Преемникомъ гимназіи высшихъ наукъ, прославленной славнымъ именемъ Гоголя, былъ физико-математическій лицей князя Безбородко, скоро преобразованный въ юридическій. Это преобразованіе и первый составъ преподавателей преобразованнаго лицея—дѣло рукъ незабвеннаго Неволина. Живя на квартирѣ у учителя Дубницкаго, который водилъ тѣсное знакомство съ профессорами лицея, я часто видѣлъ ихъ и о каждомъ изъ нихъ сохранилъ отчетливое представленіе. Лицей состоялъ изъ трехъ курсовъ, между которыми распредѣлялись тогдашніе лицеисты, число которыхъ тогда доходило до 60—70 человѣкъ. Немногіе изъ нихъ, человѣкъ 10—15, жили въ лицейскомъ интернатѣ на иждивеніи графа Безбородко. Большинство же принадлежало къ людямъ достаточнымъ, а нѣкоторые изъ нихъ, сыновья харьковскихъ богатыхъ купцовъ и малороссійскихъ помѣщиковъ, располагали очень хорошими средствами и могли прокучивать въ Нѣжинѣ большія деньги. Притономъ ихъ была кондитерская „Неминай". Вели они себя весьма прилично, и скандальныя студенческія исторіи—въ родѣ разбитія часового еврейскаго магазина на главной улицѣ—бывали довольно рѣдко. Неопрятные зама-

рашки попадались какъ исключеніе; большею частью лицеисты имѣли весьма пристойный видъ. Я засталъ у нихъ серебряныя пуговицы, какъ у харьковцевъ и казанцевъ, но скоро онѣ были замѣнены золотыми, какъ у кіевлянъ. Изъ среды ихъ выдѣлялась небольшая группа аристократовъ, носившихъ фуражки-конфедератки и студенческія шинели особаго покроя. Особенно я помню изъ этой группы стройнаго, красиваго блондина Гербеля, который жилъ у профессора Тулова. Онъ имѣлъ прирожденный литературный талантъ, и еще на лицейской скамьѣ писалъ прекрасные стихи, воспѣвавшіе геройскія похожденія студентовъ. Служа потомъ въ военной службѣ, онъ не оставлялъ своихъ литературныхъ занятій, и обогатилъ русскую литературу цѣлымъ рядомъ изданій, ознакомившихъ русское общество съ выдающимися поэтами западной Европы. Нѣкоторые изъ лицеистовъ были люди высокообразованные и развитые: студенты Троцина, Данельскій, Захаровъ, Лашнюковъ, Ланге и др. могли бы быть украшеніемъ любого университета.

Составъ преподавателей, можетъ быть, былъ подобранъ Неволинымъ изъ его лучшихъ учениковъ—порука, что онъ былъ вполнѣ удовлетворителенъ. Самымъ талантливымъ считался Михаилъ Андреевичъ Туловъ, читавшій на первомъ курсѣ теорію словесности, а на второмъ—исторію русской литературы. Съ лицомъ, напоминающимъ Пушкина, онъ слылъ за лѣниваго сибарита, но надѣленъ былъ эстетическимъ вкусомъ и даромъ изящнаго слова. Его лекціи о прекрасномъ производили фуроръ, и о нихъ говорили даже въ уѣздѣ. Акимъ Константиновичъ Циммерманъ былъ крестникомъ ректора Неволина. На первомъ курсѣ онъ читалъ общую часть юридической энциклопедіи съ исторіей иностранныхъ законодательствъ и государственные законы, а на второмъ—исторію философіи права. Его лекціями студенты восхищались. Можно думать, что воспріемникъ хорошо выучилъ книгу своего крестнаго и декламировалъ ее съ каѳедры. Лекціями по государственнымъ законамъ, компилировавшими статьи соотвѣтствующихъ томовъ свода, были менѣе довольны, но и Неволинъ читалъ подобнымъ же образомъ, мало разработавъ свой курсъ по государственнымъ законамъ.

Русскую исторію на первомъ курсѣ и статистику на второмъ преподавалъ Гаевскій, который нерѣдко исполнялъ должность отсутствующаго или больного Іеропеса. Эта должность, можетъ быть, болѣе была по немъ, чѣмъ должность профессора. Изъ учителей гимназіи, онъ не отличался талантомъ, а эрудиція его едва ли шла далѣе краткаго учебника Устрялова. Статистика же,

вѣроятно, шла еще хуже. Его замѣнилъ И. В. Лашнюковъ, человѣкъ большихъ дарованій. Ученикъ Павлова, онъ преподавалъ не повѣствовательную фактическую исторію, а прагматическую, философскую. Слава о его лекціяхъ ходила по нѣжинскому уѣзду, въ которомъ онъ игралъ выдающуюся роль, такъ какъ помѣщики считали за особую честь вести съ нимъ знакомство.

Гражданское право общее и *особенное,* какъ тогда называли законы государственнаго благоустройства, читалъ на второмъ курсѣ Пій Никодимовичъ Даневскій. Онъ былъ женатъ на дочери Экеблада, умной и образованной Софьѣ Христіановнѣ, которая была очень дружна съ нашей хозяйкой. Она часто съ мужемъ бывала у Дубницкихъ, и поэтому я такъ хорошо запомнилъ этого профессора. Его бритое лицо и низко остриженная черная шевелюра, его густой басъ—какъ будто и теперь передо мною. Можно думать, что онъ мало былъ склоненъ къ научной и профессорской дѣятельности, и что его болѣе тянула служба государственная, на которую онъ скоро и перешелъ, сдѣлавъ на ней изрядную карьеру, достигнувъ званія сенатора...

Впрочемъ, двѣ работы его: „О мѣстныхъ законахъ“ и „Исторія государственнаго совѣта“, имѣютъ и теперь нѣкоторое значеніе. Преподаваніе его, можно думать, состояло въ чтеніи и толкованіи статей свода законовъ: Даневскій обладалъ юридическимъ смысломъ, и такое толкованіе могло быть очень назидательнымъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ изъ весьма развитыхъ студентовъ приготовлялъ къ экзамену гражданское право: онъ заучивалъ статью за статьею X тома.

Отставной сенаторъ Пій Никодимовичъ поселился съ своей супругой въ лохвицкомъ уѣздѣ, гдѣ онъ пріобрѣлъ усадьбу и въ ней скоро умеръ. Сынъ его, Всеволодъ Піевичъ, защитившій у насъ диссертацію на степень доктора международнаго права, былъ человѣкъ болѣе академическаго призванія и болѣе блестящихъ профессорскихъ дарованій. Своимъ басомъ и отчасти наружностью онъ мнѣ напоминалъ отца. Въ харьковскомъ университетѣ онъ занималъ каѳедру сначала международнаго, а потомъ уголовнаго права. Пылкій буршъ неукротимаго нрава, онъ растратилъ свое здоровье и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ вдову съ четырьмя дѣтьми.

Уголовное право съ законами благочинія на третьемъ курсѣ преподавалъ Максимовичъ. Прилежный ученикъ Богородскаго, онъ старался возможно полнѣе и обстоятельнѣе излагать свой предметъ. Но, не надѣленный лекторскимъ талантомъ, онъ излагалъ скучно и вяло.

Мы начали характеристики преподавателей лицея съ Тулова, который считался самымъ талантливымъ изъ нихъ. Закончимъ характеристикой Николая Христіановича Бунге, который могъ бы быть звѣздою первой величины не только въ нѣжинскомъ лицеѣ, но и въ любомъ европейскомъ университетѣ. Въ 1845 году онъ былъ назначенъ на мѣсто Глушановскаго, занимавшаго каѳедру законовъ казеннаго управленія и перешедшаго на службу въ Кіевъ синдикомъ въ университетъ св. Владиміра. Я помню, какъ юный и едва брившійся Бунге, по пріѣздѣ въ Нѣжинъ, дѣлалъ обычные визиты и въ томъ числѣ Дубницкому, у котораго я тогда жилъ. Съ тѣхъ поръ и до перехода его на службу въ Петербургъ товарищемъ министра финансовъ я наблюдалъ надъ его дѣятельностью и могу считать себя хорошо освѣдомленнымъ о его личности. Николай Христіановичъ былъ человѣкъ рѣдкаго по своей привлекательности и симпатичности нрава. Брезгливо относившійся ко всему непросвѣщенному и грубому, онъ былъ очень склоненъ къ сарказму и насмѣшкѣ.

Но въ немъ живой и находчивый умъ сочетался съ мягкимъ, благороднымъ сердцемъ. Онъ привлекалъ людей своими мягкими, изящными манерами, своей обходительностью и привѣтливостью. Это была не аффектація, но натура, проникнутая европеизмомъ до мозга костей; онъ страстно любилъ науку и вѣрилъ въ силу знанія. Просвѣщенный, онъ жаждалъ, чтобы просвѣщеніе распространялось по русской землѣ, къ которой онъ относился съ искреннимъ, горячимъ патріотизмомъ. Молодой, онъ сходился и дружилъ съ молодыми лицеистами, если только находилъ въ нихъ людей способныхъ и съ жаждой знанія. И какъ же онъ заботился объ этихъ друзьяхъ-студентахъ! Онъ училъ ихъ иностраннымъ языкамъ, вводя въ сокровищницу европейской литературы. Я помню, какъ отъ него приносились Байронъ, Шиллеръ, Гёте: Захаровъ, Данельскій, Ренненкампфъ, пользовавшіеся вниманіемъ и симпатіей Бунге, могли бы подтвердить это. Въ Нѣжинѣ, какъ потомъ въ Кіевѣ, онъ былъ центромъ кружка, къ которому примкнули лучшіе люди. Таковъ былъ человѣкъ, которому поручили преподаваніе на третьемъ курсѣ такого сухого предмета, какъ законы казеннаго управленія. Но онъ съумѣлъ оживить этотъ предметъ, введя въ него въ широкихъ размѣрахъ свой возлюбленный предметъ—политическую экономію, которая тогда не преподавалась на юридическомъ факультетѣ, на которомъ учился Бунге, но на который ему указывала дружба съ профессоромъ Вернадскимъ. Въ Нѣжинѣ онъ обработывалъ свою теорію кредита, сущность которой, въ видѣ академической рѣчи, была

изложена на лицейскомъ актѣ. Я помню докторскій диспутъ Бунге въ 1851 году, когда онъ свой трактатъ о кредитѣ защищалъ на степень доктора политической экономіи. Въ томъ же году онъ перешелъ на службу въ университетъ св. Владиміра, которому послужилъ долго, честно и на каѳедрѣ—сначала по историко-филологическому, а потомъ по юридическому факультету, сначала политической экономіи и статистики, а потомъ полицейскаго права—и по администраціи, какъ деканъ и какъ ректоръ коронный и дважды выбранный. Миръ праху твоему, даровитый и честный труженикъ! Будь побольше на Руси такихъ людей, не было бы Некрасовскаго вопроса: „Кому на Руси жить хорошо?“

Кромѣ характеризованныхъ нами преподавателей, въ лицеѣ преподавали протоіерей Мерцаловъ и лектора: французскаго языка Лельевръ, Нессонье и Ганотъ, и нѣмецкаго — Клернеръ. Но такъ какъ они преподавали и въ гимназіи, то о нихъ я скажу ниже, когда буду припоминать составъ ея преподавателей. Живо вспоминается мнѣ бѣлое зданіе лицея, окаймленное густымъ лицейскимъ садомъ, по которому когда-то прогуливался Гоголь. Въ этомъ же зданіи помѣщалась и наша гимназія. Оно было воздвигнуто графомъ Безбородко и—прелестной архитектуры, къ сожалѣнію обезображенной пристройками, приспособляемыми къ помѣщенію института. Я какъ будто вижу и теперь у длинной колоннады главнаго фронтона столь памятную мнѣ фигуру нашего директора, въ неизмѣнномъ однобортномъ форменномъ кафтанѣ. Щуря свои косые глаза, онъ присматривается къ собирающимся изъ различныхъ закоулковъ Нѣжина гимназистамъ, торопящимся въ классы. Уже Гаврило позвонилъ второй звонокъ,—нужно поспѣть къ евангелію, которое неизмѣнно читалось каждый день, и чтеніе котораго предшествовало урокамъ. По колѣно въ классической нѣжинской грязи бредутъ и малютки, и великовозрастные, въ вѣтромъ подбитыхъ шинелькахъ, съ книгами и тетрадями подъ мышкой, такъ какъ ранцевъ тогда не существовало. Наша гимназія, руководимая такимъ педагогомъ, какъ Христіанъ Адольфовичъ, была одною изъ лучшихъ въ кіевскомъ учебномъ округѣ. Съ нею могла соперничать развѣ черниговская, на долю которой выпалъ такой директоръ, какъ Невѣровъ, другъ Грановскаго, и такой учитель исторіи, какъ Стиславскій,—да развѣ полтавская, славная такими учителями, какъ Александръ Стронинъ и Палѣвичъ, и такими воспитанниками, какъ Котляревскій, Захаровъ, Бекманъ, Португаловъ и др. Сравнительно же съ гимназіями правобережными,

заднѣпровскими, въ которыхъ еще не угасла польщизна, наша лѣвобережная гимназія была значительно лучше. Не то чтобы въ ней было много выдающихся учителей,—большая часть изъ нихъ были если не плохими, то посредственными,—но ею управлялъ такой директоръ, какъ Экебладъ, назначенный такимъ попечителемъ, какъ фонъ-Брадке. Сторонникъ средней школы единаго типа, дающей общее образованіе, а не подготовку къ спеціальной профессіи, незабвенный министръ Уваровъ не допускалъ въ гимназіи никакого раздвоенія. Бифуркація явилась только въ 1849 году, когда на мѣстѣ высокопросвѣщеннаго Уварова сидѣлъ обскурантный князь Ширинскій-Шихматовъ. Съ четвертаго класса онъ ввелъ преподаваніе греческаго языка и законовѣдѣнія, предоставивъ ученикамъ выборъ того или другого предмета; но, если только память не измѣняетъ мнѣ, поступленіе въ университетъ не обусловливалось такимъ выборомъ: въ него могли поступать и греки, и законовѣды, если только они имѣли аттестатъ и успѣшно выдержали вступительный въ университетъ экзаменъ, которому не подвергались только одни медалисты. До вышеозначенной бифуркаціи въ гимназіи въ такомъ полугреческомъ городѣ, какимъ былъ Нѣжинъ, греческій языкъ вовсе не преподавался, а ограничивались однимъ латинскимъ, начиная съ перваго класса, но преподаваніе послѣдняго было такъ основательно, что ученики седьмого класса могли свободно читать Горація и Цицерона;—такъ было, по крайней мѣрѣ, у насъ, когда учителемъ латинскаго языка былъ даровитый Валерьянъ Станиславовичъ Коперницкій. По моему крайнему разумѣнію, эта гимназія уваровскаго типа была истинно гуманной школой. Основными ея предметами были: исторія, словесность и математика. Я придаю особенное значеніе правильно поставленному преподаванію исторіи въ средней школѣ. Едва ли какая-нибудь другая наука такъ способна развивать юный умъ, выработывая широкое, правильное міровоззрѣніе. Опытъ и испытанія, пережитыя народомъ и человѣчествомъ,—великое назиданіе. Напомню мой личный опытъ. Нашъ учитель исторіи, Григорій Ѳедоровичъ Яковенко, недоучившійся, былъ учитель весьма посредственный. Нашъ учебникъ—трехтомный курсъ Смарагдова—учебникъ достоинства сомнительнаго. Но когда къ окончательному экзамену я изучилъ всѣ три тома—древнюю, среднюю и новую исторію - какая картина общечеловѣческаго мірового развитія нарисовалась въ моемъ молодомъ умѣ; какія перспективы и какія мысли зароились, когда я обнялъ весь ходъ міровой эволюціи человѣчества! Не могу забыть, какъ умственно былъ развитъ девятнадцати-

лѣтній Рененкампфъ, когда изъ черниговской гимназіи, гдѣ исторію преподавалъ Стиславскій, онъ поступилъ въ лицей. Я тогда очень сдружился съ нимъ: насъ сближало одинаковое стремленіе къ знанію и развитію, одинаковое поклоненіе идеѣ, а не факту. И можно ли было тогда думать, что изъ этого свѣтлаго юноши, блестящаго ученика блестящаго учителя исторіи, выйдетъ такой недоброй памяти товарищъ, ректоръ, городской голова? Талантливые уроки исторіи поставили его на правильный путь, съ котораго сбили его искушенія жизни, столь опасныя для эгоистической натуры. Въ годъ моего поступленія въ гимназію еще преподавались психологія въ пятомъ, логика въ шестомъ и статистика въ седьмомъ классѣ; сколько помню, въ послѣднемъ классѣ преподавалась еще аналитика, но министерской программой 1845 года всѣ эти предметы были упразднены.

Въ первые годы моего поступленія уроки бывали до обѣда и послѣ обѣда. Эти послѣобѣденные уроки были и для приходящихъ учениковъ крайне неудобны: на-скоро пообѣдавъ, мы бѣжали въ гимназію, гдѣ ждали насъ раннія сумерки и мрачные классы, а это на молодую душу наводило меланхолическое, угнетающее настроеніе. Мы были очень довольны, когда, съ моимъ переходомъ въ четвертый классъ, эти послѣобѣденныя занятія были упразднены.

Помню я также ревизіи гимназіи, производимыя окружнымъ начальствомъ. Ревизіи князя Давидова я не засталъ, такъ какъ она была до моего поступленія въ гимназію. Я хорошо помню ревизію помощника попечителя, Юзефовича, и попечителя Траскина. Первая производилась, когда я былъ въ третьемъ классѣ, а вторая, не помню,—въ четвертомъ или пятомъ. Помнится, была еще ревизія инспектора казенныхъ учебныхъ заведеній, Могилянскаго. Юзефовичъ, отставной уланскій ротмистръ, сохранилъ и въ званіи попечителя пріемы военнаго человѣка, эскадроннаго командира. Питомецъ московскаго благороднаго пансіона, онъ былъ человѣкъ не безъ образованія, человѣкъ салона—прекраснаго французскаго языка. Въ двадцатыхъ годахъ онъ велъ знакомство съ Пушкинымъ и другими литераторами того времени, и самъ былъ человѣкъ не безъ литературныхъ наклонностей. Его стихотворенія печатались въ альманахахъ того времени и переписывались деревенскими барышнями въ ихъ альбомы. Вращаясь въ университетскомъ профессорскомъ кругу, онъ на лету хваталъ всякія знанія, которыхъ въ дѣйствительности не имѣлъ, въ чемъ иногда и попадался. Разсказываютъ, что однажды былъ диспутъ на степень магистра русской словес-

ности: защищалась диссертація о Батюшковѣ. Когда окончились возраженія оппонентовъ, сидѣвшій около Юзефовича профессоръ Костырь, нерѣдко подтрунивавшій надъ нимъ, сказалъ: „А дефендентъ не упомянулъ о драмахъ Батюшкова"! Юзефовичъ, услышавъ и желая порисоваться своими глубокими свѣдѣніями, смѣло и громко сказалъ: „Отчего же вы, г. дефендентъ, не разобрали драмъ Батюшкова, которыхъ онъ такъ много написалъ"? Se non è vero, è ben trovato: во всякомъ случаѣ, это— эпизодъ, характеризующій смѣлость эксъ-улана и его эрудицію.

Но важнѣйшая ошибка Юзефовича состояла въ томъ, что онъ воображалъ, будто бы авторитетъ власти, устанавливающей порядокъ и дисциплину, поддерживается громкимъ басомъ и грубымъ, неделикатнымъ обращеніемъ съ учителями и подчиненными чиновниками, какъ будто эти лица имѣютъ такое же отношеніе къ нему, какое имѣли вахмистры его эскадрона. Эта прелестная манера вполнѣ сказалась на ревизіи. Въ третьемъ классѣ я учился хорошо: былъ аудиторомъ изъ геометріи и географіи, сидѣлъ на скамьѣ „прилежнѣйшихъ", какъ гласила прибитая на ней табличка. Другая скамья была для „отличнѣйшихъ", и ежемѣсячно, сообразно отмѣткамъ, происходило разсаживаніе на этихъ скамьяхъ, сидѣть на которыхъ было гордостью учениковъ.

Изъ географіи у меня стояло пять, и преподававшій ее учитель, Моисей Григорьевичъ Левдикъ, надѣялся, что я поддержу его на ревизіи. Но вышло совсѣмъ иначе—и я былъ причиною грознаго выговора, полученнаго имъ отъ грознаго ревизора. Дѣло было такъ: я поздно возвратился съ каникулъ и пропустилъ уроки, въ которыхъ трактовалось о рѣкахъ Сибири. Ревизоръ вызывалъ лучшихъ учениковъ, вызвалъ и меня, предложивъ вопросъ о сибирскихъ рѣкахъ—единственный вопросъ, на который я не могъ отвѣчать. Ну, да и расходился же Юзефовичъ! Ну, да и наругался же онъ надъ перепуганнымъ Левдикомъ, къ чести котораго скажу, что онъ не перемѣнилъ своихъ прежнихъ отношеній ко мнѣ.

Другая ревизія прошла иначе. Толстый-претолстый Траскинъ, которому едва ли приставало быть попечителемъ, ввалился въ классъ. Съ трудомъ взобравшись на каѳедру, онъ предложилъ нѣсколькимъ ученикамъ нѣсколько вопросовъ по разнымъ предметамъ, остался доволенъ ихъ отвѣтами—и ревизія кончилась.

Такова была провѣрка хода гимназическихъ занятій въ то доброе старое время. Нерѣдко вспоминали тогда и о предшествовавшихъ ревизіяхъ профессоровъ Ставровскаго и Ѳедотова, ревизовавшаго ихъ. Вспоминали, какъ много пироговъ и дру-

гихъ съѣстныхъ припасовъ положила въ тарантасы отъѣзжающихъ въ Кіевъ ревизоровъ Анна Ермолаевна, супруга директора.

Въ то крѣпостное, дворянское время въ русской школѣ не было мѣста русскому человѣку, если только онъ принадлежалъ къ податному состоянію. Большинство приходящихъ были дѣти недостаточныхъ родителей—мѣщанъ, купцовъ, мелкихъ потомственныхъ и личныхъ дворянъ, которые употребляли послѣднія средства, чтобы дать дѣтямъ приличное воспитаніе. Правда, въ это доброе старое время это воспитаніе стоило дешевле—за право ученія мы платили, напримѣръ, пять рублей, да шестой—на врача, но все-таки нужны были деньги. Въ этой толпѣ полуобутыхъ, полуодѣтыхъ и голодныхъ ребятишекъ выдѣлялись немногіе, болѣе достаточные, пребывавшіе то въ общей квартирѣ, содержимой Шапошниковымъ, то на квартирахъ учителей и другихъ именитыхъ обывателей. Большинство же приходящихъ ютилось въ домишкахъ грязныхъ нѣжинскихъ закоулковъ. Вокругъ репетитора, ученика изъ высшихъ классовъ, собиралась группа въ нѣсколько человѣкъ и жила вмѣстѣ. Нанималась дешевая квартира, провизія и крѣпостная кухарка доставлялись изъ деревни—и кое-какъ жилось-поживалось. Евреевъ, въ мое время, въ нѣжинской гимназіи не было ни одного. Отъ этого учащагося пролетаріата рѣзко отдѣлялись пансіонеры, жившіе въ интернатѣ. Немногіе изъ нихъ были люди небогатые, воспитывавшіеся на счетъ графа Безбородко, а большинство платило хорошія деньги и принадлежало къ довольно богатымъ дѣтямъ преимущественно мѣстныхъ дворянъ. Эти пансіонеры были излюбленными чадами Экеблада. Они рѣзко отдѣлялись отъ приходящихъ товарищей: сидѣли на отдѣльной скамьѣ, носили отличавшее ихъ платье—куртку, тогда какъ у насъ былъ сюртукъ; воротникъ ихъ мундира украшенъ былъ двумя петлицами, тогда какъ у насъ была только одна. Это было неподходящее къ условіямъ школы примѣненіе того сословнаго обособленія, которое привито было къ русскому обществу законодательствомъ Екатерины II.

Эти пансіонеры, выхоленные и откормленные маменькины сынки, говорящіе на иностранныхъ языкахъ, большею частью были учениками тупыми и нерадивыми. Недурно учились только тѣ изъ нихъ, которые были на иждивеніи графа Безбородко,—напримѣръ, Курдюмовъ, Айгустовъ, Царевскій и др., а у платящихъ иногда существовалъ принципъ, которому они твердо слѣдовали,—не только не учить уроковъ, но даже ничего, абсо-

лютно-таки ничего не читать. Самодовольная тупость и невѣжество нѣкоторыхъ изъ нихъ были изумительны. Кое-какъ ихъ перетаскивали изъ класса въ классъ, благодаря протекціи и заступничеству, а иногда и за уроки, которые брали нѣкоторые изъ нихъ у податливыхъ учителей. Теперь заговорили о возстановленіи интернатовъ въ гимназіяхъ для дворянскихъ дѣтей. Но если только эти интернаты будутъ напоминать собою прежніе благородные пансіоны, такъ ужъ лучше ихъ не возстановлять.

Учителя гимназіи, въ мое время, раздѣлялись на старшихъ и младшихъ. Первые имѣли право засѣдать въ педагогическомъ совѣтѣ, получать нѣсколько повышенные оклады и быть по должности однимъ классомъ выше, что̀ давало право на галуны на обшлагахъ рукавовъ мундировъ. Другіе этихъ важныхъ правъ не имѣли. Къ старшимъ учителямъ принадлежали учителя, преподававшіе въ четырехъ высшихъ классахъ и, помнится, законоучитель; къ младшимъ принадлежали всѣ прочіе. Старшими учителями въ мое время были: Коперницкій, Бончъ-Осмоловскій, Дубницкій, а потомъ—Симоновъ и Яковенко. О каждомъ изъ нихъ нѣсколько словъ. Валерьянъ Станиславовичъ Коперницкій преподавалъ латинскій языкъ, замѣнивъ собою Корсака, отъ котораго уже слишкомъ вѣяло Вильной или Кременцомъ. Коперницкій былъ талантливый и высокообразованный человѣкъ, съ обширными познаніями и правильными пріемами преподаванія. Онъ училъ не только синтаксису и просодіи, но, увлекаясь одами Горація и рѣчами Цицерона, онъ сообщалъ это увлеченіе и своимъ ученикамъ, помогая имъ постигать духъ классиковъ. Пламенный энтузіастъ, онъ былъ страстнымъ польскимъ патріотомъ. Возстановленіе Рѣчи Посполитой было для него, уроженца кіевской губерніи, завѣтной мечтой. Это сгубило его: скомпрометированный въ повстаніи 1863 года, онъ попалъ въ ссылку. Возвратившись оттуда, былъ учителемъ гимназіи въ Варшавѣ, гдѣ и окончилъ свой бурный вѣкъ. Для меня его память очень симпатична: до его польскихъ увлеченій мнѣ не было дѣла, а его образованность и умъ имѣли вліяніе и на мое образованіе, и въ моихъ гимназическихъ воспоминаніяхъ онъ является одною изъ самыхъ рельефныхъ фигуръ.

Осипъ Осиповичъ Бончъ-Осмоловскій былъ старѣйшимъ учителемъ гимназіи. Онъ преподавалъ геометрію съ тригонометріей и физику съ космографіей. Онъ гордился тѣмъ, что учился математикѣ въ Харьковѣ у профессора Осиповскаго и былъ товарищемъ знаменитаго Остроградскаго. Себя самого онъ считалъ не менѣе знаменитымъ математикомъ, хотя мы этого не призна-

вали. Бывало, онъ разрѣшитъ какую-нибудь геометрическую теорему и, самодовольно ухмыляясь, гордо посматриваетъ на насъ, какъ бы говоря: „смотрите-де, какой я молодецъ“! Но мы находили его преподаваніе неудобопонятнымъ. Я же, враждовавшій всегда съ математикой, откупался уроками, которые бралъ передъ экзаменомъ: это не мѣшало ни моимъ переводамъ изъ класса въ классъ, ни моему окончанію гимназіи. Русскую словесность, церковно-славянскую грамматику, реторику, піитику и исторію русской литературы преподавалъ сначала Яковъ Калиниковичъ Дубницкій, у котораго я жилъ на квартирѣ. Онъ зналъ свое дѣло, преподавалъ хорошо и отлично декламировалъ. До сихъ поръ мнѣ помнится, какъ выразительно онъ читалъ:

„Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты не даромъ мнѣ сіялъ...
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ“!

Онъ превосходно читалъ это: его интонаціи запечатлѣлись у меня въ памяти. Недостаткомъ его было то, что онъ не отрѣшился еще отъ фигуръ и троповъ Кошанскаго и задавалъ намъ учить: „Се Роска Флакка зракъ...“ и т. д. Мнѣ кажется, что онъ не признавалъ ни Гоголя, ни Бѣлинскаго, и склонялся къ школѣ романтическо-реторической. Я его очень любилъ уже за одно то, что онъ—словесникъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ взаимностью уже за одно то, что я буду словесникомъ. На моихъ глазахъ онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра русской словесности, представилъ и защитилъ диссертацію о Карамзинѣ—въ рукописи, какъ тогда водилось до самаго Пирогова, потребовавшаго, чтобы диссертаціи были печатныя. Я помню его горе, когда у него умеръ маленькій сынокъ, надъ которымъ въ лицейской церкви я всю ночь читалъ псалтирь, перемѣняясь со Стефаномъ Пономаревымъ, теперь извѣстнымъ библіографомъ. Я помню преждевременную смерть Дубницкаго и торжественныя похороны, когда гробъ несли гимназисты, и я въ ихъ числѣ. Дубницкаго замѣнилъ Матвѣй Терентьевичъ Симоновъ, преподававшій тѣ же предметы, а меня учившій въ шестомъ классѣ піитикѣ, а въ седьмомъ—исторіи русской литературы. Это былъ человѣкъ совершенно другого типа. Онъ былъ въ курсѣ новѣйшихъ литературныхъ понятій и понималъ значеніе Гоголя и Бѣлинскаго. Казачій сынъ, онъ горячо любилъ Малороссію—ея чудную природу, ея прелестныя пѣсни. Это былъ человѣкъ нѣжнаго сердца, но производилъ впечатлѣніе человѣка грубаго, характера стой-

каго и могучаго. Онъ не надѣленъ былъ даромъ слова и, ходя по классу, медленно диктовалъ намъ урокъ на слѣдующій разъ. Онъ любилъ, чтобы мы писали сочиненія. Я помню, какъ я подалъ ему разборъ повѣсти Гоголя „Шинель“, въ которомъ старался доказать, что это—не повѣсть, а драма. Въ другой разъ, я написалъ о воспитаніи, стараясь показать, какъ должно воспитывать человѣка. Источникомъ моихъ мыслей были, конечно, статьи Бѣлинскаго, которыми я зачитывался на гимназической скамьѣ. Я, вообще, въ гимназіи имѣлъ репутацію развитого и литературнаго малаго. Помню, какой эффектъ на Экеблада произвело мое сочиненіе на окончательномъ экзаменѣ. Мнѣ предложили тему: „Будущая жизнь“. Сопоставивъ и сличивъ гадательные дары съ видимыми и осязаемыми, я заключилъ стихами:

А тутъ дары земные,
Дыханіе цвѣтовъ,
Дни, ночи золотыя,
Разгульный шумъ лѣсовъ.
И сердца рѣчь живая,
И чувства огнь святой,
И дѣва молодая
Блистаетъ красотой.
А тамъ? Тамъ страшно!

Все это было прочтено съ такимъ юнымъ паѳосомъ, что увлеченный Экебладъ вскрикнулъ: „Молодецъ! славно!“,—а Симоновъ одобрительно улыбнулся. Хорошо, что не слышалъ Мерцаловъ, а то бы онъ пробралъ меня за такія языческія воззрѣнія на загробную жизнь. Я Симонова очень любилъ: насъ сближалъ и общій физическій недостатокъ—у меня не было праваго глаза, а у него—лѣваго. Оставивъ службу въ гимназіи, Симоновъ служилъ въ государственномъ контролѣ, потомъ онъ было директоромъ земской лубенской гимназіи, превосходно ее поставившимъ. Землевладѣлецъ лубенскаго уѣзда, онъ былъ дважды избираемъ мировымъ судьей, но отказался отъ должности земскаго начальника, основной идеѣ которой онъ не сочувствовалъ. Къ сожалѣнію, я съ нимъ не встрѣчался ни разу послѣ выхода изъ гимназіи, и узналъ о его кончинѣ въ 1900 году отъ его дочери и внучки, съ которыми случайно пришлось встрѣтиться. Григорій Ѳедоровичъ Яковенко преподавалъ всеобщую исторію по Смарагдову и русскую—по пространному—Устрялова. Онъ былъ недоучившимся студентомъ педагогическаго института и только благодаря протекціи своего отца, служившаго въ синодѣ, получилъ мѣсто старшаго учителя въ Нѣжинѣ. Лѣнивый и избало-

ванный, онъ не имѣлъ ни обширнаго образованія, ни большихъ познаній. Сначала онъ совсѣмъ не зналъ преподаваемаго предмета; но, обладая большою памятью, онъ такъ тонко и обстоятельно изучилъ учебники, что замѣчалъ малѣйшій промахъ при отвѣтѣ урока. Рѣдко тогда онъ что-нибудь объяснялъ намъ, но, нахмурясь, шагалъ по классу, выслушивая наши уроки. Часто сносясь съ Петербургомъ, гдѣ служилъ его отецъ, онъ привозилъ оттуда модное, изящное платье и всегда прекрасно былъ одѣтъ. Любуясь его жилетами, мы считали его первѣйшимъ нѣжинскимъ щеголемъ и сердцеѣдомъ. Онъ-таки и побѣдилъ сердце хорошенькой вдовы Дубницкой и женился на ней.

Таковы были наши старшіе учителя, а теперь я перейду къ характеристикѣ младшихъ. Младшими учителями были: Терешкевичъ, Левдикъ, Троцкій и Куликовскій. О каждомъ изъ нихъ—нѣсколько словъ. Терешкевичъ преподавалъ латинскій языкъ въ трехъ низшихъ классахъ. Это былъ оригинальнѣйшій и типичнѣйшій человѣкъ. Говорили, что въ университетѣ онъ занимался философіей и написалъ диссертацію на золотую медаль. Тогда этому послѣднему придавали большое значеніе. Преподавалъ онъ сурово и грозно. Я помню, какъ мы заучивали всѣ латинскіе неправильные глаголы и, не переводя духа, ему пересказывали. Онъ завелъ странную систему: вызывать охотниковъ получить пять. Если только такой охотникъ отвѣчалъ несоотвѣтственно этой отмѣткѣ, того Терешкевичъ угощалъ обильными щелчками и ставилъ на колѣни. Этимъ щелчкамъ и „на колѣни" онъ отдавался съ увлеченіемъ. Сидя на каѳедрѣ, онъ былъ окруженъ толпою учениковъ, наказанныхъ любимымъ его способомъ. Однажды былъ такой случай. Стоялъ на колѣняхъ Сергѣй Риттеръ. Это былъ ученикъ плохой, лѣнивый, но наблюдательный и остроумный. Зная мелочное самолюбіе учителя, онъ обратился къ своему сосѣду съ вопросомъ: „Какъ ты думаешь, какая цѣпочка у г. учителя, мѣдная или золотая?"—„Конечно, мѣдная",—отвѣчаетъ тотъ.—„Можно ли, чтобъ такой учитель, какъ Терешкевичъ, носилъ цѣпочку мѣдную, а не золотую? Эта цѣпочка, конечно, золотая". Это такъ польстило Терешкевичу, что онъ простилъ Риттера, а его собесѣдника продержалъ на колѣняхъ до конца класса. Мы его очень боялись, да и было чего. Съ вѣчной гримасой недовольства, курчавой головой, съ рукой, всегда готовой надавать щелчковъ. Такимъ онъ припоминается мнѣ. Особенно онъ былъ смѣшонъ, когда въ своей „коясочкѣ", какъ выговаривалъ онъ слово „колясочка", на парѣ своихъ „гошадокъ", какъ выговаривалъ онъ слово „лошадокъ", въ старой бобровой

шапкѣ и закутанный въ грязную енотовую шубёнку, медленнымъ шагомъ двигался изъ своей отдаленной квартиры на урокъ въ гимназію. Всѣ потѣшались надъ нимъ, и разсказывалось о немъ много анекдотовъ. Говорили, напримѣръ, что однажды на свои именины онъ пригласилъ директора и товарищей. Самъ же, раздѣвшись, улегся въ постель, приготовивъ угощеніе. Съѣхались гости; онъ встрѣчаетъ и привѣтствуетъ ихъ, лежа въ постели, и, не двигаясь съ мѣста, приглашаетъ ихъ выпить и закусить. Таковъ былъ этотъ самородокъ-учитель, и такихъ самородковъ тогдашнее время выдѣлывало не мало.

Моисей Григорьевичъ Левдикъ преподавалъ русскую грамматику въ четырехъ—и географію въ трехъ классахъ. Въ университетѣ онъ былъ юристомъ и неожиданно сдѣлался педагогомъ, и педагогомъ изряднымъ. Особенно удачно шло преподаваніе русской грамматики, которую мы хорошо знали, боясь его подзатыльниковъ. Щелчковъ онъ не любилъ, предпочитая драть за уши и за чубъ, что̀ случалось нерѣдко и въ довольно тяжеломъ видѣ. Къ преподаванію географіи онъ относился съ меньшимъ усердіемъ, но и здѣсь дѣло шло недурно. Онъ обращалъ особое вниманіе на черченіе географическихъ картъ.

Ученики къ экзамену должны были приготовить коллекцію картъ всѣхъ пройденныхъ государствъ. Мнѣ черченіе не удавалось. Только одну Швецію я могъ начертить; поэтому экзаменаціонная тетрадка картъ заказывалась мною товарищамъ,—какъ теперь помню,—Шперку или Сенплинскому, промышлявшимъ этимъ дѣломъ для добыванія денегъ. Кромѣ вышеозначенныхъ предметовъ, Левдикъ преподавалъ въ четвертомъ классѣ стихосложеніе. Я помню тоненькую книжку этого стихосложенія, по которой мы учили о ямбахъ, хореяхъ и гекзаметрахъ. Помню примѣръ одного изъ этихъ размѣровъ: „Мать Дарью, Дарью кликала домой:— Подь, Дарья, Дарья, Дарьюшка, домой“! Таковы были изучаемые нами образцы русской поэзіи. Въ четвертомъ классѣ географію Россіи преподавалъ Троцкій. Чему и гдѣ онъ учился—не знаю, но знаю, что это было бѣдное, запуганное созданіе, и достаточно было вскрикнуть: „Экебладъ идетъ!“ — чтобъ его, блѣднаго какъ смерть, забила лихорадка. Ненавистнѣйшимъ для меня учителемъ былъ Францъ Антоновичъ Куликовскій, наружность котораго вызывала во мнѣ брезгливое чувство. Высокій и худой, съ желтовато-блѣднымъ лицомъ, маленькими насмѣшливыми глазёнками и огромными бакенбардами,—я просто переносить его не могъ. Онъ мнѣ также платилъ взаимностью. Но свои предметы—ариѳметику и алгебру—онъ преподавалъ прекрасно, даже

съ нѣкоторымъ увлеченіемъ. Въ какомъ восхищеніи онъ бывалъ, когда какой-нибудь Бенкевичъ, Дейкунъ-Мочиненко или Корачевскій-Волкъ смѣло и находчиво разрѣшали предлагаемыя имъ головоломныя задачи. Зато съ какой иронiей съуживались его глазки и сжимались его губы, когда къ доскѣ онъ вызывалъ меня или подобнаго мнѣ математика. Какъ дразнилъ онъ насъ поставленной плохой отмѣткой, показывая свой маленькій, аккуратненькій журнальчикъ: „Вотъ тебѣ ноль, кругленькій, хорошенькій, какъ бубликъ!" Или: „Вотъ тебѣ единичка, прямая, какъ палочка!" и т. д. Но скажу къ чести злопамятно вспоминаемаго мною педагога, что онъ не любилъ ни щелчковъ, какъ Терешкевичъ, ни подзатыльниковъ, какъ Левдикъ, и на колѣни почти никогда не ставилъ.

Французскій языкъ преподавалъ старый баккалавръ Сорбонны Лельевръ, доставшійся еще отъ гимназіи высшихъ наукъ. Преподавалъ онъ невозможно. Онъ былъ совершенно глухой. Иногда вмѣсто Лафонтена или Паскаля ученикъ говорилъ ему „Отче нашъ", а онъ его похваливалъ и ставилъ удовлетворительную отмѣтку. По временамъ его замѣнялъ надзиратель пансіона Ганотъ—типическій галльскій пѣтухъ по хвастливости и фразерству. Потомъ онъ былъ назначенъ лекторомъ, а пока Лельевра замѣнилъ Мессонье, преподававшій отлично, но, къ сожалѣнію, очень недолго; на мѣсто его былъ назначенъ какой-то молодой французъ, фамилію и личность котораго я не припомню. Нѣмецкій языкъ преподавалъ Иванъ Ѳедоровичъ Клернеръ, учившійся въ дерптскомъ университетѣ. Это былъ вполнѣ образованный человѣкъ и превосходный преподаватель. Законоучителемъ въ лицеѣ и гимназіи былъ о. Иванъ Мерцаловъ, человѣкъ всѣми уважаемый, съ большими познаніями, но крайне болѣзненный и раздражительный. Типическій великороссъ, онъ былъ человѣкъ могучаго характера. Мы его боялись и уважали. Бывало, накинется онъ на кого-нибудь въ классѣ за какой-нибудь пустякъ и, раздражаясь, постепенно доходитъ до сильнѣйшаго гнѣва, превращая пустякъ въ какой-нибудь серьезный проступокъ, подлежащій самымъ строгимъ карамъ. Въ этихъ выговорахъ и нравоученіяхъ пройдетъ иногда весь урокъ. Говорили, что прежде онъ не былъ такъ раздражителенъ и что эта раздражительность вызывалась его болѣзнью и семейными обстоятельствами. Семью онъ имѣлъ большую, состоявшую изъ многочисленныхъ сыновей, въ числѣ которыхъ были и два Ивана. Заботился онъ много о нихъ, но изъ нихъ вышли авантюристы и неудачники. Не могу припомнить пріемовъ его преподаванія, но помню, что катехи-

зисъ и священную исторію мы знали прекрасно. Литургику же въ наше время вовсе не преподавали. Мое лучшее воспоминаніе о Мерцаловѣ—это его священнослуженіе въ лицейской церкви. Онъ по истинѣ былъ вдохновенный художникъ, способный расположить къ молитвѣ самаго небогомольнаго человѣка. Припоминаю то религіозное настроеніе, въ которомъ я бывалъ въ лицейской церкви, когда слушалъ и созерцалъ служеніе о. Мерцалова. Къ тому же и хоръ изъ гимназическихъ пѣвчихъ, подъ регентствомъ студента Пршибисова, былъ превосходенъ: дивное соло гимназистика Трубницкаго въ „Господи помилуй“ мнѣ слышится и теперь. Я встрѣчалъ потомъ только одного священника, вдохновенное и художественное служеніе котораго напоминало мнѣ о. Мерцалова. Это былъ незабвенный Назарій Антоновичъ Ѳаворовъ, покойный профессоръ богословія въ нашемъ университетѣ, незамѣнимый и оплакиваемый нами до сихъ поръ.

Таковъ былъ составъ преподавателей, которые учили меня въ гимназіи, пройденной мною въ шесть лѣтъ. Я былъ хорошимъ ученикомъ только во второмъ и третьемъ классахъ, изъ которыхъ я переходилъ съ похвальными листами, а съ четвертаго класса сталъ учиться плохо, свысока посматривая на учителей и ихъ преподаваніе. Изъ пятаго въ шестой я перешелъ съ передержкой изъ алгебры, а изъ шестого въ седьмой—изъ нѣмецкаго языка. Да и до ученія ли мнѣ было? Я постоянно влюблялся: то въ бальзаковскихъ дамъ, бывая дома на каникулахъ, то въ роменскихъ актрисъ, посѣщая ежегодно съ семьей ильинскую ярмарку, соблазны и прелести которой мнѣ памятны до сихъ поръ. Эта пресловутая ильинская ярмарка порядочно разстроивала дѣла отца: занимались деньги на тяжелыхъ условіяхъ, продавались на̀-скоро продукты, на̀-скоро и по дешевой цѣнѣ. Нельзя сказать, чтобы въ это время я особенно любилъ чтеніе и чтобы я книги предпочиталъ преферансу, въ которомъ мы упражнялись частенько.

Проживъ два года у учителя Дубницкаго, мы стали жить подъ управленіемъ репетитора моего брата, Ивана Павловича Скрипцова, на другихъ квартирахъ, и между прочимъ въ домикѣ милой старушки Бѣлянкиной, у монастырской ограды, гдѣ потомъ жили студенты Ренненкампфъ и Остроградскій. Но этотъ способъ скоро показался отцу неудобнымъ, и насъ помѣстили въ общей квартирѣ Шапошникова. Квартира эта была поставлена прекрасно. Дисциплина была довольно строгая; порядокъ—строгій и правильный; для занятій съ квартирантами и для надзора за ними содержались три репетитора, имена которыхъ я помню:

студентъ Савченко-Бѣльскій — для математики, и ученики седьмого класса, Сѣриковъ и Вотчевъ—для всѣхъ другихъ предметовъ. Они предсѣдательствовали за нашимъ обѣденнымъ столомъ, и за нашу малѣйшую провинность жаловались хозяину, человѣку вспыльчивому и сердитому. Я помню, какъ я, однажды, но не знаю уже, за что и про что, вытащенъ былъ Савченкомъ изъ-за обѣденнаго стола и отведенъ къ Шапошникову, который, потузивши меня, поставилъ на колѣни въ присутствіи своей супруги. Это было для меня тѣмъ болѣе обидно и больно, что наканунѣ я говорилъ съ нею о разныхъ стихотвореніяхъ и „Фаустѣ“ Гёте, съ которымъ я тогда познакомился по переводу Губера. Господствующая роль въ этой квартирѣ принадлежала великовозрастнымъ силачамъ, передъ физической силой которыхъ все преклонялось и съ которой считался самъ хозяинъ. Эти великовозрастные силачи, къ которымъ мы относились съ подобострастіемъ— о, какъ помню я ихъ имена!—были: Мартосъ, Ракочій, Акинъ, Костенецкій и Парохомскій. Они жили въ отдѣльной комнатѣ, къ которой мы подходили на цыпочкахъ. Возможное примѣненіе ихъ кулака, который они нерѣдко хвастливо показывали, устрашало насъ ужасно.

Въ моихъ воспоминаніяхъ пребываніе въ квартирѣ Шапошникова—одинъ изъ самыхъ пріятныхъ гимназическихъ эпизодовъ. Домъ стоялъ въ огромномъ графскомъ саду—частью англійскомъ, частью фруктовомъ. Посреди сада былъ прекрасный прудъ, изъ котораго мы почти не вылѣзали, то купаясь, то занимаясь навигаціей во время гимназическихъ уроковъ, за что однажды и были оштрафованы. Особенно хорошо я помню прогулки по этому саду въ лунныя осеннія ночи, свѣтлыя какъ день. Въ саду на ночное выпускались лошади арендатора. Мы ихъ ловили и устроивали веселыя кавалькады; считая себя въ то время поэтомъ, я все это описывалъ не-безупречными стихами. Въ гимназіи я рѣдко дружилъ и близко сходился съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, особенно избѣгалъ бывать на „ты“. Товарищи, въ свою очередь, не могли питать расположенія ко мнѣ, гордому, недоступному, считавшему себя болѣе развитымъ и воспитаннымъ—чуть не аристократомъ среди плебеевъ. Отъ гимназіи сохранилось у меня двѣ-три привязанности, и только одна истинная любовь—ко Льву Ивановичу Ждановичу. Вмѣстѣ съ нимъ я былъ и въ университетѣ, пока онъ его не бросилъ и не затерялся для меня. Онъ потомъ появился въ Кіевѣ, чтобы держать экзаменъ на степень кандидата правъ, и я своего однокашника экзаменовалъ по своему предмету. Это былъ чрезвычайно симпатичный,

чрезвычайно способный, но страшно распущенный человѣкъ и неутомимый картежникъ. Тѣмъ не менѣе, до конца дней его я сохранилъ къ нему самыя нѣжныя и дружескія отношенія, и мнѣ было очень жаль милаго Левочки, когда я узналъ изъ газетъ о его смерти. Изъ моихъ сожителей по квартирѣ Шапошникова ближе всѣхъ ко мнѣ были Затыркевичъ и Соллогубъ. Съ первымъ сближала меня наша общая любовь къ Лермонтову, всѣ стихотворенія котораго были имъ переписаны его изящнымъ и четкимъ почеркомъ. Имѣніе родителей Затыркевича находилось въ селѣ Блотницѣ, прилукскаго уѣзда, гдѣ жилъ и знаменитый генералъ Граббе, о которомъ я слышалъ отъ него много разсказовъ. Онъ и самъ имѣлъ наклонность къ военной службѣ, въ которую и поступилъ по окончаніи лицея. А до того онъ составлялъ потѣшныя роты и наслаждался ихъ муштрованіемъ. Вообще, онъ былъ славный и честный человѣкъ и считался у насъ въ классѣ первымъ юмористомъ и анекдотистомъ. Онъ прекрасно писалъ сочиненія и, въ особенности, описанія природы, и я удивляюсь, какъ изъ него не вышелъ писатель въ родѣ, напримѣръ, Гребенки, котораго и онъ очень уважалъ. Другой мой сожитель, Самсонъ Петровичъ Соллогубъ, былъ человѣкъ иного типа, не особенно надѣленный дарами. Маленькій, аккуратненькій, онъ былъ человѣкъ теплой, доброй души, и его приходилось мнѣ потомъ экзаменовать, когда, найдя для себя непосильнымъ медицинскій факультетъ, онъ задумалъ выдержать экзаменъ на кандидата факультета юридическаго. Припоминаю, что вмѣстѣ съ нимъ мы приготовляли нѣкоторые предметы: я—на магистра, онъ—на кандидата. Съ благодарностью я вспоминаю его товарищеское участіе и искреннюю радость, когда онъ присутствовалъ и на моей вступительной лекціи, и на моихъ диспутахъ—магистерскомъ и докторскомъ. Небольшой и слабосильный, онъ считалъ своимъ призваніемъ бороться за правду съ большими и сильными міра. Онъ палъ жертвой этой неравной борьбы: его несправедливо заключили въ конотопскую тюрьму, въ которой онъ и умеръ. Миръ праху твоему, хорошій, добрый товарищъ!

Мы тѣшились кавалькадами въ графскомъ саду въ чудесныя осеннія ночи 1847 года. А между тѣмъ къ Нѣжину подбиралась холера и стала уносить свои жертвы. Гимназія была закрыта и ученики распущены по домамъ. Я съ братомъ и двумя лохвичанами наняли подводу и, усѣвшись съ горемъ пополамъ на узкой телѣгѣ, пустились въ путь. Живо припоминаю это путешествіе въ прохладное осеннее время. По пріѣздѣ домой, я

самъ скоро заболѣлъ холерой, накинувшись съ жадностью на осеннія груши.

Эта холерная осень 1847 года—эпоха въ исторіи моего умственнаго развитія. Къ намъ пріѣхалъ Евгеній Васильевичъ Судовщиковъ, который тогда перешелъ изъ харьковскаго университета въ кіевскій. Начались мои „приватиссимы“, полуночныя бесѣды или, лучше сказать, монологи, которые я жадно слушалъ. Судовщиковъ отлично говорилъ, а я отлично его слушалъ. Судовщиковъ былъ прирожденный мыслитель и литераторъ. Слушатель Новицкаго, онъ поклонялся тогда Гегелю, съ которымъ познакомилъ меня, засадивъ за его эстетику въ русскомъ переводѣ. Другими его кумирами были Гоголь и Бѣлинскій. Все это было воспринято и мною, и мои прежнія литературныя понятія, и мои прежнія увлеченія Марлинскимъ и Кукольникомъ разбиты были въ прахъ. Какъ рылся я въ портфелѣ Судовщикова, выбирая разныя его выписки на лоскуткахъ бумаги, которыя я перечитывалъ и переписывалъ! Для меня на свѣтѣ не было человѣка умнѣе Судовщикова, курточки котораго я донашивалъ въ дѣтствѣ, а въ отроческіе годы усвоивалъ его вкусы и понятія. Я сталъ даже подражать его манерамъ, которыя были не безъ аффектаціи и жеманства,—сталъ, подобно ему, другимъ говорить колкости, а барышнямъ—каламбуры. Несомнѣнно, благодаря его „приватиссимамъ“, я перешагнулъ и переросъ гимназію. Послѣ полуночныхъ бесѣдъ по философіи,—какими мнѣ могли показаться объясненія моихъ учителей? Послѣ эстетики Гегеля и трактата о волѣ Судовщикова, отвергавшаго волю,—какими могли показаться мнѣ мои учебники? Въ январѣ 1848 года я возвратился въ квартиру Шапошникова, преисполненный высокомѣрія и презрѣнія къ гимназіи. Стоитъ ли учить уроки? Стоитъ ли слушать учителей? И я почти-что до окончанія гимназіи не училъ этихъ уроковъ, не слушалъ этихъ учителей, а распѣвалъ пѣсню, которая была въ большомъ ходу у насъ и сочиненіе которой мы приписывали Пестелю. Эту залихватскую пѣсню я помню и теперь:

„Друзья, неужто станемъ
Надъ книгой цѣлый вѣкъ коптѣть?
Всѣ книги въ печку! Перестанемъ
Надъ ними сгорбившись сидѣть!
Зарядимъ ружья, пистолеты,
И ну прохожихъ всѣхъ стрѣлять!
Себѣ ихъ звонкія монеты
По праву сильныхъ отбирать!“

Такія-то пѣсни пѣвали мы подъ бдительнымъ окомъ Экеблада. Я совершенно преобразился: язвилъ критикой учителей, говорилъ колкости товарищамъ, считая ихъ людьми неразвитыми; гимназію считалъ недостойной гегельянца. Переставъ совсѣмъ учить уроки, я удивляюсь, какъ я могъ, хотя и съ передержкой, перейти въ шестой классъ. Для ученика такого высокаго ранга дисциплина квартиры Шапошникова казалась уже неподходящей, и мы съ братомъ переселились на квартиру, которую содержала на главной улицѣ прилукская помѣщица Маркевичъ, съ сыномъ которой—прилукскимъ панычомъ со всѣми его нравами и распущенностью—я еще прежде сошелся. Это былъ ученикъ четвертаго класса, но казался уже вполнѣ установившимся эпикурейцемъ-крѣпостникомъ. Я могъ выдержать едва полгода жизни въ обществѣ прилукскихъ панычей, съ вѣчными картами и болтовней. Затѣмъ, обзаведясь крѣпостнымъ слугой Дмитріемъ, набивавшимъ мою трубку вакштафомъ, подобно тому, какъ Ефимъ набивалъ трубку отцу, я переселился въ сосѣдній домъ Манцева, въ которомъ и прожилъ послѣдніе полтора гимназическихъ года, сначала вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ, а по увольненіи его изъ гимназіи и переходѣ моемъ въ седьмой классъ я жилъ одинъ со своимъ Дмитріемъ. Припоминаю пріѣздъ въ это время почетнаго попечителя лицея, графа Кушелева-Безбородко, который былъ тогда государственнымъ контролеромъ. Съ нимъ были два сына. Въ моей памяти запечатлѣлся старшій, который былъ тогда въ послѣднемъ классѣ Александровскаго лицея. Впослѣдствіи онъ издавалъ „Русское Слово“ и разорился на меценатствѣ. Помѣстившись въ графскихъ покояхъ, графъ пробылъ въ Нѣжинѣ нѣсколько дней, устроивая развлеченія для учащихся. Его темно-синіе очки, ласковое, привѣтливое лицо и теперь носится предо мною. Въ седьмомъ классѣ я уже совершенно перестал занимать тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ. Я сталъ заниматься преимущественно исторіей русской литературы и исторіей живописи: все, что касалось Пушкина или Грибоѣдова, Мурильо или Рубенса, записывалось и бережно вносилось въ тетрадь. Учебниковъ у меня совсѣмъ не было. Я промѣнялъ ихъ на собраніе критикъ и рецензій „Отечественныхъ Записокъ“. Мечты объ университетѣ и словесномъ факультетѣ не покидали меня, и я считалъ дни, которые отдѣляли меня отъ университета. Приближалось уже время окончательныхъ экзаменовъ. Я засѣлъ за приготовленіе къ нимъ, что мнѣ было очень трудно, такъ какъ прежде я не училъ уроковъ, а нужно было выдержать по всѣмъ предметамъ по всѣмъ классамъ.

Но молодая энергія преодолѣла трудности: я подготовился изрядно, а уроки у Бончъ-Осмоловскаго обезпечили мнѣ экзаменъ по математикѣ. Экзамены начались передъ святой и производились очень торжественно. За столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, предсѣдательствовалъ самъ директоръ въ обществѣ ассистента и экзаменатора. Мы были въ мундирахъ; взявъ билетъ, мы его обдумывали въ глубокой амбразурѣ окна. Это обдумыванье иногда выручало насъ изъ бѣды: пансіонеры на шнуркѣ съ третьяго этажа спускали книгу, и мы по ней просматривали вынутый билетъ. Случалось взять билетъ застрахованный, такъ какъ страхованье это практиковалось нами въ широкихъ размѣрахъ; нѣкоторые даже хвастались числомъ застрахованныхъ билетовъ. Тогда спущенная на шнуркѣ книга спасала отъ дурной отмѣтки. Экзаменъ прошелъ для меня благополучно, и только изъ нѣмецкаго языка была маленькая заминка, но меня выручили въ совѣтѣ Симоновъ и Коперницкій, и я получилъ аттестатъ. Изъ гимназіи я вынесъ немного; однако въ этомъ виновата была не гимназія, но я самъ. Кто лучше въ ней учился, тотъ вынесъ изрядный запасъ свѣдѣній. Воспоминаніе объ этой гимназіи и всѣхъ моихъ учителяхъ для меня всегда было симпатично, а городъ Нѣжинъ, гдѣ протекли мои отроческіе годы, и до сихъ поръ милъ моему сердцу. Однажды меня спросили: „Какіе города мнѣ больше нравятся“? Я отвѣтилъ: „Нѣжинъ, Кіевъ и Гейдельбергъ“—города моей молодости, города моего ученья.

А. В. Романовичъ-Славатинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПРИ СВѢТѢ ВЕЧЕРНЕМЪ.

Какъ на зѐмлю вѣстникъ ночи
Сходитъ тихій свѣтъ вечерній
И потомъ, съ прощальной лаской,
Онъ ее на сонъ грядущій,
Уходя, благословляетъ,—
Такъ желалъ бы я предъ смертью,
Мирной думой успокоенъ,
Оглянуть духовнымъ взоромъ
Долгой жизни путь пройденный
И проститься съ нимъ любовно.

Помню дѣтство, помню юность
И всѣ жизни переходы
Черезъ мужественный возрастъ
Вплоть до старости глубокой.
Впечатлительной душою
Какъ любилъ я жизнь земную!
Какъ предъ ней бывалъ я веселъ
И порой какъ плакалъ горько!..
Еслибъ жизнь уму и сердцу
Ничего не даровала
Кромѣ слезъ и кромѣ смѣха,—
И тогда бъ воскликнуть можно:
Стòитъ жить на этомъ свѣтѣ!

А меня она, благая,
Награждала свыше мѣры.
Не богатствомъ, не почетомъ,
И не тѣмъ показнымъ блескомъ,
Что вѣковъ сѣдая мудрость
Называетъ суетою,—
Нѣтъ, она мнѣ указала,
Въ сферахъ духа, непрерывный
Наслажденія источникъ;
И я радости земныя
Изъ него обильно черпалъ...

II.

* * *

Жалко старцу видѣть, какъ толпа людская,
Случая слѣпого и страстей игралище,
Гонится за счастьемъ, силы напрягая,
Словно призовые кони на ристалищѣ.

Самъ въ душѣ онъ чуетъ строй необычайный:
Будто бы загробный зовъ порою слышится;
Будто бы тяжелый занавѣсъ предъ тайной
Хоть еще не поднятъ, но уже колышется.

И о всемъ житейскомъ мысля не тревожно,
Не стыдясь ошибки, не гордясь побѣдою,—
Онъ лишь полонъ думой: „о, коль было бъ можно
„Воспринять мнѣ вѣрой то, чего не вѣдаю!“

Алексѣй Жемчужниковъ.

1901.
Ильиновка

ЖИТЕЙСКІЕ ТОЛЧКИ

РАЗСКАЗЪ.

У Чертковыхъ обѣдали гости.

Былъ пятый часъ зимняго вечера, когда въ столовой засуетилась и зазвенѣла посудой прислуга.

Въ кабинетѣ въ это время доигрывали послѣдній роберъ; партнёры перекидывались отрывистыми:

— Три пики!—пассъ, пассъ!—Четыре бубны!—Пассъ!..

Въ залѣ велись серьезные разговоры. Говорили о политикѣ, о будущемъ Россіи, о народныхъ театрахъ и воскресныхъ чтеніяхъ;—порицали ошибки и бездѣятельность попечительствъ о народной трезвости.

Кто-то разсказалъ, что мѣстное попечительство затѣвало когда-то устроивать танцовальные вечера въ чайной, да ничего не вышло: выписали откуда-то органъ за восемьсотъ рублей, а онъ оказался порченый; стали чинить, выписали мастера, струнъ,—все это стало еще около ста рублей,—и опять ничего не вышло; такъ теперь и стоитъ безголосая машина, вызывая насмѣшки посѣтителей чайной.

— Не только насмѣшки, но и досаду! Вѣдь даромъ брошена почти тысяча рублей, а на эти деньги много чего можно бы сдѣлать!..

Хозяйка озабоченно посмотрѣла на свои золотые часики и пошла въ кабинетъ. Подойдя къ игрокамъ, она спросила въ полголоса у мужа:

— Скоро кончите?

— Безъ козырей!—Три бубны!—перекидывались винтёры, не обращая на нее вниманія.

— Слышишь, Поль: скоро кончите?—повторила она громче, съ легкимъ раздраженіемъ.

— Сейчасъ, Сонечка, сейчасъ!.. Четыре трефы!—провозгласилъ Павелъ Ильичъ, внимательно разобравъ карты.

Софья Львовна, съ досадливой гримасой, направилась въ столовую.

— Къ барину опять калюжинскіе мужики пришли!—тревожнымъ шопотомъ доложила ей горничная: —второй разъ пришли сегодня!.. утромъ сколько часовъ дожидались...

— Скажи, чтобы завтра...

— И то ужъ который день ходятъ!..

— Ну, такъ пошли ихъ въ канцелярію, къ письмоводителю.

— Просятъ, нельзя ли самого барина увидать?

— Ахъ, Боже мой!.. Если же нельзя!

Софья Львовна снова заглянула въ кабинетъ; тамъ одинъ изъ партнёровъ сдавалъ карты: игра, значитъ, затянется по крайней мѣрѣ минутъ на десять, и въ это время она успѣетъ повидаться съ сыномъ.

— Жоржику подавали обѣдать?—обратилась Софья Львовна къ горничной, встрѣтивъ ее въ корридорѣ, ведущемъ въ дѣтскую.

— Баричъ откушали въ половинѣ третьяго, какъ только пришли изъ гимназіи.

Свѣженькій, десятилѣтній Жоржикъ давно уже сидѣлъ у стола, освѣщеннаго небольшой лампой, передъ раскрытой книжкой. Онъ поминутно заглядывалъ въ учебникъ и, откинувшись на спинку стула, твердилъ скороговоркой:

— Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни скота его...

Сбившись, онъ опять смотрѣлъ въ книжку и начиналъ снова:

— Не пожелай жены... и т. д.

Онъ усердно зубритъ, а въ то же время думаетъ, почему это ему такъ не везетъ съ этими заповѣдями? На экзаменѣ на нихъ же срѣзался... Зналъ отлично и по порядку, и въ разбивку, но священникъ не просто спросилъ, а вдругъ: „разскажите, говоритъ, что вы знаете о синайскомъ законодательствѣ“? А кто его зналъ, что это такое? Ну, конечно, и стопъ! Теперь вотъ никакъ не удается осилить эту противную десятую!..

Жоржикъ шумно вздохнулъ.

— Не пожелай жены...—еще разъ началъ онъ и, сбившись на томъ же словѣ, стукнулся лбомъ въ книжку и громко заплакалъ.

— Жоржинька, дорогой мой! О чемъ это? — вскрикнула Софья Львовна, подбѣгая къ сыну.

— Я... я, мама, не могу!.. десятую за-а-повѣдь не могу-у!.. все на скотѣ сбиваюсь!..

— Дорогой мой! Ты вѣрно перезубрилъ! Отложи на послѣ, а теперь займись чѣмъ-нибудь другимъ.

— Я, мама, задачу стану рѣшать... Я уже начиналъ, да бросилъ: очень трудная, вотъ посмотри...

— Нѣтъ, голубчикъ, сейчасъ мнѣ некогда, меня тамъ гости ждутъ... Надо ихъ звать обѣдать...

— А что у васъ ныньче сладкое?.. Ты мнѣ...

— Пришлю, пришлю! Пломбиръ и фрукты...

— А ты, мама, любишь гостей? они веселые?.. Разскажи, мама, о чемъ вы тамъ разговариваете и какъ вамъ тамъ весело?..

Его хорошенькіе глазки еще не высохли отъ слезъ, а на губахъ уже блуждала улыбка.

— Мы разсуждаемъ о многомъ, о хорошемъ, но теперь ты этого не поймешь; вотъ когда выростешь...

— Нѣтъ, нѣтъ, мамочка!.. Я все—все пойму!.. Ей-ей, пойму!.. Я постараюсь понять, только разскажи!..

Онъ весь дрожалъ, тормошилъ мать за рукавъ, впиваясь въ ея глаза своимъ молящимъ и горѣвшимъ отъ любопытства взоромъ.

— Ну, хорошо, хорошо! Я разскажу, только потомъ. Сейчасъ я уйду, а ты учи уроки. Будешь учить?..

— Буду, буду. Честное слово!.. А ты разскажешь?

— Непремѣнно! Сегодня же, когда гости уѣдутъ!

Она наскоро поцѣловала Жоржика, отстранила его протянутыя къ ней ручонки и быстро, почти бѣгомъ, вышла. Мальчуганъ проводилъ ее затуманеннымъ взоромъ и задумался. Онъ думалъ о томъ, какъ хорошо быть взрослымъ. Не нужно учить скучные уроки, не нужно вставать утромъ рано, когда въ комнатѣ холодно и такъ крѣпко хочется спать!.. Взрослые постоянно веселятся, ѣдятъ сколько угодно сладкаго и, главное, все понимаютъ! Хоть бы ужъ поскорѣй вырости!.. Вырости бы, какъ въ сказкѣ, въ одну ночь! Легъ маленькимъ, а всталъ—большой!.. Проснулся, а на стулѣ, возлѣ кровати, уже не блуза съ кожанымъ поясомъ, а черный сюртукъ, брюки, жилетъ съ золотыми часами!.. На лицѣ усы, какъ у папы, борода!..

Жоржикъ самодовольно усмѣхнулся.

...Сейчасъ одѣлся бы—да къ гостямъ!.. Сидѣлъ бы тамъ за столомъ и слушалъ, какъ они говорятъ... И было бы весело, а

теперь, вотъ, сиди здѣсь и скучай!.. Одна надежда, что мама разскажетъ обо всемъ...

Мальчуганъ вздохнулъ, вспомнивъ, что далъ мамѣ честное слово выучить за то уроки.

...Не случилось бы опять такъ, какъ было недавно: онъ сдержалъ слово и выучилъ, а мама своего не сдержала, не взяла его на репетицію, некогда ей было... Теперь ей постоянно все некогда... съ тѣхъ поръ, какъ переѣхали сюда, въ городъ...

Онъ вспомнилъ, какъ хорошо было въ деревнѣ: тамъ мама очень рѣдко ѣздила въ гости, а гувернантка, Августа Карловна, никогда не бывала въ гостяхъ и постоянно разговаривала съ нимъ, читала ему такія славныя книжки. А раньше, когда еще не было Августы Карловны, няня разсказывали ему такія чудныя сказки!... Зимой на лежанкѣ такъ тепло и хорошо... Слушаешь-слушаешь про „Ивана-царевича“ или про „Жаръ-птицу“ да и задремлешь... А если большой морозъ, то стóитъ, бывало, насчитать двѣнадцать лысыхъ и громко крикнуть:—„Тресни ихъ лысина, переломися морозъ!“—и на другой день непремѣнно потеплѣетъ... А лѣтомъ?.. Боже, какъ хорошо лѣтомъ въ саду!.. Особенно, когда зацвѣтутъ яблони, груши... Все кругомъ такъ бѣло, душисто!.. Лежишь, бывало, на травѣ и глядишь на голубое небо, на ласточекъ, стрѣлами летающихъ въ вышинѣ... А тутъ, въ этомъ гадкомъ городѣ, онъ постоянно одинъ... И ему все противно: и гимназія, и гости, изъ-за которыхъ мамѣ все некогда, и папина служба да клубъ, изъ-за которыхъ тоже и папѣ все некогда. Тутъ всѣмъ некогда, и о чемъ ни спросишь—сейчасъ: „ты еще малъ, не поймешь“!... А вѣдь это скучно, ужасно скучно!..

Горничная принесла Жоржику стаканъ чаю и тарелку съ пирожнымъ и фруктами.

— Вотъ, сколько вамъ мамаша прислали,—заговорила она, ставя все на столъ;—вы бы и мнѣ удѣлили хоть немножко, а то, за гостями, никогда и не попробуешь: сколько ни подай,—все учистятъ!

— Бери, Маша, бери, да не ужасъ сколько, а такъ, чтобы и мнѣ осталось хоть половину...

Въ кухнѣ калюжинскіе мужики все еще ждали: они надѣялись, что, можетъ быть, баринъ приметъ ихъ.

— Что, милая дѣвушка,—обратился къ горничной сѣдой какъ лунь Харитонъ:—можетъ, таперь-отъ барину бы доложить? Наобѣдались, слышь, господа?..

— Какое тамъ! Къ нему и не подступишься: то въ карты рѣзался, а сейчасъ—съ гостями гогочетъ! А барыня только шипитъ: нельзя да нельзя!..

Мужики переглянулись между собой.

— Какъ же таперя намъ быть, сватъ Егоръ?

— Буде ужъ по домамъ доведется ѣхать!—глухо отозвался Егоръ, угрюмо насупившись.

— Ахъ-ти, горе какое! Горе наше горькое!—вздыхая и разводя руками, повторялъ старикъ.

— Какое у тебя, дѣдушка, горе?.. Какое?—присталъ къ нему вбѣжавшій въ кухню Жоржикъ..—Какое горе?

— А такое, паренёкъ...—началъ-было Харитонъ.

— Ну, чего тамъ безъ дѣла болтать съ дитёй!—сурово оборвалъ старика Егоръ.—Айда на хватеру!

Мужики ушли, а Жоржикъ присталъ къ кухаркѣ.

— Скажи, Василиса, какое у старика горе?

— Свое у нихъ горе, хрестьянское,—сухо отозвалась кухарка.

— Василисушка, милая, скажи!..

— Да, какъ же! Тебѣ скажи, а ты сейчасъ мамашѣ донесешь, али папашѣ...

— Вотъ тебѣ крестъ, не скажу! Ей-ей, не скажу!..

Василиса упорно молчала.

— Хочешь, я тебѣ дамъ апельсинъ и пирожнаго?

— Что̀ пирожное?—нѣсколько мягче заговорила Василиса:—я тебѣ и такъ скажу; только вотъ малъ еще ты, не поймешь, пожалуй...

Жоржикъ вскипѣлъ.

— Да что̀ же это, точно сговорились всѣ: малъ да не поймешь, только и слышу! Это неправда! Я все понимаю!.. Все хочу знать!—кричалъ онъ, то̀пая ногами и гнѣвно сжимая кулаки.

— Полно-ка, полно тебѣ!—ласково улыбнулась Василиса.—Вишь, какъ расхорохорился! — Ладно ужъ, пожалуй разскажу, только ты никому ни словечка!

Мальчикъ снова забожился; Василиса начала:

— Хрестьяне эти изъ деревни Калюжи, ходоки они мірскіе... Міръ, значитъ, обчество выбрало ихъ охлопотывать одно дѣло...

— Какое дѣло?

— Такое, вишь, дѣло, что денегъ своихъ они доискиваютъ съ казны. Хотятъ, чтобы казна платила имъ за винную лавку, какъ допрежъ купцы за кабаки платили... А ежели, молъ, казна не хочетъ платить,—пусть лавку изничтожитъ! Намъ, молъ, ее

не надобно... Вотъ они, ходоки эти самые, и ходятъ все къ папашѣ твоему, чтобы, значитъ, охлопоталъ имъ это дѣло,—а папашѣ все недосужно... увидать его никакъ не могутъ...

— Это вотъ и есть ихъ горе?

— А то какъ же? Знамо, дѣло мужицкое, бѣдное, кажный грошъ дорогъ, кажная денежка горбомъ-потомъ добыта, а тутъ даромъ въ городу прохарчились да ни съ чѣмъ и домой убрались...

— А на что имъ деньги? Можетъ быть, на церковь?

— Да ужъ тамъ это ихнее дѣло. На то ли, на другое ли, а только каждому свое дорого; кому же денежки надоѣли, али не милы?..

— Я завтра папѣ скажу, чтобъ онъ поговорилъ съ этими мужиками... сдѣлалъ бы имъ все,—проговорилъ задумчиво Жоржикъ, послѣ долгой паузы.

— А меня выдашь? На вотъ! А сейчасъ что обѣщалъ?..

Жоржикъ сконфузился: онъ совсѣмъ забылъ, что далъ слово молчать. Но какъ же быть: и мужиковъ жалко, и Василису нельзя выдавать.

— А ты лучше вотъ что: скажи, будто подслушалъ все это самъ. Слышалъ, молъ, какъ мужики промежъ собой сказывали. А папашѣ-то обсказать пожалуй-что и не лишнее, потому какъ мужики, не только эти, а и всѣ другіе шибко на него злобятся да обижаются...

— За что? Вѣдь папа не знаетъ?.. Ему никто, вѣрно, не говорилъ, а вотъ, какъ я ему скажу...

— Какъ, поди, не знаетъ! Начальникъ вѣдь онъ и долженъ понимать... Послушалъ бы ты, какъ про него хрестьяне судачатъ! Что, молъ, это и за начальникъ такой, что добыть его никакъ невозможно...

— Какъ же они смѣютъ за глаза осуждать папу? Какъ они смѣютъ?.. Развѣ это хорошо?

— На вотъ! Какъ же и не осуждать? Поставленъ на службу, и жалованье ему идетъ изъ хрестьянскаго трудового капиталу, а онъ все только свои господскія дѣла правитъ, а въ мужицкія— нисколько не вникаетъ. Когда мужикъ ни пришелъ—все ему недосугъ: то въ клубъ, то въ гости уѣхалъ, то почиваетъ, то обѣдаетъ, то въ карты, какъ вотъ нонѣ, играетъ. Ну, вотъ, хрестьяне и злобятся!.. Собираются, слышь, жалобу подавать губернатору. Намъ, молъ, такого начальства не надо. Задаромъ, молъ, только жалованье получаетъ!.. Али наша, молъ, мужицкая копѣйка щербата?.. Шибко ругаютъ мужики папашу! Сидятъ тутъ, въ куфнѣ, и чего-чего только не наслушаешься!..

Жоржикъ постоялъ-постоялъ въ раздумьи и тихо повернулся къ выходу. Онъ даже забылъ, что прибѣгалъ въ кухню, чтобы напиться квасу.

— Смотри же, меня, чуръ, не выдавать! — крикнула ему вслѣдъ Василиса.

— Не бойсь, не выдамъ!

Въ сосѣдней комнатѣ часы пробили десять, а Жоржикъ все обдумывалъ, какъ и кому разсказать про мужиковъ: папѣ или мамѣ? И потомъ его смущала боязнь, какъ бы не попасться во лжи и не выдать Василису.

Онъ хорошо знаетъ, что лгать грѣшно и стыдно, а если сказать правду—значитъ, не сдержать даннаго Василисѣ слова, что̀ опять-таки не хорошо, не честно... А что если все такъ оставить? Никому ничего не говорить? Но вѣдь жаль мужиковъ, хотя они и гадкіе за то, что папу за-глаза осуждаютъ; сказали бы ему честно и прямо въ глаза, что онъ нехорошо служитъ, и, вообще, чѣмъ они недовольны... А можетъ, они и сказали бы, можетъ, для того и ходятъ, чтобы все это папѣ высказать?.. Тогда надо непремѣнно, чтобъ папа выслушалъ ихъ,— иначе это будетъ несправедливо...

Жоржикъ остановился, наконецъ, на томъ, что скажетъ мамѣ, но постарается не смотрѣть ей прямо въ зрачки, когда будетъ выгораживать Василису, потому что ужъ онъ знаетъ: какъ только онъ скажетъ неправду и встрѣтится съ мамиными глазами, то непремѣнно покраснѣетъ, смутится и все выболтаетъ... Тогда опять повторится то, что̀ было, кажется, два года тому назадъ: онъ, какъ-то, нечаянно проговорился насчетъ прислуги—и въ домѣ вышелъ настоящій переполохъ; Василиса и Маша на него косились и шипѣли; папа и мама ссорились—и было такъ тяжело! Папа на маму кричалъ, говорилъ, что она во всемъ виновата, что она не умѣетъ избавить его отъ разныхъ непріятностей и дрязгъ, что онъ размѣняется... Онъ хотѣлъ тогда спросить у мамы, что̀ значитъ размѣняться, но она все плакала, а потомъ онъ самъ забылъ. Такъ и до сихъ поръ онъ не знаетъ, что̀ это значитъ, но тогда это слово показалось ему такимъ страшнымъ, что у него мурашки по спинѣ забѣгали. Жоржику показалось, что папа, вотъ-вотъ, распадется на части, какъ полѣнья, горящія въ печкѣ... или, можетъ быть, папа разсыплется по полу въ разныя стороны мѣдяками и серебромъ—и папы уже не будетъ!.. Какъ онъ былъ тогда глупъ! Теперь ужъ онъ по-

нимаетъ, что размѣняться—это что-то относительно ума или честности, а вовсе не значитъ, что, вотъ, буквально, какъ рубль, размѣнять на мелочь... А вотъ и мама идетъ...

— Господи! Дай, Господи, чтобы я все хорошо ей разсказалъ!—въ сильномъ волненіи прошепталъ онъ.

— А ты еще не спишь? Голубчикъ мой, это же невозможно: вѣдь уже десять часовъ!..

— Я, мама, сейчасъ лягу, только ты...

— Если чего не выучилъ, я велю разбудить пораньше.

— Ахъ, нѣтъ! Я, видишь ли, слышалъ въ кухнѣ, что мужики папу бранятъ... ругаютъ...

— Какъ? Что?.. папу бранятъ?—всполошилась Софья Львовна, ничего не понимая.

— Они, мужики, говорятъ, что папа—гадкій, что онъ нехорошо служитъ, что онъ лѣнивый и нехор-о-шій!.. Что онъ... онъ... Они... его нена-а-ви-и-дятъ!.. Какъ они смѣютъ? Мнѣ жа-алко папу!..

Миловидное лицо Жоржика исказилось, слезы ручьемъ полились по щекамъ.

— Успокойся, дорогой мой! Перестань же, мой милый мальчикъ! Все это—пустяки, вздоръ!—говорила Софья Львовна, вытирая Жоржику слезы.

— Значитъ, мужики врутъ, что папа нехорошій?

— А ты еще сомнѣвался?—строго проговорила Софья Львовна.—Какъ же ты смѣешь? Какъ ты смѣлъ?—еще строже добавила она, озабоченно хмуря брови.

— Я не зналъ... я не буду...

— Такъ знай же разъ навсегда, что папа твой хорошій, и ты никогда не долженъ думать о немъ дурно... Слышишь, никогда!

— Я, мама, никогда больше не буду!.. А мужики еще за что-то на папу сердятся, я не помню, забылъ (онъ чуть не сказалъ: „не понялъ“, но во-время спохватился и замѣнилъ это ненавистное слово другимъ), но они хотятъ на папу жаловаться губернатору... Хотятъ писать жалобу.

Софья Львовна еще больше нахмурилась.

— Повторяю—все это вздоръ!—съ оттѣнкомъ досады проговорила она, но сейчасъ же смягчилась и уже съ улыбкой продолжала:—пустяки все это; объ этомъ никому не надо говорить, и даже самъ ты выбрось изъ головы, забудь, какъ будто и не было...

— Хорошо, я постараюсь забыть какъ можно скорѣй.

— Вотъ и прекрасно; а теперь ложись и спи спокойно.

Жоржикъ вздохнулъ съ облегченіемъ: острой боли обиды и безсильнаго гнѣва, вызвавшихъ слезы, вдругъ не стало, на душѣ стало легко и весело. Ему захотѣлось хоть немного продлить веселье.

— Хорошо, мама, я сейчасъ ложусь, но пока буду раздѣваться, ты разскажешь то, что обѣщала, про гостей и про то, какъ вы всѣ веселитесь,—говорилъ онъ, ласкаясь къ матери и жадно заглядывая ей въ глаза.

— Завтра, Жоржинька, завтра, дорогой мой; теперь нельзя: надо спѣшить на репетицію.

— У васъ опять театръ?

— Да, мы даемъ спектакль въ пользу бѣдныхъ дѣтокъ, чтобъ имъ было хорошо, чтобъ они были въ теплѣ и хорошо бы учились...

— Я, мама, тоже хочу хорошо учиться, но...

— Знаю, знаю—ты у меня умникъ! Ну, прощай же, Господь съ тобой! Ты любишь свою маму?

— О, мамочка!..

Онъ быстро обхватилъ руками и судорожно сжалъ шею матери. На порогѣ Софья Львовна обернулась и, осѣнивъ сына крестомъ, ласково сказала:

— Не забудь, мой дорогой, Богу помолиться!

— Спаси, Господи, и помилуй папу, маму и меня, грѣшнаго!—закончилъ свои молитвы Жоржикъ, и вдругъ вспомнилъ, что сегодня онъ очень грѣшенъ, такъ какъ повѣрилъ глупымъ мужикамъ и усомнился въ правотѣ папы. Необычайная нѣжность къ отцу охватила мальчика, и ему страстно захотѣлось проститься съ отцомъ на ночь, поцѣловать его крѣпко-крѣпко! Папа не любитъ прощаться, когда играетъ въ карты, но теперь онъ въ столовой: оттуда слышенъ его голосъ.

Жоржикъ обернулся, поправилъ волосы и вышелъ.

Павелъ Ильичъ и человѣкъ пять гостей, сидя за столомъ, курили и пили. Вино развязало всѣмъ языки; пользуясь отсутствіемъ хозяйки дома, вели холостецкій разговоръ, густо приправляя его разными пикантными подробностями.

Чертковъ былъ въ ударѣ и говорилъ больше всѣхъ; лицо его горѣло, глаза искрились, улыбка то-и-дѣло смѣнялась громкимъ смѣхомъ.

„Какой папа красивый!“—восхищался про себя Жоржикъ, стоя у косяка дверей.

Его не замѣчали: собесѣдники были слишкомъ заняты разговоромъ; прислугу Павелъ Ильичъ отпустилъ, такъ какъ не выносилъ присутствія слугъ, когда ему хотѣлось быть на-распашку.

„Папа лучше всѣхъ!"—продолжалъ восхищаться Жоржикъ. Онъ забылъ, зачѣмъ шелъ къ отцу, и стоялъ въ нѣмомъ восторгѣ. Не понимая, о чемъ говорятъ, и даже не стараясь понять, онъ глядѣлъ на веселыя лица, слышалъ смѣхъ, и ему было весело. Опомнившись, наконецъ, онъ было-шагнулъ къ столу, но какъ-разъ въ это время кто-то сказалъ:

— Пора, господа, пора въ клубъ.

Всѣ разомъ поднялись, шумно задвигали стульями, смѣхомъ и восклицаніями заканчивая разговоръ. Въ ушахъ Жоржика то-и-дѣло проносились отрывистыя фразы въ такомъ родѣ:

— Вотъ женщина! а? каково?..

— Н-да, женщина съ перцемъ!..

— Господа, за женщинъ! — говорилъ Чертковъ, наполняя стаканы.—Чокнемся въ послѣдній разъ.

Всѣ чокнулись, осушили стаканы и двинулись гурьбой къ противоположной двери.

Жоржикъ такъ и остался никѣмъ не замѣченный.

— „Вино, веселье и любовь—вотъ жизни наслажденье!"—громко запѣлъ Павелъ Ильичъ, удаляясь вслѣдъ за гостями. Минуты двѣ въ прихожей раздавались говоръ и смѣхъ; но вотъ стукнула выходная дверь, щелкнулъ замокъ, топотъ ногъ по лѣстницѣ затихъ, и вся квартира Чертковыхъ точно замерла.

Жоржикъ постоялъ немного въ раздумьи, потомъ подошелъ къ столу, придвинулъ къ себѣ вазу съ фруктами и сталъ ѣсть; уничтоживъ остатки винограда и грушу, онъ опять съ минуту раздумывалъ. Спать ему не хотѣлось: онъ разгулялъ совсѣмъ сонъ; уроки можно доучить завтра, такъ какъ мама велитъ разбудить пораньше... Пойти развѣ почитать?..

Вдругъ глаза мальчика загорѣлись, изъ-за полненькихъ алыхъ губокъ засверкали два ряда ровныхъ бѣлыхъ зубовъ. Онъ отыскалъ нѣсколько недопитыхъ бутылокъ, поставилъ ихъ группой около отцовскаго стакана, туда же помѣстилъ ящикъ съ сигарами, самъ взобрался на стулъ, гдѣ сейчасъ сидѣлъ отецъ.

Все это дѣлалъ онъ не спѣша, внимательно и серьезно, съ такой миной, какъ будто онъ рѣшалъ трудную задачу. Но когда налилъ стаканъ вина, взялъ въ руку сигару, на его лицѣ снова заиграла радостная улыбка.

...Онъ большой, онъ взрослый, совсѣмъ какъ папа!.. Онъ не

рѣшался закурить сигару: разъ, какъ-то, онъ было-попробовалъ затянуться—и его стошнило; но онъ держалъ ее въ лѣвой рукѣ, между указательнымъ и среднимъ пальцами, солидно подносилъ ее ко рту и дѣлалъ видъ, будто выпускаетъ дымъ; правой рукой онъ то крутилъ воображаемые усы, то поднималъ стаканъ и отпивалъ большими глотками вино. Вино было вкусное и не очень крѣпкое, но послѣ стакана у Жоржика слегка закружилась голова. О, какъ хорошо быть большимъ!..

Онъ налилъ еще, осушилъ стаканъ залпомъ и откинулся на спинку стула; его бросило въ жаръ, мысли въ головѣ спутались и запрыгали, дѣйствительность мѣшалась съ вымысломъ. Ему казалось, что онъ и въ самомъ дѣлѣ уже взрослый, такой же, какъ недавно сидѣвшіе тутъ гости. И вдругъ въ мозгу его пронеслись послѣднія фразы, сказанныя кѣмъ-то изъ гостей; Жоржикъ захохоталъ и громко произнесъ:

— Вотъ женщина!.. Вотъ женщина съ перцемъ!..

Онъ поднялъ высоко стаканъ и визгливо прокричалъ каждый день почти напѣваемое отцомъ:

— „Вино, веселье и любовь—вотъ жизни наслажденье"!..

— А я, вотъ, мамашѣ скажу, что вы полуночничаете!—заговорила пришедшая за посудой горничная.—Вамъ бы теперь спать, а утромъ пораньше встать да урки поучить...

— Урки!.. Ха-ха-ха!.. Мнѣ, Маша, учиться уже не надо... потому не... не надо, что я уже большой!.. Какъ папа!—бормоталъ Жоржикъ, быстро пьянѣя и завязая на каждомъ словѣ.

— Господи, батюшка!—воскликнула горничная, догадавшись, наконецъ, что мальчикъ пьянъ.

— Пойдемъ-ка, пойдемъ скорѣй въ дѣтскую! Того и гляди—господа вернутся!..

— Не хочу... въ дѣтскую!..

Маша схватила его подъ мышки, чтобы стащить со стула, а Жоржикъ тянулся ручонкой къ ея щекѣ и продолжалъ бормотать:

— Хочу... какъ папа!.. Папа тебя щипалъ!..

— Скажите, пожалуйста! И онъ туда же! А ты прежде выросте съ папу, да тогда и разговаривай!..

— Я уже выросъ!.. я выросъ!—бормоталъ мальчуганъ, всхлипывая.

Развѣ не обидно, что онъ и курилъ, и пилъ, и пѣсню папину спѣлъ, а теперь ему оставалось только ущипнуть Машу, чтобы быть совсѣмъ какъ папа,—и вдругъ противная Машка не позволяетъ!

Съ трудомъ уложила его Маша и сейчасъ же пошла подѣлиться новостью съ Василисой.

— А Жоржинька-то нашъ напился!..

— Да что ты врешь?

— Вотъ-те крестъ! Насилу языкомъ ворочаетъ, а туда же: „хочу, говоритъ, щипать тебя, какъ папа щиплетъ"!.. Ха-ха-ха!..

— Ну, дѣвка, ты не больно-то выхохатывай! Лучше побереги мальчонку, какъ бы чего не случилось... Дитё холеное, нѣжное!.

Изъ клуба Чертковы вернулись въ пятомъ часу. Послѣ репетиціи были танцы, а Павелъ Ильичъ игралъ въ карты. Софья Львовна уснула сейчасъ же и спала какъ сурокъ; Павелъ Ильичъ, напротивъ, томился безсонницей: въ клубѣ онъ продулся въ пухъ, да и нервы себѣ измочалилъ, проигрывая роберъ за роберомъ. А тутъ еще жена подбавила: не могла оставить до завтра эту глупѣйшую исторію съ калюжинскими мужиками! Жоржикъ, видите ли, впечатлителенъ и воспріимчивъ, дурной примѣръ ему... Скажите, Америку открыла! Съ своимъ куринымъ умомъ, да еще и нотаціи читать вздумала: живешь праздно, не занимаешься службой!.. А сама? Спектакли да танцы—вотъ и всѣ ея интересы... Даже книжка ей противна!.. Только и читаетъ описаніе картинокъ въ „Нивѣ", да свои дурацкія роли зубритъ... И туда же еще: „запустилъ службу"! Развѣ онъ самъ этого не понимаетъ? Не страдаетъ, не мучится? Отлично знаетъ, что у него кругомъ безпорядки, все запущено... Онъ каждый день собирается приняться за работу, но все что-нибудь мѣшаетъ, а если и нѣтъ никакой помѣхи, то просто страшно приняться какъ слѣдуетъ: только копни эту чертовщину — и всѣ его промахи всплывутъ, какъ сало на водѣ... Писаря—доки, собаку съѣли на канцелярщинѣ и живо раскусятъ, что самъ онъ ничего въ ней не понимаетъ. Хорошо еще, что предсѣдатель—тупица, трусъ, держится въ съѣздѣ только секретаремъ, а самъ тоже не знаетъ службы и боится ревизовать волостныя правленія да канцелярію... Однако, не сегодня—завтра онъ долженъ же обревизовать, и ужъ, конечно, прикраситъ и раздуетъ въ своихъ донесеніяхъ!.. Тогда—конецъ, придется уходить, покуда не прогнали... Уходить—куда? Имѣніе заложено-перезаложено, того и гляди—пойдетъ съ молотка... Да и вообще родная Украйна, эта бывшая житница Россіи, теперь ужъ сильно оскудѣла... И ухитрились же родители прожить изрядное состояніе, а ему, единственному сыну, оставить только долги... Пришлось служить,—а какой онъ службистъ?

Ему и участокъ объѣзжать совѣстно: старшины, писаря, старосты насквозь его видятъ, но теперь они, по крайней мѣрѣ, молчатъ, а прижми-ка ихъ—самого, бестіи, подведутъ!..

Павелъ Ильичъ повернулся на другой бокъ.

...Да и стоитъ ли очень-то хлопотать и заботиться о мужикахъ? Что они ему? Онъ охотно облагодѣтельствовалъ бы ихъ, еслибъ могъ это сдѣлать безъ всякихъ усилій, однимъ своимъ словомъ или взмахомъ руки, да и то едва-ли бы это доставило ему большое удовольствіе... Не вѣритъ онъ въ искренность борцовъ за правду, не вѣритъ въ ихъ скорбь за меньшую братію... Все это—ложь, лицемѣріе, пустое фразерство!.. Въ лучшемъ случаѣ—самообманъ, соломинка утопающаго... Утопающаго въ морѣ отчаянія отъ сознанія, что, въ сущности, вся человѣческая жизнь—одна сплошная нелѣпость и безсмыслица...

— А, тоска, тоска!—шумно вздыхаетъ Чертковъ.

Ему жаль себя до боли въ сердцѣ, почти до слезъ.

...Онъ—умнѣе, честнѣе, лучше другихъ, и почему-то онъ закабаленъ, долженъ служить, тянуть лямку и жить этимъ чиновничьимъ двадцатымъ да, по-мѣщански, сводить концы съ концами. Жизнь запрягла его въ ярмо, изъ котораго нѣтъ возможности вырваться!..

Павелъ Ильичъ нервно сбросилъ одѣяло, подошелъ къ жениной кровати и уставился злыми глазами на крѣпко спавшую Софью Львовну.

— Бревно!—прошипѣлъ онъ,—такъ и вѣкъ свой проживетъ, не мучась, не сознавая своего тунеядства!..

Онъ съ шумомъ отдернулъ штору; блѣдный зимній разсвѣтъ ворвался въ спальню.

— Поль, ты что это такъ рано?—лѣниво открывая хорошенькіе глазки, спросила Софья Львовна:—опять безсонница?.. А, нервы!.. Выпей валеріанки, брому...

— Какъ она глупа! Какъ безнадежно глупа!—говорилъ самъ себѣ Павелъ Ильичъ, кидая ненавистные взгляды на жену, успѣвшую уже снова уснуть, свернувшись кошечкой и подложивъ подъ голову пухленькія ручки.

— О, какъ она глупа, какъ безнадежно глупа!—мысленно повторилъ Чертковъ.—И какъ она могла ему понравиться?.. Эти завитки на лбу, эта мѣщанская свѣжесть, веселые глаза, звонкій смѣхъ и румяныя щеки—все это вульгарно, пошло до тошноты!..

Павелъ Ильичъ съ гадливымъ отвращеніемъ покосился на

жену и, еще разъ шумно вздохнувъ, бросился въ изнеможеніи на свою кровать.

Былъ второй часъ, когда онъ всталъ, кислый и мрачный, какъ мглистая осенняя ночь.

Софьи Львовны уже не было дома: она встала въ полдень, на̀-скоро одѣлась и, въ полной увѣренности, что Жоржикъ, по обыкновенію, въ гимназіи, уѣхала.

— А барыня?— обратился Павелъ Ильичъ къ Машѣ.

— Давно уѣхамши.

Маша налила барину чай и, подавая стаканъ, проговорила:

— Баричъ ныньче не пошли въ гимназію...

— Почему?

— Они захворали...

Павелъ Ильичъ всталъ и лѣниво побрелъ въ дѣтскую. Жоржикъ лежалъ пластомъ. Онъ нѣсколько разъ пытался встать, но нестерпимая головная боль и тошнота валили его снова.

— Что̀ съ тобой? Простудился, что-ли?

— Не знаю... У меня гадко во рту и тошнитъ... и голова болитъ... а животъ—нѣтъ... не болитъ...

Павелъ Ильичъ позвонилъ и сталъ-было распекать горничную за то, что не сказала барынѣ о болѣзни Жоржика; но Маша, настроенная Василисой, рѣшилась разсказать все какъ было, всю правду. Павелъ Ильичъ кинулся къ Жоржику.

— Ты, говорятъ, вино пилъ? Правда это? говори!..

Мальчикъ, молча, таращилъ глаза.

— Говори же, отвѣчай скорѣй—ты напился?

— Не знаю... Я много пилъ вина и... курилъ сигару... и пѣлъ, какъ ты... и веселился...

— А!.. Ты былъ пьянъ, каналья!—наступалъ отецъ, закипая гнѣвомъ.

— Я не зналъ... я хотѣлъ какъ большой, какъ ты самъ и какъ всѣ гости!..

— Ахъ ты, щенокъ! Съ этихъ поръ курить и пить!..

— Вѣдь ты самъ...

— Такъ вотъ же тебѣ, вотъ!

Не помня себя отъ бѣшенства, Павелъ Ильичъ схватилъ лежавшій на стулѣ кожаный поясъ и съ размаха хлестнулъ имъ сына.

Въ комнатѣ раздался громкій вопль; лицо мальчика исказилось на мигъ отъ ужаса и боли; еще мигъ—и онъ потерялъ сознаніе.

Онъ пришелъ въ себя—и взглядъ его упалъ на маму; она ласково успокоивала его, давала ему нюхать спиртъ, потомъ ему давали какія-то капли; подъ обаяніемъ материнской ласки, онъ живо успокоился и крѣпко уснулъ.

Проснулся онъ поздно ночью и больше уже не могъ уснуть. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ здоровымъ, и въ первую минуту пробужденія подумалъ, что видѣлъ какой-то непріятный сонъ; но черезъ мигъ явилось сознаніе дѣйствительности; сердце мальчугана сжалось и тоскливо заныло. Мысли въ головѣ закружились, запрыгали.

...Теперь онъ навсегда потерянный человѣкъ: Августа Карловна говорила, что побои страшно унижаютъ человѣка, и если кто побитъ, тотъ уже навсегда потерялъ себя!.. Папа—недобрый, потому что не выслушалъ оправданія: вѣдь онъ, Жоржикъ, не зналъ, что вино пить и курить нельзя, нехорошо. И почему же нехорошо, если самъ папа любитъ вино и сигары?.. Мама часто говоритъ, что папа—хорошій, а между тѣмъ...

Голова мальчика усердно работала. Онъ вспомнилъ и мужиковъ, и все, что говорила про папу Василиса, и опять вспомнилъ съ болью въ сердцѣ, что отецъ страшно обидѣлъ, оскорбилъ его, сдѣлалъ его навсегда потеряннымъ; онъ—не добрый, мама неправду говоритъ, что папа—хорошій, когда онъ—злой...

— Такъ ему и надо, такъ и надо: пускай его мужики ругаютъ и Василиса осуждаетъ!—шепталъ Жоржикъ:—мнѣ его нисколько не жалко!.. И маму тоже—зачѣмъ она вретъ?..

Эти первые житейскіе толчки значительно повліяли на отношенія мальчика къ родителямъ.

Онъ охладѣлъ къ нимъ и замкнулся въ себѣ.

Его дѣтски-пытливый умъ сталъ зорко наблюдать, искать разъясненій всему непонятному и дѣлать выводы не въ пользу отца и матери.

— Отчего ты такой вялый, скучный?—говоритъ иногда Павелъ Ильичъ, косясь съ раздраженіемъ на сына:—хоть бы ты порѣзвился, пошалилъ!..

Жоржикъ равнодушно отмалчивался.

Оставаясь одинъ, онъ часто задумывался, уставясь куда-то въ пространство не-дѣтски печальнымъ взоромъ. Въ душу ребенка уже запала первая искра скорби; онъ познакомился съ тоской и сомнѣніями, не понимая еще смысла этихъ словъ.

— Дорогой мой, милый мой мальчикъ!—обращается къ сыну Софья Львовна:—ты любишь свою маму?

Жоржикъ холодно, безъ увлеченія, прикладывается къ ея рукѣ и старается улизнуть куда-нибудь.

— Отчего онъ такой? — шепчетъ Софья Львовна, глядя на мальчика съ недоумѣніемъ и грустью.—Скоро онъ совсѣмъ ко мнѣ охладѣетъ, а за что̀? Я ли не люблю его, не забочусь о немъ?..

На глаза ея набѣгаютъ слезы и скатываются по щекамъ... Но вотъ кто-то подъѣхалъ... Звонокъ... Маша побѣжала отворять. Софья Львовна вытираетъ слезы, припудривается, обмахивается платкомъ и выходитъ къ гостямъ.

Нат. Стахевичъ.

ЦАРИЦА АДРІАТИКИ

Изъ путешествія по европейскому югу.

Когда кто долго не заглядывалъ въ Европу, и притомъ видѣлъ мимоѣздомъ только лицо ея, а не внутреннюю душу,—Европа чаруетъ такого человѣка, даже пресытившагося впечатлѣніями многихъ десятковъ лѣтъ,—какъ чаруетъ юношу давно не виданная имъ возлюбленная красавица...

Европа—красавица, этого никто не отниметъ отъ нея.

Послѣ нашей плоской, скучной, бѣдной и неустроенной равнины—вокругъ васъ какія-то живописныя сновидѣнія, фантастическія декораціи, будто нарочно устроенныя для эффектной сцены, чтобы обворожить глаза и сердце ваши. Послѣ блѣдныхъ тусклыхъ и постныхъ тоновъ родного пейзажа, послѣ его расплывчатыхъ, неопредѣленныхъ очертаній, вдругъ сочная, вся раствореная солнечными лучами, блещущая яркость красокъ, вездѣ—и на землѣ, и на небѣ; радостное разнообразіе смѣлыхъ, ясныхъ и изящныхъ линій, повсюду обильно начертанныхъ рукою Всемогущаго Художника, въ зигзагахъ горныхъ силуэтовъ, въ чудно округленныхъ припухлостяхъ холмовъ, въ острыхъ шпицахъ готическихъ церквей, въ зубчатыхъ стѣнахъ и башняхъ полуразрушенныхъ зáмковъ и даже въ характерныхъ кровляхъ, лѣсенкахъ и фронтончикахъ домовитыхъ деревенскихъ жилищъ...

Мы несемся теперь съ неразлучною спутницею всѣхъ моихъ многочисленныхъ странствованій—по землямъ, морямъ и по морю житейскому,—черезъ послѣдніе отроги Тирольскихъ и Штирійскихъ Альпъ, въ блаженную солнечную Италію, къ голубой Адріатикѣ, еще всѣ полные впечатлѣній шумной и прекрасной Вѣны, давно намъ знакомой, но всегда одинаково привлекатель-

ной, изъ которой трудно скоро вырваться, заѣхавъ разъ изъ нашей россійской глуши.

Съ нами въ купэ почтенный образованный вѣнецъ, который, однако, далеко не раздѣляетъ нашихъ слишкомъ розовыхъ взглядовъ на его родной городъ. Культурныя требованія европейца оказываются совсѣмъ не того масштаба, какъ смиренное довольство всѣмъ, что даютъ, нашего брата, русскаго, не смѣющаго ничего требовать ни отъ судьбы, ни отъ людей...

Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, мы въ этомъ отношеніи просто непостижимый народъ. Чтò ни дѣлается съ нами, въ какой бѣдѣ, въ какихъ лишеніяхъ ни приходится намъ сидѣть,—мы все думаемъ, что это еще хорошо, что могло бы быть еще куда хуже!

Хватили человѣка по физіономіи, носъ на бокъ своротили; онъ объ этомъ не горюетъ, а доволенъ, что глазъ ему не вышибли...

„Слава Богу, говоритъ, что въ глазъ не попалъ, на волосокъ бы ближе—остался бы на вѣкъ кривымъ!..“

Спалили у человѣка его домъ,—онъ опять благодаритъ Бога, опять хвалится:

„Хорошо еще, говоритъ, что гумна не сожгли, уберегъ Богъ, а то бы бѣда! безъ хлѣба вся семья бы осталась...“

Неурожай у него, рожь-кормилица совсѣмъ не родилась,—русскій человѣкъ и тутъ утѣшаетъ себя:

— Слава Богу, что хоть овсишко мало-мальски родился, хоть скотинку есть чѣмъ кормить...—скажетъ онъ вамъ.

Австріецъ увѣряетъ насъ, что его великолѣпная, полная жизни Вѣна совсѣмъ не похожа на столицу.

— Въ Вѣнѣ слишкомъ мало движенія, мало настоящей городской жизни,—повѣствуетъ онъ.—Ночной жизни,—Nachtleben,—какъ въ Парижѣ и Берлинѣ, у насъ совсѣмъ не существуетъ, развлеченій чрезвычайно мало; оттого иностранцы не задерживаются долго въ Вѣнѣ... Заглядываютъ только мимоходомъ,—осмотрятъ кое-что въ два-три дня—и прочь. Берлинъ—совсѣмъ другое дѣло; Берлинъ теперь—истинный Weltstadt, міровой городъ; ростетъ страшно быстро, увеличивается и богатѣетъ не по днямъ, а по часамъ. Это, дѣйствительно, столица Германіи... А у насъ въ Вѣнѣ даже новаго Hofburg'а вотъ уже сколько лѣтъ не могутъ достроить... Работъ внутри вовсе не производится, и, вѣроятно, онъ такъ и останется неоконченнымъ... Милліоны тутъ нужны, а парламентъ денегъ не даетъ...

А мы, въ своей россійской наивности, были просто подавлены богатствомъ, роскошью и шумною жизнью старой австрійской

столицы, налюбовавшись на тысячи щегольскихъ экипажей и упряжекъ ея роскошныхъ гуляній въ чудномъ паркѣ Пратера, потолкавшись въ ея обильныхъ и изящныхъ магазинахъ, насмотрѣвшись на великолѣпные дома, отели, дворцы, музеи, академіи, театры ея всевозможныхъ Ринговъ...

Зато поѣзда высокоцивилизованныхъ австрійцевъ — избави Богъ какіе! Русскіе вагоны пріучили насъ къ изрядной трясkѣ, но все-таки, какъ говорится, въ мѣру, по-божьи. На здѣшнихъ же дорогахъ, изъ Вѣны черезъ Амстетенъ на Понтеббу, Удино и Венецію,—не только трясетъ немилосерднымъ образомъ, такъ что рискуешь проглотить собственный языкъ и зубы, но кромѣ того еще безбожно кидаетъ васъ изъ стороны въ сторону, и вагоны все время прыгаютъ словно по косогору, опускаясь то однимъ, то другимъ плечомъ и стуча своими желѣзными костяками будто подъ ударами огромнаго кузнечнаго молота, такъ что ежеминутно ожидаешь, что, вотъ-вотъ, эта отчаянная морская качка и эта оглушающая васъ зловѣщая стукотня вышвырнутъ безумно несущійся поѣздъ изъ рельсовъ, и вагоны ваши начнутъ взлетать другъ на друга и разбиваться другъ о друга, какъ пасхальныя яйца.

Перенеслись черезъ Драву, пронеслись мимо живописныхъ городковъ Фразеха, Вилаха, Тарвиса, Понтафеля, и очутились наконецъ въ Понтеббѣ,—уже на порогѣ Италіи...

Эти государственные „пороги“ такъ же досадны путешественнику, обремененному багажомъ, какъ должны быть досадны рѣчные пороги плывущимъ на судахъ... Особенно когда на таможнѣ ни одинъ носильщикъ, ни одинъ сторожъ, а часто и ни одинъ чиновникъ не говоритъ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ говорите вы, и вы съ вашими сундуками, чемоданами, коробками и мѣшками очутитесь въ роли глухонѣмого среди непонятно для васъ галдѣющей, толкающейся и куда-то бѣгущей толпы...

Впрочемъ, надо отдать справедливость иностранцамъ, и итальянцамъ въ особенности, что они на своихъ таможняхъ относятся къ багажу путешественниковъ самымъ великодушнымъ образомъ.

Теперь мы въ низменныхъ долинахъ Тальяменто, Ливенцы, Пьяве, Силе, въ тѣхъ природныхъ воротахъ, которыя издревле давали проходъ изъ средней Европы въ равнины Италіи наро-

дамъ и ихъ боевымъ ратямъ, и черезъ которыя такимъ образомъ протекало столько важныхъ, часто роковыхъ событій старой и новой итальянской исторіи...

Равнина тутъ такая ровная, что ея многочисленнымъ рѣкамъ течь почти невозможно, и онѣ то-и-дѣло застаиваются болотами, озерами, лагунами, пока доберутся съ грѣхомъ пополамъ къ морю. Но здѣшній трудолюбецъ-итальянецъ, мало похожій по своей изумительной хозяйственности на итальянца-южанина, охотника полежать въ сладостномъ far-niente, носомъ кверху, на горячихъ голышахъ голубого моря,—обратилъ эти болотистыя низины въ сплошные сады, огороды и поля. Тутовыя деревья разсажены у него въ прозаическомъ ранжирѣ, аллеями, словно ряды выстроившихся солдатъ, а между ними—грядки травы, овощей, хлѣбовъ. Деревья обчищены, всѣ до послѣдней вѣточки, такъ что торчатъ только стволы съ узловатыми основаніями сучьевъ. Это дѣлается не по прихоти, а по крайней нуждѣ. Какъ ни привѣтливъ итальянскій югъ, а все-таки приходится топить если и не домъ, то хотя кухню, а лѣсовъ нѣтъ; нѣтъ другихъ дровъ, кромѣ тутовыхъ сучьевъ,—дерево равно неприхотливое, выносливое и гонкое; сколько его ни руби,—оно ежегодно выгонитъ изъ себя цѣлую густую крону длинныхъ молодыхъ вѣтвей... Къ тому же шелковичный червь только и ѣстъ, что нѣжные листья однолѣтнихъ побѣговъ, а шелковичный червь тутъ важнѣе самого человѣка, его хозяина. Въ хозяйствѣ сѣвернаго итальянца все дѣлается въ угоду этой крошечной жадной гадинѣ, и пока съ нея не взята драгоцѣнная дань въ видѣ шолковыхъ нитей, всѣ помѣщенія семьи, всѣ ея труды и заботы, все время ея—поглощены исключительно потребностями шелковичнаго червячка, приготовленіемъ ему его жилища, его пищи, уходомъ за нимъ, уходомъ за его кокономъ, и проч., и проч. Хорошо еще, что жизнь этого дарового работника, этого микроскопическаго фабриканта шолка, проходитъ такъ быстро,—всего какихъ-нибудь мѣсяцъ, полтора,—а то онъ изводилъ бы бѣдныхъ южанъ! Уже по миніатюрнымъ клѣточкамъ тутовыхъ огорожей вы сразу видите, на какіе жалкіе атомы раздроблена тутъ земельная собственность. По неволѣ обработаешь ее какъ цвѣтной горшокъ не только лопатою, но хоть и собственными пальцами. Тѣмъ удивительнѣе, что съ такихъ ничтожныхъ клочковъ люди могутъ жить такъ хорошо, какъ они здѣсь живутъ: одѣваются прилично, ѣздятъ прилично, орудія всѣ имѣютъ, какія нужно, домà себѣ строятъ въ три и четыре этажа, съ мебелью, съ часами, съ книжкою и газетой, словомъ, вполнѣ по-людски, а не

по-скотски. И о недоимкахъ въ податяхъ при этомъ—никакого понятія. Тяжкая тѣснота жизни не гонитъ этотъ даровитый народъ въ безнадежное равнодушіе къ своей участи, не принижаетъ его вкусовъ, потребностей и привычекъ до грязи и распущенности, а выковываетъ изъ него неутомимаго и настойчиваго борца съ судьбой и природой, успѣвающаго даже и при такихъ трудныхъ условіяхъ отвоевать себѣ необходимую степень благосостоянія и житейскихъ удобствъ. Правда, много помогаетъ ему и югъ съ его цѣнными продуктами земли, съ его свободою отъ шестимѣсячныхъ снѣговъ и морозовъ. Но все-таки главная его сила—въ немъ самомъ, въ сравнительной культурности его духа, выработанной долгими вѣками его исторіи и школою новаго времени. А югъ ежеминутно напоминаетъ себя. Теперь нашъ мартъ, у насъ еще чуть трогаются льды на рѣкахъ, чуть протаиваютъ на поляхъ снѣга, а тутъ уже озими въ полъ- и въ три четверти аршина ростомъ, вездѣ цвѣты, вездѣ густая трава; миндаль, персики, груши осыпаны нѣжнымъ снѣгомъ своихъ душистыхъ букетовъ, какъ у насъ въ концѣ мая. Рабочіе толпами отдыхаютъ на этой травѣ въ однѣхъ рубашкахъ. Добрыхъ два лишнихъ мѣсяца тепла и суши выпадаетъ, сравнительно съ нами, на долю счастливыхъ жителей юга!

Весело встрѣчаетъ насъ, сѣверныхъ гостей, прекрасная Италія—такимъ радостно-свѣтлымъ и теплымъ утромъ, вся въ вѣнкахъ цвѣтовъ и зелени, разстилая передъ очарованными глазами нашими словно праздничныя ризы свои—эти полныя жизни и плодородія равнины... Зеленыя горы, усыпанныя живописными городками, деревеньками, замками, башнями колоколенъ, шпилями церквей, картинно вырѣзаются на фонѣ другихъ, далекихъ горъ, на зубчатой бѣлоснѣжной цѣпи выглядывающихъ изъ-за нихъ Альпійскихъ великановъ, на глубокой синевѣ весенняго неба,—и все дальше и дальше уходятъ вправо, въ глубины горизонта, словно одинъ сплошной громадный городъ, все шире и шире давая просторъ прибрежной равнинѣ, все ближе подготовляя насъ къ сплошной низинѣ венеціанскихъ окрестностей...

Горы красивы, горы поэтичны, но горы и жестоки, горы безконечно тяжелы для населенія, у котораго они отнимаютъ своими скалами и обрывами столько кормящаго его плодороднаго пространства... Чтобы жить съ горами, человѣку нуженъ такой же желѣзный характеръ, такіе же желѣзные мускулы, какъ и ихъ каменное нутро...

Прошлые вѣка, какъ я уже сказалъ, оставили не одно воспоминаніе въ живописной равнинѣ, черезъ которую мы проѣзжаемъ. Этими природными воротами между Альпами и моремъ Аттила, „бичъ Божій“, прорвался нѣкогда къ цвѣтущимъ городамъ Италіи изъ своихъ придунайскихъ степей. Вестъ-готскія и лонгобардскія орды однѣ за другими двигались на завоеваніе Италіи черезъ эти же прибрежныя равнины; здѣсь же заставилъ подписать мирный договоръ, послужившій погребальнымъ благовѣстомъ для царицы Адріатики, великій корсиканецъ, уничтожившій впервые тысячелѣтнюю независимость когда-то могучей венеціанской республики.

Когда поѣздъ нашъ миновалъ городъ Удино, мы были почти въ виду селенія Кампоформіо печальной памяти, именемъ котораго окрещенъ былъ, въ 1797 году, этотъ злополучный для Италіи историческій актъ...

Здѣсь же проходили, въ 1848 году, и войска суроваго Радецкаго, подавившаго уже на нашей памяти минутную вспышку венеціанской свободы...

Въ Удино мнѣ пришлось разыскивать начальника станціи и объясняться съ нимъ волею-неволею по-итальянски, чтобы поправить свое неумѣстное упущеніе. По желѣзнодорожнымъ правиламъ я долженъ былъ, при самомъ въѣздѣ въ Италію, еще въ Понтеббѣ, предъявить наши билеты кругового путешествія, купленные нами въ Вѣнѣ у извѣстной компаніи Кука, и проштемпелевать ихъ печатью станціи, безъ чего билеты эти не имѣютъ силы. Но я, по русскому обычаю, прозѣвалъ Понтеббу...

Холмъ, на которомъ высится старый зàмокъ и башни Удино, по преданію, былъ насыпанъ Аттилою, который хотѣлъ полюбоваться съ его вершины на разрушеніе нѣкогда богатой и многолюдной Аквилеи, одной изъ важнѣйшихъ гаваней древняго Рима въ Адріатическомъ морѣ. Въ Удино же и памятникъ злосчастнаго кампоформійскаго мира, подаренный городу Наполеономъ, не знаю, по наивности или въ насмѣшку.

Въ Удино поѣздъ стоитъ недолго, въ буфетѣ завтракать рискованно, а между тѣмъ въ желудкѣ моемъ давно пробилъ адмиральскій часъ; поэтому я отъ души былъ доволенъ, когда какой-то догадливый малый всунулъ намъ въ вагонъ, болтая что-то мнѣ непонятное, два деревянныхъ подноса-поставца, въ гнѣздахъ которыхъ стояли аппетитно пахнувшія для голоднаго желудка тарелки съ разными яствами, закусками, дессертомъ, и даже стаканы и графины съ виномъ...

Я нахожу этотъ обычай очень милымъ, когда въ поѣздѣ нѣтъ вагона-столовой, а у путешественниковъ нѣтъ времени и охоты бѣгать па станціи, разыскивать что-нибудь поѣсть. За тарелку супа, два мясныхъ блюда, пирожное, сыръ, обильный дессертъ и графинъ краснаго вина, не считая хлѣба, взяли съ каждаго по четыре франка, что̀, конечно, было очень милостиво.

Проѣхали хорошенькій городокъ Порденоне, свѣтло-улыбающійся изъ зеленыхъ чащъ каштановъ, туй, кипарисовъ; проѣхали чрезвычайно картинный Конельяно, откуда желѣзная дорога круто загибаетъ на югъ и перебѣгаетъ по длиннѣйшему деревянному мосту черезъ разливы Пьяве...

Тутъ все тѣснѣе и чаще—городки, виллы, сады; каждый окрестный холмъ увѣнчанъ шпилями храмовъ, башнями за̀мковъ. Это уже дачи венеціанцевъ. Невольно усомнишься, глядя на это обиліе церквей на каждомъ шагу и въ Австріи, и въ Италіи,—дѣйствительно ли религіозное чувство такъ уже ослабѣло въ народѣ въ нашъ ученый вѣкъ? Судя по внѣшнимъ проявленіямъ этого чувства—съ такимъ выводомъ трудно согласиться. По крайней мѣрѣ, деревенскій народъ,—для котораго дождь и солнце, тепло и холодъ, урожай и недородъ далеко не то, что̀ для промышленнаго скептическаго горожанина,—повидимому, еще сильно нуждается въ Богѣ и не забываетъ Его.

За Конельяно—Тревизо, за Тревизо—Деместре, послѣдній городокъ передъ Венеціею, можно сказать, его сухопутный пригородъ. Равнина, разстилающаяся за Конельяно, начинаетъ мало-по-малу переходить въ сѣть болотъ, озеръ, лагунъ, каналовъ, перемѣшанныхъ съ островками, земляными валами, ограждающими клочки сѣнокосовъ и пастбищъ, и наконецъ словно проваливается въ громадной сплошной лагунѣ, захватывающей отъ края до края все открывающееся передъ нами пространство. Это такъ-называемая венеціанцами Мертвая лагуна, Laguna morta, въ отличіе отъ другого такого же громаднаго бассейна водъ, окружающаго Венецію не со стороны земли, а со стороны моря, отъ котораго отдѣляютъ ее природныя плотины узкихъ и длинныхъ острововъ,—по-итальянски Lido... То уже будетъ Живая лагуна, Laguna viva, не съ стоячими, какъ здѣсь, а съ текущими и даже изрядно волнующимися водами, совсѣмъ напоминающими море.

Поѣздъ нашъ несется теперь тоже по морю своего рода. Изъ вагона мы не видимъ узкой каменной тесьмы, протянутой

на цѣлыхъ три съ половиною версты прямо какъ струна черезъ Мертвую лагуну, а намъ видна справа и слѣва только одна необхватная гладь неподвижно застывшихъ водъ. Это вызываетъ полную иллюзію зрѣнія и смущаетъ воображеніе. Впрочемъ, каменная нить эта кажется узенькой только по сравненію съ просторомъ окружающихъ ее водъ; на самомъ же дѣлѣ это—колоссальное сооруженіе во вкусѣ древняго Рима, цѣлый безконечный рядъ дамбъ и мостовъ, съ многими сотнями арокъ для протока воды и проѣзда судовъ. По обоимъ краямъ этой гигантской плотины—надежныя ограды и дорожки для пѣшеходовъ.

Венеція плохо видна со стороны Местре; характерныя старинныя зданія ея загораживаются здѣсь громоздкими новѣйшими постройками какихъ-то казармъ или фабрикъ, такъ что вы подъѣзжаете къ вокзалу, если позволительно такъ выразиться, еще не чувствуя Венеціи.

И вдругъ вы сразу перенесены совсѣмъ въ новый, незнакомый вамъ міръ... Улицъ нѣтъ, земли нѣтъ, экипажей нѣтъ; нѣтъ лошадей, нѣтъ пыли, нѣтъ шума и грохота колесъ... Вы очутились въ лодкѣ какого-то страннаго фасона,—лодкѣ-птицѣ, съ высоко задранною длинною шеею, съ поднятымъ вверхъ хвостомъ,—среди трепещущей пестрозеленой зыби, охваченные мягкимъ, влажнымъ дыханіемъ водъ, въ радостной нѣгѣ, пропитанной огнями солнца и вмѣстѣ насыщенной здоровою свѣжестью моря,—бодрящей атмосферѣ, которую знаетъ только одна Венеція.

Гондола—это такая же оригинальность, такая же красота Венеціи, какъ и ея каналы, ея дворцы, ея колокольни... Венеція безъ гондолы и гондольера такъ же немыслима, какъ безъ палаццо Дожей и собора св. Марка. Гондолы придаютъ Венеціи ея характерную физіономію и составляютъ исключительную прелесть ея жизни. Венеціанская гондола—сама грація, само изящество. Несмотря на свой обязательный трауръ, болѣе подходящій своимъ сплошнымъ чернымъ цвѣтомъ къ гробовымъ колесницамъ, чѣмъ къ этимъ легкокрылымъ вмѣстилищамъ всякихъ земныхъ радостей и житейской суеты,—гондола производитъ впечатлѣніе чего-то въ высшей степени поэтическаго и жизненнаго. Она такъ гордо и высоко несетъ свою рѣзную стальную голову, она такъ легко скользитъ своимъ круторебрымъ корпусомъ по глади водъ, почти не погружаясь въ нихъ, такъ быстро и стройно поворачивается отъ малѣйшаго движенія весла, съ ловкостью извиваясь между стаями другихъ такихъ же длинношеихъ черныхъ птицъ,—что

на нее невольно пріучаешься смотрѣть какъ на что-то живое. Мѣдныя и бронзовыя украшенія гондолы—по завѣту старины—тоже все въ образѣ тритоновъ, нереидъ, драконовъ,—такъ что жизнь проникаетъ и общій видъ, и каждую отдѣльную подробность ея...

Гондольеръ, почти рождающійся на гондолѣ, вѣкъ живущій на ней и на ней умирающій, такъ и относится къ своей гондолѣ какъ къ возлюбленной. Онъ до такой тонкости изучилъ ея характеръ и нравы, что не ошибется ни на полъ-вершка, налегая на весло, и не задѣнетъ однимъ волоскомъ за край чужой посудины, когда ему приходится протискиваться сквозь тѣсноту столпившихся въ узкомъ каналѣ гондолъ, пароходовъ и лодокъ... Словно сама гондола его проникается въ этихъ случаяхъ чувствительностью магнитной стрѣлки и мгновенно отталкивается отъ соприкосновенія съ себѣ подобными... Это тѣмъ удивительнѣе, что гондольеръ работаетъ весломъ всегда съ одной только стороны, умѣя направлять свою гондолу то вправо, то влѣво такимъ или другимъ упоромъ весла въ массивную дубовую кривулю, придѣланную къ борту гондолы. Еще болѣе меня удивляло, какъ это ухитряется гондольеръ сохранять равновѣсіе и не клюнуть носомъ въ воду, наваливаясь всею тяжестью своего корпуса на весло и стоя въ эту минуту почти на одной ногѣ. А гресть имъ частенько приходится очень сильно и торопливо... Особымъ крикомъ какой-то хищной птицы предупреждаютъ они при поворотахъ каналовъ идущія на встрѣчу лодки, и мнѣ не случалось видѣть, чтобы при самыхъ неожиданныхъ встрѣчахъ быстро выплывающихъ изъ-за угла гондолъ онѣ хотя бы разъ столкнулись другъ съ другомъ.

Гондольеры не мало придаютъ граціозности движеніямъ и всему облику гондолы. Хотя теперь, къ сожалѣнію, все болѣе исчезаетъ прежній живописный нарядъ гондольеровъ, замѣняясь большею частью прозаическою войлочною шляпою съ полями и космополитическимъ пиджакомъ или блузой; но для парадныхъ случаевъ и у гондольеровъ богатыхъ частныхъ гондолъ сохраняются еще, вмѣстѣ съ кокетливыми беретами набекрень, граціозныя разноцвѣтныя куртки съ широкими кушаками, короткіе панталоны и чулки стараго изящнаго фасона.

Въ этомъ нарядѣ гондольеръ ловокъ и статенъ, и когда его рослая, сильная фигура, граціозно налегающая на весло, вырѣзается вмѣстѣ съ изящнымъ силуэтомъ змѣеголовой гондолы на золотомъ фонѣ заката гдѣ-нибудь у Георгія Маджоре или на

Canale Grande,—то сердце художника не можетъ смотрѣть безъ волненія на такую картину.

Мы на гондолѣ высадились въ свой Grand Hôtel d'Italie на Canale Grande, и сейчасъ же, наскоро позавтракавъ, на гондолѣ же отправились кататься по Венеціи.

Гондолы тутъ вездѣ, на каждомъ шагу. Въ другихъ большихъ городахъ вы имѣете дѣло съ толпою, съ прохожими, съ проѣзжими,—здѣсь только съ гондолами. Гондолы цѣлыми стаями, какъ отдыхающія птицы, стоятъ на своихъ пристаняхъ, у колоссальныхъ дверей дворцовъ и отелей, у церквей, у базаровъ между пестро расписанными столбами. Эти столбы—своего рода конюшенныя стойла этихъ водяныхъ рысаковъ, удерживающія ихъ отъ проказъ волны, которая иначе угнала бы ихъ куда-нибудь далеко. Венеціанскія красавицы дѣлаютъ свои визиты въ разукрашенныхъ деревянною рѣзьбою, бронзовыми фигурами, испанскою тисненою кожею, восточными коврами, но все-таки обязательно черныхъ крытыхъ гондолахъ, съ щегольски разодѣтыми молодыми гондольерами, которые терпѣливо дремлютъ въ ожиданіи своихъ барынь у подъѣздовъ аристократическихъ палаццо. Въ гондолахъ устроиваются по вечерамъ прогулки въ веселой компаніи; съ гондолъ раздаются концерты пѣнія и музыки; изъ гондолъ пускаютъ по ночамъ любезные итальянцу фейерверки; въ гондолахъ зарождаются, сплетаются и расплетаются всевозможные любовные романы. Словомъ, гондола—одинъ изъ самыхъ интимныхъ и необходимыхъ органовъ жизни венеціанца.

Въ старое время, о которомъ столько разсказываютъ старые путешественники и старые хроникёры, эта роль гондолъ въ сердечной жизни любвеобильныхъ венеціанцевъ была еще неизмѣримо важнѣе, чѣмъ въ нашъ сравнительно равнодушный и разсудительный вѣкъ, безжалостно вычеркивающій изъ жизни человѣка всякіе слѣды былой поэзіи и былыхъ страстей...

Венеціанцы прежнихъ дней, правда, слишкомъ ужъ широко и совсѣмъ ужъ безъ удержу предавались увлекательной поэзіи безпечнаго наслажденія и свободной любви, частенько кончавшейся зловѣщимъ вмѣшательствомъ кинжала и шпаги...

Теперь уже мало умѣстна для современнаго венеціанца извѣстная старая пѣсня:

„Гондольеръ молодой, взоръ мой полонъ огня,
Я стройна, молода, ты свезешь ли меня..."

Но еще лордъ Байронъ, этотъ восторженный жрецъ и пѣвецъ любви, упивался до сыта, до пресыщенія—любовью вене-

ціанскихъ красавицъ и дѣлилъ съ ними поэтическія тайны безмолвныхъ гондолъ... Его „Чайльдъ Горольдъ“ полонъ страстныхъ отзвуковъ этой безумно-восторженной жизни,—къ сожалѣнію, слишкомъ быстро сжигавшей своимъ сладостно-ядовитымъ огнемъ и духъ, и тѣло геніальнаго поэта. Въ минуты своего мрачнаго расположенія духа, подавленный безнадежнымъ созерцаніемъ австрійской неволи, заковывавшей, въ его время, былую „дочь океана и царицу земли“—по его живописному выраженію,—Байронъ утѣшалъ себя воспоминаньями прежней счастливой жизни Венеціи, „когда волны мелодично вздыхали при звукѣ пѣсни, толпа гондолъ скользила подъ лучами луны, слышался говоръ милыхъ созданій, величайшимъ грѣхомъ которыхъ было развѣ только то, что слишкомъ сильно билось сердце ихъ отъ счастья“...

Ко времени Байрона, дѣйствительно, жизнь венеціанцевъ и венеціанокъ въ сферѣ любви была уже далеко не та, что какой-нибудь вѣкъ назадъ.

Одинъ хорошо образованный французскій путешественникъ первой половины XVIII-го вѣка, человѣкъ свѣта и свѣтскихъ вкусовъ, сообщаетъ въ своихъ остроумныхъ письмахъ къ пріятелямъ очень мѣткія и интересныя свѣдѣнія о нравахъ тогдашняго венеціанскаго общества и особенно венеціанскихъ дамъ, которыхъ онъ имѣлъ случай узнать очень близко.

„Нѣтъ мѣста на свѣтѣ, гдѣ свобода и распущенность господствовали бы такъ всецѣло, какъ здѣсь, говоритъ онъ о Венеціи. Только не вмѣшивайтесь въ дѣла правительства, и затѣмъ дѣлайте что угодно. Не говорю уже о томъ дѣлѣ, которое служитъ источникомъ происхожденія насъ самихъ и нашихъ наслажденій. Этимъ здѣсь также мало шокируются, какъ и всякимъ природнымъ отправленіемъ. Однако, здѣшняя кровь такъ спокойна, что, несмотря на удобство масокъ, ночныхъ встрѣчъ, узкихъ улицъ и мостовъ безъ перилъ, откуда можно столкнуть человѣка въ море, прежде чѣмъ онъ это замѣтитъ,—въ теченіе цѣлаго года едва ли случается четыре подобныхъ исторіи,—да и то между иностранцами. Изъ этого вы видите, какъ неосновательны въ настоящее время ходячія мнѣнія о стилетахъ венеціанцевъ.

„Почти то же нужно сказать и о ихъ ревности къ своимъ женамъ. Но это обстоятельство требуетъ разъясненія. Среди здѣшнихъ нобилей, какъ только дѣвушка дѣлается невѣстою, она надѣваетъ маску, и никто уже не можетъ ее видѣть, кромѣ ея жениха и тѣхъ, кому онъ это позволитъ, что случается крайне рѣдко. Выйдя же замужъ, она дѣлается общественною собствен-

ностью цѣлой семьи,—вещь хорошо придуманная, ибо устраняетъ необходимость предосторожностей и обезпечиваетъ наслѣдниковъ крови. Часто младшій членъ семьи носитъ имя мужа; но, кромѣ того, обычай требуетъ имѣть любовника. Считалось бы безчестіемъ для женщины, если бы она не имѣла кого-нибудь публично своимъ кавалеромъ. Но политика играетъ въ этомъ вопросѣ большую роль. Нельзя выбрать себѣ любовника иначе какъ нобиля, и изъ числа ихъ такого, который бы имѣлъ доступъ въ сенатъ и совѣты, котораго фамилія была бы настолько могущественна, чтобы она могла прикрыть грабежи, и которому можно бы было сказать:—милостивый государь, завтра мнѣ необходимо столько-то голосовъ для моего брата или мужа. Однако, когда два человѣка сговорятся, далеко не трудно воспользоваться тайнами гондолы, куда дамы всегда входятъ безъ провожатыхъ. Это—священное убѣжище. Не слыхано, чтобы когда-нибудь гондольеръ госпожи выдалъ ее мужу. Его на другой же день утопили бы товарищи. Такая практика дамъ немного сократила доходы монахинь, которыя нѣкогда однѣ держали въ своихъ рукахъ эту статью. Впрочемъ, и до сихъ поръ изрядное число ихъ съ достоинствомъ и даже съ соревнованіемъ поддерживаетъ старую репутацію, ибо въ настоящую минуту, напримѣръ, идетъ жестокая ссора между тремя городскими монастырями за то, кому изъ нихъ удастся поставить любовницу новому папскому нунцію, котораго ждутъ".

По словамъ этого наблюдателя, свѣтлѣйшая республика арестовала во время его пребыванія около пятисотъ человѣкъ, промышлявшихъ сводничествомъ, которые доходили до такой откровенности, что предлагали каждому желающему на площади св. Марка г-жу прокуратессу такую-то, или г-жу сенаторшу такую-то, такъ что, случалось, мужу предлагали его собственную жену. Венеціанскіе нобили до того не стѣснялись въ этихъ дѣлахъ, что, выходя изъ зала совѣта, на глазахъ всей публики, спокойно садились въ гондолы съ куртизанками, которыхъ содержали.

Я посѣтилъ Венецію въ такую эпоху моей жизни и въ такой прозаическій вѣкъ, когда отъ гондолъ и гондольеровъ уже не требуется никакихъ таинственныхъ услугъ,—и когда не чувствуется поэтому никакой охоты забираться подъ гостепріимный кровъ со всѣхъ сторонъ запертой черной кабины.

Эти черныя будки, слава Богу, очень ловко снимаются, и вы можете спокойно возлежать на длинныхъ мягкихъ тюфяч-

кахъ гондолы, не заслоняя отъ себя ничѣмъ ни солнца, ни голубого неба, ни самой красавицы Венеціи, на которую пріѣхали полюбоваться.

Хотя и совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, я тоже, лежа въ гондолѣ, отъ души могъ повторить слова жизнерадостнаго французскаго путешественника: „c'est un doux séjour de jouissance qu'une gondole"!

И правда, нигдѣ не отдохнутъ такъ нервы, не успокоится духъ вашъ, нигдѣ не насытится вашъ глазъ такими утѣшающими, тихо-радостными впечатлѣніями, какъ въ долгой, неспѣшной прогулкѣ по каналамъ Венеціи.

Здѣсь какой-то особенный, бодрящій и вмѣстѣ умиряющій воздухъ, здоровое дыханіе могучаго моря, безъ его ужасовъ и тревогъ. Граціозная птица-гондола беззвучно, чуть взрѣзая темнозеленое стекло канала, скользитъ по немъ легко и плавно, безъ малѣйшихъ толчковъ и качанья, а вы себѣ покойно сидите или лежите въ сладостномъ душевномъ кейфѣ, молча наслаждаясь пробѣгающими мимо васъ,—словно перемѣнныя картины какой-нибудь восхитительной панорамы,—ни съ чѣмъ несравнимыми, непохожими ни на что вамъ знакомое, берегами этой единственной въ своемъ родѣ, чудной рѣки.

Упруго-жидкая дорога ваша, глубокая, прямая и широкая, какъ проливъ моря, все мигаетъ и трепещетъ весело расплесканными по ея хрустальной ряби горячими огнями солнца, а изъ ея синезеленыхъ пучинъ прямо, какъ отвѣсные утесы изъ глубинъ моря, поднимаются съ обѣихъ сторонъ сплошными стѣнами необозримые ряды палатъ и дворцовъ...

Эти дома-дворцы вы увидите только въ Венеціи и нигдѣ больше какъ въ ней. Они не громоздятъ цѣлыми десятками яруса на ярусъ, какъ дома-исполины Нью-Іорка и Чикаго; они не сверкаютъ, какъ кидающійся въ глаза нарядъ богатаго выскочки, яркими красками, затѣйливыми формами, обиліемъ пышныхъ и вычурныхъ украшеній; они не поражаютъ васъ вымученнымъ разнообразіемъ и базарною новомодностью своего архитектурнаго стиля.

Нѣтъ, это—истинные дома-аристократы, проникнутые глубокимъ и неподдѣльнымъ изяществомъ, воспитаннымъ вѣками художественныхъ вкусовъ и привычекъ, недоступнымъ для хвастливаго подражанія вчера только разжившемуся мѣщанину. Это—настоящія художественныя созданія, художественно обдуманныя, художественно выработанныя, полныя художественной простоты, величія и строгости... Тоны ихъ, правда, поблекли, мраморы ихъ

потускнѣли и почернѣли отъ копоти вѣковъ; вѣка эти даже провели кое-гдѣ, словно морщины на лицѣ старика, глубокія трещины въ стѣнахъ ихъ, стерли съ этихъ стѣнъ и карнизовъ, какъ румянецъ со щекъ, много одѣвавшихъ ихъ въ юности мраморныхъ и иныхъ украшеній... Уже не одинъ изъ этихъ дворцовъ кажется теперь погруженнымъ въ какой-то черно-бѣлый трауръ—отъ осѣвшей на немъ многовѣковой пыли и сырости. Но все-таки глазъ вашъ чувствуетъ, что кругомъ васъ—драгоцѣнныя произведенія искусства, всѣ проникнутыя одною художественною мыслью, дающею характерный смыслъ каждой отдѣльной подробности, каждой частной варіаціи общаго всѣмъ имъ стиля. Мало того, вы чувствуете, что эти ряды дворцовъ съ кружевными мраморными балконами, съ изящными стрѣльчатыми арками мраморныхъ галерей, услаждающіе вашъ глазъ удивительной гармоніей своихъ линій и строгою пропорціональностью своихъ частей,—что это вмѣстѣ съ тѣмъ олицетворившійся въ камнѣ былой характерный и интересный вѣкъ, что это самъ сошедшій теперь со сцены исторіи, когда-то славный, могущественный и талантливый венеціанскій народъ...

Хотя нѣтъ теперь въ этихъ омертвѣвшихъ представителяхъ славнаго прошлаго ни Бальби, ни Джустиніани, ни Морозини, ни Коньяро, хотя въ знаменитомъ историческомъ палаццо Фоскари теперь пребываетъ высшее коммерческое училище, въ другихъ такихъ же знаменитыхъ сосѣдяхъ его то стеклянный заводъ, то шолковая фабрика, то пожарное депо или торговля древностями, но цари все-же продолжаютъ смотрѣть царями, какъ Лиръ въ одеждѣ безумца.

„Но храмъ разрушенный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все богъ..."

И когда окидываешь неподкупленнымъ взглядомъ, не задаваясь скептицизмомъ и напускною требовательностью,—эти живописные ряды выростающихъ изъ воды жилищъ смѣлаго и даровитаго населенія, которое, вѣка тому назадъ, съумѣло до такой степени смирить море и овладѣть моремъ, что построило на его пучинахъ цѣлый громадный мраморный городъ, обратило его воды въ свои улицы и переулки, моремъ создало себѣ могущественную власть, богатство, обширныя владѣнія, всесвѣтную торговлю и всесвѣтное уваженіе, то получаешь какое-то удивительно цѣльное и характерное впечатлѣніе отъ этой своеобразной и какъ бы внутренно обязательной архитектуры, наглядно выразившей стойкую, строго опредѣленную и вмѣстѣ изящную

жизнь, прожитую когда-то здѣсь властительною республикою счастливыхъ торговцевъ и богачей...

Этотъ рядъ художественныхъ дворцовъ — не только своего рода музей удивительныхъ архитектурныхъ памятниковъ старины, но вмѣстѣ и настоящій музей венеціанской исторіи, ибо въ этой тринадцати-вѣковой исторіи нѣтъ такого славнаго имени, которое не было бы воплощено въ какой-нибудь изъ этихъ мраморныхъ палаццо...

Тутъ проходятъ по очереди передъ вами, какъ на смотру, давно знакомыя имена Дандоло, Бальби, Контарини, Джустиніани, Фоскари, Гримини, Барбаро, Корнаро, Бембо, Манина...

Въ одномъ изъ этихъ дворцовъ жилъ кипрскій король, гербы котораго до сихъ поръ украшаютъ древнія стѣны; въ другомъ, глубоко старинномъ, показываютъ окна, у которыхъ сидѣла нѣкогда Дездемона, обратившаяся, въ устахъ мѣстнаго преданія, въ историческое лицо; а вонъ тотъ дворецъ, на правой сторонѣ канала, недалеко отъ крутого поворота его у подножія великолѣпнаго Фоскари,—тоже знаменитость своего рода—палаццо Мочениго, гдѣ юный лордъ Байронъ, въ своемъ страстномъ увлеченіи нѣгою юга и красотою итальянокъ, предавался безумному разгулу, такъ губительно подточившему его духъ и его силы... Этотъ эпизодъ изъ жизни автора „Донъ-Жуана" стоитъ того, чтобы на немъ остановиться нѣсколько минутъ.

Главною героинею его похожденій въ палаццо Мочениго была простая итальянская крестьянка, Маргарита Коньи, такая же булочница по ремеслу и такая же могучая красавица съ роскошными формами, какъ и Рафаэлева Форнарина. Байронъ обмѣнялъ на нее другую свою возлюбленную, Марьяну Сегати, тоже женщину не высокаго рода, жену венеціанскаго лавочника... Его поэтическая фантазія рисовала ему этихъ грубыхъ и изрядно глупыхъ итальянскихъ красавицъ въ ореолѣ несказаннаго изящества.

„Марьяна въ высшей степени обладаетъ изяществомъ и элегантностью антилопы,—писалъ онъ.—У нея огромные черные восточные глаза съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ, которое такъ рѣдко встрѣчается среди европейцевъ, даже среди итальянцевъ. Словомъ, я не могу описать впечатлѣнія этого рода глазъ, производимаго по крайней мѣрѣ на меня"...

Но эта „элегантность" не мѣшала, однако, обладательницамъ губительныхъ черныхъ глазъ — обращаться съ поэтомъ-лордомъ, въ минуты ежечасныхъ ссоръ, съ грубостью взбеленившихся базарныхъ торговокъ и выражать ему свою ревность самымъ

осязательнымъ способомъ, выдирая волоса и глаза у соперницъ и поизвозчичьи ругая своего непостояннаго любовника.

Правда, и нравы молодого лорда, населившаго палаццо Мочениго цѣлымъ гаремомъ одалисокъ своего рода, слишкомъ часто давали законный поводъ его страстнымъ подругамъ приходить въ неистовство и устроивать жестокія домашнія баталіи, отъ которыхъ бѣдный поэтъ частенько спасался ночью изъ своего роскошнаго дворца въ гондолы Canale Grande.

Къ счастью для великаго поэта, новая страсть его къ графинѣ Гвиччіоли облагородила и смирила его буйные порывы; онъ почерпнулъ въ любви къ этой дѣйствительно изящной женщинѣ,—семнадцатилѣтней женѣ шестидесятилѣтняго богача-аристократа,—новые мотивы для своей могучей лиры, и въ эту эпоху своей любви успѣлъ создать лучшія свои поэтическія произведенія—„Манфреда“, „Каина“, „Небо и Землю“, первыя пѣсни „Чайльдъ-Гарольда“ и „Донъ-Жуана“, высоко поднявшія его безъ того уже могучій талантъ.

Трогательна была повѣсть любви молодой Терезы Гвиччіоли. Она была сразу поглощена этою внезапно вспыхнувшею страстью, увидѣвъ въ первый разъ знаменитаго поэта.

„Его благородное лицо, такое красивое, звукъ его голоса, его манеры, множество очарованій, окружавшихъ его, дѣлали изъ него существо столь отличное отъ всѣхъ тѣхъ, кого я видѣла до тѣхъ поръ, столь высшее, что впечатлѣніе, полученное мною, было очень глубоко. Съ самаго этого вечера мы видѣлись съ нимъ ежедневно во все время моего пребыванія въ Венеціи“,—признавалась графиня въ своихъ запискахъ.

Трогательно было и увлеченіе ею Байрона.

„Въ этомъ словѣ, прекрасномъ на всякомъ языкѣ, но еще болѣе прекрасномъ на твоемъ, amor mio, заключено все мое существованіе въ этомъ и другомъ мірѣ,—написалъ онъ ей на листкахъ ея книги;—и я больше чѣмъ люблю тебя, и не могу перестать любить“.

Жизнь любви и поэтическаго творчества такъ тѣсно сроднила Байрона съ Венеціей, что, говоря о Венеціи, созерцая Венецію,—невозможно не вспоминать о геніальномъ пѣвцѣ ея, который, во всякомъ случаѣ, любилъ Венецію гораздо больше, чѣмъ свой туманный Альбіонъ, и чувствовалъ, что истинною родиной его свободнаго поэтическаго духа былъ итальянскій художественный югъ, а не лицемѣрно-моральный строй педантической Англіи...

„О, чѣмъ безъ юности была бы любовь, и что̀ бы сталось съ юностью безъ любви“!

Этотъ искренній крикъ сердца, вырвавшійся у Байрона въ его поэмѣ „Беппо“, конечно, могъ зародиться только подъ горячимъ небомъ Италіи.

„До сегодняшняго дня, прелестная Италія, ты остаешься садомъ міра, отчизною всего, чему поклоняется искусство, что̀ можетъ создать природа!“—говоритъ Байронъ въ другой своей поэмѣ.—„Италія, о Италія! ты одарена роковою красотою, и красота твоя стала для тебя наслѣдіемъ настоящихъ и прошлыхъ бѣдствій... О, Боже! еслибы ты могла быть менѣе прекрасною, но болѣе могущественною“!.. „Италія, время, которое разорвало на тысячу кусковъ твою королевскую мантію, откажетъ и отказало уже другимъ странамъ въ счастьѣ быть родиною такихъ умовъ, которые возстаютъ даже изъ развалинъ. Самое паденіе твое полно божественной силы, которое золотитъ и освѣщаетъ его лучами“...

Такъ любовно обращаться къ Италіи могъ только истинный сынъ Италіи, сынъ по духу, если не по крови...

Изъ скучныхъ же тумановъ Альбіона Байронъ могъ вынести только тѣ припадки душевнаго сплина, которыми полны почти всѣ его произведенія:

„Ты спрашиваешь, какую тайную скорбь ношу я, что̀ грызетъ и молодость, и радость? Скука вѣетъ отъ всего, что̀ я вижу или слышу на пути моемъ. Красота не приноситъ мнѣ болѣе наслажденія... Куда уйти отъ самого себя? Въ самыхъ далекихъ странахъ ржавчина жизни, демонъ мысли повсюду преслѣдуетъ меня...“—жалуется его Чайльдъ Гарольдъ своей Инесѣ.

Катаясь по Canale Grande, не ограничивайтесь лицезрѣніемъ его прославленныхъ палатъ, въ родѣ Ca d'Oro и Фоскари, но проѣзжайте изъ него въ крайне любопытные узенькіе каналы, ведущіе къ кварталамъ рабочихъ и бѣдноты. Мимо церкви св. Іереміи, мимо великолѣпнаго бѣломраморнаго фасада палаццо Лабіа, поверните свою гондолу въ темныя воды канала Диместре или Канареджіо. Сѣрозеленые тоны этихъ водъ такъ гармонируютъ съ потускнѣвшими и замшившимися тонами старинныхъ облѣзлыхъ домовъ, напичканныхъ, какъ пироги начинкою, миріадами полуголодной бѣдноты, что подымаются надъ вами съ обоихъ береговъ вонючаго канала. Вы доѣзжаете по немъ до Gheto Vechio, громаднаго дома-полипника, словно склееннаго изъ

нѣсколькихъ домовъ, одинъ дряхлѣе, одинъ грязнѣе другого. Это старинный вертепъ, историческое гнѣздо венеціанскаго еврейства, напоминающій Вяземскую лавру Петербурга. Титулъ этого дома написанъ большими буквами надъ черною пастью его воротъ. Васъ настойчиво зазываютъ войти туда, въ чаяніи нѣсколькихъ сантимовъ на макароны,—полюбоваться на этотъ людской клоповникъ, сохранившій до нашихъ научныхъ дней всю свою возмутительную антисанитарную и антигигіеничную физіономію средневѣкового вертепа, откуда зачинались обыкновенно въ былыя времена всякія чумныя и тифозныя заразы. Набережная, дворики, окна, балкончики, лѣсенки, чуть не самыя крыши усыпаны грязными, полуголыми еврейскими ребятишками и еврейскимъ бабьемъ въ невообразимомъ тряпьѣ, гомозящими и кишащими среди безчисленныхъ грошевыхъ лавчонокъ, кабачковъ и харчевенъ. Впрочемъ, теперь тутъ не одно еврейство, а всякій сбродъ рабочей бѣдноты. Вездѣ тутъ ножомъ прорѣзанные узкіе переулочки, обращенные въ безконечный домашній корридоръ, надъ которымъ нищенское населеніе этихъ вѣчно темныхъ траншей съ трогательною откровенностью развѣшиваетъ самыя интимныя статьи своего тряпичнаго туалета, желтые штаны съ голубыми заплатками, Богъ знаетъ въ чемъ испачканныя женскія юбки, и всякую разноцвѣтную рвань... Такіе же узкіе, такіе же темные канальчики прорѣзаны глубоко внизу высокихъ, почти безоконныхъ домовъ, точно подземныя штольни рудника, и вы никакъ не можете понять, какими хитростями успѣваютъ пробираться въ нихъ однѣ мимо другихъ гондолы, лѣпящіяся по стѣнкамъ. Вѣчная сырость должна царствовать въ этихъ глухихъ домахъ, внутрь которыхъ никогда не заглядываетъ солнце, и въ которыхъ печь до сихъ поръ считается слишкомъ недоступною роскошью. Я думаю, что кромѣ широкаго Canale Grande и немногихъ другихъ каналовъ поважнѣе—живется вообще холодновато, сыровато и темновато въ каменныхъ и мраморныхъ палатахъ этой солнцемъ залитой Венеціи. Въ этомъ отношеніи мнѣ кажется любой одноэтажный домишко моихъ родныхъ Щигровъ, обшитый дешевымъ тесомъ и раскрашенный уѣзднымъ маляромъ, на удивленіе мѣстныхъ мѣщанокъ, въ ярко-лазоревый цвѣтъ,—много удобнѣе и пріютнѣе иныхъ скульптурныхъ дворцовъ царицы Адріатики.

Вообще, Венеція имѣетъ съ одной стороны свои показныя, парадныя комнаты для пріема гостей—Canale Grande, площадь св. Марка, Piazzetta, набережную Скьявоне и проч., а съ другой стороны—цѣлый неохватный лабиринтъ кварталовъ, каналь-

чиковъ, переулочковъ, площадокъ, мостиковъ, въ которыхъ кишитъ, такъ сказать, будничная домашняя жизнь Венеціи, и въ которыхъ вы гораздо ближе и вѣрнѣе познакомитесь съ подлиннымъ бытомъ и нравами этого своеобразнаго города. Тутъ Венеція распахиваетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ свое нутро, открываетъ свои закулисы. Самый характерный очагъ этого хозяйственнаго, торговаго и промышленнаго движенія—въ Ріальто. Иностранцы думаютъ обыкновенно, что Ріальто – это знаменитый мраморный мостъ по серединѣ Большого канала. Но этотъ историческій мостъ оттого и зовется мостомъ Ріальто, что соединяетъ западные острова Венеціи съ главнымъ островомъ Ріальто, въ которомъ много вѣковъ сосредоточивались всѣ правительственныя и торговыя учрежденія морской республики. Самый мостъ Ріальто—это граціозная бѣломраморная арка въ 12 саженъ ширины, смѣло перекинутая, безъ участія одного вершка желѣза, черезъ все русло восьмидесяти-аршиннаго канала и, несмотря на свою кажущуюся воздушность, опирающаяся красивыми устоями на цѣлый лѣсъ изъ 12.000 подводныхъ свай,—вотъ уже четыре столѣтія остается центромъ торговыхъ кварталовъ Венеціи. Высадившись у него, вы можете выбирать любой берегъ Большого канала—правый или лѣвый. На набережной лѣваго берега вы попадете въ крайне интересные рынки зелени и рыбы—Erberia и Pescheria, а направитесь въ глубь острова Ріальто, на правый берегъ—очутитесь въ запутанномъ лабиринтѣ темныхъ и узкихъ улицъ и переулочковъ такъ называемой Merceria,—толкучемъ рынкѣ своего рода,—который тянется до самой площади св. Марка, киша безчисленными лавками, лавчонками, балаганами, стольцами, захватывая прежде всего обѣ стороны мраморнаго моста, обращеннаго такимъ образомъ въ гостиный дворъ. Вы не пробьетесь сквозь вѣчно здѣсь движущуюся, галдящую, толкающуюся толпу празднолюбивыхъ горожанъ, которые очень мало покупаютъ, но зато очень много ротозѣйничаютъ, горланятъ и толкутся безъ всякаго дѣла, встрѣчая здѣсь знакомыхъ и пріятелей, балагуря о городскихъ сплетняхъ, заходя съ хорошимъ человѣкомъ въ кабачки и кофейни. Здѣсь вы увидите самыя характерныя народныя сцены, самые оригинальные наряды и физіономіи, познакомитесь со всѣми видами венеціанскихъ товаровъ, венеціанскихъ цируленъ, венеціанскихъ лавчонокъ и кабачковъ, гдѣ кишмя кишатъ свободные граждане и гражданки бывшей республики, а главное, вы ощутите собственными боками всю живописную тѣсноту и безцеремонную подвижность подлиннаго итальянскаго рынка.

Особенно любопытно прогуляться пораньше утромъ въ Эрберію и Пешерію, доѣхавъ для этого въ гондолѣ до пристани ихъ, немного дальше моста Ріальто.

Весь берегъ оцѣпленъ особыми лодками, съ прорѣзами для воды, обваленъ огромными пузырями-плетушками,—своеобразными садками для живой рыбы. На берегу вездѣ—грязь и лужи. Вода сочится и течетъ отовсюду, изъ челновъ и лотковъ; воду выплескиваютъ, ни что же сумняся, вамъ подъ ноги; безчисленное множество столовъ, чановъ, громадныхъ желѣзныхъ тазовъ, полныхъ свѣжею рыбою, разставлено на берегу. Неистощимыя пучины моря щедро кормятъ безпечнаго венеціанскаго пролетарія своими драгоцѣнными, природными дарами; рѣдко гдѣ встрѣтите вы такое изумительное обиліе и разнообразіе всевозможной морской твари, какъ въ венеціанской Pescheria въ базарные дни. Тутъ груды морскихъ угрей и миногъ, длинныхъ и вертлявыхъ какъ змѣи; тутъ цѣлыя горы омаровъ, краббовъ, лангустъ, креветокъ, ракушекъ всякихъ видовъ; полные чаны скользкихъ синелиловыхъ каракатицъ съ огромными вылупленными глазами; рыбаки ловко и проворно обдираютъ съ нихъ кожу и швыряютъ въ лотки ихъ оголенныя тушки, словно куски какого-то бѣлаго студня или молочнаго киселя. Тутъ и sole, и turbot, всякія отрадныя для гурмана породы камбалы, плоскія какъ блины, съ бѣлымъ, будто изъ бумаги вырѣзаннымъ брюхомъ; тутъ даже и наши осетры, и многое множество невѣдомыхъ мнѣ и невиданныхъ мною рыбъ, итальянскихъ названій которыхъ никакъ не приспособишь къ русскимъ,—рыбъ громадныхъ и крошечныхъ, рыбъ розовыхъ, красныхъ, сѣрыхъ, черныхъ, пестрыхъ, рыбъ всякихъ фасоновъ и узоровъ, у которыхъ здѣсь же, на вашихъ глазахъ, грязнѣйшія лапы торговцевъ обрѣзываютъ кругомъ поплавки, сдираютъ кожу, выковыриваютъ пальцами внутренности, раскладываютъ и разрѣзаютъ на куски для безчисленныхъ, толкающихся кругомъ, покупателей и покупательницъ. Всѣ эти лакомыя штучки стоютъ гроши, ибо всего этого слишкомъ много у всѣхъ. Море является истинною матерью-кормилицею венеціанца, истиннымъ благословеніемъ Божьимъ для здѣшняго бѣдняка.

Пройдите изъ Пешеріи за каменные лавочные ряды, и вы—въ Эрберіи. Здѣсь изстари собирался овощный рынокъ, и здѣсь же изстари читались публично народу распоряженія городскихъ правителей. До сихъ поръ уцѣлѣла среди Эрберіи мраморная колѣнопреклоненная статуя съ мраморной колонной и ступеньками, откуда читались эти объявленія, какъ гласитъ старинная

надпись на колоннѣ. Въ Италіи, наслѣдницѣ мраморнаго Рима, все и вездѣ изъ мрамора,—дома, и мосты, и трибуны... Эрберія производитъ удивительно радостное, чисто весеннее впечатлѣніе. У насъ—мартъ мѣсяцъ, а счастливая Венеція уже завалена снопами свѣжихъ цвѣтовъ, мѣшками зеленаго гороха и фасоли, цвѣтною капустою, молодымъ картофелемъ, морковью, свеклою, артишоками и всевозможною, давно уже поспѣвшею зеленью. Все это выставлено такъ свѣжо и красиво, что вы съ удовольствіемъ гуляете, словно по саду, среди этихъ роскошныхъ букетовъ и заманчиво пахнущей огородины. Свѣжія овощи, повидимому, продаются здѣсь всю зиму, не нуждаясь ни въ ледникахъ, ни въ соленіи и моченіи ихъ. Венеціанскія хозяйки безъ труда могутъ разнообразить свой столъ среди всегдашняго обилія своихъ Эрберій и Пешерій. Безчисленныя лавочки и столы со всевозможными съѣстными припасами тѣснятся отъ Эрберіи до самаго Ріальто, такъ что лѣвый берегъ Большого канала по сосѣдству съ мостомъ весь посвященъ обжорному базару, точно также какъ правый—всякаго рода галантереѣ и мануфактурамъ... Толкаясь по этимъ базарчикамъ, мы убѣдились, не безъ удивленія, что всю эту на водѣ живущую Венецію можно отлично перейти пѣшкомъ изъ конца въ конецъ, пробираясь по ея перепутаннымъ, всегда полнымъ народа переулочкамъ и безчисленнымъ мостикамъ, перекинутымъ черезъ такіе же многочисленные каналы. Мостиковъ этихъ считается въ Венеціи чуть не 400, а каналовъ—150; они дробятъ городъ на 117 островковъ, которыхъ тѣсный архипелагъ отдѣляетъ такъ-называемую „Мертвую“ лагуну, лежащую у материка, отъ лагуны „Живой“, сосѣдней съ моремъ. Но хотя море и проникаетъ своею могучею волною въ каналы Венеціи, поднимая, въ минуты прилива, ихъ уровень на цѣлыхъ полъ-аршина, однако Живая лагуна Венеціи, а тѣмъ больше, конечно, ея каналы обезпечены отъ сильныхъ морскихъ волненій, словно природнымъ брекватеромъ, цѣлою цѣпью длинныхъ и низкихъ дюнъ, защищенныхъ высокими плотинами и оставляющихъ между собою только довольно узкіе проливы. Итальянцы называютъ этотъ охранный авангардъ своихъ низменныхъ островковъ—lidi, и на каждомъ такомъ lido устроили прелестныя дачныя мѣстечки, а вмѣстѣ съ тѣмъ—укрѣпленные форты для защиты отъ непріятельскаго флота проходовъ въ Живую лагуну,—значитъ, и въ самую ихъ славную Венецію.

Церковь Марія делла-Салюте у васъ постоянно на глазахъ, и оттого ее знаютъ и помнятъ всѣ путешественники, едва даже заглянувшіе въ Венецію. Въ какой бы изъ большихъ гостинницъ Большого канала ни жили вы—Марія делла-Салюте непремѣнно торчитъ передъ вами, вырѣзается въ вашемъ окнѣ, виднѣется съ вашего балкона; вы въѣзжаете въ Большой каналъ не иначе какъ мимо Маріи делла-Салюте; вы возвращаетесь мимо Большого канала опять-таки мимо нея. Нужно вамъ ѣхать къ дворцу Дожей, на площадь св. Марка, на набережную Скьявоне—никакимъ образомъ не минуете Маріи делла-Салюте; отправляетесь вы въ загородную прогулку къ Лидо или Мурано—непремѣнно ваша гондола, вашъ пароходъ должны проплыть въ виду ея.

Характерное бѣломраморное изваяніе этой прелестной церкви, похожей скорѣе на драгоцѣнное скульптурное произведеніе, чѣмъ на архитектурное зданіе, до такой степени тѣсно связано въ воспоминаніяхъ туриста со всею оригинальною панорамою Canale Grande,—который ею начинается и ею оканчивается,—что достаточно увидать на гравюрѣ или фотографіи ея изящный круглый куполъ, чтобы сразу отгадать, что передъ вами—Венеція. Она поднимается словно прямо изъ водъ лагуны своею ступенчатою мраморною террасою, на узкомъ мысу, которымъ заканчивается лѣвый берегъ Большого канала,—какъ вѣнчающее его знамя и какъ привратный стражъ его... Эта чудная базилика чаруетъ изумительною гармоніею своихъ архитектурныхъ линій, изумительною стройностью всего своего корпуса и такою роскошью бѣломраморныхъ фронтоновъ, колоннъ, карнизовъ и статуй, о которой нельзя составить себѣ представленіе, не видавъ ее въ лицо.

Внутри—это уже не длинная галерея, столь обычная въ большихъ храмахъ Италіи, а великолѣпная ротонда, прикрытая громаднымъ полушаріемъ купола удивительной красоты. Въ ней нѣтъ такого историческаго интереса, какъ въ другихъ знаменитыхъ церквахъ Венеціи, но стѣны ея сплошь покрыты драгоцѣнными разноцвѣтными мраморами да огромными полотнами и фресками великихъ венеціанскихъ мастеровъ лучшей эпохи—Тиціана, Тинторетто, Сальвіати, отъ которыхъ вы долго не оторвете своихъ глазъ...

Но вся красота, вся слава и богатство, вся оригинальность и вся многовѣковая исторія Венеціи сосредоточены въ чудномъ уголкѣ, подобнаго которому нѣтъ другого ни въ Италіи, ни въ Европѣ, ни на всемъ шарѣ земномъ... Это—unicum, не знающій

повторенія, недоступный подражанію, любоваться которымъ, изумляться которому пріѣзжаютъ, не жалѣя денегъ, десятки тысячъ людей изъ Новаго Свѣта, изъ Австраліи, Африки, Индіи... Уголокъ этотъ—площадь св. Марка и примыкающая къ ней Piazzetta, съ дворцомъ Дожей. Это—своего рода святая-святыхъ знаменитой республики, бьющееся сердце ея, изъ котораго исходили нѣкогда всѣ могучіе жизненные токи ея былой исторіи, достигавшіе до береговъ Азіи и Африки, потрясавшіе и сокрушавшіе цѣлыя государства. Въ этомъ царственномъ уголкѣ, гдѣ настоящіе цари нерѣдко преклоняли колѣна передъ гордою торговою республикою, собрались не только всѣ главнѣйшіе памятники венеціанскаго искусства и венеціанской старины, но и все то, что нѣкогда повелѣвало и передъ чѣмъ когда-то благоговѣйно преклонялись—дворцы, судилища, алтари. Огромный правильный квадратъ чуть не въ сто саженъ длины этой единственной въ своемъ родѣ площади, вымощенной неподражаемо-ровнымъ, гладкимъ, какъ зеркало, мраморнымъ паркетомъ, охваченъ съ трехъ сторонъ роскошными мраморными галереями и арками „старыхъ и новыхъ прокурацій", которыя превращены теперь, внизу, въ нескончаемый рядъ блестящихъ, богатѣйшихъ магазиновъ, модныхъ кафе, всегда полныхъ народа, а въ верхнихъ ярусахъ своихъ помѣщаютъ и громадный королевскій дворецъ, и разныя высшія учрежденія венеціанской области. Съ четвертой стороны эта Piazza,—какъ ее запросто называютъ венеціанцы въ отличіе отъ всѣхъ другихъ своихъ площадей, величаемыхъ ими Campo,—ограждена громадою собора св. Марка и дворцомъ Дожей. Впрочемъ, дворецъ почти всѣмъ своимъ фасадомъ выходитъ уже не на „Площадь", а на „Площадку"—„Пьяцетту",—которую образуетъ вмѣстѣ съ нимъ прелестный по своему стилю и особенно по изящному аттику, населенному цѣлымъ полчищемъ мраморныхъ статуй,—огромный корпусъ старинной библіотеки, созданіе знаменитаго Сансовино, составляющей теперь часть королевскаго дворца; красота Пьяцетты—не въ однихъ художественныхъ зданіяхъ, воздвигнутыхъ геніемъ человѣка: ея берегъ омываютъ свѣтлыя волны лагуны, еще болѣе прекрасныя, чѣмъ мраморныя арки и колонны; въ ея распахнутую грудь свободно проникаетъ свѣжее дыханіе моря, и божественное солнце Италіи заливаетъ своими радостными огнями устилающіе ее мраморы...

Стаи черныхъ гондолъ, какъ отдыхающія птицы, прильнули къ мраморнымъ ступенямъ ея набережной, а двѣ гранитныя колонны, увѣнчанныя крылатымъ львомъ св. Марка и статуею св.

Ѳеодора, попирающаго крокодила,—этими древними гербами воинственной республики,—высятся надъ ними, какъ два историческихъ стража у входа въ святыню... Одной изъ этихъ колоннъ давно уже пошелъ восьмой вѣкъ...

На рубежѣ между Piazzetta и Piazza, противъ угла библіотеки Сансовино—еще колонна своего рода,—высочайшая и стройнѣйшая колокольня св. Марка, знаменитая Campanile, которою мы налюбовались въ послѣдній разъ всего за какихъ-нибудь три мѣсяца до ея неожиданнаго разрушенія. Колокольня эта—исполинскій четырехъ-угольный столбъ самой какъ будто бы прозаической формы, почти безъ оконъ, съ оригинальною сквозною колоннадою на половинѣ высоты, съ высокою островерхою кровлею, напоминающею наши старыя кремлевскія башни—тоже созданье итальянскихъ архитекторовъ. Сначала Campanile удивляетъ своею простотою, но когда вглядишься въ нее подольше, начинаешь невольно ощущать необыкновенную гармонію ея пропорцій, и она кажется очень красивою, утѣшающею вашъ глазъ... Много помогаетъ этому и прелестная Logetta изъ колоннъ, статуй и барельефовъ, вся выточенная изъ тончайшихъ мраморовъ, украшающая ея основаніе со стороны дворца Дожей,—одно изъ шедёвровъ того же Сансовино.

Въ болѣе молодые годы я всходилъ на верхъ этой своего рода сторожевой башни Венеціи по покатому каменному полу безъ ступенекъ, улиткою взвивавшемуся подъ самую крышу, и любовался оттуда ни съ чѣмъ несравнимою панорамою Венеціи, съ ея безчисленными островками, каналами, лагунами, дворцами и церквами, видными сверху какъ съ крыльевъ птицы...

Piazza и Piazzetta Венеціи можно скорѣе назвать громадными залами, чѣмъ площадями—до того онѣ изящны, чисты, гладки, до того обставлены онѣ кругомъ сплошными стѣнами роскошныхъ мраморовъ, скульптуры, рѣзьбы, позолоты... Безконечныя аркады галерей и дворца Дожей укроютъ отъ дождя и непогоды цѣлое населеніе, а въ этомъ счастливомъ климатѣ вечера и ночи такъ тихи и прекрасны, что мѣстные жители проводятъ ихъ подъ кровомъ синяго неба такъ же уютно, какъ подъ любою крышею... Миріады голубей, гнѣздящихся въ карнизахъ и впадинахъ окружающихъ зданій, не уступаютъ человѣку владѣнія этими привольными покоями, и еще болѣе многочисленными стаями, чѣмъ люди, толпятся на мраморныхъ помостахъ площади, къ неописанному утѣшенію дѣтишекъ, увлеченно предающихся ихъ кормежкѣ...

Вся Венеція собирается, передъ заходомъ солнца, въ эту

свою излюбленную историческую гостиную, любоваться видомъ лагуны, побродить на свѣжемъ воздухѣ или посидѣть съ пріятелями за чашкой кофе, за стаканомъ вина. Здѣсь узнаются всѣ новости, совершаются сдѣлки, заводятся знакомства. Въ дни карнавала и большихъ праздниковъ пьяцца и пьяцетта съ утра до вечера залиты толпами народа. Въ наше время пресловутый венеціанскій карнавалъ, столько разъ прославленный въ стихахъ, прозѣ и музыкѣ, потерялъ бо́льшую часть своего прежняго блеска и веселья. Съ современными сдержанными нравами уже стала несовмѣстима былая разнузданность масляничныхъ затѣй. Хотя венеціанцы и надѣваютъ еще маски, хотя они еще танцуютъ и кутятъ, и ухаживаютъ за женщинами, и гуляютъ въ гондолахъ съ пѣвцами и музыкантами,—но все это дѣлается въ сравнительно скромныхъ и приличныхъ формахъ, далеко не съ прежнимъ увлеченіемъ и не въ прежнихъ баснословныхъ размѣрахъ...

Старые путешественники разсказываютъ едва вѣроятныя вещи о томъ повальномъ безумствѣ, которое охватывало въ дни карнавала даже самыхъ чопорныхъ и суровыхъ жителей Венеціи, почтенныхъ старыхъ сановниковъ, монаховъ, епископовъ...

Итальянская пылкая фантазія и итальянская южная кровь не знала въ эти минуты всенароднаго delirium tremens никакого удержа, и всѣ правила приличія выбрасывались за бортъ даже наиболѣе приличными людьми; а Венеція и въ обычное время никогда не отличалась особенною щепетильностью нравовъ.

Куртизанокъ въ Венеціи, по словамъ одного французскаго писателя начала восемнадцатаго вѣка, было въ его время такое множество, что во время карнавала можно было видѣть подъ аркадами прокурацій столько же женщинъ лежащихъ, сколько и на ногахъ.

Венеціанскій карнавалъ начинался тогда уже съ 5-го октября (н. ст.) и продолжался до великаго поста, такъ что венеціанцамъ приходилось ходить въ маскахъ чуть не цѣлыхъ полгода. А на Вознесеніе устраивался еще другой, коротенькій карнавалъ, дней на пятнадцать. Маски были до того обязательны для всѣхъ безъ исключенія, что даже папскій нунцій и настоятель капуциновъ не могли никуда явиться безъ маски.

Приходъ отказался бы отъ своего священника, духовенство— отъ своего епископа, еслибы они не носили въ это время маски, по крайней мѣрѣ, въ рукахъ, если не на лицѣ.

Впрочемъ, это и не удивительно, при нравахъ тогдашняго венеціанскаго духовенства, когда важные церковные сановники позволяли себѣ въ театрахъ, въ присутствіи многотысячной пу-

блики, открыто пересмѣиваться съ извѣстными городскими куртизанками, получая отъ нихъ за свои игривыя шутки удары вѣеромъ, когда аббатиссы монастырей дрались кинжалами на дуэли съ дамами-соперницами за какого-нибудь красиваго аббата.

Сенаторы, верховные судьи и совѣтники республики отправлялись въ свои засѣданія, гдѣ они нерѣдко обсуждали объявленіе войны какому-нибудь сосѣднему государству или смертную казнь одному изъ провинившихся гражданъ своихъ,—также не иначе какъ въ маскахъ, которыя они съ важнымъ видомъ снимали и вѣшали въ прихожихъ своего совѣта, чтобы опять надѣть ихъ, выходя на площадь...

На Piazzetta была опредѣлена одна сторона, предназначенная исключительно для прогулокъ венеціанскихъ нобилей, которою уже не смѣлъ пользоваться простолюдинъ. Облеченные въ свои пышныя широкія мантіи пурпуроваго и лиловаго цвѣта, поверхъ бархатныхъ и атласныхъ колетовъ, съ громоздкими париками на головѣ, главные вершители судебъ морской республики, члены совѣта десяти, сената или великаго совѣта, величественно расхаживали по мраморному паркету площади, встрѣчаемые раболѣпными поклонами просителей, почтительно цѣловавшихъ у нихъ широкіе рукава ихъ мантій. Чѣмъ важнѣе была должность, тѣмъ полнѣе и шире дѣлались эти рукава. Это мѣсто свиданій и переговоровъ венеціанскаго дворянства носило очень характерное для него названіе „Il Broglio“, по-русски—путаница, потому что, дѣйствительно, тутъ сплетались такія интриги и козни, въ которыхъ запутался бы самъ Маккіавелли.

Но всѣ эти картины былой венеціанской жизни, невольно встающія въ памяти на этой солнцемъ залитой мраморной площади, въ виду характерныхъ зданій стараго республиканскаго правительства,—стушевываются и блѣднѣютъ передъ тѣмъ непосредственнымъ живымъ очарованіемъ, которымъ наполняетъ васъ неописуемая и неподражаемая красота собора св. Марка, дворца Дожей и всей этой обставленной драгоцѣнными архитектурными изваяніями дивной площади...

Св. Маркъ нравится не сразу. Онъ поражаетъ сначала рѣзкою пестротою и вычурностью своихъ украшеній, заслоняющихъ собою его архитектурныя линіи; онъ такъ широко вытянутъ по фасаду, что не кажется съ перваго взгляда достаточно высокимъ. Наконецъ, онъ такъ своеобразенъ своимъ стилемъ, что озадачиваетъ васъ и не даетъ нѣкоторое время вашему впечатлѣнію

возможности оріентироваться и помѣстить его въ ту или другую опредѣленную рамку, подвести его подъ тотъ или другой знакомый ярлыкъ...

Въ молодые годы мои, въ пору моего увлеченія геометрическою правильностью линій и установленными теоріею строгими типами архитектуры,—св. Маркъ произвелъ на меня такое смущающее впечатлѣніе дерзкимъ нарушеніемъ всѣхъ правилъ кодекса правовѣрной архитектуры, что я боялся признать его красоту и готовъ былъ развѣнчать его славу.

Но когда я смотрѣлъ на него въ мое нынѣшнее посѣщеніе Венеціи, стоя по серединѣ площади, составляющей съ нимъ, съ его кампанилой, съ палаццо Дожей, со всѣми этими арками и колоннами старыхъ и новыхъ прокурацій, съ львиными колоннами, сизыми голубями, черными гондолами и голубымъ зеркаломъ моря, одно грандіозное нераздѣльное цѣлое, одинъ высоко-художественный историческій портретъ нѣкогда могучей и прекрасной венеціанской республики,—я нечувствительно все глубже и искреннѣе проникался сознаніемъ оригинальной прелести этого архитектурнаго созданія...

Св. Маркъ, дѣйствительно, не похожъ ни на кого другого, и его, по совѣсти, невозможно отнести ни къ какому стилю, ни къ готическому, ни къ романскому, ни къ византійскому. Въ этомъ—его великое достоинство, та характерная индивидуальность его, которая выдѣляетъ этотъ древній соборъ изъ сонма всѣхъ другихъ знаменитыхъ храмовъ Европы и не позволяетъ заслонить его оригинальный образъ въ памяти хотя бы разъ видѣвшихъ его никакимъ римскимъ Петромъ, никакою цареградскою Софіею или кёльнскимъ катэдралемъ. Хотя компетентные люди и причисляютъ св. Марка—вѣроятно, порядка ради—къ византійскому типу архитектуры, но безпристрастный наблюдатель сразу найдетъ въ немъ столько же византійскаго, сколько и римскаго, и готическаго, и рококо, и не знаю еще какого небывалаго стиля.

Въ этомъ лѣсѣ тонкихъ островерхихъ минаретиковъ, взбѣгающихъ вверхъ изъ каждой спайки многочисленныхъ круглыхъ арокъ его фасада, чуется вамъ слишкомъ наглядный откликъ мусульманскихъ мечетей Востока, съ которымъ такою тѣсною жизнью, боевою и торговою, жила въ старину предпріимчивая адріатическая республика, а общая картина этихъ вздутыхъ кубышчатыхъ куполовъ, вычурно вырѣзанныхъ верхушекъ, раззолоченныхъ букетовъ съ яблочками и цвѣтами, одѣвающихъ его кресты, яркая пестрота его колеровъ, придавленность его входныхъ арокъ и,

наконецъ, общая капризная смѣсь острыхъ угловъ и дугообразныхъ линій,—все это гораздо болѣе напоминаетъ вамъ фантастическую архитектуру какой-нибудь индійской пагоды Дэли или Лагора, чѣмъ строгій, правильный, нѣсколько постный стиль Юстиніановыхъ храмовъ, въ родѣ св. Софіи, или характерныхъ церквей разрушеннаго греческаго города Мистры, въ Пелопоннезѣ.

Св. Маркъ поражаетъ прежде всего наивною непосредственностью создавшаго его полу-языческаго религіознаго чувства.

Какъ ребенокъ, желающій выразить возможно полнѣе и нагляднѣе свои дѣтскія представленія о красотѣ и великолѣпіи, старается украсить свои неумѣлыя изображенія всякою пестротою и яркостью, не зная имъ мѣры, растрачивая безъ удержу обильные цвѣты своей ребяческой фантазіи, такъ и наивные средневѣковые художники, вдохновлявшіеся безъ разбора и архитектурной гармоніей византійскихъ соборовъ, и яркою прелестью каирскихъ мечетей, и таинственною поэзіею загадочно-вычурныхъ индусскихъ храмовъ,—съ тѣмъ же дѣтскимъ увлеченіемъ и дѣтскою невоздержностью нагромоздили другъ на друга въ своемъ знаменитомъ твореніи арки и колонны, золото и мраморы, шпили и купола, кресты и цвѣты, мозаики и фрески, статуи святыхъ и бронзовыхъ лошадей изъ языческихъ мавзолеевъ... И вся эта нѣсколько дикая пестрота цвѣтовъ, линій и стилей—въ силу именно этой дѣтской искренности своей и этого своеобразія полуязыческой, полухристіанской фантазіи — вышла, въ концѣ концовъ, такою по-своему гармоничною, такою оригинально прекрасною, что она безотчетно чаруетъ васъ, вопреки всѣмъ предвзятымъ мыслямъ и суевѣріямъ вашего художественнаго воспитанія.

Св. Маркъ хорошъ, потому что хорошъ, потому что самъ собою, безъ вашего намѣренія и даже противъ вашего намѣренія, ласкаетъ и радуетъ вашъ глазъ и ваше сердце, и остается въ немъ навсегда, не вытѣсняемый ни чѣмъ другимъ, не похожій ни на что другое, какъ нѣчто единственное, нигдѣ не повторенное,—словно никогда неслышанная вами и никогда незабываемая красивая, полнозвучная нота архитектурной мелодіи...

Нельзя не полюбоваться и вблизи на всѣ эти золотыя мозаики, сохранившія почти дѣвственную свѣжесть свою въ теченіе семи — восьми столѣтій, на всѣ эти многоцвѣтные мраморы историческихъ колоннъ, добытыхъ мечомъ и кровью просто-

душныхъ ревнителей церковнаго благолѣпія,—и изъ іерусалимскаго храма Соломона, и изъ капищъ Зевса и Артемиды, и изъ разрушенныхъ славныхъ мечетей Турціи и Египта,—колоннъ розовыхъ, желтыхъ, фіолетовыхъ, черныхъ, красныхъ, пестрыхъ, изъ которыхъ ни одна не похожа на другую, и каждая составляетъ уникумъ своего рода,—драгоцѣнность и въ историческомъ, и въ денежномъ смыслѣ,—которыя собраны подъ расписными аркадами этого своеобразнаго храма въ цѣлые пестрые букеты, словно пучки полевыхъ цвѣтовъ разнообразнаго колера и формъ...

Вы входите въ храмъ сквозь темныя аркады—и сразу теряетесь и останавливаетесь по срединѣ... Вы—внутри золотого неба, золотыхъ стѣнъ. Подъ ногами вашими, кругомъ васъ—мраморы, яшмы, порфиры... Мраморный легіонъ святыхъ и ангеловъ встаетъ высоко передъ вами на громадной мраморной рѣшоткѣ, замѣняющей нашъ иконостасъ...

Вмѣсто престола—мраморная гробница св. Марка-евангелиста, похищенная его наивными поклонниками изъ Александріи, много вѣковъ тому назадъ, и ставшая съ тѣхъ поръ патрономъ и государственною эмблемою венеціанской республики.

Золотая внутренность нашего прелестнаго храма св. Владиміра въ Кіевѣ кажется внутренностью хорошенькаго золотого яйца въ сравненіи съ охватывающимъ васъ здѣсь золотымъ и мраморнымъ грандіознымъ просторомъ.

И это золото, и колеръ этихъ яшмъ и мраморовъ, и живопись мозаикъ и фресковъ, одѣвающая по-византійски стѣны и своды,—все нѣсколько поблекло, потускнѣло, стушевалось отъ дыханія вѣковъ, и оттого общій тонъ храма сталъ еще цѣльнѣе и гармоничнѣе, напоминая собою мягкіе, нѣжно сливающіеся другъ съ другомъ тоны дорогого персидскаго ковра...

Золото это—вмѣстѣ и чудныя художественныя мозаики. Въ однѣхъ изъ нихъ—драгоцѣнныхъ памятникахъ старой до-Рафаэлевской эпохи—трогательная дѣтская наивность и дѣтская неумѣлость благочестивыхъ изображеній, въ другихъ—великолѣпные образы и группы славнѣйшихъ художниковъ Венеціи—Тиціана, Тинторетто, Сальвіати и разныхъ другихъ, полные смѣлой мощи и яркой выразительности...

Чтобы охватить однимъ общимъ взглядомъ этотъ громадный музей мозаикъ и мраморовъ,—поднимитесь наверхъ и двигайтесь не спѣша и безшумно по пустыннымъ галереямъ хоръ, вьющихся кругомъ всѣхъ стѣнъ... Галереи эти—безконечные ряды мраморныхъ рѣзныхъ оградъ, мраморныхъ ступеней, мраморныхъ

половъ и колоннъ, висящихъ высоко надъ глубокой пропастью храма, видимаго вамъ отсюда какъ съ крыльевъ птицы.

Съ внутренней галереи непремѣнно выйдите на балконъ, чтобы, полюбовавшись совсѣмъ въ упоръ на знаменитыхъ бронзовыхъ коней соборнаго фронтона, приписываемыхъ самому Фидію, обойти великій храмъ по его узенькой наружной галерейкѣ и ближе ознакомиться со всѣми причудливыми архитектурными подробностями св. Марка, его куполами, вышками, статуями, горельефами, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ насладиться ни съ чѣмъ несравнимымъ видомъ сверху на Piazza, Piazzetta и морскую лагуну...

Дворецъ Дожей такъ же поразительно своеобразенъ, какъ и соборъ св. Марка; такъ же, какъ онъ, не похожъ ни на какое другое зданіе во всемъ свѣтѣ; такъ же, какъ онъ, пренебрегаетъ всѣми архитектурными шаблонами и съ такою же дерзостью генія смѣшиваетъ въ себѣ безъ разбора какіе угодно стили. Его хотя и приписали къ стилю готическому, потому что у него стрѣльчатыя арки въ окнахъ и галереяхъ и готическія розетки надъ арками, но и общій видъ его, и характеръ всѣхъ его украшеній, сразу переносятъ ваше воображеніе не къ тяжелымъ зàмкамъ нѣмецкихъ государей и рыцарей, а къ сквознымъ, полувоздушнымъ павильонамъ мавританскихъ дворцовъ Альгамбры и Каира. И въ самомъ дѣлѣ, эта массивная каменная громада съ гигантскими зѣвами малочисленныхъ оконъ—всего по семи съ каждаго фасада,—кажется висящею какимъ-то чудомъ въ воздухѣ,—до того легко, изящно и хрупко кажется тонкое мраморное кружево чудныхъ двухъ-ярусныхъ колоннадъ, на которыхъ покоится безопасно и прочно, словно на гранитномъ пьедесталѣ, вся тяжесть огромнаго дворца...

Готика всегда начинается отъ земли сплошными, грузными массами, которыя разрѣзаются, раздробляются, утончаются, дѣлаются все легче, сквознѣе, воздушнѣе по мѣрѣ своего роста вверхъ, подобно маститому дубу, отдѣляющему отъ своего могучаго цѣльнаго ствола сначала болѣе толстыя и тяжелыя плоти, потомъ все болѣе тонкіе и легкіе, все болѣе частые и многочисленные вѣтви и сучки, и наконецъ, вѣнчающему вершину свою затѣйливымъ воздушнымъ кружевомъ своей зеленой листвы...

А здѣсь все наоборотъ, все наперекоръ преданьямъ и теоріямъ архитектуры,—вся тяжесть наверху, а внизу, вмѣсто опоры,—сотни тончайшихъ рѣзныхъ колонокъ, стоящихъ стройными рядами на сотняхъ другихъ такихъ же,—точно онѣ под-

держиваютъ не громадный каменный палаццо въ двѣсти обширныхъ залъ, а какую-нибудь хрустальную драгоцѣнную бездѣлушку... И несмотря на такое дерзкое извращеніе всѣхъ нашихъ архитектурныхъ понятій и привычекъ, дворецъ этотъ восхищаетъ насъ своею оригинальностью больше самыхъ знаменитыхъ дворцовъ, построенныхъ по строгимъ правиламъ искусства; дворецъ этотъ уносится въ нашей памяти на вѣки-вѣчные, не заслоняемый никакими другими воспоминаніями, потому что во всемъ мірѣ онъ одинъ такой, потому что онъ явился искреннимъ и своеобразнымъ созданіемъ искренняго и своеобразнаго генія, творившаго по свободному внушенію своей художественной фантазіи,—явился самобытнымъ голосомъ, а не эхо въ общемъ хорѣ архитектурныхъ произведеній...

Надо побродить въ тѣни дворцовыхъ галерей въ яркую лунную ночь, когда къ кружеву мраморныхъ колоннадъ, вырѣзывающихся своими темными силуэтами на фонѣ залитаго свѣтомъ неба, прибавляется еще таинственно-трепещущее, перепалзывающее по мраморнымъ помостамъ, неосязаемое кружево лунныхъ лучей, пробивающихся сквозь арки и розетки колоннадъ...

Это—самый эффектный моментъ и самый характерный видъ для дворца Дожей, который мѣстные фотографы и живописцы обыкновенно стараются изобразить на своихъ картинахъ и снимкахъ.

Во дворецъ входятъ по знаменитой „Scala dei Giganti“— „лѣстницѣ Исполиновъ“, украшенной колоссальными статуями Нептуна и Марса, работы Сансовино...

На послѣдней площадкѣ этой исторической лѣстницы заставляли присягать нѣкогда дожей гордой республики, чтобы не надмить ихъ излишествомъ почестей и не зародить въ нихъ властолюбивыхъ замысловъ, опасныхъ для всемогущей и ревнивой венеціанской олигархіи...

„Лѣстница Золотая“—„Scala d'Oro“, по которой въ старыя времена имѣли право ходить только нобили, записанные въ „золотую книгу“, и „лѣстница Цензоровъ“—поднимаютъ васъ въ верхніе этажи дворца.

Вы пробѣгаете ряды огромныхъ залъ, высокихъ и торжественныхъ какъ церкви, неописуемой роскоши. Роскошь эта не въ однихъ мраморахъ, позолотѣ и лѣпныхъ украшеніяхъ,—нѣтъ, здѣсь каждая зала—своего рода галерея громадныхъ полотенъ и фресковъ. Здѣсь вы живете и двигаетесь среди отовсюду окружающей васъ яркой толпы воиновъ, моряковъ, монаховъ, папъ,

сенаторовъ, дожей, полководцевъ, языческихъ боговъ и богинь, библейскихъ и евангельскихъ женъ и мужей, среди осадъ, битвъ, морскихъ и сухопутныхъ, торжественныхъ въѣздовъ и процессій, во всемъ пеклѣ шумной, блестящей и богатой событіями былой исторіи венеціанской республики. Картины вмѣсто потолка, картины вмѣсто стѣнъ; сверху, съ боковъ, сзади и спереди—отовсюду вы охвачены обильною и сочною живописью знаменитыхъ венеціанскихъ мастеровъ, кишащею фигурами и красками, дышащею щедрою роскошью и смѣлымъ размахомъ старыхъ вѣковъ славы и богатства адріатической царицы.

Не останавливайтесь подробно на этихъ картинахъ,—это невозможно и это безполезно. Тинторетто, Павелъ Веронезъ, Маркъ Вечелли, Пальма Младшій, Бассано и другіе венеціанскіе художники шестнадцатаго столѣтія, расписавшіе эти залы послѣ большого пожара, истребившаго прежнія украшенія дворца, стремились возвеличить родную республику, увѣковѣчивъ на этихъ стѣнахъ и сводахъ всѣ выдающіеся моменты ея исторіи, портреты всѣхъ ея замѣчательныхъ дѣятелей, и эта оффиціальная живопись ихъ, преслѣдовавшая не столько художественныя, сколько патріотическія цѣли, дорога главнымъ образомъ изслѣдователямъ былой венеціанской жизни и мало интересна въ своихъ подробностяхъ для любителей чистаго художества. Да, притомъ, этотъ потопъ болѣе или менѣе однообразныхъ, безчисленныхъ фигуръ и группъ, сплошь наполняющій ряды залъ, поглотилъ бы и подавилъ бы васъ безслѣдно, не оставляя въ вашемъ впечатлѣніи ничего опредѣленнаго и яснаго. Вы почувствуете, конечно, и строгость рисунка, и силу колера, и выразительность отдѣльныхъ фигуръ и позъ, почувствуете присутствіе большаго искусства, знанія, таланта,—но всѣ эти многосаженныя полотна, оживленныя кистью художниковъ, безъ конца чередуясь другъ съ другомъ и безъ перерыва нагромождая одинъ слой впечатлѣній на другой, взаимно стираютъ и перепутываютъ ихъ, до-нельзя утомляя духъ вашъ безплодными усиліями сохранить свѣжесть и обособленность каждаго впечатлѣнія. Гораздо разумнѣе смотрѣть на эти расписанные потолки и стѣны, не вникая въ частности, свободнымъ общимъ взглядомъ, какъ на роскошную художественную декорацію историческаго дворца, нераздѣльную съ его архитектурными линіями, съ его бронзами, позолотою и мраморами,—и тогда вы дѣйствительно вынесете полное и цѣльное впечатлѣніе отъ этого характернаго мѣста жительства старыхъ владыкъ Венеціи, еще вполнѣ сохранившаго въ названіяхъ своихъ залъ воспоминанія о протекшей роли ихъ. Вамъ покажутъ тутъ и

залу Сената и залу Трехъ инквизиторовъ, и залу нѣкогда страшнаго Совѣта Десяти, передъ которымъ трепетали самые популярные дожи, съ уцѣлѣвшею до сихъ поръ мраморною пастью льва, въ которую граждане опускали доносы и обвиненія своихъ правителей на разборъ неумолимаго судилища. Громадная зала Большого Совѣта, куда собирались для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ всѣ нобили Венеціи, достигшіе двадцатилѣтняго возраста, — можно сказать, съ вершины до пятъ залитъ живописью; такова же и зала выборовъ — „sala delle Scrutinio". Въ этихъ двухъ главныхъ залахъ перваго этажа—полная галерея портретовъ всѣхъ дожей республики, помѣщенная въ фризахъ, надъ колоссальными фресками, посвященными прославленію самыхъ выдающихся подвиговъ венеціанцевъ и ихъ знаменитыхъ вождей. Тутъ въ живыхъ сценахъ и лицахъ вся исторія борьбы Венеціи въ союзѣ съ папою Александромъ III-мъ противъ Фридриха Барбароссы при дожѣ Себастьянѣ Ціани, съ смиренно преклоненнымъ передъ папою побѣжденнымъ императоромъ Германіи; тутъ торжественное врученіе тѣмъ же папою венеціанскому дожу символическаго кольца, эмблемы власти надъ моремъ, которымъ съ тѣхъ поръ въ теченіе семи вѣковъ всѣ венеціанскіе дожи обручались съ возлюбленными имъ волнами Адріатики; тутъ вся живописная лѣтопись побѣдоносныхъ походовъ Дандоло, Морозини, Контарини, Мочениго, вся исторія завоеванія Византіи, Мореи, Аѳинъ, Далмаціи, дарданелльскій разгромъ турокъ, лепантская битва...

Безконечный рядъ портретовъ дожей, имена которыхъ, можно сказать, буквально повторяютъ серію старинныхъ палаццо на Canale Grande,—въ одномъ только мѣстѣ прерывается черною таблицею съ сурово-лаконическою латинскою надписью: „Здѣсь мѣсто Марино Фальери, обезглавленнаго за преступленія" (Hic est locus M. F., decapitati pro criminibus"). Марино Фальери былъ дожемъ Венеціи въ тридцатыхъ годахъ четырнадцатаго столѣтія. Оскорбленный однимъ изъ знатнѣйшихъ дворянъ Венеціи и стѣсняемый на каждомъ шагу въ своихъ правительственныхъ распоряженіяхъ ревнивымъ надзоромъ Совѣта Десяти и разныхъ другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій республики, подозрительно слѣдившихъ всегда другъ за другомъ,—Марино задумалъ опереться на свою популярность среди простого народа, уничтожить самовластіе аристократіи, усиливъ власть дожа, ввести въ правленіе республики вполнѣ демократическій строй. Заговоръ его, однако, былъ открытъ; онъ былъ осужденъ на смерть за государственную измѣну и обезглавленъ на той самой пло-

щадкѣ „Лѣстницы Исполиновъ“, на которой приносилъ когда-то присягу при избраніи его въ дожи...

Байронъ, ненавистникъ всякаго деспотизма и несправедливости, избралъ Марино Фальери героемъ одной изъ своихъ страстныхъ драмъ, точно также какъ героемъ другой драмы изъ венеціанской жизни онъ сдѣлалъ стоическаго страдальца дожа Фоскари,—тоже жертву своего рода подозрительной и жестокосердной венеціанской олигархіи.

Байроновскій Марино Фальери въ такихъ словахъ выливаетъ накипѣвшую въ немъ ненависть къ ней; на вопросъ Бертуччіо: „хотите быть коронованнымъ государемъ?“—Марино отвѣчаетъ:— „Да, если народъ раздѣлитъ мою власть, чтобы ни онъ, ни я, мы не были рабами этой разросшейся аристократической гидры, ядовитыя головы которой изрыгаютъ на насъ отравленный воздухъ!

„Мы—илоты, изъ которыхъ я больше всѣхъ рабъ, самый униженный, хотя блистательно наряженный на показъ!“

Характерную иллюстрацію былыхъ нравовъ и былой политики этой жестокой и ревнивой республики путешественникъ можетъ и теперь видѣть, посѣтивъ въ подвальныхъ этажахъ дворца Дожей такъ-называемые Prigioni,—то-есть темницы. Какъ ни безнравственно еще современное человѣчество, какъ ни далеко оно отъ евангельскаго идеала любви и братства,—но одно бѣглое сравненіе его теперешнихъ заботливыхъ и гуманныхъ отношеній къ заключеннымъ—съ звѣрскимъ мучительствомъ преступниковъ въ милую старину, о которой такъ неумѣстно часто вздыхаютъ ея близорукіе поклонники, показываетъ съ убѣдительною наглядностью, какой громадный шагъ по пути христіанской правды совершило, даже въ теченіе послѣдняго только столѣтія, нравственное чувство человѣчества. Эти ужасныя Prigioni съ своими низенькими чердаками подъ свинцовою крышею, гдѣ въ знойное итальянское лѣто осужденные задыхались, какъ въ горячо натопленной печи, отъ сухого металлическаго жара, не имѣя возможности ни днемъ, ни ночью разогнуть спину и отвести отъ накалившагося на солнцѣ свинца свои трескавшіяся отъ боли головы, съ своими залитыми ледяною водою подвалами, гдѣ злополучные страдальцы, бо̀льшею частью не преступники, а политическіе соперники господствующей въ ту минуту клики,— обречены были стынуть всѣ зимніе мѣсяцы, подкладывая себѣ на ночь камень подъ голову вмѣсто постели,—не нуждаются въ комментаріяхъ. Пресловутые Piombi—свинцовые чердаки—уни-

чтожены еще въ восемнадцатомъ столѣтіи, но въ сырыя могилы ниже уровня каналовъ, куда просачивается ихъ вонючая вода, мы спускались и лицезрѣли ихъ во очію... И всего больше, всего горше,—гораздо острѣе, чѣмъ это болото, служащее постелью, и камень, положенный вмѣсто подушки,—возмутили меня тѣ закопченныя дымомъ восковыхъ свѣчекъ маленькія ниши въ амбразурахъ подвальныхъ оконъ, куда монахи-доминиканцы,—изобрѣтатели и ревностные слуги инквизиціи,—кощунственно ставили крестъ Распятаго за людей Праведника, напутствуя страдальцевъ своими лицемѣрными молитвами, исповѣдуя и причащая ихъ черезъ продѣланныя въ стѣнахъ окопца...

Необузданно разроставшееся господство надъ республикой нѣсколькихъ знатнѣйшихъ фамилій, постоянно боровшихся другъ съ другомъ за власть и наживу, въ жару своей корыстной борьбы совершенно забывавшихъ объ интересахъ народа, лишеннаго всякаго участія въ дѣлахъ, мало-по-малу подточили силы нѣкогда могучей республики,—и былая царица всесвѣтной торговли, посылавшая свои военные и купеческіе корабли во всѣ доступныя тогда моря, обогащавшая свой родной городъ сокровищами цѣлаго міра, смирявшая папъ и императоровъ, громившая непобѣдимыхъ турокъ,—теряетъ одно за другимъ свои старыя завоеванія, лишается всѣхъ своихъ богатыхъ владѣній на островахъ Архипелага и Средиземнаго моря, по берегамъ Эвксинскаго Понта и Адріатики, и къ концу семнадцатаго вѣка, а особенно въ восемнадцатомъ уже вѣкѣ, обращается въ одно изъ незначительныхъ маленькихъ государствъ маленькой Италіи, съ которымъ совсѣмъ перестаютъ считаться крупныя европейскія державы...

Наполеонъ I безъ сопротивленія занимаетъ своими войсками Венецію и безъ церемоніи отдаетъ вольную республику, по кампоформійскому миру 1797 года, во владѣніе Австріи... Луиджи Манинъ былъ послѣднимъ вождемъ, похоронившимъ свободу своего славнаго отечества...

Въ этотъ-то періодъ глубокаго политическаго упадка Венеціи она и обратилась въ тотъ городъ вѣчныхъ маскарадовъ, любовныхъ похожденій и беззаботнаго кутежа, въ тотъ прославившійся на весь міръ очагъ развратнаго разгула, о которомъ я говорилъ раньше.

Но при суровомъ владычествѣ австрійскихъ нѣмцевъ униженной Венеціи было уже не до легкомысленнаго веселья. Лордъ

Байронъ, свидѣтель позорнаго нѣмецкаго плѣненія царицы Адріатики, устами своего Чайльдъ-Гарольда оплакивалъ потерю ея старыхъ вольностей въ такихъ горячихъ строфахъ:

„Точно морская Сивилла выходитъ она изъ воды, еще свѣжая отъ влаги, и величественнымъ движеніемъ царицы водъ и водныхъ силъ возноситъ свою тіару гордыхъ зȧмковъ въ воздушное пространство.

„Да, она была царицей: дочери ея получали свое вѣно отъ грабежа сосѣднихъ странъ, и неисчерпаемый Востокъ сыпалъ въ ея пȯлы драгоцѣнные искрометные камни. Она была одѣта въ пурпуръ, и въ пирахъ ея принимали участіе монархи, считая, что это поднимаетъ ихъ достоинство.

„Теперь не слышны болѣе въ Венеціи пѣсни Тассо, и безмолвно гребетъ веслами гондольеръ. На берегу рушатся дворцы, и музыка рѣдко ласкаетъ слухъ. Тѣ дни прошли, но красота осталась.

„Государства исчезаютъ, увядаетъ искусство,—не умираетъ только природа. Она помнитъ, какъ мила была ей когда-то Венеція, этотъ дивный чертогъ празднествъ, пиръ вселенной, маскированный балъ Италіи.

„Овдовѣвшая Адріатика оплакиваетъ своего супруга. Ежегоднаго обрученія не возобновляется болѣе... Все такъ же, какъ и прежде, стоитъ левъ св. Марка,—но это только насмѣшка надъ его поблекшимъ могуществомъ, надъ гордою площадью, гдѣ монархъ умолялъ о милости, между тѣмъ какъ другіе смотрѣли и завидовали ему въ часъ, когда Венеція была самой богатой царственной невѣстой міра“.

Мы, современники Кавура, Гарибальди и Виктора-Эммануила, дожили, къ счастью, до свѣтлыхъ дней освобожденія и возрожденія Венеціи...

Около сѣверной стѣны собора св. Марка, подъ покровомъ его многовѣковыхъ священныхъ тѣней, стоитъ скромный памятникъ—мраморный саркофагъ, поддерживаемый львами. Это—гробница Даніила Манина, смѣлаго трибуна, поднявшаго Венецію противъ ея поработителей и сломленнаго въ слишкомъ неравной борьбѣ. Прахъ его былъ перенесенъ изъ Парижа, гдѣ онъ умеръ изгнанникомъ въ 1857 году, въ родную ему, уже свободную Венецію, когда завершилась мечта его жизни, и царица Адріатики стала равноправнымъ членомъ единой свободной Италіи...

Глубоко поучительна и трогательна эта быстро прогремѣв-

шая драма отчаянной попытки венеціанцевъ вырвать свою свободу изъ желѣзныхъ лапъ нѣмецкаго деспотизма...

Хотя на вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. австрійское правительство обязалось дать конституціонное устройство присоединенному къ нему такъ называемому ломбардо-венеціанскому королевству, но, по традиціонному обычаю Австріи, обязательства эти были очень скоро забыты Меттернихомъ,—тогдашнимъ вершителемъ европейскихъ судебъ; всѣ сколько-нибудь значительныя должности бывшей республики, судебныя и административныя, были заняты нѣмцами; по городамъ и деревнямъ сѣверной Италіи поставлены нѣмецкіе, венгерскіе, кроатскіе солдаты. Тайная и явная полиція опутала вредоносною сѣтью шпіонства и преслѣдованія каждый шагъ, каждую искреннюю мысль и слово венеціанской интеллигенціи; цензура свирѣпствовала надъ школою и печатью. Выборныя провинціальныя собранія, обезпеченныя торжественной хартіей 1815 года, подписанной императоромъ Францемъ, обратились на дѣлѣ въ присутствія чиновниковъ, назначаемыхъ вѣнскимъ правительствомъ, а предоставленное имъ по закону право составленія бюджета—незамѣтно замѣнилось прямыми распоряженіями общаго государственнаго казначейства австрійской имперіи, куда направлялись и всѣ доходы мнимаго королевства... Словомъ, всѣ мѣры австрійскаго правительства съ упорною нѣмецкою послѣдовательностью и систематичностью стремились въ конецъ онѣмечить Венецію съ Ломбардіей и насильственно претворить ихъ въ обще-австрійскій государственный организмъ.

Такъ шло дѣло до 1848 года, когда подъ вліяніемъ либеральной, хотя и мимолетной политики новаго папы Пія IX-го, преемника Григорія XVI-го, этого закоснѣлаго сторонника идей священнаго союза и Меттерниховскаго іезуитизма, по всей Италіи проснулась страстная жажда свободы и движенія впередъ...

Даніилъ Манинъ, мало кому извѣстный адвокатъ, добывавшій кусокъ хлѣба себѣ и семьѣ своей поденнымъ трудомъ, но горячій другъ правды и безкорыстный заступникъ бѣдныхъ собратьевъ, —явился смѣлымъ выразителемъ этихъ стремленій венеціанскаго народа. Онъ выступилъ на опасный бой одинъ, безъ друзей, безъ партіи, одушевленный тѣмъ геройскимъ духомъ безраздумнаго самоотверженія и страстной любви къ родинѣ, которымъ были такъ несокрушимо сильны великіе израильскіе патріоты Библіи, Гедеоны и Маккавеи... Его первыя попытки добиться законнымъ путемъ отъ австрійскаго правительства возстановленія въ Венеціи конституціоннаго устройства, дарованнаго ей вѣнскимъ конгрес-

сомъ, окончились для него заключеніемъ въ тюрьму. Но въ это время пришли въ Венецію глубоко взволновавшія ее вѣсти о вспыхнувшей въ Парижѣ февральской революціи, а скоро послѣ того—и о революціи въ самой Вѣнѣ; австрійскій императоръ вынужденъ былъ дать своимъ народамъ свободу печати и собраній, ввести конституцію... Толпы народа, наэлектризованныя этимъ повѣявшимъ отовсюду вѣтромъ свободы, собрались на площади св. Марка и требовали освобожденія Манина. Съ оглушительными криками: „да здравствуетъ Италія!" любимецъ народа былъ на рукахъ вынесенъ изъ темницы. Въ заточеніи своемъ Манинъ твердо рѣшился не ждать больше ничего отъ вѣроломнаго австрійскаго правительства и стремиться къ одному—возстановленію свободной венеціанской республики. Вопреки противодѣйствію городского муниципалитета, не дерзавшаго еще открыто возстать противъ могущественной Австріи, Манинъ и его нѣсколько друзей рѣшились однимъ смѣлымъ ударомъ покончить дѣло. Утромъ назначеннаго дня, обнявъ на прощанье жену и дочь и увѣщевая ихъ не падать духомъ въ случаѣ неудачи, Манинъ скомандовалъ своему шестнадцатилѣтнему сыну:—Въ арсеналъ, Джорджіо!

— Вѣдь ты идешь на смерть!—въ ужасѣ останавливала его жена.

— Что-жъ, если это нужно!..—отвѣчалъ Манинъ.

Отряды національныхъ гвардейцевъ были незамѣтно придвинуты къ арсеналу, и прежде чѣмъ военное начальство Венеціи успѣло спохватиться, арсеналъ очутился безъ боя въ рукахъ Манина. Австрійскія власти были арестованы и высланы изъ города, нѣмецкіе и кроатскіе полки удалены.

— Мы свободны! и мы вдвойнѣ можемъ этимъ гордиться, потому что пріобрѣли свободу, не проливъ ни капли крови, ни своей, ни нашихъ братьевъ!—говорилъ, вдохновленный успѣхомъ, Манинъ ликовавшему венеціанскому народу, сбѣжавшемуся на площадь св. Марка.

Освободившаяся такъ неожиданно Венеція должна была прежде всего подумать о формѣ своего государственнаго существованія. Манинъ отвергалъ всякіе компромиссы съ Австріей и твердо стоялъ на возстановленіи республики.

„Только крикъ: „да здравствуетъ республика!" можетъ быть понятъ народомъ. Только лозунгъ св. Марка можетъ найти въ немъ отголосокъ!"—горячо настаивалъ онъ въ совѣтахъ горожанъ.

„Это не значитъ, чтобы мы хотѣли отдѣлиться отъ нашихъ братьевъ, другихъ итальянцевъ; напротивъ, мы образуемъ одинъ

изъ тѣхъ центровъ, которые послужатъ къ постепенному соединенію Италіи въ одно цѣлое!“—пророчески объяснялъ онъ народу.

Венеціанская республика была провозглашена, и Манинъ объявленъ ея президентомъ. Успѣхъ этой невѣроятной революціи, произведенной ничтожною горстью самыхъ скромныхъ людей, чуждыхъ и политики, и военнаго дѣла,—можетъ быть объясненъ только тою внутреннею нравственною гнилью, которою былъ въ корнѣ подточенъ на видъ могущественный государственный организмъ тогдашней Австріи, весь построенный на принципахъ насилія, обмана, несправедливости и недовѣрія. Іезуитская система Меттерниха, въ корнѣ развращавшая людей и народы, блистательно проявила здѣсь свои пагубные плоды и воочію показала, что въ минуты серьезной опасности корыстные слуги деспотизма и лицемѣрія не въ силахъ одушевиться мужествомъ и самоотверженіемъ и выступить непоколебимыми рыцарями долга...

Однако, одно провозглашеніе республики не обезпечивало ничѣмъ будущей судьбы Венеціи, которая должна была готовиться къ вооруженной борьбѣ съ одною изъ сильнѣйшихъ все же державъ Европы. У Венеціи не было ни войска, ни флота, ни казны. И вотъ въ этихъ-то страшно-критическихъ, можно сказать, безнадежныхъ обстоятельствахъ обнаружился по истинѣ трогательный патріотизмъ венеціанскихъ гражданъ и героическая рѣшимость ихъ импровизированнаго вождя, который какъ нарочно носилъ то же имя, какъ и послѣдній дожъ ея, и, казалось, былъ призванъ самою судьбою возродить древнія доблести знаменитыхъ правителей Венеціи, возстановить ея древнія вольности и славу. Безпощадный крушитель уже не перваго народнаго движенія, суровый Радецкій двигался на Венецію съ сорока-тысячнымъ, въ бояхъ закаленнымъ войскомъ, переполняя ужасомъ растерявшихся венеціанцевъ... Ни одна великая держава, ни одно государство Италіи, къ которымъ настойчиво и напрасно взывалъ Манинъ, не обѣщали ему ни малѣйшей помощи. Венеція обречена была въ одиночку дать отпоръ надвигавшемуся могучему врагу. Тогда венеціанцы рѣшились провозгласить свое присоединеніе къ Піемонту. Король сардинскій Карлъ-Альбертъ двинулся съ своимъ войскомъ на австрійцевъ. Но послѣ двухъ-дневнаго мужественнаго боя при Кустоццѣ молодая армія Альберта была на голову разбита Радецкимъ, и злополучный король, которому съ роковою послѣдовательностью не удавалось ни одно изъ его патріотическихъ предпріятій, вынужденъ былъ спасать поспѣшнымъ отступленіемъ жалкіе остатки своего войска, покинувъ на произволъ побѣдителя уже освобожденный-было Миланъ... Венеція была

совершенно покинута Піемонтомъ. Волнуемая отчаяніемъ, толпа провозгласила своего любимца Манина неограниченнымъ правителемъ возстановленной республики. Манинъ предписалъ перечеканить въ монеты всѣ золотыя и серебряныя вещи, принадлежавшія частнымъ лицамъ, объявилъ національный заемъ въ десять милліоновъ лиръ и потребовалъ въ ряды народной арміи всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе; на мундиры для солдатъ сдирали даже сукно съ билліардовъ; жители отдавали имъ свои одежды. Семьдесятъ укрѣпленій были построены съ суши для защиты города; всѣ подступы изъ моря въ лагуны были заперты... Около 20.000 войска, хотя неопытнаго, но горѣвшаго жаждою боя и готоваго умереть за родной городъ, охраняли его окопы. Въ нѣсколькихъ кровопролитныхъ вылазкахъ противъ обложившихъ Венецію австрійскихъ полковъ эти воины-добровольцы своимъ патріотическимъ пыломъ успѣвали одолѣть привычныхъ къ бою ветерановъ Радецкаго.

Піемонтъ, не покидавшій своей исторической мечты объединить сѣверную Италію подъ скипетромъ сардинскихъ королей, еще разъ попробовалъ выступить на спасеніе Венеціи, и еще разъ вѣчно неудачливый Карлъ-Альбертъ былъ жестоко разбитъ австрійскимъ маршаломъ Гайнау при Новарѣ и въ отчаяніи отказался отъ престола въ пользу своего сына Виктора-Эммануила. Эта новая катастрофа лишала Венецію всякой надежды на помощь родной ей Италіи.

Австрійцы, пользуясь поражающимъ впечатлѣніемъ своей побѣды, разразившейся надъ Венеціей какъ ударъ грома, предлагали республикѣ покориться на самыхъ почетныхъ условіяхъ. Смятеніе умовъ въ Венеціи было неописуемое. Въ засѣданіи учредительнаго собранія Манинъ коротко и просто спросилъ депутатовъ и министровъ:

— Готовы ли вы сопротивляться?

— Готовы!—единодушно отвѣчало собраніе.

— Хотите ли предоставить мнѣ неограниченную власть руководить обороною?

— Хотимъ!—былъ такой же единодушный отвѣтъ.

Началась борьба на жизнь и смерть. Австрійскія ядра, бомбы, гранаты дождемъ осыпали наскоро возведенныя укрѣпленія венеціанцевъ; стѣны рушились, баттареи взлетали на воздухъ, люди падали одинъ за другимъ; но молодые венеціанскіе волонтеры, въ первый разъ испытавшіе ужасы канонады, все-таки стойко и искусно отвѣчали на пальбу врага. Тогда фельдмаршалъ Радец-

кій адресовалъ жителямъ Венеціи воззваніе, требовавшее полной и безусловной покорности.

„Я пришелъ сюда, чтобы въ послѣдній разъ предупредить васъ,—писалъ онъ,—и держу въ одной рукѣ оливковую вѣтвь для васъ, если вы послушаетесь голоса разсудка, а въ другой —мечъ, готовый казнить васъ до совершеннаго истребленія, если вы будете упорствовать на пути, лишающемъ васъ права на милосердіе вашего законнаго государя".

Манинъ и Венеція съ презрѣніемъ отвергли австрійское предложеніе и напрягали послѣднія силы на защиту города. Хлѣба въ немъ уже почти не оставалось, несмотря на большіе запасы, заранѣе сдѣланные Маниномъ; богатые люди ѣли конину, бѣдные—одни овощи. Голодъ начиналъ все чаще заглядывать въ осажденный городъ, запертый австрійцами и съ суши, и съ моря. Холера развивалась тоже съ ужасающею быстротою. Уже все населеніе Венеціи отъ 18 до 55 лѣтъ стояло подъ ружьемъ, и выбывающихъ некѣмъ было замѣнять. А австрійскія баттареи оцѣпляли все тѣснѣе городъ, вынуждая жителей бѣжать въ самые дальніе кварталы. Страшная многодневная бомбардировка разрушила цѣлыхъ двѣ трети города. Мостъ Ріальто лежалъ въ развалинахъ; многіе историческіе палаццо были прострѣлены ядрами какъ рѣшето; драгоцѣнныя статуи, портики, барельефы разлетались въ куски отъ взрывовъ бомбъ; пожары пылали повсюду, цѣлыя улицы обратились въ костры. Послѣдніе пороховые магазины Венеціи на отдаленномъ островкѣ были два раза взорваны рукою невѣдомаго измѣнника.

Взволнованныя народныя толпы скитались по улицамъ, не имѣя пріюта. Среди образованнаго населенія Венеціи давно уже начиналось глухое броженіе, и несмотря на все довѣріе народа къ мужеству и искусству Манина, все яснѣе стала обрисовываться даже и ему самому безцѣльность и невозможность дальнѣйшаго сопротивленія безъ войска, безъ хлѣба, безъ пороха и безъ всякой надежды на помощь Европы.

Собраніе облекло Манина неограниченными полномочіями для переговоровъ о сдачѣ. Когда наступила минута объявить рѣшеніе собранія народу, столько терпѣвшему и не переставшему еще лелѣять розовыя мечты о побѣдѣ и свободѣ, Манинъ, среди страстныхъ рѣчей и рыданій, лишился чувствъ. Толпа тоже рыдала; вопли ея наполняли площадь.

— „И съ такимъ-то народомъ—нужно сдаваться!"—съ горькимъ рыданіемъ воскликнулъ злосчастный народный трибунъ...

24-го августа 1848 года, сокрушенная Венеція сдалась на

волю побѣдителя. Даніилъ Манинъ и другіе главные вожди мимолетной республики, въ числѣ сорока человѣкъ, должны были навсегда удалиться въ изгнаніе...

Многочисленная толпа народа въ безмолвномъ горѣ провожала французскій фрегатъ, на палубѣ котораго, обнаживъ головы на вѣчное прощаніе съ роднымъ городомъ, удалялись на чужбину невольные изгнанники...

Манинъ и умеръ изгнанникомъ, не доживъ до счастливыхъ дней, когда разгромленная пруссаками подъ Садовою Австрія вынуждена была возвратить Италіи ея освобожденную отъ чужеземнаго рабства сѣверную дочь...

На такъ называемой „Славянской набережной" — „Riva dei Schiavoni"—тутъ же недалеко, за угломъ дворца Дожей, воздвигнутъ монументъ, художественныя фигуры котораго прекрасно выразили всѣ фазы героической драмы, цѣною которой Венеція добыла свою свободу... Это—памятникъ Виктору-Эммануилу скульптора Феррари. По сторонамъ мраморнаго пьедестала, у ногъ бронзоваго коня, на которомъ король-рыцарь—il Re galantuomo—лихо скачетъ, высоко взмахнувъ саблею, какъ будто во главѣ своей освободительной арміи,—помѣщены двѣ колоссальныя и прекрасныя фигуры Италіи: одна—что позади—печальная, безсильно опустившая руку на закованнаго и пріунывшаго льва, другая—впереди—торжествующая, съ гордо поднятымъ лицомъ, и рядомъ съ ней—грозно рыкающій левъ, разорвавшій цѣпи 1815 года и прикрывшій своею могучею лапою скрижаль своего новаго независимаго политическаго существованія въ объединенной Италіи.

Насъ порядочно раздосадовалъ, а вмѣстѣ и насмѣшилъ своимъ не особенно хитрымъ плутовствомъ одинъ изъ праздношатающихся по площади св. Марка венеціанскихъ гражданъ. Подбѣжалъ онъ къ намъ передъ самыми воротами св. Марка съ предложеніемъ показать и объяснить подробно всѣ замѣчательности собора, и хотя я вообще мало довѣряю подобнымъ добровольцамъ-чичероне, но, чтобы не отвлекать своего вниманія постоянными справками съ Бедэкеромъ, предоставилъ этому индивидууму вести насъ въ соборъ. Повертѣвшись немного въ одномъ изъ придѣловъ, гражданинъ сей заявилъ намъ съ серьезнымъ видомъ, что сейчасъ начинается какая-то важная служба въ центральномъ алтарѣ, почему неловко будетъ осматривать главный храмъ, а

мы можемъ тѣмъ временемъ увидѣть другія интересныя вещи, куда онъ насъ и поведетъ. Воображая, что онъ хочетъ показать намъ со всѣхъ сторонъ наружность собора и какія-нибудь неизвѣстныя мнѣ боковыя его капеллы и памятники, мы спокойно пошли за нимъ; но когда увидѣли, что онъ тащитъ насъ по какимъ-то темнымъ проходцамъ и переулочкамъ черезъ каналъ, что омываетъ сзади соборъ и дворецъ Дожей, и черезъ который перекинутъ знаменитый „Ponte dei Sospiri“, „мостъ Вздоховъ“, —соединяющій упраздненныя старыя темницы дворца съ огромнымъ мрачнымъ зданіемъ современной тюрьмы,—то я сообразилъ, что тутъ какая-то плутня, и сталъ кричать бѣжавшему впереди прыткому чичероне нашему—вернуться сейчасъ назадъ. Но лукавый итальянецъ удиралъ себѣ торопливѣе впередъ, притворяясь, что не слышитъ; и не успѣли мы переступить черезъ мостикъ канала, какъ очутились въ распахнутыхъ дверяхъ большой фабрики венеціанскихъ хрусталей и мозаикъ сеньора Паули. Агентъ фабрики стоялъ уже на порогѣ и приглашалъ насъ самымъ радушнымъ образомъ осмотрѣть фабрику, всучивая намъ билетики на входъ; чичероне же нашъ, сдавъ такимъ ловкимъ образомъ свою добычу съ рукъ на руки агенту фабрики, которая его очевидно высылала для ловли иностранцевъ,—стушевался во мгновеніе ока, даже не пытаясь получить съ насъ что-нибудь за свое путеводительство, несомнѣнно, оплаченное заранѣе фабрикою, такъ что мы нигдѣ не могли найти его потомъ... Дѣлать было нечего, тѣмъ болѣе, что фабрикація венеціанскаго стекла во всякомъ случаѣ была для насъ интересна, хотя я уже посѣщалъ въ прежнее свое путешествіе знаменитую венеціанскую фабрику мозаикъ въ Мурано...

На фабрикѣ Паули—одинъ изъ самыхъ громадныхъ складовъ венеціанскаго хрусталя. Сорокъ-восемь залъ сверху до низу заставлены и обвѣшаны волшебно-изящными произведеніями этого спеціально итальянскаго искусства. Тонкіе какъ папиросная бумага, прозрачные какъ слеза, легкіе какъ воздухъ, иные же массивные и тяжелые какъ свинецъ, вазы, кубки, канделябры, люстры, сосуды всевозможныхъ цвѣтовъ и размѣровъ, золоченные, розовые какъ заря, голубые какъ лазурь неба, неописуемаго вкуса и прелести, наполняютъ собою эти залы, наполняя въ то же время неодолимымъ соблазномъ слабонервныя сердца любителей изящной роскоши. Тутъ же и собраніе высоко-художественной мебели, цѣлыя мастерски подобранныя гостиныя, спальни, столовыя, уборныя, кабинеты... Цѣны этихъ чудныхъ хрусталей и этой артистической мебели сравнительно много до-

ступнѣе нашихъ русскихъ столичныхъ цѣнъ, не говоря уже о качествѣ товара, и если бы не русская осторожная пословица: „за моремъ телушка полушка, да рубль перевозъ“,—то заказы иностранцевъ такъ бы, должно быть, и посыпались. Въ нижнемъ этажѣ фабрики намъ показали самый процессъ производства мелкихъ стеклянныхъ издѣлій и деревянной мозаики. Разумѣется, пришлось расплатиться за непрошенную любезность покупкою нѣсколькихъ мелочей...

На площади св. Марка, кромѣ его прославленныхъ историческихъ реликвій,—собора, дворца, кампанилы,—интересно заглянуть и въ „Прокураціи“, которыхъ главная часть занята королевскимъ дворцомъ. Это—рядъ двадцати-пяти громадныхъ залъ, сверкающихъ безчисленными люстрами стараго венеціанскаго хрусталя неописанной красоты и цѣны, драгоцѣнными венеціанскими зеркалами во всю стѣну, фарфоровыми вазами въ ростъ человѣка, статуями, картинами, коврами... Съ сожалѣніемъ думаешь, что все это богатство, просторъ и роскошь—никому въ сущности не нужны, потому что король Италіи едва ли въ три года разъ посѣтитъ на три дня свою красавицу Венецію и скользнетъ бѣглымъ взглядомъ по всѣмъ этимъ драгоцѣннымъ чудесамъ.

Всего драгоцѣннѣе и интереснѣе въ королевскомъ дворцѣ примыкающая къ нему такъ называемая „Старая библіотека“, „Liberia vecchia“, помѣщенная въ знаменитомъ зданіи Сансовино, этомъ шедёврѣ итальянской архитектуры XVI-го вѣка... Тутъ, кромѣ книжныхъ сокровищъ, сберегаются какъ святыня рѣдкія рукописи Торквато Тассо, Данте, Петрарки, Галилея и другихъ великихъ людей Италіи, множество интереснѣйшихъ древнихъ манускриптовъ съ раззолоченными и раскрашенными миніатюрами VIII, IX и X вѣка, бревьеры и миссалы, украшенные акварелью, извѣстнаго кардинала Бартоломео, основателя этой библіотеки, и между прочимъ первая миніатюрная рукопись „Божественной Комедіи“. А на стѣнахъ и на великолѣпныхъ плафонахъ библіотеки—художественные фрески П. Веронеза, Тинторетта, Молинари, изрядно пострадавшіе скоро послѣ нашего визита при крушеніи колокольни св. Марка.

Прекраснымъ тихимъ утромъ мы безшумно и плавно движемся на своей граціозной гондолѣ по перепутаннымъ воднымъ плетеницамъ каналовъ и канальчиковъ въ знаменитый храмъ „I Frari“. Нервы въ какомъ-то радостномъ спокойствіи, на

душѣ—миръ и счастье; ни пыли, ни шума толпы, ни стука колесъ... Катишься, словно ребенокъ, убаюкиваемый въ покойной колыбели, полулежа на подушкахъ гондолы, по ровной водной дорогѣ, слегка гнущейся своею прозрачно-зеленою упругою влагою—прообразомъ чудныхъ венеціанскихъ зеркалъ и венеціанскаго хрустальнаго искусства, лѣниво любуясь на пестрые двойные ряды домовъ и храмовъ, надвинувшихся надъ каналомъ и опрокинутыхъ внизъ головою въ каналъ. Гондолы тутъ вездѣ, куда ни глянешь. Въ узкихъ канальчикахъ онѣ сидятъ чисто какъ въ засадѣ, отовсюду вылѣзаютъ, пролѣзаютъ, снуютъ, поджидаютъ, отдыхаютъ, какъ птицы въ рѣчной заводи, послѣ кормежки. Тщательная отдѣлка гондолъ, всегда украшенныхъ, по завѣтнымъ преданіямъ старины, эмблемами промысла, рѣзьбою по дереву, мѣдными фигурами тритоновъ и водолеевъ, стальными пластинами змѣиной или птичьей головы,—указываетъ на крѣпко укоренившееся уваженіе народа къ себѣ, къ своему промыслу, къ своему историческому прошлому...

— „Alio!“—то-и-дѣло кричитъ какимъ-то особымъ, характернымъ напѣвомъ нашъ гондольеръ, при каждомъ поворотѣ за уголъ, ловко изворачиваясь незамѣтными нажимами весла между рѣющими стаями этихъ черныхъ водяныхъ птицъ...

Старая церковь францисканскихъ монаховъ Santa Maria dei Frari,—обыкновенно называемая просто „И Фрари“,—прямо на берегу одного изъ канальчиковъ. Это одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ, самыхъ обширныхъ и самыхъ замѣчательныхъ историческихъ храмовъ въ числѣ многаго множества замѣчательныхъ, обширныхъ и прекрасныхъ храмовъ Венеціи. Фрари насчитываетъ уже едва не шесть вѣковъ своего существованія и все это время служилъ историческимъ мавзолеемъ своего рода для знаменитыхъ мужей Венеціи.

Гондола наша приблизилась къ берегу, и передъ нами тотчасъ выросла худая, небритая фигура въ характерной шляпѣ и плащѣ итальянскаго пролетарія, съ багромъ въ рукѣ, которымъ онъ живо притянулъ насъ вплотную къ ступенямъ пристани. Это тоже промыселъ своего рода, которымъ бѣдняки набираютъ себѣ нѣсколько десятковъ сантимовъ въ день на стаканъ вина и кусокъ хлѣба. Сеньоръ этотъ будетъ ждать насъ до выхода изъ церкви, кликнетъ, когда нужно, гондольера, расположившагося, въ ожиданіи своихъ пассажировъ, отдыхать или завтракать, и опять поможетъ намъ сѣсть въ гондолу, какъ помогалъ сейчасъ выйти изъ нея. Мѣдная монетка въ десять сантимовъ вполнѣ

удовлетворитъ этого скромнаго гражданина за его добровольческія любезности...

Полураздѣтая дѣвчонка отворяетъ передъ вами дверь въ церковь—и тоже ждетъ пяти или десяти сантимовъ—per buono mano. Босоногій, испачканный мальчишка катится передъ вами колесомъ черезъ голову, тоже съ твердымъ убѣжденіемъ, что вы обязаны бросить ему за это непрошенное акробатическое представленіе если не десять, то хотя пять сантимовъ, такъ какъ вы—signori forestieri, созданные Богомъ единственно для того, чтобы подавать грошики бѣднымъ итальянцамъ.

Внутри, Фрари—колоссальныхъ размѣровъ, колоссальнаго богатства. Вездѣ—чудные мраморы, порфиры, яшмы, вездѣ—роскошная позолота, дивная скульптура, дивная живопись...

Наши храмы, даже тѣ, которые мы считаемъ большими и богатыми, показались бы здѣсь игрушками.

Высочайшія стѣны храма всѣ покрыты, словно панелями, громадными сооруженіями колоннъ, арокъ, гробницъ, статуй, конныхъ и пѣшихъ, щитовъ, арматуръ, гербовъ, цѣлыхъ мраморныхъ группъ, цѣлыхъ мраморныхъ сценъ съ Мадоннами, святыми, ангелами, попами, дожами, рыцарями, а между этими архитектурно-скульптурными памятниками—такія же громадныя картины старинныхъ знаменитыхъ мастеровъ Венеціи: Джіованни Беллини, Тиціана, Сальвьяти, Тинторетта, Порденоне...

Каждый такой мавзолей своего рода обезсмертилъ и показываетъ потомству подлинный образъ выкованныхъ изъ мрамора рѣзцомъ и молотомъ какого-нибудь Сансовино или Бреньо былыхъ владыкъ, героевъ, архипастырей, ибо они спятъ тутъ же на своихъ саркофагахъ, строгіе и неподвижные, художественно выразительные, сидятъ верхомъ на своихъ коняхъ, молятся на колѣняхъ, какъ при жизни...

Огромныхъ матеріальныхъ средствъ стóили эти горделивые мавзолеи; но зато они въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ составляли гордость и утѣшеніе цѣлаго рода, ихъ воздвигшаго, составляютъ и до сихъ поръ гордость и утѣшеніе народа, который обладаетъ такимъ богатствомъ, такимъ искусствомъ, такими сынами...

И какъ хорошо, что всѣ эти колоссальныя сооруженія не загромождаютъ собою храма, а приросли къ стѣнамъ его, какъ его незамѣнимыя украшенія, никому и ничему не мѣшая, отовсюду и всѣмъ видныя для поученія и наслажденія потомства, сообщая самому храму глубоко историческій и патріотическій

смыслъ, какъ хранилищу народныхъ преданій и праха предковъ, какъ наглядному олицетворенію связи древнихъ вѣковъ и древнихъ поколѣній съ новыми.

И подумать, что всѣ эти чудеса искусства, вся смѣлость и мощь замысла и исполненія—осуществлены въ какомъ-нибудь полутемномъ XIV или XV вѣкѣ, а подавляютъ между тѣмъ своею грандіозностью современныя произведенія нашего высокопросвѣщеннаго вѣка. Куда бы, напр., теперешнимъ венеціанцамъ соорудить всѣ эти соборы св. Марка, Фрари, С.-Паоло, всѣ эти палаццо дожей, Фоскари, Ка-д'Оро, всѣ эти безчисленныя полчища чудныхъ статуй и картинъ...

Ни въ чемъ не проявило такъ своихъ силъ и своего генія талантливое и смѣлое племя, счастливая помѣсь славянина съ римляниномъ,—усѣвшееся крѣпче, чѣмъ на скалѣ, на зыбкихъ меляхъ Адріатики,—какъ въ своихъ грандіозныхъ архитектурныхъ сооруженіяхъ, гдѣ драгоцѣнные мраморы громоздились какъ простой кирпичъ или дикій камень, гдѣ ими обростали отъ пяты до макушки, снаружи и снутри всѣ стѣны, выстилались ими неохватныя площади половъ, складывались изъ нихъ гиганты-колонны, вырѣзались алтари, гробницы, легіоны статуй и барельефовъ...

Въ Фрари, какъ и въ другихъ знаменитыхъ храмахъ Венеціи, нѣтъ строгой простоты стиля, нѣтъ той гармоніи линій и тоновъ, того единства мысли, которыми дышутъ готическіе соборы Германіи или византійскіе храмы. Нѣтъ, всѣ здѣшніе храмы—созданіе причудливаго и, такъ сказать, шумнаго художественнаго генія, требовавшаго пестроты, движенія, разнообразія, выливавшаго свою фантазію въ кудреватыхъ и пышныхъ формахъ, стремившагося поразить впечатлѣніе молящихся подавляющимъ обиліемъ подробностей, фантастическимъ нагроможденіемъ образовъ и группъ... Оттого тутъ на каждомъ шагу безчисленные алтари въ разноцвѣтныхъ мраморныхъ колоннадахъ, съ раззолоченными рамами громадныхъ полотенъ; оттого такое множество статуй и барельефовъ у каждой гробницы, такія толпы фигуръ на каждой картинѣ... Это, очевидно, прирожденный вкусъ подвижного, предпріимчиваго и веселаго народа, любящаго шумъ и внѣшній блескъ; это вылилась въ краскахъ и мраморѣ самая душа его, увѣковѣчившись въ нихъ на память потомству.

Самый художественный изъ всѣхъ памятниковъ Фрари—это мавзолей Кановы. Хотя онъ исполненъ руками учениковъ его, талантливыхъ скульпторовъ Мартини, Феррари и другихъ, но

въ сущности это собственная работа Кановы, потому что молодые художники взяли цѣликомъ модели Кановы, изготовленныя имъ для памятника Тиціану. Впрочемъ, кто видѣлъ въ Augustiner Kirche въ Вѣнѣ знаменитый мавзолей Маріи-Христины,—это, можетъ быть, величайшее твореніе Кановы,—тотъ ни на минуту не усомнится въ томъ, кто истинный авторъ его собственнаго надгробнаго памятника въ церкви Фрари. Тутъ тоже бѣломраморная пирамида съ чернымъ гробовымъ входомъ, куда, нагнувшись, готовится вступить исполненная глубокой горести величественная мраморная жена въ широкихъ складкахъ классическихъ одеждъ, съ похоронной урной въ рукахъ, ведя за собою такого же скорбнаго мраморнаго ребенка съ факеломъ; еще нѣсколько бѣломраморныхъ женскихъ фигуръ траурнаго вида слѣдуютъ за ними... Идеально прекрасный стройный юноша съ крылами генія лежитъ въ отчаяніи у дверей гроба, подножіе котораго охраняетъ трогательно-плачущій могучій мраморный левъ св. Марка... Это—цѣлая трагедія въ бѣломраморныхъ статуяхъ, поразительнаго эффекта...

„Princeps sculptorum aetatis suae“, „Князь скульпторовъ вѣка своего“—подписано коротко и выразительно на пьедесталѣ памятника.

Канова былъ венеціанецъ и прожилъ въ Венеціи бо̀льшую часть жизни своей.

Мы видѣли, шатаясь по закоулкамъ Венеціи, мраморную доску съ золотыми строками на домѣ, въ которомъ жилъ и умеръ Канова, и въ которомъ теперь помѣщается „Banca Veneta“, недалеко отъ нашего „Hôtel d'Italie“...

Какъ разъ напротивъ памятника Кановы воздымается громоздкая масса мавзолея Тиціана,—этого аристократа-художника,—eques et comes Titianus, какъ написано на его гробницѣ,—съумѣвшаго прожить почти сто лѣтъ и воплотившаго въ свои чудныя полотна столько здоровой и свѣтлой жизнерадостности былого венеціанскаго духа въ самый могучій расцвѣтъ его. Мавзолей Тиціана представляетъ самое неудачное vis-à-vis высокохудожественному памятнику Кановы, классически простому и строгому,—своею искусственною вычурностью, пестротою и нагроможденностью. Тутъ цѣлыхъ два яруса массивныхъ мраморныхъ сооруженій, тутъ цѣлая толпа статуй, и самъ Тиціанъ, сидящій будто на тронѣ, и эмблемы всякихъ искусствъ кругомъ него, и барельефы всѣхъ его знаменитыхъ картинъ на подно-

жіяхъ его торжественнаго сѣдалища,—но все это холодный, бездарный разсчетъ, а не живое, горячее созданіе искренняго генія... Гораздо достойнѣе, по моему, памяти великаго художника картина Витторіо въ одномъ изъ алтарей Фрари, на которой въ образѣ св. Іеронима нарисованъ, какъ увѣряютъ, портретъ девяностовосьмилѣтняго Тиціана...

Какихъ только историческихъ именъ старой Венеціи ни встрѣтите вы среди стѣнныхъ мавзолеевъ Фрари! Тутъ и Марчелло, и Бернардо, и Фоскари, но чаще всѣхъ вы наталкиваетесь на фамиліи Пезаро, Пезаро адмирала, Пезаро епископа, Пезаро дожа... Его роскошный мавзолей, сверкающій золотомъ и дорогими мраморами, поддерживаемый огромными статуями золоченыхъ и мраморныхъ негровъ, тоже производитъ впечатлѣніе излишней нагроможденности, пестроты и безвкусія. Вообще, этотъ древній храмъ былъ чѣмъ-то въ родѣ домашней церкви семейства Пезаро.

Даже главная художественная знаменитость Фрари—запрестольный образъ Богоматери въ центральномъ алтарѣ,—шедёвръ Тиціана—носитъ названіе Мадонны Пезаро. Въ этой же церкви нѣкогда находилось и величайшее твореніе Тиціана—Успеніе Богородицы (Assomption), перенесенное впослѣдствіи въ академію искусствъ...

Къ церкви Фрари принадлежитъ и прилегающій къ ней упраздненный монастырь францисканскихъ монаховъ, во имя Антонія Падуанскаго, переведенный теперь въ Падую. Въ настоящее время этотъ громадный монастырь обращенъ въ хранилище государственныхъ архивовъ Венеціи. Я не видалъ ничего болѣе грандіознаго въ этомъ родѣ, кромѣ развѣ знаменитыхъ архивовъ Ватикана. Триста-шестьдесятъ огромныхъ залъ, бо́льшею частью широкихъ сводистыхъ корридоровъ, отъ пола до потолка уставлены шкапами и витринами, наполненными толстыми, тяжелыми томами инфоліо въ несокрушимыхъ телячьей кожи переплетахъ, содержимыми въ поразительномъ порядкѣ. Тутъ хранятся документы всевозможнаго рода: крѣпостные, юридическіе, геральдическіе, политическіе, законодательные, дипломатическіе, судебные; множество витринъ съ подлинными папскими буллами, посланіями султановъ, эмировъ, императоровъ; множество другихъ съ автографными письмами и бумагами всевозможныхъ историческихъ дѣятелей, государей всѣхъ странъ и народовъ, великихъ политиковъ, воиновъ, ученыхъ, художниковъ... Всѣхъ документовъ считается здѣсь ни болѣе, ни менѣе какъ

четырнадцать милліоновъ! Это—неоцѣненный кладъ для историковъ, къ тому же всѣмъ легко доступный. Тутъ же школа палеографіи и археологіи, тутъ же удобныя отдѣльныя студіи для ученыхъ, желающихъ заниматься въ архивахъ. Не только разсматривать подробно эти архивы, а только пробѣжать мимолетно всѣ залы—и то устанешь Богъ знаетъ какъ!

Дежурный чиновникъ съ необыкновенною любезностью старался ознакомить насъ съ главными рѣдкостями архивовъ, останавливая насъ то передъ однимъ, то передъ другимъ шкафомъ, вытягивая оттуда замѣчательнѣйшіе документы и усиливаясь объяснить намъ ихъ содержаніе и историческое значеніе на такой варварской смѣси десятка изувѣченныхъ французскихъ словъ съ цѣлымъ потокомъ неподдѣльной итальянщины, что мы, безъ сомнѣнія, поняли бы его гораздо лучше, еслибы онъ говорилъ безъ всякихъ затѣй, просто по-итальянски...

Въ Венеціи слишкомъ много прекрасныхъ храмовъ, интересныхъ въ историческомъ и художественномъ отношеніи, чтобы была возможность говорить о нихъ о всѣхъ. Но я не могу обойти молчаніемъ одной изъ нашихъ поѣздокъ, тоже, конечно, на гондолѣ, и тоже, конечно, по цѣлой сѣти каналовъ и канальчиковъ,—отъ пристани Пьяцетты къ важнѣйшему послѣ св. Марка и древнѣйшему храму Венеціи—San Giovanni e Paolo. Пришлось прежде всего проѣзжать какъ разъ между дворцомъ Дожей и Prigioni, подъ мостъ Вздоховъ, дальше между заднимъ фасадомъ св. Марка и хрустальной фабрикой Паули; а отсюда мы уже попали въ настоящій лабиринтъ внутреннихъ кварталовъ города, разлинованныхъ во всѣхъ направленіяхъ водяными проулочками каналовъ.

Тутъ насмотришься до-сыта на самыя откровенныя мѣстныя сцены, на самыя типическія картины итальянскаго быта, наслушаешься и нанюхаешься чего угодно...

До San Giovanni порядочно далеко, но ѣзда въ гондолѣ не только не утомляетъ, а еще даетъ вамъ отдохнуть и успокоиться отъ слишкомъ живыхъ впечатлѣній.

Громаднѣйшій храмъ стоитъ на небольшой открытой площади, на берегу канала. Около него высокохудожественный бронзовый памятникъ Коллеони, генералу-кондотьери венеціанской республики; храбрый воинъ XV-го вѣка, верхомъ на конѣ, исполненъ удивительнаго выраженія мужества и отваги, невольно заражающаго зрителя. Съ другой стороны собора—огромное зданіе

бывшей Scuola di S.-Marco,—школы св. Марка,—обращенное теперь въ госпиталь, съ необыкновенно изящнымъ и оригинальнымъ фасадомъ работы знаменитаго архитектора XV-го вѣка Ломбарди. Все это вмѣстѣ дѣлаетъ площадку San Giovanni e Paolo однимъ изъ привлекательныхъ уголковъ прекрасной Венеціи.

San Giovanni e Paolo долгое время служилъ оффиціальнымъ мѣстомъ для погребенія дожей. Войдешь въ него и потеряешься—такъ онъ высокъ, такъ онъ великъ. Обиліе мраморовъ, золота, алтарей, гребницъ, статуй—еще болѣе подавляющее, чѣмъ во Фрари. Но своды и колонны его совсѣмъ голы, и грубые прозаическіе переметы, связывающіе высоко вверху его колонны, видны нараспашку, какъ кости ободраннаго отъ мяса скелета. Можетъ быть, это вызвано пожаромъ, который въ концѣ прошлаго столѣтія почти уничтожилъ драгоцѣнныя картины и скульптуру его сакристіи и, вѣроятно, повредилъ своды самаго собора. Во всякомъ случаѣ, этотъ чернорабочій, неопрятный видъ потолковъ храма рѣзко противорѣчитъ тому впечатлѣнію несчетнаго богатства, роскоши и изящества, какое производитъ на посѣтителя вся его остальная обстановка.

Старые владыки гордой республики, ея знаменитые дожи, спятъ здѣсь многочисленной семьей въ своихъ великолѣпныхъ художественныхъ саркофагахъ, окруженные статуями и картинами еще болѣе нихъ знаменитыхъ артистовъ. Они овладѣли всѣми стѣнами храма, они висятъ надъ его входами и выходами, поднимаются величественными массами другъ надъ другомъ. Они обратили древній храмъ, ведущій свою родословную съ XIII-го вѣка,—въ историческій пантеонъ своего рода, въ одинъ громадный художественный некрополь. Тутъ и дожъ Мочениго, грозный побѣдитель турокъ, соорудившій свою пышную гробницу изъ добычи, отнятой у врага,—„ex hostium manubiis“, какъ гласитъ ея надпись, и Морозини, и Корнаро, и Вендрамини, и десятки другихъ славныхъ именъ Венеціи. Надъ гробницею Брагадина художникъ изобразилъ на память потомству его геройскую мученическую смерть. Онъ такъ отчаянно и упорно защищалъ отъ турокъ, въ эпоху лепантской битвы, крѣпость Фамагосту на принадлежавшемъ тогда Венеціи островѣ Кипрѣ,—что, по взятіи Фамагосты, послѣ кровопролитнаго боя, турки содрали съ него живого кожу.

Художественно хороша грандіозная гробница болѣе новаго времени—семьи Вальеръ, съ цѣлою толпою статуй, съ множествомъ чудныхъ барельефовъ и съ живописно ниспадающею тяжкими складками громадною мраморною порфирою.

Сколько бы вы ни видѣли прекрасныхъ картинъ и статуй въ дворцахъ и храмахъ Венеціи, все-таки вы еще не вполнѣ знаете венеціанскую школу, пока не побываете въ „Academia delle belle Arti“. Академія художествъ—на самомъ центральномъ мѣстѣ Canale Grande, у перекинутаго черезъ него единственнаго желѣзнаго моста. Конечно, и она помѣщается въ бывшемъ монастырѣ, потому что только въ старинныхъ монастыряхъ Венеціи можно было найти достаточно мѣста для учрежденій, требующихъ десятковъ и сотенъ большихъ залъ.

Описывать галереи картинъ и скульптуръ—трудъ совсѣмъ неблагодарный; перо даже самое художественное безсильно замѣнить краски, линіи, выраженіе лицъ, теплоту тоновъ... Но, можетъ быть, не безполезно высказать нѣсколько общихъ мыслей, возбужденныхъ во мнѣ созерцаніемъ безчисленнаго множества произведеній венеціанской школы въ залахъ Академіи, въ дворцѣ Дожей, въ цѣломъ рядѣ знаменитыхъ храмовъ Венеціи...

Я вовсе не спеціалистъ въ этихъ вопросахъ, но искренно и давно, съ дѣтскихъ лѣтъ, люблю живопись и видѣлъ на своемъ вѣку, кажется, все, что стоитъ видѣть въ этой области; а главное, я считаю каждаго просвѣщеннаго человѣка, въ томъ числѣ, конечно, и себя, вправѣ имѣть собственное мнѣніе о картинахъ, статуяхъ, музыкѣ, которыя вѣдь и предназначаются для непосредственнаго наслажденія публики, а не для остроумныхъ упражненій надъ ними ученыхъ изслѣдователей. Венеціанская живопись поражаетъ прежде всего нѣкоторою бѣдностью идеализаціи, несмотря на самые идеальные и мистическіе сюжеты множества ея картинъ, и несмотря на прочно утвердившуюся за всею вообще итальянскою живописью временъ Возрожденія репутацію идеальности сравнительно съ реальнымъ и матеріальнымъ направленіемъ нашего современнаго художества. Выборъ мадоннъ, святыхъ и сценъ библейской или евангельской исторіи предметомъ своихъ картинъ еще далеко не ручается за идеальность настроенія художника. Выборъ этотъ въ тѣ времена былъ неизбѣжнымъ, можно сказать, обязательнымъ условіемъ для живописца, во-первыхъ, потому, что бо̀льшею частью тогдашніе итальянскіе художники работали по заказамъ для богатыхъ храмовъ и монастырей, для кардиналовъ и папъ, а во-вторыхъ, священное писаніе да классическая миѳологія съ примѣсью анекдотической исторіи древнихъ народовъ были почти исключительными источниками, изъ которыхъ въ тѣ полу-темные еще вѣка, воспитываемые подъ зоркою эгидою церковниковъ, художники и поэты могли черпать свое вдохновеніе. Истинный идеализмъ не

могъ бы совмѣститься уже съ одною заказанностью тогдашнихъ художественныхъ произведеній, а эта заказанность такъ и бьетъ въ глаза отъ громаднаго большинства полотенъ и фресковъ. Условные сюжеты, условныя формы, условныя позы, условныя выраженія лицъ—невольно сообщаютъ однообразный и нѣсколько искусственный, своего рода академическій характеръ живописи того времени. Самая же обработка даже священныхъ сюжетовъ далеко не всегда проникнута небесными идеалами, а чаще всего дышетъ вполнѣ земнымъ, чувственнымъ настроеніемъ, стремящимся воспроизводить яркость красокъ, красоту формъ, тѣлесную силу и энергію.

Какъ ни великъ художественный талантъ мастеровъ того времени, ихъ удивительное знаніе анатоміи человѣка, ихъ необыкновенное умѣнье свободно распоряжаться позами, движеніями и группировкою фигуръ, ихъ тонкое чувство колера и свѣтовыхъ тоновъ, наконецъ ихъ сила экспрессіи, одухотворяющей всѣ эти красочныя изображенія кистью по полотну до выразительности живого существа,—все-таки человѣку современныхъ вкусовъ и требованій они даютъ слишкомъ мало понятнаго ему и интереснаго для него содержанія; живущая въ нихъ идея слишкомъ скудна для современной мысли, слишкомъ тѣсно связана съ полу-дѣтскимъ міросозерцаніемъ, давно пережитымъ человѣчествомъ и потерявшимъ теперь свое былое подавляющее значеніе,—чтобы произведенія даже самыхъ знаменитыхъ мастеровъ XV-го и XVI-го вѣка могли овладѣвать впечатлѣніемъ вашимъ съ тою полнотою наслажденія, какую доставляетъ вамъ глубоко-содержательная картина какого-нибудь великаго художника нашего времени, отвѣчающая всѣмъ сложнымъ и тонкимъ душевнымъ запросамъ человѣка, просвѣщеннаго современною наукою и установившаго опредѣленный взглядъ на психологію и исторію человѣчества...

Венеціанская школа мнѣ кажется особенно земною и матеріальною изъ всѣхъ итальянскихъ школъ. Я не говорю о болѣе старинныхъ мастерахъ, подобныхъ Виварини, Карпаччіо, Кривелли, Жакопо Беллини и другихъ, которые еще не успѣли обособиться въ самостоятельную школу и всецѣло находились подъ вліяніемъ падуанскихъ художниковъ, руководимыхъ знаменитымъ флорентинцемъ Джіотто, а позднѣе талантливымъ главою падуанцевъ—Андреемъ Мантенья.

Въ этихъ раннихъ представителяхъ венеціанскаго искусства и рисунокъ, и краски еще сильно связаны догматичностью худо-

жественныхъ предписаній и довольно строгою еще церковностью взглядовъ, такъ что по ихъ произведеніямъ интересно только прослѣживать постепенно расширявшееся стремленіе къ художественной свободѣ и правдѣ, постепенный переходъ условныхъ чертъ и выраженій средневѣковаго, почти еще монашескаго художественнаго міровоззрѣнія въ гораздо болѣе жизненное и гораздо болѣе мірское искусство эпохи Возрожденія... Но другого значенія, кромѣ чисто-историческаго, картины эти уже не имѣютъ, и доставляютъ такъ же мало положительнаго наслажденія любителю художества, какъ дѣтскія работы какого-нибудь знаменитаго живописца, которыя всегда глубоко поучительны, всегда интересны и даже иногда трогательны, но, конечно, никогда не могутъ имѣть притязанія удовлетворить художественному вкусу взрослыхъ людей.

У Джоржіоне, Чима ди-Конельяно и Пальмы Веккіо (старшаго) уже сильно сказываются тѣ характерныя черты венеціанской школы, которыя нашли свое полное, блестящее выраженіе у главныхъ свѣтилъ этой школы, Тиціана, Джакопо Робусти (Тинторетто) и Паоло Веронеза, а также въ цѣлой плеядѣ талантливыхъ подражателей Тиціана—Себастьянѣ дель-Піомбо, Маркони, Лотто, Порденоне и Парисѣ Бордоне...

Достаточно охарактеризовать однихъ вождей школы, чтобы понять всѣхъ остальныхъ. Достаточно видѣть и знать даже одного Тиціана,—этого безспорнаго главы венеціанской живописи,—чтобы усвоить себѣ полное представленіе о типическихъ особенностяхъ венеціанской школы.

Тиціанъ не только олицетворилъ въ своихъ картинахъ все искусство Венеціи, но и въ своей жизни—всю современную ему венеціанскую жизнь. Тиціанъ былъ самый типическій венеціанецъ, какіе когда-либо существовали. Проживъ безъ двухъ лѣтъ цѣлое столѣтіе, онъ отразилъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, всѣ богатыя силы, всѣ достоинства и недостатки, всѣ вкусы и привычки родного народа и родного города. Всю свою долгую жизнь онъ провелъ въ довольствѣ и наслажденіяхъ, не зная ни въ чемъ неудачи, полный здоровья и силы, красивый, умный, окруженный общею любовью и міровою славою, среди безчисленныхъ друзей и почитателей, не переставая работать до гробовой доски надъ любимымъ своимъ искусствомъ, всегда заваленный щедрыми заказами современныхъ меценатовъ... Французскій и польскій короли были его гостями, Филиппъ II испанскій, германскій императоръ, римскій папа Павелъ III, венеціанскіе дожи—считали его своимъ другомъ; онъ былъ рыцаремъ и графомъ; за

его роскошнымъ столомъ пировали красавицы-аристократки, кардиналы, сенаторы, знаменитые писатели и художники, и домъ его былъ полонъ изящныхъ и дорогихъ вещей, собранныхъ со всѣхъ концовъ міра. Вся семья, вся родня его дѣлается живописцами, и онъ живетъ, охваченный кругомъ цѣлымъ моремъ художества, работая съ спокойнымъ и свѣтлымъ чувствомъ вѣчно счастливаго человѣка, ни въ чемъ не нуждающагося, не мучимаго никакими роковыми внутренними вопросами, какіе терзали, напримѣръ, сердце Микель-Анджело,—этого страстнаго страдальца за страданія своего отечества...

„Творчество Тиціана течетъ величаво и спокойно, какъ большая, ничѣмъ неволнуемая рѣка",—мѣтко выразился о немъ одинъ изъ талантливыхъ художественныхъ критиковъ Франціи.

Эпическая гармонія духа Тиціана со всѣмъ окружающимъ его міромъ, напоминающая великихъ художниковъ античной древности, дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ, почему онъ могъ прожить 98 лѣтъ, не бросая своей кисти. Да и въ 98 лѣтъ онъ умеръ чисто случайно, заразившись чумою...

Эта душевная гармонія всецѣло отразилась и на творчествѣ Тиціана, насквозь проникнутомъ свѣтлою радостью жизни, спокойнымъ наслажденіемъ красотою природы и тѣла человѣка, его здоровьемъ и мощью,—блескомъ и пышностью его житейской обстановки...

Такъ же ярко отразилась на характерѣ Тиціановской живописи и его возлюбленная родина—Венеція. Мягкіе, слегка расплывчатые тоны Тиціановской кисти такъ сродны нѣжно-затуманенным теплыми парами горизонтамъ лагунъ, матовымъ переливамъ водъ въ каналахъ и потускнѣвшему блеску дворцовыхъ мраморовъ. Вазари, классическій историкъ итальянской живописи, недаромъ обвинялъ Тиціана, будто тотъ рисовалъ безъ карандаша, безъ строгихъ очертаній линій, прямо красками. Веселая жизнь властительныхъ и самодовольныхъ венеціанскихъ нобилей, знатоковъ искусства, любителей красивой роскоши и беззаботныхъ наслажденій, нашла въ картинахъ Тиціана, Паоло Веронеза и многихъ учениковъ и послѣдователей ихъ свою художественную лѣтопись...

Вѣка суровыхъ гражданскихъ доблестей, вѣка смѣлой борьбы за славу, власть и богатство, поднявшіе маленькую морскую республику на высоту большихъ имперій, прошли, и къ началу XVI-го вѣка,—когда сталъ распускаться самый пышный цвѣтъ венеціанскаго искусства, когда одинъ за другимъ выступали на ея сцену Тиціанъ, Тинторетто, Паоло Веронезе,—разбогатѣвшая

и разбалованная своимъ богатствомъ Венеція съ такимъ же страстнымъ увлеченіемъ предалась проживанію накопленныхъ сокровищъ и накопленной славы, обратившись постепенно изъ воинственнаго и торговаго центра въ веселый городъ шумныхъ развлеченій и празднествъ, въ громадный „клубъ маскарадовъ и куртизанокъ", привлекавшій къ себѣ досужихъ жуировъ цѣлаго міра...

Хотя самымъ главнымъ произведеніемъ Тиціана справедливо считается его „Успеніе" въ академіи искусствъ, но, насмотрѣвшись вдоволь на его картины, вы не усомнитесь, что самыми характерными для него произведеніями служатъ тѣ его картины, гдѣ онъ могъ во всей широтѣ и свободѣ изобразить сквозящее сочнымъ румянцемъ юга хорошо разросшееся, полное молодого здоровья и силы, бѣлое, прекрасное тѣло, которое могло рождаться только на привольныхъ, влагою пропитанныхъ берегахъ венеціанской низины, прорѣзанной сѣтью рѣкъ, оплодотворяемой южнымъ солнцемъ.

Венеры, Данаи, Флоры Тиціана не имѣютъ себѣ равныхъ по очарованію. Даже извѣстный „Христосъ" дрезденской галереи, посрамляющій фарисеевъ (такъ-называемый „Zinnsgroschen"), въ противоположность всѣмъ другимъ итальянскимъ изображеніямъ Христа, смотритъ какимъ-то выхоленнымъ красавцемъ-аристократомъ, съ бѣлыми, нѣжными руками, такъ мало подходящими къ пріемному сыну плотника и другу босоногихъ рыбаковъ.

Въ другихъ своихъ мужскихъ типахъ Тиціанъ возсоздаетъ ширококостныхъ, могучихъ богатырей, съ мускулами атлета, съ мужественною энергіею въ глазахъ, тѣхъ смѣлыхъ воиновъ, моряковъ, лодочниковъ, обожженныхъ солнцемъ, которыхъ онъ видѣлъ кругомъ себя и которыхъ спокойная тѣлесная мощь и здоровая красота восхищала его въ дѣйствительной жизни...

Имъ онъ, конечно, придаетъ имена апостоловъ, святыхъ, миѳологическихъ героевъ, но, въ сущности, это все портреты съ натуры его современниковъ-венеціанцевъ, — художественный культъ вдохновлявшей его тѣлесной красоты...

Тинторетто далеко не такъ хорошъ, какъ Тиціанъ. Тинторетто писалъ такъ невозможно много, такъ невозможно спѣшно, что не имѣлъ времени строго относиться ни къ выбору, ни къ качеству своихъ работъ. Онъ заполнялъ безчисленными созданіями своей кисти цѣлые дворцы, цѣлые храмы, ихъ стѣны, ихъ

потолки и своды. Это была настоящая фабрика живописи, работавшая день и ночь, безъ раздумья бравшаяся за всякія темы, безстрашно населявшая свои полотна полчищами всевозможныхъ фигуръ, во всевозможныхъ позахъ и движеніяхъ, часто изумляющихъ своею смѣлостью и оригинальностью. Но его картины лишены того чарующаго эпическаго спокойствія, той высокохудожественной простоты и того чуднаго колорита, которыми мы восхищаемся въ Тиціанѣ. Кисть Тинторетто—сама буря, мятежный натискъ образовъ и красокъ. „Самый неистовый мозгъ, который когда-нибудь видѣла живопись",—выразился о немъ Вазари. Зато никто не посвящалъ столько вниманія историческимъ событіямъ и славѣ своего отечества, никто не сохранилъ столькихъ художественныхъ отпечатковъ его былой шумной жизни, какъ Тинторетто...

Паоло Кальяри, прозванный Веронезомъ, по имени своего родного города Вероны,—одинъ изъ характернѣйшихъ представителей венеціанской школы. Это—живописецъ многолюдныхъ процессій, шумныхъ движеній толпы, яркаго блеска и пестроты, пышныхъ одеждъ, богатаго вооруженія, драгоцѣнныхъ камней и парчей, атласовъ и бархатовъ, мѣховъ и ковровъ, страусовыхъ перьевъ, всего того, что̀ ослѣпляло и увлекало современную ему народную массу и что̀ составляло когда-то чуть не ежедневное развлеченіе торговой Венеціи, къ пристанямъ которой стекались въ свое время люди, товары и сокровища изъ Европы, Азіи и Африки...

Хотя Веронезъ рисовалъ не сцены изъ венеціанской жизни, а библейскія и евангельскія исторіи, но онъ, въ своей патріотической наивности, ничто же сумняся, одѣвалъ апостоловъ и Христа, израильтянъ и римлянъ въ одежды современныхъ ему венеціанцевъ, въ береты, капюшоны, колеты и мантіи, уставлялъ ихъ столы посудою, которую отливали на фабрикахъ Мурано, устилалъ ихъ полы коврами, сотканными въ Персіи, и даже окружалъ ихъ пейзажами венеціанскихъ палаццо, кампанилъ и каналовъ...

Въ изображеніи блестящей внѣшней жизни этихъ движеній разнородной толпы, пировъ и процессій Паоло Кальяри достигъ великаго мастерства и правды, хотя картины его лишены болѣе глубокаго содержанія. Онѣ смотрятся съ интересомъ, какъ прекрасная иллюстрація венеціанскаго быта прежнихъ вѣковъ и какъ высоко талантливый шагъ къ реальному изображенію жизненныхъ сценъ.

Венецію нельзя покинуть, не побывавъ на ея дачныхъ островкахъ. Вся огромная „Живая“ лагуна ея усѣяна по серединѣ островками и отдѣлена отъ моря, вѣрнѣе—отъ венеціанскаго залива, цѣлою цѣпью островковъ, защищающихъ ее и самую Венецію отъ морскихъ волненій на подобіе каменной плотины, кое-гдѣ только прорванной узкими проливчиками. Но эти островки для Венеціи въ то же время и крѣпостная стѣна своего рода со стороны моря, потому что самые небольшіе форты могутъ остановить непріятельскій флотъ въ этихъ тѣсныхъ проходахъ.

Лидо, Маломокко, Пелистрина и другіе островки почти всѣ вооружены маленькими крѣпостцами, тянутся верстъ на тридцать, будто раскинутая впереди стана сторожевая цѣпь, отъ городка Бурано на сѣверной оконечности лагуны до древняго города Кіоджія, когда-то соперника Венеціи, на южной оконечности лагуны. Поближе къ Венеціи—еще цѣлый маленькій архипелагъ островковъ, въ ихъ числѣ и Мурано съ своими знаменитыми фабриками, работающими уже шесть вѣковъ, и островъ св. Лазаря, гдѣ пріютился извѣстный армяно-католическій монастырь мехитаристовъ, столько сдѣлавшій для изученія армянской литературы, исторіи и древностей, и усѣянный изящными могильными памятниками маленькій „Островокъ гробницъ“, гдѣ изстари хоронятся венеціанцы...

Въ Лидо пароходы бѣгаютъ съ набережной Скьявоне каждые полчаса и добѣгаютъ туда, за тридцать сантимовъ съ пассажира, въ пятнадцать минутъ. Любители отправляются въ Лидо и на гондолахъ, особенно въ тихую, ясную погоду, и при двухъ гребцахъ могутъ добраться туда тоже не болѣе какъ въ полчаса. Пароходикъ нашъ обогналъ нѣсколько такихъ гондолъ съ дамами и мужчинами, которыхъ, впрочемъ, изрядно покачивало довольно свѣжимъ вѣтеркомъ. По всей лагунѣ разбросаны во множествѣ странные пучки толстѣйшихъ свай, скованныхъ вмѣстѣ крѣпкими желѣзными обручами. Я думалъ-было, что это привязи для кораблей, останавливающихся среди лагуны, но мнѣ объяснили, что этими сваями обнесены частыя мели, которыми полна лагуна и которыя иначе служили бы опасными ловушками для входящихъ въ лагуну судовъ.

Отъ пристани Лидо конка везетъ васъ прямо на противоположную сторону островка—лицезрѣть открытое море. Тамъ—цѣлый маленькій курортъ для морскихъ купаній, удобные отели, кафе и рестораны, хорошенькія виллы, купальни, садики, парки, лавочки съ фотографіями и венеціанскими спеціальностями.

Съ большой террасы ресторана, гдѣ мы завтракали, открывается широкій и далекій видъ на море. Это уже совсѣмъ не лагуна съ ея чуть замѣтною блѣднозеленою зыбью; нѣтъ, тутъ бѣгутъ, хлещутъ и плещутъ настоящія морскія волны, суровыя, темно-синія, съ бѣлыми барашками на гребняхъ, подкидывающія огромные суда и пароходы, какъ орѣховыя скорлупки... Я не видалъ моря со дня своего послѣдняго злополучнаго путешествія изъ Сухума въ Новороссійскъ, и, вспоминая съ жуткимъ чувствомъ пережитыя тогда опасности и мученія, искренно радовался въ душѣ, что намъ не предстоитъ въ настоящую минуту качаться на этихъ нестерпимыхъ морскихъ качеляхъ...

А внизу, у самаго подножія террасы, туристы и туристки бродили по галькамъ прибрежной отмели и покупали у босоногихъ измокшихъ рыбаковъ большія разноцвѣтныя раковины, морскихъ коньковъ и всякіе frutti di mare...

Венеція изумитедьно хороша и оригинальна, когда вы смотрите на нее со стороны моря, возвращаясь изъ Лидо, и сразу можете охватить съ высоты палубы всю громадную перспективу ея набережныхъ, дворцовъ, соборовъ, колоколенъ, садовъ, островковъ... Въ розово-золотомъ сіяніи наступающаго весенняго вечера она кажется издали какою-то невыразимо изящною драгоцѣнною игрушкою, волшебною декораціею, выдвинутою изъ стихшихъ пучинъ моря невидимою рукою какой-нибудь всесильной феи... Это никогда не забываемое впечатлѣніе прелестнаго города, милаго, мирнаго, вливающаго въ душу тихую радость бытія, само собою уносится сердцемъ вашимъ. Но и голова ваша невольно усиливается дать себѣ отчетъ въ глубокомъ смыслѣ того, что видятъ ваши глаза. Мысль невольно останавливается на изумительныхъ судьбахъ этого крошечнаго племени венетовъ, въ корнѣ своемъ, какъ думаютъ очень солидные ученые, повидимому, той же славянской крови, какъ и вяты, и венды, всѣ одинаково вышедшіе изъ малоазійской венде-линіи,—осѣвшаго, подобно другимъ своимъ славянскимъ сосѣдямъ Истріи и Далмаціи, на пустынныхъ берегахъ и островахъ Адріатики, и тамъ съумѣвшаго создать могучую самобытную республику, тринадцать вѣковъ стоявшую въ передовыхъ рядахъ европейскихъ державъ, смѣлую, сильную, богатую и роскошную...

И ничѣмъ больше нельзя объясиить себѣ этого поразительнаго историческаго явленія, какъ энергическою самодѣятельностью независимагo гражданскаго духа, который въ созданной

имъ тѣсной народной общинѣ видѣлъ свои собственные кровные интересы, осязательно, какъ боли собственнаго тѣла, чувствовалъ всякую общественную выгоду и невыгоду, боролся изъ-за нихъ со всею искренностью и увлеченіемъ, на которыя только способенъ человѣкъ, защищающій себя и свое со всею доступною ему изобрѣтательностью и настойчивостью, которыхъ никто не смѣлъ стѣснять въ свободной общинѣ свободныхъ гражданъ... Напротивъ того, здѣсь самый послѣдній лодочникъ могъ надѣяться на вее, требовать всего, всего достигнуть; здѣсь всякій привыкалъ самъ все рѣшать, самъ судить обо всемъ, выбирать и низлагать, изнутри себя почерпать всѣ силы свои. Такая тѣсная община свободныхъ людей, несмотря на свое сравнительное малолюдство и кажущееся безсиліе, въ сущности была способна развивать громадную силу, потому что она жила всѣми составляющими ее отдѣльными единицами, всею своею народною массою, слѣдовательно, всѣми запасами ума, талантовъ, знанія и энергіи, какія сокрыты въ тайникахъ души народной, а не сдавала, такъ сказать, въ аренду небольшой горсточкѣ наемныхъ или случайно выбранныхъ людей, думающихъ больше о своихъ выгодахъ, чѣмъ общественныхъ,—всѣ интересы и судьбы своей страны...

Въ этомъ заключалась тайна былого процвѣтанія всѣхъ вообще мелкихъ итальянскихъ республикъ и отдѣльныхъ городовъ, въ родѣ Генуи, Милана, Пизы, Флоренціи, оставившихъ по себѣ такой блестящій слѣдъ и въ исторіи политической, и еще болѣе въ исторіи европейской культуры, въ наукахъ, искусствахъ, въ промышленности, торговлѣ и общежитіи...

Евгеній Марковъ.



ІЁРНЪ УЛЬ

ЭСКИЗЪ

— Jörn Uhl. Roman v. Gustav Frenssen. Berl. 902.

I.

Мы будемъ говорить въ этой книгѣ о горѣ и трудѣ. Не о томъ горѣ, какое было у пивовара Яна Торстена, который обѣщалъ угостить своихъ гостей какой-то особенно вкусной рыбой, не могъ сдержать слова, затосковалъ и долженъ былъ уѣхать въ Шлезвигъ. И не о томъ горѣ, какое испыталъ крестьянскій сынъ, съумѣвшій, несмотря на свою глупость, истратить въ четыре недѣли все отцовское состояніе, бросая цѣлыми днями монеты въ прудъ.

Нѣтъ, мы будемъ говорить о томъ горѣ, которое разумѣла старуха Вейсхаръ, говоря о восьмерыхъ своихъ дѣтяхъ: трое изъ нихъ лежали на кладбищѣ, одинъ — въ глубинѣ Сѣвернаго моря, а остальные четверо жили въ Америкѣ, и двое изъ нихъ не писали ей уже много лѣтъ.

И еще о томъ страданіи будемъ мы говорить, на которое жаловался Геертъ Дозе. Черезъ три дня послѣ Гравелотта онъ все еще никакъ не могъ умереть, несмотря на ужасную рану въ спинѣ.

Но хотя мы и собираемся теперь разсказывать въ этой книгѣ о такихъ печальныхъ и грустныхъ — по мнѣнію многихъ—вещахъ, тѣмъ не менѣе, мы приступаемъ радостно, хотя и сжавъ плотно губы и съ серьезнымъ лицомъ, къ выполненію

нашей задачи, ибо надѣемся ясно и наглядно показать, что трудъ и горе описываемыхъ нами людей не были напрасны.

Витенъ Пеннъ, старшая служанка въ Улѣ, сказала, что въ эту зиму соберется въ домѣ много гостей.

— Но удивительно,—прибавила она,—что всѣ пріѣдутъ какъ на большой праздникъ, а уѣдутъ какъ съ похоронъ.

Такъ сказала Витенъ Пеннъ, извѣстная всѣмъ своимъ глубокомысленнымъ, проницательнымъ видомъ.

Клаусъ Уль, одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ крестьянъ деревни, расположенной въ низменной, болотистой мѣстности, стоялъ въ жилеткѣ и бѣлой рубахѣ, съ лоснящимся благодушнымъ лицомъ, на порогѣ своего дома, глядѣлъ на дорогу въ ожиданіи гостей и пріятно улыбался при мысли о друзьяхъ, горячей карточной игрѣ, доброй выпивкѣ, шуткахъ и крѣпкихъ словцахъ.

Жена его, маленькая, блѣдная женщина, усѣлась на стулъ возлѣ бѣлой кафельной печки и осматривала издали парадныя, по праздничному убранныя, комнаты. Она ждала пятаго ребенка и очень устала отъ хозяйственныхъ хлопотъ.

Трое старшихъ ея сыновей, уже собиравшіеся скоро конфирмоваться, длинные, нескладные мальчики, съ маленькими гордо посаженными головами и очень свѣтлыми волосами, стояли возлѣ карточнаго стола.

Они взяли лежавшую на столѣ колоду картъ, спорили громко о томъ, какъ надо играть, употребляя иногда грубыя выраженія, вырывали карты изъ рукъ младшаго брата, Ганса, и называли его глупымъ мальчишкой.

Дверь отворилась, и маленькій трехлѣтній Юргенъ подбѣжалъ къ матери.

— Мама, ѣдутъ! Уже повозки видны.

— Мама,—сказалъ Гансъ, желавшій выместить на комъ-нибудь свою обиду:—Іёрнъ совсѣмъ на насъ не похожъ. Весь въ тебя, и лицо такое же длинное, и глаза внизъ.

Мать погладила ребенка по жесткимъ свѣтлымъ волосамъ и проговорила:

— Онъ и такъ для меня хорошъ.

Мальчикъ положилъ руки къ ней на колѣни и сказалъ:

— Послушай, мама,—Гиннеркъ говоритъ, что у меня скоро будетъ малюсенькій братецъ или сестрица. Я хочу сестрицу. А когда она придетъ? Какъ только придетъ, ты сейчасъ же мнѣ скажи.

Двое старшихъ продолжали играть, подталкивали другъ друга и смѣялись.

— Послушай, мама, — сказалъ Гансъ: — рабочій говоритъ, что сегодня ночью лошади что-то очень безпокойны были. Онъ даже всталъ и пошелъ въ конюшню посмотрѣть, что̀ такое, а онѣ стоятъ, поднявъ головы, а въ углу что-то звенитъ, точно кто-нибудь цѣпь по землѣ волочитъ. Ну, конечно, глупая Витенъ объявила: „Это не спроста". Что̀ бы это могло значить въ самомъ дѣлѣ?

— Ужъ конечно что-нибудь да значитъ!—сказалъ Гиннеркъ и засмѣялся.—Навѣрное, въ конюшнѣ явится новый жеребенокъ, и остальнымъ овса-то поубавится. Понялъ? Вотъ что̀ это значитъ.

Они быстро взглянули на мать и вышли, толкая другъ друга и стараясь удержаться отъ смѣха.

Она осталась вдвоемъ съ маленькимъ Юргеномъ, усѣвшимся рядомъ съ нею.

— Нехорошо,—тихо проговорила она,—если это случается, когда дѣти уже велики и все понимаютъ. Они такіе же грубые, какъ отецъ, и такъ же грубо говорятъ. Не хотятъ пощадить даже и нëродившагося еще ребенка.

Она оглядѣла нарядную комнату, снова почувствовала себя совершенно чужою среди всего этого великолѣпія, въ этомъ большомъ шумномъ домѣ, и душа ея упорхнула прочь, перелетѣла черезъ молоденькій лѣсокъ и прилетѣла къ старому дому среди торфяниковъ. Тамъ она чувствовала себя дома. Они жили вчетверомъ подъ длинной соломенной кровлей: отецъ, мать, братъ Тисъ и она.

Отецъ съ матерью были такіе удивительно смѣшные люди. Они дурачились и шутили другъ съ другомъ до самой смерти, никогда грубаго слова другъ другу не сказали и жили, какъ пара ласточекъ весною. Оба они умерли, а братъ Тисъ жилъ одинъ холостякомъ, за лѣсомъ въ Гезе. У него было такое же маленькое лицо, какъ у отца, и такой же ласковый и смѣшной видъ. А она еще совсѣмъ молоденькой дѣвушкой переселилась на эту болотистую низину съ тучной почвой и стала женой Клауса Уля.

А вотъ сегодня ночью въ конюшнѣ слышали, какъ цѣпи звенѣли...

Стали подъѣзжать повозки: три, четыре, одна за другой. Крѣпкія датскія лошади то поднимали, то опускали головы, и каждый разъ, какъ онѣ ихъ поднимали, отъ нихъ шелъ паръ, и каждый разъ, какъ онѣ ихъ опускали, на нихъ ярко блестѣла въ прозрачномъ воздухѣ серебряная сбруя.

Это пріѣзжала родня Улей, собиравшаяся ежегодно у старшаго въ родѣ на родственный праздникъ.

Клаусъ Уль, съ смѣющимся лицомъ, уже собирался выйти во дворъ, встрѣчать подъѣзжавшихъ гостей, какъ вдругъ со стороны деревни въ ворота въѣхала старомодная гремучая повозка.

— Ахъ!—произнесъ Уль:—это ты, шуринъ?

Тисъ Тиссенъ остановилъ лошадей и засмѣялся.

— Моя упряжка не подъ стать тѣмъ, что подъѣзжаютъ!—сказалъ онъ;—да я и самъ имъ не подъ стать. Я, впрочемъ, скоро уѣду. Купилъ въ деревнѣ пару телятъ, да и заѣхалъ взглянуть на сестру и маленькаго Іёрна.

Онъ соскочилъ съ высокой повозки, осторожно отвелъ лошадей подъ навѣсъ и прошелъ къ сестрѣ. Она сидѣла съ маленькимъ Іёрномъ въ задней комнатѣ и очень обрадовалась брату.

— Поди-ка, сядь сюда къ намъ!—сказала она:—здѣсь мы въ безопасности отъ этихъ Улей!—Она засмѣялась.—Какъ поживаютъ коровы? А вороного запрягалъ? Ну, разсказывай! Мнѣ кажется, что ты привезъ съ собою весь Гезе!

Онъ сталъ отвѣчать ей и разсказывать, и у нихъ завязался тихій, мирный разговоръ, а въ парадныхъ комнатахъ раздавался звонъ посуды, бѣготня и громкіе голоса.

— Ну, пойду взгляну, что дѣлается въ кухнѣ и конюшнѣ,—сказалъ онъ.—Витенъ дастъ мнѣ поѣсть, а работникъ покажетъ телятъ и жеребятъ. Ты оставайся, а Іёрна я съ собой возьму.

Онъ взялъ ребенка за руку и вышелъ.

Въ дверяхъ кухни онъ столкнулся съ маленькимъ плотнымъ мальчикомъ, ударившимся съ разбѣга головой ему въ колѣни.

— А вѣдь это Крей,—сказалъ Тисъ.—Это сейчасъ видно по широкой рыжей головѣ.

— Это Фите Крей,—отвѣчалъ Юргенъ;—онъ всегда со мной играетъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ долженъ и поѣсть съ нами,—сказалъ Тисъ, и присѣлъ къ кухонному столу, куда ему подали тарелку съ мясомъ. Дѣти сѣли по бокамъ его.

— Это твой сынокъ, Трина Крей?—спросилъ Тисъ.

Работница повернула отъ очага свое разгоряченное лицо.

— Да,—отвѣчала она:—это пятый. Всѣхъ ихъ шесть у меня.

— Вполнѣ достаточно, Трина, для рабочаго человѣка, пробавляющагося зимой вязаньемъ метёлокъ и вѣниковъ.

— Да,—проговорила женщина:—еще спасибо твоей сестрѣ, Тисъ Тиссенъ,—она не оставляетъ насъ. А онъ у меня служить

будетъ,—прибавила она, кивнувъ головой на сына,—будетъ работникомъ, какъ отецъ, а по зимамъ будетъ вязать метлы.

— Какъ знать?—сказала Витенъ.

— А! Вотъ и Витенъ заговорила!—воскликнулъ Тисъ Тиссенъ.—Смотри, Витенъ, не ошибись! Пророчествуй хорошенько! У него такіе ясные глаза и навѣрное очень сильное воображеніе.

Витенъ Пеннъ бывала обыкновенно сдержанна и молчалива, но съ Тиссеномъ изъ Гезе она любила поболтать, потому что онъ обнаруживалъ ко всему серьезный и живой интересъ.

— Удивительная вещь можетъ случиться съ человѣкомъ,— начала она задумчиво.—Однажды ушелъ одинъ изъ венторфскихъ Креевъ, сынъ одного рабочаго, изъ отцовскаго дома и попалъ къ подземнымъ людямъ, живущимъ подъ соснами въ Гезе. Они нагрузили его всего золотомъ, вывели опять наверхъ, и онъ вернулся въ Венторфъ. Ему казалось, что все это случилось день тому назадъ, но люди сказали ему, что онъ находился въ отсутствіи сорокъ лѣтъ. Ему пришлось имъ повѣрить, потому что, взглянувъ въ зеркало, онъ увидалъ, что весь посѣдѣлъ. Онъ и умеръ вскорѣ вослѣ того. Теодоръ Штормъ, увѣрявшій всегда, что все лучше знаетъ, чѣмъ я, сказалъ мнѣ тогда: „Этотъ разсказъ вотъ что значитъ: человѣкъ ушелъ на чужбину и среди заботъ весь предался добыванію денегъ, а одумался, пришелъ въ себя и нашелъ покой только когда ужъ вся жизнь прошла". Но я такъ не думаю. Это просто исторія, случившаяся въ дѣйствительности.

Витенъ замолчала, прислушалась къ чему-то и быстро вышла изъ кухни. Черезъ минуту она вернулась, подошла къ Тринѣ Крей и что-то шепнула ей. Тисъ Тиссенъ испуганно вскочилъ.

— Что такое?—спросилъ онъ.—Витенъ, что случилось?

— Началось...—проговорила она.

Тисъ посморѣлъ на нее широко раскрытыми глазами и бросился въ конюшню.

Черезъ двѣ минуты онъ появился снова въ кухнѣ, но уже въ своемъ старомъ коричневатомъ пальто и лисьей шапкѣ съ наушниками, плотно надвинутой на лобъ.

— Ужъ вы обѣ хорошенько позаботьтесь о сестрѣ!—быстро проговорилъ онъ.

— Развѣ ты не подождешь до конца, Тисъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... кланяйтесь ей! Я ужъ заложилъ лошадей, я... я не могу этого видѣть. Всего хорошаго! Всего хорошаго!

Онъ покачалъ головой,—неизвѣстно, къ кому это относилось: къ его сестрѣ, къ нему самому или къ цѣлому свѣту,—и быстро

вышелъ. Онѣ слышали, какъ онъ прошелъ, топая своими тяжелыми сапогами и спотыкаясь, черезъ темныя сѣни.

Хозяинъ и гости напились и наѣлись и сидѣли теперь за карточнымъ столомъ. Три старшихъ сына хозяина стояли за спинами играющихъ и заглядывали въ карты. Къ нимъ иногда благосклонно обращались за совѣтомъ; они кивали съ видомъ пониманія, присоединялись къ общему смѣху и подавали гостямъ пуншъ. Общество становилось все шумнѣе; пошли разсказы, и къ игрѣ стали относиться легкомысленно. Со смѣхомъ и бранью передвигали они по столу значительныя кучки серебряныхъ денегъ. Только очень немногіе были трезвы и сохраняли полное спокойствіе. Это были настоящіе игроки, не хотѣвшіе возвращаться домой съ пустыми руками. Они сидѣли по разнымъ столамъ, по одному, потому что другъ у друга не могли ничего выиграть. Двое изъ нихъ даже заглядывали въ чужія карты, и остальные всѣ знали это, но были слишкомъ добродушны и легкомысленны, чтобы возмущаться.

Серьезныхъ и спокойныхъ разговоровъ никто не велъ. Говорить рѣчи предоставлялось вообще пастору и учителю. Одинъ Клаусъ Уль, побывавшій въ молодости въ гимназіи, любилъ иногда сказать пару вѣскихъ словъ. И теперь онъ всталъ и произнесъ маленькую рѣчь. Началъ съ того, что извинился передъ гостями за жену, которая по болѣзни не могла присутствовать на семейномъ праздникѣ, и закончилъ слѣдующими словами:

— Вы объ этомъ не печальтесь, а старайтесь каждый побольше выиграть, хотя, собственно говоря, по справедливости долженъ былъ бы выиграть я, хозяинъ дома. Вы у меня ѣдите и пьете, и хлѣбосольство мое вамъ извѣстно, а вѣдь я жду пятаго ребенка.

Гости откидывались на спинки стульевъ, хохотали и кричали:

— Хватитъ съ тебя! У тебя земли довольно! Да и денегъ не мало въ шкафу припрятано! Младшему сыну ты долженъ дать образованіе, да, Іёрну... пусть Іёрнъ будетъ ландфогтомъ!

Клаусъ Уль смѣялся и чокался съ гостями.

Августу, старшему сыну, пуншъ бросился въ голову, и онъ безсмысленно ухмылялся. Второй сынъ, Гиннеркъ, тоже охмелѣвшій, побѣжалъ, вытащилъ изъ кроватки маленькаго Юргена и, держа его высоко на рукахъ, возгласилъ:

— Вотъ онъ, ландфогтъ!

Ему хотѣлось посмѣяться надъ младшимъ братомъ и насмѣ-

шить гостей, но всѣ они шумно поднялись и единогласно заявили:

— Какой славный мальчуганъ!

Ребенокъ, неожиданно разбуженный, проводилъ рукой по маленькому заспанному лицу и съ изумленіемъ оглядывался. Коротко остриженные бѣлокурые жесткіе волосы стояли у него щеточкой вокругъ лба.

— Когда-нибудь онъ будетъ нашимъ ландфогтомъ!—закричали гости.—Да здравствуетъ ландфогтъ!

Третій сынъ, Гансъ, съ заспаннымъ, надутымъ лицомъ, вошелъ въ комнату со двора и, подойдя къ отцу, сказалъ:

— Ты бы пошелъ къ матери.

Уль не обратилъ вниманія на эти слова, и мальчикъ вышелъ лѣнивой походкой и съ равнодушнымъ видомъ.

— Мои гости правы,—сказалъ Клаусъ Уль и оглядѣлъ всѣхъ умными, смѣющимися глазами.—Конечно, я могу купить дворы всѣмъ своимъ сыновьямъ и сдѣлать ихъ хозяевами; но я настолько-то знакомъ съ образованіемъ и достаточно нанюхался латыни, чтобы понимать, что знаніе—выше всего. Мы, крестьяне, имѣемъ право ждать и требовать, чтобы нами управлялъ одинъ изъ нашихъ; а если мы можемъ этого требовать, то изъ какого же другого рода, какъ не изъ рода Улей, слѣдовало бы выбрать ландрата!

Дверь снова отворилась. Снова появился Гансъ. Онъ остановился на порогѣ и произнесъ громко, такъ, чтобы его могли разслышать сквозь стоявшій въ комнатѣ шумъ:

— Отецъ! Мать говоритъ, что ты долженъ къ ней придти.

— Оставь меня въ покоѣ!.. Потомъ!.. Молодость у него будетъ легкая, денегъ всегда вволю: онъ будетъ уменъ и красивъ, иначе онъ не былъ бы моимъ сыномъ. Къ жизни онъ будетъ относиться такъ же легко, какъ я. Заботъ знать не будетъ. Ну-ка, чокнемся за ландфогта! Да здравствуетъ Іёрнъ Уль!

— Да здравствуетъ ландфогтъ!

— Отецъ! Женщина, которая матери помогаетъ, говоритъ, чтобы мы приготовили повозку.

Эти слова, наконецъ, подѣйствовали.

— Лошадей?.. Зачѣмъ?..

— Развѣ неблагополучно?

— Въ такомъ случаѣ бросимъ карты. Ужъ двѣнадцатый часъ.

— Идемъ, я ухожу.

— И я также.

— Останьтесь!—сказалъ Клаусъ Уль:—это все бабьи страхи.

— Нѣтъ ужъ... Нѣтъ, ужъ мы пойдемъ.

Они стали уходить. Нѣкоторые продолжали разговаривать объ игрѣ и жалѣли, что она была такъ неожиданно прервана.

— Я еще зайду въ трактиръ немного.

— Я тоже. Знаете что! Пойдемте всѣ пѣшкомъ, а лошади пусть за нами ѣдутъ.

— Мнѣ жаль,—сказалъ Клаусъ Уль,—что я не могу пойти съ вами.

— Если ты съ нами пойдешь, то мы навѣрное раньше утра домой не вернемся.

— Пойдемъ! У тебя довольно въ домѣ народу.

Только одинъ изъ гостей подошелъ къ нему, пожалъ ему руку и сказалъ:

— Нѣтъ, не ходи съ нами, а оставайся-ка лучше со своею женой.

Онъ пошелъ къ своей женѣ, и увидалъ, что она чувствовала себя недурно, что явилась надежда, что можно будетъ обойтись безъ доктора, и опять вернулся въ сѣни и сталъ прислушиваться, высунувъ голову въ еще незапертую дверь.

Въ тишинѣ ночи донесся до него чей-то громкій окрикъ и чей-то смѣющійся отвѣтъ. Еще разъ медленно прошелъ онъ въ глубину обширныхъ сѣней, и опять вернулся къ двери. Потомъ снялъ шапку съ гвоздя. Какъ будто какой-то сильный человѣкъ схватилъ его за плечо и потащилъ.

Онъ вышелъ изъ дверей и пошелъ догонять гостей. Верхняго платья онъ никогда не надѣвалъ, когда ходилъ пѣшкомъ; въ немъ было столько жизненной силы и собственнаго жара, что въ тепломъ платьѣ онъ не нуждался.

Вскорѣ послѣ этого Августъ и Гинрихъ прошли въ людскую съ большой чашкою пунша. Они обыкновенно разыгрывали изъ себя господъ и вѣчно бранились и ссорились съ прислугой и рабочими, но въ этотъ день они были великодушно настроены.

Старшій рабочій вошелъ въ кухню, тяжело опустился на стулъ и выпилъ стаканъ пунша, предложенный ему мальчиками. Вслѣдъ за нимъ появилась младшая работница, молодая, обыкновенно очень веселая дѣвушка, но въ эту минуту лицо у нея было разстроенное, а глаза расширены отъ непобѣдимаго, женскаго страха.

— Правда, Дитрихъ, что вчера ночью лошади безпокоились и стучали въ конюшнѣ?—спросила она.

Старшій работникъ утвердительно кивнулъ головой.

— Я тутъ ни при чемъ, Юля,—отвѣчалъ онъ.—Я слышалъ стукъ, а что̀ это значитъ—не знаю.

— Съ Витенъ просто ничего не подѣлаешь,—снова заговорила дѣвушка:—въ лицѣ у нея—ни кровинки, словно покойница, и все твердитъ, что ныньче ночью случится несчастье. Я не хочу здѣсь больше оставаться, ни единаго часа не выживу въ домѣ, если что̀ недоброе приключится.

Она всею тяжестью опустилась на скамейку, придерживаясь за край стола, чтобы не упасть—такъ дрожали у нея колѣни.

— Эхъ, ты!—произнесъ Гинрихъ:—брось ты эти разговоры! Будемъ ѣсть, пить и веселиться,—завтра пожалуй помремъ.

И онъ протянулъ ей стаканъ пунша.

— Покорно благодаримъ!—сказала дѣвушка:—не надо мнѣ ни васъ, ни вашего пунша.

Августъ поднялъ отяжелѣвшую голову.

— Не смѣть разговаривать! я—хозяинъ!

— Не хозяинъ ты, а глупый мальчишка.

— Я—глупый мальчишка! Погоди же, ты мнѣ за это заплатишь!...

Но Юля, не обращая вниманія на эту угрозу, обратилась къ старшему работнику:

— Что̀ тебѣ Витенъ еще разсказывала, Дитрихъ? Она какія-то огни видѣла? Правда это?

Она смотрѣла на работника испуганными, широко раскрытыми глазами. Онъ нахмурился. Къ Витенъ онъ былъ неравнодушенъ и хотѣлъ на ней жениться, и ему было обидно, когда говорили, что у нея есть способность предчувствовать заранѣе близкое несчастье.

— Что̀ такое она видѣла?—второй разъ спросила дѣвушка, чувствуя, что ей сдѣлается еще страшнѣе, но что ее все-таки такъ и тянетъ къ этому ужасу.

— Когда она, недѣлю тому назадъ, шла вечеромъ сюда изъ деревни, то увидала, что въ главной комнатѣ—свѣтъ. Только огни стояли не какъ обыкновенно, когда они въ карты играютъ, а гораздо выше, какъ ставятъ свѣчи вокругъ гроба, и свѣтъ былъ красноватый. Она не рѣшилась заглянуть въ комнату...

Внезапно отворилась дверь. Юля вскочила и вскрикнула. Много лѣтъ спустя, уже бывши матерью многочисленнаго семейства, она увѣряла, что обязана своей постоянной болью въ спинѣ именно Тринѣ Крей, такъ неожиданно отворившей дверь и явившейся, какъ привидѣніе, во время страшнаго разсказа.

— Дитрихъ,—быстро заговорила Трипа,—запрягай скорѣй! Поѣзжай за докторомъ!

— Убирайся ты отъ насъ!—крикнулъ Гинрихъ.—И ты, и твой мальчишка—долой съ нашего двора!—И онъ толкнулъ маленькаго Фите, спавшаго положивъ голову на столъ.

— За самой бѣдной женщиной въ округѣ больше присмотра, чѣмъ за вашей матерью,—съ горечью произнесла Трина.

Старшій работникъ уже вышелъ изъ людской. За нимъ, дрожа, послѣдовала Юля.

По всему дому началась бѣготня. Въ кухнѣ опять развели огонь. Въ обширныхъ сѣняхъ свѣтъ фонаря двигался то туда, то сюда, точно большая красная птица, въ дикомъ страхѣ ищущая выхода. Лошади въ конюшнѣ безпокойно погромыхивали цѣпями. Наконецъ, распахнулись большія ворота, и повозка помчалась въ снѣжную ночь.

Больная безпокойно двигала головой изъ стороны въ сторону, прислушивалась и спрашивала, не пришелъ ли мужъ.

— Чужіе люди должны мнѣ помогать!.. Что, дѣти спятъ?.. Они приносили туда, въ комнату, маленькаго Юргена?.. Говорили, что онъ долженъ сдѣлаться ландфогтомъ?.. Онъ долженъ сдѣлаться дѣльнымъ, трезвымъ человѣкомъ. Не все ли равно—ландфогтъ или рабочій...

Трое старшихъ дѣтей явились у нея, какъ нежеланные подарки отъ мужа, и изъ нихъ вышли мальчики по его образцу. Потомъ прошло десять лѣтъ, и за это время она успѣла отойти отъ него и стать самостоятельнѣе. Мало-по-малу она перестала смотрѣть на жизнь и на весь міръ глазами своего мужа, этого большого человѣка, говорившаго такъ громко и такъ грубо. Сначала неувѣренно и медленно, но потомъ все яснѣе развивалось въ ней сознаніе, что ея собственный внутренній міръ и міровоззрѣніе были гораздо прекраснѣе, яснѣе и чище, чѣмъ внутренній міръ и міровоззрѣніе ея мужа. Четверо людей, жившихъ когда-то за Гезе, въ мирномъ домѣ на торфяникѣ, были счастливы, чисты и мудры; а люди, жившіе въ Улѣ, всѣ сбились съ пути и погибали. Помѣшать этому она не могла. Она дала слишкомъ усилиться человѣку, котораго судьба поставила рядомъ съ нею,—онъ забралъ слишкомъ много власти. Она уже не въ состояніи была измѣнить своихъ собственныхъ троихъ дѣтей, переросшихъ ее на голову. Но и ей была оказана справедливость. Она родила еще разъ маленькаго, бѣленькаго мальчика и могла тихо, счастливо и съ гордостью улыбаться, когда ея мужъ,

глядя па ребенка, говорилъ: „Этотъ не похожъ на первыхъ трехъ, этотъ—въ тебя, это—Тиссенъ“.

И то, что должно было сегодня явиться на свѣтъ, она отлично знала, это тоже былъ Тиссенъ. Но Тиссенамъ тяжело бываетъ жить на свѣтѣ. Они—слишкомъ вдумчивый народъ. И поэтому она позвала къ себѣ Витенъ.

Дѣвушка подошла къ ней совсѣмъ близко.

— Витенъ, я долго буду болѣть, а можетъ быть, и не встану больше. Еслибы ты осталась въ домѣ... Мнѣ кажется, и для тебя будетъ лучше, если ты не выйдешь замужъ. О старшихъ не заботься,—тебѣ, все равно, съ ними не справиться. Ты только побереги мнѣ маленькихъ. Скажи моему мужу, что я тебя просила объ этомъ, и чтобъ онъ позволилъ тебѣ распоряжаться младшими по твоему усмотрѣнію.

Витенъ ожидала всего на свѣтѣ, только не такой просьбы. Ни единый человѣкъ, да и она сама не знаетъ, съ какимъ могучимъ усиліемъ воли она такъ быстро и не колеблясь отказалась отъ всего своего будущаго личнаго счастья.

— Я позабочусь о дѣтяхъ, — сказала она: — это такъ же вѣрно, какъ то, что я здѣсь стою. Ужъ вы можете на меня положиться, фрау Уль.

Она вернулась въ кухню и остановилась безмолвно и неподвижно у печки.

Сзади къ ней подошелъ Дитрихъ и произнесъ свойственнымъ ему прямодушнымъ и немного грубоватымъ тономъ:

— Не стоять же тебѣ всю ночь у огня. Пойдемъ въ людскую.

Но она покачала головой.

— Все равно, Дитрихъ, у насъ съ тобою ничего не выйдетъ,—оставь меня лучше и дай мнѣ идти моей дорогой.

Тогда онъ на цыпочкахъ, какъ и вошелъ, вышелъ изъ кухни и еще долго покачивалъ головой. Онъ скоро утѣшился, но всю жизнь оставался холостякомъ.

У подъѣзда застучалъ экипажъ. Докторъ прошелъ черезъ сѣни, осмотрѣлъ больную и приготовилъ все необходимое. Еще разъ вышелъ онъ въ кухню и спросилъ, гдѣ мужъ.

— Въ трактирѣ,—отвѣчала Трина Крей,—въ карты играетъ. Мы ужъ два раза за нимъ посылали, да онъ все не идетъ.

Докторъ посмотрѣлъ на нее выразительно и произнесъ по адресу отсутствующаго нѣсколько словъ; все это были названія низменныхъ животныхъ. Клауса Уля, этого большого, гордаго и вѣчно веселаго человѣка, еще никто никогда такъ не называлъ.

Потомъ докторъ написалъ записку и послалъ съ нею младшую работницу въ трактиръ, прибавивъ:

— Бѣги живѣе!

Накидывая на-скоро платокъ на плечи, Юля въ полутемныхъ сѣняхъ разобрала на запискѣ слово: „операція“.

Тогда она бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ, дрожа и плача, и все оглядывалась назадъ, какъ будто за нею гнались злые духи.

Къ утру все было кончено.

Рабочіе, молча, съ блѣдными лицами возились возлѣ взмыленныхъ лошадей. Витенъ Пеннъ стояла у печки, держась рукой за голову, смотрѣла въ самое пламя и видѣла только расплывающіяся огненныя пятна, потому что глаза ея были полны слезъ. Юля сидѣла на скамейкѣ у колодца, не шелохнувшись, боялась Витенъ и каждаго темнаго угла въ домѣ, а всего больше боялась маленькой, тихой покойницы.

Докторъ сказалъ Улю:

— Еслибы меня позвали часомъ раньше, то я, вѣроятно, могъ бы помочь. Почему меня не позвали раньше?

Тогда Клаусъ Уль заскрежеталъ зубами и закричалъ какъ звѣрь. Потомъ упалъ на полъ передъ кроватью жены и завопилъ:

— Мать! Мать!

Какъ женщина, она всегда мало для него значила, и въ этомъ словѣ „мать“ выразился весь его страхъ за дѣтей.

Въ сосѣдней комнатѣ стояла Витенъ съ новорожденной на рукахъ.

— Маленькая, но крѣпенькая дѣвочка, — сказала Трина Крей,—и сейчасъ видно, что лицомъ она—вылитая мать. Даже и волосики у нея такіе же темные.

— Она что-то не плачетъ, — замѣтила Витенъ: — ужъ не умерла ли?

— Дай-ка мнѣ ее сюда! — и Трина Крей взяла дѣвочку, повертѣла ее въ рукахъ и дала ей два или три шлепка ладонью.

Ребенокъ закричалъ.

— Положимъ ее въ мою постель? — сказала Витенъ. — Я протопила комнату. Іёрнъ тамъ спитъ уже.

И въ самомъ дѣлѣ, мальчикъ спокойно спалъ, свернувшись клубочкомъ, какъ ужъ. Лица почти не было видно,—виднѣлась только голова съ вихрами свѣтлыхъ волосъ. Рядомъ съ нимъ ле-

жалъ, одѣтый, Фите Крей. Онъ отодвинулъ немного одѣяло и устроился очень уютно.

— Соня-то мой!—сказала Трина Крей:—это онъ, значитъ, здѣсь остался!

— Оставь его, пусть лежитъ!—возразила Витенъ.—Я положу дѣвочку съ другого края.

Такимъ образомъ, дѣти проспали эту ночь въ одной постели, мальчики—рядомъ, а дѣвочка—у нихъ въ ногахъ.

II.

Маленькаго, вихрастаго мальчика звали Юргеномъ, а маленькую дѣвочку—Эльзабе. Такъ они были записаны пасторомъ въ метрической книгѣ; но книги пишутся, обыкновенно, на южно-германскомъ нарѣчіи, а простой народъ въ общежитіи пользуется нижне-саксонскимъ,—и всѣ привыкли звать мальчика Іёрномъ, а дѣвочку—Эльзбе, и подъ этими именами ихъ знаютъ и до сихъ поръ.

Родительскій домъ представляется маленькому Іёрну Улю безконечно большимъ. Когда онъ стоитъ въ обширныхъ сѣняхъ или неувѣренно переступаетъ въ полумракѣ амбара, то ему повсюду представляются зіяющія темныя пространства, и онъ не вѣритъ, что они гдѣ-то кончаются. Въ сѣняхъ заключается для мальчика цѣлый міръ.

Кругомъ двигаются взрослые люди. Они то входятъ, то выходятъ изъ дверей. Руки ихъ вѣчно заняты какой-нибудь странной работой, видъ у нихъ всегда самый серьезный. Они не кричатъ, не бѣгаютъ и не плачутъ. Все это удивительно, и Іёрнъ ясно видитъ, что никто не похожъ на него самого, кромѣ бѣлаго шпица, повсюду сопровождающаго мальчика въ этомъ огромномъ пространствѣ. Этотъ шпицъ—совсѣмъ какъ онъ. Они вмѣстѣ ѣдятъ, вмѣстѣ спятъ и даже, по субботамъ, вечеромъ, Витенъ ихъ тоже вмѣстѣ моетъ въ одной лоханкѣ, погружая въ воду до самыхъ ушей.

Рѣшительно, они оба совсѣмъ другіе, чѣмъ всѣ остальные, и у нихъ все общее, и думаютъ они о лошадяхъ, о людяхъ и о коровахъ тоже одинаково. Они очень похожи другъ на друга.

Однажды имъ обоимъ представился великолѣпный случай повеселиться. На дворѣ жеребенокъ, возлѣ своей матки, щипалъ траву. Что кобылица принадлежала къ удивительнымъ, серьезнымъ и непонятнымъ существамъ, это было видно съ пер-

ваго взгляда, и въ жеребенкѣ имъ сразу почуялось что-то родственное. Но когда шпицъ подошелъ поближе къ жеребенку, то случилось что-то странное. Жеребенокъ вдругъ лягнулъ—и какъ еще лягнулъ! Мальчикъ и шпицъ оба, съ воемъ, бросились въ амбаръ. Спрятавшись за дверью, они выглядывали оттуда и оба опасливо косились на жеребенка. Шпицъ при этомъ визжалъ, а Іёрнъ тоже издавалъ какіе-то звуки, очень похожіе на собачій визгъ.

Среди окружающихъ, у Іёрна не было человѣка, способнаго объяснять ему различныя явленія. Витенъ была слишкомъ занята, а у другихъ не было никакой охоты заниматься мальчикомъ. И это, пожалуй, было даже къ лучшему.

Но, вотъ, случилось событіе, неожиданнымъ образомъ повліявшее на отношенія Іёрна къ шпицу.

До этого знаменательнаго событія шпицъ и мальчикъ имѣли обыкновеніе по нѣскольку разъ въ день забѣгать въ заднюю комнату, гдѣ помѣщалась маленькая дѣвочка. Дѣвочка лежала въ люлькѣ или же сидѣла на стулѣ. Мальчикъ и шпицъ ходили вокругъ нея, съ любопытствомъ разглядывали дѣвочку и опять убѣгали, уже нисколько не заботясь о ея дальнѣйшемъ существованіи. Но въ одинъ прекрасный лѣтній день, когда мальчикъ со шпицемъ возвращались изъ лѣса, маленькая дѣвочка стояла уже на дворѣ, у кухонныхъ дверей, и смотрѣла большими боязливыми глазами на окружающее. Никогда еще въ жизни Іёрнъ и шпицъ не были поражены до такой степени. Вотъ удивительная-то вещь! Они взяли маленькое существо въ середину между собой и отправились всѣ вмѣстѣ на дорогу, изрытую колеями, наполненными чудесной глинистой водой. Тамъ они втроемъ стали копать канавки и строить плотины.

Съ этого дня шпицъ уже потерялъ свое значеніе. Іёрнъ цѣлыми днями игралъ съ маленькой дѣвочкой, и шпицъ изъ товарища обратился въ игрушку.

Маленькая дѣвочка знакомилась съ окружающимъ быстрѣе мальчика. Мальчикъ имѣлъ руководителемъ шпица, и этотъ руководитель въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывался довольно ненадежнымъ и несвѣдущимъ; маленькая же дѣвочка имѣла руководителемъ брата. Онъ зналъ и умѣлъ рѣшительно все. Онъ водилъ ее по всему дому, въ пекарню, и въ амбаръ, и на дорожку къ лѣсу, гдѣ бѣгали телята.

— Послушай, — сказала какъ-то разъ дѣвочка брату: — не знаешь ли ты, почему это у насъ нѣтъ мамы? Вѣдь у всѣхъ

дѣтей есть мамы,—у всѣхъ, кромѣ насъ... Скажи-ка мнѣ, Іёрнъ, что̀ дѣлаютъ мамы?

— Какъ это—„что̀ дѣлаютъ"?

— Ну, да. Что̀ дѣлаютъ онѣ со своими дѣтьми?

— Да такъ, что̀ придется... Ну, вотъ, напримѣръ, возьметъ это мать ребенка на руки и укачиваетъ его, ласкаетъ и говоритъ:—„Ахъ, ты мой маленькій! Ахъ, ты мой глупенькій!"— И еще что-нибудь въ родѣ этого. Еще вчера я видѣлъ такую маму, когда относилъ въ починку сапоги Геннерка.

— Мамы никогда не должны умирать,—проговорила Эльзбе.

— Онѣ и не умираютъ обыкновенно. Это случается только тогда, когда за ними не досмотрятъ.

— Кто же не досмотрѣлъ за нашей?

— Отецъ не досмотрѣлъ! Ну, и другіе тоже не досмотрѣли. Въ домѣ тогда было много людей, но всѣ они ѣли и думали только объ одной ѣдѣ.

— И отецъ тоже?

— Да.

— Ты все это навѣрное знаешь?

— Да, навѣрное. Мнѣ сказалъ Фите Крей.

Эльзбе топнула ногой. Она была такъ взволнована, что съ трудомъ выговаривала слова.

— Зн... знаешь ты это навѣрное? Совсѣмъ навѣрное? Ну, вотъ такъ же вѣрно, какъ то, что я здѣсь стою?

— Да, знаю.

— Но отчего же они за ней не досмотрѣли?

Іёрнъ спрыгнулъ съ кочки, на которой стоялъ, и проговорилъ громко, но отвернувшись:

— Потому что всѣ они были тогда пьяны.

Они оба не совсѣмъ ясно понимали, что̀ значитъ „быть пьянымъ", но, чувствуя инстинктивно, что за этимъ словомъ скрывается что-то ужасное, не рѣшились продолжать разговоръ.

— А знаешь что̀,—началъ, помолчавъ, Іёрнъ,—знаешь что̀? Сегодня вечеромъ, когда Витенъ придетъ къ намъ въ комнату, мы оба въ одинъ голосъ скажемъ ей: „мама Пеннъ"!

— Отлично!.. А когда придетъ Фите Крей, мы скажемъ: „папа Крей"!

И оба, весело разсмѣявшись, пустились по дорожкѣ къ лѣсу.

Они подростали, и теперь по вечерамъ для нихъ начиналась новая жизнь. Послѣ ужина ихъ уже не укладывали сразу спать, а они еще часа два сидѣли въ комнатѣ Витенъ.

Обыкновенно, съ одной стороны четыреугольнаго стола сидѣла сама Витенъ, съ двухъ другихъ—помѣщались дѣти, а четвертая сторона предназначалась для Фите Крея. Но иногда его мѣсто долго оставалось пустымъ. Это бывало въ тѣ дни, когда Фите ходилъ продавать вѣники, метлы и скребницы. Зимой онъ возвращался изъ этихъ странствованій сильно продрогшимъ, а лѣтомъ—очень усталымъ, но самъ мало обращалъ на это вниманія.

Обыкновенно, Витенъ сидѣла за столомъ передъ цѣлымъ ворохомъ чулокъ и бѣлья для штопки. По серединѣ стола стояла лампа. На мѣстѣ Фите Крей лежалъ большой ломоть хлѣба съ кускомъ сала. Фите Крей съ жадностью набрасывался на ѣду. Іёрнъ Уль запомнилъ на цѣлую жизнь, съ какой стремительностью худыя, озябшія и не всегда чистыя руки мальчика хватались за приготовленный для него кусокъ.

Иногда дверь неожиданно отворялась, и въ комнату входилъ одинъ изъ старшихъ братьевъ.

— Фите, иди играть въ карты. Намъ не хватаетъ четвертаго.

— Нѣтъ, нѣтъ!—начинали тогда кричать въ одинъ голосъ Іёрнъ и Эльзбе, и оба крѣпко держали Фите, чтобы онъ не ушелъ отъ нихъ.

Тогда Гансъ, подойдя къ столу, произносилъ угрожающимъ тономъ:—Если ты не пойдешь, я скажу отцу, что каждый вечеръ ты наѣдаешься здѣсь до отвала. Твое мѣсто—въ людской!

— Убирайся-ка вонъ! — раздавался тогда голосъ Витенъ. И строго глядя черезъ очки на долговязаго, нескладнаго и глуповатаго малаго, она указывала ему на дверь.

— Здѣсь я хозяйка!—прибавляла она.—И запомни хорошенько вотъ что: если ты еще разъ заглянешь къ намъ, я скажу отцу, гдѣ пропадалъ ты прошлую ночь.

Онъ смѣялся въ отвѣтъ на ея слова и съ бранью уходилъ изъ комнаты. Послѣ его ухода, никто уже не нарушалъ ихъ мирнаго настроенія.

— А вотъ теперь Фите долженъ разсказать намъ все, что съ нимъ случилось,—говорилъ Іёрнъ.

— Нѣтъ,—съ важностью возражала дѣвочка:—первая будетъ разсказывать Витенъ, потомъ я, а потомъ уже Фите.

— Ну, пускай будетъ такъ.

Витенъ рылась въ лоскуткахъ и клубкахъ, отрывала нитку, вдѣвала ее въ иголку и принималась штопать дыру на чулкѣ, разсказывая при этомъ какую-нибудь исторію. Чаще всего главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ея разсказахъ являлся чортъ.

Фите Крей и маленькая Эльзбе сидѣли тихо и неподвижно, и глаза ихъ ни на минуту не отрывались отъ Витенъ. Іёрнъ слушалъ довольно разсѣянно. Онъ старался изо всѣхъ силъ поставить одинъ на другой два клубка шерсти, и вздохнулъ громко съ видимымъ облегченіемъ, когда наконецъ ему удалось это сдѣлать.

— А вотъ кого бы мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть—это подземныхъ духовъ,—часто говорилъ Фите Крей.—Они такіе добрые и ласковые, и благодаря имъ не мало людей сдѣлались богачами. Удивительно, что до сихъ поръ мнѣ ни разу еще не пришлось видѣть ни одного такого духа. И сколько разъ я ходилъ совсѣмъ одинъ и въ лѣсу, и по большой дорогѣ, а вѣдь никогда не видалъ ни единаго.

— Они живутъ въ горѣ,—отвѣчала ему Эльзбе.

— Я этому не вѣрю,—вставлялъ Іёрнъ.

— Ты вѣдь ничему не вѣришь,—замѣчала Витенъ.

— Вотъ, какъ-то разъ было очень жарко,—принимался разсказывать Фите Крей,—я и поставилъ собакъ съ повозкой въ тѣнь у самой горы, тамъ, гдѣ дорога поворачиваетъ къ болоту, ну а самъ пошелъ въ лѣсъ и прилегъ подъ орѣшникомъ на сухихъ листьяхъ. Прилегъ это я, да и заснулъ, а проснулся потому, что въ листьяхъ что-то зашуршало. Открылъ я глаза и увидѣлъ трехъ или четырехъ человѣчковъ, ростомъ немногимъ побольше бѣлки. Всѣ они сразу попрятались въ орѣшникъ и потомъ какъ будто крикнули мнѣ оттуда: „Ахъ, ты, соня"! Вскочилъ это я, оглядѣлся кругомъ, перешарилъ всю листву и ничего ровно не нашелъ, ни золота, ни денегъ.

Витенъ задумчиво посмотрѣла на разсказчика. Разсказы Фите дѣйствовали на нее обыкновенно удручающимъ образомъ. Мальчикъ былъ слишкомъ практиченъ, какъ и вообще всѣ Креи.

Іёрнъ посмотрѣлъ на Фите съ ясно выраженнымъ сомнѣніемъ:—Ну, вотъ что придумалъ! Это навѣрное были бѣлки. Бѣлки и мыши. Онѣ пищали, а ты подумалъ, что это говорятъ духи.

Фите презрительно покачалъ головой.

— Вотъ только бы узнать, гдѣ они живутъ,—сказалъ онъ.

— Хозяйка въ Шенефельдѣ, у которой я служила, когда была совсѣмъ молодой,—начала Витенъ,—говорила, что они всѣ до одного выселились отсюда со всѣми своими пожитками, съ женами и дѣтьми.

— Вотъ какъ!—отозвался Фите.—Но куда же это они выселились?

— Вотъ куда именно—объ этомъ я ничего не знаю. Ду-

мается мнѣ, что они ушли куда-нибудь къ болотамъ, а быть можетъ, даже перебрались и черезъ Эльбу. Вотъ Теодоръ Штормъ увѣрялъ, что они ушли къ болотамъ.

— Теодоръ Штормъ? Кто же это?

— Кто это? Да самъ онъ называлъ себя студентомъ. Онъ частенько-таки заглядывалъ въ Шенефельдъ. Онъ, да еще какой-то Мюлленгофъ. Они оба любили бродить по деревнямъ и слушать разныя старыя исторіи. Моя хозяйка знала очень много такихъ исторій, но почему-то не хотѣла ихъ разсказывать, и они приставали ко мнѣ. Каждый разъ вечеромъ, когда я шла въ хлѣвъ доить коровъ, они уже поджидали меня тамъ. Я должна была имъ разсказывать, а они выпивали у меня чуть что не полведра молока.

— И что же они говорили?

— Ужъ объ этомъ я тебѣ много разъ разсказывала. Имъ всегда казалось, что все-то они знаютъ лучше всѣхъ. Каждую поговорку и каждую исторію Штормъ переворачивалъ по-своему. Онъ говорилъ, что собирается писать про все это цѣлую книгу. И сколько разъ, бывало, я въ глаза называла его глупымъ малымъ и уходила отъ него съ моимъ ведромъ.

— Ну, а что же этотъ Штормъ еще говорилъ?—настойчиво допрашивалъ Фите.

— Что онъ говорилъ? Видишь ли, правду говоря, я не обращала особеннаго вниманія на его слова, но моя хозяйка изъ Шенефельда разсказывала вотъ что. Однажды какъ-то ночью паромщикъ услыхалъ какой-то крикъ. Онъ вскочилъ съ постели и вышелъ къ парому, чтобы посмотрѣть, кто это его зоветъ; но тамъ не было ни души, и онъ опять легъ спать. Вдругъ въ его окно швырнули землей или пескомъ. Онъ опять всталъ, опять вышелъ къ парому, и на этотъ разъ увидѣлъ цѣлую массу маленькихъ сѣрыхъ человѣчковъ. И вотъ, одинъ изъ нихъ, съ длинной бородой, сказалъ ему, что они больше не могутъ выносить церковнаго благовѣста и просятъ перевезти ихъ на другой берегъ, гдѣ много болотъ, но еще нѣтъ церквей. Паромщикъ отвязалъ паромъ, и вотъ, на этотъ-то паромъ одинъ за другимъ стали перебираться сѣрые человѣчки, мужчины, женщины и дѣти, со всѣмъ ихъ домашнимъ скарбомъ, съ мѣшками золота и серебра. Цѣлую ночь паромъ ходилъ взадъ и впередъ, и каждый разъ онъ былъ биткомъ набитъ маленькими человѣчками. Когда же наконецъ были перевезены всѣ до одного и паромъ возвращался назадъ, то противоположный берегъ сразу засверкалъ множествомъ огоньковъ. Это сѣрые человѣчки засвѣтили свои фонарики и отправились съ

ними дальше на востокъ. Когда же на утро паромщикъ пришелъ къ парому, то весь берегъ оказался усѣяннымъ золотыми монетами. Каждый изъ подземныхъ духовъ оставилъ паромщику плату за свой перевозъ.

— Ну, а гдѣ же теперь этотъ Штормъ?—спросилъ Фите.

— А ужъ гдѣ онъ, я не знаю. Онъ говорилъ, что собирается въ ландфогты. Онъ—и вдругъ ландфогтъ! Я всегда была увѣрена, что изъ него ровно ничего не выйдетъ.

— Значитъ, онъ и книги не написалъ?

— Онъ-то? Какъ же, написалъ! Лѣнтяй онъ былъ отчаянный, вотъ что! И цѣлыми-то днями онъ валялся на лугу. Такъ и лежалъ, съ мѣста не трогался до того времени, пока я не шла доить коровъ. Все говорилъ, что лѣсомъ любуется, что ужъ очень красива первая зелень. Ужъ онъ-то навѣрное не написалъ книги, да и ландфогта изъ него тоже не вышло. Я въ этомъ вполнѣ увѣрена.

— А Іёрнъ ничего не слушаетъ,—проговорила маленькая Эльзбе и толкнула брата.—Да слушай же, Іёрнъ!

— Ты только взгляни!—отвѣтилъ Іёрнъ, указывая сестрѣ на мостъ, устроенный имъ изъ трехъ паръ ножницъ и футляра отъ очковъ Витенъ.—Ты только взгляни!

— Ну, а что же говорилъ Штормъ о „Золотомъ родникѣ“ и его сокровищахъ? Говорилъ онъ то же, что и ты, или что-нибудь другое?

— Вижу я, — сказала Витенъ, пристально взглянувъ на Фите Крея,—что ты вѣришь Шторму больше, чѣмъ мнѣ. Тебѣ постоянно нужно что-нибудь новое... Ты спрашиваешь о сокровищахъ? О нихъ я услышала въ первый разъ, какъ пріѣхала уже сюда и познакомилась со Штормомъ.

Фите Крей, подпершись рукой, прямо смотрѣлъ въ лицо Витенъ. Въ его круглыхъ дѣтскихъ глазахъ, смѣло и почти дерзко смотрѣвшихъ на Божій міръ, появилось вдругъ совершенно несвойственное имъ выраженіе пытливаго раздумья. Сокровище было спрятано въ котловинѣ у песчанаго откоса, недалеко отъ деревни. Онъ въ этомъ не сомнѣвался, но ревниво оберегалъ свою тайну отъ всѣхъ окружающихъ.

— Разскажи еще что-нибудь, Витенъ!—попросилъ онъ.

— А будешь ли ты вѣрить мнѣ больше, чѣмъ долговязому болтуну?—спросила Витенъ.

— Буду вѣрить тебѣ!—отвѣтилъ Фите Крей и стукнулъ кулакомъ по столу.

И опять Витенъ начинала свои безконечные разсказы о духахъ, богачахъ и сокровищахъ.

— Ну, однако, на сегодняшній день довольно. Вамъ, дѣти, давно уже пора спать,—вдругъ неожиданно обрывала разсказъ Витенъ.

Іёрнъ и Эльзбе послушно отправлялись въ уголъ, гдѣ стояла кровать, и начинали раздѣваться. Фите помогалъ дѣтямъ развязывать тесемки, стягивать чулки и пользовался случаемъ, чтобы разсказать имъ всѣ свои дневныя приключенія. Уложивъ дѣтей, Витенъ и сама легла спать.

Около полуночи или даже позднѣе возвращался домой отецъ со старшими сыновьями. Въ это время дѣти уже давно спали мирнымъ сномъ.

III.

Каждый разъ какъ учитель Петерсъ обозрѣвалъ съ высоты своей каѳедры ввѣренныхъ его попеченію дѣтей Маріендонна, ему становилось ясно, что населеніе мѣстечка принадлежитъ къ двумъ совершенно разнымъ породамъ людей. Дѣтей въ школѣ было около сотни, и они сидѣли на скамейкахъ, поставленныхъ въ два ряда: мальчики—на правой сторонѣ, а дѣвочки—на лѣвой. Соломенная крыша, точно утомленныя, отяжелѣвшія вѣки, низко свѣшивалась надъ самыми окошками и мѣшала дневному свѣту свободно проходить въ комнату. Но и въ полусумракѣ среди остальныхъ дѣтей рѣзко выдѣлялись круглыя рыжія головы съ такими огненными волосами и такимъ количествомъ веснушекъ на лицахъ, что, казалось, онѣ сами испускали изъ себя лучи. Это были Креи и ихъ многочисленная родня.

Среди этихъ красныхъ круглыхъ дѣтскихъ головъ выдѣляются и другія, болѣе тонкія лица, съ благородными чертами, спокойными, честными, гордыми глазами и волосами цвѣта спѣлой ржи. Этихъ дѣтей въ школѣ значительно меньше, чѣмъ Креевъ. Это Ули съ ихъ родственниками.

Фите Крей очень рѣдко ходилъ въ школу. У его отца, Яспера Крея, всегда были подъ рукой готовыя объясненія и извиненія неаккуратности сына: то говорилъ онъ, что Фите ему необходимъ, то объявлялъ, что у мальчика нѣтъ сапогъ. Кончалось тѣмъ, что Фите попадалъ въ школу только въ тѣ дни, когда Витенъ рано утромъ, еще до разсвѣта, прибѣгала въ домъ Крея и говорила:

— Выпало столько снѣгу, что я не могу отпустить дѣтей однихъ. Сегодня ихъ долженъ проводить Фите.

При этихъ словахъ Фите моментально вскакивалъ съ постели и, накинувъ на плечи заплатанную куртку, принимался съ необыкновеннымъ усердіемъ и неистовымъ топаньемъ натягивать на ноги огромные сапоги. Старикъ же въ это время ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Ужъ сегодня-то я никакъ не могу отпустить малаго...

— Не можешь?—ядовито переспрашивала Витенъ. — Вотъ какъ разъ сегодня онъ тебѣ и нуженъ? Что же, получай въ такомъ случаѣ за него выкупъ.

Съ этими словами она клала на столъ уже заранѣе приготовленные три гроша. Изъ этихъ денегъ отецъ отсчитывалъ для себя два гроша, одинъ грошъ отдавалъ сыну, и послѣ этого уже Витенъ шла съ мальчикомъ къ Улямъ.

Ученье давалось довольно туго Фите Крею. Свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя имъ во время его торговыхъ странствованій, носили опредѣленную практическую окраску и плохо согласовались съ отвлеченностями школьнаго ученья. По вечерамъ онъ поучался у Витенъ старинной народной мудрости. Въ этой народной мудрости учитель Петерсъ, человѣкъ въ высшей степени практичный и даже сколотившій себѣ небольшой капиталецъ, не понималъ ровно ничего.

Дѣти занимались. Старшіе что-то писали на своихъ косо положенныхъ грифельныхъ доскахъ. По временамъ они слегка ими постукивали и что-то шептали, но потомъ опять принимались писать.

— Третье отдѣленіе! Мы будемъ составлять предложенія. Кто скажетъ мнѣ первое предложеніе?

Одинъ изъ маленькихъ Креевъ стремительно поднялся съ своего мѣста и произнесъ:

— Мы имѣемъ корову.

Всѣ дѣти въ одинъ голосъ громко, внятно и, отчеканивая каждый слогъ, повторили сказанную фразу. Тѣ, у кого не было коровъ, произносили фразу въ отрицательномъ смыслѣ.

Іёрнъ Уль уже давно замѣтилъ, что ему приходилось говорить: „мы имѣемъ", и никогда—„не имѣемъ". Когда сынъ Петера Вика, тоже одного изъ Улей, составилъ предложеніе: „Мы не имѣемъ жеребенка", и всѣ до одного въ школѣ повторили эту фразу безъ измѣненія, — только одинъ единственный Іёрнъ Уль сказалъ громко и внятно на цѣлый классъ:

— Мы имѣемъ жеребенка... и теленка.

Маленькая дѣвочка Лоренца Крея, отца многочисленнаго семейства, сейчасъ же вслѣдъ за этимъ предложила фразу: „Мы не имѣемъ муки въ кадкѣ“.

Тогда учитель Петерсъ нашелъ, что пора дать другое направленіе дѣтской мысли, и предложилъ слѣдующій вопросъ:

— Изъ священной исторіи мы знаемъ о царѣ Давидѣ. Какъ зовутъ нашего короля, дѣти?

Тогда со скамейки медленно приподнялся флегматичный маленькій Крей, одинъ изъ сыновей Лоренца Крея, и объявилъ:

— Нашего короля зовутъ Клаусъ Уль.

Старшіе засмѣялись, а маленькіе были озадачены, но, въ общемъ, никто не имѣлъ ровно ничего и противъ этого новаго предложенія, и всѣ въ одинъ голосъ повторили сказанную фразу.

Учитель Петерсъ собирался продолжать урокъ, но вдругъ дѣти закричали:

— Смотрите, ландфогтъ всталъ съ своего мѣста!

И дѣйствительно, Іёрнъ Уль стоялъ, выпрямившись, съ гнѣвнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Что тебѣ нужно, Юргенъ?

— Мой отецъ совсѣмъ не король!

— Тебѣ лучше это знать,—отвѣтилъ ему учитель.

Когда ученье кончилось и дѣти вышли изъ класса, учитель Петерсъ замѣтилъ, что на одной изъ скамеекъ осталась черноволосая маленькая дѣвочка. Это была Эльзбе Уль. Дѣвочка уронила голову на столъ и горько рыдала. Старикъ подошелъ къ ней и спросилъ:

— О чемъ ты плачешь, Эльзбе?

— Мой отецъ все-таки король,—съ усиліемъ проговорила дѣвочка. И когда учитель Петерсъ, улыбнувшись, отвернулся отъ нея, то увидѣлъ Іёрна Уля. Лицо мальчика выражало гнѣвъ и горечь.

— Почему же ты сказалъ, что твой отецъ не король?—спросилъ учитель, проводя рукой по свѣтлымъ вихрамъ мальчика.

— А потому, что иногда бываетъ такъ, что онъ едва держится на ногахъ.

— Что такое ты говоришь? Какъ это „едва держится на ногахъ“?

— Ну, да,—это когда онъ бываетъ пьянъ.

Старикъ закусилъ губы и съ состраданіемъ посмотрѣлъ на мальчика.

— Такъ! Вотъ почему онъ не король. Только, видишь ли

что̀: ты не долженъ говорить объ этомъ другимъ дѣтямъ,—самъ же старайся быть всегда прилежнымъ и не пей вина.

Годовой дѣтскій праздникъ былъ большимъ праздникомъ въ Маріендоннѣ, и праздновали его даже болѣе торжественно, чѣмъ Рождество.

Фите Крей просилъ Анну Зееманъ быть его дамой въ торжественной процессіи, но Трина Бистерфельдъ изъ Сюдердонна узнала, что отецъ купилъ Фите Крею къ празднику новое платье, и захотѣла имѣть его своимъ кавалеромъ. Съ этою цѣлью она предложила ему три гроша, подъ условіемъ, чтобы онъ отказалъ Аннѣ. Фите Крей согласился на это, выговоривъ еще себѣ въ придачу отъ Трины прекрасный перочинный ножъ и голубой шарфъ для праздника.

Когда же Фите Крей устроилъ такъ блестяще свои собственныя дѣла, то, по свойственной ему привычкѣ совать носъ повсюду, онъ захотѣлъ пристроить надлежащимъ образомъ и своего ближайшаго сосѣда и друга, Іёрна Уля. Но здѣсь его постигла неудача. Маленькой толстой Дорѣ Дикъ онъ пообѣщалъ „хорошенькаго“ Юргена Уля подъ условіемъ, если она согласна заплатить ему нѣсколько грошей, когда дѣло окончательно сладится. Но дѣвочка отказалась. Она предпочитала купить лимонаду и совсѣмъ не хотѣла тратиться на поиски жениховъ.

Юргенъ Уль отвѣтилъ на предложеніе Фите Крея полнѣйшимъ отказомъ. Онъ объявилъ ему, что достанетъ себѣ даму самъ.

Три вечера подъ рядъ простоялъ онъ подъ черепичной крышей школьнаго дома. Шелъ дождь, а онъ стоялъ и поджидалъ, не выйдетъ ли маленькая Лизбета Юнкеръ, внучка учителя Петерса. Онъ хотѣлъ предложить ей быть его дамой.

На третій вечеръ онъ наконецъ дождался ея. Дѣвочка стрѣлой промчалась мимо него въ лавочку. Онъ видѣлъ, какъ развѣвались ея льняные волосы, а изъ-подъ короткой юбки мелькнули голубыя подвязки. Возвращаясь назадъ, она уже издали узнала его и крикнула:

— Что это ты стоишь подъ дождемъ, Юргенъ?

— Я жду тебя. Мнѣ нужно тебя кое о чемъ спросить,— отвѣтилъ мальчикъ.

Однимъ прыжкомъ она очутилась рядомъ съ нимъ и, прижавшись къ нему, чтобы не вымокнуть на дождѣ, ждала, что̀ онъ ей скажетъ. Какой-то человѣкъ ѣхалъ по улицѣ. Онъ за-

держалъ лошадь и шагомъ проѣхалъ мимо, чтобы подольше полюбоваться на дѣтей.

— Ну, о чемъ же ты хотѣлъ меня спросить?

— Да, вотъ, все о праздникѣ. Вѣдь это ужъ скоро. Правда?

— Ну, конечно, скоро.

— Вотъ и хорошо... И вѣдь мнѣ къ этому дню нужно выбрать какую-нибудь дѣвочку, а вотъ я не знаю—какую. Положимъ, это все равно, какую ни выбрать. Ты какъ думаешь?

— Такъ вотъ ты о чемъ хотѣлъ спросить меня! Что̀ тебѣ посовѣтовать—я совсѣмъ не знаю. Вѣдь ты такой большой... Знаешь что̀: возьми Трину Симъ, или нѣтъ, вотъ что̀: возьми лучше Юлю Уль! Или возьми... Нѣтъ, эта слишкомъ ужъ мала для тебя.

— А ты все-таки скажи. Если даже она такая маленькая, какъ ты, все равно скажи. Ты о комъ думаешь?

— Ну, ужъ я не знаю!—сказала дѣвочка, и съ этими словами такъ отскочила отъ него, что попала подъ самый дождь. Затѣмъ, бросивъ бѣглый вопросительный взглядъ, она бѣгомъ пустилась домой.

Такъ въ этотъ разъ они ни до чего и не договорились, а потомъ Іёрнъ думалъ, что Лизбету уже выбралъ кто-нибудь другой, и у него не хватало мужества заговорить съ ней по этому поводу. За нѣсколько дней до праздника, въ одну изъ рекреацій учитель Петерсъ обратился къ маленькому, застѣнчивому Дирку Дирксену со словами:

— Я хочу, чтобы Лизбета участвовала въ процессіи. Она пойдетъ съ тобой въ парѣ.

Диркъ Дирзенъ получилъ нѣсколько основательныхъ тумаковъ отъ Іёрна Уля, но поправить дѣло уже было нельзя.

Такимъ образомъ Іёрнъ остался безъ пары, и ему пришлось идти рядомъ съ маленькой веснущатой Крей, которую никто не захотѣлъ взять. Отецъ, сопровождавшій процессію, насмѣшливо посматривалъ на сына, а старшіе братья злились на него. Іёрнъ шелъ молча, съ гордымъ выраженіемъ на лицѣ и съ плотно сжатыми губами.

Весело сіяло лѣтнее солнце. Его лучи проникали сквозь густую листву старыхъ липъ и дрожащими бликами разсыпались по улицѣ и по распущеннымъ волосамъ дѣвочекъ, и липовый цвѣтъ осыпался на торжественную процессію.

Лизбета Юнкеръ шла впереди Юргена Уля. Иногда она оглядывалась на него и улыбалась, а онъ тогда говорилъ ей:

— Сколько липоваго цвѣта запуталось въ твоихъ волосахъ!

Эльзбе Уль шла впереди Фите Крея, рядомъ съ рослымъ весельчакомъ Гарро Гейнзеномъ, тоже однимъ изъ Улей. Эльзбе сіяла отъ счастья. Правда, сама она казалась черезчуръ маленькой, черезчуръ толстой, черезчуръ угловатой и черезчуръ шумной, но это не приходило ей въ голову. Съ ней въ парѣ шелъ взрослый, четырнадцатилѣтній мальчикъ, и онъ старался занимать свою даму умными разговорами.

Процессія прошла по всей деревнѣ и дошла до самой низины, какъ разъ до того мѣста, гдѣ ростутъ двѣ крѣпкія молодыя липы. Впереди всѣхъ шли барабанщикъ и трубачъ, и сбоку —высокій, худой и важный—выступалъ школьный учитель Петерсъ. По одному краю дороги, подъ самыми липами шли Ули съ раскраснѣвшимися и жизнерадостными лицами, а по другому краю шли Креи, и всѣ одинаково любовались и гордились своими дѣтьми. Процессія направилась къ трактиру.

Первыми вошли туда дѣти, за ними Ули, а потомъ уже Креи.

Старыя стѣны дрожали отъ неистоваго топота, во всѣхъ углахъ слышался трескъ и валилась штукатурка.

— Послушай, Юргенъ, я боюсь, что это все обрушится,— сказала Лизбета Юнкеръ, перебѣжавъ къ мальчику черезъ всю танцовальную залу.

— Ну, вотъ еще что̀ придумала! Давай-ка лучше танцовать.

И они танцовали, ничего не видя и не слыша вокругъ себя. Наконецъ имъ стало такъ жарко, что они принуждены были остановиться.

— Нѣтъ, какъ мнѣ жарко!—сказала дѣвочка, обмахиваясь носовымъ платкомъ и поводя плечами. И она громко разсмѣялась.

— Пойдемъ, я куплю тебѣ чего-нибудь выпить,—предложилъ Іёрнъ.

И они, взявшись за руки, пробрались черезъ толпу къ столику, гдѣ продавался лимонадъ. Они купили себѣ стаканъ питья и роспили его вдвоемъ. При этомъ она сунула ему въ руку нѣсколько имбирныхъ леденцовъ. Они грызли леденцы и все время вытирали разгоряченныя лица носовыми платками. Ихъ руки стали липкими.

— Ну, это не годится,—сказала Лизбета;—ты такъ запачкаешь мое платье.

И, послюнивъ платокъ, она вытерла пальцы сначала ему, потомъ себѣ. Затѣмъ, показавъ, какъ нужно держать платокъ, чтобы не прикасаться рукой къ платью во время танцевъ, она объявила:

— Теперь пойдемъ опять танцовать.

И они опять принялись танцовать и танцовали до полнаго изнеможенія. Она, наконецъ, такъ устала, что не могла сдѣлать больше ни шага, и, тяжело дыша, прислонилась къ мальчику.

Довольный и счастливый, смотрѣлъ онъ на свою даму спокойными, умными глазами.

— Тебѣ нравится танцовать со мной?—вдругъ спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтила она,—и даже очень нравится. Вѣдь ты самый лучшій и самый умный изъ всѣхъ.

Онъ весь вспыхнулъ.—И ты тоже всѣхъ лучше!—проговорилъ онъ.

— Посмотри,—сказала она,—посмотри на Эльзбе! Ужъ очень она большая шалунья. Не нравится мнѣ это.

— Вижу,—отвѣтилъ онъ.—Она съ Гарро Гейнзеномъ. И мнѣ тоже не особенно нравится, что она такая шалунья. Мнѣ, вотъ, нравится, что ты всегда такая спокойная и все у тебя въ порядкѣ.

Дѣти танцовали до тѣхъ поръ, пока на смѣну имъ не явилась молодежь. Около десяти часовъ, въ танцовальной залѣ уже не оставалось почти ни одного мальчика и ни одной дѣвочки. Лизбета ушла одна изъ первыхъ вмѣстѣ съ своимъ дѣдушкой.

— Я хочу идти домой. Гдѣ же Эльзбе?—спросилъ Іернъ Фите Крея.

— Ну, гдѣ же ей быть?—отвѣтилъ сердито Фите.—Ужъ, навѣрное, она куда-нибудь удрала съ Гарро Гейнзеномъ.

Они прошли черезъ кегельбанъ, вышли въ садъ и стали звать дѣвочку; но никто не отзывался.

— Если ты не выйдешь сію минуту, то я разскажу всѣмъ, что ты спряталась въ саду съ Гарро Гейнзеномъ,—не особенно громко, но очень отчетливо сказалъ Фите.

Тогда послышались чьи-то торопливые шаги, и передъ ними появилась Эльзбе.

— Ахъ, это вы!—небрежно произнесла она.—То-то мнѣ послышалось, что меня зовутъ.

— Да, это мы, и ты сейчасъ же пойдешь вмѣстѣ съ нами домой.

Тогда изъ-за деревьевъ выступила угрожающая фигура Гарро Гейнзена.

— Ну, вы, тамъ, смотрите у меня!—грозно крикнулъ онъ.— А ты, Эльзбе, береги колечко!

И онъ направился назадъ, къ трактиру, а они втроемъ пошли домой.

— Онъ далъ тебѣ колечко?—спросилъ Фите Крей.—Покажи-ка мнѣ его, голубушка. Что оно—серебряное?

— А тебѣ какое дѣло?—гордо отозвалась дѣвочка.

— Покажи, Эльзбе!

— Золотое оно! Вотъ что. Ну, что, посмотрѣлъ?

— Вотъ такъ штука! Ну и колечко! А увѣрена ты, что оно изъ настоящаго золота? Я думаю, что оно все-таки не особенно дорого стоитъ, приблизительно—какихъ-нибудь пять грошей.

— Ну, ужъ нѣтъ. Гораздо дороже. Оно стоитъ цѣлыхъ десять марокъ.

— Ну, и оселъ же этотъ малый! Слушай, подари-ка мнѣ это колечко! Ну, что ты станешь съ нимъ дѣлать! Только подумай. Хочешь мѣняться? Я дамъ тебѣ за него...

Но возмущенная дѣвочка быстро перебѣжала на сторону Іёрна.

— Ничего не хочу!—отвѣтила она.—Какъ тебѣ не стыдно, Фите! У тебя все одна торговля на умѣ.

Начиная съ самаго полудня, все время пока дѣти танцовали, взрослые Ули и Креи съ ихъ родственниками, по старому обычаю, сидѣли въ двухъ смежныхъ комнатахъ, сообщавшихся между собою широкою дверью. Когда же дѣти возвращались по домамъ, и пуншъ, выпитый Улями и въ изобиліи посылаемый ими въ сосѣднюю комнату, начиналъ оказывать свое дѣйствіе, тогда одинъ изъ Креевъ, обыкновенно самый отважный между ними, взявъ свой стаканъ, отправлялся съ нимъ въ комнату рядомъ и садился между Улями.

Въ этомъ году этимъ смѣльчакомъ оказался Іогенъ Крей. Онъ явился съ лицомъ багроваго цвѣта, гордымъ взглядомъ смѣрилъ сидѣвшихъ Улей, ни слова не говоря, опустился рядомъ съ самимъ Клаусомъ Улемъ и со стукомъ поставилъ свой стаканъ на столъ.

— Мнѣ захотѣлось посидѣть и здѣсь!—объявилъ онъ.

Ули разсмѣялись, и кто-то крикнулъ:

— Вотъ прилетѣла и первая ворона!

И дѣйствительно, вслѣдъ за первымъ Креемъ, явились и остальные, и всѣ они молча разсѣлись между Улями.

Только одинъ-единственный разъ въ цѣломъ году приходилось Улямъ и Креямъ сидѣть рядомъ. Въ этотъ знаменательный день они всѣ становились на „ты“, называли другъ друга

„дорогими сосѣдушками“, вмѣстѣ пѣли старинныя пѣсни и даже обнимались. Это продолжалось часа три или четыре.

Но, вотъ, одинъ изъ Креевъ начиналъ чувствовать неодолимую потребность сказать правду въ глаза одному изъ дорогихъ „сосѣдушекъ“. Желаніе это встрѣчало полнѣйшее сочувствіе, къ нему быстро присоединялись остальные и выворачивали все раздраженіе, накопившееся у нихъ за цѣлый длинный годъ. И чего только не приходилось выслушивать Улямъ! Они слушали и дѣлались все больше и больше похожими на раздразненныхъ быковъ. Но, въ концѣ концовъ, терпѣнію ихъ наступалъ конецъ, и вотъ здѣсь-то начиналась рукопашная.

На другой день, послѣ полудня, присмирѣвшіе Креи, пристыженные и покорные, являлись просителями въ домъ тѣхъ же Улей. Тотъ, кого отсылали, приходилъ еще разъ и еще разъ. И все потому, что положеніе Креевъ безъ помощи Улей было, по истинѣ, безвыходное. Они, рѣшительно, не знали, гдѣ и кому сбывать всѣ свои метлы, вѣники, скребницы и щетки. Такимъ образомъ постепенно забывалась недавняя ссора, и все входило въ обычную колею.

IV.

Витенъ Пеннъ крикнула громко черезъ весь дворъ:

— Дѣти опять идутъ къ Тису Тиссену!

Клаусъ Уль, сѣвшій въ повозку, чтобы ѣхать въ городъ, что онъ дѣлалъ ежедневно, засмѣялся и сказалъ:

— Пусть-себѣ бѣгаютъ, куда хотятъ! Если имъ больше нравится на тощемъ торфяникѣ, чѣмъ на нашей тучной низинѣ, то не удерживай ихъ, Витенъ!

— Подождите, дайте мнѣ хоть хлѣба-то вамъ собрать.

Дѣти переступали съ ноги на ногу отъ нетерпѣнія. Наконецъ явилась Витенъ съ хлѣбомъ.

— Фите,—сказала она,—подойди-ка сюда!—И когда мальчикъ подошелъ, она проговорила тихо, поднявъ сжатую въ кулакъ руку:—Смотри, не наври у меня чего-нибудь дѣтямъ!—Потомъ засунула хлѣбъ въ карманъ Іёрну.—Ты самый разумный, Іёрнъ. Какъ придете, такъ ты сейчасъ же скажи Тису, чтобы онъ не устроивалъ съ вами никакихъ глупостей и отослалъ бы васъ домой во-время.

— Ну, вотъ!—произнесъ Фите.—Наконецъ-то все готово!

Онъ засунулъ два пальца въ ротъ и рѣзко свистнулъ дѣвочкамъ, уже спускавшимся съ пригорка. Одна изъ нихъ оберну-

лась и кивнула; это была Эльзбе Уль. А другая продолжала осторожно спускаться, стараясь не запачкать платья; это была Лизбета Юнкеръ. Она ходила въ школу со всѣми дѣтьми, но держалась немного въ сторонѣ и говорила на верхне-германскомъ нарѣчіи. Фите Крей былъ недоволенъ, что она пошла съ ними.

— Ужъ слишкомъ она большая недотрога!—говорилъ онъ про нее:—чуть я скажу грубое слово, какъ она ужъ пищитъ: „Ахъ, Фите, что ты такое говоришь"! Она все боится—то руки себѣ выпачкать, то платье разорвать.

Но Іёрнъ любилъ ее и хотѣлъ, чтобы она шла съ ними. Она была намного моложе Эльзбе, и съ нею всегда что-нибудь случалось. Тогда она начинала кричать высокимъ, тонкимъ голоскомъ:—Іёрнъ, помоги мнѣ!—И за это именно онъ ее любилъ.

— Ну,—сказала Эльзбе, когда мальчики присоединились къ нимъ:—куда же теперь идти, Фите?

— А куда глаза глядятъ... вонъ, къ тому дереву.—И онъ указалъ на далекое дерево, темнѣвшее на горизонтѣ.

Они сами всегда были удивлены, что, проходя черезъ рощи и лѣса, въ концѣ концовъ, все-таки непремѣннно приходили къ Тису Тиссену, а не попадали къ людоѣдамъ или въ одну изъ разбойничьихъ пещеръ, навѣрное еще существующихъ въ сѣверной части лѣса. Фите разъ натолкнулся на такую пещеру и увидалъ въ ней вѣдьму. Онъ такъ и окаменѣлъ на мѣстѣ, но, къ счастью, вспомнилъ заклинанье,—и это спасло его.

— Его надо три раза повторить,—закончилъ Фите свой разсказъ, и повторилъ его три раза. Заклинанье состояло изъ очень грубыхъ словъ.

— Ахъ, Фите!—воскликнула Лизбета:—что ты такое говоришь!

Фите только отмахнулся отъ нея рукой.

— Вѣдьма разсвирѣпѣла и бросилась за мною. Пойдемте, я покажу вамъ камни, которыми она въ меня кидала. Они еще тамъ лежатъ.

Но Лизбета не хотѣла идти. Іёрнъ подошелъ къ ней и сталъ тащить ее за руку.

— Ну, чего ты распищалась, какъ птичка-пищалка!

— Я тебя совсѣмъ не люблю, и хочу домой,—объявила она.

— Мы скоро вернемся,—постой здѣсь.

Она усѣлась на низенькую насыпь; остальные же пошли

дальше и, въ самомъ дѣлѣ, нашли кучу камней, полуприкрытую верескомъ и поблѣднѣвшую отъ солнца, вѣтра и дождя.

— Однако, Фите,—сказалъ Іёрнъ,—какой же у нея, должно быть, здоровый кулачище, если она могла швырять эти камни!

— Да, съ доброе корыто!—отвѣчалъ Фите невозмутимо.— Однако, бѣжимъ!

И они бросились назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ оставили Лизбету. Тамъ они улеглись всѣ рядомъ на насыпь, и Фите продолжалъ разсказывать о своихъ приключеніяхъ, и разсказы его были одинъ фантастичнѣе другого. Между прочимъ, онъ увѣрялъ, что своими глазами видѣлъ, проходя поздно вечеромъ мимо большой Песочной-Ямы, таинственнаго пастора. Этотъ пасторъ шелъ съ дарами къ умирающему, но вдругъ увидѣлъ, что его домъ горитъ, а въ домѣ у него хранились очень дорогія рѣдкія книги. Онъ сначала не зналъ, что ему дѣлать, но, наконецъ, вернулся и спасъ книги,—а больной умеръ безъ причастія. Съ тѣхъ поръ пасторъ лишился сна и скоро самъ умеръ, и попалъ въ адъ, но черти не захотѣли его держать у себя и поставили его въ большую Песочную-Яму.

— Ну, довольно, однако, — сказалъ Фите, докончивъ свой разсказъ;—пора намъ и идти, но только—куда мы пойдемъ?

Каждый разъ онъ заводилъ ихъ въ лѣсъ и, наразсказавъ имъ разныхъ ужасовъ, объявлялъ, что они заблудились. Дѣвочки страшно трусили, и даже Іёрнъ чувствовалъ себя не вполнѣ увѣренно. Плотно прижавшись другъ къ другу, стали они пробираться между деревьями и кустами. Эльзбе держала Фите за руку и со страхомъ заглядывала ему въ глаза, а онъ озабоченно озирался по сторонамъ, точно боялся, что ихъ каждую минуту можетъ кто-нибудь схватить. За ними шла Лизбета и то-и-дѣло наступала имъ на пятки. Іёрнъ былъ склоненъ не довѣрять вполнѣ разсказамъ Фите, но не смѣлъ возражать, такъ какъ Фите былъ гораздо опытнѣе и краснорѣчивѣе его. Однако, ему все-таки хотѣлось показать свое презрительное отношеніе къ страшнымъ разсказамъ. Поэтому онъ демонстративно шелъ сзади всѣхъ и только временами не могъ удержаться и оглядывался, когда ему ясно слышались сзади чьи-то шаги.

Наконецъ, лѣсъ сталъ рѣдѣть; Фите крикнулъ:

— Бѣжимъ!

И они бросились бѣжать, и бѣжали до тѣхъ поръ, пока не очутились возлѣ торфяныхъ ямъ въ Гезе. Тамъ, возлѣ наваленнаго въ кучу торфа, на травѣ лежалъ Тисъ Тиссенъ, прикрывъ лицо шапкой, и спалъ.

— Онъ пошелъ намъ на встрѣчу и заснулъ по дорогѣ,—сказала Эльзбе.—Вотъ соня-то!

— Станемъ вокругъ него и крикнемъ всѣ заразъ, - предложилъ Іернъ.

— Ого... го!

Однимъ прыжкомъ, не сгибая колѣнъ, какъ палка, вскочилъ съ земли Тисъ Тиссенъ.

— Что такое? — закричалъ онъ, ничего не понимая спросонья, но, увидавъ дѣтей, пришелъ въ себя, и къ нему вернулся даръ слова.

— Я вѣдь шелъ къ вамъ на встрѣчу,—сказалъ онъ,—но это мѣстечко шепнуло мнѣ: „Тисъ! они еще далеко, прилягъ на минутку“.

Его сухое, умное, маленькое лицо сіяло отъ радости.

— Фите, дружище, какъ хорошо, что вы пришли!

— А лодка готова, Тисъ?

— Въ полной исправности... Ну, и красивая же лодка!.. Я вѣдь когда-то хотѣлъ сдѣлаться морякомъ, дѣти, но у меня начиналась морская болѣзнь, если я съ плотины смотрѣлъ на Эльбу. Тогда я поступилъ въ ученье къ корабельныхъ дѣлъ мастеру, и все шло отлично, и я былъ бы теперь самъ мастеромъ, и у меня была бы собственная верфь, еслибъ не проклятая сонливость. Нечего смѣяться, Фите, ты слишкомъ глупъ и ничего не понимаешь, а я такъ отлично понимаю всѣхъ тѣхъ, которые въ „Спящей красавицѣ въ лѣсу“ заснули на сто лѣтъ. Тогда я рѣшилъ поступить въ латинскую школу, ибо для ученаго открытъ весь міръ. Въ школѣ тамъ былъ одинъ старый профессоръ, который говорилъ намъ: „Въ васъ, жителяхъ Дитмарша, нѣтъ никакой жизни. Вотъ въ Тисѣ Тиссенѣ есть жизнь, но онъ спитъ“. Словомъ, и съ науками дѣло не выгорѣло. Объ наукахъ думаютъ, что онѣ... это нѣчто въ родѣ дороги, на которой становится все свѣтлѣе, по мѣрѣ того, какъ подвигаешься по ней. А на самомъ-то дѣлѣ выходитъ наоборотъ, это—что-то въ родѣ тунеля или лисьей норы: войти-то войдешь, а потомъ и не знаешь, куда идти и съумѣешь ли выйти. Снова вернулся я домой, въ Гезе, и снова захотѣлось мнѣ пуститься по бѣлу-свѣту, но отецъ мой рѣшилъ, что съ него довольно. Онъ взялъ меня за шиворотъ, далъ мнѣ въ руки цѣпъ и поставилъ рядомъ съ нашимъ старымъ работникомъ, Клаусомъ Сумомъ; а если я заговаривалъ о путешествіи, то онъ, молча, показывалъ мнѣ кулакъ. Пришлось мнѣ удовольствоваться тѣмъ, что купилъ я себѣ атласъ и описанія разныхъ путешествій, а свои собственныя во-

ображаемыя путешествія нарисовалъ на стѣнахъ своей спальной. Вы вѣдь это знаете, дѣти!

— Отлично знаемъ,—отвѣтила Эльзбе.—Теперь веди насъ къ лисьей норѣ.

— Къ лисьей норѣ—такъ къ лисьей норѣ, только живѣе. У Трины ужъ навѣрное обѣдъ готовъ. У насъ сегодня будетъ свиная голова въ тѣстѣ.

Они отправились къ лисьей норѣ. Тисъ нашелъ ее за рощей, спрятанную въ желтоватомъ пескѣ.

— Выстрѣли въ нору!—сказала Эльзбе.

— Это совершенно ни къ чему!

— Все равно!—И она гнѣвно взглянула на него.—Стрѣляй, я тебѣ говорю!

Тисъ Тиссенъ всегда дѣлалъ все, что хотѣла Эльзбе. Какъ двадцать лѣтъ тому назадъ онъ исполнялъ всѣ капризы своей сестры, такъ теперь онъ подчинялся ея маленькой дочери.

Онъ вложилъ дуло ружья въ дыру, темнѣвшую въ пескѣ. Дѣти замерли въ ожиданіи.

Вдругъ на сосѣднемъ деревѣ громко и жалобно засвистала синица. Всѣ невольно обернулись въ ея сторону и увидали подъ деревомъ, на которомъ она сидѣла, среди свѣтлой, сухой травы что-то коричневато-желтое. Два горящіе глаза на узкой треугольной мордочкѣ смотрѣли необычайно умно на охотниковъ, стоявшихъ съ раскрытыми ртами. Тисъ, вытянувъ руки и сморщивъ все лицо, дико выстрѣлилъ въ нору. Фите Крей схватилъ обѣими руками свой подбитый желѣзомъ башмакъ, стащилъ его съ ноги и тяжело швырнулъ подъ дерево.

— Чортъ побери! — произнесъ Тисъ: — и здоровенный же хвостище у нея!

Эльзбе захлопала въ ладоши.

— Съ тобою всегда такъ! Что ты ни устроишь, никогда ничто не удается.

— Ну, дѣлать нечего! Пойдемте обѣдать.

Въ домѣ, въ которомъ Тисъ Тиссенъ провелъ почти всю свою жизнь, было несомнѣнное сходство съ головою самого Тиса Тиссена, и оставалось только невыясненнымъ, онъ ли съ годами сдѣлался похожъ на свой домъ, или домъ такъ приноровился къ своему хозяину. Домъ Тиса Тиссена былъ длинный и узкій. Высокая потемнѣвшая соломенная крыша выступала впередъ и свѣшивалась надъ маленькими блестящими окнами. Впереди нахо-

дился маленькій, довольно рискованной формы фронтонъ. Голова у Тиса Тиссена была длинная и узкая, и длинные темные волосы низко свѣшивались надъ ушами, ниспадая до маленькихъ блестящихъ глазъ, а на маленькомъ сухомъ лицѣ выступалъ, если не рискованно, то, во всякомъ случаѣ, очень смѣло, тонкій подвижной носъ.

Эльзбе часто говоритъ ему:

— У тебя голова, ну, совсѣмъ какъ твой домъ.

— Дѣти!—сказалъ Тисъ, когда они усѣлись за столъ:—хорошенько прогуляться и потомъ поѣсть свинины въ тѣстѣ—это лучше всего на свѣтѣ.

— Вотъ какъ! — сказала Эльзбе: — лучше всего на свѣтѣ? Ну, ужъ, мой милый, учитель Петерсъ лучше тебя знаетъ! „Лучше всего на свѣтѣ,—говоритъ онъ,—это—любовь“; и я такъ же думаю.

Тисъ такъ и замеръ съ вилкой въ рукѣ. Онъ вытаращилъ глазки, а брови его совсѣмъ исчезли подъ нависшими волосами.

„Именно это самое говорила твоя мать“,—подумалъ онъ, и произнесъ вслухъ:

— Любовь?.. къ кому?

Шустрая дѣвочка не имѣла опредѣленной мысли въ головѣ, но сейчасъ же нашлась:

— Любовь къ Богу,—проговорила она съ увѣренностью.

— Да-а!—протянулъ онъ, совершенно побѣжденный, и покачалъ головой.—Ну, Іёрнъ, теперь ты скажи. Фите Крей молчитъ, потому что для него всего интереснѣе свиныя головы и вѣдьмы, швыряющія камни. Но вѣдь ты, Іёрнъ, у насъ—мыслитель.

— На свѣтѣ всего лучше—работа, — отвѣчалъ Іёрнъ: — вотъ что!

Тисъ Тиссенъ опустилъ вилку съ удрученнымъ видомъ.

— Іёрнъ Уль!—произнесъ онъ:—всего я ждалъ, только не этого. Что̀ сказано въ Библіи, когда первые люди были изгнаны изъ рая? Въ потѣ лица будешь зарабатывать хлѣбъ свой! Что̀ это: благословеніе или проклятіе? Конечно—проклятіе, а ты говоришь, что это лучше всего на свѣтѣ! Я очень люблю,—продолжалъ онъ, помолчавъ, — читать о разныхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, именно потому, что они сокращаютъ работу, а когда-нибудь и совсѣмъ уничтожатъ ее.

— Ну, и что̀ жъ? — спросилъ Іёрнъ и перегнулся черезъ столъ:—что̀ же ты тогда станешь дѣлать?

— Каждый выберетъ по своему вкусу. Я, напримѣръ, ни-

чего не имѣю противъ продолжительной высыпки въ тѣни торфяной горы.

— Вотъ какъ!—произнесъ Іёрнъ.—Ну, а другіе...—Онъ смутился и запнулся: — другіе будутъ цѣлыми днями сидѣть въ трактирѣ.—Онъ покачалъ своей свѣтлой головой.—И Адамъ, и Ева еще до грѣхопаденія обработывали райскій садъ и играли другъ съ другомъ. И мы бы тоже работали, а потомъ играли бы. Такъ славно, не правда ли, Лизбета? Но многіе злы и нехорошо себя ведутъ, и поэтому мы должны сначала ходить въ школу, а когда выростемъ—работать.

Маленькая Лизбета, ничего не понимавшая изъ разговора, все время тыкала Іёрна въ плечо маленькимъ, острымъ пальцемъ.

— Поглядите-ка на его глаза! — сказала она: — они точно лиски, выглядывающія изъ своихъ норокъ, а волосы у него встали, какъ у ежа.

Она вспрыгнула къ нему и прижалась головкой къ его головѣ. Волосы у нихъ были одинаково свѣтлые.

— Ну, хорошо,—сказала Эльзбе,—только не шумите, а то мнѣ не слышно, что говорятъ.

— Теперь,—сказалъ Тисъ,—вы должны посмотрѣть, какое удивительное путешествіе я совершилъ за эту недѣлю.

Они прошли за нимъ въ его спальную. Это была большая комната съ оштукатуренными стѣнами. Въ ней стояли только кровать Тиса, сундукъ и два стула. На стѣнахъ отъ потолка до пола были нарисованы синимъ карандашомъ пять частей свѣта и оба полушарія. На стульяхъ лежали стопками книги. Тисъ разсказалъ дѣтямъ, что за эту недѣлю проѣхалъ съ Ливингстономъ среднюю Африку, проводилъ съ нимъ ночи у костра и питался вяленымъ козьимъ мясомъ. Онъ взялъ книгу и прочелъ, какъ англійскій естествоиспытатель заключилъ миръ съ страшнымъ негритянскимъ царемъ. Онъ поднималъ руку и читалъ очень торжественно, но Эльзбе все-таки стало скучно.

— Если мы все здѣсь будемъ кваситься, — сказала она,— то не успѣемъ посмотрѣть лодку.

Всѣ съ нею согласились и отправились на берегъ.

Лодка, привязанная цѣпью, стояла въ коричневатой, темной болотной водѣ и имѣла нѣкоторое отдаленное сходство съ телячьимъ корытомъ. За десять шаговъ отъ нея несло смолой, которой были обильно залиты всѣ щели. Посреди возвышалась мачта съ желтымъ шолковымъ вымпеломъ, сдѣланнымъ изъ бабушкина платка.

Въ общемъ, лодка производила величественное впечатлѣніе. Всѣ засыпали Тиса похвалами и объявили, что на этотъ разъ онъ дѣйствительно сдѣлалъ нѣчто настоящее. Тисъ, чтобы еще увеличить свою славу, объявилъ:

— Первое плаваніе я совершу одинъ.

Онъ усѣлся осторожно на середину лодки и вытянулъ ноги. Эльзбе влѣзла на ивовый пень, свѣсившійся надъ водою, и стала причитать:

— Ну, что, если ты перекувырнешься? Головой-то внизъ, а ноги-то застрянутъ въ лодкѣ!

— Я? Перекувырнусь?

— Дружище Тисъ! Она ужъ какъ-то криво идетъ.

— Тисъ! Вѣдь ты знаешь, съ тобой всегда случаются несчастія!

— Ну, ужъ и всегда!

Онъ порылся въ карманѣ и вытащилъ и положилъ передъ собою три спички.

— Дружище Тисъ! Брось ты все это! Именно когда ты хочешь показать себя во всемъ великолѣпіи, тогда-то ты и ударяешь лицомъ въ грязь.

— Ужъ оставьте его! онъ и такъ, буквально, ударилъ лицомъ въ грязь.

Тисъ отпихнулся отъ берега въ темную воду, осторожно положилъ весло и потянулся за спичками. Лодка закачалась. Онъ чиркнулъ по доскѣ спичкой, но она не зажглась; тогда онъ поднялъ привычнымъ движеніемъ ногу, чтобы шаркнуть спичкой о подошву сапога. Лодка качнулась сильнѣе, огонь вспыхнулъ, смола загорѣлась, повалилъ дымъ, лодка перевернулась, и съ нею перевернулся Тисъ Тиссенъ.

Іёрнъ спрыгнулъ съ берега и стоялъ по колѣни въ водѣ.

— Еще булькаетъ,— тихо проговорилъ Фите Крей.

— Но смола!—воскликнула Эльзбе:—вѣдь онъ прилипъ!

Лизбета съ плачемъ побѣжала отъ берега.

Настала жуткая тишина. И дѣти, и болото затаили дыханіе.

Вдругъ вода начала шипѣть и кипѣть, вокругъ стали расходиться волны, и что-то черное, похожее на губку или на спину темной рыбы, показалось изъ воды. Отплевываясь, охая, захлебываясь и фыркая, вылѣзло это чудовище на четверенькахъ на берегъ.

— Ну, вотъ! — произнесъ Тисъ Тиссенъ и плюнулъ:—это случается съ лучшими суднами. Лодка была новой конструкціи, Іёрнъ, и вѣроятно немного маловата. Во всякомъ случаѣ мы

нѣчто видѣли, пережили и испытали. — Онъ еще разъ плюнулъ и пошелъ домой переодѣться, а Iёрнъ побѣжалъ за плачущею Лизбетой, схватилъ ее за руку и смѣшилъ ее до тѣхъ поръ, пока она не разсмѣялась. Но страхъ ея не вполнѣ прошелъ, и она просилась домой.

— Ну, вотъ видишь?—сказала Эльзбе:—опять начинается! вѣчно эта Лизбета хочетъ рано идти домой.

— И я повторяю, — вмѣшался Фите, — что ее нечего съ собою брать; она слишкомъ мала и черезчуръ ужъ жеманится. А ты всегда настаиваешь, чтобы мы ее брали.

Лизбета, выслушавъ выговоръ, стала возлѣ Iёрна и расплакалась.

— Я иду съ нею домой, — объявилъ Iёрнъ.—Сейчасъ же! А вы можете дѣлать, что хотите.

Но, конечно, всѣмъ хотѣлось идти вмѣстѣ.

Они подождали, пока Тисъ переодѣвался и онъ проводилъ ихъ черезъ лѣсъ до ихъ поля. Тамъ онъ долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ, прикрывъ глаза рукою, пока заходящее солнце совсѣмъ не ослѣпило его.

V.

При всякомъ удобномъ случаѣ Клаусъ Уль заводилъ рѣчь о томъ, что его младшій сынъ долженъ сдѣлаться ученымъ человѣкомъ.

— Iёрнъ у меня будетъ учиться,—говорилъ онъ,—это разумѣется само собою.

Когда же онъ бывалъ навеселѣ и въ приподнятомъ настроеніи, то уже безъ всякаго стѣсненія выражалъ свою завѣтную мысль словами:

— Онъ будетъ у меня ландфогтомъ!

Крестьяне и торговцы, его обычные собутыльники, разражались смѣхомъ при этомъ заявленіи и начинали пить за здоровье Iёрна Уля, будущаго ландфогта.

Клаусъ Уль такъ часто говорилъ о будущей учености своего сына, что для него стало уже вопросомъ чести привести въ исполненіе свою мысль. Съ этой цѣлью онъ обратился къ школьному учителю Петерсу и попросилъ его заняться съ сыномъ, чтобы подготовить мальчика въ гимназію.

Старикъ согласился и засадилъ Iёрна за англійскую книгу. Онъ былъ того мнѣнія, что изученіе англійскаго языка служитъ первой ступенью для пріобрѣтенія всевозможныхъ познаній, и

что, вообще, англійскій языкъ имѣетъ огромное значеніе въ свѣтѣ. Иногда, когда оставалось свободное время, они занимались слегка и латынью, но это случалось очень рѣдко, и въ концѣ концовъ латынь была окончательно заброшена.

Былъ чудный лѣтній день. На деревенской улицѣ, обсаженной деревьями и залитой солнцемъ, стояла тишина. Вѣтви разросшейся старой липы заслоняли окно, и комната была освѣщена какимъ-то таинственнымъ темно-краснымъ свѣтомъ.

Старый учитель Петерсъ сидѣлъ на диванѣ рядомъ со своимъ ученикомъ Юргеномъ. Передъ мальчикомъ лежала развернутая англійская книга, источникъ премудрости и всевозможныхъ знаній.

— Юргенъ! — сказалъ старикъ: — мнѣ нужно посмотрѣть пчелъ. Переводи-ка себѣ потихоньку, а я сейчасъ вернусь.

Онъ ушелъ, а Юргенъ продолжалъ переводить. Въ открытое окно влетѣла пчела и принялась съ жужжаньемъ кружиться по комнатѣ. Скоро разобрала она, что попала совсѣмъ не туда, куда ей было нужно, и зажужжала уже озабоченно. Потомъ она вылетѣла, но унесла съ собой всѣ мысли мальчика, и Іёрнъ долго просидѣлъ, мечтая и глядя въ открытое окно.

Постепенно Юргенъ начиналъ смотрѣть на Божій міръ иными глазами, чѣмъ прежде. Въ немъ развивалась любовь къ книгамъ, преимущественно къ тѣмъ, которыя давали точныя, опредѣленныя свѣдѣнія и изслѣдованія, основанныя на опытѣ.

— Мнѣ хотѣлось бы постигнуть весь міръ! — какъ-то сказалъ онъ Фите Крею.

Фите Крей уже конфирмовался и считался въ числѣ работниковъ въ домѣ Уля. Фите мечталъ разбогатѣть, а въ ожиданіи богатства—вырывалъ волосы изъ лошадиныхъ хвостовъ и сбывалъ ихъ довольно выгодно. Кромѣ того, ему удалось еще завести маленькую самостоятельную торговлю скребницами и кнутами.

Между тѣмъ, Юргенъ Уль все сидѣлъ передъ раскрытой англійской книгой и удивлялся людямъ, придумавшимъ для себя такой странный языкъ.

Всѣ окна въ домѣ были открыты настежь, въ липахъ громко распѣвали птицы, и пчелы неистово жужжали въ золотистомъ сумракѣ, образовавшемся между окномъ и густою листвою.

Вдругъ послышались чьи-то осторожные шаги. Шаги приближались, и въ раскрытое окно заглянула бѣлокурая голова Лизбеты Юнкеръ.

— Ты все еще сидишь за книгой? — сказала дѣвочка. — Иди-ка поскорѣе сюда!

— А что ты дѣлаешь? Все удишь?

— Да, ужу. Я ужъ поймала цѣлыхъ десять преогромныхъ колюшекъ, а сейчасъ какая-то рыба сорвала у меня съ удочки червяка. Выходи-ка поскорѣе! Дѣдушка навѣрное позабылъ о тебѣ. Успѣешь все доучить и потомъ. Вѣдь ужъ не такъ же трудно сдѣлаться ландфогтомъ!

Онъ оставилъ книгу и пошелъ за нею. Вообще, онъ никогда и ни въ чемъ не могъ отказать ей,—такой милой и умной она всегда казалась ему.

Они перелѣзли черезъ плетень и пробрались къ пруду. Тамъ они усѣлись на травѣ рядомъ подъ ольхой и стали тихо разговаривать. Она спросила объ Эльзбе и Фите.

— Ну, скажи-ка мнѣ, что собирается дѣлать Фите? Думаетъ ли онъ тоже сдѣлаться торговцемъ, какъ его отецъ и другіе Креи?

— Нѣтъ, онъ не хочетъ быть торговцемъ.

— А чѣмъ же онъ собирается быть?

— Да, видишь ли, это еще не рѣшено. Иногда онъ говоритъ, что отправится въ Калифорнію искать золото; ну, а иногда говоритъ, что будетъ кучеромъ... кажется, что у ландфогта.

— А, это, значитъ, у тебя! По-моему, это гораздо лучше, чѣмъ ѣхать за золотомъ... Ну, и жара же сегодня!

Она замолчала. Сіяло солнце и пѣли птицы. Удилище Лизбеты опускалось все глубже и глубже, а голова ея склонялась все ниже и ниже на плечо Іерна. Она задремала.

Удилище лежало совсѣмъ въ водѣ, а Лизбета спала, положивъ голову на плечо мальчика. Онъ чувствовалъ ея дыханіе, ея волосы касались его щеки. Онъ сидѣлъ неподвижно и задумчиво смотрѣлъ на разстилавшуюся передъ нимъ картину.

Откуда-то издали, все приближаясь, доносилось дребезжаніе колесъ. Іернъ прислушался. По деревенской улицѣ катилась какая-то повозка. Подъѣхавъ къ школьному дому, она остановилась. Дѣвочка проснулась, а учитель Петерсъ поспѣшно вышелъ изъ глубины сада и направился на встрѣчу къ сгорбленному, сѣдому господину, стоявшему уже у калитки сада.

— Милости прошу, войдите въ домъ, господинъ ландфогтъ! —сказалъ онъ.

— Благодарю, но я предпочитаю остаться въ саду,—отвѣтилъ ландратъ.—Погуляемъ немного. Жена послала меня къ вамъ за зимними яблоками.

Нѣкоторое время они обсуждали порученіе, возложенное на ландрата его женой, но вдругъ совершенно неожиданно гость заговорилъ серьезнымъ тономъ:

— Я пріѣхалъ къ вамъ еще и съ другой цѣлью,—сказалъ онъ.—Мнѣ хотѣлось узнать ваше мнѣніе о здѣшнихъ обывателяхъ, именно объ Уляхъ. На ваши слова можно вполнѣ положиться, такъ какъ вы знаете жизнь и людей.

Старикъ, польщенный оказываемой ему честью и побуждаемый желаніемъ принести пользу, отвѣтилъ, слегка понизивъ голосъ, слѣдующее:

— Клаусъ Уль — это самый худшій изъ всѣхъ, кто когда-либо пользовался большимъ вліяніемъ. Много людей имъ загублено. При кажущемся добродушіи онъ на самомъ дѣлѣ только высокомѣренъ и глупъ. Даже дѣти, и тѣ смѣются надъ его заносчивостью. Онъ прижимаетъ рѣшительно всѣхъ, кто имѣетъ къ нему какое-нибудь дѣло.

Говорившіе повернули на дорогу къ дому, и нѣкоторое время разговоръ ихъ не былъ слышенъ, но потомъ они снова вернулись къ пруду.

— Чего же и требовать отъ остальныхъ, если сами хозяева такъ живутъ. Все идетъ спустя рукава. Народъ разлѣнился, скотина заброшена, урожай плохъ. А самое худшее—это то, что дѣти у насъ не видятъ хорошихъ примѣровъ.

— Ну, а что скажете вы о здѣшнихъ женщинахъ?

— Что вамъ сказать о нихъ,—право, не знаю. Нѣкоторыя изъ нихъ нисколько не лучше своихъ мужей, даже, пожалуй, и хуже. Вѣдь дурная женщина ужъ если плоха, то плоха до конца. Попадаются у насъ и хорошія хозяйки, разумныя жены и добрыя матери, но это въ видѣ исключенія, и, къ сожалѣнію, ихъ очень и очень мало.

— Скажите мнѣ вотъ еще что: я случайно слышалъ, что среди крестьянъ появились какіе-то подозрительные люди, завлекающіе ихъ въ разнаго рода сомнительныя денежныя спекуляціи.

Учитель Петерсъ не сразу отвѣтилъ на этотъ вопросъ.

— Помнится мнѣ, что Клаусъ Уль какъ-то говорилъ при мнѣ съ Карстеномъ Ривертомъ о какихъ-то бумагахъ. Слышалъ я тогда отъ нихъ и слово „ultimo“. Что значитъ это „ultimo“, г-нъ ландфогтъ?

— А вотъ оно что... Вѣдь когда крестьянинъ начинаетъ заниматься денежными спекуляціями, то обыкновенно это кончается полнымъ разореніемъ. Не правда ли?

— Да, это обычный конецъ. Вотъ Іогенъ Миль въ три недѣли потерялъ цѣлыхъ сто-пятьдесятъ-тысячъ марокъ.

— Ну, и увлеченіе „ultimo“ ведетъ обыкновенно тоже къ

полнѣйшему банкротству. Однако, пойдемте въ садъ. Послѣ разговора о людяхъ, особенно хочется забыться и отдохнуть среди природы.

И они исчезли въ глубинѣ сада.

— Вотъ что! — сказалъ мальчикъ и вытащилъ удочку изъ воды:—теперь ужъ мнѣ пора приняться за книгу.

Вскорѣ послышался стукъ отъѣзжавшей коляски, и затѣмъ въ комнату вошелъ старикъ Петерсъ.

— Ты все еще здѣсь? — спросилъ онъ. — И ты все время сидѣлъ за книгой здѣсь у открытаго окна?

— Нѣтъ. Я былъ съ Лизбетой.

— Гдѣ же ты былъ?

— Внизу, у пруда. Мы ловили колюшекъ.

— Такъ... такъ...

Старикъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, посмотрѣлъ въ открытое окно и опять подошелъ къ мальчику.

— Такъ вотъ оно что! Знаешь, Юргенъ, мальчикъ долженъ умѣть молчать. Только въ такомъ случаѣ изъ него можетъ выйти порядочный человѣкъ.

— Я тоже могу молчать,—отвѣтилъ Іёрнъ Уль, уставившись на учителя пристальнымъ, пронизывающимъ взглядомъ.

— Вотъ и отлично. И вотъ что я еще скажу тебѣ, Юргенъ. Старые люди много хорошаго разсказывали мнѣ о твоемъ прадѣдушкѣ. Это былъ человѣкъ съ головой и сердцемъ, и однажды самъ король пріѣзжалъ къ нему въ гости. Наслѣдникомъ его былъ твой дѣдушка. Этого я зналъ уже самъ. Онъ былъ добродушный человѣкъ и большой весельчакъ, и это рѣшительно все, что о немъ можно сказать. Но вѣдь этого мало, и это плохо, когда о человѣкѣ нельзя сказать ничего больше. Когда онъ умеръ, твой отецъ наслѣдовалъ все... Твой отецъ...

Мальчикъ, не опуская глазъ, вызывающе смотрѣлъ на старика. „Прекрасно знаю, что ты мнѣ скажешь, но ни за что на свѣтѣ не покажу, что вѣрю тебѣ“,—казалось, говорилъ онъ.

Старикъ учитель встрѣтилъ этотъ взглядъ и запнулся. Пригладивъ сѣдую бороду и немного помолчавъ, онъ заговорилъ уже своимъ обычнымъ, сухимъ и вразумительнымъ, учительскимъ тономъ:

— Знаешь, что сказалъ великій поэтъ Гете, провозвѣстникъ истины нашего столѣтія?—„Чтобы овладѣть наслѣдіемъ отцовъ, его трудомъ пріобрѣсти ты долженъ“!.. Ну, теперь можешь идти, Юргенъ! Мнѣ нужно отправляться въ засѣданіе сберегательной кассы.

На другой день, рано утромъ, едва исчезли звѣзды на голубовато-сѣромъ небѣ, мальчикъ уже вскочилъ съ постели. Посвистывая и что-то напѣвая, онъ прошелъ черезъ домъ, громко хлопая дверями, и направился въ хлѣвъ. Тамъ Витенъ уже доила коровъ.

— Что съ тобой?—удивленно спросила она.—Вѣдь еще нѣтъ четырехъ часовъ.

Въ отвѣтъ онъ только разсмѣялся, и съ безпечнымъ видомъ объяснилъ, что ему было такъ жарко, что онъ не могъ дольше оставаться въ постели.

Онъ ушелъ отъ нея, громко посвистывая, но черезъ нѣсколько минутъ опять вернулся къ Витенъ въ хлѣвъ и спросилъ, что же дѣлаютъ работницы, и почему ихъ нигдѣ не видно.

— Вотъ съ ними мнѣ очень трудно. Онѣ обѣ до сихъ поръ еще валяются въ постели.

— Но вѣдь хозяйка-то ты. Прикажи имъ, чтобы онѣ вставали.

— Ну, это не такъ-то просто,—отвѣтила Витенъ.—Онѣ обѣ ужъ очень дружатъ съ Августомъ и Гиннеркомъ.

Тогда онъ направился къ дому и, проходя по корридору, швырнулъ мимоходомъ нѣсколько полѣньевъ въ дверь дѣвичьей. И все время, точно ранняя птица, онъ пѣлъ и свисталъ, не умолкая ни на минуту. Потомъ онъ опять вышелъ изъ дома и сталъ прогуливаться подъ окнами. Его братъ Гансъ какъ разъ въ это время пробирался по выгону къ дому. Іёрнъ, улыбаясь, направился къ нему на встрѣчу.

— А я думалъ, что ты еще въ постели!—привѣтливо сказалъ онъ.—Гдѣ же это ты былъ? На мельницѣ или на кузницѣ?

Тогда братъ, подойдя къ нему ближе, ударилъ его.

— Дуракъ! — произнесъ онъ пьянымъ голосомъ, и новымъ ударомъ въ грудь втолкнулъ мальчика въ конюшню. Онъ собирался ударить его и еще разъ, но не устоялъ на ногахъ и схватился за лошадь. Та, испугавшись, стала бить копытами.

Въ эту минуту изъ глубины стойла показался Фите Крей.

— Это еще что? Ты, кажется, собираешься бить Іёрна? Только попробуй! Мы вдвоемъ такъ тебя вздуемъ, что ты и не встанешь, —сказалъ онъ.

Послѣ обѣда, когда отецъ, по обыкновенію, собрался ѣхать въ городъ, Іёрнъ попросилъ дать ему самому запречь лошадей.

Устроивъ все какъ слѣдуетъ, онъ подкатилъ къ дому, и здѣсь, соскочивъ на землю, сталъ ждать отца, придерживая за поводья

лошадь. Отъ времени до времени онъ слегка похлопывалъ ее по ноздрямъ, припѣвая:

— Ultimo—это вздоръ! Ultimo—вздоръ!

Клаусъ Уль услышалъ это и спросилъ:—Что это съ нашимъ тихоней, Витенъ?—И онъ громко разсмѣялся.

— Не знаю, но онъ поетъ сегодня съ самаго утра,—отвѣтила та.

— Что такое ты тамъ распѣваешь?—спросилъ сына Клаусъ Уль, выходя на крыльцо.

— Ничего особеннаго,—равнодушнымъ тономъ отвѣтилъ мальчикъ.—Вотъ ландратъ былъ вчера у учителя, и я случайно слышалъ, какъ онъ говорилъ ему: „Всѣ, кто увлекается „ultimo“, кончаютъ разореніемъ“.

— Вотъ какъ!..—произнесъ, вскакивая въ повозку, Клаусъ Уль, и онъ разразился самымъ безпечнымъ хохотомъ.—Такъ смотри же, Iёрнъ, берегись „ultimo“!

Мальчикъ звонко разсмѣялся, а отецъ стегнулъ лошадь, и повозка укатила, но даже съ дороги нѣкоторое время все еще доносился до дома громкій, жизнерадостный хохотъ Клауса Уля.

Хотя Iёрнъ въ это время сильно росъ и ему было трудно рано вставать, тѣмъ не менѣе онъ заставлялъ Фите Крея каждое утро будить себя, и какъ бы нечаянно появлялся въ кухнѣ, въ хлѣву, обходилъ дворъ и поля. Для всѣхъ въ домѣ этотъ мальчикъ олицетворялъ собою упрекъ безпокойной, чуткой совѣсти.

Между тѣмъ Эльзбе и Лизбета съ осени стали ходить въ школу шитья къ старушкѣ, женѣ учителя Петерса. Кромѣ шитья, онѣ учились у нея еще слегка и французскому языку.

Эльзбе Уль, рожденіе которой стоило жизни ея матери, была необыкновенно жизнерадостнымъ существомъ. Эта повышенная жизнерадостность встрѣчается довольно часто у людей маленькаго роста, но родившихся отъ крѣпкихъ и рослыхъ родителей. Для своихъ одиннадцати лѣтъ Эльзбе была очень мала, но при этомъ крѣпка и гибка какъ молодой ясень. Старшіе братья относились къ дѣвочкѣ съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ, но зато съ Юргеномъ и съ Фите Креемъ у нихъ была одна душа и одно сердце. Часто, когда дѣвочка, послѣ полудня, возвращалась изъ деревни домой, они оба поджидали ее у конюшни, а она, завидѣвъ ихъ, поднимала высоко узелокъ съ книгами и размахивала имъ въ знакъ привѣтствія, повернувъ голову немного вбокъ. Это называлось у нея „показывать профиль“. Фите увѣрялъ, что у нея очень красивый профиль, особенно съ одного

бока. Вообще, Фите, не переставая, все время ухаживалъ за дѣвочкой, что нисколько не мѣшало ему имѣть настоящую возлюбленную въ лицѣ одной изъ работницъ, Трины Кюль.

Какъ-то разъ, когда они всѣ трое были во дворѣ, къ нимъ подошелъ старикъ съ бѣлыми какъ ленъ волосами, съ красивымъ умнымъ лицомъ, и спросилъ ихъ, дома ли хозяинъ. Эльзбе отвѣтила, что отецъ ушелъ въ деревню, но скоро вернется.

— Мнѣ нужно съ нимъ поговорить,—сказалъ незнакомецъ.

Они всѣ трое смотрѣли на старика. Онъ показался имъ очень утомленнымъ.—Пройдите въ комнату и тамъ подождите хозяина!—радушно предложилъ Фите.

Эльзбе и Іёрнъ пошли проводить старика въ домъ, но въ корридорѣ встрѣтились съ выходившими изъ кухни старшими братьями.—Это кого вы еще притащили?—спросилъ Гансъ.

Дѣти объяснили, что старикъ пришелъ по дѣлу къ отцу.

— Все это хорошо,—сказали братья,—но зачѣмъ же вести его сразу въ парадную комнату? Проведите его въ комнату Фите Крея.

Старикъ прошелъ вмѣстѣ съ дѣтьми въ каморку работника. Усѣвшись тамъ, онъ ласково спросилъ:—Вѣдь вы младшія дѣти Клауса Уля?

— Да,—отвѣтила Эльзбе.—Мнѣ двѣнадцать лѣтъ, а Іёрну—четырнадцать.

— Вы славныя дѣтки,—сказалъ старикъ,—а вотъ ваши старшіе братья людей по платью встрѣчаютъ. Очень ужъ они у васъ важные.

— А мы такъ совсѣмъ простые,—серьезно проговорилъ Іёрнъ,—и въ трактиръ никогда ходить не будемъ.

— Ну, а какъ же, когда тамъ балъ!—воскликнула Эльзбе.

— Я, все равно, не пойду,—объявилъ Іёрнъ, и пошелъ посмотрѣть, не идетъ ли отецъ.

Завидѣвъ его издали, онъ подбѣжалъ къ нему и сказалъ:

— Тамъ, въ людской, тебя дожидается какой-то человѣкъ. Ему нужно съ тобой поговорить.

— Какъ въ людской?—переспросилъ Клаусъ Уль, и его лицо сразу омрачилось. Поспѣшными шагами направился онъ въ комнату Фите Крея, отшвырнувъ рукою попавшагося ему на дорогѣ Ганса. Въ людской онъ засталъ старика, разсказывавшаго Эльзбе о Тисѣ Тиссенѣ, котораго онъ хорошо зналъ. Дѣвочка стояла около него совсѣмъ близко и слушала, не спуская съ гостя глазъ.

— Идемъ-ка отсюда прочь!—сказалъ Клаусъ Уль.—Мнѣ

очень жаль, что мои глупые сыновья засадили тебя сюда, Мартенсъ.

Старикъ слегка отмахнулся рукой.—Я вѣдь не въ гости пришелъ,—сказалъ онъ:—мнѣ нужно потолковать съ тобой о моихъ восьмидесяти тысячахъ марокъ. Дочка моя замужъ собралась.

Юргенъ опять выбѣжалъ изъ комнаты и очутился въ кухнѣ у Витенъ. Въ эту минуту она стояла у корыта и стирала. Юргенъ ухватился за ея фартукъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ маленькія дѣти, и стоялъ до тѣхъ поръ, пока она не спросила:—Что съ тобой, Іёрнъ? Уходи-ка поскорѣе отсюда! Тебѣ здѣсь не мѣсто.—Но въ эту минуту онъ такъ посмотрѣлъ на нее, что она сразу замолчала и стала гладить рукой его свѣтлые волосы.—Хорошо, что матери твоей нѣтъ въ живыхъ,—сказала она.

Эту фразу, или вообще что-нибудь въ этомъ родѣ, она повторяла при всякомъ удобномъ случаѣ, и хотя ея слова не всегда были совсѣмъ ясны и понятны мальчику, но у него все-таки постепенно составилось представленіе, что мать мало подходила къ ихъ дому. Въ домѣ не было ея портрета, но пылкое воображеніе Іёрна рисовало ему, что она съ убитымъ лицомъ бродитъ по дому. Только почему-то онъ представлялъ ее себѣ высокой и тонкой,—она же была маленькая и круглая. Эльзбе впослѣдствіи очень походила на мать.

Въ этотъ день вечеромъ, когда отецъ, какъ всегда навеселѣ, но почему-то раньше обыкновеннаго вернулся домой,—къ нему на встрѣчу вышелъ Іёрнъ.

— Отецъ, вѣдь если у насъ будетъ много долговъ, то намъ придется продать все хозяйство,—проговорилъ онъ прерывающимся голосомъ и расплакался. Отецъ ударилъ его и оттолкнулъ отъ себя. Мальчикъ убѣжалъ въ людскую и проспалъ ночь у Фите Крея.

Съ этого дня онъ всегда убѣгалъ куда-нибудь подальше, когда до него доносился безпечный и громкій смѣхъ отца.

VI.

Возлѣ хлѣва, недалеко отъ входной двери, стоялъ старый деревянный сундукъ, обращенный въ ящикъ для корма. Онъ былъ дубовый и украшенъ рѣзными изображеніями, кое-гдѣ стертыми отъ времени. Слѣва былъ представленъ блудный сынъ въ богатой одеждѣ и съ тяжелымъ мѣшкомъ съ деньгами, собираю-

щійся покинуть отцовскій домъ, а справа—тотъ же блудный сынъ, возвращающійся въ рубищѣ. Подъ изображеніемъ находилась надпись, раздѣленная замочною бляхою на двѣ части: „Благословеніе Божіе обогащаетъ безъ труда“. Внизу стояло: „Клавесъ Уль 1624“.

Триста лѣтъ тому назадъ, этотъ сундукъ составлялъ лучшую и самую дорогую вещь въ хозяйствѣ Улей, но съ теченіемъ времени люди пріобрѣтали богатство и утрачивали вкусъ. Сундукъ нѣсколько разъ ярко выкрашивали, пока совершенно не исчезло тонкое выраженіе фигуръ, и наконецъ сдѣлали изъ него ящикъ для корма скота. Но именно потому, что о немъ больше не заботились, краска стала облупляться и отваливаться кусками, и твердое сѣрое дерево опять выглянуло на свѣтъ Божій. Этотъ сундукъ, прожившій столько времени среди людей, могъ бы многое поразсказать, и несомнѣнно обладалъ сердцемъ, только языка у него не было. Усѣвшись на сундукъ, венторфскія дѣти любили поболтать и строили трудные и серьезные планы жизни вмѣстѣ съ Фите Креемъ, уже конфирмовавшимся и поступившимъ къ Улямъ, въ качествѣ младшаго работника.

— Фите, иди скорѣй!—закричали дѣти:—давай здѣсь ужинать.—Іёрнъ сѣлъ на сундукъ, положивъ рядомъ съ собою книги и кусокъ хлѣба. Эльзбе уже сидѣла на ящикѣ и болтала отъ нетерпѣнія ногами. Фите поставилъ на мѣсто ведро и однимъ прыжкомъ вскочилъ на сундукъ, крикнувъ:—All right!

Онъ любилъ подхватить какое-нибудь слово или выраженіе и повторять его.

— Значитъ, рѣшено,—началъ Іёрнъ:—если я уйду изъ дому, то ты здѣсь останешься и за всѣмъ присмотришь; а то иначе мнѣ не сдѣлаться ландфогтомъ.

— Да, да!—медленно и раздумчиво, мужскимъ груднымъ голосомъ произнесъ Фите.—Трудно мнѣ было на это рѣшиться,—ужъ очень прежде тянуло меня въ Калифорнію,—но съ годами становишься разумнѣе. Рѣшено,—я здѣсь остаюсь.

— Черезъ нѣсколько лѣтъ ты женишься,—продолжалъ Іёрнъ,—и будешь у насъ старшимъ работникомъ. Ты уже присмотрѣлъ себѣ жену?

— Тамъ видно будетъ,—отвѣчалъ Фите Крей:—женщинъ довольно на свѣтѣ!

Нѣсколько времени они ѣли молча, запивая хлѣбъ поочередно свѣжимъ молокомъ изъ большой чашки. Наконецъ Фите вытеръ губы и, пристукнувъ пустой чашкой, поставилъ ее на сундукъ.

— Можешь спокойно дѣлаться ландфогтомъ и положиться на меня: я обо всемъ здѣсь позабочусь,—сказалъ онъ. Іёрнъ забралъ свои книги и ушелъ въ садъ, шагая медленно и задумчиво. Эльзбе пододвинулась поближе къ Фите.

— Ну, вотъ мы и одни,—сказала она.—Знаешь, я видѣла сегодня Гарро Гейнзена. Чего онъ мнѣ только ни наразсказалъ! Какой онъ умный, я тебѣ скажу!

— Ты, знаешь, съ нимъ не очень-то...—сказалъ Фите.—Вѣдь тебѣ извѣстно, въ какихъ мы находимся съ тобой отношеніяхъ.

— Ахъ, мнѣ все извѣстно!

— Ну, то-то же. Іёрнъ будетъ ландфогтомъ, и намъ не помѣха. Августъ скоро женится и получитъ другой дворъ. Гинрихъ—въ солдатахъ, и Ганса на слѣдующій годъ заберутъ. А всѣ говорятъ, что будетъ война. Навѣрное одного изъ нихъ убьютъ, а другой получитъ отдѣльный дворъ. И останешься одна ты, крошечка! Отецъ твой состарится и скажетъ: „Дѣти, благословляю васъ, женитесь и покойте меня на старости лѣтъ". Это навѣрное такъ будетъ.

Она разсѣянно кивнула головой и опять заговорила о Гарро Гейнзенѣ.

— Его сестрѣ восемнадцать лѣтъ, и она уже невѣста. Черезъ шесть лѣтъ и я могу быть невѣстой. Если тебѣ тогда нельзя будетъ на мнѣ жениться, то я выйду за другого.

— Перестань, не говори ты мнѣ больше про этого Гарро Гейнзена! Онъ—дуракъ.

— Ахъ!—произнесла она, вытянулась и закинула назадъ голову.—Теперь ты мнѣ что-нибудь разскажи. Гарро Гейнзенъ всегда такъ много разсказываетъ о разныхъ важныхъ господахъ, какъ у нихъ тамъ все... Знаешь, когда я буду большая, я все буду танцовать, все танцовать, танцовать, пока не упаду. Когда мы будемъ мужемъ и женой, ты долженъ будешь водить меня на всѣ танцы.

— Хорошо,—согласился Фите Крей.—На всѣ танцы. Это—дѣло рѣшенное.

— Сначала уложимъ дѣтей, а ужъ тогда и отправимся.

— Отлично.

Она засмѣялась, забарабанила ногами по сундуку, раскачиваясь то въ ту, то въ другую сторону.

— Вотъ жизнь-то будетъ!

— Ну, а теперь уходи, крошка!—сказалъ Фите Крей.—Мнѣ нужно здорово работать, чтобы скорѣе стать главнымъ работникомъ.

Но когда она ушла, онъ снова присѣлъ на сундукъ, тихонько посвистывая.

„Она будетъ моею женой, — подумалъ онъ: — это такъ же вѣрно, какъ то, что я здѣсь сижу; но въ Улѣ я и дня не останусь. Съ ея денежками я поселюсь гдѣ-нибудь въ Гамбургѣ или еще дальше и начну торговлю или открою гостинницу. А и глупа же дѣвчушка,—но все-таки не такъ глупа, какъ Іёрнъ: буду я весь свой вѣкъ работникомъ въ Улѣ! Придумалъ, нечего сказать“!

Клаусъ Уль проводилъ почти все свое время въ трактирѣ или въ обществѣ односельчанъ за картами, политическими разговорами и шутками. Дома ему не сидѣлось и онъ чувствовалъ себя въ немъ неловко и неуютно. О воспитаніи и образованіи своего младшаго сына онъ не заботился и отгонялъ отъ себя непріятную мысль о предстоявшемъ Іёрну экзаменѣ, потому что терпѣть не могъ попадать въ смѣшное положеніе. Его просто испугало, когда Іёрнъ въ одинъ прекрасный день объявилъ ему:

— Учитель Петерсъ получилъ письмо, что мнѣ послѣ-завтра надо держать экзаменъ. Значитъ, я поѣду съ тобою въ городъ?

Клаусъ Уль сдѣлалъ озабоченное лицо, но оно быстро прояснилось, и онъ сказалъ:

— Знаешь, что я придумалъ? Тебя отвезетъ Тисъ Тиссенъ; это ему доставитъ большое удовольствіе.

И Тисъ Тиссенъ явился въ своей старой повозкѣ за племянникомъ.

— Какое безобразіе,—сказала Витенъ,—что Уль не самъ ѣдетъ съ мальчикомъ. Я вѣдь знаю, отчего онъ это дѣлаетъ.

Іёрну было тяжело и стыдно, и много лѣтъ спустя онъ все еще краснѣлъ, вспоминая о поведеніи своего отца. Уныло и молча сидѣлъ онъ въ повозкѣ Тиса. Трина Кюль, возлюбленная Фите Крея, стояла въ дверяхъ кухни съ двумя другими работницами. Онѣ подсмѣивались надъ Тисомъ и желали успѣха Іёрну. Онѣ любили его, несмотря на его молчаливость и задумчивость, удивлялись его пристрастію къ книгамъ и считали ученымъ. Фите Крей съ порога хлѣва махнулъ вилами и крикнулъ:

— All right, Тисъ!

Эльзбе подтрунивала надъ высокимъ цилиндромъ Тиса и сказала:

— Тисъ, ты все всегда дѣлаешь шиворотъ-навыворотъ. Такія шляпы надѣваютъ только на похороны.

— Ну, ужъ трогайте!—крикнула Витенъ.—Всего хорошаго,

Іёрнъ! Мнѣ кажется, что сегодняшній день принесетъ тебѣ счастье... не знаю только, какое именно... мнѣ это не совсѣмъ ясно.

Уже выѣхавъ изъ деревни, они вдругъ увидали бѣгущую съ пригорка Лизбету Юнкеръ.

— Тисъ, остановись, подожди!—кричала она и, граціозно вскочивъ на подножку, сунула въ руку уныло сидѣвшему Іерну большое, красивое яблоко.

— Это послѣднее яблоко въ домѣ, всегда оно мнѣ достается, но теперь ты его возьми.

Она быстро спрыгнула на землю и смущенно и задорно погрозила пальцемъ.

— Когда сдѣлаешься ландфогтомъ!.. смотри тогда!.. Ну, трогай Тисъ!

Молча доѣхали они до города и, оставивъ лошадей на постояломъ дворѣ, пошли пѣшкомъ по тихимъ улицамъ въ гимназію. Такъ какъ Тисъ, по скромности своей, никогда никуда не входилъ черезъ парадное крыльцо, то и теперь они прошли боковой дверью въ подвальное помѣщеніе педелей. Тамъ сидѣлъ служитель за столомъ; передъ нимъ стоялъ его утренній кофе, и утреннее солнце играло и искрилось на блестящей посудѣ.

— Я, вотъ, привезъ рекрута,—заговорилъ привѣтливо Тисъ: —его готовилъ венторфскій учитель Петерсъ. Онъ знаетъ поанглійски, ну и остальное все, что̀ требуется. Собирается быть ландфогтомъ.

Служитель взглянулъ на нихъ черезъ очки и произнесъ:

— Я его проведу; тамъ уже начали.

Онъ ушелъ съ Іёрномъ, а Тисъ усѣлся на солнышкѣ, осторожно держа шляпу на колѣняхъ, и приготовился къ пріятному разговору.

— Скажите, пожалуйста, почтеннѣйшій,—началъ онъ, когда служитель вернулся:—сколько времени требуется, чтобы пройти всю школу?

— Это зависитъ отъ того, начнетъ ли мальчикъ съ начала, или перешагнетъ черезъ нѣсколько классовъ.

— Я думаю, нашъ перешагнетъ. Первое—онъ учился уже два года у учителя Петерса, а второе—онъ сынъ Клауса Уля.

— Клауса Уля изъ Венторфа?

— Того самаго. Учителя будутъ знать, что за угощеньемъ онъ не постоитъ.

— Многіе начинаютъ гимназію, да не многіе кончаютъ.

— Ну, ужъ нашъ-то кончитъ. Цѣлыми днями онъ за кни-

гами сидитъ и ничего не видитъ и не слышитъ. Забралъ себѣ въ голову, что будетъ ландфогтомъ.

Въ эту минуту въ дверяхъ показался Іёрнъ, съ слегка поблѣднѣвшимъ, длиннымъ, тонкимъ лицомъ.

— Мнѣ рѣшительно все равно, Тисъ, что придется начинать съ самаго начала. Я хочу только выучиться чему-нибудь!— и, видя недоумѣніе Тиса, онъ прибавилъ: — Все спутали. Требуютъ латынь, и мнѣ придется проходить самый младшій классъ. Каждый день бывалъ онъ въ городѣ, и не могъ узнать, что требуютъ: латынь или англійскій языкъ. Но все равно, я хочу быть ландфогтомъ, и сказалъ имъ тамъ, наверху, что пріѣду еще разъ, послѣ Пасхи. Начну все съ начала, мнѣ все равно... пойдемъ!

Молча совершили они и обратный путь.

Когда они подъѣхали къ дому, изъ кухни къ нимъ выбѣжала Эльзбе, вся заплаканная. Она такъ сильно и часто всхлипывала, что плечи у нея все время вздрагивали.

— Что случилось? Крошка, кто тебя обидѣлъ?

Но она не была въ состояніи говорить. Вслѣдъ за нею появилась Витенъ и объяснила:

— Подумайте только: Уль зашелъ случайно въ конюшню, а тамъ сидятъ Фите и Эльзбе рука въ руку и говорятъ о томъ, какъ поженятся и будутъ жить. Уль схватилъ Фите за шиворотъ и вышвырнулъ его изъ конюшни. Теперь мальчуганъ собираетъ свои пожитки у себя въ комнатѣ, а дѣвочка, вотъ, реветъ.

Въ эту минуту появился Фите Крей съ узелкомъ подъ мышкой.

— А все ты виновата!—завопилъ онъ, обращаясь къ Витенъ.—Теперь мнѣ приходится идти въ Гамбургъ, а я даже не знаю, гдѣ онъ. Ты мнѣ все разсказывала про Ганса, какъ онъ свое счастье нашелъ, и про мѣшки съ золотомъ, и про метельщика, сдѣлавшагося королемъ.

Тисъ слѣзъ съ повозки.

— Слѣзай же, Іёрнъ, чего ты сидишь? Пойди сюда, Эльзбе! Да перестань же плакать!

Но она вырвалась у него изъ рукъ, подбѣжала къ Фите Крею, схватила его за руку и закричала:

— Онъ не долженъ уходить, онъ не долженъ уходить! Я его такъ люблю, я его такъ люблю!

Но Фите Крей отвернулся отъ нея и опять завопилъ дикимъ голосомъ:

— Вотъ увидите... я возвращусь и буду жить въ Улѣ. Устрою здѣсь большую метельную фабрику съ паровыми машинами.

Онъ поднялъ кулаки такъ, что узелокъ выскользнулъ у него

изъ-подъ руки и упалъ на землю. Онъ нагнулся, поднялъ его и пошелъ черезъ дорогу, въ домъ своего отца.

Витенъ прошла въ свою комнату и сѣла за работу. Сначала она чувствовала только гнѣвъ и стыдъ. Она таинственно, въ полголоса разсказывала объ этихъ вещахъ дѣтямъ, какъ о мудрости иного міра, отъ другихъ скрытаго, но для нея немного видимаго. Она думала, что стоитъ объ нихъ разсказывать, чтобы наполнять душу слушающихъ ужасомъ и страхомъ, любовью и радостью. А этотъ мальчикъ отнесся къ нимъ грубо, какъ къ простымъ повседневнымъ предметамъ, и выкрикивалъ ихъ среди бѣла дня на улицѣ. Она уронила руки съ работой на колѣни, и чья-то невидимая рука стала показывать ей одну за другой картины страданій, нужды и смерти когда-то знакомыхъ ей людей; и одна картина была печальнѣе другой. Потомъ представился ей Фите Крей, уходящій далеко, безъ руководителя, одинъ съ своими пестрыми фантазіями. Она оглядѣлась и, увидавъ, что въ комнатѣ никого нѣтъ, закрыла лицо рукою и тихо заплакала.

Когда стемнѣло, Фите Крей вышелъ изъ отцовскаго дома, все съ тѣмъ же узелкомъ въ рукахъ. Мать его сидѣла за печкой и причитала:

— Фите, вѣдь тебѣ только-что минуло семнадцать лѣтъ. Не уходи ты такъ далеко!

Она думала объ остальныхъ своихъ дѣтяхъ, уѣхавшихъ въ Америку и еще Богъ вѣсть въ какія страны.

— Уйду подальше, куда глаза глядятъ,—отвѣчалъ Фите.— Онъ меня хлыстомъ ударилъ, живодёръ проклятый!

Онъ снова громко заплакалъ и погрозилъ кулакомъ большому старому дому и высокимъ амбарамъ, огромныя соломенныя крыши которыхъ безмолвно темнѣли подъ высокими тополями и ясенями. Ясперъ Крей вышелъ вслѣдъ за сыномъ на порогъ дома.

— Куда ты пойдешь—это все равно,—сказалъ онъ,—а потому ты не можешь заблудиться. Старайся сдѣлаться настоящимъ человѣкомъ. Если негодяемъ сдѣлаешься—не приходи къ намъ больше; а если добьешься чего-нибудь—понавѣдайся.

— Можешь быть увѣренъ, что я вернусь,—раздалось изъ темноты.

Іёрнъ Уль вышелъ проводить Фите Крея, и они молча дошли до такъ-называемаго „Золотого родника“. Вода въ немъ была свѣжая и прозрачная, всегда пополнявшаяся невидимымъ под-

земнымъ ключомъ. Избытокъ воды съ легкимъ журчаньемъ скрывался среди заросли. Двѣ или три звѣзды, загорѣвшіяся въ небѣ, какъ разъ надъ родникомъ, отразились яркими точками въ неподвижной водѣ. Со стороны моря дулъ вѣтерокъ, и въ вѣткахъ съ сухими листьями слышался поспѣшный, неумолкающій шопотъ. Фите остановился и задумчиво посмотрѣлъ на воду.

— Хотѣлъ бы я знать, что̀ тамъ на днѣ, — проговорилъ онъ,—и можно ли его достать и ощупать.

— А развѣ ты не пойдешь на Каменную гору возлѣ Гезе?— спросилъ Іёрнъ, думая утѣшить его.—Ты всегда говорилъ, что тамъ цѣлыя груды золота, слитки величиною въ дѣтскую голову.

Фите Крей энергично покачалъ головой. Эти дѣтскія головы существовали только въ его головѣ. Въ этотъ вечеръ вымыселъ отдѣлился для него отъ дѣйствительности. Слитки золота величиною въ дѣтскую голову — были вымыселъ, но Золотой родникъ существовалъ въ дѣйствительности. Они пошли по тропинкѣ и поднялись на гору.

— Ну, теперь возвращайся домой,—проговорилъ Фите,— дальше я одинъ пойду.

И Іёрнъ, ничего не сказавъ на прощанье, пошелъ назадъ черезъ поле.

А Фите вернулся къ роднику, быстро раздѣлся и, схватившись за длинную толстую вѣтку, свѣсившуюся съ берега, осторожно влѣзъ въ воду. Она приходилась ему до плечъ. Онъ двигался по всѣмъ направленіямъ въ холодной водѣ, ощупывая дно ногами, но ничего твердаго не попадалось. Чувствовался только мягкій песокъ и истлѣвшіе листья. Тогда онъ вылѣзъ и простоялъ нѣсколько мгновеній, не надѣвая рубашки. Онъ не чувствовалъ рѣжущаго холода, стегавшаго его тонкими желѣзными розгами; онъ стоялъ и смотрѣлъ въ воду, отвѣчавшую ему тихимъ, печальнымъ взглядомъ, какъ будто ей было больно и жаль скрывать такъ глубоко свою тайну.

На перекресткѣ Фите Крея поджидала Трина Кюль, съ такимъ же узелкомъ, какъ и у него, подъ мышкой и въ платьѣ, сшитомъ для конфирмованія, изъ котораго она уже успѣла вырости.

— Гдѣ ты запропастился?—спросила она. Вмѣсто отвѣта, онъ тоже спросилъ ее:

— Ты въ самомъ дѣлѣ хочешь со мною идти?

— Да,—отвѣчала она.—Клаусъ Уль не додаетъ мнѣ платы, потому что я выросла въ бѣдной семьѣ, да еще требуетъ благодарности. Въ Гамбургѣ я себѣ тоже мѣсто найду.

И они пошли рядомъ по горѣ. На встрѣчу имъ дулъ вѣтеръ, летѣли сухіе листья и крутился песокъ.

Послѣ Пасхи начались занятія въ школѣ, но Іёрнъ Уль въ школу не пошелъ и объявилъ, что останется дома и будетъ работать. Отецъ сталъ браниться и даже побилъ его, но Іёрнъ стоялъ на своемъ, не объясняя причинъ.

Вечеромъ, когда онъ уже легъ въ постель, къ нему пришла Витенъ, чтобы утѣшить его, и спросила, почему онъ измѣнилъ свое рѣшеніе. Онъ такъ сильно и горячо плакалъ, что сначала не могъ отвѣчать, но потомъ выговорилъ сквозь рыданья, что никто не заботится о скотинѣ, кромѣ него, что рабочіе бьютъ лошадей ногами и портятъ ихъ, и у одной уже образовалась рана на колѣнѣ. Фите Крей тоже не Богъ вѣсть какъ хорошо смотрѣлъ за лошадьми, а ужъ безъ него, да если еще и онъ, Іёрнъ, уйдетъ, такъ совсѣмъ ужасы начнутся.

— А ты думаешь, мнѣ это легко и я радъ, что остался?— закончилъ онъ, всхлипывая.—Но ужъ мнѣ теперь никакая книга на умъ нейдетъ. И останусь я такимъ же глупымъ, какъ всѣ другіе!..

VII.

На другой день утромъ Іёрнъ надѣлъ рабочую куртку, которую Фите Крей, уходя изъ дома Клауса Уля, со злобой швырнулъ объ стѣну. Съ этого момента онъ какъ-то разомъ охладѣлъ къ школѣ и весь ушелъ въ работу.

Ему пришлось переносить много непріятностей отъ прислуги и работниковъ. Они считали его за равнаго, и затрудненіе состояло въ томъ, что они все-таки были его подчиненными. Онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы они работали добросовѣстно, и требовалъ къ себѣ почтительнаго отношенія. Они относились къ нему дружелюбно, пока онъ работалъ наравнѣ съ ними, но какъ только выходилъ изъ роли простого работника и начиналъ слѣдить за тѣмъ, какъ они работаютъ, онъ сразу становился имъ непріятенъ. Завидѣвъ гдѣ-нибудь неподвижно стоящій среди поля плугъ или замѣтивъ, что разболтавшіяся работницы позабыли доить коровъ, онъ, засунувъ руки въ карманы, спѣшилъ большими шагами, чтобы возстановить порядокъ. Онъ всегда старался это дѣлать съ улыбкой и такъ, чтобы никого не обидѣть.

Рабочіе между собою называли его „ландфогтомъ" и подсмѣивались надъ нимъ.

Насмѣшки его не обижали. Вообще, съ самой юности онъ выработалъ въ себѣ стремленіе къ главному и презрѣніе къ мелочамъ, и это было важное пріобрѣтеніе для всей его послѣдующей жизни.

Въ этотъ періодъ своей жизни Іёрнъ выше всѣхъ окружавшихъ его людей ставилъ старика Дрейера. Этотъ человѣкъ началъ съ очень малаго или, вѣрнѣе, съ ничего, цѣлыхъ сорокъ лѣтъ работалъ изо всѣхъ силъ, жилъ крайне бережливо, и только къ семидесяти годамъ добился нѣкотораго достатка.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Дрейеръ поссорился съ Клаусомъ Улемъ, и не кланялся, и не смотрѣлъ никогда на его старшихъ дѣтей. Когда же его зоркіе глаза замѣчали работающаго въ полѣ долговязаго Іёрна, то онъ, перепрыгивая черезъ канавы, пробирался къ нему, разспрашивалъ его о дѣлахъ и самъ сообщалъ ему громкимъ, увѣреннымъ голосомъ разныя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ собственнаго многолѣтняго опыта. Этого старика, съ умнымъ безбородымъ лицомъ и едва тронутыми сѣдиной, длинными до плечъ волосами, Іёрнъ слушалъ такъ, какъ только слушаютъ въ церкви. Слова старика были для Іёрна въ эти годы своего рода евангеліемъ. Трудиться, быть трезвымъ, бережливо и умно хозяйничать—вотъ къ чему стремился въ эти годы Іёрнъ Уль.

Съ каждымъ днемъ онъ становился все ненавистнѣе отцу и старшимъ братьямъ. Для нихъ онъ былъ ежедневнымъ и молчаливымъ укоромъ. Неувѣренность въ собственныхъ сужденіяхъ относительно другихъ, болѣе взрослыхъ членовъ семьи, свойственная шестнадцатилѣтнему юношѣ, мѣшала Іёрну открыто выражать свое порицаніе. Онъ имѣлъ обыкновеніе держаться отъ нихъ какъ можно дальше, ни однимъ словомъ не отвѣчалъ на ихъ насмѣшки, и только весь вспыхивалъ, когда они смотрѣли, какъ онъ исполняетъ ту работу, которую, въ сущности, должны были дѣлать они. Но именно этотъ его робкій, удрученный видъ больше всего и раздражалъ ихъ, такъ какъ въ немъ читали они безмолвное обвиненіе себѣ.

По вечерамъ Іёрнъ и Эльзбе имѣли обыкновеніе сидѣть съ Витенъ въ комнатѣ, выходившей въ корридоръ. За послѣдніе годы Витенъ какъ-то притихла и видъ у нея былъ удрученный. Особенно рѣзко сказалась въ ней эта перемѣна послѣ того дня, когда Фите Крей выкрикнулъ ей на весь дворъ свои упреки. У этой женщины была такая изумительная память и такая сила вообра-

женія, что все, что она пережила или даже только услышала, не отходило въ область прошлаго, но стояло неотступно предъ нею никогда не блѣднѣющими образами. Когда она была моложе, то жизненная энергія помогала ей справляться съ этими картинами, вызывая на первый планъ свѣтлыя и радостныя, но надвигавшаяся старость ослабила ее, и тогда все темное въ ея воспоминаніяхъ властно выступило впередъ.

Іёрнъ по вечерамъ чувствовалъ себя смертельно уставшимъ отъ тяжелой работы. Онъ былъ глухъ и тупъ ко всему окружающему, мало говорилъ и рано шелъ спать.

Витенъ и Іёрнъ были плохими товарищами для маленькой живой Эльзбе. Голова дѣвочки работала все сильнѣе и сильнѣе, и постепенно всѣ ея стремленія сосредоточились въ потребности любить.

Старшіе братья выбрали для себя лицевую комнату. Тамъ собирались къ нимъ товарищи. Имъ удалось подобрать и подходящихъ къ нимъ, на все готовыхъ дѣвушекъ. По временамъ, когда чей-нибудь громкій голосъ или заглушенный дѣвичій смѣхъ долеталъ до молчаливыхъ и тихихъ Витенъ, Эльзбе и Іёрна, дѣвочка поднимала красивую черноволосую голову и безпокойно озиралась на дверь.

Замѣтивъ это, Іернъ сразу выходилъ изъ своего оцѣпенѣнія и тотчасъ же начиналъ о чемъ-нибудь говорить, чтобы отвлечь отъ дверей вниманіе сестры. Но она не поддавалась на его хитрость и, вскочивъ съ своего мѣста, безпокойно переходила отъ окна къ дверямъ. Иногда она отворяла дверь и выглядывала въ корридоръ. Тогда изъ-за стола раздавались два встревоженные голоса:

— Эльзбе! Ты куда? Запри двери!—И она покорно возвращалась опять къ столу, съ опущенной головой, и думала:

„Только бы мнѣ вырости! Ахъ, только бы мнѣ вырости“!

По воскреснымъ днямъ Іёрнъ до полудня обыкновенно работалъ въ конюшнѣ, но, отъ времени до времени, навѣдывался въ комнаты посмотрѣть, что дѣлаетъ Эльзбе. По вечерамъ дѣвочка отправлялась къ какой-нибудь изъ своихъ прежнихъ подругъ, а онъ въ это время отдыхалъ отъ своей тяжелой работы и сидѣлъ у себя въ комнатѣ или шелъ поговорить съ Ясперомъ Креемъ, возлѣ его дома.

Старый Дрейеръ былъ наставникомъ Іёрна въ практической жизни; Ясперъ же Крей расширялъ его міросозерцаніе и выводилъ его на широкій путь общечеловѣческой мудрости. У Яспера, какъ и у всѣхъ Креевъ, было свое прошлое. Въ молодые годы

онъ побывалъ на сѣверѣ Германіи, какъ разъ въ то время, когда народъ настоятельно требовалъ признанія своихъ правъ и добивался принимать участіе въ управленіи. Ясперъ Крей изъ Венторфа не ограничился ролью безучастнаго зрителя. Черезъ нѣсколько времени, однако, онъ вернулся домой, слегка возбужденный, слегка запыхавшійся и какъ будто растерянный, однимъ словомъ, приблизительно въ такомъ состояніи, въ какомъ бываетъ танцоръ, неожиданно вытолкнутый изъ бальной залы, когда онъ, озираясь, идетъ дальше съ такимъ видомъ, точно съ нимъ не случилось ничего особеннаго. Такимъ именно вернулся Ясперъ въ Венторфъ.

Еслибы онъ не женился или, просто, повременилъ бы съ женитьбой, то почти навѣрное покинулъ бы опять родину, чтобы снова попробовать свои силы. Но, подъ первымъ тягостнымъ впечатлѣніемъ, онъ сразу же по возвращеніи и, быть можетъ, повинуясь смутному желанію наложить на себя узду, женился на очень ограниченной дѣвушкѣ, и притомъ до такой степени привязанной къ Маріендонну, что на нее нападала тоска по родинѣ, когда изъ ея глазъ скрывалась труба родного дома. Потомъ пошли дѣти, явились болѣзни, и забота о хлѣбѣ насущномъ захватила его цѣликомъ. Онъ сдѣлался поденщикомъ Улей, и уже давно понялъ, что никогда не будетъ ничѣмъ инымъ. Зимою, въ свободное время, онъ дѣлалъ вѣники, щетки и скребницы. Однимъ словомъ, по виду, онъ сталъ совсѣмъ какъ другіе.

Но иногда его схватывала какая-то тревога, и когда наступало время выборовъ, онъ ходилъ изъ дома въ домъ, поучая и возбуждая равнодушныхъ или невѣжественныхъ въ политикѣ людей. Затѣмъ его возбужденіе проходило, и онъ опять становился такимъ, какъ другіе, но по временамъ въ его головѣ шевелились прежнія пестрыя мысли.

Возлѣ старой, низкой домовой стѣны онъ не разъ, въ воскресные вечера, разговаривалъ съ Іёрномъ о томъ, какъ все идетъ на бѣломъ свѣтѣ. Жена Яспера сидѣла, обыкновенно, у открытаго окна. Потомъ возвращались домой утомленныя и набѣгавшіяся дѣти и тихо укладывались спать. Старшій сынъ, Августъ, говорилъ какъ-то плохо и дурно учился въ школѣ. Онъ былъ такой же ограниченный, какъ и его мать, и совсѣмъ не интересовался тѣмъ, что̀ говорили между собой отецъ съ Іёрномъ.

— Іёрнъ,—сказалъ какъ-то разъ Ясперъ Крей:—знаешь ты, что̀ говорится въ Старомъ Завѣтѣ? Конечно, ты этого не знаешь. Тамъ говорится, что каждыя пятьдесятъ лѣтъ земля под-

лежитъ новому раздѣлу. Вы, Ули, ужъ слишкомъ долго сидите на вашей землѣ! Пора и намъ, Креямъ, попользоваться вашимъ обширнымъ и богатымъ хозяйствомъ. Говорю я тебѣ: у насъ на вашихъ дворахъ дѣло пойдетъ куда лучше, чѣмъ у васъ на нашихъ пескахъ. Пора и вамъ похозяйничать на пескахъ, Іёрнъ. Ты только представь себѣ твоего отца: ѣдетъ это онъ съ собачьимъ фургономъ, Іёрнъ, подъѣзжаетъ, ну, къ моему, что-ли, двору и спрашиваетъ: „Дома ли господинъ Крей"?.. Вотъ такъ именно и спрашиваетъ: „господинъ Крей". А я, значитъ, оглядываю его съ головы до ногъ и говорю: „Времени у меня нѣтъ, чтобы заняться тобою, Уль. Обратись къ моей женѣ".

Въ это время жена Яспера крикнула изъ окна:

— Ты что-то, кажется, ужъ слишкомъ заврался!

— Молчи, Трина!... Видишь ли, въ чемъ дѣло-то, Іёрнъ. Когда ты подставляешь лицо вѣтру и открываешь ротъ, чтобы набрать побольше свѣжаго воздуха, то ни единый человѣкъ не крикнетъ тебѣ: „Эй, ты, убирайся вонъ! Это—мой вѣтеръ"! Но когда ты куда-нибудь приткнешься и начинаешь въ потѣ лица обработывать столько земли, сколько тебѣ требуется, чтобы напитать самого себя и своихъ дѣтей, тогда люди поднимаютъ крикъ: „Убирайся! моя земля"! Легкія и желудокъ—отъ самого Господа Бога, Іёрнъ, получили право быть сытыми. Но если ты имѣешь уже пищу и платье, то уже довольствуйся этимъ. А по-моему, Іёрнъ, если захочется человѣку пріобрѣсти и еще что-нибудь своимъ умомъ и прилежаніемъ, такъ и это тоже должно быть ему вполнѣ разрѣшено.

— Ну, вотъ, это мнѣ не совсѣмъ ясно,—сказалъ Іёрнъ.

— Нѣтъ? Странно! А еще у тебя такой длинный и какъ будто умный носъ. Да развѣ мало земли и правительство не можетъ распоряжаться ею, какъ хочетъ? Ты мнѣ только скажи, мало ли плохо обработанной земли въ Шлезвигъ-Голштиніи? Въ хорошихъ рабочихъ рукахъ она приносила бы вдвое больше.

— Ну, не скажи! Вѣдь далеко не всѣ рабочіе прилежны, бережливы и трезвы,—замѣтилъ Іёрнъ.—Развѣ ты забылъ, что случилось съ тобой, когда ты получилъ тысячу-двѣсти марокъ?

— Полно, малый,—нечего старое-то вспоминать.

— Я,—продолжалъ Іёрнъ и ударилъ по колѣну своей длинной рукой,—я увѣренъ, что достанься мнѣ сегодня же десять тысячъ марокъ, я не истрачу безполезно ни единой, хотя мнѣ всего шестнадцать лѣтъ. Какъ ты думаешь?

— Молчи!—остановилъ его Ясперъ Крей.—Давай говорить о чемъ-нибудь другомъ.

Въ это время изъ комнаты, изъ того угла, гдѣ помѣщалась кровать, послышался негодующій ропотъ, похожій на гулъ надвигающейся къ вечеру грозы. Трина Крей, въ ночной кофточкѣ, показалась въ окнѣ.

— Я тебѣ разскажу все подробно, Іернъ.

— Начинается! — прошепталъ Ясперъ Крей и подмигнулъ Іёрну.

— Получили это мы въ наслѣдство отъ покойницы-тетки Стины тысячу-двѣсти марокъ. Сестра ея, Трина, жива еще и посейчасъ. Получили это мы деньги въ цеховомъ судѣ. Выдали намъ цѣлую кучу блестящихъ золотыхъ монетъ и талеровъ; завязали мы ихъ въ платокъ и унесли домой. Ну, первое время все шло хорошо; только вскорѣ стала я замѣчать, что у Яспера точно начинаетъ пропадать аппетитъ. Случалось и такъ, что онъ бросалъ работу и со всѣхъ ногъ бѣжалъ домой, чтобы пересчитать деньги въ своемъ ящикѣ. Ночью онъ совсѣмъ не могъ спать. Такъ прошло восемь дней, и съ каждымъ днемъ у насъ все шло хуже и хуже. Стала я бояться, что онъ рехнется, и посовѣтовала ему снести деньги въ сберегательную кассу. Вотъ онъ и отнесъ ихъ туда, и получилъ взамѣнъ этакую маленькую желтую книжку. Съ этихъ поръ пошло у насъ ужъ совсѣмъ плохо. И чего только я не вынесла тогда съ этимъ человѣкомъ, Іёрнъ! Разъ, ночью, вскочилъ онъ съ постели и сталъ искать свою книжку, не нашелъ ее сразу-то и на цѣлый домъ принялся кричать, что это я ее украла. Тогда я посовѣтовала ему: „Возьми назадъ деньги“! Онъ такъ и сдѣлалъ. А вотъ что̀ ты думаешь, Іёрнъ, дальше-то было? Пропилъ онъ ихъ, Іёрнъ! Ничего больше какъ пропилъ. Въ карты игралъ онъ, кричалъ, ссорился со мной, съ Улемъ, съ дѣтьми, съ учителемъ Петерсомъ. Въ домѣ у насъ былъ постоянный крикъ и шумъ. Да, это былъ тяжелый у насъ годъ! Много горя и нужды приняла я тогда. Потомъ деньги пришли къ концу, а съ ними кончилась и его забота о нихъ. Увидѣлъ онъ, что ему опять нужно работать, и съ этихъ поръ все у насъ опять пошло хорошо: онъ опять, какъ подобаетъ всякому доброму христіанину, сталъ заботиться о женѣ и дѣтяхъ. Тогда Фите было пять лѣтъ, Іёрнъ. Ахъ, Іёрнъ, и гдѣ это теперь мой Фите?

И она захлопнула окно.

— Трина не очень умна, но въ этомъ случаѣ она права, — сказалъ Ясперъ Крей. — Деньги пришли ко мнѣ неожиданно, и ихъ было черезчуръ ужъ много. Я не былъ подготовленъ къ

этому. Но, вотъ, когда умретъ другая тетка—я покажу тебѣ, какъ нужно распоряжаться деньгами!

— Съ деньгами явится и забота; а чтобы избавиться отъ нея, ты пропьешь ихъ.

— Какъ? — спросилъ Ясперъ Крей и посмотрѣлъ укоризненнымъ взглядомъ на своего собесѣдника.—Вѣдь каждый человѣкъ долженъ же, въ концѣ концовъ, образумиться!

— Да, это бываетъ со многими, но далеко не со всѣми, — отвѣтилъ Іёрнъ, и съ тяжелымъ раздумьемъ посмотрѣлъ на свой домъ, стоявшій по другую сторону дороги, подъ тѣнью ясеней и тополей.

Какъ-разъ въ этотъ самый вечеръ, въ книжной лавкѣ на одной изъ гамбургскихъ улицъ, около церкви св. Петра, сидѣлъ молодой человѣкъ, поджидая, не явится ли еще какой-нибудь запоздавшій покупатель. И дѣйствительно, дверь вдругъ отворилась и въ лавку вошелъ молодой рабочій. Вошедшій былъ крѣпкій, коренастый малый, въ сѣрой рабочей курткѣ, съ круглымъ и свѣжимъ лицомъ, быстрыми глазами и рыжими волосами. Остановившись у прилавка, онъ молча посмотрѣлъ на продавца, и когда тотъ медленно поднялся съ своего мѣста, покупатель выложилъ на прилавокъ довольно основательную стопку серебра.

— Вотъ на это мнѣ хочется купить книгъ,—объявилъ онъ.

— Книгъ?

— Ну, да, книгъ! Слыхали вы про то, что нѣкій Теодоръ Штормъ написалъ книгу?

— Штормъ? Да, у насъ есть книга его разсказовъ.

— Разсказы? Я не совсѣмъ ясно понимаю, что это, но боюсь, что это не то, что мнѣ нужно. Видите ли, я объясню вамъ все откровенно. Служу я разсыльнымъ въ торговомъ заведеніи, здѣсь, по Германштрассе, и я долго поджидалъ, пока вы останетесь одинъ въ лавкѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: у меня, на родинѣ, живетъ одна старая дѣвушка, Витенъ Пеннъ. Вотъ она-то и разсказала мнѣ, что Теодоръ Штормъ собирался написать книгу вмѣстѣ съ какимъ-то Мюлленгофомъ. Именно эту книгу мнѣ и хотѣлось бы купить. Вотъ вамъ и деньги за нее.

Продавецъ сѣлъ за свою конторку и нѣкоторое время, молча, смотрѣлъ на страннаго покупателя большими, удивленными глазами.

— Какъ вы сказали? Штормъ и Мюлленгофъ? Но какую же это книгу они могли собираться вмѣстѣ писать?

— Да вотъ... однимъ словомъ... собирались они писать о томъ, какъ сдѣлаться умнымъ и богатымъ. Въ этомъ вся суть.

При этихъ словахъ продавецъ даже приподнялся съ своего мѣста.

— Долженъ я вамъ сказать,—проговорилъ онъ,—что подобныхъ книгъ совсѣмъ и не существуетъ. А если вы желаете знать, о чемъ писалъ Штормъ, то подождите минутку... Вотъ его книга... Это просто разсказы о хорошихъ, мечтательныхъ людяхъ, одаренныхъ глубокой натурой. Штормъ—одинъ изъ нашихъ великихъ писателей.

Покупатель покачалъ головой и, закусивъ губы, покосился на прилавокъ.

— Значитъ, права была Витенъ, когда говорила, что изъ него никогда не выйдетъ ничего путнаго.

— Мое мнѣніе вотъ какое,—сказалъ продавецъ, убирая съ прилавка разложенныя книги:—вы можете прочитать съ начала до конца всѣ находящіяся здѣсь книги, и отъ этого не только не поумнѣете, а сдѣлаетесь даже глупѣе, чѣмъ были. Нельзя набраться ума изъ книгъ. Надо многое пережить, чтобы достигнуть мудрости. Позвольте мнѣ дать вамъ одинъ совѣтъ. Если вы хотите непремѣнно сдѣлаться умнымъ и богатымъ, то поѣзжайте туда, гдѣ совсѣмъ нѣтъ книгъ. Знаете ли что̀: еслибы только у меня не было отца и я не зналъ бы навѣрное, что мать выплачетъ себѣ глаза, то я сейчасъ бы уѣхалъ въ Америку! Вотъ что̀ сдѣлалъ бы я, и тогда пускай кто-нибудь попробовалъ бы мнѣ сунуть въ носъ книгу. Ужъ я бы ему показалъ!

— Вотъ какъ!—произнесъ Фите Крей.—Такъ, вотъ, значитъ, какого вы мнѣнія. Такъ!—И, энергично кивнувъ головой, онъ забралъ съ прилавка деньги и засунулъ ихъ обратно въ карманъ.—Отецъ съ матерью не очень-то убиваются обо мнѣ. А я хочу сдѣлаться богачомъ во что̀ бы то ни стало. Объ Америкѣ много приходилось мнѣ слышать и очень хорошаго, и очень дурного, только середины я ни отъ кого рѣшительно не слыхалъ. Я рѣшилъ ѣхать туда!

— И поѣзжайте, непремѣнно поѣзжайте! Когда же вы тамъ устроитесь и будетъ у васъ время и охота, то напишите на имя старшаго ученика, въ книжную торговлю „Герольда“. А какъ ваше имя?

— Я Фите Крей изъ Венторфа.

VIII.

Одинъ разъ, лѣтомъ, когда начинала созрѣвать жатва и липы стояли увѣшанныя желтоватыми цвѣтами, Іёрнъ Уль проходилъ мимо школы, съ косаремъ на плечѣ, къ кузнецу. Вдругъ ягода крыжовника ударилась въ его шапку, и, быстро обернувшись, онъ увидалъ среди кустовъ бѣлокурую голову Лизбеты и услышалъ ея сдержанный голосъ:

— Послушай, Юргенъ, поди-ка сюда!

Онъ оглядѣлся, чтобы убѣдиться, что ихъ никто не видитъ, снялъ шапку и подошелъ къ ней. Они за послѣднее время рѣдко видались и, встрѣчаясь, обмѣнивались только поклонами. Онъ съ утра до ночи былъ занятъ тяжелой деревенской работой, а она посѣщала городскую школу. Онъ огрубѣлъ и отяжелѣлъ, а она становилась все красивѣе и изящнѣе. Онъ все это смутно сознавалъ, и держался въ сторонѣ отъ нея.

Теперь, опершись о дощатый заборъ, она сообщила ему, что, окончивъ школу, собирается сдѣлаться учительницей. Это его очень удивило, потому что онъ не зналъ, что существуютъ учительницы. Онъ робко спросилъ ее, не зайдетъ ли она какъ-нибудь къ Эльзбе.

— Ахъ!—сказала она и привычнымъ движеніемъ откинула назадъ голову: — Эльзбе старше меня, и я думаю, что ей со мною страшно скучно. Она еще недавно, какъ-то вечеромъ, когда было совсѣмъ темно, подошла къ моему окну и говорила, что я ничего не понимаю, что я еще совсѣмъ точно ребенокъ...—Она задумалась и опустила голову.—А ты придешь къ намъ?—спросила она, помолчавъ.

Онъ даже испугался.

— Нѣтъ, я не могу,—быстро отвѣтилъ онъ,—я все время работаю.

— Да ты въ домъ къ намъ можешь и не приходить, а вечеромъ... въ садъ.

Онъ быстро взглянулъ на нее. Его удивляло, что на свѣтѣ могло существовать такое очаровательное существо; но свиданье съ нею смущало его. Однако, она такъ настойчиво его уговаривала, что онъ, наконецъ, долженъ былъ согласиться.

Цѣлый день онъ только и думалъ, что о предстоящемъ свиданьѣ и о томъ, какъ онъ будетъ съ нею разговаривать. Самымъ подходящимъ для нея представлялся ему ученый разговоръ, и онъ старался припомнить, о чемъ въ его присутствіи

бесѣдовалъ иногда учитель Петерсъ съ пасторомъ. Область его познаній была весьма ограниченна, но онъ все-таки придумалъ нѣсколько темъ, подходящихъ для разговора съ Лизбетой. Для начала можно было заговорить о пароходныхъ рейсахъ въ Данію, потомъ—о сельско-хозяйственныхъ школахъ, тогда только-что открывавшихся; о машинѣ для высиживанія цыплятъ, и еслибы этого оказалось недостаточно, то еще о сожженіи вдовъ въ Индіи. Объ этомъ онъ наканунѣ вычиталъ изъ газеты, въ которую были завернуты привезенныя изъ города покупки. Вечеромъ онъ вышелъ изъ дому за часъ до назначеннаго срока, и сталъ медленно ходить, заглядывая во всѣ канавы и дѣлая видъ, что ищетъ пропавшую овцу. Наконецъ, онъ подошелъ къ канавѣ съ прозрачной проточной водой. Черезъ нее, вкось, протянулся короткій стволъ ивы, съ толстымъ, круглымъ концомъ, сплошь покрытымъ вѣтками, и напоминавшій голову съ вставшими дыбомъ волосами. За этими вѣтками, такъ, что ее почти не было видно, сидѣла Лизбета и покачивала ногами надъ самой водой. Видъ у нея былъ очень серьезный, и она меланхолично кивнула въ отвѣтъ на его вѣжливый поклонъ. Сердце у него сильно забилось, и вмѣсто того, чтобы однимъ прыжкомъ легко перескочить канаву, какъ собирался, онъ тяжело перешагнулъ ее и почти увязъ въ глинистой землѣ. Ему показалось, что она при этомъ улыбнулась, но тотчасъ же ея лицо снова приняло печальное выраженіе, такъ что какъ бы само собой вышло, что онъ заговорилъ о сожженіи индійскихъ вдовъ. Выборъ темы для разговора оказался удачнымъ. Она объявила, что сама только-что читала объ очень серьезныхъ вещахъ, и на его неувѣренное замѣчаніе, не лучше ли бы ей подходило веселое чтеніе, быстро возразила:

— Ахъ, нѣтъ, надо же знакомиться и съ печальными сторонами жизни!—Потомъ она освѣдомилась о формѣ костра и о томъ, надѣвали ли вдовы всѣ свои украшенія для такого случая. Обычай этотъ ей очень нравился, и она сама была готова послѣдовать примѣру индійскихъ вдовъ, потому что собиралась выйти замужъ не иначе, какъ по любви. При этомъ ей пришлось снова заговорить объ украшеніяхъ, и у нея въ карманѣ оказались случайно брошка и цѣпочка для часовъ. Часы были обѣщаны ей къ Рождеству. До сихъ поръ все шло очень хорошо, но дальше разговоръ не клеился. Она молчала и глядѣла въ воду; онъ искалъ что-нибудь подходящее, чтобы сказать ей, не находилъ, и страстно желалъ очутиться за сто миль отъ нея. Она казалась ему совсѣмъ чужой, какимъ-то существомъ изъ

другого міра. Наконецъ онъ заговорилъ удрученнымъ тономъ о двухъ жеребятахъ, родившихся на дняхъ въ Улѣ, но ее это не заинтересовало.

— Ахъ, какое мнѣ до нихъ дѣло!—воскликнула она, разсмѣявшись, и въ лицѣ ея появилось веселое и естественное дѣтское выраженіе. Она, смѣясь, показывала всѣ зубы, волосы у нея свѣсились на уши, и онъ сразу узналъ свою прежнюю „пищалочку“.

— О чемъ же намъ говорить?—спросилъ онъ съ отчаяніемъ.

Тогда она ему разсказала, о чемъ онѣ говорятъ въ школѣ: сначала объ учителяхъ, потомъ объ отсутствующихъ подругахъ, а иногда и объ мальчикахъ.—Только я не говорю,—прибавила она,—я нахожу это неприличнымъ... Посмотри-ка,—перебила она самоё себя,—у тебя нога совсѣмъ въ водѣ виситъ.

Онъ быстро отдернулъ ногу, и видъ у него при этомъ былъ такой жалкій, что она предложила:

— Хочешь, пройдемся вмѣстѣ?

Онъ вскочилъ и протянулъ руки, чтобы помочь ей, но она отказалась, встала, поправила складки платья, и они пошли рядомъ по тропинкѣ, между низкими яблонями.

— Помнишь,—сказала она,—какъ ты не захотѣлъ танцовать со мною на дѣтскомъ праздникѣ?

— Я ждалъ, что мнѣ твой дѣдушка скажетъ, чтобъ я шелъ съ тобою, а самъ я не рѣшился тебѣ предложить.

— А теперь ты бы сталъ со мною танцовать?

— Еще бы. Съ начала и до самаго конца.—Онъ поглядѣлъ на нее, и въ этомъ взглядѣ выразилось все его искреннее восхищеніе.

— Ну, а знаешь что?—проговорила она:—теперь бы я не стала съ тобой танцовать.

Онъ опустилъ голову и молчалъ. Онъ находилъ вполнѣ естественнымъ, что она не стала бы съ нимъ танцовать. Тогда она вдругъ снова перемѣнилась, какъ апрѣльская погода, засмѣялась и промолвила ласково:

— Я вѣдь пошутила, милый. Конечно, я стала бы съ тобою танцовать, но только ты долженъ былъ бы меня такъ держать, какъ городскіе кавалеры: очень вѣжливо и не слишкомъ прижимать къ себѣ... Однако, тебѣ пора домой. Я тебя провожу до ивы. Приходи опять сюда въ слѣдующее воскресенье.

Такимъ образомъ ему снова встрѣтилась на жизненномъ пути его маленькая подруга дѣтства, и съ ея помощью въ немъ долженъ былъ совершиться самымъ естественнымъ и милымъ обра-

зомъ переходъ отъ отрочества къ юности. Жизнь его, въ смыслѣ любви, должна была пойти настоящимъ, прямымъ путемъ. Такъ бы и случилось, еслибъ черезъ недѣлю ему не пришлось ѣхать за пескомъ. Если бы не эта поѣздка, то Іёрнъ Уль подъ конецъ жизни могъ бы сказать:—Грѣхи юности? Я не знаю, что̀ это такое. Въ моей юности я испыталъ трудъ и нужду, но грѣховъ не зналъ.

Однако, должно быть, всѣмъ людямъ суждено имѣть эти грѣхи, какъ пыль на обуви и пятна на одеждѣ. Ничего не подозрѣвая, отправился Іёрнъ подъ вечеръ за пескомъ. Дулъ свѣжій морской вѣтеръ и небо было пестрое: лазурныя пятна смѣнялись бѣлыми и сѣрыми облаками. Іёрнъ сидѣлъ въ своей повозкѣ и, болтая ногами, тихо напѣвалъ какую-то пѣсенку подъ шумъ вѣтра. Никто бы не подумалъ, что этому длинному юношѣ съ тонкимъ лицомъ въ этотъ же вечеръ придется, дрожа всѣмъ тѣломъ, заглянуть въ прекрасные и страшные, бездонно глубокіе и темные глаза самой природы.

Завернувъ за пригородъ, онъ увидалъ Тэльзе Диркъ, извѣстную въ окрестности подъ именемъ „дѣвушки изъ песковъ". Она стояла недалеко отъ своего дома, на краю песочной ямы.

— Здорово, Іёрнъ Уль!—сказала она.—Ты какъ разъ во время пріѣхалъ, мнѣ ужъ пора отдохнуть.—И она сверкнула на него своими умными глазами. Видъ у нея былъ такой свѣжій, какъ будто бы она только-что хорошо выспалась. Уже десять лѣтъ въ ея походкѣ и во всѣхъ движеніяхъ чувствовалась все та же неустанная сила, тѣло ея было все такое же стройное, грудь высокая, глаза блестящіе.

Десять лѣтъ тому назадъ, у нея была подруга, которая сдѣлалась невѣстой одного сосѣдняго крестьянина. Со стороны жениха любви не было, но онъ вообще еще не зналъ, что̀ такое любовь, и женился на богатой дѣвушкѣ, чтобъ имѣть возможность отдать все хозяйство и домъ нераздѣльно своему любимому брату. Тэльзе Диркъ не видала жениха своей подруги и знала о немъ только изъ разсказовъ его невѣсты.

— Жаль, что я его раньше не узнала,—сказала она какъ-то шутя:—мнѣ кажется, что онъ очень ко мнѣ подходитъ.

— Это удивительно!—воскликнула подруга:—я какъ-разъ то же самое думала. Онъ очень на тебя похожъ, и такіе же у него удивительные взгляды, какъ у тебя. Все-то онъ хочетъ понять, до всего додуматься, точь-въ-точь ты.

Передъ свадьбой подруги, Тэльзе Диркъ заболѣла, и только на девятый день пришла навѣстить молодыхъ. Это была ихъ

первая встрѣча. Оба они были высоки ростомъ. Онъ—смуглый, съ курчавыми черными волосами, она—свѣтлая блондинка. Они взглянули другъ на друга, и имъ стало другъ друга страшно, точно они увидали привидѣніе. Подруга начала болтать, разсказывая о свадьбѣ, они же оба молчали.

Стало смеркаться, нашли тучи, пошелъ дождь, и подруга сказала мужу, гордясь своею властью надъ нимъ, чтобы онъ проводилъ Тэльзе домой. Онъ молча взялъ шапку и пошелъ за нею. Дождь струился потоками, и, поднимаясь по тропинкѣ возлѣ Золотого родника, она поскользнулась и чуть не упала навзничь. Онъ схватилъ ее и поддержалъ. Надѣясь, что темнота его скрываетъ, взглянулъ онъ свободно и близко въ любимое лицо. Но бѣжавшія облака разорвались, и прямо и нежданно засіяли звѣзды и мѣсяцъ, и каждый изъ нихъ увидалъ обнаженную душу другого. Они поняли, что должны были любить другъ друга, и никого больше не любить до самой смерти. И они убѣжали другъ отъ друга, потому что имъ было страшно. Проходили года. Велика была ихъ мука.

Она исполняла цѣлый день самую тяжелую работу, чтобы только устать до изнеможенія, а вечеромъ садилась у окна, за горшками герани и гвоздики, и смотрѣла въ ту сторону, гдѣ не было видно его дома. Онъ мучился не меньше ея. Жена его была избалованная, пустая женщина, и единственный ребенокъ ихъ умеръ.

Года проходили. Они всячески избѣгали другъ друга, но въ глубинѣ души каждаго жила надежда, что они будутъ когда-нибудь другъ другу принадлежать, и эта надежда помогала имъ смирять свою страсть. Отецъ и мать Тэльзе умерли, она осталась совсѣмъ одна. Ей было уже за тридцать лѣтъ, и временами на нее нападало мучительное непонятное безпокойство. Когда головная боль становилась особенно невыносима, она всходила на пригорокъ и подолгу стояла на немъ, испытывая облегченіе отъ сильнаго холоднаго вѣтра.

Яснымъ осеннимъ вѣтрянымъ днемъ, вскорѣ послѣ смерти ея матери, онъ пришелъ къ ней. Она встрѣтила его на порогѣ дома рѣзкимъ вопросомъ: что̀ ему нужно? Онъ спросилъ, что̀ съ ними теперь будетъ? Она отвѣчала, что все будетъ, какъ было, что она не можетъ нарушить заповѣдь Божью, какъ будто ея не существовало, и надѣется, что и онъ не можетъ этого сдѣлать. Тогда онъ сказалъ, что Богъ не захочетъ своею заповѣдью убить въ немъ все доброе и всю радость жизни. Онъ просилъ жену уѣхать по крайней мѣрѣ куда-нибудь, но она догадалась,

отчего ему такъ невыносимо оставаться, и отказалась уѣзжать на зло ему. Тогда она взглянула на него такимъ мрачнымъ взглядомъ, что онъ не посмѣлъ ничего больше сказать, и ушелъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ опять пришелъ, когда она подвязывала бобы на огородѣ, и снова заговорилъ съ нею о томъ, что не можетъ больше такъ жить, и такъ какъ ему нельзя уѣхать, то чтобы она уѣзжала. Она горько заплакала, и ему удалось тогда убѣдить ее, чтобъ она приходила каждый вечеръ на свиданіе съ нимъ къ Золотому роднику. Тамъ они встрѣчались, съ ведрами въ рукахъ, смотрѣли другъ на друга глубокимъ, серьезнымъ взглядомъ, перебрасывались обыденными словами, среди которыхъ иногда проскальзывало робкое горячее слово любви, и расходились, не прикоснувшись другъ къ другу. Онъ ошибался, когда думалъ, что эти вечернія свиданія успокоютъ его; а она чувствовала, что онъ привлекалъ ее къ себѣ все сильнѣе каждымъ движеніемъ, каждымъ взглядомъ. Ей становилось страшно; работа не помогала больше; спать она не могла и дрожала отъ ужаса, какъ въ лихорадкѣ. Тогда ей пришла въ голову удивительная и опасная мысль: обмануть свою душу и свои чувства съ другимъ человѣкомъ, которому она могла бы принадлежать безъ грѣха. За послѣднее время она ни съ кѣмъ не видалась: съ молодыми людьми она всегда была очень сурова, и всѣ сторонились отъ нея, думая, что она находится въ связи съ мужемъ своей подруги. Она вела непосильную борьбу съ своею страстью, а люди съ непониманіемъ и грубостью уже осудили ее.

Какъ разъ въ это время къ ней нѣсколько разъ пріѣзжалъ за пескомъ Іёрнъ. Онъ понравился ей своимъ серьезнымъ, озабоченнымъ видомъ; она стала думать о немъ и наконецъ убѣдила себя, что любитъ его. Ее радовало, что она освободилась отъ своей мучительной страсти и можетъ найти сокровище въ этомъ молчаливомъ, странномъ юношѣ. Въ этотъ вечеръ она пригласила его зайти къ ней, сѣла противъ него, смѣясь, болтая и перегибаясь къ нему черезъ столъ. Платье у нея было съ открытымъ воротомъ и рукава засучены выше локтя.

— Какой ты красивый, Іёрнъ,—сказала она,—и глаза у тебя такіе умные, и лицо упрямое. Дѣвушки любятъ такихъ. Года черезъ три ты можешь выбирать себѣ любую: ни одна не откажетъ.

Онъ смущенно молчалъ и всталъ, чтобы уходить.

Она подумала, что онъ обидѣлся.

— Что-жъ, со мной-то ужъ ты даже и говорить не хочешь?

—промолвила она.—Такъ и уйдешь? Даже не захочешь и поцѣловать меня?

Онъ такъ испугался, что замеръ на мѣстѣ и дыханіе у него остановилось, но черезъ минуту бросился къ ней и привлекъ ее къ себѣ съ такой порывистой, безумной страстностью, что она съ трудомъ и страхомъ вырвалась отъ него. Ей хотѣлось зажечь нѣжное, ласковое пламя, но вмѣсто него вспыхнулъ дикій огонь. Она оттолкнула его отъ себя, и сказала, чтобы онъ уходилъ.

На слѣдующій вечеръ, къ полуночи, пришелъ онъ къ ней подъ окошко, постучался и сталъ просить, чтобы она его впустила. Но она дѣлала видъ, что не слышитъ его. Она лежала тихо, заложивъ руки за голову, и обильныя слезы текли у нея по щекамъ. Она считала себя несчастнѣйшей женщиной на свѣтѣ. Такъ приходилъ онъ къ ней три или четыре ночи подъ рядъ.

С ъ нѣм. П—на С—ва.



ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1903.

Истекшій 1902-ой годъ.—Интересъ въ обществѣ къ работамъ уѣздныхъ комитетовъ. —Первые шаги губернскихъ комитетовъ.—Вопросъ о мѣстныхъ нарѣчіяхъ.—Мѣры по поводу недорода 1902-го года.—Новый ветеринарный законъ.—Оригинальная промышленная школа.—По вопросу о мелкой земской единицѣ.—Московское губернское земское собраніе.

Годъ тому назадъ, говоря о только-что возникшей надеждѣ на реформу средней и высшей школы, мы указали на неопредѣленность этой надежды, на отсутствіе увѣренности въ томъ, что намѣченный путь будетъ пройденъ до конца и приведетъ къ желанной цѣли. Подобное приходится повторить и теперь. Новая перемѣна въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія не пріостановила работы, предпринятой П. С. Ванновскимъ и его сотрудниками, но оставила открытымъ вопросъ о томъ, въ какой степени будетъ сохранено ея направленіе. Менѣе чѣмъ когда-либо можно предвидѣть, какія препятствія она можетъ встрѣтить, что создастъ и что разрушитъ; какое мѣсто займутъ ея результаты среди общихъ условій нашего времени. Мало измѣнилось положеніе дѣлъ и въ другихъ областяхъ государственной жизни. Пересмотръ городового положенія, пріуроченный къ одному Петербургу, едва ли приведетъ къ такой ломкѣ, о которой мечтали газетные противники самоуправленія—но едва ли отъ него можно ожидать и устраненія всѣхъ главныхъ недостатковъ дѣйствующаго порядка. Кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій подвергся новымъ ограниченіямъ: временнымъ—въ распоряженіяхъ, касающихся земской статистики; постояннымъ—въ новомъ ветеринарномъ законѣ, о которомъ мы подробнѣе говоримъ ниже. Закрыто совѣщаніе, учрежденное въ 1897 г. для выясненія нуждъ помѣстнаго дворянства—но вслѣдъ затѣмъ изданы законы объ усовершенствованіи дворянскихъ учрежденій и о дворянскихъ кассахъ взаимопомощи, а образованіе въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ особой канцеляріи по дѣ-

ламъ дворянства заставляетъ предполагать, что проектируются новыя мѣры на пользу этого сословія. Крупное пріобрѣтеніе въ сферѣ законодательства минувшій годъ принесъ только одно: законъ объ улучшеніи положенія внѣбрачныхъ дѣтей, предвѣщающій цѣлую серію преобразованій въ нашемъ семейномъ правѣ. Въ виду медленности, съ которою подвигается впередъ общій пересмотръ нашего гражданскаго законодательства, нельзя не пожелать, чтобы важнѣйшія части вновь составляемаго гражданскаго уложенія получали силу закона по мѣрѣ ихъ окончательнаго изготовленія, не ожидая завершенія всей работы. Еще болѣе желательно скорѣйшее обнародованіе и введеніе въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія. По отношенію къ пересмотрѣннымъ судебнымъ уставамъ мы такого пожеланія выразить не можемъ, не имѣя увѣренности, что они принесутъ съ собою перемѣну къ лучшему въ сферѣ судоустройства и судопроизводства.

Самымъ крупнымъ событіемъ истекшаго года было учрежденіе особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, призвавшее къ жизни уѣздные и губернскіе комитеты по тому же вопросу. Работа уѣздныхъ комитетовъ пришла или приходитъ къ концу. Подвести ей точные итоги теперь еще нельзя. Далеко не о всѣхъ комитетахъ появлялись свѣдѣнія въ печати; далеко не всѣ засѣдали при открытыхъ дверяхъ или оглашали свои постановленія. Преждевременны, поэтому, и общіе выводы, основанные на произвольно опредѣляемыхъ численныхъ данныхъ; преждевременна, напримѣръ, радость „Гражданина", утверждающаго, что широко и вольнолюбиво взглянули на свою задачу какіе-нибудь сорокъ комитетовъ, а всѣ остальные, представляющіе собою „русское общественное мнѣніе", благонамѣренно ограничились скромными отвѣтами на вопросы, прямо предложенные особымъ совѣщаніемъ. Съ достовѣрностью можно сказать только одно: тѣ комитеты, труды которыхъ извѣстны въ настоящее время, обнаружили, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, глубокое пониманіе условій, подъ гнетомъ которыхъ чахнетъ наше сельское хозяйство, и замѣчательное единодушіе въ указаніи средствъ, съ помощью которыхъ оно могло бы окрѣпнуть и подняться. Число такихъ комитетовъ было бы, безъ сомнѣнія, еще гораздо болѣе значительно, еслибы предсѣдатели комитетовъ чаще пользовались своимъ правомъ привлекать къ участію въ работѣ обширные круги лицъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ группамъ населенія. Вообще говоря, предсѣдателю комитета принадлежало рѣшающее значеніе: онъ могъ раздвинуть или съузить не только личный составъ комитета, но и рамки его дѣятельности, обратить его сужденія въ пустую фор-

мальность или въ плодотворное дѣло. Мы знаемъ комитеты, все заканчивавшіе въ нѣсколько часовъ—и знаемъ другіе, занятія которыхъ продолжались цѣлыя недѣли, цѣлые мѣсяцы. Въ какомъ изъ этихъ случаевъ создалась атмосфера, благопріятная для полнаго и яркаго освѣщенія мѣстныхъ нуждъ и пожеланій—это не требуетъ поясненій.

Характернымъ спутникомъ всякой серьезной работы всегда является оживленіе, вызываемое сознаніемъ исполненнаго долга. Въ большей или меньшей степени оно замѣчается во всѣхъ уѣздахъ, гдѣ комитеты горячо и любовно отнеслись къ своей задачѣ. Проникнута имъ, напримѣръ, рѣчь предсѣдателя елецкаго комитета, А. А. Стаховича. Упомянувъ о слухахъ, идущихъ изъ сосѣдней губерніи—слухахъ о какомъ-то „невѣроятномъ инцидентѣ“, удручающимъ образомъ дѣйствующихъ на настроеніе,—предсѣдатель просилъ комитетъ не поддаваться ихъ вліянію и не смущать свой разумъ и свою совѣсть росказнями, „часто смахивающими на сплетни или запугиванія“. „Все, что боится свѣта“—продолжалъ А. А. Стаховичъ,—„недостойно уваженія и вниманія цѣнящихъ свое достоинство общественныхъ дѣятелей. Наше дѣло сказать лишь полную искреннюю правду, не затуманенную, не искаженную никакими посторонними соображеніями, какого бы происхожденія и порядка они ни были“. Такою же бодростью дышитъ заключительная рѣчь предсѣдателя рузскаго уѣзднаго комитета, кн. П. Д. Долгорукова. Она свидѣтельствуетъ о томъ, какъ велика притягательная сила труда, предпринятаго съ вѣрою въ его плодотворность. Въ началѣ занятій рузскаго комитета одинъ изъ его членовъ считалъ достаточнымъ намѣтить нѣсколько общихъ тезисовъ, не входя въ болѣе детальную ихъ разработку; другой находилъ, что тяжело и непроизводительно высказывать пожеланія безъ увѣренности въ ихъ осуществленіи. Постепенно, однако, живое дѣло одержало верхъ надъ сомнѣніями и недовѣріемъ; скептицизмъ уступилъ мѣсто энергіи, и членъ комитета, прежде тяготившійся участіемъ въ его трудахъ, теперь, по выраженію предсѣдателя, тяготится мыслью о ихъ прекращеніи. „Дружная общая работа“—воскликнулъ кн. Долгоруковъ, — „объединявшая насъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, оставитъ въ насъ свѣтлое, здоровое воспоминаніе, независимо даже отъ участи нашихъ ходатайствъ. Я лично придаю гораздо бо́льшее значеніе проявленію общественности, общественной жизни на мѣстахъ, чѣмъ удовлетворенію ходатайствъ отдѣльныхъ комитетовъ... Надо надѣяться, что это пробужденіе общественности отразится и на производительности нашихъ обыденныхъ работъ надъ мелкими, сравнительно, вопросами“. Настроеніе, такъ ярко выразившееся въ рѣчахъ А. А. Стаховича и кн. П. Д. Долгорукаго—новый, знаменательный фактъ въ нашей дѣйствительности. Въ первый разъ послѣ долгаго періода унынія и

апатіи слышится надежда на будущее, чувствуется порывъ впередъ, охватившій широкія сферы. Никогда еще участниками движенія не являлись въ такой степени крестьяне; никогда не выступало на видъ съ такою ясностью сознаніе солидарности между образованнымъ обществомъ и народной массой. Велика, поэтому, заслуга тѣхъ предсѣдателей, которые не только привлекли крестьянъ въ составъ комитетовъ, но и обезпечили за ними полную свободу рѣчи... Одну только оговорку мы должны сдѣлать къ вышеприведеннымъ словамъ кн. Долгорукова. Чтобы вызвать наружу энергію, существовавшую до тѣхъ поръ лишь въ скрытомъ видѣ, достаточно было объединяющей, ободряющей работы комитетовъ; но *поддержать* эту энергію, предупредить ея безслѣдное и безплодное исчезновеніе можетъ только исполненіе главнѣйшихъ пожеланій, выраженныхъ комитетами. Если все останется по старому, если не сбудутся даже самыя скромныя надежды, разочарованіе неизбѣжно повлечетъ за собою упадокъ духа, и въ мѣстной жизни опять водворится застой. Переносить его будетъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ ярче блеснулъ свѣтъ, озарившій дорогу къ лучшему будущему.

Новѣйшія постановленія уѣздныхъ комитетовъ касаются, въ большинствѣ случаевъ, тѣхъ же вопросовъ, какъ и прежнія, и разрѣшаютъ ихъ въ томъ же или аналогичномъ смыслѣ. За перемѣны къ лучшему въ правовомъ положеніи крестьянъ высказались, напримѣръ, комитеты пирятинскій, стародубскій, петровскій, кирсановскій, семеновскій, орловскій, кіевскій, шавельскій (заключенія двухъ послѣднихъ заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что губерніи ковенская и кіевская не принадлежатъ, какъ извѣстно, къ числу земскихъ). За всеобщее обученіе подалъ голосъ даже рославльскій комитетъ, въ пожеланіяхъ котораго играютъ большую роль разныя репрессивныя и карательныя мѣры. Въ луцкомъ комитетѣ (волынской губерніи) голоса по этому предмету раздѣлились почти поровну: противники всеобщаго обученія одержали верхъ только благодаря голосу предсѣдателя. Устройство мелкой земской единицы рекомендуется комитетами ѳеодосійскимъ, тираспольскимъ, хотинскимъ, самарскимъ, ковровскимъ, костромскимъ, шавельскимъ, пятью комитетами смоленской губерніи. Комитеты шавельскій, кіевскій, липовецкій, староконстантиновскій, таганрогскій, ростовскій (на Дону), перновскій (лифляндской губерніи) примкнули къ числу тѣхъ, которые стоятъ за географическое распространеніе сферы дѣйствія земскихъ учрежденій. Въ земскихъ губерніяхъ многіе комитеты (напр. полтавскій, черниговскій, самарскій, нижегородскій, гжатскій, духовщинскій, дорогобужскій, ельнинскій) сочувственно отнеслись къ предложеніямъ, имѣвшимъ цѣлью увеличеніе средствъ, улучшеніе состава и расширеніе компетенціи земства. Орловскій уѣзд-

ный комитетъ призналъ желательнымъ полное отдѣленіе суда отъ администраціи, упраздненіе волостныхъ судовъ и земскихъ начальниковъ, возстановленіе института мировыхъ судей. Къ аналогичнымъ выводамъ пришелъ и кіевскій уѣздный комитетъ. Въ царицынскомъ комитетѣ выслушанъ и принятъ докладъ сельскаго священника Побѣдоносцева, намѣчавшій дефекты, внесенные въ деревню институтомъ земскихъ начальниковъ, и категорически высказывавшійся за его упраздненіе [1]). Тотъ же докладчикъ указалъ на тяжелыя условія жизни сельскаго духовенства, строй жизни котораго лишенъ всякой самодѣятельности. Полное отсутствіе выборнаго начала, безграничная зависимость бѣлаго духовенства отъ чернаго, отсутствіе гласности, необезпеченность матеріальнаго положенія—вотъ, по словамъ о. Побѣдоносцева, всѣмъ извѣстныя черты положенія сельскаго духовенства. Главный источникъ народныхъ бѣдствій о. Побѣдоносцевъ видитъ въ продажѣ спиртныхъ напитковъ, которую онъ предлагаетъ вовсе уничтожить; бюджетные недочеты, которые отъ этого произойдутъ, „скоро и съ лихвой будутъ возмѣщены отрезвленнымъ русскимъ народомъ“.

Роль аналогичная съ тою, какую мало привлекательная женщина играетъ рядомъ съ красавицей—роль, краснорѣчиво характеризуемая французскимъ словомъ repoussoir,—принадлежала до сихъ поръ, среди уѣздныхъ комитетовъ, одному только чернскому. Теперь къ нему можно присоединить еще одинъ—рыбинскій. По его мнѣнію, почти буквально совпадающему со взглядами гг. Сухотина и Бодиско, проступки противъ права собственности, какъ бы они ни были маловажны, должны караться возможно строже, „дабы такимъ образомъ привести крестьянъ къ сознанію, что не такъ наказуется самый фактъ преступленія, какъ то основное начало, которымъ крестьяне руководствуются при вырубкѣ чужого лѣса“. Рыбинскій комитетъ, такимъ образомъ, раздѣляетъ съ чернскимъ честь изобрѣтенія „каръ, налагаемыхъ на принципъ“. Несовершеннолѣтнихъ, уличенныхъ въ проступкахъ противъ собственности сосѣда, рыбинскій комитетъ предлагаетъ наказывать розгами, а родителей ихъ привлекать къ отвѣтственности за неумѣнье воспитать въ дѣтяхъ чувство уваженія къ чужой собственности [2]). Достойнымъ товарищемъ чернскихъ и рыбинскихъ Драконовъ является дворянинъ Н. А. Павловъ, въ мнѣніи, представленномъ аткарскому уѣздному комитету [3]) и напечатанномъ въ №№ 334—6

[1]) См. № 337 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

[2]) Увеличеніе наказаній за маловажные проступки противъ права собственности предлагаютъ еще комитеты бѣльскій (смоленской губ.) и рославльскій, но не вдаваясь въ крайности комитетовъ чернскаго и рыбинскаго.

[3]) Какъ отнесся аткарскій комитетъ къ предложеніямъ г. Павлова - мы не знаемъ.

„Московскихъ Вѣдомостей“. Изъ обширной, многословной аргументаціи г. Павлова, напоминающей, по формѣ, своеобразный языкъ „Гражданина“ (сотрудникомъ котораго г. Павловъ, кажется, и состоитъ), мы приведемъ лишь нѣсколько отрывковъ, по которымъ легко судить объ остальномъ. „Голодъ и аттестація оскудѣнія, дискредитирующія населеніе, созданы излишнею ретивостью, округленіемъ цифръ, сгущеніемъ красокъ въ 1891 г. уѣздными и губернскими земствами... Населеніе само себя убѣдило, что голодаетъ (!)... Показатели оскудѣнія —голодъ и продажа земли—не могутъ выдержать строгой критики... Литераторамъ (?) реформъ 1861-го года легко было благословить самоуправляться, не соразмѣряя впередъ культурныхъ силъ и индивидуальныхъ качествъ этихъ самихъ... Еще бо́льшая свобода – ученіе и надежды русскаго либерализма и *коллекціи литературщиковъ* (!)—разрушитъ послѣднія основы порядка“. Этимъ варіаціямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и тема. Главной причиной оскудѣнія г. Павловъ считаетъ „полнѣйшій безпорядокъ, неурядицу въ самой деревнѣ, объясняемую неустройствомъ мѣстнаго управленія“. Власти въ деревнѣ все еще слишкомъ мало: нуженъ *новый сильный порядокъ*, съ проектомъ котораго и выступаетъ г. Павловъ. Во главѣ уѣзда ставится уѣздный начальникъ, изъ потомственныхъ дворянъ, окончившій курсъ въ высшемъ или спеціальномъ учебномъ заведеніи, имѣющій *гдѣ-либо* земельный цензъ (предпочтительно – въ губерніи), а въ видѣ исключенія—безъ ценза. Назначается онъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, по представленію губернатора или непосредственно, и облекается обширными полномочіями, между прочимъ—правомъ надзора надъ земскими начальниками, членами земской управы и всѣми мѣстными чиновниками, къ какому бы вѣдомству они ни принадлежали. Въ уѣздѣ и въ губерніи учреждаются совѣты общихъ дѣлъ, съ функціями не то земской управы, не то земскаго собранія. Назначеніе попечителей продовольственныхъ, церковныхъ, училищныхъ предоставляется уѣздному предводителю совмѣстно съ уѣзднымъ начальникомъ. Земству предлагается сознаться, что оно шло до сихъ поръ по ложному пути, и замѣнить рознь „сильной корпоративной дисциплиной (?) и подчиненіемъ правительству“... Очевидно, прожектеры извѣстнаго рода ничему не научились и ничего не забыли; вѣрные завѣтамъ своихъ предковъ, изображенныхъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, авторомъ „Дневника провинціала въ Петербургѣ“, они по прежнему видятъ единственный исходъ въ сильной власти „благонадежныхъ и знающихъ обстоятельства мѣстныхъ землевладѣльцевъ“.

Въ печати начинаютъ появляться свѣдѣнія о занятіяхъ губернскихъ комитетовъ. Весьма возможно, что они не получатъ, въ большинствѣ случаевъ, тѣхъ широкихъ размѣровъ, какими отличаются работы многихъ уѣздныхъ комитетовъ. Отъ губернаторовъ, предсѣдательствующихъ въ губернскихъ комитетахъ, трудно ожидать такого отношенія къ свободѣ мнѣній, какимъ руководились многіе уѣздные предводители. Въ бакинскомъ губернскомъ комитетѣ, напримѣръ, вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій остался безъ обсужденія только потому, что онъ не включенъ въ программу особаго совѣщанія. Въ лифляндскомъ губернскомъ комитетѣ поставлена на очередь только часть вопросовъ, предложенныхъ однимъ изъ его членовъ—предсѣдателемъ юрьевскаго эстонскаго земледѣльческаго общества (въ числѣ этихъ вопросовъ было введеніе въ Лифляндіи всесословнаго земства). Это еще не значитъ, однако, чтобы всѣ губернскіе комитеты заключали свою дѣятельность въ систематически тѣсныя рамки. Смоленскій губернскій комитетъ высказался за отмѣну предѣльности земскихъ смѣтъ, за пониженіе земскаго избирательнаго ценза, за увеличеніе состава земскихъ собраній, за бо̀льшую устойчивость земскихъ учрежденій, за расширеніе ихъ компетенціи и строгое отграниченіе ея отъ круга дѣйствій администраціи, за предоставленіе земству всѣхъ средствъ, ассигнуемыхъ государствомъ на начальное образованіе, за облегченіе устройства частными лицами и учрежденіями школъ, курсовъ, бесѣдъ, библіотекъ и т. п. Разсматривались въ смоленскомъ губернскомъ комитетѣ и вопросы, касающіеся финансово-экономической политики (необходимость согласованія податного бремени съ доходностью крестьянскаго хозяйства, пониженіе выкупныхъ платежей, прекращеніе чрезмѣрнаго покровительства обработывающей промышленности и друг.). Широкъ, повидимому, и кругъ вопросовъ, обсуждаемыхъ въ саратовскомъ губернскомъ комитетѣ (уничтоженіе розни между школами различныхъ вѣдомствъ, объединеніе народно-школьнаго дѣла, необходимость всеобщаго обученія, облегченіе устройства учительскихъ съѣздовъ, поднятіе личности и культурности земледѣльца и т. п.). Владикавказскій областной комитетъ подалъ голосъ за введеніе въ терской области земскихъ учрежденій, за статистическое изслѣдованіе области, за расширеніе программы народныхъ училищъ. Нужно надѣяться, что до всеобщаго свѣдѣнія сущность постановленій губернскихъ комитетовъ будетъ доходить не случайно, а постоянно и правильно. Совершенно правъ былъ кн. П. Д. Долгоруковъ, когда, закрывая засѣданія рузскаго уѣзднаго комитета, предложилъ ходатайствовать передъ московскимъ губернаторомъ о гласности засѣданій московскаго губернскаго комитета. Если къ уѣздамъ, вслѣдствіе ихъ многочисленности, разбросанности и разнообразія внѣшнихъ условій,

нелегко было примѣнить, въ этомъ отношеніи, одно общее правило, то для губернскихъ комитетовъ оно можетъ быть установлено безъ всякихъ затрудненій. Знакомство съ постановленіями губернскихъ комитетовъ броситъ новый свѣтъ и на дѣятельность уѣздныхъ комитетовъ, такъ какъ именно она служитъ, обыкновенно, исходной точкой для занятій губернскаго комитета.

Какое серьезное значеніе могутъ имѣть экскурсіи уѣздныхъ комитетовъ въ сферы, лежащія, повидимому—но только повидимому,—въ сторонѣ отъ задачи особаго совѣщанія, объ этомъ даетъ понятіе одно изъ постановленій шавельскаго уѣзднаго комитета. Комитетъ призналъ цѣлесообразнымъ сдѣлать литовскій языкъ предметомъ преподаванія въ школахъ и допустить печатаніе книгъ на этомъ языкѣ, съ цензурованіемъ ихъ на мѣстѣ. Что въ такомъ постановленіи нѣтъ ничего политически-тенденціознаго, что оно вызвано не литовскимъ сепаратизмомъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ, прежде всего, составъ комитета: предсѣдательствовалъ въ немъ мировой посредникъ Чепыжниковъ, членами состояли, между прочимъ, два графа Зубова, г. Олсуфьевъ, мировой судья Чистяковъ. Руководящимъ мотивовъ комитета было убѣжденіе, что изгнаніе литовскаго языка изъ начальнаго обученія не можетъ не тормазить развитіе мѣстной народной школы—а слѣдовательно и поднятіе мѣстной сельско-хозяйственной промышленности, задерживаемое, сверхъ того, отсутствіемъ популярныхъ сельско-хозяйственныхъ книгъ на литовскомъ языкѣ.

Вопросъ о мѣстномъ языкѣ возникалъ и въ лифляндскомъ губернскомъ комитетѣ, но здѣсь ему посчастливилось меньше, чѣмъ въ Шавляхъ[1]). Когда выражена была мысль, что въ сельско-хозяйственныхъ школахъ лифляндской губерніи преподаваніе желательно вести на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, губернаторъ не допустилъ ея обсужденія, находя, что въ выборѣ школьнаго языка нельзя руководствоваться только сельско-хозяйственною точкой зрѣнія. Устранено было также ходатайство одной изъ секцій комитета, направленное къ тому, чтобы полицейскіе и судебные чины непремѣнно владѣли мѣстными нарѣчіями. „Низшіе чины полиціи“—замѣтилъ по этому поводу предсѣдатель комитета—„обязательно должны понимать мѣстные языки; что же касается чиновъ судебнаго вѣдомства, то откуда министерство юстиціи возьметъ кандидатовъ, владѣющихъ латышскимъ и эстонскимъ языками“? Знаніе *обоихъ* языковъ нельзя считать необходимымъ, такъ какъ по-эстонски говорятъ преимущественно въ сѣверной, по-латышски —въ южной части лифляндской губерніи, — а изучить *одинъ* языкъ вовсе не такъ трудно. Еслибы условіемъ для занятія должности ми-

[1]) См. № 9617 „Новаго Времени“.

рового судьи въ остзейскихъ губерніяхъ было поставлено знакомство съ однимъ изъ мѣстныхъ нарѣчій, то въ самое короткое время несомнѣнно нашлись бы лица, удовлетворяющія этому условію—и правосудіе выиграло бы отъ того чрезвычайно много. То же самое можно сказать и о высшихъ полицейскихъ чинахъ, если они теперь, въ противоположность низшимъ, не знаютъ нарѣчія своей мѣстности. Для начальника уѣздной полиціи такое знаніе не менѣе необходимо — и не менѣе доступно, — чѣмъ для младшихъ его подчиненныхъ. Ходатайство, проектированное секціею лифляндскаго губернскаго комитета, представляло удобный поводъ къ выясненію давно наболѣвшаго вопроса—и нельзя не пожалѣть, что ему не было дано дальнѣйшаго движенія.

Въ началѣ декабря обнародовано оффиціальное сообщеніе о мѣрахъ къ обезпеченію народного продовольствія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи, пострадавшихъ въ 1902 г. отъ неурожая. Сюда относятся губерніи вятская и саратовская, часть таврической, уфимской, самарской, казанской, оренбургской, тамбовской, новгородской, псковской, тобольской, томской, иркутской и области семипалатинской. Во многихъ изъ этихъ мѣстностей (напр. въ губерніяхъ вятской, саратовской, уфимской, таврической) 1901-ый годъ былъ также неурожайнымъ. Нетрудно понять, насколько этимъ затрудняется возвращеніе продовольственныхъ ссудъ и выясняется необходимость коренныхъ перемѣнъ въ продовольственной системѣ. Къ участію въ мѣропріятіяхъ по оказанію помощи нуждающемуся населенію привлечены, наряду съ крестьянскими учрежденіями, и мѣстныя земства.

Кромѣ мѣстностей, перечисленныхъ въ сообщеніи, есть, повидимому, и другія, значительно потерпѣвшія отъ неурожая. Такова, напримѣръ, тверская губернія, въ которой продовольственный вопросъ былъ недавно предметомъ оффиціальнаго обсужденія. Губернское присутствіе пришло къ заключенію, что населеніе губерніи, кромѣ осташковскаго уѣзда, можетъ продовольствоваться до урожая будущаго года своими средствами, *хотя и съ крайнимъ напряженіемъ силъ и нѣкоторымъ разстройствомъ хозяйства*. Невольно возникаетъ вопросъ, желательно ли предоставленіе населенія собственнымъ его средствамъ, разъ что оно грозитъ такими печальными результатами? Безопасно ли „крайнее напряженіе силъ", влекущее за собою, сплошь и рядомъ, потерю здоровья и уменьшеніе работоспособности? Можно ли примириться съ „нѣкоторымъ разстройствомъ хозяйства", отъ котораго во многихъ случаяхъ только одинъ шагъ до разоренія? „Сплошное ненастье лѣтомъ"—пишетъ тверской корреспондентъ „Новаго Времени" (№ 9617)—„помѣшало сдѣлать запасъ хорошаго корма для скота; сѣно

собрано повсюду попорченнымъ, а на низкихъ мѣстахъ осталось даже совсѣмъ неубраннымъ. Хлѣба также не вызрѣли во время; уборка шла при дурной погодѣ. Теперь (т.-е. въ началѣ декабря) уже не рѣдкость, если крестьяне покупаютъ хлѣбъ, а цѣна его на рынкѣ 90—95 коп. за пудъ. По недостатку корма скотъ продается населеніемъ, особенно бѣднотой, задешево. На бѣду зима выдалась суровая, съ 20—25-градусными морозами, и къ заботѣ о хлѣбѣ и кормѣ присоединилась забота о топливѣ. Нелегко будетъ населенію пережить нынѣшній тяжелый неурожайный годъ"! Эта картина служитъ яркой иллюстраціей къ словамъ о „крайнемъ напряженіи силъ и нѣкоторомъ разстройствѣ хозяйства". Дополняется она отсутствіемъ твердой надежды на урожай будущаго года: озими мѣстами пошли подъ снѣгъ при неблагопріятныхъ условіяхъ... Нужно надѣяться, что къ числу неблагополучныхъ по урожаю мѣстностей слѣдующее правительственное сообщеніе присоединитъ наиболѣе пострадавшіе уѣзды тверской губерніи.

Въ таврической губерніи нуждающимся въ продовольственной помощи признанъ, между прочимъ, симферопольскій уѣздъ. Къ такому заключенію администрація пришла, повидимому, не сразу. По словамъ „Крымскаго Вѣстника" [1]), земскіе начальники и волостные старшины отрицали недородъ; между тѣмъ, свѣдѣніями, ежедневно поступавшими въ уѣздную земскую управу, фактъ недорода подтверждался въ полномъ объемѣ. По иниціативѣ сельско-хозяйственнаго совѣта симферопольскаго земства было предпринято изслѣдованіе на мѣстѣ, черезъ посредство мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Нужно полагать, что оно не подтвердило оптимистическаго взгляда земскихъ начальниковъ и подчиненныхъ имъ волостныхъ старшинъ; иначе симферопольскій уѣздъ едва-ли былъ бы включенъ въ число тѣхъ, которые имѣютъ право на продовольственную ссуду...

Въ 1893 г. былъ обнародованъ новый уставъ лечебныхъ заведеній, тотчасъ же вызвавшій возраженія со стороны цѣлаго ряда губернскихъ земскихъ собраній и до сихъ поръ остающійся безъ примѣненія, хотя срокомъ для введенія его въ дѣйствіе былъ назначенъ 1895-й годъ. Такія же возраженія слышатся теперь противъ Высочайше утвержденнаго 12-го іюня мнѣнія государственнаго совѣта о ветеринарно-полицейскихъ мѣрахъ по предупрежденію и прекращенію заразныхъ и повальныхъ болѣзней на животныхъ. Одно земское собраніе за другимъ входитъ съ представленіемъ о неудобствахъ этого

[1]) См. № 337 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

закона, колеблющаго организацію, надъ которой, особенно въ послѣднее время, такъ много потрудилось земство. Московское общество сельскаго хозяйства признало, съ своей стороны, что осуществленіе правилъ 12-го іюня угрожаетъ серьезною опасностью нашему скотоводству и скотопромышленности, и постановило ходатайствовать о пересмотрѣ ихъ при участіи представителей общественныхъ учрежденій. Хотя непосредственное завѣдываніе ветеринарно-полицейскими мѣрами въ земскихъ губерніяхъ и возлагается новымъ закономъ (ст. 16) на губернскія земскія учрежденія, но при первомъ же извѣстіи о появленіи заразной или повальной болѣзни въ уѣздѣ образуется ветеринарная исполнительная коммиссія, играющая главную роль во всѣхъ дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ. Составляется эта коммиссія, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ уѣздной земской управы, изъ ветеринарнаго врача, полицейскаго чиновника, волостного старшины или сельскаго старосты и двухъ представителей отъ скотовладѣльцевъ, заблаговременно избираемыхъ губернаторомъ (ст. 23). Изъ ст. 20-й видно, что земскіе ветеринарные врачи продолжаютъ существовать и при дѣйствіи новаго закона, но отношеніе ихъ къ ветеринарнымъ врачамъ, назначаемымъ администраціей, остается совершенно неопредѣленнымъ; неизвѣстно даже, долженъ ли ветеринарный врачъ, входящій въ составъ ветеринарной исполнительной коммиссіи, принадлежать къ земскому ветеринарному персоналу. Между тѣмъ, на земскія средства относятся какъ расходы по предупрежденію и прекращенію повальныхъ и заразныхъ болѣзней, такъ и по содержанію ветеринарнаго надзора (ст. 87). Формальности, установляемыя закономъ, чрезвычайно многочисленны и сложны. По разсчету московской губернской управы, лошадь, заболѣвшая, напримѣръ, сапомъ, можетъ быть убита не прежде какъ по истеченіи 16 дней съ того времени, когда будетъ замѣчено заболѣваніе, при чемъ потребуется написать до 35 бумагъ. Особенно характерна статья 60-я, по которой „ветеринарной исполнительной коммиссіи вмѣняется въ обязанность выяснить предѣлы подлежащей признанію неблагополучною по данной болѣзни мѣстности. Предположенія коммиссіи по сему предмету сообщаются ею уѣздной земской управѣ и съ заключеніемъ послѣдней представляются губернской земской управѣ и ветеринарному инспектору, а по разсмотрѣніи ими утверждаются начальникомъ губерніи, который затѣмъ дѣлаетъ распоряженіе объ объявленіи какъ предѣловъ неблагополучнаго раіона, такъ и о вступленіи въ дѣйствіе мѣръ, предпринимаемыхъ въ означенныхъ раіонахъ“. Нетрудно понять, что переходъ дѣла по всѣмъ этимъ инстанціямъ не можетъ отличаться большою быстротою. Если земство во многихъ губерніяхъ—напр. въ московской—достигло крупныхъ результатовъ въ борьбѣ съ эпизоотіями,

это слѣдуетъ приписать именно свободѣ дѣйствій, отсутствію точной, все предусматривающей регламентаціи. Поворотъ въ противоположную сторону, увеличивая интенсивность надзора и размѣры переписки, неизбѣжно уменьшитъ сумму производительнаго, живого труда и нанесетъ новый ударъ земской идеѣ.

Къ какимъ результатамъ можетъ привести совмѣстное веденіе дѣла земствомъ и администраціею, при подчиненномъ положеніи перваго— объ этомъ даетъ понятіе исторія миргородской промышленной школы имени Н. В. Гоголя, разсказываемая полтавскимъ корреспондентомъ „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 341). Основанная на средства, собранныя всероссійской подпиской, но съ субсидіями отъ полтавскаго губернскаго земства и отъ министерства финансовъ, школа находилась въ управленіи лица, номинально выбраннаго земствомъ, но рекомендованнаго и затѣмъ утвержденнаго министерствомъ, отъ котораго зависитъ и его увольненіе. Сознавая безсиліе земства, директоръ школы не обращалъ вниманія на его требованія, въ теченіе семи лѣтъ дѣйствовалъ, de facto, безконтрольно и обратилъ технически-образовательное учрежденіе въ керамическую мастерскую, для учениковъ которой оставалась тайной суть производимой ими работы: ученики, обращенные въ простыхъ рабочихъ, носили воду, мѣсили глину и составы, изготовленные по секрету отъ нихъ, красили вылѣпленныя формы красками тоже неизвѣстнаго имъ состава и затѣмъ должны были удаляться, когда учителя школы приступали къ таинственнымъ процессамъ окончательнаго обжиганія. По остроумному замѣчанію корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", еслибы въ какой-нибудь медицинской школѣ профессора-врачи лечили на глазахъ у студентовъ секретными средствами, то получилось бы нѣчто подобное педагогическимъ пріемамъ, господствовавшимъ въ миргородской школѣ. Ученики выходили изъ нея ничего не знающими и неспособными къ самостоятельной работѣ. Вина губернской земской управы (прежняго состава) заключалась въ томъ, что она слишкомъ долго терпѣла такіе порядки, ограничиваясь робкими замѣчаніями; но когда ревизіонная коммиссія раскрыла настоящее положеніе дѣла, губернское земское собраніе единогласно постановило ходатайствовать о немедленномъ удаленіи директора школы, о предоставленіи земству права назначать на эту должность и увольнять отъ нея и вообще о расширеніи земской компетенціи въ завѣдываніи школой. Въ виду по истинѣ необыкновенныхъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ исключительно благодаря земству, трудно предположить, чтобы ходатайство его могло остаться безъ послѣдствій.

Интересъ къ мелкой земской единицѣ, яркимъ доказательствомъ котораго послужилъ недавно выходъ въ свѣтъ обширнаго сборника, всецѣло посвященнаго этому предмету, продолжаетъ выражаться и въ преніяхъ земскихъ собраній [1]). Въ началѣ минувшаго декабря за мелкую единицу, самоуправляющуюся и самооблагающуюся, высказалось единогласно московское губернское земское собраніе, возложивъ разработку главныхъ ея основаній на особую коммиссію. Единогласіе, однако, было только кажущееся: московская губернская земская управа—не нашедшая поддержки ни въ одномъ изъ гласныхъ, принимавшихъ участіе въ преніяхъ,— находила устройство мелкой земской единицы несвоевременнымъ, трудно осуществимымъ, и отдавала предпочтеніе экономическимъ попечительствамъ, дѣятельностью которыхъ руководило бы земство. Противъ передачи вопроса о мелкой земской единицѣ на обсужденіе коммиссіи управа не возражала только потому, что видѣла въ этомъ лишь подготовку болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. На ближайшую очередь она старалась поставить вопросъ объ экономическихъ попечительствахъ, который, вслѣдствіе повторенныхъ ея настояній, и рѣшено разсмотрѣть, если окажется возможнымъ, еще во время настоящей сессіи собранія. Судя по ходу преній, слѣдуетъ ожидать, что большинство собранія согласится допустить экономическія попечительства развѣ какъ своего рода pis-aller, какъ палліативную мѣру, могущую нѣсколько смягчить, но отнюдь не устранить неудобства, сопряженныя съ отсутствіемъ мелкой земской единицы.

Откуда исходитъ, большею частью, принципіальное противодѣйствіе мелкой земской единицѣ—объ этомъ можно судить по возраженіямъ, встрѣченнымъ ею во владимірскомъ губернскомъ земскомъ собраніи [2]). „Къ чему мелкая земская единица?"—вопрошалъ гласный Куроѣдовъ (земскій начальникъ). „Этотъ вопросъ возникъ у насъ не по заявленію населенія, а лишь по докладу гласнаго Булыгина. Это—мнѣніе не населенія, а Булыгина [3]). Никакой земской единицы не нужно: крестьяне могутъ обсуждать свои нужды на волостныхъ сходахъ, потомъ писать приговоры и входить съ ними—*конечно, съ надлежащаго разрѣшенія*, — въ земскія собранія". Подчеркнутыя нами слова объясняютъ какъ нельзя лучше, почему о мелкой земской единицѣ не хотятъ и слышать сторонники „властной руки", проповѣд-

---

[1]) См. ниже: Литерат. Обозрѣніе.

[2]) См. № 339 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

[3]) Съ такимъ же правомъ можно было бы сказать, что мнѣніе, враждебное мелкой земской единицѣ—мнѣніе г. Куроѣдова, а не населенія. Въ земскихъ собраніяхъ инициатива населенія не можетъ проявляться иначе, какъ въ формѣ докладовъ управы, коммиссій или отдѣльныхъ гласныхъ.

ники „ограниченности крестьянскаго ума". Въ томъ же духѣ, какъ и г. Куроѣдовъ, говорилъ предсѣдатель собранія. „Прежде чѣмъ навязывать народу реформы"—воскликнулъ онъ,—„нужно спросить у него, желаетъ ли онъ ихъ? Хотятъ ли крестьяне эту единицу? Понимаютъ ли они, что это значитъ? Я говорилъ съ крестьянами и вынесъ убѣжденіе, что они видятъ въ ней только одно увеличеніе налоговъ". Любопытно было бы узнать, въ какой формѣ рисуется передъ воображеніемъ оратора народный опросъ, который онъ хотѣлъ бы предпослать преобразовательной работѣ? Въ формѣ приговоровъ волостныхъ или сельскихъ сходовъ, состоявшихся по внушенію или подъ вліяніемъ начальства? Въ формѣ заключенія земскихъ начальниковъ, какъ попечителей надъ умственно несовершеннолѣтнимъ крестьянствомъ? Въ формѣ вердикта избранныхъ ими „стариковъ" или излюбленныхъ людей деревни?.. Нетрудно понять, какую внутреннюю цѣнность могли бы имѣть всѣ подобныя „заявленія". Какъ смотрятъ на мелкую земскую единицу крестьяне, предоставленные самимъ себѣ—объ этомъ можно судить хотя бы по тому факту, что за нее высказались въ прошломъ году всѣ уѣздныя земскія собранія пермской губерніи, въ которыхъ, какъ извѣстно, преобладаетъ крестьянскій элементъ... О достовѣрности свѣдѣній, получаемыхъ крестьянами отъ противниковъ мелкой земской единицы, даютъ понятіе заключительныя слова предсѣдателя владимірскаго губернскаго земскаго собранія: „крестьяне видятъ въ мелкой земской единицѣ только одно увеличеніе налоговъ". На самомъ дѣлѣ мелкая земская единица, привлекая къ платежу мѣстныхъ сборовъ свободные отъ нихъ до сихъ поръ источники, должна, по крайней мѣрѣ на первое время, не увеличить, а уменьшить податное бремя, лежащее на крестьянахъ... Владимірскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ вопросъ о мелкой земской единицѣ оставленъ открытымъ.

Тверское губернское земское собраніе высказалось въ прошломъ году, довольно значительнымъ большинствомъ голосовъ, за несвоевременность введенія мелкой земской единицы. Сообразно съ этимъ, тверская губернская земская управа въ нынѣшнемъ году представила собранію докладъ объ устройствѣ земскихъ попечительствъ. На сколько можно заключить по не совсѣмъ опредѣленнымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ тверскимъ корреспондентомъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (№ 340), эти попечительства очень мало похожи на проектированныя московскою губернскою земскою управою и весьма близко подходятъ къ всесословному приходу, т.-е. къ одной изъ разновидностей мелкой земской единицы: рѣчь идетъ и о выборахъ, и о приходскомъ земскомъ собраніи, и о самообложеніи. Другая форма попечительствъ, „стоящихъ въ подчиненномъ отношеніи къ земству", па-

мѣчается, повидимому, только на случай непринятія первой. Мелкая земская единица, передъ которою въ Твери заперлась дверь, стучится, такимъ образомъ, въ окно, какъ назрѣвшая потребность, неотразимо напоминающая о своемъ существованіи [1]). Она проникаетъ—конечно, въ искаженномъ видѣ,—даже въ „Московскія Вѣдомости". Еще недавно онѣ находили, что мелкой единицы совсѣмъ не нужно, благо есть земскій начальникъ; теперь онѣ помѣщаютъ у себя (№ 337), съ благосклоннымъ отзывомъ, статью, рекомендующую учрежденіе приходскихъ попечительствъ, тѣсно связанныхъ съ земствомъ. Правда, еще тѣснѣе авторъ связываетъ ихъ съ администраціей, вводя въ составъ попечительства земскаго начальника и предоставляя послѣднему контроль надъ выборомъ членовъ попечительства изъ среды крестьянъ (утвержденіе остальныхъ членовъ возлагается на губернатора). Редакція „Московскихъ Вѣдомостей" идетъ еще дальше, требуя разобщенія попечительствъ съ земствомъ и обращенія ихъ въ органы правительственной власти. Къ другому выводу систематическіе противники самоуправленія и не могли придти; но характернымъ, во всякомъ случаѣ, остается тотъ фактъ, что на страницахъ ихъ главнаго органа могла промелькнуть мысль объ установленіи болѣе близкой связи между земствомъ и небольшими группами населенія.

До какой степени подготовлена къ реформѣ крестьянская масса, объ этомъ свидѣтельствуетъ—вмѣстѣ съ фактами, приведенными въ статьѣ г. Воробьева [2]),—примѣръ золотовской волости камышинскаго уѣзда (саратовской губерніи). По выраженію крестьянина Гусева (въ докладѣ, представленномъ камышинскому уѣздному комитету), „золотовская волость, сама того не замѣчая, близко подошла къ осуществленію мелкой земской единицы". Она тратитъ отъ 3 до 3½ тысячъ рублей на содержаніе 16 школъ, раздаетъ пособія погорѣльцамъ, строитъ образцовыя школьныя зданія (до сихъ поръ возведено ихъ шесть), пріобрѣтаетъ, за счетъ образованныхъ ею спеціальныхъ капиталовъ, земледѣльческія машины и орудія, ткацкіе станки и пожарные насосы, продаваемые, затѣмъ, по заготовительнымъ цѣнамъ, на льготныхъ условіяхъ. По удостовѣренію камышинскаго уѣзднаго предводителя дворянства, гр. Д. А. Олсуфьева, въ золотовской волости вовсе нѣтъ ни дворянскаго, ни такъ называемаго интеллигентнаго элемента; все сдѣлано самими крестьянами. По истинѣ мудрыми, въ виду этихъ фактовъ, являются слѣдующія слова крестьянина Гусева: „говорятъ, что народъ не дозрѣлъ, не наступило еще то время, чтобы можно было открывать мелкія народныя учрежденія. Да онъ

[1]) Судя по телеграммѣ, напечатанной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", докладъ тверской губ. земской управы принятъ тверскимъ губ. земскимъ собраніемъ.

[2]) Подробное изложеніе доклада см. въ № 341 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

и не дозрѣетъ и не поспѣетъ никогда, такъ какъ все, чему нужно зрѣть и спѣть, сперва необходимо посѣять, посадить и растить. Посадите маленькое деревцо—мелкую земскую единицу, порастите ее хоть немного, а потомъ и ждите уже плода".

Намъ скажутъ, быть можетъ, что если крестьянская волость, какъ видно изъ только-что приведеннаго примѣра, способна подняться собственными силами на высоту мелкой земской единицы, то незачѣмъ усложнять вопросъ сліяніемъ сословій, привлеченіемъ къ общему дѣлу всѣхъ элементовъ мѣстнаго населенія. Такое возраженіе было бы явнымъ софизмомъ. Предоставленная самой себѣ, крестьянская волость только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ отрѣшиться отъ рутины, вступить на новый путь, расширить свои задачи; обыкновенно ей недостаетъ для того какъ средствъ, такъ и свободы дѣйствій. Опекой земскаго начальника и гнетомъ волостныхъ властей попытки самодѣятельности заглушаются, бо̀льшею частью, въ самомъ своемъ зародышѣ или не возникаетъ даже мысль о возможности замѣнить волостной канцеляризмъ волостнымъ самоуправленіемъ. Съ другой стороны, въ волости, состоящей изъ разнообразныхъ элементовъ, всякое сколько-нибудь широкое общеполезное предпріятіе затрогиваетъ не одни только крестьянскіе интересы. Въ золотовской волости, гдѣ нѣтъ ни дворянъ, ни „интеллигенціи", вся преобразовательная работа могла быть произведена на счетъ однихъ крестьянъ, однѣми крестьянскими руками; при другихъ условіяхъ для нея необходимы соединенныя силы и соединенныя средства. Общность цѣлей требуетъ общности труда—и отъ обязательнаго участія въ этомъ трудѣ никто не долженъ быть свободенъ.

Въ виду не прекращающихся и даже усиливающихся стремленій посѣять рознь между земствами и городами (въ особенности столицами), большого вниманія и сочувствія заслуживаетъ недавнее постановленіе московскаго губернскаго земскаго собранія, направленное къ соглашенію различныхъ, но вовсе не противоположныхъ интересовъ. Московскія городскія попечительства затрудняются помогать пришельцамъ изъ московской и другихъ губерній, наводняющимъ Москву, остающимся безъ занятій, испытывающимъ всевозможныя лишенія и бѣдствія—и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелымъ бременемъ ложащимся на городъ. Московское губернское земское собраніе, въ декабрьской своей сессіи, рѣшило облегчить городскому управленію и его о̀рганамъ исполненіе этой задачи. Послѣ преній, не обнаружившихъ никакого серьезнаго разногласія между гласными отъ столицы и гласными отъ уѣздовъ, собраніе признало, что на губернскомъ земствѣ должна лежать забота о призрѣніи нуждающихся уроженцевъ московской и дру-

гихъ губерній, проживщихъ въ Москвѣ при опредѣленныхъ занятіяхъ —менѣе двухъ лѣтъ, безъ опредѣленныхъ занятій—хотя бы и болѣе этого срока. За уроженцами московской губерніи право на земскую помощь признано и тогда, когда они, проживъ въ Москвѣ, при опредѣленныхъ занятіяхъ, болѣе двухъ лѣтъ, не потеряли связи съ деревней, вслѣдствіе чего представляется возможнымъ и болѣе цѣлесообразнымъ оказывать имъ помощь на родинѣ. Для разрѣшенія общихъ вопросовъ, которые могутъ возникнуть при новомъ порядкѣ, организованъ особый земскій совѣтъ по дѣламъ общественнаго призрѣнія. Въ виду того, что помощью московскаго губернскаго земства будутъ пользоваться пришедшіе въ Москву уроженцы другихъ губерній, собраніе нашло необходимымъ войти по этому предмету въ соглашеніе съ сосѣдними земствами, почему и постановило ходатайствовать о разрѣшеніи созвать при московской губернской земской управѣ земскій областной съѣздъ по вопросамъ общественнаго призрѣнія. Всѣми этими постановленіями достойно поддерживается традиція московскаго губернскаго земства, такъ часто и такъ удачно бравшаго на себя иниціативу нововведеній въ земскомъ дѣлѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и о рѣшеніи собранія организовать общеобразовательные курсы для учащихъ въ начальныхъ школахъ московской губерніи. Въ меньшинствѣ по этому вопросу остались только двое гласныхъ, находившихъ нежелательнымъ, чтобы путемъ курсовъ распространялись между учащими идеи, и не успокоившихся даже тогда, когда предсѣдатель губ. зем. управы призналъ назначеніемъ курсовъ не проповѣдь идей, а „сообщеніе научныхъ свѣдѣній, необходимыхъ учителю на каждомъ шагу его жизни“.

Не отступая, когда нужно, передъ расширеніемъ круга дѣйствій губернскаго земства, московское губернское земское собраніе вовсе не расположено стѣснять, безъ достаточныхъ основаній, самостоятельность уѣздныхъ земствъ. Оно отклонило предложеніе губернской управы, направленное къ установленію бо́льшаго однообразія въ выборѣ учебниковъ и учебныхъ пособій, и признало желательнымъ только одно: чтобы губернское земство, *въ случаѣ возбужденія о томъ ходатайства уѣздными управами*, приняло въ свое вѣдѣніе дѣло закупки, за счетъ уѣздныхъ земствъ, учебныхъ книгъ, пособій и классныхъ принадлежностей, *съ цѣлью ихъ удешевленія*.

НЕДОЧЕТЫ СОСЛОВНЫХЪ ПРОГРАММЪ.

— С. С. Бехтѣевъ, Хозяйственные итоги истекшаго сорокалѣтія, и мѣры къ хозяйственному подъему. Спб. 1902.

Не безъизвѣстный нашему обществу елецкій предводитель дворянства, С. С. Бехтѣевъ, издалъ для Особаго совѣщанія о нуждахъ нашей сельско-хозяйственной промышленности книгу, въ которой онъ излагаетъ свои взгляды на современное положеніе Россіи и на средства уврачеванія недуговъ, которыми она страдаетъ. Въ книгѣ этой авторъ высказываетъ не одни экономическіе взгляды. „Какъ убѣжденный сторонникъ—говоритъ онъ—государственной необходимости дворянства на мѣстахъ для совершенія его культурно-политической миссіи, я, конечно, озабоченъ о возможно большемъ упроченіи положенія дворянства среди другихъ сословій“ (стр. 289)... „Наблюдаемый абсентизмъ помѣстнаго дворянства является пагубнымъ факторомъ, задерживающимъ выполненіе культурно-хозяйственныхъ обязанностей дворянства и развитіе мѣстнаго управленія; поэтому, въ ряду мѣръ, направленныхъ къ хозяйственному подъему страны, очень серьезное и видное мѣсто занимаютъ мѣры къ уменьшенію абсентизма“ (стр. 277)... „Если во всѣ времена абсентизмъ дворянства признавался вреднымъ для культурныхъ и государственныхъ интересовъ, то каковы же будутъ послѣдствія полнаго исчезновенія изъ деревни нашего культурнаго, твердаго въ своихъ политическихъ идеалахъ помѣстнаго сословія, подъ предводительствомъ государей проведшаго русскій народъ черезъ многовѣковыя испытанія и создавшаго современную Россію“ (стр. 127)... Настаивая на особенной важности въ Россіи дворянскаго вопроса и на необходимости разрѣшенія его въ смыслѣ поднятія политическаго и экономическаго значенія дворянства, г. Бехтѣевъ, однако, не можетъ быть причисленъ къ той группѣ защитниковъ дворянскихъ интересовъ, представителемъ которой служитъ, напр., „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго.

Г-нъ Бехтѣевъ, не только не скорбитъ о преждевременномъ, будто бы, упраздненіи крѣпостного права, но считаетъ, что установленіе послѣдняго было пагубной исторической ошибкой, а „великій актъ 19-го февр. 1861 г. имѣлъ значеніе возврата Россіи на историческій путь свободнаго развитія какъ въ духовной, такъ и въ матеріальной областяхъ“ (стр. 126). Не претендуетъ г. Бехтѣевъ и на то, чтобы правительство поддерживало дворянъ раздачей имъ государственныхъ земель, издавало строжайшіе законы противъ неисправныхъ рабо-

чихъ; не сочувствуетъ ограниченію земскаго самоуправленія и т. д. Въ экономической части своихъ воззрѣній г. Бехтѣевъ является усерднымъ защитникомъ интересовъ крестьянъ (насколько они, впрочемъ, не сталкиваются съ интересами дворянъ-землевладѣльцевъ, какъ ихъ понимаетъ г. Бехтѣевъ) и высказываетъ много здравыхъ сужденій какъ о причинахъ разстройства крестьянскаго быта, такъ и о мѣрахъ устраненія этого разстройства.

Словомъ, если воззрѣнія кн. Мещерскаго можно квалифицировать, какъ программу реакціонно-дворянскаго направленія, то г-на Бехтѣева нужно назвать представителемъ направленія прогрессивно-консервативнаго, пытающагося примирить начало сословной организаціи съ требованіями прогресса.

Мы считаемъ не безъинтереснымъ познакомиться ближе съ программой этого направленія, тѣмъ болѣе, что высказывается оно въ данномъ случаѣ лицомъ, не только не безъизвѣстнымъ русскому образованному обществу, но съигравшимъ нѣкоторую роль въ свое время. Кто былъ въ Петербургѣ въ половинѣ 80-хъ годовъ, когда были собраны свѣдущія лица для обсужденія проектовъ различныхъ преобразованій, тотъ, вѣроятно, помнитъ популярную въ городѣ шутку: „Россія пережила московскій и петербургскій періоды своей исторіи и теперь вступаетъ—въ елецкій". Шутка эта иронизировала по поводу того значенія, какое склонны были приписывать г. Бехтѣеву и его землякамъ, приглашеннымъ, въ числѣ прочихъ, для подачи своихъ мнѣній. Обсуждая проектъ преобразованія мѣстнаго управленія, составленный Кахановской коммиссіей и построенный на признаніи „достаточной подготовленности крестьянскаго населенія къ проведенію въ жизнь принципа безсословнаго самоуправленія до самой глубины народной жизни—до сельскаго схода" (тамъ же, стр. 279),—г. Бехтѣевъ высказывалъ мнѣніе, что въ радикальномъ преобразованіи крестьянскаго управленія надобности не представляется, такъ какъ это управленіе страдаетъ не отъ недостатковъ его организаціи, а отъ „низкаго уровня развитія ближайшихъ къ крестьянамъ волостныхъ и сельскихъ властей". Нужно лишь парализовать дѣйствіе этого недостатка, а средствомъ для того можетъ служить „приближеніе къ населенію культурной, благожелательной и попечительной власти, озабоченной улучшеніемъ и упорядоченіемъ сельско-крестьянскихъ учрежденій, безъ грубаго, насильственнаго вторженія въ область крестьянскаго сословнаго самоуправленія, прежде всего нуждающагося въ развитіи чувства законности"...

„Убѣжденные въ томъ, что строгое разграниченіе властей по роду ихъ функціи, т.-е. раздѣленіе судебныхъ и административныхъ властей, доступно разумѣнію только народа, достаточно культурнаго, а

не русскаго крестьянскаго населенія, не могущаго въ этомъ разобраться, мы—говоритъ далѣе г. Бехтѣевъ—видѣли ясно тогда, какъ ясно мнѣ и теперь, что двойного комплекта людей для администраціи и суда провинціальная Россія дать не можетъ. Кромѣ того, мы знали, какимъ огромнымъ довѣріемъ и авторитетомъ въ населеніи пользовался институтъ мировыхъ судей. Отправляясь отъ всего этого, мы признавали цѣлесообразнымъ небольшое увеличеніе персонала участковыхъ мировыхъ судей и передачу ихъ вѣдѣнію надзора за крестьянскими учрежденіями, во всей ихъ полнотѣ и совокупности. Вмѣстѣ съ этимъ мы полагали сдѣлать мировыхъ судей отвѣтственными за полный порядокъ и благоустройство деревни въ предѣлахъ всѣхъ предписаній различныхъ уставовъ, до сего относящихся"... „Основныя черты этого плана,—продолжаетъ г. Бехтѣевъ свои воспоминанія,—удостоились Высочайшаго одобренія и легли въ основу закона 12-го іюня 1889 г., но осуществленіе получили они не въ той формѣ, какъ предлагали сторонники объединенной власти. Четыре губернатора и четыре губернскихъ предводителя, вырабатывавшіе законопроектъ, совершенно исказили нашу мысль. Популярный въ населеніи, изъ населенія выходившій и населеніемъ же пополняемый, институтъ мировыхъ судей былъ уничтоженъ и замѣненъ часто чуждыми населенію земскими начальниками" (стр. 280—281). Четыре губернатора и четыре предводителя, составлявшіе законопроектъ, не были, конечно, настолько могущественны, чтобы по личному побужденію „совершенно исказить" мысль, получившую Высочайшее одобреніе. Они, вѣроятно, составляли проектъ по идеѣ, преподанной свыше, и съ этимъ соглашается самъ г. Бехтѣевъ, когда упраздненіе выборнаго начала въ институтѣ земскихъ начальниковъ приписываетъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Д. А. Толстому. С. С. Бехтѣевъ, однако, въ указанномъ—Положеніемъ 12-го іюля 1889 г.—порядкѣ назначеній земскихъ начальниковъ готовъ видѣть результатъ личнаго раздраженія гр. Толстого. „Много разъ какъ во время работъ Кахановской коммиссіи, такъ и позже, мнѣ приходилось—сообщаетъ г. Бехтѣевъ—говорить съ гр. Толстымъ объ этомъ (выборномъ началѣ въ мѣстномъ управленіи), и я знаю, какъ небогатъ былъ его арсеналъ доказательствъ; всѣ возраженія его всегда имѣли нѣсколько страстный оттѣнокъ и, думается мнѣ, проистекали, главнымъ образомъ, отъ неудачнаго образа дѣйствій одного изъ уѣздныхъ земскихъ собраній рязанской губерніи въ отношеніи его (гр. Толстого) въ періодъ внезапнаго его освобожденія отъ обязанности министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора св. синода при императорѣ Александрѣ II. Этотъ ошибочный поступокъ земцевъ, о которомъ я не разъ отъ него слышалъ, оставилъ, какъ видно, въ графѣ неизгладимое впечатлѣніе, къ

прискорбію отразившееся и еще и теперь отражающееся на всей Россіи“ (стр. 290). Такого рода воззрѣнія г. Бехтѣева на мотивы того или другого направленія внутренней политики проявляется еще яснѣе, когда онъ говоритъ объ отношеніи правительства къ земству. Съ легкой руки гр. Толстого „земство, въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій, болѣе и болѣе становится пасынкомъ. Неблагожелательное отношеніе гр. Толстого, вполнѣ объясняется впечатлительностью его натуры, не могшей освободиться отъ воспоминаній о неумѣстной выходкѣ земства, къ которому онъ принадлежалъ. Но позднѣйшее положеніе земства *совершенно необъяснимо и непонятно.* Съ разныхъ сторонъ оно внезапно стало подвергаться опалѣ и осужденію, какъ будто бы за то, что въ сравнительно короткій промежутокъ времени оно такъ много хорошаго сдѣлало для населенія, сравнительно съ губерніями, гдѣ нѣтъ земства“ (стр. 196).

Итакъ, пожеланія г. Бехтѣева объ усиленіи дворянскаго элемента въ мѣстномъ управленіи, повидимому, осуществились: нынѣшнее уѣздное земское собраніе „представляетъ собою делегацію дворянскаго землевладѣнія, пополненную представительствомъ крестьянскаго землевладѣнія и городскихъ имуществъ“ (стр. 295); дворянство поставлено на стражѣ крестьянскаго самоуправленія. И однако, ни земское, ни крестьянское управленія не приведены въ тотъ видъ, какой они должны имѣть, „и теперь деревенское дѣло опять почти въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было до учрежденія уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія“ (стр. 288). Заявляя претензію на особыя привилегіи, въ ущербъ правамъ другихъ классовъ, и поддерживая, такимъ образомъ, принципъ ограниченія самоуправленія, ревнители сословнаго начала упустили изъ виду, что есть и другіе элементы въ русской жизни, стремящіеся къ тому же, и что эти элементы, какъ болѣе могущественные, станутъ на мѣсто, назначаемое г. Бехтѣевымъ для дворянства. Дворянамъ дано преобладаніе надъ другими сословіями въ мѣстномъ управленіи, но подъ условіемъ одновременнаго расширенія власти администраціи. „Благожелательная и попечительная“ для народа власть дворянъ въ лицѣ земскихъ начальниковъ выродилась въ чисто чиновническое учрежденіе съ неопредѣленными полномочіями, отъ котораго готовъ отречься самъ г. Бехтѣевъ; выборные представители дворянскаго земства обращены въ получиновниковъ же; самостоятельность этого земства ограничивается болѣе и болѣе, права его съуживаются, компетенція—также. Вмѣсто расширенія правъ дворянства, какъ сословія, дворянскія привилегіи принесли одно расширеніе административной власти съ преимуществомъ для дворянъ занимать чиновничьи и получиновничьи должности. Дворянство втягивается такимъ образомъ въ бюрократію

и обращается не въ управляющее, а въ служилое сословіе, безъ власти, но съ привилегіями за неосуществленное первенство. Г-ну Бехтѣеву самому непріятно мириться съ мыслью о томъ, что проекты о преобладаніи дворянства могутъ получить осуществленіе лишь путемъ съуженія самоуправленія въ пользу бюрократическаго начала; и онъ полагаетъ избѣжать такого заключенія, несправедливо приписавъ данное направленіе правительственной политики одному личному раздраженію гр. Д. А. Толстого. Но вѣдь авторъ института земскихъ начальниковъ и новаго земскаго положенія — уже давно въ могилѣ, а данное имъ направленіе внутренней политикѣ развивается, а не ограничивается. Предѣльность земскаго обложенія введена послѣ гр. Толстого; продовольственное дѣло изъято изъ рукъ земства не гр. Толстымъ, и т. д., и т. д. Всякому, такимъ образомъ, ясно, что ограниченіе самоуправленія есть принципъ, не по инерціи, а принципіально проводимый въ послѣднія 15 лѣтъ; тотъ же самый періодъ времени можетъ быть охарактеризованъ и какъ сословная эра. Связь между этими двумя теченіями внутренней политики не случайна. Нельзя совершать крупныя преобразованія безъ сочувствія какого-либо изъ общественныхъ классовъ. Ограничительныя преобразованія мѣстнаго управленія (крестьянскаго и земскаго), поэтому, должны быть сознаваемы на мѣстахъ, какъ отвѣчающія интересамъ или желаніямъ какого-либо изъ мѣстныхъ же элементовъ. Кто хлопоталъ о сословныхъ привилегіяхъ,—не можетъ потому считаться участникомъ въ преобразованіяхъ, такъ или иначе осуществившихъ эти привилегіи.

Г-нъ Бехтѣевъ настаиваетъ на важности культурно-политическаго значенія дворянства на мѣстахъ, и одной изъ функцій такого характера считаетъ надзоръ за крестьянскимъ управленіемъ. Дворянство получило, наконецъ, право этого надзора, но осуществленіемъ его недоволенъ опять самъ г. Бехтѣевъ, считающій, что крестьянское управленіе находится теперь въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ оно было до введенія института земскихъ начальниковъ. Ближайшую причину этого г. Бехтѣевъ видитъ въ томъ, что лучшіе дворяне избѣгаютъ поступать на должность земскаго начальника. „Масса обязанностей, требующихъ огромной энергіи, отсутствіе служебныхъ перспективъ, личная служебная зависимость отъ губернаторовъ, сдѣлали—говоритъ онъ—то, что много талантливыхъ, идейныхъ, имущественно независимыхъ людей, ставшихъ въ ряды земскихъ начальниковъ въ первое время по ихъ учрежденіи, скоро бросили эту службу, подобно тому, какъ поспѣшили уйти лучшіе мировые посредники, какъ только ввели уставныя грамоты... Нынѣ, за небольшими исключеніями, мѣста земскихъ начальниковъ занимаютъ и будутъ занимать до могилы—главнымъ обра-

зомъ, люди, для которыхъ важно имѣть дополнительное къ сельскому хозяйству денежное полученіе“ (стр. 283)... За дѣятельностью земскаго начальника нѣтъ никакого надзора: „губернатору, по горло занятому массою дѣлъ, надзоръ за дѣятельностью сотни лицъ, на сотни верстъ отъ него дѣйствующихъ, неосуществимъ“. Предсѣдатель уѣзднаго съѣзда—предводитель дворянства—не обязанъ за ними надзирать. Такимъ образомъ, земскому начальнику предоставлена полная свобода—работать или бездѣйствовать „до могилы“.

Причины неудовлетворительнаго выполненія дворянствомъ одной изъ его культурно-политическихъ задачъ заключаются, впрочемъ, не въ одной лишь современной постановкѣ института земскихъ начальниковъ. Для устраненія недостатковъ, порочащихъ, въ глазахъ г. Бехтѣева, этотъ институтъ, авторъ предлагаетъ обратить должность земскаго начальника въ выборную, поставить надъ ними общественный контроль и побудить ихъ быть болѣе дѣятельными. Но вѣдь не одна только малодѣятельность земскихъ начальниковъ огорчаетъ, полагаемъ, г. Бехтѣева. Чтобы выполнить задачу осуществленія „культурной, благожелательной и попечительной власти, озабоченной улучшеніемъ и упорядоченіемъ крестьянскихъ учрежденій безъ грубаго, насильственнаго вторженія въ область крестьянскаго самоуправленія“,—нужны, конечно, лучшіе люди, а не тѣ, для которыхъ важно лишь „имѣть дополнительное къ сельскому хозяйству денежное полученіе“. Лучшіе же дворяне не пойдутъ въ земскіе начальники и послѣ того, какъ тѣ станутъ выбираться земскими собраніями. Сознанія, что они выполняютъ важную культурно-политическую миссію, оказывается, недостаточно для того, чтобы способные дворяне согласились занять соотвѣтствующія должности. Чтобы институтъ земскихъ начальниковъ „пополнялся дѣйствительно лучшими людьми — говоритъ г. Бехтѣевъ,— нужно, чтобы земскимъ начальникамъ открывались широкія *служебныя перспективы*, чтобы они представляла собой основной первоначальный кадръ для пополненія высшихъ должностей по мѣстной службѣ, а можетъ быть, даже и центральной“... „Отъ человѣка, мечтающаго сдѣлаться губернаторомъ и двигаться далѣе по служебной іерархіи“, нужно требовать—„пройти черезъ двое или трое земскихъ выборовъ въ земскіе начальники, не менѣе какъ черезъ двое выборовъ дворянства въ уѣздные предводители, быть выбраннымъ и рекомендованнымъ губернаторомъ на должность вице-губернатора, и лишь пройдя черезъ весь этотъ искусъ и вездѣ доказавъ свою способность и пригодность, уже сдѣлаться кандидатомъ на должность губернатора“ (стр. 287). Итакъ, чтобы упорядочить сословными руками крестьянское управленіе, недостаточно привлечь дворянъ къ этому дѣлу и назначить за него приличное матеріальное вознагражденіе. Мало будетъ

и предоставленія имъ надлежащей самостоятельности, контролируемой выборнымъ общественнымъ учрежденіемъ. Задача „приближенія къ населенію культурной, благожелательной и попечительной власти“ сама по себѣ слишкомъ мало, какъ то очевидно, интересуетъ дворянъ для того, чтобы лица, способныя олицетворять такую власть, отвлеклись отъ другихъ своихъ (должно полагать—служебныхъ) дѣлъ. Нужны еще исключительныя служебныя привилегіи, въ видѣ перспективы губернаторскаго мѣста, чтобы привлечь дворянство къ надлежащему выполненію естественной, будто бы, для него культурно-политической миссіи. Но не слишкомъ ли дорогой цѣной будетъ куплена культурная и благожелательная для крестьянъ власть? да и можно ли осуществить такую власть насильственнымъ привлеченіемъ дворянскаго сословія къ дѣлу, которое оно, очевидно, не считаетъ входящимъ въ кругъ его гражданскихъ обязанностей?

Впрочемъ, служебныя привилегіи земскимъ начальникамъ проектируются г. Бехтѣевымъ не только для побужденія дворянства къ надлежащему выполненію его культурно-политической миссіи. Они кажутся г. Бехтѣеву дѣйствительнымъ средствомъ также для привлеченія дворянъ къ выполненію другой ихъ миссіи—культурно-хозяйственной. Эту идею г. Бехтѣевъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ. „Въ ряду различныхъ явленій, пагубно вліяющихъ на имущественный и культурный уровень деревни, есть одно, которому обычно не придаютъ того значенія, какое оно имѣетъ, между тѣмъ разносторонне пагубное вліяніе его громадно. Я говорю объ абсентизмѣ деревенской интеллигенціи, принявшемъ особенно грозные размѣры въ истекшее десятилѣтіе“... „Бѣжитъ все наиболѣе сильное, способное найти себѣ плодотворное дѣло внѣ насиженнаго угла. Остается все, наиболѣе слабое, наименѣе энергичное“... „Наблюдаемый абсентизмъ помѣстнаго дворянства является пагубнымъ факторомъ, задерживающимъ выполненіе культурно-хозяйственныхъ обязанностей дворянства и развитія мѣстнаго управленія; поэтому, въ ряду мѣръ, направленныхъ къ хозяйственному подъему страны, очень серьезное и видное мѣсто занимаютъ мѣры къ уменьшенію абсентизма“ (стр. 277). Мѣры, предлагаемыя для этого г. Бехтѣевымъ, заключаются въ той самой системѣ постепеннаго прохожденія службы, начиная съ земскаго начальника, съ которымъ мы уже познакомились. „Требованіе постепеннаго прохожденія провинціальной службы—излагаетъ свои надежды г. Бехтѣевъ—совершенно измѣнило бы картину деревни и привлекло бы на землю массу силъ. Не всѣ бы попали въ губернаторы, а много ищущихъ службы возвратились бы къ землѣ и остались бы, *застряли бы въ деревнѣ*“ (стр. 287).

Когда г. Бехтѣевъ первоначально заявлялъ о важномъ значеніи

дворянства, какъ благоустроителя мѣстнаго управленія и мѣстнаго хозяйства, онъ исходилъ, конечно, не изъ представленія о „бѣлой кости“ лицъ дворянскаго сословія, а основывался на выработанныхъ исторически связяхъ и отношеніяхъ, обусловливающихъ то, что дворянство является не только желательнымъ, но и естественнымъ факторомъ культурно-политическаго и культурно-хозяйственнаго благоустройства. Когда же онъ болѣе или менѣе полно развилъ свою мысль —оказалось, что побудить дворянство къ выполненію его культурныхъ задачъ можно лишь системой такихъ поощреній, къ какимъ правительства отсталыхъ странъ прибѣгаютъ для привлеченія иноземныхъ культурныхъ элементовъ,—по естественнымъ побужденіямъ, конечно, избѣгающихъ близкаго общенія съ невѣжественными народами, и соглашающихся на это лишь изъ-за особенныхъ выгодъ и привилегій. Такъ привлекали нѣкогда изъ-за границы въ Россію ученыхъ врачей, мастеровъ; такъ привлекали еще недавно иностранные капиталы, и такъ же предлагаетъ г. Бехтѣевъ привлечь къ полезной мѣстной дѣятельности русское дворянство. Факты эти не особенно благопріятствуютъ мысли о томъ, что дворянство является самымъ естественнымъ культурнымъ агентомъ въ провинціи; если же бѣгство дворянъ изъ деревни, гдѣ у нихъ есть близкіе интересы, сопоставить съ той готовностью, съ какою идетъ въ ту же деревню на земскую службу „городская“, „безпочвенная“,—какъ ее именуетъ г. Бехтѣевъ,— интеллигенція, не только не получающая какихъ-либо привилегій, но поставленная въ самое необезпеченное положеніе,—то врядъ ли не слѣдуетъ признать, что пожалуй этой интеллигенціи будетъ принадлежать современемъ честь приведенія провинціи въ благоустроенное состояніе.

Итакъ, принципіально С. С. Бехтѣевъ стоитъ за расширеніе мѣстнаго вліянія дворянства на почвѣ возможнаго сохраненія самоуправленія; въ отношеніи практическаго выполненія этой идеи, на первый планъ уже выдвинутъ имъ принципъ служебной привилегіи,— а фактически дѣло свелось къ ограниченію самоуправленія, къ очиновниченью земствъ и обращенію дворянства въ служилое сословіе. Результатъ этотъ слѣдуетъ считать не отрицаніемъ, а лишь болѣе яснымъ развитіемъ основной мысли г. Бехтѣева; и что эта мысль— при данныхъ условіяхъ—невольно тяготѣетъ къ обращенію сословнаго самоуправленія въ бюрократическое, видно также изъ слѣдующаго мнѣнія г. Бехтѣева. Возставая противъ ограниченія земскаго самоуправленія, онъ, тѣмъ не менѣе, совершенно въ тонъ политикѣ очиновниченья земства, предлагаетъ примѣнить принципъ выслуги лѣтъ и къ замѣщенію земскихъ должностей: „Тотъ же принципъ постепенности прохожденія службы—говоритъ онъ—слѣдовало бы приклады-

вать и къ предсѣдателю губернской земской управы, для котораго слѣдовало бы установить предварительную подготовку на должностяхъ предсѣдателя уѣздной земской управы или члена губернской управы, которымъ должна предшествовать служба членомъ уѣздной земской управы" (стр. 287).

Таковы начала и таковы концы системы культурнаго благоустройства провинціи на принципѣ сохраненія сословнаго самоуправленія. Концы эти находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ историческими традиціями самого сословія, о которыхъ намъ разсказываетъ С. С. Бехтѣевъ, и съ тѣмъ, констатируемымъ имъ же, фактомъ, что экономически дворянство совершенно оскудѣваетъ, и безъ правительственной помощи не способно выйти изъ состоянія хозяйственнаго упадка. Слабое въ экономическомъ отношеніи и ищущее помощи на сторонѣ оно не можетъ имѣть ни самостоятельнаго вліянія на мѣстахъ, ни самостоятельнаго значенія въ глазахъ власти.

Г-нъ Бехтѣевъ рисуетъ „до стыда" печальную картину хозяйственнаго положенія дворянства. Доходовъ съ имѣнія оно не получаетъ, лѣса изводитъ, землю закладываетъ или продаетъ, и если отчужденіе дворянскихъ земель „пойдетъ въ пропорціи послѣдняго пятилѣтія, то черезъ семьдесятъ лѣтъ все дворянство будетъ обезземелено" (стр. 12). Г-нъ Бехтѣевъ считаетъ такія перспективы весьма пагубными для государства. „Нарушая исторически сложившіяся аграрныя отношенія, служащія краеугольнымъ камнемъ нашего національно-государственнаго бытія", „современныя условія грозятъ смести съ лица земли наше помѣстное сословіе, съ корнемъ вырвать этотъ устой царства россійскаго; поэтому, къ нему нельзя относиться спокойно, его нельзя предоставить собственному теченію, такъ какъ послѣдствія онаго могутъ быть небезопасными для нашего національнаго государственнаго бытія" (стр. 125). Причины указываемаго печальнаго экономическаго положенія дворянства г. Бехтѣевъ видитъ, однако, не только въ новыхъ условіяхъ сельско-хозяйственной дѣятельности, но и въ наслѣдіи, полученномъ дворянствомъ отъ дореформенной эпохи: задолженности его землевладѣнія и низкой производительности земли.

Историческая справка, приведенная во второй главѣ книги г. Бехтѣева, имѣетъ цѣлью показать, что задолженность дворянскаго землевладѣнія въ дореформенныя времена, была слѣдствіемъ исполненія дворянами государственныхъ службъ, препятствовавшихъ имъ заниматься хозяйствомъ и требовавшихъ большихъ расходовъ на представительство. И это тяготѣніе къ службѣ дворяне проявляли какъ во время обязательнаго служенія государству, такъ и послѣ освобожденія ихъ отъ этой обязанности. Такимъ образомъ, дворянство никогда не было свободнымъ мѣстнымъ хозяйственнымъ элементомъ; оно тяну-

лось на службу, къ блеску, ко двору; оно не заботилось о возвышеніи сельско-хозяйственной культуры, быстро проживало низкіе доходы отъ земледѣлія, а излишки своихъ тратъ покрывало займами. Ростущая задолженность, конечно, скоро поставила бы дворянъ въ крайне непріятное положеніе, если бы на выручку не приходило правительство, учреждавшее для своихъ слугъ спеціальныя кредитныя учрежденія и какъ бы бравшее на себя отвѣтственность за долги помѣщиковъ. Неизвѣстно, на что оказалось бы вынужденнымъ правительство, если бы крѣпостное право сохранилось дольше, и въ казенныхъ учрежденіяхъ оказались бы заложенными не $^2/_3$, какъ это было тогда, а всѣ дворянскія населенныя имѣнія. Очевидно, что дворянское землевладѣніе еще до реформы переживало кризисъ и шло по пути превращенія въ государственное землевладѣніе, съ послѣдующимъ обращеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ въ казенные, и что „исторически-сложившимся аграрнымъ отношеніямъ", служащимъ, будто бы, „краеугольнымъ камнемъ нашего національно-государственнаго бытія", грозило крушеніе. Дворянское землевладѣніе было спасено крестьянской реформой. Неизбѣжная по финансово-экономическимъ причинамъ ликвидація крѣпостного права была произведена не путемъ обращенія помѣщичьихъ крестьянъ въ государственные, а полнымъ ихъ освобожденіемъ и возложеніемъ на нихъ уплаты казнѣ помѣщичьихъ долговъ. Оставшіяся въ дворянскихъ рукахъ 80 милл. десятинъ были такимъ образомъ освобождены отъ долговыхъ обязательствъ, и дворяне получили еще выкупныя свидѣтельства, которыя могли обратить въ деньги.

Освободивъ помѣщиковъ отъ долговъ, правительство упразднило и казенныя кредитныя для дворянъ учрежденія. Г. Бехтѣевъ считаетъ этотъ шагъ крайне несправедливымъ и пагубнымъ для дворянскаго землевладѣнія, и находитъ, что правительству надлежало и впредь оберегать дворянъ отъ необходимости „идти за помощью къ людямъ свободныхъ состояній, накоплявшимъ богатства въ то время, когда дворянство, не щадя имущества и жизни, изнемогало на службѣ государству". Что̀ было причиной отказа правительства отъ первоначальнаго предположенія создать земскіе банки,—спрашиваетъ г. Бехтѣевъ, —какія теченія возобладали въ правящихъ сферахъ, какимъ воздѣйствіямъ подвергся и поддался самъ государь—я не знаю; но несомнѣненъ тотъ фактъ, что были забыты священнѣйшіе интересы дворянства, которые, по почину своихъ лучшихъ людей, поступились, во имя государственной пользы, частью своего имущества, то деньгами, то службою, то кровью добытаго" (стр. 135). Словами В. А. Кокорева г. Бехтѣевъ приписываетъ уничтоженіе опекунскихъ совѣтовъ вліянію „шести дѣятелей", характеризованныхъ Кокоревымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „они проповѣдывали въ тарифныхъ коммиссіяхъ пони-

женіе пошлины на кофе, потому что кофе разовьетъ мозговыя силы крестьянина, и требовали также пониженія на пикули и капорцы, какъ приправы, могущія дать вкусъ грубой крестьянской пищѣ" (стр. 136). Въ этомъ случаѣ г. Бехтѣевъ проявляетъ ту же склонность приписывать крупныя событія вліяніямъ отдѣльныхъ личностей, съ какой мы уже встрѣчались. Какъ бы то ни было, но черезъ пять лѣтъ послѣ реформы стали открываться коммерческія кредитныя учрежденія, куда дворяне и поспѣшили понести свои земли, и черезъ двадцать лѣтъ послѣ реформы дворянское землевладѣніе оказалось обремененнымъ такой же суммой долговъ, отъ какой оно было освобождено послѣ реформы, а для спасенія этого землевладѣнія понадобились опять кредитныя учрежденія государственнаго характера.

Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о томъ, что дворянство не имѣло успѣха послѣ реформы въ своей хозяйственной дѣятельности. Г. Бехтѣевъ признаетъ это, но старается объяснить такимъ образомъ, чтобы избавить его отъ упрека въ неспособности выполнять на мѣстахъ культурно-хозяйственную миссію, которую онъ ему приписываетъ. „При низкой урожайности нашей, хозяйство возможно только при высокихъ цѣнахъ на зерно—говоритъ онъ;—при низкой же урожайности и низкихъ цѣнахъ на зерно хозяйство невозможно при покупномъ трудѣ" (стр. 149). Г. Бехтѣевъ утверждаетъ, что не только дворяне, но и лица прочихъ сословій не успѣли въ попыткахъ заведенія коммерческаго хозяйства. Этотъ общій неуспѣхъ повелъ, будто бы, къ тому, что земля перестаетъ привлекать къ себѣ покупателей. Даже „крестьяне на свои деньги рѣшительно перестали покупать земли—утверждаетъ г. Бехтѣевъ,—предпочитая обращать сбереженія на другіе промыслы; о покупкѣ же земли, къ которой они еще такъ недавно относились съ нѣжностью и алчностью, они не заводили рѣчи, даже и тогда, когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, цѣна на землю понизилась" (стр. 141). Послѣднія утвержденія г. Бехтѣева, конечно, совершенно противорѣчатъ дѣйствительности: если бы земля не находила пріобрѣтателей, и притомъ по очень высокимъ цѣнамъ, то нечего было бы опасаться за то, что черезъ семьдесятъ лѣтъ вся дворянская собственность перейдетъ въ иносословныя руки. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что г. Бехтѣевъ неправъ, когда говоритъ о трудности вести въ настоящее время коммерческое сельское хозяйство. Въ трудности этой, однако, много повинно само же дворянство. „Переходъ къ капиталистическому (основанному на наемномъ трудѣ) хозяйству только обнаружилъ болѣзнь,—самая же болѣзнь очевидно *существовала еще при крѣпостномъ правѣ* и не обнаруживалась, прикрываясь даровымъ трудомъ. Несомнѣнно,—уже очень давно причиной печальнаго хода дѣла была отжившая, устарѣлая система хозяйства" (стр. 149). Не-

подвижность сельско-хозяйственной культуры во времена крѣпостного права г. Бехтѣевъ пытается объяснить отсутствіемъ сбыта произведеній хозяйства, кромѣ зерна, и неимѣніемъ „учебныхъ заведеній, въ которыхъ дворянство подготовлялось бы для хозяйственной дѣятельности". Это объясненіе врядъ ли можетъ кого-либо удовлетворить. Самъ г. Бехтѣевъ напоминаетъ о томъ, что вопросъ о возвышеніи производительности сельскаго хозяйства поднимался у насъ очень давно, а при императорѣ Николаѣ I учрежденъ былъ даже особый „Комитетъ для усовершенствованія земледѣлія въ Россіи". Въ возбужденіи этого вопроса не было бы надобности, если бы низкая производительность хозяйства не приводила къ ощутительнымъ и очевиднымъ матеріальнымъ послѣдствіямъ. Отсутствіе соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеній тоже не объясняетъ сельско-хозяйственной бездѣятельности дворянства: во главѣ государственнаго управленія стояли дворяне же, и при живомъ ихъ сознаніи пользы такихъ заведеній—послѣднія не замедлили бы основаться. Истинная причина отсталости сельскаго хозяйства въ крѣпостную эпоху заключается въ томъ, что способные дворяне служили, а не занимались хозяйствомъ.

Сдѣланная г. Бехтѣевымъ историческая справка показала, что въ крѣпостную эпоху лучшіе дворяне не жили въ своихъ имѣніяхъ, не вели крестьянское населеніе по пути сельско-хозяйственнаго прогресса, и если исполняли нѣкоторыя политическія функціи, то, главнымъ образомъ, въ качествѣ правительственныхъ чиновниковъ. Историческія традиціи, поэтому, не въ пользу того, чтобы отъ дворянъ больше, чѣмъ отъ другихъ сословій, можно было ожидать естественнаго участія въ прогрессивномъ развитіи страны въ качествѣ мѣстныхъ культурныхъ элементовъ. По естественнымъ традиціоннымъ побужденіямъ дворяне и послѣ реформы должны были стремиться на службу въ правительственныя учрежденія и въ открывавшіяся учрежденія и предпріятія общественнаго и частно-капиталистическаго характера. Совершенно, поэтому, согласно съ историческими традиціями г. Бехтѣевъ ищетъ средствъ прикрѣпить дворянина къ землѣ, открывая ему перспективы губернаторскаго мѣста. Но если г. Бехтѣевъ находится въ согласіи съ исторіей, когда избираетъ *средства* для достиженія извѣстной цѣли, то онъ поступаетъ совершенно антиисторически, когда ставитъ эту *цѣль*, заключающуюся въ водвореніи на землѣ дворянина и побужденіи его чуть не силкомъ выполнять здѣсь различныя культурныя задачи. Въ губернаторы вѣдь попадутъ далеко не всѣ, жаждущіе этого благополучія,—разсуждаетъ г. Бехтѣевъ,—и тѣ, которые останутся за штатомъ, „застрянутъ въ деревнѣ". Въ деревнѣ застряваютъ дворяне и теперь, но много ли выигрываетъ отъ того культура—показалъ намъ самъ авторъ. Нѣтъ, не сидѣлъ на

землѣ способный дворянинъ и во времена крѣпостного права; бѣжалъ онъ изъ деревни въ истекшее съ момента реформы сорокалѣтіе; тѣмъ болѣе не удержать его здѣсь и не заставить предпринимать коренныя преобразованія хозяйства направленіемъ его вожделѣній на губернаторскія и всякія другія должности!

Мы уже говорили о томъ, что г. Бехтѣевъ рисуетъ хозяйство землевладѣльцевъ-дворянъ, какъ находящееся въ упадкѣ, и объясняетъ такое состояніе тѣмъ, что при низкой урожайности полей, унаслѣдсванной еще отъ крѣпостной эпохи, и при низкихъ цѣнахъ зерна, веденіе хозяйства наемнымъ трудомъ невозможно. На это, однако, слѣдуетъ замѣтить, что цѣны зерна въ Россіи опредѣляются состояніемъ ихъ на внѣшнихъ рынкахъ; на эти же рынки поставляетъ хлѣба не одна Россія, а и другія страны. Самъ г. Бехтѣевъ приводитъ таблицу, показывающую, что Соединенные-Штаты, напримѣръ, вывозятъ въ послѣдніе годы въ $1^1/_2$—2 раза больше хлѣбовъ, нежели Россія. Значительная часть этого хлѣба добывается наемнымъ трудомъ, который цѣнится въ Америкѣ, конечно, несравненно дороже, нежели въ Россіи. И несмотря на это, американскіе хозяева не изнемогаютъ такъ подъ бременемъ низкихъ цѣнъ, какъ русскіе, а стараются парализовать вліяніе этихъ послѣднихъ, замѣняя ручной трудъ машинами и развивая экспортъ продуктовъ переработки зерна. Такъ, стоимость работы низведена тамъ до 5-ти коп. на четверть пшеницы, а пшеничной муки изъ американскихъ штатовъ вывозится 80—90 милл. пуд. въ годъ, тогда какъ мы не отправляемъ въ западную Европу и одного милліона пудовъ, и если бы не качество нашей пшеницы, благодаря которому финляндскіе хлѣбопеки вынуждены примѣшивать нашу дорогую муку къ дешевому товару американскаго происхожденія, то вывозъ пшеничной муки изъ Россіи прекратился бы совершенно. Г. Бехтѣевъ ищетъ выхода изъ современнаго упадка хозяйства въ сокращеніи производства зерна и въ развитіи добычи другихъ продуктовъ, преимущественно въ распространеніи животноводства для вывоза за границу различныхъ его продуктовъ. Но гдѣ же, спрашивается, гарантія того, что мы отобьемъ мясные рынки у нашихъ заатлантическихъ соперниковъ, поставляющихъ теперь въ Европу почти все недостающее ей количество мяса? Вѣдь для того, чтобы преобразовать соотвѣтствующимъ образомъ хозяйство всѣхъ губерній, тяготящихся производствомъ зерна, необходимъ очень широкій внѣшній рынокъ, и найдемъ ли мы таковой для нашего мяса—болѣе чѣмъ сомнительно. Наши землевладѣльцы, 15—20 лѣтъ назадъ, пробовали организовать вывозъ говядины и свинины въ Англію; они завели англійскія породы свиней, выписали иностранцевъ-заготовителей мяса, снарядили пароходы... и въ концѣ концовъ достигли того, что

вмѣсто ста тысячъ пудовъ мы вывозимъ 300 тысячъ пудовъ мяса, т.-е. количество совершенно ничтожное. По мнѣнію г. Бехтѣева, въ неуспѣхѣ этого дѣла виновно правительство; равно какъ на правительство же возлагаются имъ надежды и въ отношеніи грядущаго преобразованія хозяйства. Правительство должно устроить сельскохозяйственныя заведенія, опытныя поля, станціи и тому подобное; всякаго рода поощрительными средствами, до безвозвратныхъ пособій включительно, и освобожденіемъ отъ поземельныхъ налоговъ оно должно облегчать переходъ къ культурнымъ формамъ хозяйства; ему слѣдуетъ принять на себя массовую выписку сельско-хозяйственныхъ машинъ или даже учредить казенные заводы для производства таковыхъ; правительство должно создать на желѣзно-дорожной сѣти, рѣчныхъ пристаняхъ и въ вывозныхъ пунктахъ хлѣбные склады и элеваторы съ хлѣбной инспекціей, съ классификаціей и обезличеніемъ зерна и выдачей варрантовъ. Спеціально по отношенію къ дворянамъ г. Бехтѣевъ возлагаетъ на правительство обязанность „мѣрами мелліораціонными и попечительными (особымъ видомъ опекъ) предотвращать обезземеленіе заемщиковъ дворянскаго банка, по несчастію или другимъ случайностямъ сдѣлавшихся неисправными; увеличеннымъ размѣромъ ссудъ содѣйствовать дворянамъ покупать землю; организаціею при дворянскомъ банкѣ краткосрочнаго кредита для уплаты срочныхъ платежей ограждать заемщиковъ отъ продажи произведеній хозяйства по убыточно-низкимъ цѣнамъ и проч.“ (стр. 351).

Помощью преимущественно дворянству же будутъ и требуемыя г. Бехтѣевымъ широкія правительственныя мѣропріятія по распространенію животноводства. „Полезно и необходимо—говоритъ г. Бехтѣевъ—употребить всѣ усилія къ развитію и улучшенію, главнымъ образомъ, скотоводства и мясного овцеводства въ землевладѣльческихъ хозяйствахъ; это необходимо именно для того, чтобы черезъ нихъ ускорить и удешевить улучшеніе крестьянскаго животноводства и для скорѣйшаго измѣненія характера нашего заграничнаго вывоза произведеній сельскаго хозяйства“ (стр. 265). Вывозъ продуктовъ животноводства долженъ лежать преимущественно на правительствѣ: ему „предстоятъ особыя заботы по организаціи перевозки по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ къ экспортнымъ пунктамъ; въ нихъ устроить соотвѣтственные склады, бойни, агентуры; организовать срочную и быструю перевозку моремъ на заграничные рынки; на этихъ рынкахъ устроить холодные и другіе спеціальные склады, организовать агентуры и торговлю этими продуктами“ (стр. 149).

Мы не приводимъ всей программы г. Бехтѣева по экономической части, не касаемся вовсе пунктовъ ея, относящихся къ крестьянамъ, такъ какъ мы имѣли въ виду обрисовать общій ея характеръ въ отно-

шеніи правительства къ крупному хозяйству. И мы видимъ, что для поднятія этого хозяйства, вообще, дворянскаго въ частности, на правительство возлагаются такія надежды, для удовлетворенія которыхъ ему пришлось бы брать на себя и производство, и перевозку, и торговлю различными товарами. Обращеніе съ такими широкими требованіями къ правительству равносильно признанію полнаго собственнаго безсилія не только въ дѣлѣ выполненія культурно-хозяйственной миссіи, но и въ простомъ поддержаніи своихъ хозяйственныхъ животовъ. А хозяйственно-безсильный классъ въ нашъ вѣкъ господства матеріальныхъ факторовъ, силъ и интересовъ—не можетъ играть и самостоятельной государственной роли. Настоятельная у него потребность—прокормиться, и правительство по возможности удовлетворяетъ этой потребности, обращая сословный классъ въ бюрократію.

Но можетъ ли правительство—въ заботахъ о прокормленіи падающаго сословія—пойти такъ далеко, чтобы осуществить проектъ г. Бехтѣева о замѣщеніи дворянами главнѣйшихъ мѣстныхъ и даже центральныхъ должностей? Будетъ ли осуществленіе такого проекта совпадать съ интересами русскаго народа? Вѣдь пока не пройдутъ тѣ семьдесятъ лѣтъ, которыя назначены г. Бехтѣевымъ для полнаго обезземленія дворянъ,—дворянинъ-чиновникъ будетъ не только агентомъ правительства, но и членомъ сословія, имѣющаго на мѣстахъ крупные имущественные интересы. Кто же поручится въ томъ, что онъ не станетъ злоупотреблять своей властью, и не станетъ на защиту сословныхъ хозяйственныхъ интересовъ въ ущербъ интересамъ другихъ лицъ? Г. Бехтѣевъ, по крайней мѣрѣ, намъ въ этомъ не поручится, потому что и самъ онъ склоненъ ожидать, что дворянинъ-чиновникъ можетъ руководствоваться въ служебной своей дѣятельности не обязанностями службы, но и соображеніями о дворянскихъ интересахъ въ ущербъ интересамъ другого сословія. Г. Бехтѣевъ жалуется, напр., на одного изъ управляющихъ дворянскимъ и крестьянскимъ банкомъ, отъ котораго, какъ назначеннаго изъ предводителей дворянства, въ особенности можно было ожидать, что онъ позаботится „о поддержаніи и утвержденіи дворянскаго землевладѣнія“; но онъ не только не сдѣлалъ этого, „но повелъ дѣло въ направленіи совершенно противоположномъ“. Не будемъ останавливаться на всѣхъ прегрѣшеніяхъ этого управляющаго, но замѣтимъ лишь, что главной его виной въ глазахъ г. Бехтѣева было то, что при немъ стала производиться въ широкихъ размѣрахъ, будто бы, „скупка земель стѣсненныхъ заемщиковъ (дворянскаго банка) какъ самимъ крестьянскимъ банкомъ, такъ равно, при его содѣйствіи, крестьянами, съ выдачей имъ ссуды до 90% стоимости имѣнія, а иногда и полностью всѣхъ 100%, когда крестьяне пріобрѣтали землю, ранѣе купленную банкомъ“. Слушая претензію

г. Бехтѣева, можно подумать, что описываемыя имъ операціи совершались въ ущербъ владѣльцамъ продаваемыхъ крестьянамъ земель. Но изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что продажа при участіи банка дворянскаго имѣнія крестьянамъ является очень выгодной операціей для его владѣльца, что эта продажа совершается по „вздутымъ“ цѣнамъ, которыми „очевидно соблазнялись владѣльцы“ (стр. 161). Было бы понятно, еслибы г. Бехтѣевъ вооружался противъ такой политики крестьянскаго банка во имя интересовъ крестьянъ-покупщиковъ, которыхъ соблазняютъ пріобрѣсти землю, не стоющую назначенной за нее цѣны. Но нѣтъ! Крестьянамъ, по словамъ г. Бехтѣева, „безразлично, по какой цѣнѣ покупать, ибо они достаточно догадливы, чтобы понять, что рано или поздно платежи съ нихъ понизятъ такъ же точно, какъ вынуждены были понизить болѣе легкіе выкупные платежи“. Г. Бехтѣевъ обвиняетъ управляющаго дворянскимъ банкомъ именно за расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка хотя бы и въ пользу реальныхъ личностей, но въ ущербъ сословному принципу. Но какъ могъ г. Бехтѣевъ игнорировать то обстоятельство, что управляющій дворянскимъ банкомъ вѣдаетъ въ то же время и банкъ крестьянскій, и обязанъ, по долгу службы и по обыкновеннымъ нравственнымъ понятіямъ,—заботиться о кліентахъ крестьянскаго банка не менѣе, чѣмъ и банка дворянскаго. Вспоминая о принадлежности управляющаго обоими банками къ дворянскому сословію, какъ обстоятельствѣ, къ чему-то его обязывающемъ или къ чему-то его располагающемъ—не произноситъ ли тѣмъ самымъ г. Бехтѣевъ приговоръ надъ проповѣдываемой имъ системой отдачи провинціи въ руки чиновниковъ изъ среды дворянства, не какъ служилаго только сословія, но и какъ соціальнаго класса, имѣющаго на мѣстахъ важные хозяйственные интересы, сталкивающіеся, конечно, съ интересами лицъ, не принадлежащихъ къ привилегированному сословію?

Г. Бехтѣевъ протестуетъ противъ расширенія дѣятельности крестьянъ по двумъ причинамъ: изъ опасенія быстраго обезземленія дворянъ, а также и потому, что такая политика, будто бы, „внесла и укрѣпила въ крестьянахъ ложное убѣжденіе въ желаніи и намѣреніи самого правительства вытравить частное, особливо родовое, не покупное дворянское владѣніе. „Поэтому, дворянству нынѣ приходится съ этимъ очень считаться и, дѣлать нечего, уступать двойному давленію—банковъ и крестьянъ. Въ послѣднее время эта увѣренность стала сильно распространяться между крестьянами, и нерѣдко проявляется въ формѣ настойчиваго требованія отъ землевладѣльцевъ продать имъ землю; не обходится, конечно, и безъ угрозъ изъ-за угла. Начальствующія лица центральныхъ управленій получаютъ жалобы на землевладѣльцевъ, отказывающихъ въ продажѣ“ (стр. 162).

Но мы находимъ, при этомъ, умѣстнымъ высказаться, что въ фактахъ, на которые ссылается г. Бехтѣевъ, крестьянскому банку принадлежитъ, по нашему мнѣнію, не возбуждающая, а умѣряющая роль. Напомнимъ читателю о слухахъ, ходившихъ въ обществѣ въ моментъ основанія крестьянскаго банка. Въ то время говорили, что отъ этого учрежденія ожидается, между прочимъ, разрушеніе въ народномъ сознаніи идеи о безвозмездномъ переходѣ къ крестьянамъ помѣщичьихъ земель,—идеи, коренящейся въ понятіи о преимущественномъ правѣ на землю лично работающаго на ней человѣка. Идея эта, какъ извѣстно, мѣстами проявилась въ послѣднее время очень ярко, и если гдѣ-либо среди крестьянъ циркулируетъ мысль хотя бы объ обязательномъ отчужденіи владѣльческихъ земель, но уже за деньги, то это можетъ быть свидѣтельствомъ того, что крестьянскій банкъ, дѣйствительно, съигралъ роль, какая отъ него ожидалась.

Возвращаемся, однако, къ проекту г. Бехтѣева. Если самъ С. С. Бехтѣевъ, принадлежащій, конечно, къ числу „лучшихъ“ дворянъ, предъявляетъ дворянамъ-чиновникамъ требованіе руководствоваться въ своей служебной дѣятельности не выгодами только порученнаго имъ дѣла, а и интересами сословія, къ которому они принадлежатъ, —то что же сказать о тѣхъ ожиданіяхъ и надеждахъ, съ какими должна взирать на своего брата—вліятельнаго чиновника—сѣрая масса дворянства? И всякій ли такой чиновникъ окажется на высотѣ положенія управляющаго дворянскимъ банкомъ, порицаемаго г. Бехтѣевымъ, и будетъ добросовѣстно исполнять служебныя свои обязанности, не преклоняясь къ обращеннымъ на него просящимъ взглядамъ дворянъ, заинтересованныхъ въ дѣлахъ, подлежащихъ его вѣдѣнію? Что такое давленіе на чиновника-дворянина со стороны его со-сословниковъ будетъ существовать — доказывается сообщеніемъ г. Бехтѣева о томъ вліяніи, какое имѣютъ среди дворянъ земскіе начальники. Хотя нынѣшній составъ земскихъ начальниковъ образуется, какъ мы видѣли, далеко не изъ лучшихъ дворянъ, а въ предводители дворянства, напротивъ того, избираются, нужно полагать, выдающіеся представители сословія, тѣмъ не менѣе судьба этихъ предводителей „зависитъ отъ земскаго начальника, каждаго отдѣльно и всѣхъ вмѣстѣ. Какъ люди, *власть имущіе*, они, конечно, имѣютъ и возможность, пользуясь своимъ вліяніемъ, сажать и спихивать предводителя на дворянскихъ выборахъ“ (стр. 282). Но какую же, спрашивается, „власть“ имѣетъ земскій начальникъ надъ дворянами, если можетъ сажать на мѣсто предводителя такъ, какъ онъ сажаетъ на должность старшины? Не потому ли дворяне-выборщики угодничаютъ передъ этимъ заброшеннымъ, по мнѣнію г. Бехтѣева, чиновникомъ, что надѣются побудить его дѣйствовать по службѣ въ ихъ интересахъ? Но вѣдь ихъ интересы

приходятъ въ соприкосновеніе съ дѣятельностью земскаго начальника, когда сталкиваются съ интересами иносословныхъ и преимущественно съ интересами мѣстныхъ крестьянъ. Не ожидаютъ ли, поэтому, дворяне, что земскій начальникъ постановитъ въ подобныхъ случаяхъ рѣшеніе въ ихъ пользу, даже если для того ему нужно будетъ отступить отъ правды? И можно ли признать нормальной и желательной такую организацію правительственной службы, при которой въ какомъ-либо сословіи возбуждаются надежды на рѣшеніе спорныхъ дѣлъ преимущественно въ его пользу, а чиновникъ пользуется этими надеждами для устройства въ желательномъ дли него смыслѣ общественныхъ (и, конечно, также и своихъ личныхъ) дѣлъ?

Вмѣстѣ съ этимъ естественно возникаетъ и другой вопросъ: констатируемый г. Бехтѣевымъ фактъ крупнаго вліянія въ дворянствѣ не „талантливыхъ, идейныхъ, имущественно - независимыхъ людей“,— избѣгающихъ, какъ мы знаемъ, мѣста земскаго начальника,—а чиновниковъ-дворянъ, занимающихъ это мѣсто, главнымъ образомъ, потому, что для нихъ „важно имѣть дополнительное къ сельскому хозяйству полученіе“,—не служитъ ли этотъ фактъ новымъ доказательствомъ недочетовъ въ сословныхъ программахъ вообще, и въ программѣ г. Бехтѣева—въ частности?

Этимъ вопросомъ мы и закончимъ нашу замѣтку.

В. В.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1903.

Международная политика въ Европѣ за истекшій годъ.—Македонскій вопросъ и „Правительственное сообщеніе“.—Наша дипломатія въ области балканскихъ дѣлъ.—Внутреннія дѣла въ Германіи, Австріи, Англіи и Франціи.—Венецуэльскій конфликтъ.

Въ началѣ истекшаго года все еще давали себя чувствовать въ Европѣ непріятные отголоски китайскаго кризиса. Англо-японскій союзный договоръ, подписанный въ Лондонѣ 30 января, и послѣдовавшая затѣмъ франко-русская декларація 16 (3) марта показывали наглядно, что мнимое единодушіе державъ по отношенію къ Китаю было только временною дипломатическою фикціею. Англичане обнаруживали особенное безпокойство объ охранѣ неприкосновенности китайской территоріи и возбуждали общественное вниманіе къ судьбѣ Манчжуріи, такъ какъ сами имѣли въ виду утвердиться въ Шанхаѣ и въ долинѣ Янъ-тзе-Кіана; въ свою очередь Германія, заключившая съ Англіею конвенцію 1900 года съ цѣлью совмѣстной защиты цѣлости Китая, сильно мѣшала англичанамъ въ осуществленіи ихъ одностороннихъ плановъ. Манчжурскій вопросъ формально разрѣшился русско-китайскимъ соглашеніемъ 26 марта, опредѣлившимъ условія и порядокъ очищенія нашими войсками занятыхъ китайскихъ земель и городовъ; нападки на Россію смѣнились въ англійской печати рѣзкою полемикою противъ Германіи, которая однако всего менѣе смущается обличеніями и враждебными выходками такихъ соперниковъ, какъ англичане. Раздраженіе противъ нѣмцевъ нашло себѣ реальную почву въ англійской „Синей книгѣ“, выяснившей безцеремонность германской дипломатіи при недавнихъ переговорахъ объ удаленіи европейскихъ войскъ изъ Шанхая: недовѣріе къ англичанамъ высказывалось при этомъ въ формахъ настолько откровенныхъ, что само британское правительство было отчасти озадачено и не желало придавать серьезное значеніе происшедшему инциденту. Между тѣмъ, въ то самое время, когда газеты горячо разсуждали о возникшемъ охлажденіи между Англіей и Германіей, обѣ эти державы предприняли совмѣстную кампанію въ южной Америкѣ, чтобы заставить правительство Венецуэлы удовлетворить какія-то денежныя претензіи нѣмецкихъ и британскихъ подданныхъ. Союзники объявили блокаду венецуэльскихъ портовъ, потопили нѣсколько венецуэльскихъ кораблей и успѣли вызвать своими крутыми мѣрами неудовольствіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ

Штатовъ, послѣ чего предложили президенту Рузевельту разобрать спорное дѣло въ качествѣ третейскаго судьи. Венецуэльскій конфликтъ, достигшій своего крайняго напряженія въ декабрѣ, вновь подтверждаетъ практическую безплодность существенныхъ постановленій знаменитой Гаагской конференціи. Международные обычаи и способы дѣйствія остались такими же, какими были; общее положеніе ни въ чемъ не измѣнилось, и орудія вооруженнаго мира по прежнему съ наибольшею готовностью обрушиваются на слабыхъ, избѣгая задѣвать сильныхъ.

Война въ южной Африкѣ окончилась, въ маѣ, добровольнымъ подчиненіемъ бурскихъ вождей и ихъ отрядовъ британскому владычеству, подъ условіемъ извѣстныхъ льготъ, финансовыхъ и политическихъ; это подчиненіе состоялось послѣ ряда блестящихъ дѣлъ, связанныхъ съ именами Девета и Деларея. Побѣда Деларея надъ лордомъ Метуэномъ, 7 марта, была послѣднимъ крупнымъ подвигомъ буровъ въ геройской войнѣ ихъ противъ Англіи; а отпускъ плѣннаго раненаго генерала на свободу, какъ трогательный примѣръ великодушія, не остался безъ вліянія на общее настроеніе англичанъ относительно буровъ. Въ послѣдній періодъ войны всѣ усилія британскихъ войскъ были направлены къ тому, чтобы окружить главные бурскіе отряды и отнять у нихъ возможность дальнѣйшихъ свободныхъ движеній; Девета и Деларея долго ловили такимъ образомъ, и когда телеграммы сообщали уже о вѣроятномъ скоромъ захватѣ ихъ, они вдругъ обнаруживали свое присутствіе гдѣ-нибудь неожиданнымъ успѣшнымъ нападеніемъ на отдѣльные британскіе отряды и обозы. Эти характерныя черты заключительныхъ военныхъ операцій буровъ доставили ихъ вождямъ необыкновенную популярность во всемъ культурномъ мірѣ и также въ самой Англіи. Генералы Бота, Деветъ и Деларей думали воспользоваться этимъ настроеніемъ, чтобы добиться отъ англичанъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ уступокъ и добавочныхъ денежныхъ пособій для облегченія страшной нужды своихъ разоренныхъ соотечественниковъ; но британскій министръ колоній Чемберлэнъ склоненъ былъ скорѣе урѣзать данныя уже обѣщанія и перетолковать ихъ въ ограничительномъ смыслѣ, чѣмъ допускать еще дальнѣйшія льготы; между прочимъ, по его мнѣнію, ассигнованные три милліона фунтовъ стерлинговъ на возстановленіе фермъ и ихъ хозяйственныхъ принадлежностей предстояло добыть путемъ мѣстнаго займа, и изъ этой же суммы слѣдовало еще удовлетворить и пострадавшихъ мѣстныхъ „лойялистовъ“, что уже было принято за прямое извращеніе мирныхъ условій. Бурскіе вожди обратились тогда съ воззваніемъ ко всѣмъ культурнымъ націямъ и отправились лично въ континентальную Европу для сбора пожертвованій въ пользу вдовъ и сиротъ павшихъ буровъ;

эта поѣздка давала поводъ къ шумнымъ сочувственнымъ манифестаціямъ, но не принесла ожидаемыхъ плодовъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ въ данномъ случаѣ требовались милліоны, которыхъ нельзя было собрать путемъ частныхъ взносовъ. Британское правительство убѣдилось, что сдѣлало политическую ошибку, возстановивъ противъ себя недавнихъ враговъ; оно видѣло, что возбудило сомнѣніе въ своей добросовѣстности одностороннимъ толкованіемъ письменныхъ условій мира и отрицаніемъ словесныхъ обѣщаній лорда Китченера, а такое начало не соотвѣтствовало бы интересамъ прочнаго умиротворенія бывшихъ южно-африканскихъ республикъ. Чемберлэнъ предпочелъ отречься отъ своей первоначальной точки зрѣнія и выказать великодушіе по крайней мѣрѣ въ области финансовъ: рѣшено было въ точности исполнить денежную программу именно такъ, какъ понимали ее буры, и сверхъ того увеличить сумму настолько, чтобы всѣ настоятельные мѣстные запросы могли быть удовлетворены въ полной мѣрѣ. Обѣщанные три милліона фунтовъ оставались „свободнымъ даромъ" или пожертвованіемъ Англіи на возстановленіе жилищъ и хозяйства пострадавшихъ буровъ; затѣмъ, три милліона фунтовъ выдаются съ тою же цѣлью въ видѣ займа на льготныхъ условіяхъ, и наконецъ, два милліона назначены въ вознагражденіе туземнымъ обывателямъ, державшимъ сторону англичанъ и потерпѣвшихъ убытки отъ военныхъ дѣйствій буровъ,—такъ что всего пришлось британскому парламенту ассигновать восемь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на нужды населенія новыхъ южно-африканскихъ колоній. Въ томъ же парламентскомъ засѣданіи 5 ноября, когда принятъ былъ этотъ щедрый билль, министръ колоній заявилъ о своей предстоящей поѣздкѣ въ южную Африку съ цѣлью личнаго разсмотрѣнія и обсужденія мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, могущихъ „способствовать сліянію родственныхъ народностей въ одну великую африканскую націю подъ британскимъ флагомъ". Въ англійской политикѣ относительно южной Африки вновь взяли верхъ широкіе разумные взгляды, вытекающіе, однако, не изъ какихъ-либо отвлеченныхъ принциповъ, а изъ побужденій разсчетливой и дальновидной политики. Еслибы эта дальновидная разсчетливость руководила британскимъ правительствомъ во время пререканій съ Трансваалемъ осенью 1899 года, то не было бы и разорительной войны, послѣдствія которой будутъ еще долго чувствоваться въ Англіи и въ ея южно-африканскихъ владѣніяхъ.

Тяжело ложится на общественную совѣсть Европы и другой, болѣе общій и жгучій международный вопросъ, постоянно напоминающій о себѣ кровавыми вспышками и тщетно ожидающій какого-либо

прочнаго рѣшенія,—вопросъ о положеніи безправныхъ христіанскихъ подданныхъ Турціи. Необходимыя гарантіи законности и самоуправленія, предположенныя для оттоманской имперіи берлинскимъ трактатомъ 1878 года, не осуществились, и великія державы не съумѣли или не пожелали побудить турецкое правительство исполнить принятыя на себя обязательства и отказаться разъ навсегда отъ ужасной мусульманской системы періодическихъ избіеній инородцевъ, подъ предлогомъ возможнаго ихъ возстанія. Избіенія армянъ прошли безнаказанно для Турціи, и дипломатическіе протесты не поколебали жестокихъ традицій турецкаго режима; такъ же точно остаются пока безплодными мирныя усилія дипломатіи повліять на улучшеніе судьбы злосчастныхъ жителей Македоніи и Старой Сербіи. По этому печальному вопросу появилось въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" отъ 30-го ноября слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

„Положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, по доходящимъ съ турецкаго Востока извѣстіямъ, не исключаетъ возможности серьезныхъ осложненій.

„Благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ и вслѣдствіе наступленія зимняго періода, можно разсчитывать на то, что возникшее въ Македоніи броженіе нынѣ не будетъ имѣть дальнѣйшаго распространенія,—однако многіе признаки указываютъ на возрастающее недовольство среди православнаго населенія Турціи, которое, подъ давленіемъ разныхъ комитетовъ, повидимому, готовится къ общему возстанію будущею весною.

„Тревожныя явленія эти не могли не привлечь вниманіе Россіи, искони и непрестанно заботящейся о судьбѣ единоплеменныхъ ей народностей.

„Дабы положить предѣлъ броженію, могущему повлечь за собою самыя серьезныя осложненія на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, Императорскимъ правительствомъ сдѣланы были соотвѣтствующія представленія Портѣ, а россійскому послу въ Константинополѣ поручено, по обсужденіи мѣстныхъ условій, представить соображенія о возможныхъ, не терпящихъ отлагательства преобразованіяхъ въ административномъ строѣ Македоніи и настойчиво совѣтовать турецкому правительству скорѣйшее примѣненіе таковыхъ, въ цѣляхъ улучшенія быта православнаго населенія.

„Не слѣдуетъ, однако, терять изъ виду, что пока въ области этой существуетъ настоящая смута, дающая турецкому правительству законное основаніе принимать мѣры противъ возставшихъ подданныхъ, какъ примѣненіе на практикѣ какихъ-либо административныхъ улучшеній, такъ и полное огражденіе населенія отъ суровой расправы со стороны мѣстныхъ властей представляются весьма затруднительными.

„Въ виду сего, первымъ и главнымъ условіемъ успѣха въ этомъ направленіи является прекращеніе агитаціи со стороны македонскихъ комитетовъ, которые, не достигая выставляемой ими патріотической

цѣли, отвлекають лишь населеніе отъ мирныхъ занятій и подвергаютъ его всѣмъ тяжелымъ послѣдствіямъ пагубныхъ увлеченій.

„Императорское правительство уже не разъ имѣло случай высказывать взглядъ свой на македонскій вопросъ, осуждая всякія попытки славянскихъ народностей къ *насильственному* измѣненію существующаго на Балканскомъ полуостровѣ порядка вещей, обезпеченнаго международными трактатами.

„Таковаго взгляда Императорское правительство придерживается и въ настоящее время. Въ виду сего оно сочло цѣлесообразнымъ вновь подтвердить данные какъ сербскому, такъ и болгарскому правительствамъ благожелательные совѣты, указавъ имъ на необходимость, въ ихъ собственныхъ интересахъ, препятствовать опасной агитаціи и всячески содѣйствовать къ охраненію спокойствія на Балканскомъ полуостровѣ.

„Императорское правительство въ правѣ разсчитывать, что славянскія государства, обязанныя своею свободою и самостоятельностью безкорыстнымъ жертвамъ Россіи, послѣдуютъ преподаннымъ имъ указаніямъ, въ твердомъ упованіи, что сдѣланныя по Высочайшей волѣ Государя Императора представленія достигнутъ намѣченной цѣли.

„Непоколебимое рѣшеніе Россіи предотвратить возможныя осложненія на Балканскомъ полуостровѣ встрѣчаетъ полное сочувствіе другихъ державъ.

„Австро-венгерское правительство не замедлило поручить своему представителю въ Константинополѣ, по обмѣнѣ взглядовъ съ россійскимъ посломъ, присоединиться къ настоятельнымъ представленіямъ его Портѣ, по поводу необходимости скорѣйшаго введенія преобразованій въ Македоніи.

„Совмѣстныя усилія сосѣднихъ имперій, наиболѣе заинтересованныхъ въ поддержаніи мира на турецкомъ Востокѣ, являются прямымъ слѣдствіемъ состоявшагося между ними въ 1897 году соглашенія, благотворное вліяніе и самое существованіе коего возможны лишь при неукоснительномъ соблюденіи положенныхъ въ его основу началъ, а именно: недопущенія произвольнаго измѣненія установленнаго трактатами строя на Балканскомъ полуостровѣ и поддержанія спокойствія, столь необходимаго для благоденствія христіанскихъ народностей и охраненія общаго мира.

„Въ заключеніе, Императорское правительство, явившее не мало доказательствъ постояннаго желанія своего поддерживать наилучшія отношенія съ Турціею, не можетъ не высказать надежды, что правительство султана, принявъ необходимыя мѣры къ прекращенію всякихъ насилій и жестокостей, оцѣнитъ значеніе дружественныхъ представленій Россіи въ пользу христіанскаго населенія Македоніи, скорѣйшее умиротвореніе коей является наилучшимъ способомъ предотвратить возникновеніе самыхъ опасныхъ для Оттоманской имперіи осложненій".

Въ этомъ дипломатическомъ сообщеніи указывается, съ одной стороны, безусловная обязанность правительствъ Сербіи и Болгаріи препятствовать агитаціи македонскихъ комитетовъ и охранять спокойствіе на Балканскомъ полуостровѣ, а съ другой стороны, выражается на-

дежда, что правительство турецкаго султана приметъ настойчивые совѣты Россіи относительно скорѣйшаго введенія надлежащихъ административныхъ преобразованій въ Македоніи. Цѣлесообразное успокоительное воздѣйствіе на Сербію и Болгарію обезпечивается австрорусскимъ соглашеніемъ 1897 года, которое въ этомъ смыслѣ представляется, конечно, полезнымъ и благотворнымъ для всѣхъ приверженцевъ неподвижнаго status quo на турецкомъ востокѣ; но такъ какъ это соглашеніе вовсе не имѣетъ въ виду способствовать какимъ-либо внутреннимъ преобразованіямъ Турціи, то оно едва ли облегчаетъ задачи дипломатіи, вынужденной настоятельно совѣтовать Портѣ ввести необходимыя реформы и, слѣдовательно, нарушить турецкій status quo. Вѣроятно, подъ вліяніемъ того же австро-русскаго соглашенія, вопросъ о реформахъ въ Македоніи не ставится на твердую почву международныхъ обязательствъ, установленныхъ для Турціи берлинскимъ трактатомъ, а обсуждается съ точки зрѣнія дружественной заботливости о пользѣ самой Турціи и о сохраненіи мира и спокойствія въ ея владѣніяхъ. Но турецкіе государственные люди имѣютъ свои особые взгляды на то, что полезно и желательно для правительства султана, и трудно надѣяться, что они добровольно проникнутся вдругъ чужими идеями и понятіями о пользахъ и нуждахъ своего государства. Разумѣется, Порта находится не въ такомъ положеніи, чтобы отвергать настойчивыя дружественныя представленія Россіи, поддерживаемыя Австро-Венгріею, и потому турецкое правительство поспѣшило обнародовать цѣлую программу административныхъ улучшеній, способныхъ, будто бы, удовлетворить недовольныхъ обитателей Турціи. Коренной недостатокъ этихъ улучшеній заключается, однако, въ томъ, что они поставлены въ зависимость исключительно отъ доброй воли и честности исполнителей, и что въ предположенныхъ реформахъ не отведено никакого участія мѣстнымъ жителямъ, какъ того требуетъ 23-я статья берлинскаго трактата. Самый удачный составъ высшихъ чиновниковъ не обезпечитъ законности и порядка въ управленіи, когда низшіе органы администраціи могутъ фактически распоряжаться населеніемъ по произволу, подавляя всякія попытки жалобъ и неудовольствія, и когда эти же мѣстные исполнители являются единственнымъ источникомъ оффиціальныхъ свѣдѣній для доброжелательныхъ начальниковъ, которые по неволѣ будутъ руководствоваться такого рода сомнительными и часто завѣдомо-ложными свѣдѣніями, при отсутствіи законнаго публичнаго контроля. Подобныя турецкія преобразованія не разрѣшатъ, конечно, македонскаго вопроса, и они не могутъ привести къ тѣмъ желательнымъ результатамъ, о которыхъ говорится въ правительственномъ сообщеніи.

Положеніе балканскихъ государствъ оказывается чрезвычайно труд-

нымъ при всякихъ замѣшательствахъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ Турціи. Правительства Сербіи и Болгаріи могутъ сохранять спокойствіе, согласно всегдашнимъ совѣтамъ вѣнскаго кабинета; но сербы и болгары, проживающіе близъ турецкой границы, рѣдко остаются безучастными зрителями нападеній и стычекъ, которымъ подвергаются родственные имъ поселяне въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Преслѣдуемые турками туземцы ищутъ спасенія въ сербскихъ или болгарскихъ предѣлахъ, и нерѣдко образуются значительные отряды бѣглецовъ съ ихъ семействами, о которыхъ надо позаботиться; пограничныя столкновенія съ турецкими солдатами и башибузуками становятся вполнѣ возможными, и мѣстное населеніе фактически вовлекается въ партизанскія военныя дѣйствія, даже независимо отъ какихъ бы то ни было комитетовъ и вопреки самымъ миролюбивымъ настояніямъ своихъ правительствъ. Эти трудности положенія совершенно не принимаются во вниманіе австрійскою дипломатіею, и для правильной оцѣнки ихъ можетъ имѣть большое значеніе предпринятая недавно нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ поѣздка въ Бѣлградъ и Софію, а оттуда въ Вѣну. Сербскія и болгарскія впечатлѣнія, въ связи съ фактической обстановкою македонскихъ событій, дадутъ, быть можетъ, матеріалъ для провѣрки австрійскихъ дипломатическихъ формулъ, положенныхъ въ основу соглашенія 1897 года; да и самое это соглашеніе должно получить иной смыслъ, если оно будетъ истолковываться и примѣняться въ духѣ сочувствія къ бѣдствіямъ и нуждамъ христіанскаго населенія Турціи. Вѣнскія газеты выражаютъ удовольствіе по поводу поѣздки русскаго министра и предвидятъ хорошіе результаты его свиданія съ графомъ Голуховскимъ; но нѣтъ основанія предполагать, что наша балканская политика должна непремѣнно сообразоваться съ австрійскою, при существованіи упомянутаго соглашенія, — какъ это часто высказывается въ австро-венгерской печати. Можно думать, что и австрійская дипломатія обязана съ своей стороны приспособляться отчасти къ русскимъ требованіямъ и воззрѣніямъ, — ибо соглашеніе предполагаетъ компромиссъ, а не одностороннее усвоеніе спеціально-австрійской традиціонной доктрины. Для насъ было бы несравненно выгоднѣе опираться на существующіе трактаты въ сношеніяхъ съ Турціею, чѣмъ довольствоваться неопредѣленными дружественными совѣтами, какими обыкновенно ограничиваются вѣнскіе дипломаты; въ частности берлинскій трактатъ могъ бы служить намъ во многихъ случаяхъ вполнѣ надежнымъ орудіемъ для охраны дѣйствительныхъ интересовъ мира на ближнемъ востокѣ, и намъ нѣтъ надобности обходить постановленія этого договора, когда они соотвѣтствуютъ потребностямъ и условіямъ даннаго момента. Какъ бы то ни было, личные переговоры нашего министра иностранныхъ дѣлъ съ австро-вен-

герскимъ министромъ, послѣ свиданій съ правителями Сербіи и Болгаріи, должны несомнѣнно способствовать выясненію ближайшей политической программы великихъ державъ въ области балканскихъ дѣлъ.

Въ Германіи продолжалась въ теченіе цѣлаго года упорная борьба между защитниками и противниками проекта таможеннаго тарифа,—между аристократами-аграріями, консервативными протекціонистами, съ одной стороны, и охранителями интересовъ низшихъ классовъ, передовыми прогрессистами—съ другой. Требованіе высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ во имя покровительства земледѣлію служило лозунгомъ наиболѣе вліятельныхъ общественныхъ группъ и вызывало энергическіе протесты оппозиціонныхъ партій, въ ряду которыхъ наибольшею настойчивостью отличались соціаль-демократы. Можно сказать, что всю тяжесть борьбы противъ непомѣрныхъ притязаній сельско-хозяйственнаго протекціонизма несла на себѣ соціально-демократическая партія, съ Бебелемъ во главѣ. Борьба была безнадежна, потому что большинство въ имперскомъ сеймѣ заранѣе стояло за новый покровительственный тарифъ; но побѣда досталась правительству и его союзникамъ только послѣ долгихъ парламентскихъ усилій, причемъ ни одинъ изъ спорныхъ пунктовъ не обошелся безъ всесторонняго публичнаго освѣщенія и изслѣдованія. Противники дѣйствовали неутомимо и даже самоотверженно; въ концѣ они старались уже просто задержать ходъ дѣла, чтобы по крайней мѣрѣ отдалить моментъ окончательнаго рѣшенія. Послѣднее засѣданіе имперскаго сейма, 13—14 декабря, тянулось девятнадцать часовъ безъ перерыва; одинъ изъ депутатовъ, Антрикъ, говорилъ рѣчь въ продолженіе болѣе восьми часовъ, и все-таки нельзя было избѣгнуть голосованія. Большинство рѣшилось дождаться окончанія преній, и весь проектъ таможеннаго тарифа былъ принятъ 202 голосами противъ ста голосовъ оппозиціи.

Германское правительство, впрочемъ, не считаетъ себя непогрѣшимымъ: оно откровенно признаетъ пользу оппозиціи для заботливой и всесторонней охраны общихъ интересовъ государства, для предупрежденія всевозможныхъ ошибокъ и увлеченій. Оно ничего не навязывало странѣ, не проводило своихъ произвольныхъ проектовъ подъ прикрытіемъ государственнаго авторитета, а только присоединилось къ господствующему направленію, располагающему большинствомъ въ парламентѣ. Если, несмотря на непрерывную вѣскую критику, тарифный проектъ получилъ силу закона, то это достигнуто лишь могущественною коалиціею практическихъ интересовъ, которымъ правительство дало только свою санкцію. Въ другихъ случаяхъ канцлеръ, графъ Бюловъ, менѣе расходится съ передовыми либеральными

группами: такъ, прекращеніе дѣйствія исключительныхъ законовъ или „параграфа о диктатурѣ“ въ Эльзасѣ было встрѣчено общимъ одобреніемъ всѣхъ партій.

Въ Австріи внутренніе политическіе споры ведутся съ неменьшимъ упорствомъ, чѣмъ въ Германіи, но безъ положительнаго результата,—такъ какъ по существу они не допускаютъ вполнѣ точнаго и опредѣленнаго рѣшенія. Національное соперничество между различными элементами населенія въ австрійскихъ земляхъ, особенно въ Чехіи, не ослабляется, а скорѣе обостряется съ каждымъ годомъ: это соперничество все болѣе вырождается въ безплодную племенную вражду, парализующую нормальный ходъ политической жизни. Могущественная нѣкогда австро-нѣмецкая либеральная партія, воплощавшая въ себѣ спеціальный австрійскій патріотизмъ, все чаще обнаруживаетъ патріотическія чувства совсѣмъ другого рода, имѣющія свой корень въ идеѣ общаго германскаго отечества. Національныя стремленія берутъ верхъ надъ государственными, и сама династія находится какъ будто на пути къ разложенію. Императоръ Францъ-Іосифъ пережилъ не мало кризисовъ и неудачъ, не только политическихъ, но и семейныхъ, династическихъ: сынъ и наслѣдникъ его, кронпринцъ Рудольфъ, погибъ жертвою романической исторіи, оставшейся до сихъ поръ отчасти загадочною; нынѣшній наслѣдникъ, принцъ Фердинандъ, вступилъ въ неравный бракъ и этимъ лишилъ своихъ потомковъ правъ на австро-венгерскій престолъ; близкіе родственники, эрцгерцоги, одинъ за другимъ увлекаются стремленіемъ къ частной свободѣ, отрекаются отъ своихъ почетныхъ привилегій и удаляются въ чужія страны, скрываясь подъ видомъ заурядныхъ, скромныхъ обывателей; недавно еще уѣхали такимъ образомъ въ Швейцарію сразу двое лицъ, принадлежащихъ къ фамиліи Габсбурговъ, — молодой эрцгерцогъ, сынъ бывшаго герцога тосканскаго, съ своею сестрою, кронпринцессою саксонскою. Политическая жизнь въ Австріи, при всемъ своемъ просторѣ, является какъ бы безпредметною, лишенною твердой почвы; отсутствіе руководящихъ національныхъ цѣлей и интересовъ составляетъ наиболѣе характерную черту австрійской аристократіи, которая въ былое время давала тонъ европейской политикѣ. Правительственные дѣятели, конечно, добросовѣстно исполняютъ свои обязанности; но крупныя и сложныя задачи, выдвигаемыя національнымъ соперничествомъ, остаются безъ движенія, и безконечный споръ о языкахъ въ Чехіи не могъ разрѣшиться при министерствѣ фонъ-Кербера, точно также какъ и при его предмѣстникахъ. Чехи требуютъ признанія историческихъ правъ чешскаго королевства, какъ національнаго цѣлаго, а нѣмцы настаиваютъ на подтвержденіи оффиціальнаго первенства своего языка и своей на-

ціональности въ тѣхъ чешскихъ округахъ, гдѣ преобладаетъ нѣмецкій языкъ. Одни стремятся къ возстановленію единой Чехіи, а другіе желаютъ раздробленія ея на нѣмецкіе, чешскіе и смѣшанные округа. Соглашеніе на этой почвѣ представляется едва ли возможнымъ, и австрійскій парламентъ, при нынѣшнемъ его составѣ, обреченъ на безсиліе. Не подвигается впередъ и вопросъ о таможенномъ компромиссѣ между обѣими половинами имперіи: переговоры о возобновленіи торговаго договора между Австріею и Венгріею до сихъ поръ не привели ни къ чему, такъ какъ Венгрія, въ сущности, надѣется пріобрѣсти самостоятельность и свободу дѣйствій въ промышленномъ отношеніи. Внутренній политическій разладъ между различными частями имперіи не мѣшаетъ, однако, общему культурному ея процвѣтанію, при безпрепятственномъ ростѣ умственныхъ и экономическихъ силъ населенія.

Въ Англіи отставка лорда Сольсбери, въ началѣ іюля, не произвела особеннаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что она ожидалась и возвѣщалась уже неоднократно, и фактически глава кабинета уступалъ руководящую роль Чемберлэну и Бальфуру; назначеніе же послѣдняго на постъ премьера объяснялось крайнею непопулярностью нынѣшняго министра колоній среди либеральныхъ группъ парламента. Чемберлэнъ сдѣлалъ очень много для возбужденія и усиленія той жажды внѣшняго могущества, которая придаетъ такой непріятный оттѣнокъ британской политикѣ; но этотъ же оттѣнокъ въ высшей степени одобряется массою англійскихъ патріотовъ. Мысль о политическомъ сближеніи Англіи съ ея колоніями, въ видахъ образованія великой федераціи англо-саксонскихъ земель, пущена въ ходъ Чемберлэномъ и нашла сочувственный отголосокъ въ разныхъ частяхъ свѣта, повсюду, гдѣ англичане утвердили свое владычество,—въ Австраліи, въ Канадѣ, въ южной Африкѣ. Международные интересы какъ будто оттѣсняютъ на задній планъ тѣ внутреннія преобразовательныя задачи, которыя поглощали Гладстона.

Отдѣльные вопросы законодательства, правда, волнуютъ общественное мнѣніе въ Англіи; ожесточенная полемика вызывалась обширнымъ законопроектомъ о школахъ, обсужденіе котораго въ парламентѣ тянулось почти цѣлый годъ. По новому биллю, мѣстное завѣдываніе школами переходитъ отъ выборныхъ школьныхъ совѣтовъ въ другія выборныя учрежденія—въ общіе органы мѣстнаго самоуправленія, причемъ вліятельная роль отводится учредителямъ и денежнымъ вкладчикамъ школъ; религіозное преподаваніе подчиняется контролю государственной церкви и ея духовенства, противъ чего горячо возстаютъ сторонники свободнаго протестантства, „нонконформисты“ и прочіе диссиденты, вдохновляемые неутомимымъ орато-

ромъ, Клиффордомъ. Въ палатѣ общинъ оппозиція обстоятельнѣйшимъ образомъ разбирала и оспаривала каждое постановленіе проекта; предложены были сотни поправокъ къ различнымъ его параграфамъ,—но въ концѣ декабря школьная реформа удостоилась утвержденія парламента. Правительство довольно слабо защищало свой билль, допуская въ немъ разные недостатки, которые можно будетъ исправить впослѣдствіи по указаніямъ опыта; съ своей стороны, либералы даютъ понять, что постараются отмѣнить „ретроградный" законъ тотчасъ же по полученіи большинства въ парламентѣ. Такимъ образомъ обѣ стороны придаютъ этому закону только временное значеніе,—въ ожиданіи общей перемѣны во внутренней политикѣ страны.

Во Франціи новое министерство Комба, смѣнившее Вальдека-Руссо въ началѣ іюня, сразу заняло воинственную позицію по отношенію къ духовнымъ конгрегаціямъ и прибѣгло къ ряду крутыхъ мѣръ для принудительнаго закрытія монашескихъ школъ, не разрѣшенныхъ правительствомъ или не исполнившихъ требуемыхъ для этого закономъ формальностей. Суровое примѣненіе закона объ ассоціаціяхъ сообщало кабинету передовой радикальный характеръ и обезпечивало ему популярность въ нѣкоторой части французскаго общества; но въ то же время оно отталкивало и волновало вѣрныхъ католиковъ, вызывая рознь и вражду между различными элементами населенія, безъ всякой къ тому надобности. Строгіе декреты о школахъ были, однако, повсемѣстно приведены въ исполненіе, причемъ кое-гдѣ приходилось имѣть дѣло съ попытками вооруженнаго противодѣйствія жителей; администрація, какъ и слѣдовало ожидать, легко одержала побѣду по всей линіи, и шумные толки о конгрегаціяхъ прекратились въ печати. Покончивъ съ своею главною задачею, кабинетъ Комба пока еще не выяснилъ своей дальнѣйшей положительной программы.

Если оставить въ сторонѣ политическія и парламентскія дѣла, то безъ сомнѣнія самымъ интереснымъ и значительнымъ фактомъ во Франціи за истекшій годъ было раскрытіе подвиговъ знаменитой отнынѣ Терезы Эмберъ, съ ея стомилліоннымъ наслѣдствомъ и баснословно-довѣрчивыми многочисленными кліентами. Семья Эмберъ исчезла изъ Парижа тотчасъ послѣ того, какъ разоблачились ея грандіозныя мошенничества, и усердные полицейскіе розыски, предпринятые чуть ли не по всему земному шару, оставались безплодными, несмотря на назначеніе крупной суммы вознагражденія за поимку. Только въ концѣ года, помимо участія полиціи, обнаружилось пребываніе Эмберовъ въ Мадридѣ, и удачный арестъ бѣглецовъ былъ, конечно, однимъ изъ самыхъ пріятныхъ событій для министерства. Дѣло Эмберъ перейдетъ

теперь въ стадію судебнаго процесса и надолго займетъ общественное мнѣніе своими фантастическими и тѣмъ не менѣе достовѣрными подробностями.

Венецуэльскій конфликтъ представляетъ безъ сомнѣнія характерный образчикъ того пониманія международныхъ правъ и обязанностей, которое поддерживается великими державами при одностороннемъ господствѣ промышленныхъ взглядовъ и интересовъ, въ связи съ заботою о внѣшнемъ престижѣ. Венецуэла долго разорялась внутренними междоусобіями, и президентъ Кастро сравнительно недавно успѣлъ упрочить свою власть, послѣ военныхъ побѣдъ надъ своими соперниками—генералами Андраде и Гернандецомъ. Отъ происходившихъ военныхъ событій страдали, разумѣется, не только туземцы, но и иностранные поселенцы, торговцы и предприниматели; туземцы бѣдствовали и молчали, или активно участвовали въ вооруженной борьбѣ, а иностранцы вели подробный счетъ убыткамъ и стали добиваться полнаго вознагражденія при содѣйствіи посланниковъ. Венецуэльское правительство утверждало, что оно не отвѣчаетъ передъ иностранцами за послѣдствія внутреннихъ неурядицъ, одинаково тягостныхъ для всего населенія,—что требованія дѣйствительныхъ кредиторовъ государства будутъ разсмотрѣны и по мѣрѣ возможности удовлетворены, и что во всякомъ случаѣ иностранцы не имѣютъ въ этомъ отношеніи больше правъ, чѣмъ туземцы. Само собою разумѣется, что въ казначействѣ Венецуэлы нѣтъ никакихъ свободныхъ денегъ. Между тѣмъ Германія заранѣе признала претензіи своихъ подданныхъ безспорными и потребовала уплаты, въ размѣрѣ около трехъ милліоновъ франковъ; такого же рода требованіе предъявила и Англія.

Когда вслѣдъ за объявленіемъ блокады начаты были насильственныя дѣйствія, президентъ Кастро отвѣтилъ на нихъ арестованіемъ нѣмецкихъ и британскихъ поселенцевъ, которыхъ, однако, выпустилъ на свободу по первому требованію сѣверо-американскаго посланника; затѣмъ онъ предложилъ передать спорные вопросы на разсмотрѣніе третейскаго суда. Германія и Англія находили почему-то нужнымъ обойти существующее въ Гаагѣ постоянное международное судебное учрежденіе и пожелали довѣрить дѣло президенту Рузевельту; но о третейскомъ судѣ вспомнили лишь подъ вліяніемъ протестовъ и непріязненныхъ заявленій въ Соединенныхъ-Штатахъ. Очевидно, предпріимчивыя союзныя правительства разсчитывали занять нѣкоторые пункты Венецуэлы для обезпеченія своихъ претензій, и вѣроятно водворились бы тамъ прочно, въ виду несостоятельности страны и ея правительства; этой благовидной комбинаціи помѣшали только американцы, съ ихъ безпокойною доктриною Монроэ, не допускающею

вмѣшательства Европы въ дѣла Америки. Даже при отсутствіи завоевательныхъ плановъ было бы слишкомъ рискованно предпринимать грозныя военныя демонстраціи для доставленія денежныхъ выгодъ соотечественникамъ; это былъ бы легкій способъ добывать милліоны съ чужихъ правительствъ,—способъ, давно отвергнутый международными обычаями, но практикуемый иногда въ замаскированной формѣ промышленныхъ счетовъ.



ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1903.

I.

— Мелкая земская единица. Сборникъ статей: К. К. Арсеньева, В. Г. Бажаева, П. Г. Виноградова, І. В. Гессена, Г. Б. Іоллоса, М. М. Ковалевскаго, Н. И. Лазаревскаго, М. К. Лемке, барона А. Ф. Мейендорфа, М. Н. Покровскаго, В. Ю. Скалона, В. Д. Спасовича, И. М. Страховскаго и Г. И. Шрейдера. Спб. 1902 г.

Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ послѣднее время усиленно занимаетъ общественное мнѣніе. Горячія пренія вызываетъ онъ и на земскихъ собраніяхъ, подробно обсуждается въ комитетахъ о сельско-хозяйственной промышленности, дебатируется и въ печати. Въ чемъ источникъ оживленія интереса къ этому вопросу, поднятому еще въ шестидесятыхъ годахъ? Повѣтріе ли моды? Или признаніе безсилія земства справиться съ болѣе общими задачами и стремленіе размѣнять ихъ на мелкіе интересы „колокольни"? Или же это новая вспышка крѣпостническихъ притязаній, которыя когда-то въ всесословной волости должны были найти возмѣщеніе за безвозвратно утраченныя прерогативы помѣщичьей власти? Нѣкоторые въ проектахъ мелкой земской единицы видятъ еще затѣю теоретиковъ, которыхъ соблазняетъ красота и стройность юридической конструкціи этого института. Но почему эта красота съ особой рельефностью выдвинулась именно теперь?

Намъ кажется, что всякій, кто ознакомится внимательно съ вопросомъ, согласится, что не въ модѣ, не въ стремленіи съузить земскую дѣятельность, не въ торжествѣ теоріи нужно искать объясненія этого явленія. Жизнь требуетъ внесенія принциповъ земскаго общественнаго управленія въ деревню, требуетъ этого, какъ перваго шага къ освобожденію отъ тяготѣющей надъ крестьянствомъ зависимости, и то, что земство откликнулось на этотъ запросъ, что оно пытается сдѣлать все возможное для удовлетворенія его, свидѣтельствуетъ, что

и въ теперешнихъ земскихъ учрежденіяхъ не угасъ старый земскій духъ. Вѣрой въ творческую силу общественнаго управленія, въ необходимость сдѣлать земство истинно-общественнымъ учрежденіемъ, обнимающимъ все населеніе, захватывающимъ новыя потребности, которыя со времени паденія крѣпостного права народились въ деревнѣ,—звучатъ рѣчи, раздающіяся въ земскихъ собраніяхъ въ защиту мелкой земской единицы [1]). То, что вопросъ всплылъ именно теперь, служитъ признакомъ общаго оживленія общественнаго настроенія, которое столь опредѣленно высказывается въ работахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Если „суммированіе" общественныхъ функцій земства является, по справедливому замѣчанію одного изъ земскихъ гласныхъ, настоятельной потребностью переживаемаго момента, вопросомъ первостепеннымъ, то не менѣе важное значеніе въ общественномъ смыслѣ имѣетъ, по нашему мнѣнію, внѣдреніе этихъ функцій въ самую среду народной жизни, въ деревню. Органическій ростъ идеи расширенія самодѣятельности общества для всякаго несомнѣненъ, и мы видимъ въ возбужденіи вопроса о мелкой земской единицѣ одно изъ наиболѣе замѣтныхъ и нормальныхъ проявленій этой идеи. Это прекрасно чувствуютъ противники общественнаго управленія, которые съ такой силою обрушиваются на всѣ проекты о мелкой земской единицѣ. Менѣе чуткими—въ смыслѣ пониманія общественнаго значенія самой постановки вопроса—оказываются противники этого института изъ лагеря земскихъ людей. Говорить о подведеніи фундамента подъ земскія учрежденія *теперь* совершенно неумѣстно, разсуждаютъ они:—вѣдь идея о всесословной волости появлялась и развивалась у насъ въ моменты подъема законодательнаго творчества, когда общество имѣло основаніе ожидать болѣе рѣшительнаго переустройства всего мѣстнаго управленія на иныхъ началахъ; теперь не тѣ условія, такъ зачѣмъ же и поднимать такіе вопросы!

Въ этихъ разсужденіяхъ вполнѣ правильно одно положеніе, а именно, что вопросъ о мелкой земской единицѣ появлялся у насъ въ моменты общественнаго оживленія, когда ожидались со стороны власти крупныя и серьезныя реформы. Послѣдняго обстоятельства теперь на лицо, быть можетъ, не имѣется, но развѣ понятіе общественнаго подъема должно непремѣнно совпадать съ опредѣленнымъ административнымъ теченіемъ? И если стремленія и чаянія общества и не находятъ опоры въ такомъ теченіи, то неужели уменьшается отъ того ихъ значеніе? Этотъ пессимизмъ относительно смысла пере-

[1]) Въ этомъ отношеніи интересны пренія на послѣднемъ губернскомъ московскомъ земскомъ собраніи.

живаемаго нами момента кажется намъ чрезмѣрнымъ. Разъ земство ощутило теперь потребность ближе подойти къ народной жизни, оно должно стремиться къ тому всѣми находящимися въ его распоряженіи законными средствами, должно выработать наиболѣе правильную организацію новаго учрежденія, ходатайствовать о немъ, дѣлать все отъ него зависящее. Это—обязанность земства, и въ самомъ осуществленіи *этой* обязанности мы видимъ крупный общественный фактъ. Да и земскіе проекты, вращающіеся на почвѣ общихъ положеній, выработанныхъ московскимъ агрономическимъ съѣздомъ, не такъ уже утопичны даже при существующихъ общихъ условіяхъ, чтобы отказаться отъ попытки ихъ осуществленія...

Къ такому именно выводу и приходитъ тотъ сборникъ, самое появленіе котораго мы считаемъ однимъ изъ симптомовъ пробужденія интереса общества къ вопросамъ правильнаго общественнаго управленія.

Инпціатива изданія сборника принадлежитъ группѣ видныхъ земскихъ дѣятелей, съ кн. П. Д. Долгоруковымъ и кн. Д. И. Шаховскимъ во главѣ. Люди земской практики поставили вопросъ, выдвинутый жизнью, и вотъ представители науки и публицистики объединились, чтобы всесторонне освѣтить вопросъ, дать научно разработанный матеріалъ для правильнаго разрѣшенія его. Этотъ рѣдкій примѣръ совмѣстной планомѣрной работы теоріи и практики и взаимодѣйствія ихъ—знаменательное общественное явленіе, дающее всегда весьма цѣнные результаты. Статьи разныхъ авторовъ сборника объединены планомъ и выдержаны въ тонѣ научнаго и фактическаго отношенія къ дѣлу, одинаково далекаго какъ отъ полемическаго задора, такъ и отъ безпринципной неопредѣленности. По содержанію своему сборникъ распадается на двѣ части.

Первая часть даетъ на основаніи теоріи и разсмотрѣніи опыта Запада и отчасти нашихъ окраинъ основоположенія правильной организаціи мѣстнаго самоуправленія. Вторая часть представляетъ всестороннее разсмотрѣніе вопроса о мелкой земской единицѣ въ Россіи: послѣ историческаго изслѣдованія о развитіи всесословнаго мѣстнаго самоуправленія въ московскій и послѣдующій періоды русской исторіи, мы находимъ здѣсь рядъ статей, посвященныхъ детальному изученію вопроса о мелкой земской единицѣ на основаніи литературы, земскихъ проектовъ и правительственныхъ предположеній. Весь этотъ матеріалъ резюмируется въ статьяхъ вводной и заключительной: въ нихъ дается общая программа того практическаго минимума идеи, который возможно и слѣдуетъ провести въ жизнь даже при существующихъ условіяхъ дѣятельности земства.

Обращаемся къ болѣе подробному изложенію содержанія сборника.

Первая часть его открывается статьей Н. И. Лазаревскаго о самоуправленіи. Послѣ подробнаго критическаго разбора разныхъ теорій самоуправленія, авторъ, въ согласіи съ наиболѣе научными доктринами современныхъ нѣмецкихъ государствовѣдовъ, опредѣляетъ самоуправленіе какъ своеобразно организованную систему децентрализованнаго *государственнаго* управленія и доказываетъ, что логически необходимо и изъ этой теоріи вытекаютъ всѣ условія правильнаго дѣйствія органовъ самоуправленія: независимость отъ администраціи, организація земскихъ учрежденій не на сословномъ или предметномъ, а исключительно на территоріальномъ началѣ; строгое проведеніе выборнаго начала; право земскихъ учрежденій составлять постановленія; власть принудительно приводить ихъ въ исполненіе и имѣть для того собственные мѣстные исполнительные органы, необходимость организовать мелкую земскую единицу и т. д.

Значеніе всѣхъ этихъ моментовъ для правильнаго развитія мѣстной жизни наглядно иллюстрируется очерками развитія и современнаго состоянія мѣстнаго самоуправленія въ Англіи (статья П. Г. Виноградова) и Сѣверо-Американскихъ Соед.-Штатахъ (статья М. М. Ковалевскаго), а также интереснымъ этюдомъ Г. Б. Іоллоса („Страница изъ исторіи земскихъ реформъ въ Пруссіи"), причемъ всѣ авторы останавливаются съ особымъ вниманіемъ на тѣхъ единицахъ самоуправленія, которыя по задачамъ приближаются къ проектируемому типу мелкой земской единицы.

Подробное разсмотрѣніе дѣятельности общинъ-приходовъ въ Финляндіи (статья В. Ю. Скалона), гминъ царства польскаго (статья В. Д. Спасовича), приходовъ и волостей губерній прибалтійскихъ (статья барона Мейендорфа) и сельскихъ коммунъ, унаслѣдованныхъ Россіей въ бессарабской губерніи отъ Румыніи (статья І. В. Гессена) приводитъ къ убѣжденію, что даже при неблагопріятныхъ условіяхъ всесословная самоуправляющаяся мелкая земская единица—институтъ крайне жизнеспособный и необходимый. Въ статьѣ В. Д. Спасовича, содержащей критику современнаго положенія гмины, отмѣтимъ, между прочимъ, одинъ интересный фактъ: созидатели гминной реформы въ Польшѣ, стремясь построить мѣстное общинное управленіе по тогдашнимъ политическимъ соображеніямъ исключительно на крестьянской массѣ, весьма старательно устранили изъ мѣстнаго управленія цѣлый рядъ интеллигентныхъ слоевъ сельскаго населенія: „опытъ показалъ, однако,—говоритъ В. Д. Спасовичъ,—что, вопреки ожиданіямъ Н. А. Милютина (одного изъ творцовъ реформы), интеллигентный классъ не былъ подавленъ въ гминѣ численнымъ перевѣсомъ большинства, состоящаго изъ простонародья. Этотъ интеллигентный элементъ всплылъ наружу и взялъ верхъ надъ большинствомъ крестьянскимъ". Любо-

пытное указаніе для тѣхъ противниковъ мелкой земской единицы, которые опасаются подавленія въ новомъ земскомъ органѣ интеллигенціи крестьянствомъ и пониженія вслѣдствіе того общаго культурнаго уровня земской дѣятельности!

Вторая часть книги начинается статьей М. Н. Покровскаго о мѣстномъ самоуправленіи въ древней Руси. Вопреки установившемуся въ наукѣ взгляду, авторъ видитъ въ земскихъ и губныхъ учрежденіяхъ Ивана Грознаго проявленіе и продолженіе того же общественнаго начала, которое характеризуетъ удѣльно-вѣчевое народоправство, и доказываетъ, что земская реформа Грознаго была вызвана по инипіативѣ и силами самого общества, соотвѣтствовала вполнѣ экономической эволюціи той эпохи, а отнюдь не была только продуктомъ административной политики московскихъ государей. Авторъ весьма живо полемизируетъ съ противоположными воззрѣніями и пытается подойти съ новой точки зрѣнія къ разрѣшенію общаго вопроса о самостоятельномъ значеніи земщины въ процессѣ русской исторіи. Попытка, во всякомъ случаѣ, интересная!

Болѣе близкаго времени, но все-же требующаго уже историческаго освѣщенія, касается И. М. Страховскій въ своемъ чрезвычайно содержательномъ очеркѣ возникновенія и устройства учрежденій крестьянскаго самоуправленія. Авторъ весьма убѣдительно доказываетъ, что чисто крестьянскій характеръ волостного управленія былъ созданъ въ 1861 г., въ видахъ *временныхъ* цѣлей проведенія реформы освобожденія. Сами коммиссіи и смотрѣли на создаваемыя ими положенія, какъ на нормы переходнаго времени, и не предполагали обособить крестьянство отъ другихъ сословій на вѣчныя времена. Но временныя нормы сдѣлались, безъ всякаго соображенія съ измѣнившимися условіями деревенской жизни, постоянными, и современное положеніе волостного управленія таково, что волость, и какъ общественно-хозяйственная единица, и какъ органъ общеадминистративнаго управленія, пришла въ совершенный упадокъ. Раздѣленіе этихъ двухъ функцій волости и образованіе мелкой самоуправляющейся безсословной единицы для завѣдыванія общественно-хозяйственными дѣлами является, по мнѣнію г. Страховскаго, первымъ шагомъ на пути преобразованія нашихъ мѣстныхъ учрежденій. „Если съ точки зрѣнія *идеаловъ* мѣстнаго самоуправленія, таковое [1]) должно обнимать не только такъ-называемые хозяйственные интересы, но и охватывать сферу администраціи, то при нѣкоторыхъ условіяхъ предпочтительнѣе для успѣшнаго хода мѣстнаго самоуправленія отказаться отъ осуществленія имъ

---

[1]) Какъ это, напримѣръ, существуетъ въ общинѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ.

административныхъ функцій“; по мнѣнію г. Страховского, мелкая земская единица является не только первымъ, но и единственнымъ способомъ освободить сельскую общественную жизнь отъ чрезмѣрнаго давленія новыхъ судебно-административныхъ учрежденій.

Очеркъ г. Страховскаго дополняется статьями В. Ю. Скалона („Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ общественныхъ собраніяхъ до 1901 г.“) и І. В. Гессена („Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ литературѣ до 1901 г.“). В. Ю. Скалонъ слѣдитъ за всѣми проектами всесословной волости, начиная съ 60-хъ годовъ, подробно останавливается на крѣпостническихъ тенденціяхъ проектовъ 70-хъ годовъ, предложенныхъ петербургскимъ дворянствомъ, излагаетъ предположенія такъ-называемой Кахановской коммиссіи, разсматриваетъ земскіе проекты 80-хъ и 90-хъ годовъ, въ которыхъ выясняется все возрастающая реальная потребность сліянія сословій и приближенія земской дѣятельности къ народной массѣ. Отношеніе ко всему этому процессу литературы и повременной печати за весь этотъ періодъ выясняется статьей І. В. Гессена.

Статьи В. Ю. Скалона и І. В. Гессена доводятъ вопросъ до послѣдняго времени, но все же это—уже исторія. Живую дѣйствительность со всѣми ея теченіями, партійными спорами, захватываетъ работа В. Г. Бажаева: „Развитіе вопроса о мелкой земской единицѣ въ земской средѣ съ 1901 г.“. Дѣйствительность пестра вообще. Внести систему въ мимо мелькающія явленія, уловить ихъ основныя теченія, самому не увлечься тѣмъ или инымъ изъ нихъ—это трудная задача, особенно въ такомъ вопросѣ, какъ мелкая земская единица, въ которомъ люди даже одного лагеря высказываются въ противоположныхъ направленіяхъ. Г-нъ Бажаевъ прекрасно справился со своей задачей—представить полную картину современнаго состоянія вопроса. За исходную точку своего изслѣдованія онъ взялъ московскій агрономическій съѣздъ.

Какъ извѣстно, 1901 годъ былъ въ вопросѣ о мелкой земской единицѣ поворотнымъ пунктомъ. Потребность въ ней ощущалась многими земствами. Надо было найти возможность возбудить вопросъ о ней. На съѣздѣ дѣятелей агрономической помощи, происходившемъ въ этомъ году въ Москвѣ, много говорили о томъ, какими средствами въ области поднятія экономическаго благосостоянія деревни располагаетъ земство, и вотъ многочисленные земскіе дѣятели, участвовавшіе въ съѣздѣ, указали на значеніе въ этомъ смыслѣ организаціи мелкой единицы. Особая коммиссія опредѣлила основныя черты будущей организаціи, вполнѣ соотвѣтствующія и духу земскихъ учрежденій, и условіямъ окружающей дѣйствительности. Именно, по предположеніямъ этой коммиссіи, мелкая земская единица должна носить характеръ

обязательности, а не быть добровольнымъ союзомъ; у нея должна быть точно опредѣленная территорія, она должна носить всесословный характеръ, должна пользоваться правомъ самообложенія, должна быть установлена связь между ней и губернскими и уѣздными земскими учрежденіями; мелкая земская единица должна имѣть выборные исполнительные органы и не должна обладать полицейскими и судебными функціями. Съѣздъ принялъ всѣ положенія коммиссіи, сдѣлавъ два добавленія: 1) о гласномъ веденіи дѣлъ въ собраніяхъ мелкой земской единицы, и 2) объ исключеніи изъ состава исполнительнаго органа послѣдней лицъ, исправляющихъ административныя и судебныя должности на территоріи данной единицы. По многимъ существеннымъ вопросамъ деталей организаціи съѣздъ не призналъ возможнымъ высказаться. Всѣ свои постановленія по вопросу о мелкой земской единицѣ съѣздъ опредѣлилъ передать на заключеніе уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній.

Толчокъ, данный съѣздомъ, оказался довольно дѣйствительнымъ: отвѣты объ отношеніи земства къ заключеніямъ съѣзда получились отъ 33 губернскихъ и 288 уѣздныхъ земствъ, а изъ нихъ, уже въ 1901 году, въ 23 губернскихъ и 122 уѣздныхъ было дано движеніе вопросу о мелкой земской единицѣ. Всѣ результаты трудовъ земствъ за время отъ съѣзда до настоящаго основательно разработаны и систематизированы В. Г. Бажаевымъ. Въ этой статьѣ авторомъ сведены, въ связи съ дѣятельностью агрономическаго съѣзда, всѣ подготовительныя работы земствъ до земскихъ собраній, изученъ матеріалъ, данный земскими собраніями 1901 г. — и все это чрезвычайно тщательно и полно. Г-нъ Бажаевъ далъ полный сводъ всѣхъ доводовъ земскихъ практиковъ pro и contra земской единицы, до настоящаго момента,—сводъ, имѣющій громадную цѣнность. Было бы крайне желательно, чтобы и результаты земскихъ собраній 1902 г. по затронутому вопросу получили такую же цѣнную и серьезную обработку [1]).

Таково, въ общихъ чертахъ, богатое содержаніе сборника, который серьезно освѣтилъ всѣ стороны вопроса. Введеніе К. К. Арсеньева и заключительная статья Г. И. Шрейдера даютъ выводы, которые въ общемъ совпадаютъ съ резолюціей московскаго агрономическаго съѣзда и которые неоднократно и подробно развивались на страницахъ нашего журнала („Вѣстн. Европы", „Внутр. Обозрѣнія" за январь, мартъ и май 1902 г.).

Практическая цѣнность „Сборника" была бы, кажется намъ, еще полнѣе, еслибы онъ заключалъ въ себѣ, въ видѣ вывода изъ всего

---

[1]) Редакція „Права", въ открытомъ письмѣ, напечатанномъ въ газетахъ, высказываетъ намѣреніе заняться этой работой.

матеріала, проектъ мелкой земской единицы, какою она представляется редакторамъ „Сборника". Впрочемъ, отсутствіе такого заключительнаго аккорда отнюдь не умаляетъ глубокаго значенія этой истинно земской книги.

II.

— М. Я. Герценштейнъ. Ипотечные банки и ростъ большихъ городовъ въ Германіи. Спб. 1902 г.

Одною изъ отличительныхъ особенностей современной экономической организаціи является задолженность недвижимой собственности. Земельные банки играютъ все болѣе крупную роль въ общественномъ хозяйствѣ; особенно велико ихъ значеніе для городской недвижимости, которая, вслѣдствіе непрерывно продолжающагося роста городского населенія, превратилась въ товаръ, сдѣлалась предметомъ спекуляціи, конкурренціи и ажіотажа. Г-нъ Герценштейнъ, поэтому, и дѣлаетъ центромъ своего изслѣдованія дѣятельность ипотечныхъ банковъ въ области городскихъ недвижимостей. Хотя матеріалъ, обрабатываемый авторомъ, относится къ Германіи, но выводы его имѣютъ общее значеніе, тѣмъ болѣе, что авторъ часто проводитъ аналогію между изучаемыми имъ явленіями въ Германіи и однородными въ Россіи.

Исходнымъ пунктомъ изслѣдованія г. Герценштейна послужили тѣ крупныя банкротства земельныхъ банковъ, которыя разразились года два тому назадъ въ Германіи. Одновременно съ этими банкротствами въ области промышленной жизни сталъ ощущаться кризисъ со всѣми сопровождающими его специфическими признаками, съ крахами торговыхъ и промышленныхъ банковъ и пр. Авторъ прежде всего и выясняетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ упомянутыя банкротства земельныхъ банковъ зависѣли отъ общаго промышленнаго кризиса. Путемъ тщательнаго и серьезнаго, основаннаго на изученіи первоисточниковъ анализа дѣятельности лопнувшихъ банковъ, авторъ приходитъ къ выводу, что эти банкротства нужно объяснять недостатками общей организаціи банковъ, ихъ пріемами дѣятельности, а не общими экономическими условіями, вызывающими кризисъ.

Ипотечные банки, оперирующіе въ городахъ, могутъ испытать кризисъ только тогда, когда наступитъ перепроизводство объектовъ залога, т.-е. когда постройка домовъ не будетъ соотвѣтствовать росту городского населенія, когда по экономическимъ условіямъ ростъ городовъ останавливается. Тогда цѣны на дома падаютъ, домовладѣльцы отказываются отъ взноса платежей въ банки и оставляютъ заложен-

ныя имущества на произволъ судьбы, банки несутъ большіе убытки при продажѣ этихъ имуществъ и не могутъ выполнять своихъ обязательствъ передъ владѣльцами закладныхъ листовъ. Замѣчаются ли теперь подобныя явленія и, прежде всего, наступила ли основная причина ихъ—пріостановка роста большихъ городовъ? Авторъ приходитъ къ отрицательному отвѣту на основаніи изслѣдованія о ростѣ городовъ, которое онъ даетъ въ III-ей главѣ своего сочиненія. Городское населеніе увеличивается чудовищно: Берлинъ въ 1871 г. имѣлъ 828 тысячъ жителей, въ 1900—1.888 тысячъ; пригородъ Берлина—Шарлоттенбургъ за послѣднія два десятилѣтія (1880—1900) по населенію увеличился болѣе чѣмъ въ шесть разъ. То же явленіе наблюдается въ Лейпцигѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ и другихъ городахъ и вызываетъ цѣлый рядъ послѣдствій въ области промышленности и кредита: основываются многочисленныя акціонерныя строительныя общества, покупаются дома, участки для немедленной перепродажи, развивается спекуляція, биржевая игра, дутые дивиденды. Факты, излагаемые авторомъ въ этой главѣ, даютъ изображеніе одной изъ любопытнѣйшихъ страницъ экономической жизни современности. Авторъ изслѣдуетъ при этомъ роль, которую играютъ и играли, и которой не должны играть земельные банки; для послѣднихъ болѣе всего опасности представляется тогда, когда они, отказавшись отъ своей непосредственной задачи, вступаютъ въ связь со спекулятивными, домовладѣльческими, домостроительными и вообще промышленными обществами. Тогда даже при наличности главнаго условія процвѣтанія ипотечныхъ банковъ, т.-е. роста городовъ, они могутъ лопаться, хотя крахи ихъ не будутъ, конечно, вызваны общими экономическими условіями. Для подтвержденія своихъ положеній авторъ, не ограничиваясь фактами современности, сравнилъ нынѣшнее положеніе земельнаго кредита и ипотечныхъ банковъ съ тѣмъ, которое испытывалось въ Германіи въ концѣ 60-хъ годовъ, когда, дѣйствительно, на лицо былъ кризисъ. Матеріалъ для анализа причинъ кризиса 60-хъ годовъ авторъ черпаетъ въ анкетѣ, произведенной въ 1868 г. Сѣверо-германскимъ Союзомъ, въ работахъ Родбертуса и Беккера, воззрѣнія которыхъ подробно изложены въ работѣ г. Герценштейна. Основной выводъ всей работы, что причина крушеній ипотечныхъ банковъ въ системѣ ихъ организаціи, приводитъ автора къ критическому анализу этой системы и указанію необходимыхъ преобразованій. Любопытно здѣсь отмѣтить, что основныя причины, приведшія къ банкротству германскіе земельные банки (смѣшеніе дѣятельности ипотечныхъ банковъ съ функціями торгово-промышленныхъ, совмѣстительство членовъ правленій въ разныхъ предпріятіяхъ, отсутствіе контроля и проч.), повторились и у насъ при столь нашумѣвшемъ недавно крахѣ харьковскаго земельнаго банка. Въ заключи-

тельныхъ главахъ, резюмирующихъ результаты изслѣдованія, авторъ касается ряда вопросовъ, выдвинутыхъ банковымъ и акціонернымъ дѣломъ и у насъ. Это вопросы о государственномъ контролѣ за земельными банками, объ органахъ управленія въ банкахъ и акціонерныхъ обществахъ вообще, объ участіи въ этомъ управленіи органовъ правительственной власти и др. Всѣ эти вопросы освѣщены и съ точки зрѣнія условій, дѣйствующихъ въ Россіи. Вся работа свидѣтельствуетъ о тщательномъ изученіи вопроса, произведенномъ знатокомъ дѣла, и имѣетъ для нашей скудной финансовой литературы большую научную цѣнность. Да не только въ русской, но и въ европейской литературѣ кризисы ипотечнаго кредита далеко не изучены вполнѣ, что еще болѣе увеличиваетъ значеніе труда г. Герценштейна.

III.

— Г. Гауптманъ. Собраніе сочиненій, т. I и II. Переводъ п. р. К. Бальмонта. Изд. Скирмунтъ. Москва, 1902 г.

Среди молодыхъ иностранныхъ писателей русская публика интересуется болѣе всего Гауптманомъ. О каждомъ новомъ его произведеніи пишутъ, разговариваютъ, нѣкоторыя пьесы его вошли въ репертуаръ нашихъ театровъ, а между тѣмъ до сихъ поръ мы не имѣли собранія наиболѣе важныхъ произведеній Гауптмана въ переводѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ литературному значенію этого писателя. Г-нъ Бальмонтъ нынѣ восполнилъ этотъ пробѣлъ: въ редактированномъ имъ собраніи помѣщены почти всѣ произведенія Гауптмана въ переводѣ, очень близкомъ къ оригиналу, съ явно выраженнымъ намѣреніемъ сохранить духъ и настроеніе подлинника. Это, впрочемъ, по отношенію къ Гауптману, не легко достижимо: языкъ многихъ его произведеній настолько носитъ мѣстный колоритъ, что для передачи его на иностранный представляются непреодолимыя затрудненія. Можетъ быть, послѣднее обстоятельство является причиной и того, что въ собраніи не хватаетъ одного крупнаго произведенія Гауптмана, именно исторической драмы: „Флоріанъ Гейеръ“, въ которой поэтъ, для достиженія бо̀льшей исторической рельефности, заставляетъ дѣйствующихъ лицъ (а ихъ весьма много) все время изъясняться на древнемъ мѣстномъ нарѣчіи. Если переводчикамъ не легко далось справиться и съ современными діалектами, которыми такъ широко пользуется Гауптманъ, то, можетъ быть, они остановились въ затрудненіи передъ архаическимъ языкомъ исторической драмы. А это жаль. По своимъ литературнымъ достоинствамъ эта драма несо-

мнѣнно заслуживаетъ мѣста въ „Собраніи“, особенно въ виду того, что она совершенно незнакома русской публикѣ (она, кажется, нигдѣ не была переведена) и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма характерна для литературной физіономіи знаменитаго драматурга [1]). Пріятную неожиданность за то представляетъ появленіе въ „Собраніи“ впервые на русскомъ языкѣ „Ткачей“ (въ переводѣ Л. Гуревичъ), можетъ быть, самаго важнаго произведенія Гауптмана, которое такъ долго было для нашихъ переводчиковъ и издателей строго запретнымъ плодомъ.

Задача представить русскимъ читателямъ литературную физіономію Гауптмана возможно ближе къ оригиналу выполнена въ общемъ съ большой любовью и стараніемъ переводчиками и редакторомъ. Г-нъ Бальмонтъ, какъ переводчикъ, прочно установилъ свою репутацію великолѣпными стихотворными переводами Шелли, и мы, по правдѣ сказать, съ большими ожиданіями приступили къ чтенію въ его переводѣ „Потонувшаго колокола“, этой чудной сказки-драмы, въ которой, повидимому, талантъ г. Бальмонта могъ развернуться свободно и легко. Однако, при всѣхъ высокихъ качествахъ перевода, именно легкости мы не нашли въ немъ; мало осталось того свободнаго полета, который такъ очаровываетъ читателя въ оригиналѣ. Не чувствуется творческаго перевоплощенія поэзіи Гауптмана въ родную намъ рѣчь. Васъ давитъ духъ тяжести только добросовѣстно и близко передаваемаго текста, и этого ощущенія не въ силахъ уничтожить и тѣ неологизмы и вычурныя выраженія, которыми такъ злоупотребляетъ во всѣхъ своихъ поэтическихъ продуктахъ г. Бальмонтъ. „Почему бояться неологизмовъ? Ихъ нужно желать, какъ всего, что расширяетъ область слова“,—пишетъ г. Бальмонтъ въ предисловіи.— Да, ихъ нужно желать,—только при одномъ условіи, чтобы неологизмы соотвѣтствовали духу языка; а безъ того многія выдуманныя словечки „гротескны“ (по любимому выраженію г. Бальмонта)—и только...

Конечно, и въ переводѣ г. Бальмонта есть великолѣпныя мѣста, но многія и пропали въ его передачѣ. Особенно досадно за удивительный монологъ Гейнриха, обращенный къ пастору, въ сценѣ на горахъ: („Кто мнѣ за трудъ мой платитъ...“ и далѣе: „О, солнце! Древній праотецъ...“); мощь и красота восторженной рѣчи литейщика колоколовъ какъ-то у г. Бальмонта загромоздились словеснымъ балластомъ; гораздо бо̀льшее впечатлѣніе производитъ это мѣсто въ передачѣ г. Буренина, выкинувшаго, впрочемъ, почему-то послѣднюю строфу [2]).

---

[1]) Въ „Собраніи“ не хватаетъ еще появившейся въ прошломъ году комедіи „Красный пѣтухъ“, составляющей продолженіе „Бобровой шубы“.

[2]) Переводъ г. Буренина печатался въ „Новомъ Времени“ и, кажется, отдѣльнымъ печатнымъ изданіемъ не выходилъ. У насъ подъ руками этотъ переводъ въ литографированномъ изданіи для театровъ.

Проза переведена не только точно, но и красиво. Заключительные поэтическіе аккорды „Ганнеле“ звучатъ въ стихотворной передачѣ г. Бальмонта прекрасно.

Повторяемъ, русскіе читатели получили возможность основательно ознакомиться съ нѣмецкимъ драматургомъ, котораго фанатическіе поклонники (въ Германіи они составляютъ своего рода секту, Hauptmanngemeinde) ставятъ рядомъ съ Шекспиромъ и Гейне. Каково дѣйствительное значеніе этого несомнѣнно крупнаго таланта? Отмѣтимъ прежде всего, какъ любопытную черту, то, что ни одна литературная партія въ Германіи не считаетъ Гауптмана окончательно своимъ. Первыя его драмы соціальнаго характера, носившія на себѣ сильное вліяніе Ибсена, поставили его во главѣ „молодыхъ“ реалистовъ, боровшихся съ рутиной, и закрѣпили за нимъ славу натуралиста въ драматургіи и реформатора ея. Въ „Ткачахъ“, этой потрясающей трагедіи жизни четвертаго сословія, увидѣли не только реформатора драматургіи, но и поэта, проводящаго въ своихъ произведеніяхъ опредѣленную общественную идею этого сословія. Посыпались обвиненія въ тенденціозности, которыя, однако, должны были замолкнуть послѣ появленія „Ганнеле“. Эта поразительная драма дѣтской души съ ея свѣтлымъ мистицизмомъ, трогательнымъ и примиряющимъ, съ ея фантастическими образами, составляющими сущность ея душевнаго міра и такъ рѣзко отличающимися отъ окружающей дѣйствительности, скорѣе могла выйти изъ-подъ пера мистика-поэта, стремящагося къ надчувственной красотѣ, чѣмъ принадлежать тому же драматургу, который въ „Ткачахъ“ далъ такую жестокую картину соціальныхъ условій. Послѣ „Потонувшаго колокола“, Гауптманъ былъ признанъ символистомъ и идеалистомъ и зачисленъ въ ряды „Moderne“. Въ „Возчикѣ Геншелѣ“ Гауптманъ снова реалистъ-психологъ; въ „Михаэлѣ Крамерѣ“ онъ возвращается къ трагедіи одинокихъ людей; въ „Красномъ пѣтухѣ“ онъ—созерцатель мелочей жизни мелкихъ людей, съ ихъ радостями и печалями, которыя Гауптманъ воспроизводитъ не безъ легкаго юмора. „Moderne“ уже не считаютъ его своимъ; въ появившейся на дняхъ брошюрѣ Ландсберга (она переведена на русскій языкъ московской фирмой „Скорпіонъ“) съ крикливымъ названіемъ „Долой Гауптмана“, констатируется, что „духовная мощь Гауптмана“ не удовлетворяетъ больше молодое поколѣніе“. „Мы считали,—пишетъ этотъ представитель самой молодой Германіи,—его великимъ; мы употребили всѣ силы, чтобы доставить ему побѣду. Теперь, когда онъ сталъ знаменитостью, мы чувствуемъ себя по ту сторону побѣды. Его искусство осталось земнымъ. Тамъ, гдѣ онъ пытается взлетѣть ввысь, ясно выступаетъ его духовное безсиліе. Этому искусству не хватаетъ откровенія“... Далѣе идутъ обвиненія въ отсутствіи у Гауптмана па-

стоящаго идеализма, въ его общедоступности, свидѣтельствующей, что онъ не создалъ новыхъ цѣнностей и пр.

Конечно, вѣрно то, что Гауптманъ—натуралистъ, хотя гораздо больше по пріемамъ, чѣмъ по сущности; что въ его произведеніяхъ звучитъ мистическая и идеалистическая нота; что онъ—символистъ въ смыслѣ необычайнаго проникновенія въ тайники природы и умѣнья воплощать ихъ въ видѣ образовъ,—но прежде всего онъ настоящій поэтъ, поэтъ „милостью Божіей", который, при всемъ разнообразіи идейнаго своего міра и затрогиваемыхъ имъ сюжетовъ, всегда оригиналенъ и самобытенъ. Въ этомъ—его сила и обаяніе!

Г-нъ Бальмонтъ (предисловіе) основнымъ настроеніемъ творчества Гауптмана считаетъ то, что поэтъ влюбленъ въ жизнь, что онъ „исполненъ какого-то религіознаго поклоненія передъ сказкой бытія"; отсюда —его пристрастіе къ самымъ простымъ темамъ... его любовь къ простымъ, невиднымъ существованіямъ; отсюда—его искренній реализмъ. Это вполнѣ справедливо, но это не созерцательная любовь, не одно только любованье процессами жизни природы или людей; нѣтъ, Гауптманъ ищетъ душу жизни, и та глубина человѣческаго чувства, которымъ проникнута его любовь ко всему, что въ жизни происходитъ, это и есть та крѣпкая связь, которая соединяетъ Гауптмана съ его читателями и зрителями. Безъ этого немыслимо было бы созданіе ни „Ткачей", ни „Потонувшаго колокола", ни „Ганнеле"—лучшихъ пьесъ Гауптмана, которыя даютъ ему право на видное мѣсто среди міровой литературы. Эта глубина чувства подсказала ему, что нужно быть борцомъ и въ жизни, и въ искусствѣ. Въ юношеской своей драмѣ: „Das Promethidenloos", онъ восклицаетъ:

Ein Kämpfer sein war sein neues Streben,
Das ihm des Elends Anschau eingegeben!

И онъ сталъ борцомъ.

Далеко не всѣ драмы Гауптмана одинаковаго достоинства; но то, что онъ создалъ, даетъ увѣренность, что отъ молодого драматурга можно ждать еще многаго.—Г-анъ.

IV.

— Альбомъ выставки, 1852—1902, въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, устр. Общ. Любит. Россійск. Словесности въ залахъ Историческаго Музея 21-го февраля—апрѣля 12-го, 1902. Исполнено и издано худож. фототипіей К. А. Фишеръ. М. 1902.

— Гоголь на родинѣ. Альбомъ художественныхъ фототипій и геліогравюръ, относящихся къ памяти Н. В. Гоголя. Изданіе І. Ц. Хмѣлевскаго въ Полтавѣ. (1902).

Изданія подобнаго рода, альбомы юбилейныхъ выставокъ или коллекцій рисунковъ, въ первый разъ появляются у насъ, кажется, съ первой Пушкинской выставки 1880 года. Теперь это входитъ въ обычай,—и прекрасный обычай: для тѣхъ, кто видѣлъ выставку, альбомъ остается напоминаніемъ, сохраняющимъ личныя впечатлѣнія; кто не видѣлъ ея,—альбомъ представитъ собраніе любопытныхъ иллюстрацій, единственное въ своемъ родѣ и обыкновенно въ большинствѣ пьесъ совершенно новое, потому что для выставки матеріалъ собирается отовсюду изъ частныхъ рукъ, гдѣ до этого онъ оставался недоступнымъ. Альбомъ будетъ надолго желанной иллюстраціей къ біографіи писателя.

Таково изданіе г. Фишера, посвященное выставкѣ въ память Гоголя и Жуковскаго. Художественная фототипія г. Фишера имѣетъ уже заслуженную репутацію прекраснаго исполненія рисунковъ. На выставкѣ собралось много разнообразнаго матеріала—всего болѣе портретовъ писателей и другихъ лицъ, такъ или иначе связанныхъ съ ихъ біографіей; изображеній скульптурныхъ; пейзажей и т. п. Не малое достоинство альбома составляетъ и его доступность: 180 снимковъ, или въ большомъ 8°, или въ меньшемъ форматѣ (когда на страницѣ помѣщено два снимка, изрѣдка—четыре), всего на 92 страницахъ, стоятъ 3 р. 50 к.

Можно пожалѣть только о способѣ брошюровки—съ помощью того, что называлось, кажется, „американскимъ переплетчикомъ“. Книга не сшивается нитками, а пробивается, точно гвоздями, такъ что ее нельзя разогнуть, не держа двухъ сторонъ книги обѣими руками. Эта манера „переплетать“ книги гвоздями теперь очень распространяется, но если она можетъ быть пригодна для брошюръ, она только уродуетъ книги—и альбомы.

Изданіе г. Хмѣлевскаго—другого рода. Это—не альбомъ выставки; издатель поставилъ себѣ цѣлью собрать и закрѣпить фотографіей „все, связанное съ именемъ Гоголя, освѣщенное его личностью и творчествомъ, преимущественно въ предѣлахъ его родины“. Издателю по-

счастливилось встрѣтить сочувствіе къ своему плану въ кругу нынѣ живущихъ родственниковъ Гоголя, которые предложили ему воспользоваться имѣющимся у нихъ матеріаломъ. Въ результатѣ получилось чрезвычайно интересное собраніе рисунковъ, относящихся къ жизни Гоголя „на родинѣ“.

Книга открывается статьей извѣстнаго знатока малорусской старины, этнографа и историка В. П. Горленка „Родина Гоголя“, гдѣ авторъ даетъ общую картину мѣстности и разсказываетъ, какъ многое измѣнилось въ ней съ тѣхъ поръ, когда здѣсь живалъ Гоголь. „Неумолимое время, бытовыя перемѣны и недостаточное вниманіе къ памяти поэта измѣнили теперь многое въ его родномъ уголкѣ. Съ какой-то особой стремительностью совершалось все это въ послѣдніе годы. Тѣ же мѣста намъ пришлось видѣть лѣтъ двадцать назадъ, когда все это было ближе къ Гоголю, болѣе напоминало тотъ видъ, въ какомъ было при немъ“, — и авторъ указываетъ, какія перемѣны произошли. „Аппаратъ фотографа, руководимый внимательной и любящей рукой, воспроизводитъ въ этомъ альбомѣ виды мѣстностей, зданій, всякую вещественную память о Гоголѣ въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, или же по тѣмъ прежнимъ снимкамъ, какіе уцѣлѣли“.

Конечно, это—все, что можно было сдѣлать, и г. Хмѣлевскій видимо старался собрать все, что было возможно: его альбомъ остается самымъ богатымъ собраніемъ того, что можетъ дать теперь представленіе о „родинѣ Гоголя“: уцѣлѣла та же природа, общій этнографическій и бытовой типъ, портреты и т. д.

Большое собраніе рисунковъ посвящено самой „Яновщинѣ“; затѣмъ идутъ Миргородъ, Нѣжинъ, Сорочинцы, Кибинцы, Яреськи и другія мѣстности, связанныя съ біографіей Гоголя; наконецъ, внѣ „родины“ Гоголя—изображены домъ въ Римѣ, гдѣ жилъ Гоголь, домъ гр. А. П. Толстого въ Москвѣ, гдѣ жилъ и умеръ Гоголь; видъ его могилы въ Даниловомъ монастырѣ. Во главѣ альбома поставленъ портретъ—съ извѣстнаго портрета Моллера, о которомъ г. Хмѣлевскій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Этотъ портретъ написанъ Моллеромъ въ 1841 году и былъ привезенъ Гоголемъ въ Яновщину. Съ тѣхъ поръ онъ не выходилъ изъ семьи, и въ настоящее время принадлежитъ племяннику поэта Н. В. Быкову и находится въ Яновщинѣ. Огромная часть портретовъ Гоголя, распространенныхъ въ печати, сдѣлана на основаніи этого портрета или, лучше сказать, гравюры съ него Іордана, совершенно исказившей черты поэта. Въ нашемъ изданіи появляется въ первый разъ точная фотографическая его копія, снятая съ оригинала въ Яновщинѣ“.

V.

— Православное духовенство. Очерки, повѣсти и разсказы изъ жизни приходскаго духовенства. Н. И. Соловьева. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1902.

Авторъ избралъ весьма важную и любопытную тему, и второе изданіе должно показывать, что книга возбудила интересъ. Вопросъ о нашемъ духовенствѣ, въ его значеніи общественномъ, есть несомнѣнно вопросъ чрезвычайно важный: „Русь святая“, „православная“ имѣетъ вѣка исторіи, и до настоящей минуты это не только историческій, но политическій терминъ; понятно, что духовное сословіе занимало важное мѣсто въ созданіи этого историческаго факта. Исторія русской церкви, хотя еще не вполнѣ собранная и критически изслѣдованная, много говоритъ о давнопрошедшихъ вѣкахъ; но вѣка послѣдніе, и особенно недавнее прошедшее, изслѣдованы очень мало, а періодъ современный—всего менѣе. Въ литературѣ есть только оффиціальные отчеты, цифровыя данныя,—но мы напрасно искали бы точнаго и правильнаго освѣщенія вопроса въ современной общественности; можно сказать, что онъ почти совсѣмъ не затрогивается—кромѣ отдѣльныхъ примѣровъ, какъ бы случайно попадавшихъ въ печать, духовенство стояло какъ будто внѣ литературы,—хотя не внѣ общественнаго мнѣнія. Въ прежнее время, всякое упоминаніе о духовномъ сословіи, какъ и всякихъ предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ церковности, шло просто въ духовную цензуру, и слѣдовательно могло быть сказано только то, что понравилось бы представителямъ сословія. Но, какъ замѣчено, вопросъ о сословіи не могъ остаться внѣ общественнаго мнѣнія устнаго,—и въ концѣ концовъ оно такъ распространялось и пріобрѣтало иногда столь рѣзкую исключительность и односторонность, что вызывало неудовольствія и нареканія въ самомъ сословіи, которое считало себя несправедливо осуждаемымъ. Разобраться въ этомъ можно было бы, конечно, только однимъ путемъ—открытымъ, спокойнымъ, безпристрастнымъ обсужденіемъ въ печатномъ общественномъ мнѣніи, т.-е. въ литературѣ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ этого нѣтъ,—или это бывало только рѣдко и случайно, какъ было, напр., въ шестидесятыхъ годахъ по поводу книжки „о сельскомъ духовенствѣ“ (изданной за границей). Касаться этого вопроса до сихъ поръ мудрено: кто захотѣлъ бы поставить вопросъ опредѣленно и правдиво, рисковалъ бы вызвать противъ себя весьма не безопасныя „анти-критики“.

Книга г. Соловьева касается только одной части вопроса,—она говоритъ почти исключительно о бытѣ сельскаго духовенства; бытъ городского духовенства затрогивается лишь отчасти, напр. когда де-

ревенскій батюшка переводится въ городъ. Книга написана вообще съ великими сочувствіями къ деревенскимъ батюшкамъ; авторъ знаетъ за ними кое-какіе недостатки, напр. не разъ онъ упоминаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ отличаются завистливостью, охотой къ сутяжничеству; но большею частью въ его изображеніяхъ это—люди скромные, которые мужественно переносятъ свою малую матеріальную обезпеченность, даже прямо нищету, и успѣваютъ воспитывать въ своихъ дѣтяхъ такое же мужество въ борьбѣ съ нуждой и закалять ихъ характеры. Разсказы чаще относятся ко временамъ прошедшимъ, и такъ какъ въ этихъ случаяхъ авторъ видимо основывается на фактическихъ данныхъ, то между прочимъ получаются жестокія картины быта сельскаго духовенства за это прошедшее время—въ зависимости не то что у полудикихъ, но совершенно дикихъ самодуровъ-помѣщиковъ. Одинъ изъ нихъ, напр., у себя въ домѣ травилъ своего приходскаго священника обученными псами, которые буквально разорвали на немъ все одѣяніе до-нага, и въ этомъ видѣ священникъ вернулся по селу домой. По всей вѣроятности, переданъ здѣсь историческій фактъ.

Авторъ, конечно, осуждаетъ пренебрежительное отношеніе къ духовенству со стороны такъ-называемаго высшаго круга,—но не даетъ читателю достаточнаго объясненія, откуда такое отношеніе происходило. Нѣкоторыя изъ описанныхъ авторомъ возмутительныхъ исторій, въ родѣ вышеупомянутой травли священника псами, относились еще ко временамъ крѣпостного права, когда значеніе помѣщика считалось незыблемымъ; но во всякомъ случаѣ можно было бы ожидать, что власть епархіальная, которая также должна бы быть незыблемой и которой эти безобразія были совершенно извѣстны, вмѣшается въ это положеніе вещей (помѣщикъ разбѣсился на священника за то, что послѣдній, придя въ домъ съ крестомъ, не хотѣлъ, какъ тотъ потребовалъ, благословлять крестомъ его псовъ) и дастъ защиту оскорбляемой святынѣ; но этого не бывало. Безобразія оставались безнаказанными, но и не возвышалось уваженіе къ духовному сословію.

Въ разсказахъ г. Соловьева, при всемъ ихъ благодушномъ, идиллическомъ настроеніи, сказываются и разныя другія бытовыя черты, которыя даютъ видѣть упомянутый разладъ, существующій между сословіемъ и другими слоями общества. Одинъ сельскій батюшка, достойнѣйшій человѣкъ, за свои заслуги назначенъ былъ въ губернскій городъ: это было большое повышеніе, которое должно было порадовать батюшку, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно его огорчало, потому что городскія отношенія казались очень стѣснительными послѣ многолѣтней привычки къ деревенской простотѣ. Чувство батюшки было весьма естественное; но авторъ влагаетъ въ его уста цѣлую филиппику противъ городской жизни (между прочимъ, заставляя его говорить мало

естественнымъ полу-славянскимъ языкомъ): „грады великіе суть бездна грѣховная, и деревни малыя суть обители отъ соблазновъ огражденныя, хотя и сіи послѣднія не всегда избавлены отъ духа злобы и прельщенія. Грады суть источники нечистоты грѣховной“, и такъ далѣе, на три страницы (134—136). Но какъ же быть безъ великихъ градовъ? Всѣмъ нельзя жить въ малыхъ деревняхъ; — батюшка не усмотрѣлъ только, что грады—неизбѣжное созданіе государственной жизни, что они служатъ ей органомъ, а также органомъ общественности и просвѣщенія,—и не трудно представить себѣ, что этотъ достойнѣйшій батюшка, превышающій городскихъ батюшекъ непосредственностью своего благочестія, будетъ мало понимать свою городскую паству.

Но и въ этомъ объемѣ задачи, какую поставилъ себѣ авторъ книги, въ изображеніи сельскаго духовенства, онъ не даетъ ни полной картины, ни полнаго объясненія сельскихъ отношеній. Несмотря на указанное противоположеніе жизни городской и сельской, исполненной соблазнами и свободной отъ нихъ, сельская жизнь, сколько извѣстно, давно, да и въ настоящее время не отличается добродѣтелями; въ книгѣ г. Соловьева не видно, чтобы сельскіе батюшки, и самые наилучшіе, ставили себѣ долгомъ противодѣйствовать пьянству, обуревающему деревню, противодѣйствовать „мірской“ несправедливости, или кулаческому притѣсненію, или иной деревенской неправдѣ; въ книгѣ невидно,—о чемъ, наконецъ, читаемъ нерѣдко въ газетахъ,—какъ батюшки относятся къ народной школѣ, какъ они вооружаются и интригуютъ противъ школы земской, и т. п.; невидно вообще, насколько батюшки, кромѣ оффиціальнаго исправленія требъ, воздѣйствуютъ на нравственный бытъ своей паствы, не говоря уже о младенческомъ состояніи ея умовъ.

Вопросъ, который косвенно затронутъ въ книгѣ г. Соловьева, чрезвычайно важенъ, и надо сожалѣть, что онъ мало ставится въ нашей литературѣ, другими словами, что онъ считается, вѣроятно, окруженнымъ слишкомъ большими препонами. Между тѣмъ, собираются кружки для собесѣдованій о предметахъ высшей религіозной философіи...

> Въ столицѣ шумъ, гремятъ витіи,
> Кипитъ словесная война...

Д.

— Образовательная Библіотека, изд. О. Н. Поповою. Серія V. 2: Профессоръ Погодинъ, Религія Зороастра.—Профессоръ Джаксонъ, Жизнь Зороастра. Спб., 1903.

Небольшая книжка, около полутораста страницъ, составлена въ обратномъ порядкѣ съ принятымъ, преимущественно во Франціи, способомъ начинать историко-критическія изслѣдованія съ біографіи дѣятеля (l'homme) и затѣмъ уже излагать то, что онъ сдѣлалъ (l'oeuvre). Отъ этого она очень выигрываетъ ясностью изложенія и отсутствіемъ повтореній. Появленіе ея какъ нельзя болѣе своевременно. Пробудившійся въ послѣдніе годы въ обществѣ замѣтный интересъ къ исторіи религіозныхъ ученій, къ единству ихъ началъ и къ историко-этнографическому разнообразію ихъ источниковъ вызвалъ уже рядъ произведеній, написанныхъ по возможности общедоступно и иногда даже въ беллетристической формѣ, какова, напр., „Душа одного народа", Фильдинга. Ученіе Зороастра, освобожденное отъ связанной съ нимъ запутанной и мрачной дэмонологіи,—отличается большою шириною и гуманностью взглядовъ, не имѣетъ въ себѣ обрядовой окаменѣлости и, ставя условіемъ праведной жизни нравственную чистоту слова и дѣла, требуетъ дѣятельной любви къ божеству и его высшему свойству —истинѣ. Этой дѣятельной, призывающею къ борьбѣ со зломъ, стороною своею зороастризмъ существенно отличается отъ созерцательно-пассивнаго буддизма. Русскіе читатели могли уже ознакомиться съ этимъ ученіемъ, между прочимъ, изъ перевода книги Шантепи де-ла-Соссе́ и изъ статей Мильса и профессора Наороджи въ сборникѣ лекцій о религіозныхъ вѣрованіяхъ, переведенныхъ В. А. Тимирязевымъ. Настоящая книжка, однако, уступая въ живости и блескѣ изложенія нѣкоторымъ изъ этихъ сочиненій, даетъ болѣе цѣнный и глубже обработанный матеріалъ для изученія спорныхъ вопросовъ о личности и вѣроученіи подлиннаго Заратустры, а не того, котораго хотѣлъ воскресить въ своеобразной формѣ въ своемъ столь нашумѣвшемъ произведеніи Ницше. Статья профессора Джаксона обилуетъ нѣкоторыми мелочными и излишними подробностями; быть можетъ, она была бы цѣннѣе, еслибы содержала въ себѣ указанія на дальнѣйшую судьбу и современное положеніе парсовъ-огнепоклонниковъ.—Z.

Въ теченіе декабря мѣсяца, въ Редакцію были доставлены нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Анненская, А. Н.—Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Изд. 5-е. Спб. 903. Ц. 2 р.

Бансель, А.—Кооперативизмъ. Экономическіе очерки. М. 903. Ц. 60 к.

Бертенсонъ, В. А.—По югу Россіи. Сельско-хозяйственные очерки, наблюденія и замѣтки. Вып. IV. Од. 902. Ц. 60 к.

Бирюковичъ, В. В.—Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (по даннымъ на 1899, 900 и 901 гг.). Вып. V. Спб. 902. М. З. и Г. И. Департаментъ Земледѣлія.

Благовидовъ, Ѳ. В., проф.—Этюдъ изъ исторіи высшаго образованія въ Россіи за время царствованія императора Александра и Николая I. Каз. 902. Ц. 50 к.

Богородицкій, В. А.—Склоненіе въ аріо-европейскихъ языкахъ. Каз. 902. Ц. 80 к.

Бодлэръ, Шарль.—Маленькіе поэты въ прозѣ. Перев. и вступит. статья А. Александровскаго. М. 903. Ц. 80 к.

Брандесъ, Г.—Собраніе сочиненій. Съ датск., п. р. М. В. Лучицкой. Т. IX. Романтическая школа во Франціи. Кіевъ. 903. Ц. за 12 т.—5 руб.

Брандтъ, А. Ѳ.—Отъ матеріализма къ спиритуализму. Харьк. 902. Ц. 50 к.

Бутовскій, А. Д.—Новые методы въ воспитаніи. Съ англ. Спб. 902.

Веселовскій, Юрій.—Друзья и защитники животныхъ въ современной французской беллетристикѣ. Съ портретомъ Эм. Зола и избранными произведеніями Зола, Мирбо, Лоти, Рашильдъ, относящимися къ животнымъ—въ перев. М. В. Веселовской и Д. Царевской. М. 903. Ц. 75 к.

Волжскій.—Очерки о Чеховѣ: I. Конфликтъ идеала и дѣйствительности. II. Власть обыденщины. III. Равнодушные люди. IV. Безпокойные и нудные. V. Параллели. VI. Мужики. Спб. 903. Ц. 80 к.

Волкова, М., женщина-врачъ. Бесѣды о здоровьи женщины. Изд. 2-е. Спб., 902. Стр. 313. Ц. 2 р.

Гауптманъ, Г.—Собраніе сочиненій. Т. I и II. Перев. п. р. К. Бальмонта. М. 902. Ц. 1 р. 50 и 2 р.

Гейманъ, фонъ, Р. В.—Прогулка пѣшаго гусара. Повѣсти и разсказы автора „A cheval de Varsovie à Constantinople“. Спб. 903. Ц. 1 р. 35 к.

Герценштейнъ, М. Н.—Ипотечные Банки и ростъ большихъ городовъ въ Германіи. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Голиковъ, В. М.—Стихотворенія: „Ночныя Думы“. М. 903. Ц. 1 р.

Гольмъ, Клементина.—Какъ я провела свою юность. Приключенія подростка. Съ нѣм. М. 903.

Гафштеттеръ.—Поэзія вырожденія. Философскіе и психологическіе мотивы декадентства. Спб. 902.

Гранстремъ. Э.—Столѣтіе открытій въ біографіяхъ замѣчательныхъ мореплавателей и завоевателей XV—XVI в. Съ 70 рис. и картой путешествія. Спб. 903.

Гриммъ, братья.—Избранныя сказки. Перев. А. С. Фридеманъ. Съ иллюстрац. Спб. 903. Ц. 80 к.

Де-Фо, Даніель.—Радости и горести знаменитой Молль Флидерсъ. Написано въ 1683 г. Съ англ. П. Канчаловскій. М. 903. Ц. 1 р.

Джунковская, Е.—Средняя школа новаго типа въ западно-европейскихъ государствахъ. Съ 12 рис. Спб. 902. Ц. 75 к.

Доводчиковъ. К. К.—Развеселое пьяное житье. Тѣлу—вредъ, душѣ—пагуба. Книжка для народнаго чтенія. Съ рис. Романово-Борисогл. 902. Ц. 15 к.

Евреиновъ, П. А.—Стихотворенія. Од. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Зелинскій, В.—Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Ч. 2: 1864—1873. Изд. 2-е. М. 902.

К., Е.—Г. М. Герценштейнъ. Біограф. очеркъ, съ портретомъ. Спб. 902. (Медиц. журн. д-ра Окса, для помощниковъ—врачей).

Кеннингемъ, В.—Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. Средніе вѣка и новое время. Съ англ. П. Канчеловскій, п. р. А. А. Мануилова. М. 903. Ц. 1 р. 40 к.

Кнутъ-Гамсунъ.—Драма жизни. М. 903. Ц. 50 к.

Коншинъ, А. Н., перев. съ англ.—Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность, и ремесло. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Коробка, Н.—Очерки литературныхъ настроеній. I. Бальмонтъ. II. Апухтинъ. III. М. Горькій. IV. Мережковскій о Достоевскомъ и Толстомъ. Спб. 903.

Кругловъ, А. В.—Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Изд. 3-е. М. 903. Ц. 1 р.

Куно Фишеръ.—Исторія новой философіи. Т. VIII: Гегель, его жизнь, сочиненія и ученія. Съ нѣм. Н. О. Лосскій. Съ портретомъ Гегеля. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 с.

Кузнецовъ, В. К.—Кустарные промыслы крестьянъ Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи. Петрозаводскъ, 902. Ц. 1 р. 25 к.

Л., А. Ф.—Вѣра. Одна за многихъ. Изъ дневника молодой дѣвушки. Съ нѣм. М. 903. Ц. 50 к.

Лазаревъ, М.—Изъ записокъ фармацевта. Очерки аптечной жизни. Спб. 903. Ц. 75 к.

Лобановъ, Д. И.—Что такое любовь? Опытъ изученія половыхъ отношеній. Спб. 902. Ц. 1 р.

Лугаковскій, В. А.—Русскіе писатели въ польской литературѣ. Вып. I. Гоголь. Спб. 903. Ц. 40 к.

Луговой, А.—Швейцаръ. Спб. 903. Ц. 20 к.

——— За грозой—вёдро. Изъ жизни почтоваго тракта. Спб. 903. Ц. 25 к.

Малининъ, А. А.—Vera. Одна за многихъ. Изъ дневника молодой дѣвушки. Перев. съ XIII нѣм. изд. М. 902. Ц. 50 к.

Малининъ, В.—Прогрессивная эволюція сознательнаго начала природы, какъ основа міровоззрѣнія. Н.-Новг. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Мороховецъ, Левъ.—Исторія и соотношенія медицинскихъ знаній. Съ 527 рис. въ текстѣ и хромолитограф. таблицею. М. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Микуловъ, С. Р.—На зарѣ XVII вѣка. Историческій романъ. Изд. 2-е. Спб. 902. Ц. 1 р.

——— Бѣглецы, пов. Съ 14 рис. Спб. 903. Ц. 75 к.

Наживинъ, Ив.—Предъ разсвѣтомъ. М. 903. Ц. 1 р.

Некрасова, Е.—Жизнь студентки. М. 903. Ц. 40 к.

Никольскій, И. А., горн. инж.—Дорожный вопросъ въ Кіевской губерніи и Россіи. Кіевъ. 902. Ц. 50 к.

Никольскій, Н.—Ближайшія задачи изученія древне-русской письменности, Спб. 902. (Памятники древней письменности и искусства, вып. 247).

Никоновъ, С., и Е. *Якушкинъ*.—Гражданское право по рѣшеніямъ Крестобогородскаго волостного суда. Ярослав. губ. и уѣзда. Яросл. 902.

Ончуковъ, Н. Е.—Печорскія былины. Спб. 902.

П. А.—Изъ исторіи государства Аѳинскаго. Харьк. 903. Ц. 7 к.

Паліенко, Н. И.—Нормативный характеръ права и его отличительные признаки. Къ вопросу о позитивизмѣ въ правѣ. Яросл. 902.

Паркеръ, Э.—Китай, его исторія, политика и торговля. Съ англ. полковникъ Грудовъ. Съ 6 карт. Спб. 903. Ц. 3 р. 50 к.

Переферковичъ, Н.—Талмудъ.—Авотъ Рабби Наѳана, въ обѣихъ версіяхъ съ прибавленіемъ трактата Авотъ. Критическій переводъ. Спб. 903. Ц. 1 р.

Петровъ, А. А., шт.-капитанъ.—„Мечты". Елисаветгр. 902. Ц. 20 к.

Пиленко, Ал.—Привилегіи на изобрѣтенія. Практическое руководство, съ приложеніемъ текста закона 20 мая 1896 г., позднѣйшихъ дополненій, формъ дѣловыхъ бумагъ и краткихъ свѣдѣній объ иностранныхъ законахъ. 2-е изд., исправл. и дополн. Спб. 903. Ц. 85 к.

Поповъ, Серг.—Изъ царства праздности. Разсказы. М. 902. Ц. 1 р.

Пѣтуховъ, Е. В.—Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго: 1. Гоголь и Жуковскій. 2. В. А. Жуковскій въ Дерптѣ (1815—1817). 3. Приложенія. Юрьевъ. 903. Ц. 60 к.

Рагозинъ, Е. И.—Желѣзо и уголь на Уралѣ. Съ политипажами, вѣдомостями и схематической картой. Спб. 903. Ц. 3 р.

Ренанъ, Эрн.—Собраніе сочиненій. Съ франц. перев. п. р. В. Н. Михайлова. Т. VIII: Аверроэсъ и аверроизмъ. Кіевъ, 903. Ц. за 12 т.—5 р.

Реформатскій, Н.—Больница св. Николая Чудотворца для душевно-больныхъ, въ С.-Петербургѣ. Спб. 903.

Роденбахъ, Ж.—Выше жизни (Le Carillonneur). Романъ, въ перев. М. Веселовской. Съ вступительной статьей: „Брюгге въ творчествѣ Роденбаха", и съ 10 видами Брюгге (фототипіи работы К. А. Фишера). М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

——— Царство молчанія. Избранныя стихотворенія. Перев. С. Головачевскаго. М. 903. Ц. 1 р.

С., Н. Н.—Разсказы изъ исторіи грековъ. Для школьнаго и семейнаго чтенія. Съ 35 илл. Изд. 2-е. М. 902. Ц. 1 р.

Сенкевичъ, Г.—„Камо грядеши?" Романъ, въ сокращ. перев. О. Н. Поповой. Съ 12 рис. Спб. 903.

Соболевъ, М. Н.—Экономическое положеніе томскихъ студентовъ. Томскъ. 902. Ц. 30 к.

——— Организація и методы статистики труда. Томскъ. 903. Ц. 50 к.

Соколовъ, П.—Вѣра. Психологическій этюдъ. М. 902. Ц. 60 к.

Степовичъ, А.—Къ столѣтію рожденія славянскаго поэта Франца Ксаверія Прешерна. 1800—1849 г. Кіевъ. 902.

——— XII-ый Археологическій съѣздъ въ г. Харьковѣ. Кіевъ. 902.

Стоюнинъ, В. Я.—Педагогическія сочиненія. Съ портретомъ автора. 2-е изд. Спб. 903. Ц. 2 р. 75 к.

Стрижовъ, И. Н.—Образованіе коралловыхъ рифовъ и происхожденіе известняковъ. Т. I. Екатеринб. 903.

Сукачевъ, В. П.—Первое столѣтіе Иркутска. Въ память 250-лѣтія Иркутска. Спб. 902. Ц. 2 р.

Тардъ, Г.—Личность и толпа (L'opinion et la foule). Очерки по соціальной психологіи. Съ франц. Е. Предтеченскій. Спб. 903. Ц. 1 р.

Твэнъ, М.—Приключенія Тома. Съ англ. З. Журавская. Съ 94 рис. въ текстѣ. Спб. 902.

Тезяковъ, врачъ, К. И.—Рынки найма сельско-хозяйств. рабочихъ на югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи и врачебно-продовольственные пункты. Вып. 2. Спб. 902.

Толстой, гр. А. К.—Драматическая Трилогія: I. Смерть Іоанна Грознаго. II. Царь Ѳедоръ. III. Царь Борисъ. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Туганъ-Барановскій, М.—Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи. Съ приложеніемъ 10 портр. Спб. 903. Ц. 2 р.

Туркинъ, А. Г.—Уральскіе миніатюры. Разсказы и очерки. Екатеринб. 902. Ц. 80 к.

Тэзи, А. Л., перев. съ нѣм.—Вѣра. Одна за многихъ. Изъ дневника дѣвушки. Спб. 903. Ц. 50 к.

Федоровъ, А. М.—Стихотворенія. Спб. 903. Ц. 1 р.

Фино, Ж.—Философія долговѣчности. Съ 7-го франц. изд. перев. О. Лутинскаго. Спб. 903. Ц. 60 к.

Чарская, Л. А.—Проблемы любви. Разсказы о женскомъ сердцѣ. Спб. 903. Ц. 1 р.

Шапиръ, Ольга.—Другъ дѣтства. Повѣсть. Спб. 903. Ц. 1 р.

Шванебахъ, П. А.—Наше податное дѣло. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Щегловъ, Ив.—Наивные вопросы: Можно ли русскому одѣваться по-русски? Можно ли вѣрить докторамъ? Хорошо ли жить въ Петербургѣ? Нравится ли вамъ Москва? Знакомы ли вы съ Иваномъ Ивановичемъ? Любятъ ли нынѣшнія жены своихъ мужей? Уважаютъ ли у насъ искусство? Уважаютъ ли у насъ книгу? Уважаютъ ли у насъ литератора? Слѣдуетъ ли писателю жениться? Спб. 903. Ц. 1 р.

Эльснеръ-Каренскій, А. О.—„Желѣзный докторъ“. Романъ. Спб. 902. Ц. 1 р.

Энгельмейеръ, А.—По русскому и скандинавскому сѣверу. Путевыя воспоминанія. Въ 4-хъ частяхъ. М. 902. Ц. 1 р.

— Ausgewählte Dichtungen des Grossfürsten Konstantin von Russland. Verdeutscht von H. von Zur Mühlen. Berl. 902.

Dlers, Marie.—Karl Henning u. sein Haus. Roman. Berl. 902.

— Hundert Jahre der Esthländischen Credit-Casse. 1802—1902. Ревель. 902.

Poretsky, Platon.—Quelques Lois ultérieures de la Théorie des Egalités logiques. Казань. 902.

— Recueil de Récits historiques. I: L'histoire ancienne. Снабдилъ примѣч. и словаремъ Н. Д'Оръ. М. 903. Ц. 75 к.

— Всеобщее образованіе въ Россіи. Собраніе статей Блинова, Боголѣпова, Бунакова, Бычкова, Ольденбурга, Шингарева и А. А. Штевенъ. Вып. 1, п. р. кн. Дм. Шаховского. М. 902. Ц. 1 р.

— Годичное торжественное засѣданіе Юридическаго Общества при Имп. Харьковскомъ Университетѣ. 1902 г. Харьк. 902.

— Городскіе водопроводы въ С.-Петербургѣ. Краткій историческій очеркъ. Спб. 901.

— Изданія В. С. Спиридонова: 1) Страшный дядя, разск. А. В. Круглова. М. 902. Ц. 15 к. 2) Изъ жизни одной дѣвочки, разск. М. Юрьева: М. 902. Ц. 30 к. 3) Около хорошихъ людей, разск. его же. М. 902. Ц. 30 к. 4) Любовь и истина. Изъ стихотвор. А. Круглова. М. 902. Ц. 20 к.

— Мелкая земская единица. Сборникъ статей: К. К. Арсеньева, П. Г. Виноградова, І. В. Гессена, Г. Б. Іоллоса, М. М. Ковалевскаго, В. Д. Спасовича и др. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

— Народный домъ Кіевскаго Общества грамотности въ г. Кіевѣ. Кіевъ. 902. Ц. 20 к.

— Образовательная Библіотека. Серія V, № 2: 1) Проф. А. Л. Погодинъ, Религія Зороастра. 2) Проф. Джаксонъ, Жизнь Зороястра, перев. А. Погодина. Спб. 903. Ц. 60 к.

— Примѣрные планы школьныхъ зданій на 40—60 и 60—100 учениковъ (9-ть лист. рисунк.). Составлены соотвѣтственно обязательнымъ правиламъ для постройки школъ съ пособіемъ и ссудою губерн. земства. Изд. 2-е. М. 902. Ц. 75 к.

— Проблемы идеализма. Сборникъ статей, п. р. П. Новгородцева. М. 903. Ц. 3 р.

— Промышленность и Здоровье. Вѣстникъ профессіональной гигіены, фабричнаго и санитарнаго законодательства. Годъ I. П. р. А. В. Погожева. Спб. 902. Кн. 3-я. Въ годъ 9 книгъ—6 руб.

— Результаты урожая 1902 года въ крестьянскихъ хозяйствахъ Тверской губерніи. Тв. 902.

— Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поселянъ внутреннихъ губерній Россіи. По новому, 1902 года, изданію Положеній о сельскомъ состояніи и пр., съ разъясненіями по рѣшеніямъ Правит. Сената и циркулярамъ Министерствъ. Составилъ *Г. Г. Савичъ*. Спб. 903. Стр. XXI + 997. Ц. 4 р. 50 к.

— Свято Дѣло. Македонско списание. Годъ I. Ноембрий. Кн. 2. Редакторъ Ив. Димитровъ. 902.

— Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ за 1900 годъ. Составлено въ Статистическомъ Отдѣленіи Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Спб. 902.

— Статистическій Сборникъ С.-Петербургской губерніи (1901 годъ). Вып. I. Сельское хозяйство и крестьянскіе промыслы въ 1900—901 г. (1899 годъ). Вып. II. Начальное народное образованіе въ 1898—99 учебномъ году. Спб. 902.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Jakob Wassermann. Der Moloch. Стр. 500. Berlin, 1903 (S. Fischer. Verlag).

Яковъ Вассерманъ—молодой нѣмецкій романистъ, составившій себѣ большую извѣстность въ особенности своимъ романомъ „Die Geschichte der jungen Renate Fuchs", въ которомъ вопросъ о свободѣ личности, о борьбѣ противъ тиранніи общественныхъ условій и, въ частности, о правахъ женщины на свободу трактуется весьма оригинально; романъ имѣлъ успѣхъ главнымъ образомъ благодаря своимъ художественнымъ достоинствамъ, тонкой психологической разработкѣ характеровъ, поэтичности отдѣльныхъ сценъ, красочности описаній и драматизму въ изображеніи душевныхъ страданій героини. Новый романъ Вассермана, „Молохъ", связанъ съ предъидущимъ одинаково пессимистическимъ отношеніемъ къ современной дѣйствительности; въ „Молохѣ", какъ и въ „Ренатѣ Фуксъ", нравы буржуазной и свѣтской среды описаны въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Въ центрѣ романа стоитъ излюбленный въ нѣмецкой литературѣ типъ „Weltverbesserer"'а,—исправителя мірского зла, человѣка, который считаетъ своей священной миссіей искоренять неправду и несправедливость на землѣ. Такихъ типовъ много въ нѣмецкихъ общественныхъ романахъ; они ведутъ свое начало отъ классическаго маркиза Позы, принимая въ произведеніяхъ каждаго новаго поколѣнія новую окраску, соотвѣтствующую запросамъ и идеаламъ каждой данной эпохи. Герой Вассермана, какъ и восхищавшій когда-то и нѣмецкую, и русскую молодежь герой Шпильгагеновскаго романа „Одинъ въ полѣ не воинъ", вступаетъ въ жизнь съ дерзкимъ желаніемъ исправить всѣ несправедливости и защитить „униженныхъ и оскорбленныхъ". Какъ и Шпильгагеновскій Лео, онъ гибнетъ, ничего не измѣнивъ, но не потому, что „одинъ въ полѣ не воинъ", не потому, что его благородство—исключительное явленіе въ окружающей его средѣ, и что онъ не находитъ товарищей, воодушевленныхъ такими же благородными побужденіями, какъ онъ, а потому, что онъ самъ недостоинъ своей миссіи, что при первомъ соприкосновеніи съ жизнью онъ оказывается неспособнымъ на активный подвигъ воли. Въ этомъ—различіе между пониманіемъ одного и того же идейнаго типа двумя смѣняющимися поколѣніями. Прежде думали, что виновата среда, т.-е., что сила царящаго въ мірѣ зла парализуетъ одинокихъ идеальныхъ мечтателей;—теперь тоже продолжаютъ винить общее безразличіе къ добру и правдѣ, но не

выключаютъ мечтателей изъ общей психологіи, и показываютъ, что и они способны только на безплодныя терзанія и другихъ, и себя. Въ такомъ именно видѣ выставляетъ Вассерманъ своего героя, Арнольда Анзорге. Его стремленіе „водворить справедливость на землѣ“ вытекаетъ не изъ знанія людей и жизни, не изъ стремленія преподать новую истину, которая открыла бы имъ глаза на суету и мракъ ихъ существованія,—а просто изъ неопытности. Онъ не вѣритъ, что дѣйствительно люди равнодушны ко всему, что̀ не касается непосредственно ихъ собственныхъ интересовъ, и думаетъ, что сто̀итъ только разсказать про совершившееся зло, чтобы всѣ соединились въ общемъ стремленіи защитить пострадавшихъ. При ближайшемъ столкновеніи съ жизнью онъ убѣждается въ противоположномъ—и его душевный подъемъ сразу падаетъ. Идея романа заключается такимъ образомъ въ развѣнчиваніи обычнаго типа идеалистовъ, сильныхъ только своимъ незнаніемъ жизни и сходящихъ на нѣтъ при ближайшемъ знакомствѣ съ нею. Они становятся еще большими пессимистами, чѣмъ скептики, по своему мирящіеся съ жизнью, неистовствуютъ въ своемъ безплодномъ отчаяніи,—и если они честны относительно самихъ себя, то ищутъ единственнаго исхода въ самоубійствѣ. Не таковы должны быть истинные учителя жизни. Они должны приступить къ своей миссіи съ открытыми глазами, понимать дѣйствительность и найти въ себѣ нравственную силу для борьбы, для дѣятельной проповѣди добра.

Жизнь Арнольда Анзорге, героя „Молоха“, распадается на двѣ рѣзко разграниченныя половины: пока онъ ростетъ и душевно зрѣетъ въ деревнѣ, онъ твердо вѣритъ, что всякое зло основано только на недоразумѣніи, на ослѣпленіи людей, слишкомъ привыкшихъ къ нему, чтобы его видѣть. Онъ думаетъ, что сто̀итъ только раскрыть правду, чтобы она восторжествовала. Но когда онъ попадаетъ въ городъ именно съ этой цѣлью, онъ самъ попадаетъ въ пасть „Молоха“, т.-е. погибаетъ среди лжи, лицемѣрія и эгоизма культурной городской жизни. Въ этой идеализаціи деревни и ненависти къ городу чувствуется вліяніе Толстого на молодого нѣмецкаго романиста; вліяніе это сказывается и въ широко эпическомъ тонѣ первой половины, въ изображеніи благотворнаго вліянія жизни среди природы на пробуждающуюся душу, въ накопленіи подробностей, не столько характеризующихъ внѣшнюю жизнь выводимыхъ въ романѣ людей, какъ освѣщающихъ ихъ психологію.

Арнольдъ Анзорге выростаетъ въ своеобразной обстановкѣ. Отецъ его погибъ въ желѣзнодорожной катастрофѣ, и онъ самъ вмѣстѣ съ матерью уцѣлѣлъ какимъ-то чудомъ. Мать его, потрясенная горемъ, возненавидѣла культурную городскую жизнь съ ея безчисленными

опасностями и поселилась съ ребенкомъ въ своемъ тихомъ помѣстьѣ, въ полномъ уединеніи, воспитывая сына для постоянной жизни въ деревнѣ; она хочетъ, чтобы онъ сдѣлался сельскимъ хозяиномъ, управлялъ ихъ обширнымъ помѣстьемъ, и надѣется, что такимъ образомъ онъ сохранитъ здоровье духа и тѣла. Арнольдъ выростаетъ здоровымъ и сильнымъ юношей съ простыми желаніями и радостями, не знаетъ никакихъ сердечныхъ и душевныхъ осложненій, инстинктивно чуждается всякой неправды и не понимаетъ сложной психологіи въ другихъ. Когда ему въ первый разъ понравилась дѣвушка, служанка его матери, онъ просто и властно говоритъ ей о своемъ чувствѣ и добивается ея взаимности. Потомъ увлеченіе проходитъ, и онъ, не задумываясь, разрываетъ эту связь, такъ какъ всякая ложь въ отношеніяхъ органически чужда ему. Онъ любитъ сельскій трудъ, любитъ прогулки по лѣсу и полямъ и проводитъ долгіе часы въ одиночествѣ, лежа на травѣ, глядя на игру облаковъ и ощущая во всемъ своемъ существѣ безпредѣльную радость жизни, полноту силъ. Его мать счастлива—ей кажется что ея идеалъ осуществится, что сынъ проживетъ всю жизнь въ мирномъ общеніи съ природой, среди полезнаго и здороваго труда. Но мечтамъ ея не суждено осуществиться. Полнота силъ Арнольда требуетъ исхода, и окружающая жизнь вскорѣ пробуждаетъ его къ активной дѣятельности. Какъ ни уединенно живутъ мать съ сыномъ въ своемъ уютномъ домѣ, у нихъ есть сосѣди, и они входятъ также въ жизнь и интересы населенія ближайшей деревни. Арнольдъ начинаетъ знакомиться съ многими смущающими его явленіями. Нѣкоторыя изъ нихъ ему просто непонятны и скучны. Такъ у него завязываются дружескія отношенія съ школьнымъ учителемъ Шпехтомъ, который дѣлаетъ его повѣреннымъ своихъ сердечныхъ страданій. Онъ влюбленъ въ поселившуюся по близости красивую дѣвушку, Беату, сироту, принятую на воспитаніе оригиналомъ докторомъ Ганска и его сестрой. Беату считаютъ скромной, идеальной дѣвушкой, а на самомъ дѣлѣ она хитрая кокетка съ необузданными, чувственными инстинктами. Она кружитъ голову Шпехту, становится его возлюбленной, а потомъ обманываетъ его съ полюбившимся ей деревенскимъ рабочимъ, причемъ ни докторъ, ни его сестра не подозрѣваютъ ничего о ея приключеніяхъ. Арнольдъ, вмѣстѣ съ Шпехтомъ, наблюдаетъ за Беатой во время танцевъ на ярмаркѣ, и ему совершенно ясно, какова эта дѣвушка; онъ не понимаетъ, какъ Шпехтъ продолжаетъ любить ее, зная объ ея измѣнѣ, видя ея ложь, и всѣ психологическія разглагольствованія Шпехта ему просто скучны. Ему странно, что можно вообще придавать такъ много значенія любви, и онъ спасается отъ изліяній учителя, уходя въ лѣсъ, радуясь красотѣ и тишинѣ природы. Никакого состраданія къ любовнымъ мукамъ своего

пріятеля онъ не чувствуетъ, такъ какъ для него обманъ означаетъ смерть привязанности.

Исторія Беаты и Шпехта не нарушаетъ душевнаго покоя Арнольда, но вскорѣ случается болѣе крупное событіе, которое сразу захватываетъ его и мѣняетъ всю его жизнь. Онъ узнаетъ, что у знакомаго бѣднаго еврея Эласера, коробейника, украли дочь и спрятали въ монастырь, чтобы постричь въ монахини. Онъ знаетъ, что это сдѣлано противъ воли дѣвочки, что обезумѣвшіе отъ горя родители имѣютъ полное право требовать возвращенія дочери. Онъ сначала даже спокойно относится къ происшествію, волнующему всю деревню, потому что увѣренъ, что послѣ перваго требованія настоятельница вернетъ дѣвочку. Его только возмущаетъ пассивность отца, который сразу отчаявается въ спасеніи дочери. Арнольдъ его всячески ободряетъ и руководитъ его дѣйствіями, заставляетъ его обратиться къ властямъ за помощью въ поискахъ. Но дѣло осложняется— дѣвочка безслѣдно исчезла, ее перевозятъ изъ монастыря въ монастырь, стараясь протянуть время, такъ какъ ей вскорѣ должно исполниться четырнадцать лѣтъ, и тогда прекращаются права родителей на нее. Всѣ власти оффиціально на сторонѣ Эласера, но ничто не дѣлается, чтобы дѣйствительно вернуть ему дочь. Дѣло получаетъ широкую огласку, населеніе волнуется, образуются двѣ враждебныя партіи; большинство настроено противъ отца дѣвочки, и къ Арнольду, открыто и дѣятельно помогающему ему, относятся тоже враждебно. Происходятъ столкновенія, которыя усиливаютъ злобу Арнольда противъ людей и укрѣпляютъ въ немъ пламенное стремленіе бороться за справедливость. Дѣло Эласера становится центромъ его жизни, и онъ проявляетъ больше энергіи въ немъ, чѣмъ малодушный и привыкшій къ постояннымъ униженіямъ коробейникъ, который заранѣе увѣренъ, что ему не захотятъ вернуть дочь. По настоянію Арнольда онъ доводитъ дѣло до высшей инстанціи, добивается аудіенціи у императора (дѣло происходитъ въ Австріи), который обѣщаетъ ему свою помощь. Когда Арнольдъ узнаетъ о томъ, что Эласеръ былъ ласково принятъ императоромъ, онъ успокоивается, увѣренный, что справедливость восторжествуетъ и дочь будетъ возвращена родителямъ. Его возмущаетъ отношеніе окружающихъ къ дѣлу о пропажѣ дѣвушки, непонятное для него равнодушіе однихъ и пустыя фразы другихъ, какъ напр. Шпехта, который пользуется сенсаціоннымъ происшествіемъ для личныхъ цѣлей, пишетъ эффектныя статьи въ газетахъ по этому поводу и устроиваетъ такимъ образомъ свою журнальную карьеру, получаетъ приглашеніе въ большую столичную газету и переѣзжаетъ въ Вѣну. Для Арнольда всѣ личные интересы исчезаютъ передъ важностью волнующаго его дѣла: его мать больна, пріѣзжаетъ

изъ Вѣны ея братъ, адвокатъ Боромео, въ домѣ воцаряется тяжелая атмосфера надвигающагося несчастія, но Арнольдъ какъ будто ничего не замѣчаетъ, поглощенный мыслью объ Эласерѣ. Волненіе Арнольда достигаетъ высшаго предѣла, когда онъ узнаетъ, что, несмотря на обѣщанія императора, дѣло Эласера ничуть не подвинулось, такъ какъ, по заявленію судебныхъ властей, въ монастырскія стѣны нѣтъ доступа. Арнольдъ никакъ не можетъ примириться съ безнадежностью дѣла Эласера. Для него все зло жизни, вся человѣческая несправедливость воплотилась въ насиліи надъ ребенкомъ и его беззащитными родителями. Во время долгихъ одинокихъ блужданій по лѣсу Арнольдъ выясняетъ себѣ свой долгъ. Ему становится яснымъ, что онъ неправъ въ своей злобѣ на людей: они только слѣпы — нужно открыть имъ глаза, научить ихъ правдѣ, показать, что жизнь сильна только справедливостью, добиться ея торжества хотя бы въ одномъ дѣлѣ, и тогда все измѣнится, люди перестанутъ обманывать другъ друга и творить насиліе. Въ немъ пробуждаются, какъ ему кажется, безпредѣльныя силы, все его существо охвачено свѣтлой радостью. Ему кажется, что все вокругъ кричитъ ему: „спѣши“! Когда по пути домой онъ проходитъ черезъ деревню, видъ людей, которые прежде раздражали его своей тупостью и равнодушіемъ къ правдѣ, теперь, напротивъ того, усиливаетъ его радость. Нужно спѣшить сдѣлать ихъ всѣхъ зрячими. Дома онъ застаетъ катастрофу. Мать его умерла. Во все время долгой болѣзни она видѣла, что происходитъ въ душѣ сына, и одобряла его поведеніе, поддерживала его въ борьбѣ за Эласера. Ей было только тяжело видѣть его душевное страданіе, тяжело было также сознавать, что она доставляетъ ему горе своей болѣзнью, и что не можетъ отвратить отъ него печаль, которую причинитъ ему ея смерть. Но это страданіе какъ-то странно минуетъ его. Онъ преисполненъ высокой радости, сознавъ свой долгъ, понявъ, что нужно спѣшить выполнить его, и смотритъ съ улыбкой на мертвое лицо горячо любимой матери, читая въ немъ то же велѣніе, которое слышится ему во всемъ окружающемъ, то же слово „спѣши“, только сказанное болѣе таинственно, болѣе властно. Старая служанка и всѣ домашніе не понимаютъ, что случилось съ Арнольдомъ; радость на его лицѣ у постели умершей имъ кажется признакомъ безумія. Его понимаетъ только пріѣхавшій къ умирающей сестрѣ дядя Арнольда, Боромео: Арнольдъ открываетъ ему свои мысли и планы. Онъ спрашиваетъ у дяди, ставшаго послѣ смерти матери его опекуномъ, о суммѣ своего наслѣдства, узнаетъ, что ему осталось очень крупное состояніе, и заявляетъ, что намѣренъ употребить всѣ свои деньги и всѣ свои силы на исполненіе своей миссіи. Онъ хочетъ поѣхать въ Вѣну и добиться, чтобы Эласеру вернули его дочь. Боромео соглашается и приглашаетъ его жить въ Вѣнѣ у него въ домѣ. Послѣ похоронъ они оба уѣзжаютъ.

Въ Вѣнѣ для Арнольда начинается новая жизнь. Онъ попадаетъ въ пасть Молоха, и по мѣрѣ того, какъ онъ свыкается съ окружающей жизнью, падаютъ его силы, и блѣднѣетъ его радость. Онъ пріѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ посвятить себя всецѣло дѣлу Эласера, но его ошеломляетъ странный и шумный міръ, въ который онъ попадаетъ. Жена Боромео—молодая, очень красивая свѣтская женщина, ведущая шумную свѣтскую жизнь, и Арнольдъ въ первый же вечеръ по пріѣздѣ попадаетъ въ пеструю, легкомысленную и нарядную толпу гостей, которые смотрятъ на него какъ на страннаго, дикаго звѣря. Аннѣ Боромео кажется особенно интереснымъ ввести своего племянника въ изящное свѣтское общество, и она всячески покровительствуетъ чудаку, къ которому всѣ относятся съ любопытствомъ и съ какимъ-то имъ самимъ непонятнымъ уваженіемъ. Арнольдъ даже не понимаетъ, о чемъ говорятъ эти люди; они кажутся ему какими-то призраками изъ непонятнаго сна. Онъ упорно молчитъ въ отвѣтъ на ихъ вопросы и еще болѣе увеличиваетъ впечатлѣніе чудачества, которое произвело его появленіе на вечерѣ въ неуклюжемъ деревенскомъ платьѣ. Но онъ и не думаетъ о нихъ, уйдя изъ гостиной, весь отдавшись мыслямъ о своемъ дѣлѣ. Пройдясь по улицамъ, онъ возвращается къ себѣ въ комнату, ошеломленный городскимъ шумомъ, и задумывается о томъ, что̀ ему предстоитъ дѣлать. Къ нему въ комнату входитъ дядя, и то, что̀ онъ говоритъ племяннику — первая капля яда, отравляющаго Арнольда. Боромео объясняетъ Арнольду, что напрасно онъ сосредоточилъ всѣ свои мысли на дѣлѣ Эласера, что есть много другого зла на свѣтѣ, что вся жизнь соткана изъ несправедливости, указываетъ ему на безъисходныя страданія рабочихъ массъ, на нищету и горе въ низшихъ классахъ столичнаго населенія, на всяческія притѣсненія, которымъ подвергаются слабые въ общественной жизни, и т. д. Онъ говоритъ, что нужно подготовиться къ борьбѣ противъ всей этой суммы несправедливостей, что Арнольду нужны знанія, почерпнутыя изъ книгъ и знакомства съ жизнью, совѣтуетъ ему не чуждаться людей, окружающихъ его въ новой свѣтской обстановкѣ, а напротивъ того, войти въ ихъ интересы, принять ихъ привычки и обычаи, усердно занимаясь въ то же время науками, и такимъ образомъ подготовиться къ роли „исправителя мірского зла". Къ своему несчастію, Арнольдъ проникается истиной словъ дяди,—и въ этомъ его погибель. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ же заняться дѣломъ Эласера, онъ начинаетъ примѣняться къ новой обстановкѣ, и понемногу такъ захваченъ всѣмъ, что̀ видитъ, такъ пораженъ примѣрами лжи и несправедливости вокругъ себя, такъ полонъ желанія спасти всѣхъ отъ нравственной гибели, что главная причина его пріѣзда въ городъ постепенно и незамѣтно отходитъ на задній

планъ. Онъ по прежнему волнуется дѣломъ Эласера, получившимъ широкую огласку въ столицѣ, и каждый разъ, когда заходитъ рѣчь о немъ въ обществѣ, онъ убѣжденно отстаиваетъ интересы пострадавшихъ и склоняетъ на свою сторону людей, державшихся до того иного мнѣнія,—но самъ онъ ничего не предпринимаетъ, занятый подготовкой къ своей будущей дѣятельности. Отъ времени до времени онъ мучительно вспоминаетъ о несчастномъ старикѣ; пріѣхавъ на время къ себѣ на родину, онъ заходитъ къ Эласеру съ мучительной тоской, чувствуя себя безконечно виноватымъ, такъ какъ онъ упустилъ всѣ сроки, и дѣвушка, которой давно минуло 14 лѣтъ, окончательно потеряна для родителей, и къ тому же очень несчастна, судя по письмамъ, которыя ей удалось послать роднымъ изъ монастыря. Но, придя къ Эласеру, Арнольдъ застаетъ его и его жену въ ожесточенномъ спорѣ съ какимъ-то крестьяниномъ, который не хочетъ заплатить требуемой суммы за полотно. Арнольдъ уходитъ съ тяжелымъ чувствомъ: онъ наглядно видитъ, что не только справедливость не восторжествовала, но что отсутствіе ея ничего не измѣнило въ ходѣ жизни, что забитый разносчикъ примирился съ своей судьбой и попрежнему унижается и борется изо всѣхъ силъ, чтобы поддержать свое жалкое существованіе. Арнольдъ чувствуетъ главнымъ образомъ свою вину—онъ не внялъ голосу, кричавшему ему „спѣши“, и миссія его осталась неисполненною. Безплодны поэтому и всѣ его усилія внести свѣтъ въ жизнь окружающихъ его людей. Сначала онъ сознаетъ одну только обязанность: говорить всѣмъ правду и заставлять ихъ тѣмъ самымъ мѣнять свою жизнь. Но онъ дважды убѣждается въ невозможности дать счастіе людямъ этимъ путемъ. Бывая на пышныхъ пріемахъ у одной изъ своихъ знакомыхъ, самой легкомысленной и самой веселой изъ подругъ его тетки, онъ узнаетъ, что роскошь, царящая въ ея домѣ, дутая, что она и ея мужъ давно разорены и стараются только обмануть и другихъ, и себя внѣшнимъ блескомъ. Тогда онъ идетъ къ безразсудной молодой женщинѣ и объясняетъ ей, что онъ знаетъ правду, и что она должна измѣнить жизнь, отказаться отъ обмана. Она съ изумленіемъ и испугомъ глядитъ на неожиданнаго и непрошеннаго совѣтчика, ей нравится его непривычная въ свѣтскомъ кругу откровенность, она согласна сдѣлать Арнольда своимъ другомъ—но своей жизни она не мѣняетъ, такъ какъ ей дорога только минута наслажденія, и она не думаетъ о завтрашнемъ днѣ. Проповѣдь Арнольда на этотъ разъ только безплодна, но въ другомъ случаѣ она оказывается пагубной, разстроивающей жизнь двухъ людей. Арнольдъ узнаетъ, что его бывшій деревенскій сосѣдъ, докторъ Ганска, женился на Беатѣ, ничего не подозрѣвая о ея прошломъ. Для Арнольда ясно, что Беата обманываетъ мужа, и

онъ еще болѣе убѣждается въ этомъ, увидавъ нечаянно Беату съ Шпехтомъ, ѣдущими въ каретѣ со спущенными занавѣсками. Когда Ганска приглашаетъ Арнольда къ себѣ къ обѣду, Арнольдъ идетъ къ нему, хотя ему собственно не хочется бывать въ его домѣ, и, оставшись съ нимъ наединѣ, просто и твердо открываетъ ему правду. Ганска хотя и благодаритъ его, но едва ли дѣйствительно признателенъ за эту откровенность. Но дѣло сдѣлано; Ганска расходится съ женой, она окончательно падаетъ, онъ же одинокъ и несчастенъ на всю жизнь. Арнольдъ начинаетъ сомнѣваться въ спасительности правды, и все болѣе и болѣе теряетъ почву подъ ногами. Онъ много работаетъ, изучаетъ юриспруденцію, думая, что знаніе законовъ поможетъ ему бороться съ несправедливостью, тратитъ свое огромное состояніе на помощь людямъ, которыхъ считаетъ способными къ плодотворной дѣятельности, но самъ, въ сущности, никакого настоящаго дѣла не въ состояніи исполнить. Кромѣ того, онъ заражается любовью къ роскоши; его изощренный художественный вкусъ побуждаетъ его заботиться о красотѣ во внѣшней жизни,—онъ устроиваетъ себѣ великолѣпную обстановку, тратитъ огромныя суммы на пріобрѣтеніе статуй, картинъ и устроиваетъ роскошные пріемы. Миссія его все болѣе отступаетъ на задній планъ, хотя онъ самъ этого не сознаетъ и все еще вѣритъ въ свои силы, все еще презираетъ малодушіе другихъ, думая, что стремленіемъ къ правдѣ внесетъ счастье въ жизнь людей. Пробнымъ камнемъ служитъ для него его первая настоящая любовь. Онъ влюбляется въ странную русскую дѣвушку, студентку медицины, гордую и независимую, и отдается этой любви со всей необузданностью своей натуры. Верена—такъ зовутъ дѣвушку—тоже его любитъ, но она не думаетъ, что весь смыслъ жизни можетъ сосредоточиться въ любви. Она испытала много тяжелаго въ прошломъ и ищетъ спасенія въ трудѣ, готовится къ дѣятельной жизни на пользу людямъ. Пылкость чувствъ Арнольда пугаетъ ее; она чувствуетъ его безпочвенность, чувствуетъ, что вліяніе его можетъ стать пагубнымъ для нея, сломить ея душевныя силы, такъ какъ онъ совершенно не понимаетъ ея стремленій и хочетъ только подчинить ее своей властной страсти. Она ему отдается почти противъ воли, такъ какъ ей дороже была дружба съ нимъ, чѣмъ оскорбляющая ее физическая страсть Арнольда. Когда же онъ становится все болѣе и болѣе властнымъ и необузданнымъ въ проявленіи своихъ правъ на нее, въ ней возстаетъ самобытная, не подчиняющаяся чужой волѣ натура; она уходитъ отъ него, безслѣдно исчезаетъ изъ Вѣны, объяснивъ ему въ письмѣ, что вліяніе его было пагубно, что онъ парализуетъ ея душевныя силы. Для Арнольда исчезновеніе любимой дѣвушки—полная катастрофа. Онъ вдругъ понялъ свою собственную

расшатанность, свою неспособность дать счастье людямъ: даже дѣвушка, которую онъ любилъ всей душой, должна была искать спасенія въ бѣгствѣ. Онъ теряетъ вѣру въ себя, ищетъ не дѣла, а развлеченій, сливается съ жизнью свѣтскаго общества — и уже боится говорить правду. Когда ему кажется, что его тетка измѣняетъ мужу, онъ не открываетъ ему истины. Напротивъ того, онъ самъ настолько заражается окружающей его ложью и распущенностью, что поддается соблазнамъ, которые въ прежнее время не могли бы коснуться его. Его увлекаетъ Анна Боромео, и онъ ничего не дѣлаетъ, чтобы бороться противъ охватившей его страсти. Это—послѣдняя катастрофа. Боромео узнаетъ о связи жены съ Арнольдомъ, застаетъ ихъ вмѣстѣ, неожиданно вернувшись домой, и это наноситъ послѣдній ударъ его расшатаннымъ еще до того нервамъ. Анна уговариваетъ его уѣхать въ деревню, не скрывая своей любви къ Арнольду. Боромео на все согласенъ; онъ поселяется въ домѣ Арнольда въ деревнѣ, но положеніе его ухудшается, и его увозятъ въ больницу для душевно-больныхъ. Страсть Арнольда къ Аннѣ сразу охладѣваетъ, когда онъ видитъ свершенное имъ зло. Убѣдившись окончательно въ томъ, что подвигъ его обратился противъ него же, онъ рѣшается навсегда вернуться въ деревню. Пріѣхавъ домой, узнавъ, что за нѣсколько часовъ до его пріѣзда врачи увезли Боромео, онъ впадаетъ въ полное отчаяніе и бродитъ цѣлые дни по лѣсамъ, обдумывая все случившееся. Онъ издали видитъ Эласера, напоминающаго ему его главный грѣхъ, думаетъ о загубленныхъ имъ людяхъ, о русской дѣвушкѣ, о несчастномъ Ганска, о сошедшемъ съ ума Боромео и рѣшаетъ искупить свою вину безпощаднымъ судомъ надъ собою. Эта мысль опять на время наполняетъ его радостью; онъ твердо готовится къ смерти, пишетъ завѣщаніе, въ которомъ передаетъ все свое состояніе единственному энергичному человѣку, котораго онъ зналъ въ жизни—молодому человѣку, котораго Верена рекомендовала ему въ качествѣ учителя,—покупаетъ револьверъ, отправляется въ лѣсъ и спокойно застрѣливается.

Такъ заканчивается подвигъ Weltverbesserer'а, котораго поглотила пасть Молоха—городская жизнь, построенная на лжи и на лихорадочной погонѣ за минутными наслажденіями. Идея романа очень ясно выражена; образъ Арнольда драматиченъ, хотя его психологія нѣсколько дѣланная, и въ его жаждѣ „исправить зло міра“ есть много романтичнаго. Омутъ городской жизни описанъ яркими красками, фигуры отдѣльныхъ лицъ очень живы, и въ общемъ романъ читается съ большимъ интересомъ.—З. В.



ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1903.

Чествованіе памяти Некрасова.—Своеобразный взглядъ на свободу печати.—Замѣчательныя слова, сохраняющія свое значеніе по прошествіи почти полувѣка.—Преемственность идеализма въ русскихъ университетахъ.—Столѣтіе юрьевскаго (дерптскаго) университета.—Школьный вопросъ въ разныхъ концахъ Россіи.—По поводу проекта Городового Положенія для г. Петербурга.

Въ концѣ минувшаго мѣсяца исполнилось двадцать-пять лѣтъ со времени смерти Некрасова. Громадное число экземпляровъ, въ которомъ продолжаютъ расходиться его сочиненія, литературныя собранія въ его память, посѣщаемыя многочисленною публикою, сочувственныя статьи въ газетахъ и журналахъ, торжественное чествованіе юбилейнаго дня въ Ярославлѣ, на родинѣ писателя—все это ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что Некрасовъ не забытъ, что онъ по прежнему—или еще больше прежняго—дорогъ и близокъ русскому обществу. Его слава побѣдоносно выдержала пробу времени. Сошли или сходятъ со сцены поколѣнія, для которыхъ и среди которыхъ онъ писалъ; появились новыя, выросшія при другихъ условіяхъ; значительно расширился кругъ читающей публики, измѣнился во многомъ складъ общественной мысли—а звѣзда Некрасова не только не закатилась, но поднимается все выше и выше. Его права на выдающееся мѣсто среди русскихъ поэтовъ оспариваются теперь меньше, чѣмъ при его жизни, меньше, чѣмъ въ первые годы послѣ его смерти. Умолкла партійная и личная вражда, мѣшавшая справедливой его оцѣнкѣ; исчезло изъ памяти все то, что было въ его поэзіи легковѣснаго, случайнаго, вызваннаго мимолетною „злобою дня"; осталось только отмѣченное печатью великаго, своеобразнаго таланта. И это наслѣдство не только высоко по своему внутреннему достоинству: оно далеко не бѣдно и по объему, далеко не однообразно по содержанію. Къ лучшимъ произведеніямъ Некрасова принадлежатъ не только тѣ, гдѣ онъ является пѣвцомъ народнаго горя, народныхъ мукъ; неувядаемою красотою блещетъ многое, внушенное ему любовью къ матери, къ его подругѣ въ трудныя минуты жизни („Я посѣтилъ твое кладбище"), къ русской природѣ, къ русскимъ дѣтямъ, къ „доброй крестьянской душѣ". Источникомъ истиннаго вдохновенія часто служила для него и его личная жизнь: его порывы, сдержанные „привычкой и средой", его ошибки, оплаканныя кровавыми слезами, невознаградимыя потери,

понесенныя имъ на долгомъ и тернистомъ жизненномъ пути. Непревзойденной остается до сихъ поръ поэтическая характеристика Бѣлинскаго, данная Некрасовымъ въ „Медвѣжьей охотѣ“ и въ стихотвореніи: „Памяти пріятеля“. Ювеналовской силой дышитъ монологъ Пальцова о русскомъ общественномъ мнѣніи („Медвѣжья охота“)...

„Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной, мой угрюмый, неуклюжій стихъ“!

Это восклицаніе Некрасова, радостно подхваченное его врагами, повторялось безчисленное множество разъ, какъ собственное сознаніе, развѣнчивающее поэта въ глазахъ современниковъ и потомства. Отсутствіе свободы объяснялось тенденціозностью, заключившею Некрасова въ „спеціальный чуланчикъ узкой литературной котеріи“; „неуклюжесть“ стиха приписывалась „холодной работѣ, калѣчащей естественное теченіе рѣчи“. Теперь едва ли остается какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что тенденція, исходившая изъ глубокой идеи, проникнутая искреннимъ чувствомъ, была для Некрасова источникомъ не слабости, а силы. Въ его лучшихъ стихотвореніяхъ нѣтъ ничего „неуклюжаго“; художественная прелесть формы соотвѣтствуетъ въ нихъ законченности содержанія. Сколько отдѣльныхъ стиховъ Некрасова, сколько небольшихъ его пьесъ врѣзалось въ память, сдѣлалось общимъ достояніемъ, наравнѣ съ „крылатыми словами“, съ жемчужинами русской и всемірной поэзіи! Съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ онъ владѣетъ своимъ излюбленнымъ размѣромъ („Рыцарь на часъ“, „Морозъ красный носъ“); какъ важенъ и звученъ его пятистопный ямбъ („Умру я скоро“; „Замолкни, муза мести и печали“), какъ близко онъ подходитъ иногда къ складу народной рѣчи (въ „Дядюшкѣ Яковѣ“, въ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо“)! Съ этой стороны Некрасова изучали, быть можетъ, еще слишкомъ мало—а между тѣмъ, и она представляетъ чрезвычайно много интереснаго.

Если русская жизнь во многомъ быстро идетъ впередъ, если съ каждымъ годомъ расширяется, напримѣръ, кругъ читателей, способныхъ понимать и цѣнить Некрасова, то немало найдется вокругъ насъ и неподвижныхъ точекъ, сохранившихъ всѣ черты довольно уже отдаленнаго прошлаго. Отсюда живучесть даже такихъ стихотвореній Некрасова, которыя написаны „на случай“ и, повидимому, давно должны были бы потерять свое значеніе. И теперь можно повторить сказанное поэтомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ: „на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ—люди придумали много иныхъ“ („Свобода“). И теперь чувствуется что-то современное въ „Пѣсняхъ о свободномъ словѣ“, написанныхъ въ 1865-мъ году. Далеко не вполнѣ оправдалась надежда, выраженная наборщиками (въ стихотвореніи этого имени): „негаданно“ пришедшая свобода слова пришла не для всѣхъ и отчасти столь же

негаданно ушла. „Восторженныхъ“ и „веселыхъ“ рѣчей о просторѣ, предоставленномъ печати, теперь раздается мало; угадавшимъ будущее оказался тотъ „третій“, который, въ противоположность увлекающимся двумъ, „посмотрѣлъ лукаво и головою покачалъ“ („Литераторы“). Никто не скажетъ теперь, что „юное чадо прогресса“ („свободная пресса“) рвется, брыкается, бьетъ, какъ забѣжавшій изъ степи конь, незнакомый съ уздой“; — но сужденія и вожделѣнія въ родѣ высказываемыхъ „публикой“ (въ стихотвореніи этого имени) повторяются иногда и понынѣ. Точно вчера, наконецъ, написаны послѣднія двѣ „пѣсни о свободномъ словѣ“ („Осторожность“ и „Пропала книга“)...

Какъ ни знакомы намъ обычные пріемы реакціонныхъ газетъ, давно уже достигшихъ крайней степени безцеремонности въ обращеніи съ идеями и фактами, мы все-таки не могли прочесть безъ удивленія— не говоря уже о другихъ чувствахъ,—статью, посвященную „Московскими Вѣдомостями“ (№ 345) предстоящему двухсотлѣтію русской печати. Начинаясь съ догадокъ о томъ, чѣмъ былъ бы и что̀ сдѣлалъ бы Петръ Великій, еслибы жилъ нѣсколькими десятилѣтіями позже (и— прибавимъ отъ себя—смотрѣлъ на событія глазами „Московскихъ Вѣдомостей“), повторяя, затѣмъ, давно избитый панегирикъ Каткову, клевеща, мимоходомъ, на западно-европейскую печать („всюду свободную и всюду позорно-продажную“), статья заканчивается словами: „печать не есть ни абсолютное благо, ни абсолютное зло; она станетъ тѣмъ или другимъ, *смотря по тому, въ чьихъ рукахъ ее оставитъ правительство*“. Итакъ, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, недостаточно тѣхъ ограниченій, которымъ подлежитъ наша печать: нужна генеральная переборка ея о̀рггановъ, генеральная повѣрка ихъ направленій, результатомъ которой должно быть сохраненіе одной лишь небольшой группы изданій и полное, безвозвратное исчезновеніе всѣхъ остальныхъ! Понятно, что̀ означала бы для московской газеты—и для нѣсколькихъ другихъ періодическихъ изданій—гекатомба, рекомендуемая ею съ такимъ легкимъ сердцемъ... Кто вѣритъ въ правоту своего дѣла, тому дорога возможность открытой и прямой борьбы, борьбы равнымъ оружіемъ и при одинаковыхъ условіяхъ; онъ не можетъ домогаться искусственнаго устраненія противниковъ, не можетъ желать дешевой, безславной побѣды надъ связаннымъ или вовсе не существующимъ врагомъ.

Забудемъ, однако, отъ кого идетъ беззастѣнчивое предложеніе, и присмотримся поближе къ его мотивировкѣ. „Важно не то“—говорятъ намъ,—„чтобы въ благоустроенномъ государствѣ существовала одинаковая свобода печати какъ для честнаго человѣка, такъ и для мошен-

ника, а *важно то, чтобы честный человѣкъ могъ свободно выражать свои мнѣнія въ печати*". Съ подчеркнутыми нами словами можно было бы согласиться, еслибы понятіе о честности и честномъ человѣкѣ не возбуждало никакихъ разногласій и не подавало повода къ недоразумѣніямъ, вольнымъ и невольнымъ. Для насъ честность—въ примѣненіи къ мнѣніямъ, выражаемымъ въ печати,—равносильна убѣжденности, отсутствію низменныхъ побужденій; для нашихъ противниковъ, это—синонимъ писанія по излюбленному ими шаблону. Мы называемъ честнымъ писателя, служащаго не своимъ личнымъ интересамъ, а тому, что̀ онъ считаетъ истиной; по терминологіи нашихъ противниковъ, честенъ тотъ, кто дѣйствуетъ заодно съ ними. Съ нашей точки зрѣнія мошенничество въ области печати, какъ и во всякой другой, предполагаетъ сознательный и намѣренный обманъ, съ корыстною цѣлью; съ точки зрѣнія, которую Катковъ завѣщалъ своимъ эпигонамъ, „мошенниками печати" (они же—„разбойники пера") являются всѣ „несогласно мыслящіе", осмѣливающіеся думать вслухъ на страницахъ газеты или журнала...

„Свобода"—продолжаютъ „Московскія Вѣдомости"—„придаетъ печати исполинскую силу, а потому для государства не можетъ быть безразлично, принадлежитъ ли эта сила людямъ, желающимъ сохраненія и укрѣпленія государства, или людямъ, желающимъ его разрушенія". Здѣсь упущена изъ виду сущая бездѣлица: возможность различныхъ взглядовъ на сохраненіе и укрѣпленіе государства. Чтобы достигнуть цѣли, чтобы добиться монополіи для себя и для своихъ союзниковъ, московской газетѣ нужно провести мысль, что въ печати возможны только два лагеря—охранителей и разрушителей *государства*. Игнорируются всѣ другіе оттѣнки, всѣ *преобразовательныя* стремленія, безконечно разнообразныя и по характеру, и по степени интенсивности. Забывается тотъ безспорный фактъ, что *охраненіе*—не только охраненіе *государства*, но и охраненіе существующаго порядка—можетъ быть понимаемо весьма различно: сходясь въ конечномъ выводѣ, *охранители* могутъ расходиться въ выборѣ средствъ и способовъ дѣйствія. Никогда, далѣе, та сила, которая создается свободой печати, не достается всецѣло въ руки одного мнѣнія, одной группы: она раздробляется между различными теченіями и именно потому не можетъ быть и не бываетъ „*исполинской*". Вліяніе печати далеко не всегда, притомъ, прямо пропорціонально ея свободѣ: во Франціи, напримѣръ, оно было чрезвычайно велико во время реставраціи; въ Германіи—въ тридцатыхъ годахъ XIX-го вѣка; у насъ—въ началѣ эпохи великихъ реформъ.

Редакторъ русскаго органа печати, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", „долженъ быть неустрашимымъ ратоборцемъ за славу, единство и цѣлость Россіи, отстаивая ее противъ внѣшнихъ и вну-

тренних враговъ ея, кто бы они ни были—подкапывающіеся ли подъ нее анархисты, или явно ведущіе ее къ гибели либеральствующіе сановники". Но развѣ есть одинъ обязательный для всѣхъ взглядъ на то, что̀ составляетъ и должно составлять славу Россіи, что̀ обезпечиваетъ ея единство? Развѣ можно опредѣлить съ математическою точностью, кто долженъ быть признаваемъ внутреннимъ врагомъ Россіи? Развѣ можно считать доказаннымъ, что „либеральствующіе сановники" — если разумѣть подъ этимъ именемъ государственныхъ людей, вѣрящихъ въ необходимость преобразованій, — ведутъ Россію къ гибели? Что̀ принесли Россіи—вредъ или пользу—„либеральствующіе сановники" конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ?.. Печати, *оставленной* въ благонадежныхъ рукахъ, „Московскія Вѣдомости" противопоставляютъ печать, пользующуюся *полною*, т.-е. ничѣмъ не ограниченною свободою. И здѣсь онѣ не хотятъ видѣть средины, т.-е. свободы, основанной на законѣ и регулируемой отвѣтственностью передъ судомъ.

Представимъ себѣ, на минуту, что вожделѣнія „Московскихъ Вѣдомостей" удовлетворены вполнѣ: продолжаютъ выходить только газеты и журналы, настроенные на одинъ московскій камертонъ, приведенные къ одному знаменателю. Водворится, безъ сомнѣнія, тишина—но это будетъ тишина мертвая и вмѣстѣ съ тѣмъ обманчивая: мертвая—потому что прекратится столкновеніе мнѣній, отражающее въ себѣ жизнь и постепенно раскрывающее истину; обманчивая—потому что не перестанутъ существовать взгляды и чувства, не находящіе мѣста въ печати. Вяло и скучно будетъ повторяться сказанное много разъ, не встрѣчая возраженій, но именно потому не вызывая активной поддержки. Безспорнымъ будетъ казаться многое, на самомъ дѣлѣ давно отвергнутое большинствомъ. Различныя стороны дѣйствительности погрузятся въ глубокій мракъ, между тѣмъ какъ именно для нихъ былъ бы необходимъ лучъ свѣта. За внѣшнимъ, показнымъ благополучіемъ будетъ скрываться масса зла и неправды. Нѣчто подобное принесла съ собою для Россіи первая половина пятидесятыхъ годовъ, погрузившая государство словно въ глубокій сонъ—и всѣмъ извѣстно, каково было пробужденіе. Мы не думаемъ, чтобы этому періоду нашей исторіи суждено было повториться; но далеко не безвреднымъ было бы даже частичное возвращеніе къ нему. За пятьдесятъ лѣтъ въ привычкахъ и настроеніи русскаго общества произошла большая перемѣна — и, что̀ еще важнѣе, значительно уменьшилось разстояніе между обществомъ и народомъ. Безмѣрно выросла потребность *знать* правду; увеличилась способность, а вмѣстѣ съ нею и желаніе *судить* о фактахъ, видѣть ихъ съ разныхъ сторонъ, оцѣнять ихъ значеніе, предугадывать ихъ результаты. Если у насъ нѣтъ партій въ западно-европейскомъ смыслѣ слова, то

давно уже существуетъ группировка, въ основаніи которой лежитъ сходство мнѣній. Ей соотвѣтствуютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ. различные органы печати—но не печать создаетъ ее, и ее не можетъ разрушить исчезновеніе, даже массовое, газетъ и журналовъ.

Поразительный контрастъ съ проповѣдью вынужденнаго единомыслія представляютъ слѣдующія „забытыя слова", какъ нельзя болѣе кстати воспроизведенныя „С.-Петербургскими Вѣдомостями" (№ 338): „Неужели еще не пришла пора быть искреннимъ? Неужели еще мы не избавились отъ печальной необходимости лгать или безмолвствовать? Когда же, Боже мой! можно будетъ, согласно съ требованіемъ совѣсти, не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ оборотовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно—изолгались совсѣмъ. Было такое время, когда жизнь притаилась и смолкла, и въ пустынномъ мракѣ пировала и величалась оффиціальная ложь, одна—владыкою безмолвнаго простора! Но вѣдь это время прошло! Или мы еще не убѣдились, что постоянное лганье приводитъ общество къ безнравственности, къ безсилію и гибели? Или уроки исторіи пропали для насъ даромъ? Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношеніе къ себѣ?.. Все въ движеніи, все—въ броженіи, все тронулось съ мѣста, возится, копошится, просится жить! И слава Богу! Что можетъ быть выше, прекраснѣе, законнѣе этого требованія? Мы желаемъ и прогресса, и преобразованій; но мы хотимъ, чтобы сама жизнь пустила ростки, а для этого необходимо очищать и очищать ниву отъ сорныхъ травъ, густо на ней засѣвшихъ; необходимо давать ея росту просторъ, просторъ, какъ можно болѣе простора, вопрошать ея тайны, проникаться ея внутреннимъ смысломъ. Иначе, что бы вы ни дѣлали, всѣ ваши усилія останутся тщетными: вы можете изуродовать, исказить жизнь, но не добьетесь отъ нея здороваго плода". Не правда ли, многое въ этихъ строкахъ звучитъ точно отвѣтомъ на рѣчи современныхъ газетныхъ обскурантовъ? А между тѣмъ онѣ написаны Иваномъ Аксаковымъ и напечатаны въ газетѣ „Парусъ", основанной имъ въ 1859-мъ году и прекратившейся послѣ выхода второго нумера. Замогильный свидѣтель говоритъ громче живыхъ—и его слова звучатъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше можетъ быть заподозрѣно вызвавшее ихъ чувство. Въ вопросѣ о свободѣ печати Аксаковъ всегда оставался вѣренъ самому себѣ. Его статьи по этому вопросу (вошедшія въ составъ четвертаго тома полнаго собранія его сочиненій) остаются до сихъ поръ тѣмъ, что мы видѣли въ нихъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ [1]: главною

[1] См. Общественную Хронику въ № 1 „Вѣстника Европы" за 1887 г.

авторскою его заслугой—и лучшимъ „противоядіемъ по отношенію къ тѣмъ отравленнымъ и отравляющимъ софизмамъ московской газеты, которые выдаются за послѣднее слово политической мудрости".

Что дѣятели печати, теперь, какъ и во времена „Паруса", „Дня" и „Москвы", не принадлежатъ къ числу тѣхъ, „кому на Руси жить хорошо" — доказательствомъ этому могутъ служить некрологи Э. Г. Фалька, скоропостижно скончавшагося редактора-издателя „Сѣвернаго Края". Тревоги, сопряженныя съ изданіемъ провинціальной газеты („Сѣверный Край" выходитъ въ Ярославлѣ) — тревоги, обостряемыя, между прочимъ, „благосклоннымъ" наблюденіемъ извѣстныхъ органовъ печати,—усилили болѣзнь сердца, которою страдалъ покойный, и ускорили его безвременную смерть. Похороны его носили общественный характеръ; на его гробъ были возложены вѣнки отъ „земцевъ", отъ городского управленія, отъ ярославскаго просвѣтительнаго общества, отъ группы профессоровъ и студентовъ демидовскаго юридическаго лицея. Одинъ изъ ораторовъ, говорившихъ на кладбищѣ (В. М. Михеевъ), напомнилъ слова Г. З. Елисеева о скромныхъ могилахъ дѣятелей печати, во множествѣ разбросанныхъ по всей Россіи. Смерть Э. Г. Фалька къ прежнимъ могиламъ прибавляетъ еще одну, но вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляетъ надежду на развитіе общественной жизни. „Всякое важное дѣло" — сказалъ другой ораторъ (кн. Д. И. Шаховской) — „для своего прочнаго успѣха требуетъ жертвъ. Жизнь, въ этомъ отношеніи, бываетъ безжалостна, и цѣною человѣка приходится почти всегда оплачивать дѣйствительно важное дѣло. А дѣло, которое сдѣлалъ и на которомъ погибъ Э. Г. Фалькъ — дѣло важности особенной. Говоря это, я имѣю въ виду не только самое созданіе газеты; тѣ полторы тысячи листовъ, которые одинъ за другимъ въ теченіе четырехъ лѣтъ разошлись по обширному краю, —только внѣшнее выраженіе дѣла, смыслъ котораго гораздо глубже и выше. Своей газетой покойный пробуждалъ сознательныя силы родного края, объединялъ ихъ, давалъ имъ гласно проявиться въ борьбѣ за идеалъ. И это-то дѣло его не можетъ умереть: оно вѣчно, такъ какъ, разъ совершенное, оно уже ничѣмъ неискоренимо" [1]). Въ этихъ словахъ нѣтъ преувеличенія. Какъ ни скромно, по видимому, дѣло изданія мѣстной газеты, оно можетъ сослужить великую службу. Провинція жаждетъ воздуха и свѣта—и провинціальный органъ, хоть сколько-нибудь поднимающій завѣсу надъ ея жизнью, хоть сколько-нибудь служащій отголоскомъ ея желаній, имѣетъ право на ея благодарность.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 320) появилась недавно симпа-

[1]) См. корреспонденцію изъ Ярославля въ № 343 „Спб. Вѣдомостей".

тичная статья заслуженнаго профессора Романовича-Славатинскаго о двухъ рано умершихъ русскихъ ученыхъ, Н. И. Зиберѣ и А. Е. Назимовѣ. Озаглавленная: „Элегія въ прозѣ", эта статья какъ бы наводитъ на мысль, что нѣтъ теперь такихъ самоотверженныхъ, безкорыстныхъ, преданныхъ служителей науки, какіе являлись въ нашихъ университетахъ 30—40 лѣтъ тому назадъ. Съ такимъ пессимистическимъ взглядомъ дѣйствительность, однако, гармонируетъ не вполнѣ. Идеалистомъ чистѣйшей воды былъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ его знавшихъ, молодой профессоръ томскаго университета П. С. Климентовъ, скончавшійся совсѣмъ молодымъ только-что успѣвшій занять каѳедру. „Въ его личности"—читаемъ мы въ „Сибирской Жизни"— „счастливо сочеталась сила теоретической мысли съ широкими идеалами правды и справедливости. Раздѣляя основную точку зрѣнія соціальнаго экономизма, проф. Климентовъ вѣрилъ въ творческую силу и практическую мощь человѣческихъ идеаловъ и, рисуя передъ слушателями картины экономическаго развитія на почвѣ реальныхъ интересовъ разныхъ общественныхъ группъ, укрѣплялъ вѣру въ личность человѣка и двигающія ею идеи. На этой основѣ складывалось то научное міросозерцаніе ученаго, которое ставило его въ ряды піонеровъ новаго плодотворнаго направленія финансовой науки—направленія, разрабатывающаго финансовые институты въ связи съ условіями дѣйствительности... Нельзя помириться съ утратою этой молодой силы. Еще чувствительнѣе представляется намъ потеря, когда мы вспомнимъ объ обаятельности личности покойнаго, о его нравственной красотѣ и чистотѣ. Такіе люди проходятъ яркой звѣздой по темному небосклону обыденной жизни, оставляя неизгладимый слѣдъ во всѣхъ, кто съ ними сталкивался". Къ счастію для сибирскаго университета, больше чѣмъ какой-либо другой нуждающагося въ людяхъ того типа, къ которому принадлежалъ покойный Климентовъ, въ немъ и теперь есть профессора, способные не только поучать, но и воодушевлять слушателей. Таковъ, напримѣръ, М. А. Рейснеръ, замѣчательныя статьи котораго: „Мораль, право и религія по дѣйствующему русскому закону" печатались въ „Вѣстникѣ Права" за 1900-ый годъ. Возвратясь изъ заграничной командировки, онъ подѣлился съ студентами впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ знакомства съ западной Европой [1]). Основную причину ея культурнаго превосходства онъ видитъ въ сліяніи общества и государства, у насъ разъединенныхъ. На Западѣ обществу принадлежитъ активная роль; у насъ оно всецѣло обречено пассивному служенію. Въ общественной организаціи западно-европейскаго государства коренится удивительное развитіе правомѣр-

[1]) Рѣчь проф. Рейснера напечатана in extenso въ „Восточномъ Обозрѣніи" и въ № 323 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

ности и законности; раздѣленіе общества и государства способствуетъ, на оборотъ, развитію административнаго усмотрѣнія, а съ нимъ вмѣстѣ и административнаго произвола въ сферѣ подзаконнаго, по существу, управленія. Другое явленіе, поразившее г. Рейснера на Западѣ—это —свобода религіи, науки и искусства, благодаря которой создаются своеобразные центры культуры. „И этотъ порядокъ западно-европейской жизни"—замѣтилъ, въ заключеніе, профессоръ—„не есть нѣчто замкнутое и закостенѣлое. Въ его предѣлахъ совершается въ настоящее время общественный процессъ историческаго значенія", на которомъ „выясняется все достоинство западно-европейской общественной организаціи: она, благодаря своей гибкости и устойчивости, гарантируетъ общество отъ былыхъ ужасовъ насильственнаго переворота и обезпечиваетъ мирный ходъ соціальной реформы".

Въ минувшемъ декабрѣ мѣсяцѣ исполнилось сто лѣтъ со времени открытія дерптскаго (нынѣ юрьевскаго) университета. Значеніе его лежитъ не столько въ настоящемъ, сколько въ прошедшемъ. Было время, когда онъ, несмотря на господство въ немъ нѣмецкаго языка, игралъ немаловажную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Сюда, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XIX-го вѣка, посылались изъ другихъ русскихъ университетовъ, для довершенія своего образованія, молодые люди, изъ которыхъ многимъ было суждено пріобрѣсти громкое имя въ русской наукѣ: достаточно назвать Пирогова, Григоровича (слависта), Иноземцева, Крюкова, Рѣдкина. Въ періодъ времени съ 1802 по 1892 г. изъ дерптскаго университета вышло двѣсти-десять академиковъ и профессоровъ, въ томъ числѣ Струве, Овсянниковъ, Савичъ, Миддендорфъ, Энгельманъ, Эверсъ, историкъ М. С. Куторга [1]). Въ Дерптѣ меньше чувствовался гнетъ, которому подвергались, отъ времени до времени, всѣ другіе университеты; здѣсь доучивались тѣ, которымъ, по той или иной причинѣ, нельзя было окончить курсъ въ одномъ изъ чисто-русскихъ университетскихъ городовъ. Въ Дерптѣ нерѣдко начинали свою карьеру молодые профессора, впослѣдствіи пріобрѣтавшіе громкую извѣстность въ Германіи. По словамъ г. Дегена („Воспоминанія дерптскаго студента", „Міръ Божій", 1902, № 3), случайно попавшаго въ Дерптъ за нѣсколько лѣтъ до преобразованія университета, тамъ царила тогда „атмосфера чистой науки". Студентъ заключалъ съ университетомъ двухсторонній договоръ, въ которомъ, какъ равная сторона, бралъ на себя извѣстныя обязательства, но взамѣнъ получалъ извѣстныя права. Отношеніе профессоровъ къ слушателямъ носило тотъ особенный характеръ взаимнаго уваженія и симпатіи,

---

[1]) См. № 346 „Русскихъ Вѣдомостей".

который такъ привлекаетъ иностранцевъ въ германскіе университеты. Академическая свобода строжайше охранялась обѣими сторонами; никто изъ студентовъ не понуждался къ слушанію лекцій, и тѣмъ не менѣе лекціи всегда посѣщались, при чемъ профессоръ имѣлъ не безличную толпу слушателей, а вступалъ въ непосредственное общеніе съ каждымъ студентомъ. Въ Дерптѣ издавна существовали студенческія корпораціи, въ жизни которыхъ, регламентированной заносными, устарѣвшими правилами, несомнѣнно было много страннаго, но были и зачатки здороваго развитія. Въ то время, о которомъ говоритъ г. Дегенъ, рядомъ съ ними дѣйствовали, пользуясь большой свободой и принося большую пользу, разныя общества, какъ научныя, такъ и взаимопомощи. Была и русская студенческая организація, насчитывавшая до трехсотъ членовъ. Вся эта картина быстро измѣнилась, когда на Дерптъ, переименованный въ Юрьевъ, стали распространяться общерусскіе университетскіе порядки.

Главнымъ недостаткомъ до-реформеннаго дерптскаго университета слѣдуетъ признать, какъ намъ кажется, не то, что онъ существовалъ преимущественно для своей окраины, а то, что интересы одного ея элемента черезчуръ заслоняли собою интересы массы населенія. Это была ошибка, общая университету съ привилегированными классами остзейскаго края—ошибка, за которую онъ, вмѣстѣ съ ними, и долженъ былъ поплатиться. Исторія покажетъ, что̀ именно въ реформѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ было вызвано необходимостью, что̀ — крайностями націонализма. Что дѣло не обошлось безъ увлеченій, что образъ дѣйствій первыхъ насадителей новаго режима не оправдываетъ восторга, съ которымъ относятся къ нимъ нѣкоторые о̀рганы печати [1])— это видно уже изъ того, что въ юрьевскомъ университетѣ до сихъ поръ далеко не все обстоитъ благополучно: русскіе профессора все еще мѣняются въ немъ очень быстро. Едва ли основательна догадка, приписывающая это бѣгство тому, что въ Юрьевѣ создались „анормальныя условія для русской науки и русскихъ ученыхъ людей“ [2]). Ближе къ истинѣ, быть можетъ, было бы предположеніе, что не совсѣмъ нормальны въ Юрьевѣ условія для науки и для ученыхъ людей вообще.

Говоря, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ [3]), о проектируемомъ объединеніи—или, правильнѣе, сближеніи—различныхъ видовъ начальной школы, мы имѣли случай замѣтить, что активная роль въ

[1]) См. въ № 343 „Московскихъ Вѣдомостей“ статью: „Прошлое юрьевскаго университета“.

[2]) См. № 9618 „Новаго Времени“.

[3]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 10 „Вѣстн. Европы“ за 1902 г.

борьбѣ между школами земской и церковно-приходской принадлежала, обыкновенно, духовному вѣдомству. Необходимость соглашенія между вѣдомствами, если рядомъ съ школой одного изъ нихъ предполагается открыть школу другого, была признана еще въ 1884 г., при изданіи первыхъ правилъ о церковно-приходской школѣ; законъ 1-го апрѣля 1902-го года не вводитъ, въ этомъ отношеніи, ничего новаго. Нѣтъ, слѣдовательно, ручательства въ томъ, что не будутъ болѣе повторяться явленія, слишкомъ часто тормазившія правильное развитіе школьной сѣти. Для характеристики такихъ явленій послѣдняя сессія уѣздныхъ земскихъ собраній дала новые матеріалы. Борисоглѣбское (тамбовской губерніи) уѣздное земское собраніе ассигновало, пять лѣтъ тому назадъ, 1.000 рублей на открытіе школъ грамоты, т.-е. выразило готовность идти рука объ руку съ епархіальнымъ вѣдомствомъ. Въ другомъ направленіи, однако, дѣйствовало мѣстное духовенство. Въ селѣ Нижнемъ Чуевѣ, рядомъ съ многолюдной земской школой, помѣщающейся въ ветхомъ тѣсномъ зданіи, существуетъ церковно-приходская школа, располагающая обширнымъ, прекраснымъ помѣщеніемъ, но насчитывающая весьма небольшое, сравнительно, число учениковъ (отъ 18 до 30, тогда какъ въ земской школѣ ихъ до 70). И это не исключительный случай; въ Копылѣ, Власовкѣ, Александровскомъ, гдѣ потребность въ ученьи вполнѣ удовлетворялась земскими школами, открыты церковно-приходскія школы—и въ результатѣ какъ тѣ, такъ и другія на половину пусты, тогда какъ во многихъ селеніяхъ школъ нѣтъ вовсе. Иногда пустующею оказывается земская школа, но почему? Потому что—по отзыву инспектора народныхъ училищъ, съ которымъ согласилось земское собраніе,—законоучители (особенно тамъ, гдѣ законъ Божій въ обѣихъ школахъ преподаетъ не одно и то же лицо) *требуютъ* посѣщенія дѣтьми не земской, а церковно-приходской школы. Иногда къ требованію присоединяются и другія мѣры: въ селѣ Николаевкѣ, напримѣръ, настоятель мѣстной церкви ученикамъ земской школы не позволяетъ входить въ алтарь, а учениковъ церковно-приходской школы и въ алтарь пускаетъ, и въ стихарь облачаетъ, держась этой системы даже и послѣ того какъ она была осуждена епархіальнымъ начальствомъ. Неудивительно, что въ виду всѣхъ этихъ фактовъ земское собраніе, большинствомъ 27 голосовъ противъ 3, рѣшило прекратить выдачу пособія школамъ духовнаго вѣдомства [1]). Нѣчто подобное мы видимъ и въ мелитопольскомъ уѣздѣ (таврической губерніи). Въ селѣ Узкуяхъ, гдѣ жители, по выраженію мѣстнаго священника, „томятся умственнымъ гладомъ", не можетъ быть открыто земское училище, такъ какъ тамъ суще-

---

[1]) См. № 291 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

ствуютъ три церковно-приходскія школы и одна школа грамоты. Въ с. Тамбовкѣ приговоромъ сельскаго схода, состоявшимся въ присутствіи благочиннаго и настоятеля мѣстной церкви, опредѣлено обратить зданіе земскаго училища въ молитвенный домъ, что̀ должно повлечь за собою закрытіе училища и замѣну его церковно-приходской школой. Членамъ земской управы и завѣдующему дѣлопроизводствомъ ея по народному образованію не разрѣшено епархіальнымъ вѣдомствомъ посѣщать школы грамоты, вслѣдствіе чего земское собраніе, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного, отказало въ пособіи этимъ школамъ [1]).

Что̀ представляютъ собою, во многихъ случаяхъ, школы духовнаго вѣдомства, такъ настойчиво распространяемыя и оберегаемыя въ ущербъ школамъ министерскимъ и земскимъ—объ этомъ даетъ понятіе обстоятельный докладъ рузскаго уѣзднаго предводителя дворянства, кн. П. Д. Долгорукова, прочитанный въ рузскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи и изложенный in extenso въ № 344 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (въ безпристрастіи докладчика нельзя сомнѣваться уже потому, что онъ отмѣтилъ постепенное улучшеніе церковно-приходскихъ школъ и предложилъ не исключать ихъ изъ проектируемой земскимъ собраніемъ школьной сѣти). Помѣщенія школъ, въ большинствѣ случаевъ, по истинѣ ужасны: въ вишенскомъ училищѣ, напримѣръ, боковой дождь проникаетъ сквозь стѣны, земля сыплется съ потолка, ретираднаго мѣста нѣтъ вовсе; въ анцеринскомъ училищѣ сквозь ветхій полъ просачивается вода, въ которой во время экзамена прыгала лягушка; въ козловскомъ училищѣ такъ холодно, что ученики во кремя ученья сидятъ въ шубахъ. Не лучше и обстановка школъ: въ боргещовскомъ училищѣ, напримѣръ, парты такъ ветхи, что при письмѣ качаются во всѣ стороны. Обученіе имѣетъ бо̀льшею частью механическій характеръ; ученики читаютъ монотонно, плохо передаютъ прочитанное и совершенно не развиты. Учителя смѣняются очень часто и относятся къ своимъ занятіямъ формально, видя въ нихъ только переходную ступень къ духовному сану. Даже законъ

[1]) Школьное дѣло въ мелитопольскомъ уѣздѣ страдаетъ не только отъ нерасположенія духовенства къ земской школѣ: ему вредитъ также административное вмѣшательство. Изъ докладовъ мелитопольской уѣздной земской управы и постановленій земскаго собранія видно, напримѣръ, что въ с. Большой Бѣлозеркѣ школьныя зданія были выстроены не по утвержденному земствомъ плану, а по плану мѣстнаго земскаго начальника. По удостовѣренію какъ земской управы, такъ и уѣзднаго предводителя дворянства, они оказываются никуда негодными, вслѣдствіе чего не могло состояться и открытіе училищъ. Противодѣйствіе со стороны мѣстной власти начинанія земства въ Больше-Бѣлозерской волости встрѣчаютъ и въ области дорожнаго дѣла, о чемъ земское собраніе постановило довести до свѣдѣнія губернатора.

Божій преподается въ земскихъ школахъ осмысленнѣе, чѣмъ въ церковно-приходскихъ, гдѣ требуется заучиванье священной исторіи наизусть, по учебнику... Нѣтъ основаній предполагать, что въ рузскомъ уѣздѣ церковно-приходскія школы поставлены хуже, чѣмъ въ другихъ; гораздо вѣроятнѣе, что одинаковыя причины вездѣ приводятъ къ болѣе или менѣе одинаковымъ результатамъ. Если въ начальныхъ училищахъ духовнаго вѣдомства замѣтна, мѣстами, перемѣна къ лучшему, то главной ея причиной несомнѣнно слѣдуетъ признать существованіе, рядомъ съ церковно-приходской школой, школы земской, служащей примѣромъ и возбуждающей соревнованіе. Механическое объединеніе начальныхъ школъ, съ подчиненіемъ ихъ духовенству, было бы, поэтому, тяжкимъ ударомъ для дѣла начальнаго обученія.

Въ послѣднее время, въ газетахъ начали появляться сообщенія о содержаніи проекта будущаго петербургскаго Городового Положенія, разосланнаго уже по подлежащимъ вѣдомствамъ; если послѣднее вѣрно, то надобно думать—новый законъ не заставитъ себя долго ждать, и шестой годъ четырехлѣтія (1898 — 1903) будетъ, такимъ образомъ, вмѣстѣ и послѣдній. Возвращаясь мыслью къ началу истекающаго вскорѣ (20 февраля 1903 г.) тридцатилѣтія со времени введенія Городового Положенія 1870 г., мы не можемъ не замѣтить весьма существеннаго различія двухъ періодовъ: 1873—1892 г. и 1892 — 1902 г. Въ первомъ періодѣ въ основѣ городского общественнаго самоуправленія лежитъ, болѣе широкое въ своихъ основаніяхъ, первое Городовое Положеніе 1870 года; второе Городовое Положеніе 1892 года имѣло въ виду не исправленіе недочетовъ своего предшественника, не расширеніе компетенціи городского общественнаго управленія, вслѣдствіе увеличенія довѣрія къ его силамъ и опытности, — а потому оно явилось болѣе стѣснительнымъ; число гласныхъ было уменьшено, въ то время какъ число жителей значительно возросло; градоначальство уже не ограничивается тѣмъ, чтобы слѣдить за законностью дѣйствій думы,—оно уполномочено останавливать и законныя дѣйствія думы, если они, по его мнѣнію, несогласны съ „государственными“ интересами или не соотвѣтствуютъ, опять по его мнѣнію, пользамъ и нуждамъ города. Тѣ гласные, которымъ приходилось дѣйствовать при томъ и при другомъ „Городовомъ Положеніи“, отзываются о второмъ періодѣ, сравнительно съ его предшественникомъ, какъ о времени, когда начала обнаруживаться косность, наклонность городского общественнаго управленія къ паденію энергіи и сокращенію иниціативы. Причина того, конечно, лежитъ въ новомъ Городовомъ Положеніи 1892 г., и доказательствомъ справедливости

того служитъ уже то, что само правительство, повидимому, недовольно результатами этого Городового Положенія, а потому и рѣшилось, несмотря на чрезвычайную краткость его существованія (въ Пруссіи Городовое Положеніе остается неизмѣннымъ съ 1853 года), подвергнуть его пересмотру. По историческому ходу вещей слѣдовало бы ожидать, повидимому, возвращенія къ первому Городовому Положенію 1870 года, такъ какъ его 22-лѣтній періодъ дѣйствія былъ несравненно болѣе благотворенъ, а исправленіе Городового Положенія 1892 г., въ смыслѣ дальнѣйшаго ограниченія городского общественнаго самоуправленія, могло бы только привести къ необходимости, въ самомъ непродолжительномъ времени, опять взяться за пересмотръ новаго Городового Положенія 1903 года; столицѣ, все это время пришлось бы только завидовать своимъ коллегамъ по губерніи, Лугѣ, Ямбургу, Нарвѣ, Шлиссельбургу, которые пользовались бы относительно лучшимъ Городовымъ Положеніемъ 1892 года.

Конечно, простое возвращеніе къ Городовому Положенію 1870 года также нельзя было бы назвать желательнымъ; есть вопросы, которые съ успѣхомъ времени требуютъ уже теперь иного рѣшенія. Мы, съ своей стороны, находили бы особенно полезнымъ, прежде всего, значительное увеличеніе числа избирателей, въ большемъ соотвѣтствіи съ современнымъ населеніемъ столицы: если при 700 тысячахъ жителей, прежнее Городовое Положеніе находило тогда необходимымъ привлечь къ производству выборовъ свыше 20.000 избирателей, то теперь уменьшеніе этой цифры именно тогда, когда населеніе столицы увеличилось почти вдвое, мы затруднились бы оправдать. Затрудненія, какія могли бы при этомъ встрѣчаться и дѣйствительно встрѣчались прежде, могутъ совершенно устраниться замѣною баллотировки шарами опусканіемъ въ избирательную урну бюллетеней; опасеніе вторичныхъ, дополнительныхъ выборовъ будетъ напрасно при избраніи гласныхъ относительнымъ, а не абсолютнымъ большинствомъ.

Если возвращаться къ избирательнымъ порядкамъ 1870 года, а именно по разрядамъ, то желательно, конечно, полное возвращеніе, а не одностороннее: по Городовому Положенію 1870 года на разряды дѣлились только избиратели, но не избираемые въ гласные думы, а потому во всѣхъ разрядахъ избиратели имѣли право выставлять кандидатовъ безъ разрядовъ, такъ что избранные являлись представителями города, а не той или другой полицейской части города. Противоположный порядокъ поставитъ въ необходимость избирателя ставить имена малоизвѣстныхъ ему людей и отказывать въ своемъ голосѣ лицамъ хорошо ему извѣстнымъ, или совсѣмъ отказаться отъ участія въ выборахъ. Во всякомъ случаѣ, отъ подобной двойной системы нельзя

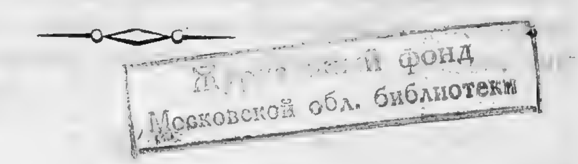
ожидать *качественнаго* улучшенія результатовъ выбора,—а вѣдь это одно собственно и желательно.

Другое, рѣшающее будущую судьбу петербургскаго городского общественнаго управленія дѣло относится къ вопросу о предсѣдательствѣ въ думѣ и въ управѣ. Казалось бы, собственно говоря, что тутъ никакъ не можетъ быть двухъ мнѣній, если вспомнить, что дума есть распорядительная власть, а управа — ей подчиненный исполнительный органъ; не можетъ предсѣдатель послѣдней быть и предсѣдателемъ думы, по причинамъ, не требующимъ никакого объясненія. Кромѣ городского и общественнаго управленія, нельзя даже и пріискать примѣра подобнаго порядка; въ акціонерныхъ компаніяхъ, и тамъ предсѣдатель исполнительнаго органа, правленія, обыкновенно не предсѣдательствуетъ въ общихъ собраніяхъ. Городъ Петербургъ есть девятая уѣздная земская единица; въ восьми остальныхъ уѣздахъ вездѣ мы видимъ вполнѣ правильный порядокъ: въ управѣ свой предсѣдатель, въ уѣздномъ земскомъ собраніи — свой; то же мы видимъ и въ губернскомъ земствѣ. Очень трудно угадать тѣ основанія, на которыхъ предположено и нынѣшній разъ отступить отъ правила, которое можно назвать всемірнымъ; но можно угадать причины, мѣшающія отказаться отъ порядка, неудобство котораго доказано 30-лѣтнимъ опытомъ петербургской городской думы. Эта причина, по нашему мнѣнію, заключается въ устарѣломъ названіи: „городской голова“ (въ земствѣ нѣтъ земскаго головы); еслибы не это названіе, то дѣло шло бы только о предсѣдателѣ въ управѣ и въ думѣ, и затрудненіе, гдѣ долженъ предсѣдательствовать городской голова, отпало бы само собою. Нигдѣ нельзя наблюдать съ бо́льшею очевидностью ненормальность нынѣшняго порядка вещей, какъ въ особомъ присутствіи по городскимъ дѣламъ, гдѣ предсѣдатель думы долженъ являться ея представителемъ, но тѣмъ не менѣе онъ не только не защищаетъ думы, но часто присоединяется къ ея противникамъ, если того требуетъ интересъ управы, гдѣ онъ также предсѣдатель. Можно даже положительно сказать, что городской голова въ особомъ присутствіи по городскимъ дѣламъ представляетъ прежде всего управу. То же самое происходитъ и при рѣшеніи дѣлъ въ думѣ, при разсмотрѣніи докладовъ управы. Однимъ словомъ, уничтоженіе ненормальнаго порядка въ предсѣдательствованіи въ думѣ и въ управѣ имѣло бы весьма выгодныя послѣдствія для успѣшности хода городскихъ дѣлъ и правильности ихъ рѣшенія. Намъ очень рѣдко приходится соглашаться съ газетою „Гражданинъ“,—тѣмъ болѣе слѣдуетъ отмѣтить такое обстоятельство, если оно случится. „Одинъ только вопросъ,— говорится „въ „Дневникѣ“ газеты („Гражд., 19 дек. 1902 г.)—сколько мнѣ кажется, въ проектѣ разрѣшенъ неудовлетворительно: это во-

просъ о городскомъ головѣ. Оказывается, что въ проектѣ сохраненъ старый грѣхъ: возможность городскому головѣ быть одновременно и предсѣдателемъ думы, и предсѣдателемъ городской управы, въ томъ случаѣ, если предсѣдателемъ думы не назначается Высочайшею властью отдѣльное лицо. Я затрудняюсь понять, почему составители проекта полагаютъ, что вступленіе городского головы въ предсѣдатели думы есть единственный выходъ въ томъ случаѣ, если не послѣдовало назначенія особаго предсѣдателя, ибо полагаю, что въ этомъ случаѣ гораздо было бы практичнѣе передъ началомъ засѣданія думѣ избрать своего предсѣдателя изъ наличнаго состава гласныхъ. Не Богъ вѣсть какой можетъ быть вредъ на случай, если этотъ избранный думою предсѣдатель окажется неподходящимъ; но зато несомнѣнно огромный вредъ интересамъ городского управленія принесетъ соединеніе въ одномъ лицѣ городского головы предсѣдательства управы съ предсѣдательствомъ въ думѣ, которой управа подчинена, не говоря уже о несуразности такого факта, какъ подчиненіе человѣка самому себѣ въ своей общественной дѣятельности".

Есть еще одинъ не менѣе существенный вопросъ въ дѣловой жизни города, это—исполнительныя коммиссіи; но мы о нихъ говорили не разъ: исполнительныя коммиссіи открываютъ возможность довѣреннымъ лицамъ, городскимъ гласнымъ, принести городу личный и вполнѣ свободный трудъ по самымъ важнымъ отраслямъ; быть можетъ, было бы необходимо отличать между ними тѣ, которыя работаютъ безвозмездно, и тѣ, которыя получаютъ какое бы то ни было вознагражденіе за свой трудъ. Первыя должны быть подчинены непосредственно думѣ; вторыя —управѣ; предсѣдатели тѣхъ и другихъ состоятъ членами управы, по дѣламъ своей коммиссіи. Такой порядокъ существуетъ въ прусскихъ городахъ, гдѣ, впрочемъ, безмездная работа обязательна для гласныхъ —или они платятъ высшіе налоги и лишаются на извѣстное время избирательныхъ правъ.

Если въ самомъ непродолжительномъ времени проектъ петербургской городской реформы превратится въ законъ, то ко дню 20 февраля 1903 года, когда исполнится 30-лѣтіе городского общественнаго управленія, городское общественное управленіе столицы можетъ быть преобразовано. Всего болѣе было бы желательно, чтобы новое Городовое положеніе Петербурга было счастливѣе своего предшественника и не потребовало бы черезъ десять лѣтъ новаго пересмотра, какъ то случилось нынѣ съ Положеніемъ 1892 года.



ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Общества вспоможенія учащимъ и учившимъ въ народныхъ училищахъ Спб. Учебнаго Округа, памяти М. Н. Капустина, бывшаго Попечителя Округа.

Среди нѣсколькихъ лицъ, обязанныхъ чувствомъ благодарности къ бывшему Попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, Профессору Михаилу Николаевичу Капустину, возникла мысль почтить память его какимъ-либо добрымъ дѣломъ, которое соотвѣтствовало бы взглядамъ и убѣжденіямъ покойнаго. По ближайшемъ обсужденіи вопроса, лица эти пришли къ заключенію, что организованіе помощи учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ, въ дѣлѣ воспитанія и образованія ихъ дѣтей, наиболѣе соотвѣтствовало бы означенной цѣли. Положеніе учителей и учительницъ народныхъ школъ всегда привлекало къ себѣ заботы Михаила Николаевича и, въ частности,—судьба ихъ дѣтей, которыя, не получивъ, по имущественной недостаточности родителей, законченнаго образованія, почти всегда лишены возможности обратиться и къ простому физическому труду, какъ источнику добыванія средствъ къ жизни. Совершенно естественно, что всякій учитель мечтаетъ видѣть въ своемъ сынѣ образованнаго человѣка и не допускаетъ мысли о превращеніи его въ сельскаго рабочаго, или фабричнаго, или въ домашнюю прислугу—лакея и кучера. Онъ, конечно, держитъ своего ребенка при себѣ, въ школѣ, обучаетъ въ предѣлахъ возможности и намѣревается отдать въ гимназію или реальное училище. Но приходитъ время, а средствъ не оказывается не только для того, чтобы устроить сына въ гимназію, но даже и для того, чтобы платить за него въ какую-нибудь низшую или среднюю сельско-хозяйственную школу... Оторванныя отъ сферы физическаго труда, и въ то же время не достаточно подготовленныя къ дѣятельности умственной, дѣти учителей народныхъ школъ обречены оставаться какими-то межеумками и несчастными неудачниками въ жизни. Такъ или приблизительно такъ разсуждалъ Михаилъ Николаевичъ. Осуществляя свое намѣреніе и желая придать организуемой помощи возможно прочное основаніе, почитатели Михаила Николаевича рѣшили образовать, съ указанными цѣлями, „Общество вспомоществованія памяти Михаила Николаевича Капустина“.

Уставъ сего Общество утвержденъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 11 января 1902 г.

Заявленія о вступленіи въ Общество, а равно членскіе взносы и пожертвованія принимаютъ: 1) Предсѣдатель: *Павелъ Корнильевичъ Покровскій*. Фонтанка, 6. 2) Казначей: *Георгій Михайловичъ Петровъ*. Французская набережная, 8.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

